

SOVREMENIK V. 76
no. 8 1859

UNIVERSITY OF ILLINOIS
AT CHICAGO
801 SO. MORGAN
CHICAGO, IL 60607

AP
50
569
V. 76
No: 8
1859
WARE

ВРЕМЕННОИЪ

1859

Vyřazeno z předchozí vydání
bibliotheky Musea nář. Českého.

№ VIII АВГУСТЪ

За распродажею всѣхъ экземпляровъ, подписка на «Современникъ» 1859 года прекращена. Деньги, поступающія въ контору вслѣдствіе продолжающихся требованій на «Современникъ» нынѣшняго года, будутъ, со времени изданія сего объявленія, возвращаемы по принадлежности или же зачтены за «Современникъ» 1860 года, смотря по желанію гг. подписавшихся, о чемъ контора и просить увѣдомленія.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФІИ КАРЛА ВУЛЬФА
(На Невскомъ, домъ Завѣтнова № 58)

- I. — ПАРИЗИНА. Поэма Байрона. Перев. А. А. ГРИГОРЬЕВА. 175
- II. — НЕОБЫКНОВЕННЫЙ СЛУЧАЙ. (Быль). И. В. СЕЛИВАНОВА. 199
- III. — ВЗГЛЯДЪ НА РУССКОЕ СУДОУСТРОЙСТВО И СУДОПРОИЗВОДСТВО. Окончаніе второй и послѣдней части. М. А. ФИЛИППОВА. 251
- IV. — ТЕМНИКЪ. Разсказъ провѣзжаго. А. Е. ПОГОССКАГО. . 203
- V. — ВОСПОМИНАНІЯ О ВОСПИТАНІИ въ горномъ кадетскомъ корпусѣ, 1815—1822. А. ИВАНОВА. 233
- VI. — ПОЗЕМЕЛЬНЫЙ КРЕДИТЪ и его современная организациа въ Европѣ. *Статья третья.* В. П. БЕЗОБРАЗОВА. 283
- VII. — ВИРГИНЦЫ. Романъ В. М. ТЭККЕРЕЯ. (Продолженіе.— Въ приложеніи).

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

- VIII. — ЛОНДОНСКІЯ ЗАМѢТКИ.—III.—Монуменальный Лондонъ. М. Л. МИХАЙЛОВА. 221
- IX. — РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА. — Объ историческомъ изученіи русскаго языка. (Опытъ исторической грамматики русскаго языка. Сост. Ф. Вуславимъ.) М. И. ДЕ-ПУЛЕ. 237
- X. — НОВЫЯ КНИГИ: Постановленія о литераторахъ, издателяхъ и типографіяхъ. (255). — Сватовство Ченскаго или матеріализмъ и идеализмъ. — О неизбѣжности идеализма въ матеріализмѣ, Ю. Савича. (Атеней, 1859 г. № 7). (262). — Лучи и тѣни. Сорокъ пять советовъ. Д. фонъ-Лизандера. — Стихотворенія В. Бажанова. — Стихотворенія Александрова. (275). — Разсказы и очерки. С. Вахноской. (287). — Объяснительный словарь иностранныхъ словъ, употребляемыхъ въ русскомъ языкѣ. Издавъ В. Н. Угловъ. — Объясненіе 1000 иностранныхъ словъ, употребляющихся въ русскомъ языкѣ. Составилъ и издавъ А. С. — Краткій Политико-Экономическій словарь. (294). — Краткое историческое обозрѣніе дѣйствій главнаго педагогическаго института, 1828—1859 г. 299
- XI. — ПЕТЕРБУРГСКАЯ ЖИЗНЬ. ЗАМѢТКИ НОВАГО ПОЭТА. (Современный умникъ, оптимистъ и джентльменъ. — Портретъ, составленный изъ нѣсколькихъ оригиналовъ. — Большой морской смотръ въ Кронштатѣ. — Шоссе отъ Петербурга до Сестербека. — Улучшенія въ технологическомъ институтѣ. — Слухи о преобразованіяхъ въ академіи художествъ. — Извѣстія

П А Р И З И Н А.

ПОЭМА БАЙРОНА.

(ПОСВЯЩАЕТСЯ Н. А. НЕКРАСОВУ).

I.

То часъ, когда изъ-за вѣтвей
Трель соловья дрожить звончѣй;
То часъ, — когда такъ звучно-тихъ
Влюбленный шопотъ устъ молодыхъ;
И тихій вѣтръ, и плескъ волны
Для слуха чуткаго полны
Какой-то музыки живой,
И каждый цвѣтъ блестить росой,
И въ небѣ звѣздъ сверкаетъ рой,
И синева воды темнѣй,
И гуще мракъ въ сѣни вѣтвей,
И дымкой сводъ небесъ одѣтъ.
То — полумракъ, то — полусвѣтъ....
То часъ, какъ подъ закатъ дневной,
Прозрачной мглою заревой
Все будто флѣромъ обвито:
То часъ, пока еще луной
Мерпанье сумерекъ не вовсе заито!

II.

Но не затѣмъ, чтобъ слушать водопадъ
 Прокралась Паризина изъ палатъ;
 Не съ тѣмъ, чтобы глядѣть на сводъ ночной
 Синьйора бродить въ тишинѣ нѣмой,
 И, въ княжеской бесѣдкѣ Эстовъ, — врядъ
 Она цвѣтовъ въ себя вдыхаетъ ароматъ.
 И жадно слушаетъ не соловья она,
 Хоть трепетнаго вся вниманія полна,
 Какъ будто сказкѣ слухомъ отдана....
 Вотъ шумъ шаговъ за чащею вѣтвей:
 Блѣднѣютъ щеки... сердца стукъ слышнѣй...
 Вотъ въ шелестѣ листовъ рѣчь ясно раздалась...
 Кровь снова прилила и грудь приподнялась!
 Еще минута... близокъ срокъ...
 Прошла — и онъ у милыхъ ногъ.

III.

И что для нихъ весь міръ кругомъ
 Съ его движеніемъ, ночью, днемъ?
 Вся жизнь и неба и земли
 Для нихъ ничто въ блаженный мигъ;
 И чужды, будто въ гробъ сошли,
 Они всему: вблизи, вдали
 Кругомъ... какъ будто кромѣ ихъ
 Нѣтъ на землѣ другихъ живыхъ.
 И дышать, и живутъ они
 Одинъ другимъ — за всѣхъ одни!
 Ихъ вздохи самые такимъ
 Полны блаженствомъ, что разбить
 Оно безуміемъ своимъ
 Въ груди могло бы сердце имъ,
 Когда бъ не краткій длилось мигъ.
 Опасность, страхъ, позоръ, вина....
 Ничто не возмущаетъ ихъ
 Тревожно-сладостнаго сна.

И кто жъ изъ насъ, кто страсти зналъ, —
Иль медлилъ, или трепеталъ
Въ подобный мигъ, иль думать могъ
О томъ, что кратокъ счастья срокъ?
Увы! и такъ оно пройдетъ
Скорѣй, чѣмъ мысль родится въ насъ
Что быстротеченъ счастья часъ,
Что свѣтлый сонъ ужъ не придетъ.

IV.

И медленъ и тоскливъ ихъ взглядъ:
Они спѣшатъ и не спѣшатъ
Преступныхъ радостей пріютъ
Покинуть. Тщетны клятвы ихъ
И обѣщанья встрѣчъ другихъ:
Грызетъ ихъ мука, словно тутъ,
Теперь — разлуки вѣчной мигъ!
Объятъ, вздохи безъ конца....
Хотятъ, какъ будто навсегда
Сковавшись, замереть уста....
Ея прекраснаго лица
Прозрачный очеркъ весь облить
Сіяньемъ неба заревымъ:
И небо — Паризина мнитъ —
Грѣха ихъ не отпустить имъ.
А съ неба строго такъ глядитъ
Судьею каждая звѣзда!
Объятъ, вздохи безъ конца
Ихъ приковали бѣ навсегда
Къ свиданья мѣсту.... но давно
Ждетъ Паризину сѣнь дворца....
Урочный часъ — и суждено
Разстаться имъ: въ груди съ тоской,
Съ боязнью мрачно-ледяной,
Со всѣмъ, что слѣдовать должно
За грѣшнымъ дѣломъ, за виной.

V.

Уходить Уго, чтобъ искать
На ложѣ одинокомъ сна,
И по чужой женѣ сгарать
Грѣховнымъ жаромъ; а она,
Главу преступную должна
Къ груди супруга приклонить....
Но сонъ ея — горячки сонъ,
Грѣховныхъ чувствъ исполненъ онъ:
Ихъ обличаетъ жаръ ланить.
Она въ забвеніи страстныхъ грезъ
Лепечетъ громко имя то,
Котораго бы ни за что
И шопотомъ не произнесъ
Ея языкъ при свѣтѣ дня.
Супруга жметъ къ груди она,
Полна мятежнаго огня....
А онъ, объятъ пробужденъ,
Блаженъ мечтою, — грезы сна,
И страстный вздохъ, и нѣги стонъ
Душой готовъ благословить
И слезы умиленія лить
О томъ, что и во снѣ жена
Ему такъ страстно предана.

VI.

Онъ къ сердцу спящую прижалъ
И ловить смутный шопотъ словъ,
И слышитъ.... Чтожъ затрепеталъ
Князь Адзо, будто услыхалъ
Архангела послѣдній зовъ?
И правъ онъ.... Приговоръ страшнѣй
Ему едва ли прозвучитъ
И надъ могилой, какъ изъ ней
Гласъ судіи ему велитъ
Возстать, чтобъ вѣкъ уже не спать

И передъ вѣчный тронъ предстать.
 Да, правъ онъ.... Миръ его земной
 Единымъ звукомъ весь разбить :
 Невнятный лепетъ рѣчи той —
 Ея вина и Адзо стыдъ !
 И чье же имя ?...

Раздалось

Оно въ ухахъ, какъ страшный стонъ
 Волны, которою разбить
 Челнокъ, и путникъ, на утесъ
 Зброшенный, вновь погружень
 Навѣки въ хлябь морскихъ валовъ
 И не воротится... Таковъ
 Ударъ, который нанесенъ
 Тѣмъ именемъ душъ его....
 И чье же имя ?

Про кого

Не могъ бы грезить даже онъ !
 То имя — Уго.... сына той....
 Любимой прежде.... Сынь родной,
 Плодъ страсти, плодъ мятежныхъ лѣтъ,
 Минувшаго живой упрекъ,
 Грѣхъ юныхъ дней, когда увлекъ
 Онъ сердце Бьянки и обѣтъ
 Безжалостно нарушить могъ,
 Обѣтъ, когда-то данный ей, —
 Довѣрчивой въ любви своей.

VII.

Кинжалъ извлекъ онъ изъ ноженъ,
 Но трепетно въ ножны опять
 Сталь хладная опущена....
 Ее убить не въ силахъ онъ !
 Пусть недостойна жить она,
 Но — такъ прекрасна!... И притомъ,
 Она съ улыбкой, тихимъ сномъ
 Забылась. Онъ не разбудилъ
 Ее.... а только устремилъ
 На спящую онъ взглядъ такой,

Что еслибъ, пробудясь отъ сна,
 Взглядъ этотъ встрѣтила она,
 Ее оледенилъ бы онъ
 На вѣчный, безпробудный сонъ.
 У князя по челу течетъ,
 Густыми каплями блестя
 При свѣтѣ лампы, холодный потъ....
 Она-жь — замолкла. Но хотя
 Теперь безпечно спитъ она,
 А жизнь ея изочтена !

VIII.

Завтра же — допросъ. Вины
 Клятвопреступницы-жены
 Улики хочетъ онъ собрать,
 И отъ придворныхъ слышитъ самъ
 Все, что страшился онъ узнать :
 Свой несомнѣнно-явный срамъ....
 Себя однѣхъ хотятъ спасти
 Ея сообщницы. Боязнъ
 Велитъ имъ все—вину, и казнъ,
 И стыдъ—лишь на нее слагать.
 Утаекъ нѣтъ. До мелочей
 Раскрыто все, чтобъ былъ вѣрный
 Разсказъ ; и больше ничего
 Душѣ измученной его
 И слуху не осталось ждать,
 И чувствовать, и узнавать....

IX.

Онъ не изъ тѣхъ, перенести
 Чтобъ могъ отсрочку мщенья.... Вотъ
 Въ совѣта залѣ, посреди
 Вельможъ, возсѣвъ на тронъ, зоветъ
 Чету преступную на судъ
 Владыка рода Эстовъ. Ихъ
 Обоихъ скованныхъ влекутъ.

Такъ оба юны; такъ изъ сихъ
 Виновныхъ дивно хороша
 Одна.... и какъ, Спаситель мой, —
 Какой судьбой,
 Въ цѣпяхъ и тяжело дыша,
 Передъ отцомъ здѣсь сынъ родной
 Стоитъ, какъ предъ судьей?
 Предъ властелиномъ Уго здѣсь;
 И гнѣвъ его извѣдать весь,
 И слышать приговоръ
 Изъ устъ отцовскихъ долженъ онъ....
 Но пусть защиты онъ лишень
 И пусть въ цѣпяхъ.... До этихъ поръ
 Его языкъ былъ нѣмъ, а взоръ
 Лишь тордый выражалъ укоръ.

X.

Тиха, безмолвна и блѣдна
 Передъ судомъ стоитъ она....
 Какъ взглядъ очей ея живыхъ,
 То говорливыхъ, то нѣмыхъ
 И нѣги полныхъ, вдругъ поблѣкъ!...
 Еще вчера, горя огнемъ,
 Своихъ лучей блестящій токъ
 Онъ разливалъ на все кругомъ.
 Еще вчера свое копье
 Готовъ былъ каждый за нее
 Изъ знатныхъ рыцарей сломать,
 Когда бъ лишь взоромъ повела....
 Еще вчера перенимать
 Ея улыбки, тонъ рѣчей
 Готова каждая была
 Красавица, чтобъ подражать
 Владычицѣ своей.
 Когда бъ въ очахъ ея печаль
 Туманной влагой разлилась,
 Навѣрно не одна бы сталь
 Для отомщенья извлеклась

Тому, кто взоръ ея въ тѣ дни
 Могъ омрачить хотя на мигъ.
 А нынѣ, кто она для нихъ,
 Кто нынѣ для нея они?
 Теперь — властна ль она велѣть?
 Возможно ль имъ на зовъ летѣть?
 И равнодушны, и молчать
 Они, и клонять долу взоръ,
 Сложивши руки, иль таятъ
 Вражду, презрѣнье и укоръ
 Въ движеніи губъ, въ усмѣшкѣ злой....
 О, Паризина! вотъ твой дворъ!
 А онъ, а тотъ.... избранникъ твой,
 Чей мечъ недавно ждалъ однихъ
 Полу-велѣній глазъ твоихъ....
 Онъ, кто, — свободенъ будь на мигъ, —
 Твою свободу бѣ искупилъ
 Иль въ битвѣ голову сложилъ?...
 Жены отца любовникъ, онъ, —
 Такъ, какъ и ты, обремененъ
 Цѣпями тяжкими, — не зрить,
 Какъ влага слезъ твой взоръ мутить, —
 Слезъ, проливаемыхъ тобой
 За жребій друга, не за свой....
 И вѣки нѣжные твои,
 По коимъ тонкіе ручьи —
 Извивы жилокъ разлились
 Всей темной синевою струй,
 Маня уста на поцалуй,
 Какъ будто налиты свинцомъ,
 Не осѣняютъ — давятъ взглядъ:
 Подъ ними слезы лишь кипятъ
 И накипающая — бьютъ ключемъ.

XI.

И онъ.... онъ плакалъ бы о ней,
 Безъ этихъ сотенъ глазъ людскихъ,
 Слѣдящихъ зорко ихъ двоихъ....

Но тутъ, передъ толпой людей,
Его печаль,—какъ ни была
Тяжка,—какъ будто замерла!
И сердца Уго тайныхъ мукъ
Не выдалъ ни единый звукъ....
Лишь на нее одну взглянуть
Бойся онъ, чтобъ не вздрогнуть.
Воспоминанья прожитыхъ
Мгновений.... преступленье ихъ....
Любовь ихъ.... правый гнѣвъ отца,
Проклятье всѣхъ людей честныхъ....
Казнь здѣсь — и въ небѣ судъ Творца....
Ея гибель и позоръ!...

На смертно-блѣдное чело
Подруги хоть единый взоръ
Какъ могъ бы нынѣ кинуть онъ?
За все имъ сдѣланное зло
Въ немъ грозно поднялся бъ укоръ
И вылился въ ужасный стонъ.

ХІІ.

И началъ князь:

«Еще вчера
Былъ гордъ я сыномъ и женой;
Сегодня, съ утренней зарей
Мой сонъ разсѣянъ. До утра,
До завтра не пройдетъ, — ни той
И ни другаго у меня
Не будетъ. Жизнь свою до дня
Кончины, буду я влачить
Одинъ.... Да будетъ, такъ и быть!
Здѣсь никого, — увѣренъ въ томъ, —
Нѣтъ, кто бъ иначе поступить
На мѣстѣ могъ моемъ.
Союзъ разорванъ.... и не мной....
Опять скажу я: такъ и быть!
Внемлите жъ судъ правдивый мой:
Тебя священникъ, Уго, ждетъ;—
Затѣмъ — за грѣхъ разсчесть.

Ступай, молися небесамъ!
 Быть можетъ, и прощаютъ тамъ;
 Но мѣста нѣтъ обоемъ намъ
 Здѣсь на земли,
 Гдѣ бъ вмѣстѣ двое мы могли
 Хотя единый часъ дышать....
 Прощай же.... Не увижу я,
 Какъ будешь умирать....
 Но ты, коварная змѣя,
 Ты будешь зрѣть — клянуся въ томъ —
 Его главу подъ топоромъ!
 Иди, развратная жена!
 Не я, но ты, лишь ты вина
 Убійства. Мучься жъ, а потомъ
 Живи, коль можешь пережить....
 Тебя я не хочу казнить!»

XIII.

И тутъ суровый князь закрылъ
 Лицо, затѣмъ, что вдоль чела
 Пошли слѣды столь рѣзкихъ жилъ,
 Какъ будто къ мозгу прилила
 Вся кровь. И онъ, угрюмъ и нѣмъ,
 Склонился на руки главой,
 Чтобы не выдать предъ толпой
 Своихъ мученій. Между тѣмъ,
 Окованныя приподнялъ
 Преступникъ руки — и просилъ
 Онъ слова краткаго. Молчалъ
 Князь Адзо, но не воспретилъ,—
 И Уго такъ заговорилъ:

«Смерть не страшить меня. Видалъ
 Не разъ ты, какъ летя на бой,
 Врывался вмѣстѣ я съ тобой,
 Въ ряды безчисленныхъ враговъ....
 И попрекнуть мечъ добрый мой,
 Который у меня отъять

Усердіемъ твоихъ рабовъ,
Нельзя въ бездѣйстви. Наврядъ
Сѣкиръ палача пролить
Такъ много крови, какъ моею
Рукой, на службѣ бывъ твоей,
Крови враговъ твоихъ пролить
Я успѣвалъ въ единый бой.

«Тобой дана—и пусть тобой
Возьмется нынѣ жизнь моя, —
Даръ, за который много я
Не въ силахъ благодарнымъ быть...
Я никогда не могъ забыть
Позора матери, стыда,
И смерти.... Помнилъ я всегда
И срамъ рожденья.... И однимъ
Наслѣдьемъ было то моимъ....
Давно она въ могилѣ спить....
Я, сынъ ея, соперникъ твой,
Твой сынъ, — туда же на покой
Сойду за ней; но обличить
Ея безрадостный конецъ,
Глава, на плахѣ нынѣ мной
Сложенная, — какъ нѣженъ былъ
Любовникъ, какъ любилъ отецъ!

«Пускай тебя я оскорбилъ,
Но — зло за зло.... Увы! она,
Твоя законная жена, —
Та жертва новая страстей
Твоихъ и гордости твоей, —
Ты помнишь, — мнѣ обручена
Была давно... Ты это зналъ!
Ея красы ты возжелалъ....
Своимъ же собственнымъ грѣхомъ,
Рожденья моего пятномъ
Меня унижилъ ты предъ ней,
Какъ недостойнаго назвать
Ее невѣстою своею....
Затѣмъ, что имя я не могъ

Носить твое и возсѣдать
 На тронѣ Эстовъ!... Но когда бѣ
 Еще прожить судилъ мнѣ Богъ,
 Блескъ славы Эстовъ былъ бы слабъ
 Предъ блескомъ тѣмъ, который самъ
 Стяжалъ бы я....

Я мечъ имѣлъ: душа моя
 Была способна къ небесамъ
 Вершину древа моего
 Поднять и Эстовъ родъ затмить
 Величьемъ царственнымъ его....
 Чтобъ шпоры рыцаря носить
 Достойно — знатымъ мало быть....
 Мои же шпоры въ смертный бой
 Предъ всей вельможною толпой
 Стремилъ моего коня,
 И мчалъ ретивый конь меня
 И громко неся по полямъ
 Мой кличъ: «Домъ Эстовъ — смерть врагамъ!»

«Я преступленіе не щу
 Оправдывать, и не хочу
 Пощаду вымолить себѣ,
 И не прошу, чтобы судьбѣ
 Самой оставилъ ты скосить
 Остатокъ, — бѣдный, можетъ быть, —
 Мнѣ предназначенныхъ годовъ.
 Да и зачѣмъ? Безумныхъ словъ
 Не повторить, не возвратить!
 Но пусть и низокъ родомъ я,
 Пускай позоръ на мнѣ лежитъ,
 Пусть родовая спесь твоя
 Меня признать сочла бѣ за стыдъ....
 Въ моихъ чертахъ легко узнать
 Отца черты — твою печать.
 И все твое въ душѣ моей:
 Твоя неукротимость въ ней,
 Твоя.... но чтожъ трепещешь ты
 Во мнѣ узнать свои черты?...
 Твои они — моя рука,

Которая, какъ сталь, крѣпка,
Моя душа — вся изъ огня....
Ты мнѣ не жизнь лишь подарилъ, —
Себя ты перелилъ въ меня!
Смотри жъ на плодъ грѣховный свой
И казнись тѣмъ, что породилъ
Ты сына, сходнаго съ тобой!...
Не выкидышь по духу я:
Душѣ подобная твоей,
Не терпитъ узъ душа моя.
А жизнь, а даръ мгновенный сей,
Который нынѣ ты судилъ
Отнять, — ты знаешь, — я цѣнилъ
Не больше, чѣмъ цѣнилъ ты самъ,
Когда бывало, свой шеломя
Надвинешь ты, и, конь съ конемъ,
По мертвымъ вражескимъ тѣламъ
Мы мчмся съ дерзостнымъ челомъ.

«И пусть чтò было — то прошло,
И пусть грядущее могло
Лишь прошлому подобно быть....
А все мнѣ жаль, что жизни нить
Судьба не порвала тогда!
Хоть матери моей стыда
Виновникъ, — ты; хотя всѣхъ золь
Причина — ты; хоть подъ вѣнецъ
Мою невѣсту ты повелъ, —
Я чувствую: ты мой отецъ!
И приговоръ суровый твой, —
Онъ правъ, хотъ изреченъ тобой.
Зачать въ грѣхѣ, позорно я
Умру на плахѣ: жизнь моя
Окончится, какъ началась....
Грѣшилъ отецъ — и сынъ грѣшилъ!
Во мнѣ одномъ обоихъ насъ
Ты нынѣ право осудилъ.
Мой грѣхъ въ глазахъ толпы людской
Тяжеле: Божій судъ — иной!»

XIV.

Окончилъ — и спокойно сталъ,
На грудь сложивши руки онъ ;
И какъ-то страшно прозвучалъ
Цѣпей тяжелыхъ рѣзкій звонъ.
И не было ни одного
Изъ окружавшихъ тронъ вождей,
До сердца бъ не проникъ чьего
Глухой и мрачный звонъ цѣпей....
На роковую красоту
Жены-преступницы, на ту
Причину казни и вины,
Вновь взоры всѣхъ устремлены!
Какъ приметъ — каждый знать желалъ —
Казнь совиновника она....
Она же, зла всего вина,
Межъ тѣмъ стояла, я сказалъ,
Тиха, безмолвна и блѣдна....
А взгляды ея недвиженъ былъ,
Но былъ открытъ. Ни разу онъ,
Казалось, не былъ обращенъ
На что нибудь — и не бродилъ
По сторонамъ; и вѣки глазъ
Ея прелестныхъ хоть бы разъ
Сомкнулись, — тѣнію своей
Хоть разъ прикрыли бъ блескъ очей!
Нѣтъ! обвивали, какъ кружки,
Своею страшной бѣлизной
Они лазурные зрачки.
Стеклянно-хладенъ, нѣмъ и дикъ
Былъ взглядъ ея передъ толпой.
Казалось, будто ледъ проникъ
Въ ея свернувшуюся кровь.
Слеза являлась лишь порой....
И, медленно скопившись, вновь
Изъ-подъ каймы рѣсницъ густыхъ
Катилась крупная слеза.
Лишь тотъ, кто видѣлъ, тотъ достигъ,

Что́ это было.... Слезъ такихъ
Людскіе на землѣ глаза,
Казалось всѣмъ, не могутъ лить.
Хотѣла что-то говорить
Она..... Глухой, неясный звукъ
Гортань сухая издала....
И въ звукѣ томъ слышна была
Вся тягость безконечныхъ мукъ.
Замолкъ онъ.... Что́-то ей опять
Хотѣлося потомъ сказать, —
И голосъ слышался, но онъ
Излился только въ долгій стонъ....
И пала на землю она,
Какъ тяжкій камень, какъ порой
Съ подножья мраморъ — ликъ живой.
Увы, не Адзо то жена,
Сей трупъ бездушный и нѣмой:
Надгробный памятникъ скорѣй,
Надгробный памятникъ надъ ней,
Надъ ней, кого, какъ жало, страсть
Язвила и къ грѣху влекла, —
Надъ ней, которая упасть
До преступленія могла
И посрамленья не снесла!...

А все жива еще она.

И къ тяжкимъ мукамъ бытія
Вновь слишкомъ скоро призвана
Отъ полусмерти забытья....
Но бѣдный разумъ.... Напряглись
Въ ней фибры чувствъ и порвались....
И въ помутившемся отъ мукъ
Мозгу все въ хаосъ слилось!
Какъ отъ дождя размокшій лукъ,
Который стрѣлы мечетъ вкось,
Безсвязно дикія, какъ сонъ,
Раждаютъ лишь можетъ мысли онъ.
Пустое, бѣлое пятно —
Для ней прошедшее; черно
Грядущее: едва видна
Стезя въ немъ, да и та темна,

Какъ путнику, что въ часъ ночной
 Тропинки вынужденъ искать,
 Чуть освѣщаемой грозой.
 Она боялась.... Понимать
 Могла, что ей на душу зло
 Теперь какое-то легло,
 Какъ камень, холодно, тяжело.
 Что былъ тутъ грѣхъ, и срамъ тутъ былъ,
 Что кто-то скоро тутъ умретъ....
 Но — кто?... забыла.... Приходилъ
 Вопросъ ей: чтò, она живетъ,
 Иль нѣтъ? Земля ли подъ стопой?
 Надъ нею небо ли?... Кругомъ
 То люди ль собрались толпой?
 Иль демоновъ проклятыхъ рой,
 Съ какимъ-то злобнымъ торжествомъ,
 Глядитъ на ту, которой взоръ
 Привыкъ досель встрѣчать кругомъ
 Сочувствіе, а не укоръ?
 И все подобно стало тмѣ
 Въ ея блуждающемъ умѣ.
 Боязнь, надежды — все слилось
 Въ непроницаемый хаосъ....
 То смѣхъ, то слезы — и равно
 Во всемъ безуміе одно!
 Въ тяжелый, судорожный сонъ
 Ея разумокъ погружень....
 Его на помощь тщетно звать,
 И пробужденія долго ждать!

XV.

Монастыря колокола
 Гудятъ, звонятъ,
 Сливаясь въ гулъ глухой;
 На старой башнѣ, прямой какъ стрѣла,
 Медленно, тяжело, впередъ и назадъ
 Качаясь, режутъ, какъ жалобный вой.
 Тоску на сердце наводятъ ихъ звонъ....

Но, чу! раздался и гимнъ похоронъ,
 Торжественно-мраченъ, уныль....
 Поминки по томъ, кто на свѣтѣ отжилъ
 Иль скоро отжить осужденъ....

За душу грѣшника летятъ
 Молитвы къ небесамъ....
 Колокола всѣмъ звѣномъ гудятъ,
 Курится ѳиміамъ....
 Для грѣшной души настаетъ
 Тяжелый мигъ конца....
 Чье сердце отъ жалости здѣсь не дрогнетъ?...
 Къ ногамъ монаха, святаго отца,
 Онъ на землю сырую колѣни склонилъ.
 И плаха предъ нимъ, и стража дворца
 Кругомъ обступила ее....
 И палачъ рукава засучилъ,
 Чтобъ вѣрнѣе ударъ его былъ,
 И смотреть: остро ль топора лезвіе....
 И пробуя, машетъ своимъ топоромъ....
 И безмолвной и тѣсной толпою народъ,
 Стекается видѣть, какъ сынъ умретъ,
 Роднымъ казнимый отцомъ.

XVI.

А вечеръ нѣгой напоенъ,
 Кругомъ все блещетъ и цвѣтетъ;
 И покидая небосклонъ,
 Какъ бы въ насмѣшку солнце льетъ
 Струи роскошнѣйшихъ лучей
 На этотъ мрачный день скорбей.
 Вечернимъ свѣтомъ облило
 Оно преступника чело,
 Въ тотъ мигъ, когда склоняся во прахъ
 Смиренно предъ отцемъ святымъ,
 Онъ въ сокрушеніи передъ нимъ
 Кончаетъ исповѣдь въ грѣхахъ;
 Лобзаетъ крестъ — святой символъ —

И отпущенія глаголь,
 Могущій душу, — сколь она
 Грѣхомъ ни будь осквернена, —
 Отъ смертныхъ пятенъ всѣхъ омыть
 И паче снѣга убѣлить,
 Глаголь прощенья, неба зовъ
 Благоговѣнно внять готовъ.
 Играетъ солнце въ этотъ мигъ
 Всѣмъ золотомъ лучей своихъ —
 И на главѣ, склоненной въ прахъ,
 И на каштановыхъ кудряхъ,
 На шею падающихъ; но
 Особенно блеститъ оно
 Зловѣще-яркой полосой
 На глади топора стальной....
 Ужасенъ смертнымъ смерти мигъ!
 И въ души зрителей проникъ
 Смертельный хладъ.... Пусть каждый зналъ,
 Что грѣхъ ужасный совершенъ,
 Что правъ карающій законъ, —
 Но всякъ невольно задрожалъ....

XVII.

Мольбы послѣднія скончалъ
 Преступный сынъ, жены отца
 Любовникъ дерзкій; досказалъ
 Грѣхи, какіе только зналъ,
 И пробилъ часъ его конца,
 И настаетъ послѣдній мигъ!
 Снимаютъ плащъ съ него долой.
 И прядь кудрей его густыхъ
 Палачъ презрѣнною рукой
 Уже схватилъ... Еще одна
 Минута — нала въ прахъ она!
 Въ гробъ не возьметъ онъ ничего:
 Ни тѣхъ убранствъ, въ какія онъ
 Былъ такъ роскошно облеченъ,
 Ни даже шарфа своего,

Что Паризиной подаренъ...
Съ него одежда сорвана...
Повязка взоръ закрыть должна...
Но нѣтъ! Его ли гордый взоръ
Подобный вынесетъ позоръ?
И чувства, что казались въ немъ
Затихшими, — проснулись вновь;
И закипѣла въ немъ вся кровь
Негодования огнемъ,
Когда глаза ему платкомъ
Палачъ собрался повязать; —
Какъ будто бѣ съ смертью незнакомъ
Онъ былъ, и прямо ей взиравъ
Въ лицо издавна не привыкъ!...
«Нѣтъ! пусть цѣпями связанъ я,
Пусть вамъ и жизнь и кровь моя
Обречены, — послѣдній мигъ
Съ открытымъ взоромъ встрѣчу я.
Рази!» И лишь проговорилъ, —
На плаху самъ главу склонилъ...
И были Уго то слова
Послѣднія: «Рази!»... Взмахнулъ
Палачъ рукой, топоръ сверкнулъ —
И покатилась голова.
И рухнувъ, трупъ кровавый палъ
На землю тяжело; побѣжалъ
Изъ туловища крови токъ
И напоилъ, какъ дождь, песокъ...
Мигнули судорожно разъ
И два — но быстро — вѣки глазъ;
На мигъ раскрылися уста
И затворились навсегда...
Онъ умеръ такъ, какъ умирать
Всѣмъ грѣшнымъ надо пожелать:
Безъ шума и безъ хвастовства!
Онъ покаянныя слова
Читалъ смиренно; врачевства
Духовнаго не отвергалъ,
Не впалъ въ отчаянія грѣхъ:
У ногъ пріора преклоненъ,

★

Вполнѣ былъ сердцемъ отрѣшенъ
 Онъ отъ земныхъ желаній всѣхъ!...
 Отецъ разгнѣванный, она,
 Его любовь — грѣха вина...
 Что было тутъ ему до нихъ?
 Ни стоновъ ропота глухихъ
 На тяжкій приговоръ судьбы,
 Ни помысловъ о чемъ иномъ,
 Какъ лишь о мірѣ неземномъ, —
 Ни слова, — кромѣ словъ мольбы
 Да тѣхъ невольныхъ, краткихъ словъ,
 Когда спокойно былъ готовъ
 Онъ топора ударъ принять —
 Словъ, чтобы дали умирать
 Ему съ открытымъ взоромъ, — сихъ
 Прощальныхъ словъ его однихъ!...

XVIII.

Какъ смертью сжатые уста, —
 Грудь каждаго въ толпѣ нѣмой
 Была для вздоховъ заперта...
 Но электрической струей
 Холодной дрожи токъ по всей
 Толпѣ сплотившейся людей
 Перебѣжалъ,
 Когда ударъ смертельный палъ
 И порѣшило лезвіе
 На вѣкъ любовь и бытіе
 Того, кто отжилъ въ этотъ мигъ...
 Поднялся вздохъ, но подавленъ
 Въ груди насильно каждымъ, онъ,
 Едва родившійся, затихъ.
 Не слышались ни шумъ, ни стонъ;
 Лишь топора о плаху стукъ
 Зловѣще-глухо раздался.
 Но больше — ничего...

Лишь звукъ

Еще... онъ рѣзко разлился

Въ безмолвномъ воздухѣ, — какъ крикъ
 Пронзительнъ, безумно дикъ,
 Какъ матери ужасный стонъ
 Надъ пораженнымъ смертью вдругъ
 Дитей, — прорѣзалъ воздухъ онъ,
 Сей дикій вопль нездѣшныхъ мукъ:
 Онъ изъ рѣшетчатыхъ оконъ
 Дворца — нѣмую тишь проникъ
 И къ небу поднялся, тотъ крикъ
 Отчаянный.... И обратилъ
 Невольно каждый взоръ туда,
 Но тщетно.... Стихло... Только, былъ
 То женскій крикъ — и никогда
 Изъ груди мукъ душевныхъ боль
 Не вырывала вопля столь
 Безумнаго. Кто услыхалъ
 Сей стонъ, — тотъ вѣрно пожелалъ
 Изъ состраданья, чтобы онъ
 Былъ смертный — этотъ страшный стонъ!

XIX.

Палъ Уго, и съ минуты сей
 Его печальнаго конца, —
 Ни въ залахъ мраморныхъ дворца,
 Ни въ темпой зелени аллей
 Не видно Паризины. Слѣдъ
 Ея пропалъ — и слуху нѣтъ
 Нигдѣ ужъ болѣе о ней...
 И даже имя то ни чей
 Языкъ промолвить не дерзалъ,
 Какъ бы одно изъ словъ такихъ,
 Какія изъ бесѣдъ людскихъ
 Навѣки — или страхъ изгналъ,
 Иль чувство изгнало стыда.
 Отъ князя жъ Адзо никогда
 Никто ни разу не слыхалъ
 Ни сына, ни жены именъ.
 Никто не зналъ гробницы ихъ.

Былъ за оградой мѣстъ святыхъ
 Ихъ праху уголь отведенъ.
 По крайней мѣрѣ такъ зарытъ
 Былъ рыцарь. Паризины рокъ
 Глубокой тайною покрытъ,
 Какъ прахъ доскою гробовой...
 Стяжала ль тягостнымъ путемъ,
 Слезами, бдѣньями, постомъ
 Она въ обители святой
 Прощенье неба?.. Ножъ иль ядъ
 Пресѣкли дни ея?.. Молчать
 Преданія. Иль, можетъ быть,
 Безъ долгихъ пытокъ жизни нить
 Ея мгновенно порвалась,
 И грудь отъ мукъ разорвалась
 При взмахѣ топора, — едва
 Скатилась Уго голова...
 Но какова бы ни была
 Ея кончина, — умерла
 Она печально, какъ жила !

XX.

И князь женился на другой,
 И окруженъ подъ старость былъ
 Онъ добрыхъ сыновей толпой;
 Но не былъ ни одинъ изъ сихъ
 Сыновъ столь доблестенъ и милъ,
 Какъ тотъ, кто тлѣлъ въ землѣ сырой;
 Иль если были — доблестъ ихъ
 Холодный взоръ не примѣчалъ:
 А примѣчалъ, такъ подавлялъ
 Родитель вздохъ въ груди своей....
 Но слезъ у князя никогда
 Не вырывалось изъ очей.
 И никогда его уста
 Не озарялись ужъ потомъ
 Улыбки радостнымъ лучемъ.
 Его высокое чело

Изрыли тяжкихъ думъ слѣды —
Морщины.... Горе провело
До срока эти борозды
Горячимъ плугомъ. Для всего
Онъ отжилъ навсегда; равно
Для радостей и для скорбей.
Ему въ грядущемъ ничего
Не оставалось давно, —
Лишь развѣ длинный рядъ ночей
Безъ сна и рядъ тяжелыхъ дней,
Да равнодушіе одно
Къ хвалѣ или хулѣ людской....
Его душа давно бѣжать
Хотѣла бѣ отъ себя самой,
Но покориться не могла
Судьбѣ своей, — а забывать
Способна не была ;
Она всегда, въ тотъ даже мигъ ,
Когда, казалось, тишина
Въ ней водворялася, — полна
Была обычныхъ думъ своихъ,
Думъ напряженныхъ, мрачныхъ, злыхъ....
Такъ льда густой и твердый слой
Покроетъ лишь поверхность водъ, —
Неудержимо токъ живой
Подъ холодною корою течетъ
И течъ не можетъ перестать...
Духъ Адзо такъ же волновать
Не преставаля обычный токъ
Печальныхъ думъ: источникъ ихъ
Былъ слишкомъ силенъ и глубокъ,
Чтобы, какъ память дней былыхъ,
Изсякнуть. Тщетно мы хотимъ
Разливъ сердечныхъ волнъ унять;
Вовѣки не изсякнуть имъ —
И возвращаются опять
Потоки слезъ непролитыхъ
Къ источнику — и тамъ на днѣ
Кипятъ въ душевной глубинѣ....
И пусть никто не видитъ ихъ,

Тѣхъ слезъ непролитыхъ, — онѣ,
На сердце падая, опять
Скопляются и тѣмъ сильнѣй,
Чѣмъ болѣе въ груди своей
Мы силимся ихъ подавлять....
Истерзанъ внутренней тоской,
Воспоминаньями о тѣхъ,
Кого казнилъ за тяжкій грѣхъ,
Страдая сердца пустотой,
Ненаполнимой ни на мигъ,
И безъ надежды встрѣтить ихъ
Хоть за предѣлами земли;
При всемъ сознаніи, что онъ
Свершилъ свой судъ, какъ самъ законъ,
Что сами гибель навлекли
Они на голову себѣ —
Былъ князь подъ старость обреченъ
Тоскѣ, мученьямъ и борьбѣ....
Могучій дубъ, когда порой
Суки испорченныхъ вѣтвей
Подрѣжетъ опытной рукой
Садовникъ бережно, — сильнѣй
Раскинется подъ небеса....
Но если въ бѣшенствѣ гроза
Нежданно вѣтви опалить, —
Нѣмой развалиной стоитъ
И сохнетъ сумраченъ и голъ
Вѣтвей навѣкъ лишенный стволъ.

АП. ГРИГОРЬЕВЪ.

НЕОБЫКНОВЕННЫЙ СЛУЧАЙ.

Б Ы Л Ь.

I.

Въ темный осенній вечеръ, по грязи старой большой дороги въ одной пограничной губерніи, пробиралась рогожная кибитка. Измученныя лошади едва тащили эту кибитку, въ которой при ударахъ огнива въ кремь у мужика, сидѣвшаго на козлахъ, можно было разсмотрѣть двѣ человѣческія фигуры, завернутыя въ теплые плащи. Оба проѣзжіе молчали, несмотря на то, что дождь хлесталъ имъ въ лицо, плохо защищенное рогожною цыновкою, на половину спущенною съ волчка кибитки, и рѣзкій вѣтеръ, упрямо подымавшій края этой цыновки, которою путешественники хотѣли укрыть себя, пронизывалъ повозку съ какимъ-то свистомъ, похожимъ на вопль младенца. Долго тянулись они по этой грязи, которою съ такимъ избыткомъ надѣлены нѣкоторыя губерніи нашей необъятной родины; было близко къ полуночи, когда привѣтливые огоньки селенія блеснули передъ глазами путешественниковъ. Они какъ будто ожили... заговорили... Но разговоръ этотъ былъ все-таки вялъ, немногосложенъ и ограничивался нѣсколькими отрывистыми вопросами и такими же отвѣтами.

Возница ихъ — мужикъ, полу-русскій, полу-литвинъ, не нашелъ нужнымъ спрашивать ихъ — куда везти; онъ пря-

мо поворотилъ къ одному двору попросторѣе другихъ и болѣе другихъ освѣщенному, въ назначеніи котораго ошибиться было нельзя: это былъ постоянный, или лучше сказать, — заѣзжій домъ. Тамъ, только когда они вошли въ грязную комнату этого дома, можно было разсмотрѣть путешественниковъ и по наружности опредѣлить, къ какому классу людей они принадлежали. Мужчина былъ человѣкъ средняго роста, довольно худощавый, съ черными волосами и широкимъ лбомъ, довольно пріятными манерами и привлекательными чертами лица. Одѣтъ онъ былъ просто, но чисто, и носилъ на себѣ явный отпечатокъ того, что у насъ называется *чиновникомъ*. Вообще говоря, вся наружность его не представляла ничего особеннаго, кромѣ глазъ чернаго, блестящаго цвѣта, которые какъ-то странно и тревожно бѣгали отъ предмета къ предмету. Кака-то, казалось, безпокойная мысль владѣла имъ. Несмотря однако на это, онъ глядѣлъ рѣшительно и прямо, и на лицѣ его выражалась, если не сильная воля, то по крайней мѣрѣ отчаяніе рѣшимости. Въ обращеніи его съ женщиною, которая съ нимъ пріѣхала, былъ тонъ превосходства, даже нѣкотораго деспотизма, несмотря на то, что онъ не хотѣлъ обнаруживать этого и обращался съ изысканною внимательностію и какъ будто нарочно пріискивая слова для того, чтобы смягчать свои мысли.

Женщина эта была почти однихъ лѣтъ съ нимъ (ему могло быть лѣтъ около 25, а ей—22 или 23). Одѣта она была очень просто и имѣла видъ неизлѣчимо больной. Она была недурна собою, но въ тонкихъ чертахъ ея худощаваго лица было что-то забитое, робкое, что-то такое, что располагало къ ней невольно. Было замѣтно, что отношенія ея къ молодому человѣку были для нея тягостны. Надобно было, чтобъ онъ сказалъ ей два раза, (несмотря на ласковые эпитеты, которые онъ прилагалъ къ ея имени), чтобъ она сѣла, прежде, нежели она рѣшилась помѣститься на полуразвалившійся диванъ, составлявшій почти единственную меблировку комнаты. Ясно было, что въ отношеніяхъ этихъ двухъ лицъ есть что-то необыкновенное, рѣзко противорѣчащее съ тономъ дружеской фамильярности, какую молодой человѣкъ старался, особенно при людяхъ, сохранить съ нею и которую она скорѣе не умѣла, нежели не хотѣла поддерживать.

По русскому обычаю, они потребовали неизбѣжный самоваръ, и послѣ чаю принялись укладываться на ночлегъ. Молодой

человѣкъ велѣлъ принести сѣна, заботливо накрылъ его по-
лостью и такимъ образомъ устроилъ сносное спанье для больной
своей подруги.

Усталость отъ дороги сильно подѣйствовала на больную.
Она вздыхала, стонала по временамъ, какъ ни старалась скрыть
свои страданія. Молодой человѣкъ между тѣмъ ходилъ взадъ и
впередъ по комнатамъ въ замѣтной тревогѣ, то потирая себѣ лобъ,
то неподвижно устремляя глаза на больную.

Почью бѣдной женщины сдѣлалось плохо. Молодой человѣкъ
всполошилъ весь домъ, кричалъ, что жена его умираетъ, требо-
валъ медика, бѣгалъ, какъ сумасшедшій, изъ угла въ уголъ, и
когда ему объявили, что лѣкаря, кромѣ городского, нѣтъ на раз-
стояніи 40 верстъ, онъ видимо упалъ духомъ. Больная была въ
безпамятствѣ. Нашелся однако какой-то отставной ветеринаръ,
служившій лѣтъ 25 тому назадъ въ кавалерійскомъ полку и на
этомъ основывавшій свое право лѣчить отъ всякихъ болѣзней,
право, которому безусловно вѣрили и подчинялись всѣ окрестные
жители. Этотъ медикъ рѣшилъ прежде всего, что больной надо
«отворить кровь.» — При этомъ словѣ молодой человѣкъ задумался.
Глаза его блеснули какъ-то странно, — онъ хотѣлъ запла-
кать, но слезъ не оказалось. Тѣмъ не менѣе онъ поднесъ платокъ
къ глазамъ, сильно горѣвшимъ.

Хозяинъ заѣзжаго дома и коноваль — медикъ рассказывали
потомъ своимъ бабамъ, что молодая барыня добре плоха и что
хозяинъ — то еяшибко убивается.

Черезъ нѣсколько времени совѣтъ врача — коновала былъ при-
нятъ. Больная все еще не приходила въ себя.

Кровь ей отворили тѣмъ же шпиперомъ, какимъ пускалась
кровь лошадямъ. Такое кровопусканіе конечно было бы въ
пору для лошади, но для молодой женщины оказалось ужъ
слишкомъ сильно: къ утру она была въ бреду и на волосокъ
отъ смерти.

Заботливость мужа въ отношеніи къ больной была выше
всѣхъ похвалъ: онъ то поправлялъ ея подушку, то поддергивалъ
одѣяло, то наклонялся къ ней и цаловалъ ее въ лобъ. Лицо
больной становилось все блѣднѣе; около глазъ ея образовались
темные кружки, на щекахъ время отъ времени вспыхивалъ тотъ
яркій румянецъ, какой такъ часто бываетъ передъ смертью у
чахоточныхъ; по всему было видно, что часъ ея пробилъ.

Когда она опаматовалась, она была такъ слаба, что не могла уже болѣе говорить; молодой человѣкъ потребовалъ священника. Ее исповѣдывали глухою исповѣдью; но когда священникъ сталъ давать ей дары, она какъ будто оживилась, — глаза ея заговорили; видно было, что ее давило что-то, что она хотѣла что-то высказать; но языкъ не повиновался усиліямъ ея воли, и она въ безсильномъ отчаяніи должна была ограничиться одними не-связными, непонятными звуками.... Послѣ этихъ усилій, съ ней сдѣлались страшныя судороги; лицо ея мгновенно исказилось, и она даже какъ будто оттолкнула отъ себя старика-священника.

Скоро послѣ этого она умерла, но такъ тихо и незамѣтно, что даже стоявшій подлѣ нея молодой человѣкъ, съ какимъ-то сухимъ, горячимъ взоромъ слѣдившій за всѣми движеніями ея, не замѣтилъ этого... Когда онъ увѣрился, что жизнь ея отошла, лицо его мгновенно освѣжилось худо скрытою радостью, что не укрылось отъ взоровъ священника.

Когда закрыли ей глаза, молодой человѣкъ тотчасъ заговорилъ объ отъѣздѣ, — съ поспѣшностію, въ которой выражалось что-то тревожное. Онъ сталъ толковать священнику о своихъ дѣлахъ, требующихъ немедленнаго и личнаго его присутствія въ томъ городѣ, куда онъ ѣхалъ, о необходимости скорѣе похоронить умершую, и кончилъ просьбою о выдачѣ ему свидѣтельства о смерти жены и о томъ, что она похоронена тамъ-то.

Отказать молодому человѣку въ выдачѣ свидѣтельства священникъ не могъ; но, какъ бы желая снять съ себя отвѣтственность, онъ началъ представлять о необходимости повести это дѣло черезъ земскую полицію, дать знать станѣвому и проч. Это видимо раздражало молодаго человѣка.... Онъ началъ уговаривать старика не прибѣгать къ этимъ бесполезнымъ мѣрамъ, какъ будто бы отъ скорѣйшаго его отъѣзда зависѣло счастье его жизни. Старикъ однако остался неумолимъ. Онъ похоронилъ умершую, но свидѣтельства не выдалъ, пока не пріѣхалъ становой, за которымъ посланъ былъ нарочный.

Хотя старикъ-священникъ и сообщилъ становому свои подозрѣнія, становой однако не счелъ себя въ правѣ останавливать выдачу свидѣтельства. Изъ представленнаго молодымъ человѣкомъ документа видно было, что онъ дѣйствительно женатъ, что жену его зовутъ такъ-то, что ей столько-то лѣтъ отъ роду,

и все это было такъ сходно съ дѣйствительностью, что ничто не давало повода заключать о какомъ нибудь обманѣ, о чемъ нибудь нечистомъ, или какой нибудь недоброй цѣли.

Свидѣтельство было выдано.

Когда молодой человѣкъ, — мы назовемъ его Бряницкимъ, клалъ свидѣтельство въ карманъ, глаза его такъ сверкнули, что священникъ съ становымъ переглянулись. Черезъ часъ онъ уже летѣлъ во всю конскую прыть по большой дорогѣ.

II.

Еслибъ мы вздумали теперь отыскивать Бряницкаго на пространствахъ нашей обширной Россіи, мы встрѣтили бы его верстѣ за 300 отъ того мѣста, гдѣ похоронилъ онъ жену, въ уздномъ городкѣ песчаной губерніи, въ маленькомъ домикѣ о пяти окошечкахъ. Зеркала въ этомъ домѣ были обернуты холстомъ; онъ и сестра его — дѣвушка лѣтъ двадцати, были въ глубокомъ траурѣ. Обстановка домика, въ которомъ жилъ Бряницкій, была бѣдна; но это не лишало его нѣкоторой щеголеватости, которая бываетъ только тамъ, гдѣ женщина занимается хозяйствомъ и домомъ. Дѣвушка, которую Бряницкій называлъ своею сестрою, болѣе походила на гостью, чѣмъ на хозяйку, и была не совсѣмъ ловка въ своей роли. Порядокъ и хозяйство были явно остатки прежняго. Бряницкій переходилъ тоскливо изъ комнаты въ комнату, и въ этомъ безпрестанномъ кочеваніи, въ его угрюмости, въ сухой неподвижности его глазъ, видно было, что душа его находится подъ вліяніемъ тяжелыхъ ощущеній. Въ углу гостиной стоялъ небольшой столикъ, покрытый чистою скатертью, и на немъ лежала кучка восковыхъ свѣчъ, — стоялъ при- словенный къ книгамъ образъ и коробочка съ ладаномъ. По всему видно было, что ожидали какого-то церковнаго служенія.

Сестра Бряницкаго хлопотала о приведеніи всего въ порядокъ, — переставляла мебель, передвигала столикъ, перекладывала съ мѣста на мѣсто свѣчи, однимъ словомъ — была въ той мелкой тревогѣ, какую обыкновенно испытываютъ всѣ, когда ежедневныя привычки жизни нарушены чѣмъ нибудь такимъ, что случается не часто. Русая головка ея, съ густыми прядями волосъ, была привлекательна болѣе миловидностію, чѣмъ красо-

тою; въ ея кроткихъ чертахъ свѣтилась простая, любящая душа. Она была такъ же задумчива, какъ и ея братъ.

Когда пришелъ священникъ и началась панихида, дѣвушка упала на колѣни, едва только первыя слова молитвы объ усопшей коснулись ея слуха. Сколько ни крѣпилась она, рыданіе однако вырвалось изъ ея груди и слезы градомъ полились изъ глазъ. Видно было, что она много любила усопшую, что съ нею она похоронила всѣ дружескія упованія свои и что сердце ея чувствовало незамѣнимость этой утраты.

Братъ ея, тоже стоявшій на колѣняхъ, смотрѣлъ на сестру съ напряженнымъ любопытствомъ, смѣшаннымъ съ сожалѣніемъ. Видно было, что онъ не столько принималъ участія въ общей молитвѣ, сколько всматривался въ черты лица сестры, какъ бы стараясь понять и опредѣлить характеръ этой грусти, узнать, до какой степени искренне ея чувство. По временамъ, когда рыданія ея раздавались сильнѣе, какъ будто чувство истиннаго сожалѣнія, даже скорби, выражалось въ чертахъ его лица; замѣтно было, что онъ хотѣлъ бы броситься къ ней и сказать ей слово утѣшенія, но чрезъ минуту взглядъ его вдругъ охладѣвалъ, и онъ смотрѣлъ на нее скорѣе съ любопытствомъ, нежели съ участіемъ. Пытливое, дерзкое, даже что-то насмѣшливое появлялось мгновенно въ чертахъ лица его; добро и зло, раскаяніе и сожалѣнія, любопытство и участіе, — казалось, боролись въ его душѣ.

Когда панихида кончилась, священникъ ушелъ и все въ домикѣ пришло въ нормальное положеніе. Молодой человѣкъ подошелъ къ сестрѣ и обнялъ ее съ горячностью. Она посмотрѣла на него съ удивленіемъ, но на холодномъ лицѣ это человѣка не было ничего такого, что бы могло изобличить внутреннее состояніе души его. Оба они молчали, и потомъ принялись каждый за обычныя свои занятія. Видно было, что какая-то тайна легла между ними.

Вскорѣ послѣ того въ домикѣ о пяти окошечкахъ стало часто появляться новое лицо, — а въ городѣ начали ходить слухи, что молодой человѣкъ вступаетъ въ новый бракъ.

Новое лицо это была дочь одного уѣзднаго чиновника, скопившаго разными служебными и неслужебными изворотами порядочное состояніе. Дѣвушка эта была замѣчательно дурна. Притомъ въ ней сосредоточилась вся пошлость уѣздной городской жизни, гдѣ царитъ бездѣйствіе, сплетни, отсутствіе всякой внутренней жизни и даже внѣшнихъ интересовъ. Имѣлъ ли

Бряницкій намѣреніе жениться на ней, этого покуда мы не знаемъ сами; знаемъ только, что съ нѣкотораго времени она часто посѣщала сестру молодого человѣка, и онъ, постоянно мрачный, съ ея появленіемъ становился какъ будто веселѣе, и давно небывалая улыбка стала появляться время отъ времени на его лицѣ. Думать, что онъ забылъ объ умершей женѣ своей для того, чтобъ полюбить Викулину (фамилія дѣвушки), было невозможно; но дѣвушка эта была богата. Въ продолженіе своего служебнаго поприща, отецъ ея, господинъ съ широкимъ и краснымъ носомъ и толстымъ брюхомъ, успѣлъ сколотить себѣ малую толику и наконецъ, выгнанный изъ службы, переселился изъ губернскаго города въ свой родной уѣздный, гдѣ мирно и безмятежно проживалъ остатокъ своей многотрудной, какъ онъ выражался, жизни, наполняя дни свои мелкими пріобрѣтеніями, — крохами, по словамъ его, падающими со стола богатыхъ. Крохи эти были не что иное, какъ проценты—пять, восемь, а иногда и десять въ мѣсяцъ.. Впрочемъ онъ снабжалъ деньгами только по знакомству, или по особому какому нибудь расположенію, да и то лишь купеческихъ сынковъ такихъ отцовъ, въ которыхъ онъ былъ увѣренъ, или дворянскихъ барченковъ, у которыхъ денегъ было хотя и немного, да за то много гонору.... Прослужа цѣлый вѣкъ свой — сперва крѣпостныхъ дѣлъ писцомъ, а потомъ надсмотрщикомъ гражданской палаты, этотъ пожилой господинъ пріобрѣлъ то необходимое знаніе свѣта и людей, безъ котораго нажить деньги невозможно, а главное—пріобрѣлъ основательное познаніе состояній всѣхъ помѣщиковъ и купцовъ не только своей, но даже и сосѣдственныхъ губерній. Познаніе это было необходимо для того, чтобъ наконецъ опредѣлить количество «благодарности», взимаемой за совершеніе какого бы то ни было акта.. А при совершеніи ихъ надсмотрщикъ играетъ, какъ извѣстно, самую важную роль, и не пассивную, какъ напримѣръ секретарь, но активную, потому что можетъ пропустить межъ пальцевъ какое нибудь запрещеніе, мѣшающее окончанію акта и до котораго потомъ можетъ дойти дѣло развѣ при внукѣ дающаго актъ,—и всѣ чиновники успѣютъ отойти съ миромъ прежде, нежели возникнетъ по этому запрещенію дѣло. Тутъ обойти законъ—убытку нѣтъ никому, а прибыль явная для трехъ: дающему актъ—самая большая, потому что онъ получаетъ деньги и отдаетъ имѣніе, на которомъ есть запрещеніе; получающему актъ, потому что кончаетъ дѣло, которое обыкновенно

начинаетъ всякому надоѣдать къ концу такъ, что становится, по пословицѣ, хуже горькой рѣдки; и наконецъ — чиновнику, совершающему актъ, потому что съ этого акта приходится обыкновенно столько, что на это можно купить, положимъ, хоть ржаной муки на весь круглый годъ.... Но такъ какъ мука на круглый годъ покупается только одинъ разъ въ годъ, а акты совершаются всегда—и поздно зимой, и рано лѣтомъ, и во время водополья, и во время осеннихъ разливовъ,—то благостыня, отъ нихъ возникающая, копилась сперва въ мѣстномъ приказѣ, а потомъ въ опекунскомъ совѣтѣ, и накопилась до кругленькой цифры. Бряницкій зналъ все это и смотрѣлъ съ пріятностью на дочь отставнаго приказнаго. Ухаживанье Бряницкаго дѣвицы Викулина принимала съ особымъ удовольствіемъ. Городничій,—старый холостякъ,—и становой,—молодой холостякъ,—шибко косились на Бряницкаго, встрѣтивъ въ немъ неожиданнаго соперника. Бряницкій былъ малый ловкій; онъ тотчасъ овладѣлъ позиціею—и не болѣе, какъ черезъ недѣлю, Викулина была въ его рукахъ.

Черезъ нее онъ сталъ узнавать о количествѣ приданаго и, какъ опытный боецъ, пожелалъ видѣть все на бумагѣ. У стараго надсмотрщика, тоже доки въ своемъ родѣ, не входило въ расчетъ такъ положительно обязываться въ количествѣ приданаго: смотря по обстоятельствамъ онъ готовъ былъ и прижать къ ногтю какую нибудь часть; а ежелибъ зятекъ попался поплосше, то пожалуй и вовсе провести на бобахъ. Бряницкій повелъ свое дѣло мастерски. Дѣвица Викулина готова была для него на все, а онъ представилъ ей въ пріятныхъ формахъ необходимость быть обезпеченнымъ въ жизни и просилъ ее достать отъ папеньки формальное письмо о количествѣ даваемыхъ за нею въ приданое денегъ. Въ мірѣ чиновничьемъ такія требованія — вещь обыкновенная; но Викулинъ съ перваго раза не хотѣлъ и слышать объ этомъ. Дочь такъ долго рюмила и хныкала, что старику это надоѣло, и онъ, изломаннымъ впрочемъ почеркомъ, для того, чтобъ—въ случаѣ чего—можно было и отказаться отъ своей руки, написалъ цифру приданаго и съ своей стороны тоже потребовалъ, чтобъ писана была рядная и чтобъ эта рядная была засвидѣтельствована въ палатѣ у крѣпостныхъ дѣлъ, «какъ слѣдуетъ по закону.»

— Не ровень часъ, говорилъ онъ:—мы все подъ Богомъ ходимъ; сохрани Богъ, свернется Агнитинька (дочь звали Агнѣей),—

не подарить же мнѣ тогда денежки всякому шелкоперу, который ей приглянется. Я тоже копилъ ихъ чуть ли не цѣлую жизнь! Деньга моя трудовая!

— И какая вамъ это охота говорить такія вещи? осмѣлилась замѣтить ему его супруга, обыкновенно молчавшая въ присутствіи строгаго надсмотрщика и только позволявшая себѣ промолвить что нибудь по части хозяйства, и то въ тѣ минуты, когда, бывало, хватить цѣлебной изъ большой бутылки, стоявшей въ темномъ уголкѣ.

— Ну, что врешь-то, возразилъ надсмотрщикъ. Развѣ отъ слова что подѣется?... Вѣстимо—всѣ подъ Богомъ ходимъ... развѣ узнаешь, что ждетъ тебя... Можетъ, вотъ сейчасъ живъ, а черезъ минуточку какую нибудь смотри и — ножки протянулъ....

— А все объ родномъ дѣтищѣ говорить такъ не хорошо бы было! прошептала расплывшаяся супруга, вѣроятно уже хватившая цѣлебной.

— Что съ тобой толковать-то! Вѣдь ты дура, вотъ и все, отвѣчалъ надсмотрщикъ, уже не въ духѣ и вставая съ кожанаго кресла, на которомъ онъ постоянно сидѣлъ 30 лѣтъ сряду.

Когда такимъ образомъ вопросъ о рядной былъ рѣшенъ и ратификованъ обѣими сторонами, необходимо возникъ вопросъ о цифрѣ. Оказалось, что будущій тестъ съ будущимъ зятемъ ни какъ не могли сговорить; явилась необходимость въ третьемъ посредствующемъ лицѣ, которое бы могло своимъ вліяніемъ сбавить слишкомъ большія требованія одного и прибавить къ дазсчетливой и подозрительной скупости другаго. Пригласили было для этого *отставнаго титулярнаго совѣтника Ханжина*; но онъ оказался неспособнымъ уладить дѣло, ибо, увѣряя будущаго зятя, что для его пользы будетъ всячески тянуть въ его сторону и склонять противную не жадничать, выговаривая впрочемъ себѣ полпроцентика со всего капитала и процентикъ съ cadaго прибавленнаго его вліяніемъ рубля, — онъ въ тоже время божился будущему тестю, что для его пользы готовъ обобратъ молокососа и ужъ умаслить его на какой цифрѣ захочетъ, только бы старикъ не пожалѣлъ полпроцентика за труды. На бѣду его какъ-то случилось, что будущіе тестъ съ зятемъ за рюмкой водки проговорились другъ другу о продѣлкѣ *Ханжина*. Разумѣется, его со срамомъ выгнали, а на его мѣсто пригласили купеческую 2-й гильдіи вдову Перетычкину, которой маклерить такого рода дѣла было не учиться стать.

Эта повела дѣло—какъ по маслу, выговоривъ себѣ, разумѣется, предварительно съ каждой стороны по извѣстному кушу, и приступила къ дѣлу вотъ какъ.

Посадила она одного въ гостиной, другаго въ залѣ, растворила двери настежъ, чтобъ каждый могъ слышать, что она будетъ говорить въ другой комнатѣ, а сама пошла переходить отъ одного къ другому.

— Вы, батюшка Никтополіонъ Савельичъ, что за дочкой-то награжденія даете? спросила она сперва у старика.

Старикъ вспыхнулъ, хотѣлъ было маклершѣ бока отломать, но когда разсудилъ, что она дѣло ведетъ не-то-чтобъ тайкомъ, значить необлыжно, смирился; не могъ однако не сказать, хоть и зналъ, что его слышитъ будущій зять:

— Ты никакъ, Максимовна, съ ума сошла? Развѣ такіе вопросы задаютъ при публикѣ? Это только келейно дѣлается, — а ты такъ на весь свѣтъ и орешь. Еще бы на площади меня поймала, да начала голосить: что дескать за дочкой даешь... Дура! больше ничего.

— Ты, сударикъ мой, ругайся, какъ знаешь, отвѣчала Максимовна: — брань на вороту не виснетъ; а выбралъ меня дѣлцо свое поустроить, такъ и слушайся... А не хочешь тѣшить моего обычая, такъ я — поклонъ да и вонъ! — и безъ тебя, сударикъ, проживу... Не ты одинъ на бѣломъ свѣту-то... и почище тебя видала, да не такія дѣла ломала, а все спасибо говорили, да штофы, да бархаты сулили...

— Начала причитать, старая карга!

— Карга или не карга,—это ужъ, сударикъ мой, наше дѣло; а ты говори, о чемъ тебя спрашиваю-то.

— Да что мнѣ говорить-то?... Развѣ я не говорилъ, что ли? Вѣдь сказано, что пять десятковъ даю...

— Ну, вотъ такъ-то бы и сказалъ давно... пять десятковъ. Это, сударикъ мой, дѣло любовное; захотятъ взять пять десятковъ, такъ возьмутъ, а не захотятъ, такъ пожалуй и прибавишь.

— Ну, ужъ это шалишь! Прибавлять-то я не очень охотникъ... Пришла дѣвка по праву, такъ бери такъ, а печего тутъ зубы-то скалить. Сказалъ пять десятковъ, пусть такъ и будетъ, а больше ни копѣйки.

Максимовна между тѣмъ стояла ужъ у Бряницкаго и тѣмъ же самымъ голосомъ, какимъ говорила съ бывшимъ надсмотрщикомъ, сказала:

— Пятьдесятъ тысячъ, сударикъ мой, за Агнѣй Никтополіоновной дають — какъ повелишь? Дѣвица вамъ извѣстная, хорошая, доброта ангельская... Красоты Богъ не далъ, такъ чтожь такое; за то смиренная, кроткая, мужу послушлива будетъ; дѣвка небалованная, степенная, — такъ какъ прикажешь, сударикъ?

— Я меньше 75,000 не возьму! отвѣчалъ Бряницкій. Знаю, что Агнѣя Никтополіоновна — дѣвица стоящая, и хорошая жена будетъ, только безъ денегъ жить невозможно. Угодно родителю наградить ее 75,000, — радъ въ такое богобоязненное семейство вступить, хоть сейчасъ по рукамъ.

Тогда Максимовна перебѣжала къ падсмотрщику.

— 75,000, сударикъ мой, требуютъ — какъ прикажешь?

— Нѣтъ у меня 75,000: такъ и скажи.

Максимовна опять перебѣжала къ Бряницкому.

— Нѣтъ у тятеньки 75,000, говорить; все стоитъ на 50.

— А нѣтъ у него 75, — такъ и говорить нечего; видно не мужъ я Агнѣѣ Никтополіоновнѣ. Значитъ — и толковать нечего.

Максимовна опять перебѣжала къ старпку.

— Не хочетъ жениться на 50, все 75 требуетъ. Ужь не погуби дѣвку-то, разступись, сударикъ, — родная вѣдь она тебѣ; пожалѣй кровь-то свою, прикинь что нибудь.

Передернуло старики, однако укрѣпился, не сказалъ ничего ругательнаго, а только прибавилъ :

— Была не была, жаль дочери; вижу, что дура-то съ ума сходить; куда не шло — даю 55, только чтобы не занкался о прибавкѣ. И отъ дочери откажусь; пусть она тамъ—куда хочетъ дѣвается, хоть въ проруби топится, а нѣтъ ей больше 55.

Перенесла Максимовна отвѣтъ; Бряницкій сказалъ :

— Ни копѣйки меньше не возьму. Сказалъ 75, — такъ 75 и давай. Не чужая же она ему въ самомъ дѣлѣ. Куда ему беречь-то? Не въ гробъ же въ самомъ дѣлѣ возьметъ. Хочетъ 75, — такъ по рукамъ.

Максимовна съ этими словами къ старику.

— Не хочетъ брать меньше 75. — Дай ужъ, полно скупиться-то. Зато какой у тебя зять-то будетъ: изъ-подъ ручки посмотрѣть — уменъ, хорошъ, ловокъ... король, словомъ сказать. Эй, не поскупись, Никтополіонъ Савельичъ! Каяться послѣ будешь, особливо какъ дочь-то твоя щепка щепкой станетъ. И те-

перъ она, прости Господи, словно изъ гроба встала; худая, тощая, куда тѣло—то ея все дѣвалось....

Старикъ плюнулъ, услышавъ это, ругнулся такъ, что Максимовна даже перекрестилась, примолвля:

— Что ты, батюшка, въ умѣ, что ли,—такъ ругаться? Али у васъ въ палатѣ—то это за обычай?

Тогда старикъ не выдержалъ.

— Убирайся ты къ чорту, ягѣ ты эдакая! Обирать, что ли, въ самомъ дѣлѣ меня вы собрались сюда? Нѣтъ ему ничего, коли не хочетъ 55. Что, въ самомъ дѣлѣ, привязался я къ нему, аль изъ золота вылить? Небось такой же, какъ и всѣ. Что рожницей—то посмазливѣе, такъ ужъ думаетъ, что ему и чортъ не братъ... Не хочу его въ зятя... за мужика отдамъ, а ужъ не прибавлю...

Пошла Максимовна говорить Бряницкому.

— Баринъ хорошій, спусти что нибудь! Ишь его изнимать какъ начало... Смотри, погонись за большимъ, — и малаго не возьмешь. Эй спусти!...

Подумалъ — подумалъ Бряницкій, и говорить:

— Такъ ужъ и быть, беру 70; только смотри — съ меньшимъ ужъ и не ходи ко мнѣ. Какова есть копѣйка, и той не сбавлю. Иди, говори, что беру 70. Такъ ужъ и быть.

Съ бранью всякаго рода, почти въ лицо старикъ надбавилъ 60,000. На этомъ, можетъ быть, и оборвалось бы сватовство, еслибъ Максимовна, видя, что дѣло плохо и что оба «крѣпоньки», не кликнула тайкомъ Агнѣю... Какъ та взвизгнула, да какъ бросилась на отца съ крикомъ, воплемъ и слезами, такъ тотъ даже струсилъ. Хотѣлъ было прикрикнуть на нее, — куда! Дѣвка была не изъ слабонервныхъ, — упряма съ дѣтства; какъ чего захочетъ, бывало, такъ ты у ней хоть колъ на головѣ теши, все свое будетъ пѣть. Такъ ужъ тутъ ли при такомъ важномъ обстоятельстве жизни могла она уступить? — Бряницкій же видно ужъ принялъ свои мѣры. Дѣвка готова была для него на ножъ. — Кончилось тѣмъ, что всѣми неправдами уломали старика, — далъ 65. На этомъ и порѣшили.

Разсказывать, какова была свадьба, нечего. Въ провинціяхъ всѣ онѣ на одинъ ладъ. Ъдятъ много, еще больше пьютъ. Нравственное чувство молодой оскорбляется ежеминутно, если она развита до того, что можетъ оскорбляться. Всѣ самыя завѣтныя тайны, всѣ благородныя ощущенія человѣка тутъ поруганы

и унижены; скромность и стыдливость принесены въ жертву минутной прихоти пьянаго общества родныхъ и знакомыхъ, полагающихъ свою славу и самое великое удовольствіе въ томъ, чтобъ топтать въ грязь эту скромность, насмѣхаться надъ этою стыдливостью. Къ счастью, уѣздныя женщины извѣстнаго круга привыкли къ этому: онѣ не страдаютъ, ихъ нравственное чувство не оскорбляется; онѣ только ухмыляются.... Если о просвѣщеніи государства судить по степени уваженія къ женщинѣ, то нашей Россіи выпадетъ незавидная доля.

Получивши деньги, Бряницкій пересчиталъ ихъ и тогда только поѣхалъ въ церковь. Агнѣя Никтополіоновна явилась туда вдвойнѣ блистающая — тятенькиными брильянтами, нашедшимися у него въ залогѣ, и счастьемъ, котораго она не могла скрыть, несмотря на всѣ напоминанія и совѣты маменьки, тетюшекъ, бабушекъ, кумушекъ, сватьяшекъ, золовокъ, снохъ и tutti quanti—о томъ, что невѣстѣ неприлично быть веселой, что невѣста непременно должна убиваться и плакать, или по крайней мѣрѣ показывать видъ, что идетъ замужъ какъ изъ-подъ палки.

Разсказывать подробно, какъ происходила свадьба, мы не будемъ, хотя и нельзя сказать, чтобъ это лишено было интереса, тѣмъ болѣе, что обряды эти утрачиваются со дня на день, и черезъ пятьдесятъ какихъ нибудь лѣтъ никто не будетъ вѣрить, чтобъ все это могло существовать. Свадьба была поутру сейчасъ послѣ обѣдни, — слѣдственно какъ пріѣхали изъ церкви, такъ и сѣли за столъ. За обѣдомъ, какъ извѣстно, въ провинціяхъ еще и въ чиновническомъ быту идетъ страшная попойка; пьютъ здоровье всѣхъ: отца, матери, братьевъ, сестеръ, тестя, тещи, ихъ дѣтей, тетокъ, дядей, бабушекъ, дѣдушекъ, внучекъ, племянниковъ, племянницъ, сватьевъ, зятьевъ, кузеновъ, кузинъ, наконецъ близко знакомыхъ, а тамъ далеко знакомыхъ, а въ довершеніе—всѣхъ присутствующихъ по именамъ, чинамъ, званію и положенію въ обществѣ, и потомъ, когда всѣ перепьются до положенія ризъ, продолжаютъ давно уже начатыя скандальные разговоры — еще скандальнѣе и гаже, находя при всякой рюмкѣ, что вино *горько* и что его надо *подсластить*, то есть, заставляя молодыхъ цаловаться такое количество разъ, какое пьяный гость потребуетъ. Иногда количество это доходитъ до страшной цифры. Пишущему эти строки случилось одинъ разъ видѣть, что на такой свадьбѣ пьяный гость потре-

бывалъ подсластить вино свое девятью стами поцалуями — и девятьсотъ разъ были отсчитаны. Посмотрѣли бы вы тогда на бѣдную молодую!

Когда обѣдъ кончился, часовъ около четырехъ, молодыхъ повели въ опочивальню. За ними послѣдовали всѣ близкіе молодые родственники, и тамъ, пожелавъ имъ съ значительною улыбною пріятнаго сна, выпили еще изъ башмаковъ молодой.

Часовъ около семи молодые, возставшіе отъ сна, снова явились въ кругъ пирующихъ гостей и начали раскланиваться во всѣ стороны, встрѣчая въ гостяхъ лукавые взоры, улыбки и очень недвусмысленные намеки. Началась снова попойка, еще ожесточеннѣе, нежели прежде, хотя, собственно говоря, она и не прекращалась.

III.

Не далѣе, какъ на другой день послѣ свадьбы, Бряницкій, сдѣлавшійся попрежнему серьезнымъ и скрытнымъ, началъ дѣйствовать, позабывъ и о молодой женѣ и о медовомъ мѣсяцѣ. Такъ какъ деньги получены были имъ лично, въ его собственныя руки, то онъ и не находилъ нужнымъ спрашивать у супруги согласія на ихъ употребленіе. Онъ въ тотъ же день началъ приискивать себѣ домъ въ городѣ, болѣе приличный его теперешнему состоянію. По какой-то непостижимой прихоти, онъ хотѣлъ приобрѣсти домъ съ большимъ стариннымъ садомъ; садъ этотъ въ его глазахъ составлялъ до такой степени необходимое условіе дома, что онъ готовъ былъ скорѣе купить садъ безъ дома, нежели домъ безъ сада. Въ уѣздныхъ городкахъ такіе сады рѣдки. Тамъ если и есть сады, то фруктовые, не для гулянья. Населеніе маленькихъ городовъ, состоящее, какъ извѣстно, изъ купечества и чиновниковъ, не чувствуетъ большой необходимости въ гуляньи. Они предпочитаютъ полезное пріятному и находятъ, что кустъ смородины или крыжовника гораздо нужнѣе самаго красиваго развѣсистаго дуба. Такъ какъ въ уѣздномъ городѣ такого сада не нашлось, а подошла къ городу роща одного помѣщика, то Бряницкій и купилъ ее съ нѣкоторымъ количествомъ земли, и вопреки всѣмъ толкамъ и пересудамъ — заплатилъ за нее дорого. Она ему очень понрави-

лась. Съ деньгами у насъ въ Россіи дѣла дѣлаются быстро. Черезъ какую нибудь недѣлю земля съ лѣсомъ была собственностью Бряницкаго, а черезъ другую недѣлю на этой землѣ, уже огороженной заборомъ и прилегавшей къ самому городскому валу, возвышались кучи бревенъ, досокъ, кирпича и всякаго другаго строительнаго матеріала. Дѣло пошло необыкновенно быстро. Бряницкій былъ неутомимъ: съ ранняго утра до поздней ночи наблюдалъ онъ надъ рабочими, и черезъ какой нибудь мѣсяцъ—на томъ мѣстѣ, гдѣ росла крапива, пырей и клеверъ, красовался чистенькій, уютненькій домикъ съ принадлежностями; а роща имѣла видъ англійскаго сада, въ самомъ уединенномъ, тайномъ мѣстѣ котораго возвышался красивый павильонъ, съ нѣсколькими комнатками. Павильонъ этотъ прилегалъ къ самой глухой сторонѣ лѣса, тянувшася далеко за пріобрѣтенною Бряницкимъ землею.

Устроившись такимъ образомъ, Бряницкій не замедлилъ перейти въ свой новый домъ, оказавшійся, впрочемъ, съ перваго же раза нѣсколько тѣснымъ, такъ что онъ поневолѣ долженъ былъ сознаться, что ошибся планомъ и что въ новомъ домѣ нѣтъ ему комнаты для кабинета. Не понимая самъ, какъ могъ онъ сдѣлать такой непростительный промахъ, онъ говорилъ, что этотъ промахъ еще не великъ и что ничего не значитъ пристроить къ дому лишнюю комнату со временемъ; теперь же куда онъ можетъ устроить свой кабинетъ въ павильонѣ. Тамъ же въ лѣсу и въ тишинѣ заниматься хорошо. Къ тому жъ, чувствуя себя послѣ потери первой жены все еще нѣсколько разстроеннымъ, онъ находилъ необходимымъ, принявъ на себя новыя семейныя обязанности, позаботиться о своемъ здоровьѣ, и дляэтого вознамѣрился пить минеральныя воды, послѣ которыхъ, какъ извѣстно, нужно сильное движеніе, очень пріятное рапо поутру, и особенно въ такомъ саду, какъ у него. Отстранивъ себя отъ своей супруги, онъ устроилъ, однако, ея помѣщеніе не только покойно и удобно, но даже роскошно. Агнѣя Никтополіоновна, жившая доселѣ у тятеньки въ грязной, полутемной и полной тараканами комнатѣ, почувствовала себя какъ на небесахъ, въ свѣтлыхъ, уютныхъ, опрятныхъ комнатахъ мужнина дома. Ей даже и въ голову не приходило возстать противъ помѣщенія кабинета въ павильонѣ: въ домѣ тятеньки привыкнувъ къ деспотическому обращенію съ ней, она не смѣла теперь и подумать о противодѣйствіи. Мысль свою Бряницкій тотчасъ

привелъ въ исполненіе, и павильонъ былъ окончательно меблированъ.

Съ ранняго утра отправлялся туда Бряницкій и проводилъ тамъ почти цѣлое утро; послѣ обѣда опять уходилъ туда—спать, и возвращался только въ сумерки; остальное время дня павильонъ былъ постоянно запертъ, такъ что ни жена, ни сестра его не имѣли туда ни малѣйшаго доступа. Онъ даже неохотно говорилъ объ этомъ павильонѣ, когда его спрашивали, доволенъ ли онъ тамошнимъ помѣщеніемъ, и рѣшительно отказалъ женѣ и сестрѣ въ просьбѣ посмотреть его.

Со времени полного устройства, мрачное расположеніе духа Бряницкаго замѣтно исчезло; улыбка, такъ рѣдко или даже никогда не появлявшаяся на губахъ его прежде, стала показываться снова изрѣдка, а потомъ чаще и чаще; о прежнихъ вспышкахъ бѣшенства не было даже и помину; характеръ его сдѣлался ровень, мягокъ, общителенъ. Сестра не узнавала его; она находила, что онъ сталъ какъ будто моложе, — таковъ, какимъ былъ до первой своей женитьбы, и радовалась такому превращенію. Въ ея кроткое, нѣжно любящее сердце не могло закрасться никакое подозрѣніе, никакая черная мысль...

Что же дѣлала Агнѣя Никтополоновна? Была ли она счастлива ласками своего мужа въ тѣ немногіе часы, которые онъ посвящалъ ей? Желала ли она чего нибудь большаго? Безропотно ли переносила она то, что мужъ дѣйствовалъ такъ самобытно и независимо отъ нея, какъ будто бы ея не было на свѣтѣ?... Натура, хотя инстинктивно и добрая, но грубая и неразвитая, — она была совершенно довольна своимъ состояніемъ. Комфортъ, даже роскошь, какою окружилъ ее Бряницкій, совершенно удовлетворяли ее. Она могла ѣсть и спать, сколько хотѣла, могла наряжаться, какъ вздумается, а главное — могла цѣлый день ничего не дѣлать, что, какъ извѣстно, для нѣкотораго класса людей, и въ особенности женщинъ — составляетъ самое заманчивое въ жизни. Повидимому всѣ были довольны; и можетъ быть это довольство продолжалось бы, еслибъ внезапная катастрофа, — вѣроятно неожиданная для всѣхъ лицъ этого разказа, — не разрушила мгновенно всей благодати настоящаго и всѣхъ надеждъ будущаго.

IV.

Занималось теплое августовское утро. Лѣниво выходило солнце изъ-за легкихъ облаковъ, одѣвая окрестности мягкимъ, прозрачнымъ свѣтомъ. Несмотря на то, что едва занялось утро, Бряницкій уже прошелъ въ павильонъ свой. Поступь его была легка, поспѣшна и осторожна.... видно было, что онъ спѣшилъ къ своей обычной работѣ, что работа эта была не трудъ, а наслажденіе. Черты лица его дышали довольствомъ, глаза смотрѣли весело. Онъ такъ свѣтло улыбался. Онъ былъ одѣтъ въ легкій, нѣсколько кокетливый, утренній нарядъ.

Войдя въ павильонъ, онъ тотчасъ защелкнулъ замокъ; открытое наверху окно затворилось въ ту же минуту; опустилась штора и потомъ все смолкло, все умерло, какъ будто ни въ павильонѣ, ни въ саду вокругъ него не было живой души.

Почти въ тоже время, какъ въ павильонѣ опустилась штора, въ одномъ окнѣ домика съ зелеными ставнями штора поднялась. Вслѣдъ за этимъ открылось окно; свѣжая, миловидная русая головка выглянула оттуда и съ наслажденіемъ потянула въ себя свѣжій воздухъ утра.

Сестра Бряницкаго (это была она) скоро потомъ вышла въ садъ. Зеленъ аллей, путающихся и пересѣкающихъ другъ друга, увлекала ее далѣе и далѣе. Утро было такое чудесное; сердце бѣдной дѣвушки въ эту минуту такъ было полно неизъяснимыхъ желаній, тайныхъ тревогъ.... Она должна была остановиться на мгновеніе, чтобъ отдохнуть, хотя сердце и мысль жадно тянули ее все впередъ, все дальше и дальше.

Вдругъ, при поворотѣ аллеи, въ темной листвѣ липы и дуба, мелькнуло бѣлое платье.... и затѣмъ знакомый ей, близкій образъ....

Она замерла. Тѣнь набѣжала на ея личико. Она провела рукою по лицу, какъ будто для того, чтобъ увѣриться, что не спитъ. Она робко оглянулась кругомъ, какъ бы спрашивая, что все это значитъ? не сошла ли она съ ума?... Зеленъ, ее окружающая, солнце, небесная глубина, лѣтніе птицъ, — все, все увѣряло ее, что это не сонъ, что все это совершается наяву и что то, что она видѣла, не могло быть призракомъ.

Да развѣ призраки появляются при солнцѣ, при яркомъ сіяніи дня?

И между тѣмъ она видѣла.... она видѣла такъ ясно, что сомнѣваться было невозможно, видѣла.... но развѣ мертвые встаютъ изъ гробовъ?

Тщетно разсудокъ ей говорилъ, что этого быть не можетъ; глаза ея увѣрили ее въ противномъ; она такъ хорошо видѣла, что ошибиться было невозможно: образъ покойной такъ глубоко врѣзался въ ея память, что она, къ несчастію, не смѣла даже и подумать, что ошиблась.

Послѣ долгихъ колебаній, она рѣшилась идти къ брату и повѣрить ему свою тайну: ближе его не было для нея никого въ цѣломъ мірѣ.

Дождаться, когда онъ кончатъ занятія свои и возвратится въ домъ, ей показалось невозможнымъ.

Долго стучалась она у запертыхъ дверей павильона, прежде, нежели ей отперли.... Братъ встрѣтилъ ее сухо и холодно. Онъ такъ серьезно спросилъ ее — «что ей надобно?» что у бѣдной дѣвушки замерли слова на языкѣ и она пробормотала что-то такое, что почти не имѣло смысла.

Браницкій посмотрѣлъ на нее съ удивленіемъ. Онъ былъ очень озадаченъ съ внезапнымъ явленіемъ.

Прошло нѣсколько минутъ прежде, нежели она могла высказать ему то, что привело ее сюда. Открытіе сестры онъ принялъ больше, нежели холодно; онъ сталъ почти укорять ее за то, что она позволяетъ овладѣвать собою до такой степени несбыточнымъ фантазіямъ, — за то, что она позволяетъ себѣ быть рабою призраковъ; онъ говорилъ такъ умно и краснорѣчиво, что бѣдной дѣвушкѣ стало стыдно себя самой до того, что она готова была теперь пожалуй смѣяться надъ собою, надъ тѣмъ, что могла такъ ребячески поддаться воображенію.

Кончилось тѣмъ, что братъ увѣрилъ ее окончательно, что она не видала ничего, и, прибавивъ наставительнымъ тономъ, — что не надо давать надъ собою такой воли фантазіи, — вслѣдъ за этимъ выпроводилъ ее изъ павильона.

IV.

Пронсшествіе это передано было однако ею за тайну жемъ Бряницкаго, и въ тотъ же день весь городъ говорилъ объ этомъ: не было лачуги, гдѣ бы о немъ не толковали, и не было старухи, которая бы чего нибудь не прибавила. Рассказывали, что сестрѣ Бряницкаго явилось привидѣніе, ростомъ чуть не до облаковъ, все въ огнѣ, съ углями вмѣсто глазъ, съ запахомъ сѣры кругомъ, все окровавленное, и говорило, что весь городъ ихъ провалится въ геенну огненную за то, что одному юродивому страннику отказали въ кускѣ хлѣба на постояломъ дворѣ у Ивана Еремѣича. Когда эти слухи стали такъ громки, что дошли до ушей городничаго, онъ всполошился, боясь, чтобъ объ этомъ какъ нибудь не узналъ начальникъ губерніи и не задалъ ему трезвону за то, что онъ не унимаетъ распространителей ложныхъ слуховъ.... Подхвативъ разсыльнаго, замѣнявшаго будочника, городничій бросился на постоялый дворъ къ Ивану Еремѣичу, велѣлъ его взять, сдѣлать у него внезапный обыскъ. По обыску, какъ доносили квартальный, не оказалось ничего подозрительнаго. Но Еремѣичъ между тѣмъ часовъ 7 или 8 просидѣлъ въ трубной, а въ заключеніе привели его къ городничему.

— Какого ты тамъ чорта странника не накормилъ, а? закричалъ грозно блюститель порядка и истребитель ложныхъ слуховъ, когда къ нему привели Еремѣича, трясагося всѣмъ тѣломъ.

Еремѣичъ, человѣкъ лѣтъ 60-ти и глухой до-нельзя, не слыша вопроса, глядѣлъ на городничаго во всѣ глаза.

— Что ты, не слышишь, что ли, что тебѣ говорить? Али упорство вздумалъ оказывать? Такъ я съ тебя шкуру спущу и кафтаны изъ нея надѣлаю: ты это знай, разбестія ты эдакая!

Городничій, какъ извѣстно, былъ изъ военныхъ и не находилъ лучшаго средства управлять городомъ, какъ посредствомъ страха.... Ненавидя или, лучше сказать, презирая все, что не носило мундира, онъ считалъ обязанностью всякому приходившему или приводимому къ нему задать окрикъ, или «озадачить его», увѣренный, что человѣкъ запуганный скорѣе всего сознается, если виноватъ, а если и не виноватъ, то

вынесетъ убѣжденіе, что «съ городничимъ шутить нельзя», что какъ извѣстно, всегда очень полезно....

Еремѣичъ, какъ я уже замѣтилъ, совсѣмъ глухой, ничего не слыхалъ ни о привидѣніи съ угольями вмѣсто глазъ, ни о взводимомъ на него преступленіи, а потому стоялъ выпуча глаза и ничего не понимая: ни — за что его посадили въ трубую, ни — за чѣмъ его привели сюда, ни — чего отъ него хотятъ.... Но видя, что городничій за что-то сердится, и предполагая, что вѣрно на улицѣ противъ его двора замѣчена какая нибудь неисправность, то есть—выкинута мертвая кошка или что нибудь подобное, за лучшее счелъ прекратить дѣло въ началѣ, и потому полѣзъ было въ карманъ за кошелекомъ изъ сыромятной кожи, въ которомъ и золото, и серебро, и бумажки, и мѣдъ перемѣшаны были въ безпорядкѣ.... Городничій, увидя это движеніе и признавая въ немъ сознаніе въ преступленіи, которое онъ хочетъ закупить, взбѣсился и зарычалъ. Счастье для Еремѣича, что онъ былъ глухъ и не слыхалъ всѣхъ обѣщаній каторги, острога, тюрьмы, плетей и розогъ, которые ему насулилъ городничій и отъ которыхъ, вѣроятно, душа бы его ушла въ пятки, какъ выражался городничій, говоря о томъ, какъ онъ «озадачивалъ» имѣющаго до него дѣло.

И долго бы можетъ быть продолжались эти обѣщанія съ одной и выпучиваніе глазъ съ другой стороны, еслибъ бабы Еремѣича, (такъ онъ всегда называлъ жену свою и дочерей) видя, что отца и мужа долго нѣтъ, не пришли освѣдомиться объ его участи, принеся блинковъ, если онъ куда нибудь посаженъ, и не объяснили разсылному, что старикъ-то «добре глухъ» и что пожалуй съ глухоты-то и Богъ вѣсть что на себя наклеплетъ. Разсылный, какъ человѣкъ расторопный, видя, что городничій выходитъ изъ себя, рѣшился взять на свою отвѣтственность доложить его высокоблагородію о глухотѣ старика. Тогда городничій набросился на разсылнаго,—и давай его честить, на чемъ свѣтъ стоитъ, что онъ и службы своей не знаетъ и обязанностей своихъ не исправляетъ, какъ надо, и что онъ ему такую вытрепку задастъ, что чертямъ будетъ тошно.

Разсылный зналъ городничаго не первый день, и потому далъ ему «прокричатся»; потомъ, когда тому надоѣло драть горло, очень тихо спросилъ: что съ старикомъ прикажетъ его высокоблагородіе дѣлать?

Такъ какъ городничій сорвалъ ужь первый гнѣвъ, то и утишился, и принялся давать Еремѣичу свои вопросы, а потомъ, когда надоѣло надсажаться самому, заставилъ это дѣлать разсильнаго. Вотъ въ какихъ словахъ происходилъ этотъ поучительный разговоръ :

— Что за странникъ такой былъ у тебя, котораго ты не накормилъ?

— Какой странникъ? спросилъ въ свою очередь очень наивно Еремѣичъ.

— А чортъ же тебя знаетъ какой! Я почему знаю?

— Никакого странника я, ваше высокоблагородіе, не знаю. Былъ съ недѣлю какой-то съ книжкой изъ пустыни, только это не странникъ; мои бабы его признали; онъ всякій годъ ходитъ....

— Не объ томъ толкъ, а объ странникѣ какомъ-то. Ты его не накормилъ, а онъ, видишь ты, бѣду на городъ пакликать хочетъ.

— Кто жь это сказалъ?

— Почему я знаю. Въ городѣ говорятъ. А какъ я, по обязанности своей, долженъ всячески преслѣдовать распространителей ложныхъ слуховъ, какъ въ законѣ написано, то я и позвалъ тебя. Говори, что знаешь; а не скажешь — заморю въ острогѣ.

— Ничего я, батюшка ваше высокоблагородіе, не знаю; ничего ни о какомъ странникѣ не слыхалъ; никакой такой у меня не былъ и никому не грозилъ; а дѣлать со мной—что хотите дѣлайте, воля ваша; я не противникъ какой; всякое начальство уважаю, только я ни душой, ни тѣломъ не виноватъ.

Видитъ городничій, что ошибся; напустился на частнаго, зачѣмъ онъ ему напелъ такого вздора. Частный отговаривался тѣмъ, что по обязанности своей долженъ доносить обо всемъ, что услышитъ, и что не его же вина, если въ городѣ говорятъ всякой вздоръ; а что Еремѣичъ человѣкъ тихій и непротивный власти, и что если на него вздоръ какой выдумали, то опять не его въ этомъ вина....

— Да откуда жь всѣ эти сплетни вышли?

— Этого ужь навѣрное доложить вамъ не могу. Кажется, что первые слухи объ этомъ возникли въ трактирѣ Горячаго, а ужь оттуда приказные изъ судовъ по городу разнесли.

— Разузнай, смотри, ты объ этомъ хорошенько.... Сохрани Богъ, дойдетъ до его превосходительства прежде, нежели я ему объ этомъ донесу. У насъ—ты знаешь, какое зелье... Чтобъ только выслужиться, онъ готовъ не то что меня, отца роднаго продать.... Такъ и надо, прежде нежели писнетъ кто нибудь, чтобъ успѣло донесеніе придти отъ меня. Да знаешь ли что? Забѣги-ка на почту, да попроси почтмейстера, коли будутъ какія бумаги отъ стряпчаго къ прокурору или къ губернатору, чтобъ онъ ихъ позадержалъ до слѣдующей почты. А ежели будетъ упираться, да отнѣкиваться, то скажи: городничій, молъ, велѣлъ вамъ сказать, что ужъ много больно лѣсу на площадь навозили, базаръ постѣснили этимъ; что, дескать, для себя кому нуженъ лѣсъ, можно его сложить на улицѣ, а для торговли нельзя же площадь всю завалить, и что, дескать, приказалъ городничій попросить васъ лѣсъ убрать, неравно, дескать, какое начальство придетъ, такъ пожалуй еще достанется....

— Слушаю-съ.

— Смотри жь, Ахвердовъ, ты мнѣ дѣльце обработай. Разузнай, отъ кого эти слухи вышли, и почтмейстера подтяни, чтобъ онъ не думалъ о себѣ тамъ что нибудь. Я ему позволилъ на площади одну только стопку лѣсу положить, а онъ обрадовался, да всю площадь завалилъ. Не лѣсной же, въ самомъ дѣлѣ, рядъ у насъ торговая площадь: надо и честь знать.

Къ вечеру того же дня частный приставъ явился къ городничему съ донесеніемъ, что слухи эти вышли изъ дома Бряницкаго; что ихъ рассказывалъ лакей его, бывший въ трактирѣ, и что привидѣніе видѣла барышня, сестра Бряницкаго.

На другой день съ утра городничій былъ уже въ полной формѣ, чтобъ отправиться къ Бряницкому съ визитомъ, который онъ дѣлалъ по службѣ и которому хотѣлъ придать какъ можно больше торжественности, для того, чтобъ видѣли, какъ строго исполняетъ онъ свою обязанность. Это было часовъ въ 8,—время, которое, какъ мы знаемъ, Бряницкій посвящалъ запятіямъ въ павильонѣ, гдѣ вообще не любилъ, чтобъ ему мѣшали. Но городничій въ уѣздномъ городѣ не такое лицо, чтобъ ему можно было отказать, особенно въ такое время, когда небытіемъ дома отговориться нельзя, и потому волей-неволей Бряницкій долженъ былъ принять его. Нельзя однако не замѣтить, что городничему пришлось подождать, потому что Бряницкій, запиравшійся въ павильонѣ, не скоро еще далъ къ себѣ достучаться и войти въ

свою комнату. Городничій, хотя и побаивался нѣсколько Бряницкаго, потому что онъ имѣлъ знакомство въ губернскомъ городѣ и могъ при случаѣ довести до свѣдѣнія кого слѣдуетъ о кой-какихъ несправедливыхъ его поступкахъ, все-таки нѣсколько обидѣлся тѣмъ, что его заставили ждать, и потому, когда Бряницкій вошелъ въ гостиную, довольно грубо повелѣ рѣчь и безъ всякихъ приготовленій объявилъ ему о томъ, что изъ его дома выходятъ такіе слухи, которые нарушаютъ спокойствіе города. Бряницкій, никакъ не ожидавшій, чтобъ изъ пустяковъ, которые пришли въ голову его сестрѣ, могло выдти дѣло, въ которое вмѣшивается полиція, далъ замѣтить городничему, что происшествіе это, имѣющее основаніемъ разстроенное воображеніе молодой дѣвушки, не должно бы, кажется, быть даже и предметомъ занятія какихъ бы то ни было властей, которыми нѣтъ и надобности мѣшаться въ то, что происходитъ въ семействѣ.

Городничій съ своей стороны стоялъ на своемъ, то есть на томъ, на что построилъ его письмоводитель, — что онъ обязанъ наблюдать, чтобъ не было распространяемо зловредныхъ и ложныхъ слуховъ о чудесахъ и тому подобномъ. Ясно, что они не понимали другъ друга. Когда же городничій заговорилъ о юродивомъ странникѣ, о дворникѣ Еремѣичѣ и о прочемъ, Бряницкій вытаращилъ глаза, услышавъ всю эту нелѣпицу, и разсмѣялся поневолѣ. Эта усмѣшка взорвала городничаго. Онъ объявилъ, что желаетъ знать, какъ все происходило, и прибавилъ, что если Бряницкій не объяснитъ ему всѣхъ подробностей, онъ заберетъ всѣхъ его людей въ полицію, волей и неволей доберется до правды, а въ случаѣ надобности потребуетъ даже и его сестрицу, потому что, обязанный присягою наблюдать за тишиною и безопасностію города, онъ не упуститъ ничего для открытія истины и преслѣдованія виновныхъ по всей строгости законовъ, ежели таковые окажутся.

Бряницкій, видя, что нашъ городничій, чѣмъ-то раздосадованный и взмостившійся на служебнаго конька, начинать говорить громкія слова присяги, чести и проч., что обыкновенно говорится въ тѣхъ случаяхъ, когда надо сдѣлать какую нибудь мерзость, понялъ, что лучше всего, не допуская до распросовъ людей, которые то же въ свою очередь могутъ наболтать и невѣсть какихъ небывальщинъ, рассказать все, какъ было. Вслѣдствіе этого, распространившись о той сердечной

дружбѣ, которая соединяла сестру его съ первою женою, онъ окончилъ тѣмъ, что сестра его, — дѣвушка мечтательная, восторженная, начиненная романическими бреднями, — представила вдругъ себѣ, что видѣла его покойную жену, и это не ночью и не въ какомъ нибудь темномъ углу, а днемъ, въ саду, въ аллеѣ, чего разумѣется и быть не могло. Вслѣдствіе этого онъ просилъ городничаго не выводить изъ этихъ пустяковъ чего нибудь важнаго и оставить старымъ бабамъ толковать обо всемъ этомъ, потому что мужчинамъ, и еще служащимъ, заниматься такими вздорами неприлично. Поданный завтракъ со слезою разгладилъ морщины гнѣва на лицѣ городничаго... Для вида онъ попросилъ, чтобъ дѣвушка сама рассказала ему о происшествіи, и когда та, предувѣдомленная братомъ, повторила слово въ слово то, что рассказывалъ Бряницкій, городничій развеселился, послалъ къ чорту сплетниковъ и обѣщалъ выпороть на обѣ корки перваго, кто будетъ толковать объ этой исторіи. Дѣвушку же, какъ честный офицеръ, просилъ успокоиться, не читать этихъ вздоровъ, которые называются романами, и какъ отличное средство противъ всякихъ подобныхъ искушеній дьявола, которому онъ приписывалъ всѣ эти штуки, предложилъ чтеніе назидательныхъ книгъ, говоря, что это совѣтовалъ, въ полку, гдѣ онъ служилъ; одному изъ его товарищей, дошедшему отъ пьянства до бѣлой горячки, которому всегда представлялось, что у него на носу сидитъ муха и играетъ на скрипкѣ, полковой аудиторъ, человѣкъ очень умный и начитанный.

Разговоръ этотъ не имѣлъ дальнѣйшихъ послѣдствій, кромѣ того, что Бряницкій, намѣревавшійся сдѣлать къ павильону нѣкоторыя пристройки, отложилъ ихъ до будущаго лѣта.

У.

Какъ ни ничтожно само по себѣ было рассказанное нами происшествіе, оно все-таки оставило нѣкоторое впечатлѣніе въ умахъ жителей городка. Правда, боясь городничаго, который не на шутку объявилъ, что запереть на смерть каждаго, кто будетъ рассказывать это событіе не такъ, какъ оно было, — жители толковали объ этомъ шопотомъ въ своихъ семьяхъ; но тѣмъ не менѣе на сестру Бряницкаго, когда она проѣзжала къ обѣднѣ, смотрѣли какъ-то особенно, качали головами, шептались; а домъ

Бряницкаго получилъ таинственный характеръ, такъ что ночью или вечеромъ не рѣшались ходить мимо него. Страшные слухи особенно усилились, когда узнали, что Бряницкій намѣревался дѣлать пристройки къ павильону; начали поговаривать, что вѣроятно онъ колдунъ, знаетъ съ чертями, и что вѣроятно запирается-то въ павильонѣ для того, чтобъ заниматься тамъ чернокнижіемъ, вызываніемъ духовъ, и что покойная жена его является потому, что заклинаніемъ да колдовствомъ онъ тревожитъ ея кости. Кухарка, вставшая однажды раньше обыкновеннаго, вдругъ ни съ того, ни съ сего увидѣла, что въ павильонѣ окно завѣшено клѣтчатымъ платкомъ, а горничная, оставшаяся еще отъ прежней барыни, принялась утверждать, что клѣтчатый платокъ былъ у покойной и что тутъ что нибудь да не просто. Конечно, когда возбужденная этими рассказами остальная прислуга Бряницкаго пошла на открытіе, то никакого клѣтчатаго платка въ окнѣ не замѣтила; но тѣмъ не менѣе этотъ платокъ сдѣлался новою пищею для праздныхъ языковъ и охотницъ до всякаго рода страшныхъ приключеній. Стали припоминать всѣ прежнія обстоятельства; припомнили, что Бряницкій очень любилъ свою первую жену, что онъ, какъ говорили, надышаться на нее не могъ, что просто чуть самъ въ могилу не сошелъ, когда она умерла, и завершили тѣмъ, что вѣроятно онъ до того соскучился по ней, что продалъ душу свою дьяволу для того, чтобъ вызывать ее изъ могилы. Другіе, напротивъ того, утверждали, что Бряницкій занимался дѣланіемъ фальшивой монеты и что по ночамъ въ той сторонѣ, гдѣ стоитъ павильонъ, изъ города видны какія-то огненные полосы, красный дымъ и искры, какъ въ кузницѣ. Третьи увѣряли, что они за вѣрное слышали, что въ павильонѣ летаетъ каждую ночь огненный змѣй, который потомъ превращается въ покойницу и проводитъ ночи съ тѣмъ, кто былъ на землѣ ея мужемъ. Нашлись еще и такіе, которые чуть не съ клятвой утверждали, что они слышатъ очень часто, какъ собаки на дворѣ у Бряницкаго лаютъ цѣлыя ночи напролетъ, какъ за языкъ повѣшенные, и что вѣрно это ходитъ тѣнь его жены, невидимая для людскаго глаза, которую собаки чувуютъ только чутьемъ, и воютъ, и съ цѣпи рвутся...

Всѣ эти рассказы доходили до Бряницкаго и заставляли его задумываться. Конечно, многіе изъ нихъ были такъ нелѣпы, что на нихъ и вниманія обращать бы не стоило; но тѣмъ не менѣе видѣть себя предметомъ разговоровъ, толковъ и сужденій какихъ

бы то ни было, вообще неприятно. Онъ сдѣлался задумчивъ, мраченъ, меньше, нежели прежде, сталъ появляться дома, и проводилъ большую часть дня въ своемъ павильонѣ; замѣтно сближился съ городничимъ, для того, вѣроятно, чтобъ парализовать вліяніемъ своимъ и частымъ появленіемъ на глаза къ нему—всѣ пересуды о немъ и всѣ заключенія о его образѣ жизни и занятіяхъ.... Потомъ вдругъ, безъ всякой видимой причины, поѣхалъ въ губернской городъ, пробылъ тамъ нѣсколько дней и по возвращеніи сдѣлался замѣтно спокойнѣе.

Всѣ эти замѣчанія дѣлала сестра его, наблюдавшая за нимъ со всею сердечною привязанностью: жена же, совершенно довольная тѣмъ, что могла лежать и жевать, сколько душѣ угодно, — ничего не замѣчала, ничего не видала, а если правду сказать,—ни о чемъ и не думала. По возвращеніи изъ губернскаго города, въ Бряницкомъ замѣтили не только сестра, но даже и домашніе что-то суетливое, продолжавшееся нѣсколько дней; онъ не смѣлъ запершися въ павильонѣ, какъ прежде, но ходилъ взадъ и впередъ изъ дома въ павильонъ и изъ павильона въ домъ.

Кончилось все это тѣмъ, что въ одинъ прекрасный день онъ исчезъ вовсе. Тщетно ждали его къ чаю, къ обѣду, къ вечернему чаю,—его не было. Сестра пришла въ отчаяніе. Несмотря на строгій запретъ ходить въ павильонъ, она бросилась туда, велѣла разломать замокъ, — тамъ пусто: — все прибрано, ни гдѣ ни бумажки, ни малѣйшаго слѣда, чтобъ тутъ когда нибудь жилъ человѣкъ.

Едва окончился этотъ обзоръ, какъ бѣдной дѣвушкѣ подали письмо, принесенное неизвѣстнымъ человѣкомъ, тотчасъ впрочемъ скрывшимся. Письмо это было такого содержанія:

«Не удивляйся моей отлучкѣ. Она необходима. Не тоскуй и не плачь; все дѣлается къ лучшему въ этомъ мірѣ. Скоро ты обо мнѣ услышишь. Жизнь наша тогда пойдетъ обыкновеннымъ порядкомъ—покойно и счастливо. Я не думаю, чтобъ жена моя стала очень тосковать объ моемъ отсутствіи; можешь поклониться ей и сказать, что въ непродолжительномъ времени я буду писать къ ней. Деньги на содержаніе вамъ найдешь въ павильонѣ въ секретномъ ящикѣ, въ стѣнѣ подъ тѣмъ окномъ, которое выходитъ на Царицыну лужайку. Подави мѣдную пуговку, которая сейчасъ подъ подоконницей, ящикъ тотчасъ откроется.

Повторяю, — не грусти и не плачь: Дѣло идетъ хорошо и ты будешь мною довольна.

Искренно любящій тебя... и прочее.»

Это посланіе немного успокоило дѣвушку.

VI.

Въ лѣсахъ, протянувшихся широкою и длинною полосою вдоль нашей границы съ Пруссіей, живетъ какое-то странное племя: смѣсь поляковъ, жидовъ, чухонъ, жмуди. Среди этого оборваннаго, полуголоднаго, почти полудикаго племени, выдаются болѣе всего жиды, такъ же оборванные, такъ же полуголодные, но изворотливые и ловкіе. Корчмы, разбросанныя здѣсь повсюду, служатъ прибѣжищемъ контрабандистамъ; закрытыя тѣнью почти непроходимыхъ лѣсовъ, гдѣ даже и сообщенія трудны, онѣ представляютъ всѣ удобства для этого рода торговли, и тутъ-то за ничтожную плату можно всегда найти молодцевъ, готовыхъ на все, въ чемъ надо дѣйствовать хитростью и обманомъ, — только не открытою силою.

Въ одинъ осенній вечеръ, когда сумерки начали уже надвигаться на землю, къ одной такой корчмѣ, въ польской длинной таратайкѣ, подъѣхали два человѣка. Въ такихъ корчмахъ особыхъ комнатахъ нечего и думать; и путешественники наши должны были удовольствоваться одною общою комнатою, въ которой шумѣло два-три запоздалыхъ контрабандиста, въ углу храпѣлъ какой-то полуиѣмецъ-полуполякъ, а еврейка, въ красномъ платкѣ на головѣ, тараторила и суетилась, то награждая толчками грязныхъ дѣтей, то подавая вино гостямъ. Корчма эта, какъ и всѣ почти заведенія подобнаго рода въ томъ краю, состояла изъ длиннаго, очень низкаго строенія, окна котораго лежали почти на землѣ, съ превысокой крышей, покрытой маленькими кусочками тонкой драпи, съ землянымъ поломъ и этой особой, нестерпимой для непривычнаго носа, атмосферой, какая бываетъ обыкновенно въ еврейскихъ жилищахъ. Хозяинъ, въ черной бархатной ермолкѣ, на которой нашито было какое-то жидовское изображеніе, съ длинными песиками, въ изодранномъ, черномъ демикотоновомъ балахонѣ, въ туфляхъ безъ задниковъ, шлепавшихъ, когда онъ ходилъ, егосилъ около гостей, подливая имъ вино, и время отъ времени услаждалъ слухъ ихъ музыкою како-

го-то страннаго инструмента, схожаго съ шарманкой. Приѣздъ нашихъ путешественниковъ не нарушилъ занятій дѣйствующихъ лицъ. Имъ отвели уголь, гдѣ они и должны были удовольствоваться чѣмъ-то въ родѣ кровати изъ досокъ, съ брошеннымъ на нее грязнымъ матрацомъ.... Молча усѣлись они на это негостепріимное ложе, чтобъ осмотрѣть все окружавшее ихъ; они попросили ѣсть, но съѣстнаго въ харчевнѣ ничего не оказалось, — было только вино.... да и то скверное.

Одинъ изъ путешественниковъ началъ съ жадностью прислушиваться къ разговору пирующихъ. По немногимъ словамъ онъ могъ догадаться, что попойка, происходившая тутъ, не была случайною, что въ эту ночь ждали партію изъ-за границы съ контрабандой и что на эту контрабанду возлагали большія надежды. Пирующие, несмотря на то, что разговоръ ихъ шелъ о предметахъ не совсѣмъ законныхъ, мало стѣснялись присутствіемъ постороннихъ; конечно, при первомъ появленіи они осмотрѣли ихъ съ ногъ до головы, — и вѣроятно этого обзора было достаточно для того, чтобъ обсудить и понять, что они не могутъ быть опасными.

Часовъ около десяти ночи, когда наши путешественники уже улеглись, но не спали—съ цѣлью, чтобъ не пропустить ничего изъ того, что будетъ происходить, — послышался около корчмы шумъ и шопотъ, и въ комнату вошло человѣкъ шесть людей всякаго возраста, неся на плечахъ большіе мѣшки съ товарами. Это была ожидаемая партія. Ее встрѣтили съ шумными и радостными восклицаніями. Ремесло на эту ночь было опасно: носились слухи, что пограничная стража что-то почувала и смотрѣла во всѣ глаза.... Но по рассказамъ пришедшихъ, границу они перешли благополучно, даже не видя и тѣни кордонныхъ. Многіе были того мнѣнія, что страхъ кордонныхъ была пустая тревога; тѣ же, которые постарше, говорили, что это просто ловушка, что хотятъ ихъ усыпить для того, чтобъ накрыть разомъ; вслѣдствіе этого совѣтовали поскорѣе убираться дальше отъ границы и поскорѣе распускать по рукамъ товары. Хозяинъ, ужь опытный въ дѣлахъ этого рода и находившій свои расчеты въ томъ, чтобъ десятка два человѣкъ, усталыхъ и слѣдственно нуждающихся въ подкрѣпленіи, пробыли нѣсколько лишннихъ часовъ въ его корчмѣ, — голосилъ, что всѣ эти слухи вздоръ, что кордонные и заглянуть-то въ его корчму не посмѣютъ, зная, что тутъ можно встрѣтить такихъ

молодцовъ, какъ они, и что бояться всѣхъ пустыхъ слуховъ смѣшно и стыдно. Смотри на то, какъ онъ распрямился, какъ горѣли его глаза, какъ воинственно болтались его песики и какія энергическія движенія онъ дѣлалъ руками, можно было подумать, что это Сампсонъ по силѣ и Баярдъ по неустрашимости....

Противъ того, чтобъ долго оставаться въ корчмѣ, возсталъ плотный, приземистый дѣтина съ сильнымъ польско-нѣмецкимъ акцентомъ, бывший, какъ замѣтно, начальникомъ экспедиціи. Онъ доказывалъ, что ежели хозяева этого рода промышленности поручили имъ пронести товары черезъ границу, то они должны выполнить это добросовѣстно и доставить въ руки тѣмъ, кому назначено, прибавляя, что ежели честности въ ихъ ремеслѣ не будетъ, оно сдѣлается невозможнымъ и должно прекратиться во все; что оставаться долѣе въ корчмѣ, — значить подвергать опасности и самихъ себя, и свое занятіе; и потому требовалъ сейчасъ же отправиться далѣе, чтобъ не покрыться позоромъ, за невыполненіе обѣщаннаго. Онъ напоминалъ, что хозяинъ ихъ принялъ вещи на страхъ съ отвѣтственностью, что выдалъ въ пріемъ вещей квитанцію, и что безчестно поставить его въ обязанность заплатить за вещи, принятыя для доставки на совѣсть. Тѣ, которымъ не хотѣлось разстаться съ водкою корчмаря-еврея, утверждали, что эта торговля — недозволенная, что заводить книги на пріемъ вещей и выдавать на нихъ квитанціи — глупо; что этимъ только ихъ подвергаютъ преслѣдованію и суду, и что требовать правильности и страхованія въ такомъ дѣлѣ, которое зависитъ отъ случая, отъ печальной встрѣчи, отъ перваго болтуна, — есть чистое безуміе.

Старшій изъ путешественниковъ слушалъ всѣ эти разговоры съ напряженнымъ вниманіемъ, и видя, что приземистый господинъ сильно упиралъ на исполненіе обѣщаній, называя нарушеніе ихъ дѣломъ безчестнымъ, рѣшился объясниться съ нимъ. Для этого онъ всталъ, далъ рукою знакъ, что хочетъ говорить съ нимъ наединѣ, и вышелъ изъ корчмы.

Разговоръ ихъ продолжался долго. Контрабандистъ, какъ замѣтно, не соглашался на предложеніе его, отговариваясь тѣмъ, что контрабандисты за такія дѣла не берутся, что остановить кого нибудь на дорогѣ силой — грабежъ, и что за это по законамъ въ каторжную присуждаютъ. Путешественникъ въ отвѣтъ на это говорилъ, что тутъ грабежа нѣтъ, когда у человѣка ничего не отнимаютъ изъ имущества, что грабежъ есть не что иное, какъ

воровство съ насиліемъ, — а что когда у человѣка не берутъ ничего, кромѣ какой нибудь ничтожной бумажки, которая можетъ быть всегда замѣнена, — тамъ воровства нѣтъ. Какъ видно, путешественникъ не стоялъ за деньгами, и вѣроятно это было причиною, что онъ сошелся съ контрабандистомъ.... Не далѣе какъ черезъ три-четыре дня послѣ этого былъ остановленъ на дорогѣ экипажъ съ семействомъ, отправлявшійся за границу, — и лица, остановившія его, не требовали отъ путешественниковъ ничего, кромѣ ихъ заграничныхъ паспортовъ, отказываясь даже отъ денегъ, имъ предлагаемыхъ, и даже не дотронувшись до карманныхъ бы то ни было вещей.

Почти въ тоже самое время кордонъ, объѣзжавшій границу, наткнулся на нѣсколькихъ людей, перебиравшихся черезъ границу глухими тропинками. Еслибъ эти люди, не имѣвшіе при себѣ ни запрещенныхъ товаровъ и ничего, чтобы могло казаться подозрительнымъ, были одѣты такъ, какъ одѣто все низшее сословіе въ этомъ краю, — объѣзжающимъ, разумѣется, не пришло бы и въ голову ихъ останавливать; но такъ какъ двое изъ нихъ были въ городскихъ пальто и говорили на московскомъ нарѣчій, то по подозрѣнію они были остановлены и приведены въ таможенную. Тамъ тотчасъ открылось, что одинъ изъ захваченныхъ оказался особою женскаго пола. Это усилило подозрѣніе еще болѣе.... Отъ захваченныхъ потребовали виды и когда мужчина представилъ свой заграничный паспортъ, оказалось, что паспортъ этотъ былъ взятъ у проѣзжавшаго передъ тѣмъ семейства.... Они оба были отправлены въ земскій судъ; судъ — какъ людей подозрительныхъ, посадилъ ихъ въ острогъ. Началось формальное слѣдствіе.

Первоначальные допросы не повели ни къ чему. Съ перваго раза и мужчина и женщина отвѣчали, что они *непомянуціе родства*; что они заграничный паспортъ нашли на дорогѣ; что они за границу хотѣли перебраться потому, что въ Россіи не имѣютъ никакихъ средствъ къ существованію, и думали попытать счастье въ чужихъ земляхъ.

Хотя тонкое бѣлье и даже нѣсколько изысканная одежда не показывали, чтобъ это были люди нуждающіеся въ способахъ существованія, — они стояли упорно на своемъ.

Приступлено было къ обыску.

Обыскъ еще болѣе подтвердилъ ложность ихъ показаній: на мужчинѣ найденъ былъ поясъ, въ которомъ было иностран-

наго золота почти на 800 рублей и переводное письмо на имя одного изъ извѣстныхъ парижскихъ банкировъ, почти на 50 тысячъ рублей. На женщинѣ брильянты, хотя не очень цѣнные, но все таки довольно дорогие для бродягъ, непомнящихъ родства.

Всѣ эти обстоятельства, вмѣстѣ взятыя, въ высшей степени заинтересовали всѣ власти уѣзднаго городка, такъ что городничій и исправникъ нашли себя обязанными тотчасъ донести объ этомъ начальнику губерніи, а стряпчій — прокурору....

Начальникъ губерніи, человекъ въ высшей степени щепетильный относительно службы, тотчасъ сообщилъ объ этомъ, кому слѣдовало.... Поднялась такая суматоха, что и описать пельзя. Такъ какъ все производилось подъ величайшимъ секретомъ, то черезъ два часа весь губернскій городъ былъ на ногахъ. Мужчины, а особенно барыни — скакали изъ дома въ домъ и рассказывали обо всемъ шопотомъ, разумеется, съ подобающимъ распространеніемъ и дополненіемъ....

При этихъ разсказахъ, одна изъ аристократокъ города, Анна Сергѣевна Д', вдругъ вспомнила, что когда она, три дня передъ тѣмъ, заказывала повару кушанье, — онъ вдругъ посмотрѣлъ на нее ужасно страшно.... По всѣмъ вѣроятіямъ эти злоумышленники снюхались съ ея Тинкой.

Непремѣнный членъ приказа говорилъ, что онъ давно уже замѣчаетъ что-то необыкновенное. Когда онъ, напримѣръ, приходитъ въ присутствіе, то чиновники съ нѣкотораго времени кланяются ему не такъ низко, какъ прежде; и даже одинъ разъ, — что уже по его мнѣнію составляетъ непреложное доказательство, — одинъ изъ такихъ чиновниковъ мѣнялъ въ табачной лавкѣ 20-франковую монету. Не ясно ли послѣ того, что эти деньги пришли къ нему какимъ нибудь необыкновеннымъ путемъ?... Откуда бы ему взять эти деньги, когда положительно извѣстно, что 20-франковыхъ монетъ во всемъ городѣ три: одна у откупщика, другая у инспектора врачебной управы, собирающаго всѣ необыкновенныя монеты, и третья — у первостатейнаго торговца Тупицына.

Слушая всѣ эти разсказы, начальникъ губерніи значительно попохивалъ табакъ, пославъ между тѣмъ своего чиновника особыхъ порученій, въ сопровожденіи другаго должностнаго лица, произвести строжайшее дознаніе: кто такіе пойманные бродяги, — и съ парочною эстафетою донести ему о послѣдствіяхъ.

Молодой человекъ, посланный губернаторомъ, потиралъ руки отъ удовольствія, что ему поручено такое важное дѣло, и уже въ умѣ заковывалъ въ кандалы и всякими другими средствами тревожилъ пойманныхъ злоумышленниковъ, чтобъ заставить ихъ открыть страшную тайну. Онъ однако не открывалъ своихъ плановъ должностному лицу, съ нимъ ѣхавшему, для того, чтобъ тотъ не перебилъ у него славы открытія и тѣмъ не лишилъ его той награды, которую въ умѣ своемъ онъ уже созерцалъ въ пелличкѣ своего фрака, а можетъ быть даже и на шеѣ.

Дѣйствительность, однако, не оправдала ожиданій его, когда онъ увидѣлъ лицомъ къ лицу незнакомца и женщину, съ нимъ бывшую. Разумѣется, она, какъ существо прекраснаго пола, первая сдѣлалась предметомъ наблюденій ревностнаго чиновника. Это было прекрасное, кроткое созданіе, лѣтъ 23, съ свѣтлорусыми волосами, съ глазами сѣрыми, глубокими, съ кротою, но грустною улыбкой,—одно изъ тѣхъ умиряющихъ, благородныхъ въ простотѣ своей созданій, которыя встрѣчаются такъ рѣдко и которыхъ, увидѣвъ однажды, позабыть нельзя никогда. Но по головкѣ, которую она держала высоко, несмотря на содержаніе въ острогѣ, по строгой и горькой улыбкѣ, часто появлявшейся на губахъ ея, несмотря на кротость,—можно было подозрѣвать въ ней волю сильную и непреклонную, такую волю, которая не согнется ни подъ какими ударами. Она такъ просто, такъ безыскусственно смотрѣла чиновнику въ глаза, называя себя бродягою, непомнящею родства, что тотъ сталъ въ тупикъ.... Онъ вздумалъ запутывать діалектикой, *сбивать*, какъ говорятъ слѣдователи; но она отвѣчала ему такъ односложно и коротко, и вмѣстѣ такъ неопредѣленно, что бѣдный молодой человекъ повѣсилъ голову. За мужчину онъ принялся не съ такою охотою, особливо когда тотъ съ перваго раза ему объявилъ, что болѣе того, что онъ сказалъ при первомъ допросѣ, отъ него ничего не узнаютъ. Угрозы тоже не подвинули дѣла ни на волосъ. Тогда молодой человекъ поприжалъ язычокъ — и отправился во свояси, то есть въ губернской городъ. Дѣло шло своимъ чередомъ...

По пріѣздѣ въ губернію, молодой человекъ, чтобъ не подать дурнаго мнѣнія о своей проницательности или подозрѣнія, что не занялся дѣломъ, далъ почувствовать косвенно начальнику губерніи, что взятые два арестанта далеко не то, что они про себя говорятъ, и что вѣроятно тутъ скрывается какая ни—

будь страшная тайна. Супруга начальника губерніи, страшная охотница до всякихъ тайнъ вообще, дама экзальтированная, была до такой степени возбуждена разсказами молодого человѣка, пользовавшагося особенною ея протекціею, что почти настоятельно потребовала отъ мужа вытребовать арестантовъ въ губернской городъ, съ тѣмъ, чтобъ лично удостовѣриться, дѣйствительно ли молодая арестантка такъ хороша, какъ описывалъ ее молодой человѣкъ, и дѣйствительно ли они такіе важные преступники, какъ объ нихъ думаютъ. На этомъ основаніи былъ вытребованъ на ея половицу правитель канцеляріи и получилъ приказаніе повидаться съ предсѣдателемъ уголовной палаты и выразить желаніе, чтобъ арестантовъ вытребовали въ губернской городъ для подтвердительныхъ допросовъ. Все это было сдѣлано потому, что правитель канцеляріи объявилъ, что еслибъ начальникъ губерніи не былъ въ явной враждѣ съ прокуроромъ, тогда бы можно было вытребовать арестантовъ и просто, написавъ только: по приказанію его превосходительства. Но такъ какъ прокуроръ былъ въ явной враждѣ съ его превосходительствомъ и забылся даже до того, что черезъ плечо его превосходительства (онъ былъ хромъ и ходилъ съ костылемъ) осмѣлился замахиваться на правителя дѣлъ холернаго комитета, спрятавшагося на корточки за генеральской спиной; то, разумѣется, просто этого теперь сдѣлать было нельзя, и надо было дѣйствовать чрезъ уголовную палату, которая одна имѣетъ право, не выходя изъ закона, заставить арестанта сдѣлать столько верстъ пѣшкомъ и въ цѣпяхъ, сколько ей вздумается.... Правитель канцеляріи, разумѣется, «потщился» исполнить волю ея превосходительства; онъ отправился тотчасъ къ предсѣдателю; и такъ какъ тому было все равно, пройдетъ ли арестантъ лишнюю сотню верстъ пѣшкомъ, то онъ безъ труда согласился на волю ея превосходительства, замѣтивъ только, что исполнить ея волю мгновенно нельзя, потому что дѣло въ палату не поступало. Правитель канцеляріи принялъ на себя хлопоты по этому дѣлу, и въ тотъ же день полетѣло съ нарочнымъ въ уѣздный судъ предложеніе его превосходительства: «донести, въ какомъ положеніи дѣло, и ежели еще не рѣшено, то всемѣрно озаботиться, по его важности, скорѣйшимъ его окончаніемъ....».

Разумѣется, уѣздный судъ, получа такое строгое предписаніе, не заставилъ ждать себя: дѣло было тотчасъ представлено въ палату, а палата, не развернувъ даже его, потребовала двухъ

непомнящихъ родства къ подтвердительнымъ допросамъ. Они были отправлены пѣшкомъ, прикованные къ цѣпи вмѣстѣ съ разбойниками и убійцами....

Желаніе ея превосходительства исполнилось; арестанты прибыли въ губернскій городъ,—они были выставлены на позорище; на нихъ ѣздили смотрѣть, какъ на Пастрану, какъ на Томъ-Пуса, какъ на Сіамскихъ близнецовъ.

Любопытство публики было удовлетворено.

Все, что мы до сихъ поръ рассказывали, случилось въ той самой губерніи, въ которой Бряницкій, въ началѣ нашего разсказа, похоронилъ жену свою. Надобно сказать, что священникъ, ее хоронившій и давшій тогда ей мужу свидѣтельство, находился въ то время по дѣламъ своимъ въ губернскомъ городѣ. Любопытная губернаторша нарочно ѣздила сама въ острогъ для того, чтобъ «поскорбѣть объ участи несчастныхъ», какъ она выражалась, «и полюбопытствовать, такъ ли хороша, какъ говорили, женщина, къ которой она чувствовала нѣкоторую ревность за неумѣренныя похвалы чиновника особыхъ порученій». Такъ какъ молва о страшныхъ людяхъ, пойманныхъ на границѣ и теперь приведенныхъ въ губернскій городъ, проникла и въ низшіе слои губернскаго народонаселенія, то не мудрено, что всякій разъ, какъ нашихъ двухъ *непомнящихъ родства* приводили въ палату, толпы любопытныхъ сбѣгались смотрѣть на нихъ. Священнику, увлеченному толпою, тоже какъ-то случилось видѣть ихъ на пути. Наружность мужчины поразила его.... Онъ сталъ припоминать, гдѣ и когда онъ его видѣлъ, и наконецъ рѣшилъ, что лицо человека, называющаго себя *непомнящимъ родства*, ему знакомо и что это именно тотъ господинъ, жену котораго хоронилъ онъ.

Слыша безпрестанно около себя рассказы о важности этихъ преступниковъ, о тѣхъ страшныхъ замыслахъ, которые имъ приписываются, и наконецъ видя всеобщее любопытство, какимъ они окружены,—онъ счелъ обязанностью своею открыться своему духовному начальству,—а оно тотчасъ дало знать гражданскому, и не далѣе, какъ черезъ два часа у священника въ гостяхъ сидѣлъ полицмейстеръ города съ приказаніемъ начальника губерніи, какъ можно поспѣшнѣе собрать самыхъ точныхъ и самыхъ вѣрныхъ свѣдѣнія о вредныхъ неизвѣстныхъ людяхъ, именуемыхъ себя *непомнящими родства*. Священникъ, рассказавши полицмейстеру все, какъ было, только не могъ

припомнить фамиліи вдовца, которому выдано свидѣтельство, и прибавилъ, что объ этомъ можно справиться въ его бумагахъ, что это обстоятельство извѣстно и мѣстному становому приставу. Этого было достаточно для возбужденія неутомимой ревности начальника губерніи. Онъ тотчасъ сдѣлалъ распоряженіе о собраніи всѣхъ нужныхъ свѣдѣній и о вытребованіи становаго въ губернской городъ. Не далѣе, какъ черезъ три дня, и имя того, кому выдано было свидѣтельство, стало извѣстно, и становой явился къ его превосходительству.

Непомнящій родства былъ, какъ вѣроятно уже догадался читатель, — Брянницкій. Оставалось только уличить его въ ложномъ показаніи и заставить сознаться.

Для этого, по предложенію прокурора, арестанты были вызваны въ палату.

Предсѣдатель, облекшійся для этого казусаго случая во всѣ регалии, допрашивалъ ихъ самъ.

— Кто ты такой? спросилъ онъ Брянницкаго, когда того ввели въ присутствіе.

— Я вамъ сказалъ уже, кто я! отвѣчалъ Брянницкій съ замѣтной досадою. Чего вы донскиваете, когда законъ прямо и положительно говоритъ, что непомнящіе родства ссылаются въ Сибирь? — Извольте ссылать меня — вотъ ваша обязанность.

Тонъ этотъ оскорбилъ предсѣдателя. Онъ величаво поднялъ голову, съ нѣкоторою гордостью бросилъ взглядъ на свои регалии и небрежно сказалъ:

— Я призвалъ тебя не для того, чтобы слушать твое наставленіе, а чтобы уличить тебя во лжи. Богъ, карающій преступленія, не допустилъ совершиться злодѣйскимъ намѣреніямъ твоимъ; — по неисповѣдимымъ судьбамъ своимъ Онъ открываетъ, кто ты такой.

Брянницкій поблѣднѣлъ, руки и ноги у него задрожали....

— Смирись предъ промысломъ! продолжалъ богобоязливый предсѣдатель:—и предъ лицомъ закона, котораго я здѣсь представитель, открой свое имя и званіе, пока мы не изобличимъ сами, и когда ты не будешь уже въ правѣ воспользоваться милосердіемъ закона.

Брянницкій горько улыбнулся, но не сказалъ ни слова.

— Я жду твоего отвѣта, начатъ опять предсѣдатель.

Бряницкій хотѣлъ что-то отвѣчать, слово готово было уже сорваться съ языка его, но онъ замѣтно переломилъ себя — и помолчавъ, сказалъ очень тихо:

— Больше того, что вамъ извѣстно, мнѣ сказать нечего.

Тогда предсѣдатель велѣлъ позвать священника и становаго. При видѣ ихъ Бряницкій едва удержался на ногахъ. Онъ бы упалъ, еслибъ его не поддержали. Предсѣдатель видимо торжествовалъ.

— Теперь заираться нечего, продолжалъ онъ: — всякое упорство поведетъ только къ отягченію судьбы твоей. Ваше священство, извольте рассказать все то, что вамъ извѣстно о подсудимомъ.

Священникъ повторилъ все то, что извѣстно читателю. Когда онъ кончилъ, предсѣдатель потребовалъ объясненій становаго. Становой въ свою очередь повторилъ почти тоже, что сказалъ священникъ.

Бряницкій слушалъ показанія эти съ какою-то тупою безчувственностью. Видно было, что внутри его происходила страшная борьба, что онъ терялся въ хаосѣ мыслей и не находилъ изъ нихъ выхода. Онъ вздрагивалъ по временамъ, слушая подробности смерти жены своей, когда священникъ сталъ описывать его нетерпѣніе скорѣе уѣхать и необычайную торопливость на полученіе свидѣтельства.

— Да, я — Бряницкій! сказалъ онъ наконецъ рѣшительно, видя уже, что заирательство ни къ чему не поведетъ: — я хотѣлъ перейти границу съ чужимъ видомъ; извольте наказывать, я готовъ на все!...

— Какимъ образомъ пріобрѣли вы заграничный паспортъ, съ которымъ васъ взяли?

— Я подкупилъ контрабандистовъ, которые захватили его у первыхъ проѣзжающихъ.

— Самы вы участвовали ли въ этомъ грабежѣ, — потому что иначе, какъ грабежемъ, этого назвать нельзя? Нападеніе сдѣлано было вооруженными людьми...

— Самъ я не участвовалъ. Они принесли мнѣ паспортъ въ корчму, гдѣ я ихъ дожидался.

— Много ли вы заплатили имъ за это?

— Тысячу рублей.

— Зачѣмъ хотѣли вы оставить отечество?

— Мнѣ надоѣло жить въ Россіи; мнѣ хотѣлось посмотрѣть другія земли, видѣть другихъ людей.

— Отчего же вы не обратились съ формальною просьбою о выдачѣ вамъ заграничнаго паспорта?

Бряницкій молчалъ нѣсколько минутъ, потомъ сказалъ: это моя тайна.

— И вы не хотите открыть этой тайны?

— Нѣтъ.

— Знаете ли, чему вы подвергаетесь, показавши какую нибудь неискренность въ отвѣтахъ?

— Знаю.

— И все-таки продолжаете упорствовать?

— Я не могу открыть этого.

— Кто такая женщина, которая взята вмѣстѣ съ вами?

Бряницкій вспыхнулъ; но спустя нѣсколько времени, твердымъ голосомъ онъ отвѣчалъ:

— Это сестра моя....

Его втутреннее волненіе не могло не быть замѣченнымъ предстоящимъ. Думая воспользоваться этимъ минутнымъ движеніемъ, предсѣдатель продолжалъ болѣе настойчиво:

— По обязанности моей и по чувству христіанской любви повторяю вамъ: не отягчайте напрасно судьбы вашей. Вы знаете, — законъ милостивъ къ раскаявающимся, но за то онъ неумолимъ къ упорствующимъ. Вашъ послѣдній отвѣтъ неискренень. Говорите откровенно; можетъ быть, это ваша любовница?

Бряницкій вспыхнулъ, быстро поднялъ голову, гордо смѣрялъ предсѣдателя съ ногъ до головы глазами, даже руки его поднялись судорожно и торопливо, какъ бы желая отметить за оскорбленіе чести женщины. Но взглядъ, брошенный кругомъ, заставилъ его очнуться. Замѣтно было, что предметы окружающіе напомнили ему, кто онъ и гдѣ находится. Онъ удовольствовался только отвѣтомъ:

— Я вамъ уже сказалъ, что это сестра моя....

И въ звукъ его голоса было столько рѣшительнаго, что предсѣдатель не нашелъ возможнымъ болѣе настаивать. Онъ продолжалъ:

— Намъ извѣстно, что вы имѣете чинъ губернскаго секретаря. Такъ по крайней мѣрѣ написано въ томъ свидѣтельствѣ, которое вамъ выдано по случаю смерти вашей супруги. Скажи-

те намъ теперь, гдѣ вы имѣли доселѣ ваше постоянное мѣсто-
жительство?

Бряницкій взглянулъ на предсѣдателя пылливо, вопроси-
тельно, какъ бы желая узнать тайную мысль его, потомъ ска-
залъ:

— Для чего вамъ это?

— Для того, чтобъ навести пужныя справки о вашемъ про-
исхожденіи, о томъ, не на службѣ ли вы состоите, и наконецъ
не сдѣлала ли вы какого нибудь преступленія, вынудившаго васъ
бѣжать изъ отечества.

Бряницкій подумалъ, потомъ сказалъ:

— Я уроженецъ Астраханской губерніи и состоялъ на служ-
бѣ въ г. Красноярскѣ. Хотѣлъ бѣжать изъ отечества, потому
что терпѣлъ нападки отъ своего начальства.

— Это явная ложь, отвѣчалъ предсѣдатель:—но такъ какъ
покаместъ теперешнихъ показаній вашихъ для собранія справокъ
достаточно, то вы можете выйти. Допросные пункты будутъ
готовы черезъ нѣсколько минутъ.

Онъ позволилъ, Бряницкаго вывели, окруженнаго густою
толпою солдатъ съ примкнутыми штыками.

Когда онъ вышелъ, предсѣдатель снова позвонилъ и прика-
залъ ввести подсудимую. Она вошла легко и свободно и устре-
мила глаза на предсѣдателя, какъ бы ожидая поясненія, зачѣмъ
потребовали ее сюда?

— Кто вы такая? спросилъ ее предсѣдатель. Откройте намъ
всю истину. Хотя намъ и извѣстно все, но законъ требуетъ отъ
подсудимаго раскаянія и сообразно этому раскаянію соразмѣ-
ряетъ наказаніе. Говорите правду, потому что, какъ уже ска-
залъ я вамъ сейчасъ, намъ все извѣстно.

— А если извѣстно, зачѣмъ же вы спрашиваете? отвѣчала
она.

— За тѣмъ, чтобъ облегчить вашу участь.

— Зачѣмъ облегчать ее? Я виновата; я должна быть нака-
зана. Я буду сослана въ Сибирь?

— Да, ежели вы будете упорствовать, что вы непомнящая
родства; а можетъ быть и не сошлютъ, ежели откроете, кто вы
такая, и ежели не сдѣлали никакого преступленія.

Что-то заботливое, тревожное выразилось въ чертахъ лица
молодой женщины. Она сказала:

— Прежде, нежели я буду отвѣчать, кто я такая, я бы желала знать, что сказалъ мужчина, съ которымъ я была вмѣстѣ.

— Этого я вамъ не могу открыть.

— И я не могу его видѣть?

— Ни подъ какимъ видомъ..

— Что же должна отвѣчать я? говорила она, задумавшись.

— Правду! сказалъ предсѣдатель.

Прошло нѣсколько минутъ молчанія. Грудь молодой женщины сильно колыхалась. Глаза, устремленные на предсѣдателя, какъ бы вымаливали списхожденія.... Прокуроръ, бывший безмолвнымъ свидѣтелемъ этой сцены, молодой человѣкъ съ очень элегантными манерами, не могъ устоять противу обаянія этой красоты. Сердце его сжалось. Онъ не могъ оставаться равнодушнымъ къ ея страданію.... Онъ счелъ обязанностію своею, какъ человѣка и какъ чиновника, объяснить ей, не выходя изъ своей роли, требованія закона.

— Вы, сказалъ онъ, напрасно такъ тревожите себя. Мужчина, съ вами бывший, объявилъ уже, кто онъ такой; слѣдственно вамъ нечего опасаться сказать что нибудь, что бы могло повредить ему.... Намъ нужно только знать, кто вы такая.

Бѣдная женщина устремила глаза на прокурора съ мольбою сердца. Открытое, честное лицо прокурора успокоило ее. Съ этимъ тактомъ, какой имѣютъ однѣ женщины, она поняла, что Богъ посылаетъ ей неожиданно друга; она посмотрѣла на него съ благодарностью.... Даже предсѣдатель былъ нѣсколько растроганъ.

— Господа, сказала наконецъ незнакомка, рыдая: — пожалѣйте меня.... Ради Бога пожалѣйте. Я бѣдная женщина, не знаю вашихъ законовъ и слѣдственно могу каждымъ неосторожнымъ словомъ погубить и себя, и его.... тогда какъ цѣною жизни хотѣла бы я купить его счастье.... Будьтенисходительны къ бѣдной женщинѣ, дайте ей возможность благословлять ваше имя. У каждаго изъ васъ есть матери, сестры, жены, даже можетъ быть дочери; именемъ ихъ, именемъ ихъ любви къ вамъ заклинаю васъ, — не погубите бѣдную женщину, которая виновата только въ томъ, что любить и любила.... Я не преступница, увѣряю васъ въ этомъ; повѣрьте этому моему слову; клянусь вамъ въ этомъ всѣмъ, что только есть святаго на землѣ.

Прокуроръ не выдержалъ; сердце его было такъ полно, что онъ рѣшился подсказать ей, убѣжденный, что передъ судомъ вѣчной справедливости будетъ оправданъ....

— Господинъ Бряницкій сказалъ намъ, что вы сестра ему. Правда ли это?

— Да, я сестра ему, отвѣчала она, онъ сказалъ правду.

— Господинъ Бряницкій сказалъ намъ еще, продолжалъ прокуроръ, что вы изъ Красноярска, Астраханской губерніи; правда ли это?

— Я не знаю.... отвѣчала она нерѣшительно, я право не знаю. Должно быть такъ, ежели онъ сказалъ.... Я не помню ничего. Бѣдная голова моя растеряна; пожалѣйте меня, не спрашивайте больше; Богъ наградитъ васъ за это.

Этимъ окончились допросы.

VII.

Съ первую же послѣ этой сцены почтою послано было къ красноярскому городничему предписаніе изслѣдовать: былъ ли тамъ на жительствѣ губернскій секретарь Бряницкій, не отлучился ли онъ оттуда вмѣстѣ съ сестрою, не сдѣлалъ ли какого преступленія, и проч. и проч. Отвѣтъ былъ таковъ, какого и падо было ожидать: городничій отвѣчалъ, что никогда въ Красноярскѣ никакого Бряницкаго ни на службѣ, ни въ отставкѣ не было.—не только въ настоящее время, но даже и за десять лѣтъ, и что показаніе бродяги ложно.... Вызванный въ присутствіе палаты, Бряницкій отказался отвѣчать и просилъ, какъ милости, осудить его, какъ непомнящаго родства. Уже палата готова была исполнить его желаніе, такъ какъ оно было согласно съ закономъ, какъ вдругъ нечаянный случай разрушилъ всѣ предположенія Бряницкаго и уже написанное опредѣленіе палаты.

Начальникъ газетнаго стола въ губернскомъ правленіи, куда, какъ извѣстно, стекаются губернскія вѣдомости со всѣхъ губерній имперіи, пришедши противъ обыкновенія какъ-то рано и занявшись отъ нечего дѣлать чищеніемъ ногтей, вдругъ ни съ того, ни съ сего, проникся чувствомъ порядка и нашелъ, что газетамъ неприлично валяться по столу и что они должны лежать у мѣста въ шкафѣ. Въслѣдствіе этого и такъ какъ ему дѣлать было больше нечего, онъ принялся распекать помощника

своего за такой безпорядокъ. Помощникъ отговаривался тѣмъ, что газеты только-что получены въ это утро и не могутъ еще быть убраны, потому что не просмотрѣны, нѣтъ ли въ нихъ чего, касающагося до ихъ губерніи.... Начальникъ газетнаго стола, почти по всѣмъ губерніямъ выбираемый изъ барченковъ или мѣстныхъ аристократиковъ, по какому-то странному капризу вдругъ пожелалъ самъ сдѣлать это.... Черлистая разсѣянно грязные большею частію листы этихъ газетъ, онъ вдругъ въ одной изъ нихъ напалъ на слѣдующее объявленіе:

«Метелинское губернское правленіе по представленію мишурскаго городническаго правленія и вслѣдствіе поданнаго отъ губернской секретарши Агнѣи Никтополионовой Бряницкой объявленія о внезапномъ исчезнутіи мужа ея губернскаго секретаря Порфирія Евграфова сына Бряницкаго, симъ объявляетъ во всеобщее свѣдѣніе, чтобы тѣ мѣста, гдѣ означенный Бряницкій окажется, объявили ему, что по просроченной закладной на домъ его домъ тотъ назначенъ въ продажу, и торгъ имѣеть быть 25 будущаго октября съ переторжкою черезъ три дня.»

Фамилія Бряницкаго, надѣлавшая столько шуму въ губернскомъ городѣ, не могла остаться незамѣченной. Хотя и не было никакого основанія думать, чтобы эти два Бряницкихъ были тождественны; тѣмъ не менѣе слово «внезапное исчезнутіе» не могли не обратить на себя вниманія начальника газетнаго стола. Не какъ догадку или сближеніе, но скорѣе какъ новость, довольно странную, онъ передалъ своимъ товарищамъ вечеркомъ за стаканомъ пуншу; эти разнесли завтра по городу и чрезъ какой нибудь день въ цѣломъ городѣ уже заговорили, что содержащійся въ острогѣ бродяга Бряницкій бѣжалъ отъ жены, ограбивши ее предварительно и надѣлавши столько долговъ, что продаютъ съ публичнаго торга домъ его. Конечно, эти слухи низводили Бряницкаго съ пьедестала страннаго политическаго преступника въ разрядъ обыкновенныхъ плутовъ; но тѣмъ не менѣе это не уняло праздные умы болтать, догадываться, предполагать — до такой степени, что изъ нижнихъ слоевъ они попали въ высшіе и были высказаны въ салонѣ ея превосходительству и дошли до прокурора. Прокуроръ, на котораго фигура женщины, взятой съ Бряницкимъ, произвела глубокое впечатлѣніе, не могъ остаться равнодушнымъ при этомъ извѣстіи. Онъ тотчасъ сообщилъ свѣдѣніе объ этомъ предсѣдателю; потребовали къ себѣ дѣло, сличили имя, написанное въ свидѣтельствѣ

священника, съ тѣмъ именемъ, которое было теперь напечатано въ губернскихъ вѣдомостяхъ, и нашли, что оно одно и тоже. Сомнѣваться больше было нечего: тождественность этого загадочнаго лица была опредѣлена, найдено мѣсто его жительства, а съ этимъ вмѣстѣ и возможность собрать самыя точныя свѣдѣнія о его личности и званіи. Предсѣдатель въ тотъ же день приказалъ подать докладъ; журналъ, исходящіе были изготовлены въ тоже утро, и не далѣе, какъ на другой день, посланъ былъ въ мишурское городническое правленіе указъ о доставленіи самыхъ точныхъ и положительныхъ свѣдѣній, съ описаніемъ даже примѣтъ губернскаго секретаря Порфирія Евграфова Брянскаго. Отвѣтъ не заставилъ ждать себя. Въ немъ городничій мишурскій, уже намъ извѣстный, не пожалѣлъ краснорѣчія своего, рассказалъ всѣ подробности «исчезнутія» съ математической точностью и добавилъ, что Брянскій, сколько извѣстно, никакого преступленія не сдѣлалъ, кромѣ развѣ того, что объ немъ ходили слухи, что онъ знается съ нечистой силой.

Когда такимъ образомъ личность Брянскаго была съ достовѣрностью опредѣлена, оставалось его судить только за пріобрѣтеніе ему не принадлежащаго вида и за покушеніе перейти подъ чужимъ именемъ за границу; женщина же все еще оставалась бродягою непомнящею родства и, слѣдственно, должна была быть подвергнута тому наказанію, какое положено въ законѣ бродягамъ этого рода. Когда Брянскаго вызвали въ присутствіе палаты и объявили о томъ, что справками подтверждена его личность и откуда онъ, онъ видимо упалъ духомъ; замѣтно хотѣлъ что-то спросить, но боялся изобличить себя.... На вопросъ, не имѣетъ ли онъ чего прибавить къ своему оправданію, онъ отвѣчалъ, что ему прибавлять нечего.

Женщина, съ нимъ взятая, хотъ и узнала, что личность и званіе Брянскаго извѣстны, продолжала утверждать, что она непомнящая родства, и такъ какъ объ ея личности узнать не было возможности, то и нужно было приступить къ рѣшенію.

Брянскій былъ осужденъ на ссылку въ отдаленную губернію, а бывшая съ нимъ женщина — въ Восточную Сибирь.

Наступилъ день объявленія приговора. По обыкновенію, ихъ вытребовали въ присутствіе палаты, и въ пріемной ея они увидѣлись въ первый разъ послѣ того, какъ были взяты на границу.... Когда женщина увидала Брянскаго, она бросилась къ нему съ воплемъ и прижалась къ нему такъ, что, кажется, ника-

кая сила въ мірѣ не могла бы ее оторвать отъ него.... Видно было, что она хотѣла бы говорить, но слова не сходили съ языка, только слезы лились изъ глазъ ея, и глаза эти высказывали ясно всю полноту любви ея.

А онъ—что дѣлалъ онъ, такъ горячо любимый ею? Онъ обнялъ ее судорожно,—прежде, нежели команда успѣла напомнить ему, что эти изъявленія радости, что эти разговоры прежде объявленія приговора не дозволены,—и слушая, что она говорила, смотрѣлъ на нее съ нѣмымъ восторгомъ. Дверь присутствія распахнулась настежь; солдаты перекрестили штыки; председатель подошелъ къ двери,—чтеніе приговора началось.

Бряницкій выслушалъ приговоръ съ покорностью. Онъ зналъ впередъ свою участь, и слѣдственно объявленіе о томъ, что его ожидаетъ, не могло произвести на него большаго впечатлѣнія. Онъ думалъ не о томъ — въ Сибирь, или другое мѣсто сошлютъ его, но о томъ, что будетъ съ бѣдной женщиной, когда она узнаетъ свою участь. Слезы навернулись у него невольно, не смотря на все усиліе скрыть ихъ, когда начали читать приговоръ ей и когда секретарь сказалъ: въ Восточную Сибирь. Это ее поразило; она вопросительно взглянула на Бряницкаго, какъ будто желая поясненія той мысли, которая пришла ей въ голову; онъ былъ не въ состояніи перенести взглядъ этотъ, — онъ потупился невольно: столько скорби и отчаянія было въ душѣ его, что онъ не смѣлъ на нее смотрѣть.

Когда чтеніе кончилось и вопросительный взглядъ, ею брошенный на Бряницкаго, остался безъ отвѣта, она пересилила себя замѣтно и обратилась съ вопросомъ къ председателю:

— Вѣдь меня въ Сибирь ссылаютъ, не правда ли?

— Да, въ Восточную Сибирь.

— А его? спросила она опять, указывая на Бряницкаго.

— А его въ отдаленныя губерніи, кромѣ сибирскихъ.

— Значитъ—не вмѣстѣ?

— Нѣтъ, не вмѣстѣ.

— Да этого нельзя, г. председатель! Это невозможно, закричала она такъ, что Бряницкій вздрогнулъ:—слышите ли, это невозможно, ежели вы только люди, а не звѣри! Вы не сдѣлаете, вы не можете сдѣлать этого. Никакая сила въ мірѣ не можетъ меня разлучить съ нимъ, слышите ли?... кричала она въ безумномъ отчаяніи.... Убейте, раздавите меня прежде, нежели успеете разлучить насъ.... Что Богъ соединилъ, развѣ люди смѣютъ

расторгнуть?... Что вы съ вашими законами передъ моею вѣчной, неизмѣнной любовью?... Я пойду въ Петербургъ, я брошусь къ ногамъ Государя, я скажу ему, что Бряницкій — мой, мой на вѣки, мой нерасторгаемо — и ничто, слышите ли, ничто въ мірѣ не заставитъ меня съ нимъ разлучиться....

Слова ея произносились безъ связи, безъ порядка; глаза горѣли; это было мужество отчаянія, готовое вызвать на борьбу міръ весь, съ увѣренностью побѣды. Тщетно хотѣлъ уговорить ее Бряницкій; она ничего не слушала, ничего не хотѣла знать; она ломала руки съ тѣмъ отчаяннымъ воплемъ, какой бываетъ у матерей, когда отнимаютъ у нихъ дѣтей ихъ; она рвала на себѣ волосы, такъ что предсѣдатель потерялъ голову и, находя неприличнымъ продоженіе этой сцены въ присутствіи, хотѣлъ велѣть вывести осужденную; но даже солдаты какъ бы уклонялись отъ употребленія силы и замѣтно были рады, когда прокуроръ, за которымъ тотчасъ послали, остановилъ ихъ.... Съ этимъ тактомъ порядочнаго человѣка, который скорѣе родится съ человѣкомъ, нежели пріобрѣтается въ обществѣ, онъ, вслушиваясь въ эти слова, въ эти жалобы, въ эти вопли, понялъ, что между Бряницкимъ и этой женщиной должна существовать какая-то таинственная связь, — больше, сильнѣе, крѣпче, нежели связь обыкновенная. Онъ понялъ, что такія слова, какъ наприимѣръ, «что Богъ соединилъ, того люди разлучать не могутъ», — не могутъ не имѣть какого нибудь смысла, который теперь непонятенъ.... Зная, что присутствіе Бряницкаго можетъ придавать ей силу, которую у ней надо отнять для того, чтобъ узнать правду и тѣмъ можетъ быть спасти ее, прокуроръ распорядился удаленіемъ Бряницкаго, а самъ, войдя въ тему ея безсвязной, отрывистой рѣчи, началъ понемногу выпытывать изъ нея то, что ему было нужно. При томъ состояніи, въ какомъ она находилась, это было не трудно. Не высказывая этого прямо и положительно, въ слѣдствіе остатка сознанія той роли, которую она на себя приняла, бѣдная женщина довольно ясно высказала, что она жена Бряницкаго.

Это было лучемъ свѣта для прокурора. Видя, что отъ нея самой ничего узнать нельзя прежде, нежели Бряницкій не разрешитъ ей это сознаніе, онъ велѣлъ привести Бряницкаго въ отдѣльную комнату, бывшую при канцеляріи, и сказалъ ему:

— Г. Бряницкій! Вы поступаете непростительно. Мало того, что вы хотѣли погубить себя и подвергнуться ссылкѣ подъ име-

немъ непомнящаго родства, — вы хотите погубить еще бѣдную женщину.... За что? Развѣ за то, что она любитъ васъ такъ много....

Бряницкій молчалъ и смотрѣлъ въ землю.

— Я говорю вамъ, что пехорошо и стыдно быть причиною несчастія кого бы то ни было, тѣмъ болѣе человѣка, насъ такъ искренно и такъ благородно любящаго, любящаго до самаго высокаго самоотверженія.... Не понимаю вашихъ цѣлей, но думаю, что онѣ не должны быть благородны, ежели вы жену свою, вашу жену захотѣли подвергнуть ужасамъ ссылки, лишеній и позору.

Бряницкій вздрогнулъ при словѣ «жена»; глаза его вспыхнули зловѣщимъ огнемъ и онъ невольно, безсознательно вскрикнулъ:

— Несчастная! Что она сдѣлала!...

Восклицаніе это удивило прокурора.

— Что сдѣлала? Да развѣ есть какое нибудь преступленіе въ томъ, чтобъ сознаться, что она принадлежитъ вамъ передъ лицомъ Бога и цѣлаго міра?... Развѣ она должна страдать за ваши безумныя намѣренія, которыя мнѣ остаются до сихъ поръ непонятными.... Вы мужчина, г. Бряницкій, и должны знать, какимъ физическимъ и нравственнымъ страданіямъ обрекаете вы ее въ пути, какимъ страшнымъ лишеніямъ подвергаете на мѣстѣ ссылки. Неужели вы не обсудили этого. Стыдитесь! Спѣшите поправить вину вашу передъ нею; спѣшите разрѣшить ей открыть свое настоящее имя, возстановить то, что еще не потеряно; она, какъ это по дѣлу видно, не сдѣлала никакого преступленія, слѣдственно и наказанію никакому не подвергается, и если захочетъ слѣдовать за вами туда, куда вы назначены, никто въ этомъ не можетъ ей воспрепятствовать. До тѣхъ поръ, пока вы ей этого не разрѣшите, она будетъ стоять на томъ, что она — непомнящая родства.

Бряницкій молчалъ; но по высоко вздымающейся груди, по безпрестанно измѣняющемуся лицу, видно было, что въ немъ происходила страшная борьба, что слова прокурора разбудили то, что, можетъ быть, давно терзало его и заставляло его сильно страдать. Сознаніе всего того, что говорилъ прокуроръ, долго и медленно пробивалось наружу, но наконецъ чувство правды превозмогло.., лицо замерло, съ судорожнымъ движеніемъ,

изобличающимъ, какихъ тяжкихъ усилій это ему стоило; онъ могъ сказать только:

— Пойдемте...

Когда они вошли въ присутствіе, блѣдная женщина лежала безъ памяти. Тщетно брызгали ей въ лицо, тщетно употребляли всѣ средства, обыкновенно принимаемыя въ этомъ случаѣ. Она лежала блѣдная, безъ движенія до тѣхъ поръ, пока Бряницкій подошелъ. Лишь только онъ взялъ ее за руку, лишь только, нагнувшись къ ней, шепнулъ скорѣе, нежели выговорилъ ея имя, и до слуха ея коснулся любимый голосъ, она какъ будто отъ электрическаго прикосновенія, вздрогнула, открыла глаза, обвила его руками и начала шептать ему несвязныя, полныя неизъяснимаго счастья, слова.

— Антонина! сказалъ онъ ей наконецъ: — видно Богу угодно, чтобъ то, что мы такъ тщательно скрывали, открылось. Смиримся передъ его святымъ промысломъ. Этимъ господамъ извѣстно, что ты жена мнѣ: они добры и человѣколюбивы; они это доказали намъ нынче, обращаясь съ нами — не какъ съ ссыльными, но какъ съ несчастными; разрѣшаю тебѣ разсказать имъ все....

Онъ прибавилъ:

— Будьте столько добры, господа, позвольте мнѣ уйти. Жена моя разкажетъ вамъ все; мнѣ тяжело было бы слышать разсказъ этотъ.

Блѣдная женщина, озадаченная этой внезапной рѣшимостью мужа, не знала, что ей дѣлать. Она смотрѣла на него во всѣ глаза, не зная, вѣрить ли ей въ то, что она слышала, переводя глазами съ него на присутствующихъ, на всю обстановку этой драмы, совершавшейся въ присутствіи судебного мѣста, при толпѣ солдатъ съ примкнутыми штыками, при толкахъ чиновниковъ, глядѣвшихъ на эти два лица. Казалось, она не хорошо понимала, почему вдругъ переимѣнилось такъ скоро все.... и она изъ непомнящей родства превратилась въ жену того, кого такъ пламенно любила. Надобно было новое напоминаніе Бряницкаго, нѣсколько ласковыхъ словъ его для того, чтобъ она окончательно пришла въ себя и могла наконецъ говорить. Но такъ какъ ей трудно было начать, то прокуроръ вывелъ ее изъ этого затрудненія.

— Такъ вы сознаётесь, что вы супруга Бряницкаго?...

— Да, сознаюсь, отвѣчала она: — если онъ этого хочетъ. Надо думать, что есть какая нибудь важная причина, если онъ открылъ вамъ, что онъ мужъ мой.... Я лучше бы умерла десять разъ, нежели бы сказала вамъ это....

— Да вѣдь вы не сдѣлали никакого преступленія, сказалъ прокуроръ. — Зачѣмъ же было вамъ скрывать ваше имя? Если вы взяты безъ вида, такъ это еще не такое важное преступленіе: оно можетъ быть оправдано тысячами разныхъ причинъ. Къ тому же вы были съ мужемъ, и это отчасти оправдываетъ васъ.... Если онъ назначенъ теперь въ отдаленную губернію, то вы можете слѣдовать за нимъ; вамъ въ этомъ никто не воспрепятствуетъ.

Бѣдная женщина не ожидала этого... Она бросилась къ прокурору, схватила его за руку и съ худо сдерживаемою радостью, повторяла:

— Право! Такъ я могу быть съ нимъ.... Такъ насъ не разлучать теперь?... Что жъ такое случилось, скажите мнѣ, что теперь это стало возможно, тогда какъ полчаса назадъ онъ долженъ былъ идти въ отдаленную губернію, а я въ Сибирь?... развѣ измѣнилось что нибудь?... развѣ получено свѣдѣніе, что его жена на это согласна? Говорите, говорите ради Бога.

Прокуроръ и предсѣдатель переглянулись, услыша эти слова: они думали, что бѣдная женщина сошла съ ума. Но такъ какъ оставить этотъ вопросъ безъ поясненій было невозможно, то прокуроръ спросилъ ее неожиданно:

— Его жена? Какая жена? Да развѣ вы не жена ему? Вѣдь вы сейчасъ говорили, что вы его жена....

Эти слова сбросили бѣдную женщину съ неба на землю. Тутъ только поняла она, что значило мужу рѣшиться позволить ей рассказать все... тутъ только она увидѣла, что роковая минута признанія наступила. Она снова растерялась, хотѣла было отказаться отъ своихъ словъ, увѣрять, что этого нѣтъ, что это сорвалось у ней случайно, что на это не надо обращать вниманія; но слово было сказано и воротить его нельзя. Тутъ только слова объявленія, напечатаннаго въ губернскихъ вѣдомостяхъ, пришли предсѣдателю на память, — слова, на которыя онъ прежде не обратилъ никакого вниманія и которыя теперь становились ясны. Онъ тотчасъ послалъ за нумеромъ газетъ, въ которомъ это объявленіе было напечатано.

Когда онъ былъ принесенъ и показанъ Бряницкой, она увидѣла, что заширяться больше нечего, что ей ничего не остается, какъ рассказать все со всевозможной откровенностью и просить этихъ господъ, какъ кажется, принимающихъ участіе въ судьбѣ ихъ, попробовать, если не спасти, то по крайней мѣрѣ облегчить ихъ участь, или хотъ посоветовать, что имъ дѣлать.

— Не вините его строго, ради Бога не вините; виновата во всемъ я одна,— такъ начала она свой рассказъ:—онъ честенъ и благороденъ; онъ любилъ меня такъ, какъ немногіе любятъ; и онъ послушался меня и погубилъ себя. Вся вина его въ любви ко мнѣ, въ томъ, что онъ хотѣлъ видѣть меня счастливой, что онъ послушался женщины и взялъ себѣ грѣхъ на душу.

Прокуроръ замѣтилъ ей, что для ея же собственной пользы она должна рассказать имъ все подробно съ самаго начала и что только тогда можно будетъ прінскать средства помочь имъ. А для того, чтобъ этотъ рассказъ не могъ быть прерванъ, ее ввели въ присутствіе и затворили двери, такъ что кромѣ товарища председателя и одного изъ засѣдателей, постороннихъ никого не было.

Она сказала :

— Я виновата, виновата кругомъ, и одна бы должна нести на себѣ всю тягость нашего несчастія. Я одна причинной, я вовлекла бѣднаго моего мужа въ преступленіе; суетность моя погубила его, меня и еще другую женщину, которая, не зная ничего, считая его вдовцемъ, сдѣлалась его женою. Мнѣ было 17 лѣтъ, когда я за него вышла. Я любила его такъ, что, кажется, всю душу отдала бы за него, и хотя отецъ мой и представлялъ мнѣ, что у него нѣтъ никакого состоянія и что намъ будетъ жить трудно, — я не послушалась и вышла за него. Онъ тоже любилъ меня, любилъ сильно, — это онъ доказалъ тѣмъ, что за меня теперь долженъ погибнуть. Жили мы бѣдно, потому что у него кромѣ жалованья, самаго ничтожнаго, ничего не было; за мной приданого тоже не было ничего, а кой-какія деньжонки, которыя собралъ мнѣ мой отецъ, ушли всѣ на свадьбу. Конечно, первое время мы не чувствовали лишеній; родившійся ребенокъ прибавилъ и заботы и расходовъ.... Слава Богу, что онъ умеръ... Все, что было лишняго, было продано; и года черезъ полтора мы стали уже чувствовать нужду; а въ послѣдствіи не стало и необходимаго. Долго думали мы, какъ помочь своему положенію. Много было предположеній, даже надеждъ, — всѣ

онѣ лопнули, такъ что впереди насъ ожидала нищета. Къ довершенію несчастія, маленькій капиталецъ, который, польстясь на большіе проценты, мой мужъ отдалъ въ оборотъ купцу, пропалъ у насъ вмѣстѣ съ банкротствомъ этого купца; положеніе наше сдѣлалось невыносимымъ. Не привыкшая къ большимъ лишеніямъ, я стала жаловаться и плакать, дошла даже до того, что начала упрекать мужа. Грустно и тяжело мнѣ сознаться въ этомъ. Но это было такъ.... Я упрекала его, зачѣмъ онъ на мнѣ женился, не имѣя ничего, какъ будто бы сама была права, не думая объ этомъ прежде, даже не послушавъ отца. Я видѣла, что мужъ мой страдалъ; я слышала по ночамъ рыданія его, я замѣчала желаніе скрыть страданія свои... и страдала еще больше. Эта взаимная скрытность поселила нѣкоторую холодность отношеній, отъ которой такъ далеко было сердце.... Я его любила такъ же сильно; но недостатки, но невозможность жить такъ же покойно, какъ жила у отца и какъ жила первое время послѣ нашей свадьбы у себя дома, невозможность имѣть такіе же наряды, какъ прежде, меня мучили.... Такъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ.... Правъ мой перемѣнился; я сдѣлалась капризна, прихотлива, взыскательна; я мучила бѣднаго мужа, который видимо таялъ и умеръ бы конечно, если бы мнѣ не пришла въ голову мысль, которая на время спасла насъ, но сдѣлалась причиною нашей теперешней гибели.... Тщетно старалась я отогнать отъ себя эту мысль; тщетно хотѣла заставить умолкнуть это наущеніе дьявола; мысль эта не давала мнѣ покоя; она мучила меня и днемъ и ночью.

«Какъ ни старалась я скрыть тревогу, мужъ мой замѣтилъ, что я не въ себѣ. Онъ пожелалъ узнать причину.... Долго я противилась, долго молчала; наконецъ, когда онъ, любящій, нѣжный, именемъ любви нашей потребовалъ отъ меня открыть ему тайну, которая сдѣлалась мукою моей жизни,—я ему высказала все.

«Надо было видѣть отчаяніе, когда я сообщила ему мои надежды. Въ первый разъ въ жизни онъ оттолкнулъ меня, вышелъ изъ себя и запретилъ напоминать хоть однимъ словомъ объ этомъ несчастномъ предположеніи.

«Запрещеніе его, его гнѣвъ даже, не заставили меня отказаться, однако, отъ пагубной мысли. Она сильнѣе, нежели когда нибудь, стала меня преслѣдовать.... Вслѣдствіе непрестанной борьбы съ самой собою, я сдѣлалась больна; и когда

однажды бѣдный мужъ мой, поддерживая мою голову, согрѣвая мои холодныя руки, захотѣлъ узнать причину моихъ страданій, я повторила ему то, что уже говорила одинъ разъ.... Помню, что онъ вздрогнулъ, когда я выговорила.

«Я не буду передавать всѣхъ убѣжденій, ласкъ, слезъ, гнѣва, которые я употребила для того, чтобъ заставить его согласиться...»

«Столько надеждъ на счастье было у меня впереди! Я цаловала у него руки, прыгала отъ радости какъ дитя, когда онъ согласился.... Онъ, видно, предчувствовалъ, что его ожидаетъ.... онъ сдѣлался угрюмъ и мраченъ; но, давши мнѣ обѣщаніе, не нарушилъ его. Мы начали готовить все къ тому, чтобъ привести наше намѣреніе въ исполненіе.

«У одного изъ сосѣднихъ помѣщиковъ пріискали мы дворовую дѣвушку, недурную собою, но больную и чахоточную, которая какъ нельзя лучше способствовала къ осуществленію нашего плана. За хорошую плату наняли мы ее у господъ къ себѣ въ услуженіе; ласками, подарками, снисхожденіемъ всякаго рода старались привлечь ее къ себѣ и наконецъ, когда бѣдная дѣвушка привязалась къ намъ, какъ къ самымъ близкимъ, мы уговорили ее подъ именемъ жены сопровождать мужа въ одно изъ путешествій, которое онъ долженъ сдѣлать, завезя меня къ роднымъ. Бѣдная дѣвушка, не подозревая никакого коварства съ нашей стороны, охотно согласилась. Мы поѣхали.

«Предположеніе наше было отъѣхать какъ можно далѣе отъ родной губерніи для того, чтобъ уничтожить всякіе слѣды нашихъ замысловъ. Мы все ѣхали впередъ, не находя удобнаго мѣста, и только въ сосѣдственной съ здѣшней губерніи нашли возможнымъ, чтобы я осталась какъ будто у родныхъ, а онъ съ Анной могъ бы ѣхать далѣе, называя ее своею женою.

«Разстроенное здоровье дѣвушки, еще болѣе разстроенное продолжительными переѣздами въ холодную и сырую осень, становилось все хуже и хуже. Все способствовало нашимъ намѣреніямъ.... Въ здѣшней губерніи на одномъ изъ постоялыхъ дворовъ она умерла. Мой мужъ взялъ свидѣтельство о вдовствѣ своемъ. Этого намъ только было и нужно. Цѣль наша была достигнута!

«Тогда мы начали думать о нашемъ возвращеніи на родину.... Онъ явился туда вдовцемъ, а я поселилась въ отдаленномъ мѣстѣ, гдѣ онъ навѣщалъ меня каждый день, и я, лучше

сказать, проводилъ со мною цѣлые дни. Ни одинъ человѣкъ не зналъ о моемъ существованіи; меня считали простой мѣщанкой, любовницей моего мужа. Такъ прожили мы до тѣхъ поръ, пока онъ нашелъ себѣ богатую невѣсту, состояніе которой давало намъ возможность жить безбѣдно. Благодаря его наружности, дѣло уладилось скоро; оставалось только придумать, какъ устроить нашу жизнь такъ, чтобъ я, незнаемая людьми, могла жить съ нимъ подъ одною кровлею. Долго думавши объ этомъ, мы наконецъ остановились на одной мысли, которая романтизмомъ своимъ правилась мнѣ больше другихъ. Мужъ сильно меня отговаривалъ; онъ находилъ болѣе безопаснымъ продолжать жить такимъ образомъ, какъ жили до сихъ поръ, въ предмѣстіи; но я настояла,—мнѣ хотѣлось жить какъ можно ближе къ нему и видѣть его не въ извѣстные только часы въ продолженіе дня, но цѣлые дни. Опъ купилъ домъ почти за городомъ, построилъ тамъ павильонъ, гдѣ я поселилась и гдѣ онъ подъ предлогомъ занятій проводилъ со мною цѣлые дни. Мы жили счастливо и покойно. Нечаянный случай разстроилъ наше счастье и заставилъ насъ думать о перемѣнѣ.

«Такъ какъ въ продолженіе дня мнѣ нельзя было выходить, то я гуляла рано утромъ, прежде нежели мужъ приходилъ ко мнѣ. Въ одну изъ такихъ прогулокъ я нечаянно встрѣтилась съ его сестрою, которая встала какъ-то рано. Разумѣется, появленіе мертвеца взбудоражило не только весь домъ, даже весь городъ. Стали говорить о Бряницкомъ разныя нелѣпости. Мы видѣли, что намъ оставаться нельзя и что надо искать другаго мѣста. Мы рѣшились отправиться за границу и поселиться въ какомъ нибудь уголкѣ, гдѣ бы жизнь была дешева и мы могли пользоваться ею вполнѣ.

«Случай, наткнувшій насъ на контрабандистовъ, далъ намъ мысль употребить ихъ орудіемъ для полученія паспортовъ. Прежде мы располагали пробраться за границу безъ паспорта, надѣясь, что съ деньгами мы уладимъ это, тѣмъ болѣе, что намъ рассказывали, что есть такія страны, гдѣ паспортовъ не спрашиваютъ вовсе....

«Остальное вы знаете. Вы видите, что виновата во всемъ я одна, что Бряницкій виноватъ только въ томъ, что любилъ меня слишкомъ много. Спасите его, ради Всемогущаго Бога!... Онъ добръ, онъ честенъ, онъ благороденъ.... Неужели онъ долженъ

погибнуть за то только, что любилъ меня такъ сильно?... Неужели ваши законы не извиняють этого?»

Какъ ни велико было обаяніе этой женщины, предсѣдатель, какъ человѣкъ болѣе старый, скорѣе пришелъ въ себя.

— Нѣтъ, не извиняють, сказалъ онъ.—Развѣ честная мысль руководила васъ въ вашемъ противозаконномъ поступкѣ? Развѣ не четыре преступленія совершилъ мужъ вашъ въ одно и то же время? Двоеженство, воровство, грабежъ и попытку перейти за границу... Гдѣ оправданіе ему?... Корысть—вотъ основа всѣхъ его преступленій!... Оправдывать его любовью къ женщинѣ нельзя; это хорошо въ романахъ, но не на дѣлѣ; любя одну женщину, онъ губилъ другую; это непростительно и низко. Мало того, что онъ губилъ ее—онъ ее ограбилъ. По моему, нѣтъ ему прощенія...

Бряницкая обратилась къ прокурору. Онъ смотрѣлъ въ землю и ничего не говорилъ, да и чтò было ему сказать?... Оправданія Бряницкому не было... Это было не увлеченіе, не страсть, не минутный порывъ, но систематическое, обдуманное, со всѣхъ сторонъ предусмотрѣнное преступленіе, потворство которому было бы другимъ преступленіемъ, можетъ быть, еще болѣе тяжкимъ....

И. СЕЛИВАНОВЪ.

ВЗГЛЯДЪ

НА РУССКОЕ СУДОУСТРОЙСТВО И СУДОПРОИЗВОДСТВО.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.
ОКОИЧАНІЕ (*).

Мы одно любимъ, одного желаемъ: любимъ отечество; желаемъ ему благоденствія еще болѣе, нежели славы....

Карамзинъ.

ГЛАВА XIV.

ДѢЛОПРОИЗВОДСТВО ВО ВТОРЫХЪ СТЕПЕНЯХЪ СУДА ПО ДѢЛАМЪ
УГОЛОВНЫМЪ.

А. Ревизіонный и апелляціонный ходъ уголовныхъ дѣлъ.

«Производство уголовныхъ дѣлъ состоитъ: 1) въ слѣдствіи или изысканіи всѣхъ обстоятельствъ дѣла или происшествія, составляющаго преступленіе, и въ собраніи доказательствъ къ открытію и обличенію виновнаго; 2) въ судѣ, который состоитъ въ повѣркѣ слѣдствія, въ сужденіи, по силѣ доказательствъ и уликъ, о винѣ или невинности подсудимаго и въ постановленіи приговора по закону; 3) въ исполненіи приговора.

(*) См. «Современникъ» 1859 г., №№ I, III, IV и VII.

«Производство слѣдствія и всѣ относящіяся къ нему мѣры принадлежатъ полиціи; но когда слѣдствіе оканчивается, то дѣйствія полиціи пресѣкаются, и дѣло поступаетъ въ судъ» (*).

Въ первой статьѣ моей, разбирая эти основанія, я показалъ пользу отнятія отъ полицій производства формальныхъ слѣдствій и передачи ихъ судебнымъ мѣстамъ. Здѣсь же рассмотримъ вопросъ о томъ: какую роль играютъ въ уголовныхъ дѣлахъ 1-я и 2-я судебныя инстанціи.

«По полученіи слѣдствія (**), судъ 1-й степени немедленно рассматриваетъ: правильно ли оно учинено, не упущены ли какія либо обстоятельства, прямо или не прямо соединенныя съ существомъ дѣла, и въ случаѣ неполнаго или неяснаго слѣдствія дополняетъ его окончательно справками и свѣдѣніями, какія могутъ быть нужны. Въ потребныхъ случаяхъ судъ дѣлаетъ подсудимому вторичные допросы; всѣ свѣдѣнія, предполагающія мѣстное какое либо розысканіе, въ дополненіе слѣдствія, требуются отъ мѣстной полиціи; все же касающееся до письменнаго производства, какъ-то: учиненіе справокъ о званіи, службѣ, заслугахъ, порокахъ и штрафахъ подсудимыхъ, равномѣрно—выписки изъ приличныхъ законовъ, приведеніе въ ясность сомнительнаго какого либо обстоятельства въ документѣ, писанномъ на иностранномъ языкѣ, производится самимъ судомъ и посредствомъ сношеній, въ чемъ нужно, съ другими присутственными мѣстами; при чемъ судъ обязанъ не щадить, чтобы эти свѣдѣнія имѣли надлежащую полноту и точность.

«Приговоры составляются въ 1-й степени суда по тѣмъ уголовнымъ дѣламъ, по которымъ подсудимые не присуждаются къ лишенію жизни, добраго имени или къ торговой казни; по тѣмъ же дѣламъ, по которымъ они присуждаются къ такимъ наказаніямъ, 1-я степени составляютъ только *мильіе*» (***).

(*) Т. XV, изд. 1842 г., ст. 882 — 884.

(**) Тамъ же, ст. 1149 — 1151, 1157.

(***) Т. XV, изд. 1842 г., ст. 1218.

Въ нашемъ законодательствѣ, гражданскомъ и уголовномъ, слѣдовало бы установить термины, во избѣжаніе повтореній и разъясненій, увеличивающихъ только объемъ сводовъ:

1) Слово: *искъ и тяжба* принимаются у насъ смѣшанно, хотя ст. 537 и 339, т. X, опредѣляетъ, что подъ первымъ подразумѣвается процессъ по неисполненію договоровъ, обязательствъ, по обидамъ, ущербамъ и убыткамъ, а подъ вторымъ — процессъ объ отысканіи своего имущества изъ чужаго владѣнія; но примѣчаніе къ ст. 2174, т. X, говоритъ: хотя тотъ и другой родъ споровъ въ судахъ именуется тяжбами и исками и не всегда въ названіяхъ ихъ, даже въ законахъ, съ точностью различаются; но по Уложенію *ищутся истцовы искы* всегда на комъ либо; а объ имуществѣ производится *тяжба*.

Перваго рода дѣла суть апелляціонныя, вторыя — ревизіонныя; эти два порядка объясняются въ законѣ слѣдующимъ образомъ:

«Какъ всѣ уголовныя дѣла по важнымъ преступленіямъ поступаютъ установленнымъ порядкомъ на ревизію, частію въ палаты уголовного суда, частію восходятъ въ правительствующій сенатъ; и какъ посредствомъ этой ревизіи законъ и безъ просьбы подсудимыхъ самъ собою доставляетъ *все нужные способы* къ ихъ защитѣ и оправданію: то жалобы на окончательныя рѣшенія уголовныхъ палатъ въ правительствующій сенатъ по важнымъ преступленіямъ не допускаются».

Но *способы*, представленные закономъ для защиты подсудимыхъ, какъ-то: формальное слѣдствіе, производимое полиціею, дополняемое часто по произволу уѣздными судами и магистратами, просмотры стряпчими и прокурорами журналовъ, съ ихъ протестами, ревизія дѣлъ въ уголовныхъ палатахъ и разсмотрѣніе губернаторами — не составляютъ, мнѣ кажется, достаточной гарантіи для подсудимаго. Всѣ эти лица могутъ быть пристрастны, когда подсудимый пользуется большимъ значеніемъ или богатствомъ. Въдѣ палатамъ предоставлена власть, съ малымъ ограниченіемъ, окончательно, безапелляціонно, рѣшать дѣла всѣхъ сословій, кромѣ дво-

2) Слова: «*опредѣленіе и рѣшеніе*» принимаются у насъ въ одномъ и томъ же смыслѣ; раздробленія ихъ прибавляются въ словѣ частное или *справочное* и *рѣшительное*; послѣднее въ уголовныхъ дѣлахъ называется еще *приговоромъ*. Во французскомъ законодательствѣ называются *опредѣленіе*—*l'arrêt*, рѣшеніе — *jugement*; но оба эти понятія употребляются смѣшанно, какъ и въ нашихъ законахъ. Мнѣ кажется, что лучше бы было подъ *опредѣленіемъ* подразумѣвать — тѣ постановленія суда, которыя относятся къ дѣлопроизводству; а подъ *рѣшеніемъ* — разсмотрѣніе сущности дѣла.

3) Слова: «*отвѣтчикъ, состоящій подъ слѣдствіемъ, и подсудимый*», должны быть въ точности опредѣлены; у насъ нѣтъ также термина, который бы опредѣлялъ то, что, по французскому уголовному праву, называется *la partie civile*. Отвѣтчикъ гражданскій по-французски называется *défenseur*; лицо, состоящее подъ слѣдствіемъ и подъ судомъ исправительной полиціи, называется — *le prévenu*, а состоящій подъ уголовнымъ судомъ — *l'accusé*.

5) У насъ требуютъ еще точнаго разъясненія слова: «*протоколъ, актъ, документъ и крѣпость*».

6) Должно быть въ точности опредѣлено значеніе словъ «*договоръ и обязательство*»; они употребляются въ нашихъ законахъ, какъ предметы не однозначашіе.

7) Какая также разница между *ущербомъ* и *убыткомъ*?

Точная терминологія въ законодательствѣ необходима по двумъ причинамъ:

1) слова не требуютъ тогда разъясненій и толкованій; 2) отъ избѣжанія разъясненій сокращается Сводъ Законовъ.

рянъ и чиновниковъ (*)! Но мнѣ кажется, что основаніе, руководившее законодательство при установленіи этихъ правилъ, не слишкомъ твердо. Хотя по приведеніи приговора въ исполненіе (**) и разрѣшается людямъ, подлежащимъ тѣлесному наказанію и получившимъ это наказаніе, жаловаться въ сенатъ, который, найдя сенценцію неправильною, штрафуетъ судей, положившихъ это наказаніе, по 60 р. сер. за каждый ударъ, въ пользу подсудимаго; но каждый готовъ — не получать этихъ 60 р. сер. и оставить удары за тѣми, которые ихъ щедро сыпали. Ревизіонный порядокъ не можетъ служить здѣсь единственнымъ основаніемъ, потому что тѣ же формы, только кромѣ заключенія губернатора, существуютъ и по тѣмъ дѣламъ уголовнымъ, по которымъ подсудимые подвергаются слабѣйшимъ наказаніямъ, какъ-то: денежнымъ штрафамъ, содержанію на хлѣбѣ и водѣ, содержанію въ тюрьмѣ, или смирительномъ и рабочемъ домѣ, и тѣлесному наказанію чрезъ полицейскихъ служителей; — а между тѣмъ законъ допустилъ переносить ихъ по апелляціи, въ мѣсячный срокъ, не только изъ первой степени суда во вторую, но даже въ правительствующій сенатъ и Государю Императору, безъ ограниченія сословія, суммы штрафа или взысканія!... (***). Почему же преступнику не имѣть права переносить дѣло въ сенатъ и прибѣгать къ милосердому усмотрѣнію Государя Императора? Законодательство, въ самыхъ либеральныхъ странахъ, какъ на примѣръ въ Англіи, не запрещаетъ никому прибѣгать къ высокому праву монарха миловать преступника. Скорѣе, мнѣ кажется, гражданскія дѣла могли бы получать окончаніе въ разныхъ судебныхъ и инстанціяхъ; скорѣе тѣ дѣла уголовныя, за которыя положены мѣры исправительныя, могли бы быть окончательно рѣшены въ палатахъ безъ права ихъ переноса, чѣмъ дѣла за которыя слѣдуютъ тяжкія наказанія. Предоставленіемъ уголовнымъ палатамъ окончательно рѣшать серьезныя уголовныя дѣла законъ вѣроятно не имѣлъ въ виду, чтобы облегчить дѣлопроизводство правительствующаго сената; если бы это было основаніемъ закона, то скорѣе, мнѣ кажется, гражданскія дѣла могли бы не восходить въ сенатъ, потому что въ нихъ идетъ рѣчь объ имуществѣ, а въ уголовныхъ о чести, свободѣ и самой жизни; да и облегченія для сената, мнѣ кажется, немного въ этомъ порядкѣ: прослѣдите какія угодно стати-

(*) Ограниченіе заключается въ слѣдующемъ: когда крѣпостные люди участвуютъ въ преступленіи съ своими помѣщиками; когда преступленіе совершено иновѣрцемъ, принявшимъ христіанство; когда по одному и тому же дѣлу осуждаются болѣе 9 человекъ (Т. XI, ст. 1293).

(**) Т. XV, ст. 1338 и 1344).

(***) Т. XV, ст. 1319, 1320, 1322, 1323.

стическія свѣдѣнія, и вы убѣдитесь, что тяжкихъ преступленій менѣе совершается, нежели такихъ дѣлъ, за которыя слѣдуютъ исправительныя наказанія. Не думаю, чтобы законъ имѣлъ въ виду различіе сословій, съ предоставленіемъ уголовнымъ палатамъ права окончательно рѣшать дѣла всѣхъ сословій, кромѣ дворянъ и чиновниковъ; потому что при гражданскихъ дѣлахъ, т. е. менѣе важныхъ, этого различія не существуетъ.... Затѣмъ я задаю себѣ вопросъ: какую же роль играютъ уѣздные суды въ тѣхъ дѣлахъ, которыя идутъ на ревизію и окончательное рѣшеніе палаты? Уѣздный судъ пополняетъ слѣдственное дѣло полиціи и часто, употребивъ на справки цѣлыя годы, оканчиваетъ тѣмъ, что палаты находятъ все его дѣлопроизводство или излишнимъ, или неправильнымъ, и давъ ясное направленіе дѣлу, рѣшаютъ его. А между тѣмъ сколько лѣтъ преступникъ содержался въ тюрьмѣ, пересылался съ мѣста на мѣсто, сколько бумагъ исписано было, сколько золотаго, драгоценнаго времени присутственными мѣстами потрачено! Точно такую же роль и уѣздные суды и палаты играютъ въ тѣхъ дѣлахъ, которыя идутъ на ревизію въ сенатъ. Но если уголовная палата можетъ переработать все дѣлопроизводство 1-й степени; если рѣшеніе этой послѣдней не имѣетъ окончательнаго значенія, то уголовный процессъ могъ бы, кажется, не подвергаться ея производству. Вы скажете мнѣ на это, что 1-я степень, какъ судъ мѣстный, можетъ разслѣдовать преступленіе со всею его обстановкой, въ самомъ его источникѣ, и не подвергаетъ преступника переводамъ съ мѣста на мѣсто; поэтому авторитетъ 1-й степени суда требуется въ каждомъ дѣлѣ. Съ этими доводами я вполне согласенъ; но дѣло въ томъ, что уѣздному суду предоставлено не производство самого слѣдствія, а только дополненіе его, и то посредствомъ полиціи; справки же, которыми разрѣшается суду дополнять дѣло, относятся не къ сущности разслѣдуемаго событія, а къ частностямъ его. Правда, суду разрѣшается также отъ подсудимыхъ принимать и требовать дополнительные отзывы, но по большей части это не разъясняетъ дѣла, а служитъ къ увеличенію массы переписки. При гласномъ и словесномъ судопроизводствѣ и при возложеніи обязанности производить формальныя слѣдствія на суды, мѣстные суды имѣли бы большое значеніе: они лицомъ къ лицу были бы предъ преступленіемъ и преступникомъ, который можетъ быть имъ даже лично извѣстенъ и о жизни котораго они могутъ узнать изъ самыхъ вѣрныхъ источниковъ; поэтому имъ доступнѣе было бы оцѣнить и извѣстить данное противозаконное дѣяніе и соразмѣрить съ этимъ самое наказаніе. Уголовная же палата, какъ посредническая инстанція между 1-ю и 3-ю степенью, влія одну мертвую букву въ

дѣлъ, не представила бы и въ такомъ случаѣ значительной пользы: она можетъ своими кабинетными и канцелярскими взглядами и на-правленіями затемнить дѣло, обременить его излишними, ни къ чему не ведущими подробностями: это съ одной стороны обязуетъ сенатъ къ излишней ревизіи безплодныхъ обстоятельствъ дѣла, съ другой стороны—проходомъ чрезъ палаты дѣла замедляются въ своемъ теченіи на нѣсколько лѣтъ: отчего страдаютъ нерѣдко подсудимые, а тюремные замки обременяются излишнимъ количествомъ арестан-товъ.

Такимъ образомъ, разсматривая отношенія трехъ судебныхъ инстанцій по дѣламъ уголовнымъ, мы приходимъ къ тому убѣж-денію, что одно изъ двухъ: или палаты могли бы быть вовсе уни-чтожены, и дѣла, какъ по апелляціи, такъ и по ревизіонному по-рядку, могли бы изъ первыхъ степеней идти прямо въ прави-тельствующій сенатъ; или же, въ случаѣ признанія необходимымъ существованія палатъ, можно бы отнять ревизіонныя дѣла отъ уѣзд-ныхъ судовъ, а апелляціонныя — отъ палатъ. Посредническія инстанціи и въ гражданскихъ и въ уголовныхъ дѣлахъ принесятъ, мнѣ кажется, больше зла, чѣмъ добра: онѣ служатъ только для за-медленія дѣла и обременяютъ дѣлопроизводство правительствующаго сената излишнею перепискою; дѣла удваиваются и утроиваются въ объемѣ чрезъ этотъ проходъ, и потомъ сенатъ обязанъ включать всю эту переписку въ свои доклады....

При нынѣшнемъ порядкѣ производства формальныхъ слѣдствій можно еще допустить отнятіе апелляціонныхъ дѣлъ отъ палатъ, а ревизіонныхъ отъ 1-хъ степеней суда; но при предоставленіи фор-мальныхъ слѣдствій судамъ, безъ 1-й степени суда никакъ нельзя обойтись: преступленіе должно быть изслѣдовано на мѣстѣ его со-вершенія, и палата вынуждена была бы разѣзжаться съ мѣста на мѣ-сто и гоняться иногда въ одно и тоже время не за двумя, а за мно-гими зайцами. А потому во всякомъ случаѣ суды первой степени представляются необходимѣе палатъ.

Но въ отвѣтъ на всѣ мои доводы, можетъ быть, многіе возра-зятъ, что пользу палаты можно доказать фактически, указавъ на множество дѣлъ апелляціонныхъ, получившихъ окончаніе по ихъ приговорамъ, и что изъ тысячи апелляціонныхъ дѣлъ только сотни восходятъ въ сенатъ. Но это, мнѣ кажется, явленія случайныя, произтекающія болѣе отъ необразованности и невѣжества простаго класса, въ которомъ по большей части и возникаютъ эти дѣла: простому человѣку прочтутъ опредѣленіе, и онъ не знаетъ, къ кому обратиться съ просьбою о написаніи жалобы, а тамъ проходитъ мѣ-сячный апелляціонный срокъ — и дѣлу конецъ; но съ развитіемъ

образованности, съ устройствомъ и организаціею правильнаго общества адвокатовъ и съ допущеніемъ ихъ къ защитѣ дѣлъ въ уголовныхъ судахъ, — вѣроятно ни одно апелляціонное дѣло не остановилось бы на рѣшеніяхъ ни 1-й, ни 2-й, ни даже 3-й инстанціи. Поэтому я нахожу, что оба порядка могли бы быть преобразованы — и ревизіонный, и апелляціонный.

1) Дѣла должны идти на ревизію въ высшую инстанцію въ такомъ лишь случаѣ, когда преступникъ объявитъ неудовольствіе на рѣшеніе 1-й степени суда.

Томительное заключеніе въ душномъ и тѣсномъ казематѣ въ тысячу разъ страшнѣе преступнику, нежели самое наказаніе. Можно бы и не подвергать этому человѣка, который, побуждаемый угрызеніемъ совѣсти, не только сознается въ своемъ преступленіи и раскрываетъ всѣ его обстоятельства, но признаетъ совершенно справедливымъ наказаніе, назначенное ему закономъ и судомъ. Но на это возразятъ мнѣ многіе, что съ предоставленіемъ судебнымъ мѣстамъ права, въ случаѣ подписанія тяжущимся удовольствія, приводитъ въ исполненіе свои рѣшенія по ревизіоннымъ дѣламъ, нарушатся права дворянства и чиновниковъ: быть лишенными правъ состоянія только верховною судебною властью. Это было бы дѣйствительно такъ, если бы судъ былъ какимъ нибудь особеннымъ учрежденіемъ, разьединеннымъ съ верховною судебною властью; а то судъ есть не что иное, какъ ея органъ, какъ ея учрежденіе, посредствомъ котораго она приводитъ въ исполненіе свои предначертанія и законы. Судитъ и осуждаетъ не судъ, а законъ; поэтому званіе ни дворянъ, ни чиновниковъ нисколько не будетъ унижено, когда съ ихъ согласія будетъ приведена надъ ними въ исполненіе сентенція суда. На практикѣ это постановленіе принесло бы, мнѣ кажется, огромную пользу: сколько есть заблудшихъ людей, которые откровенно признаются предъ судомъ въ своихъ преступленіяхъ; они не томились бы въ заключеніи... И развѣ не случается иногда, что по рѣшенію высшихъ инстанцій они подлежатъ меньшему наказанію, нежели какому они подверглись, содержась нѣсколько лѣтъ въ тюрьмѣ? Сколько также юношей и дѣвицъ, еще не погибшихъ, могли бы чрезъ предлагаемое мною постановленіе, въ цвѣтѣ лѣтъ и силъ, поступить на поселеніе въ Сибирь, гдѣ бы они могли принести пользу обществу. Нынѣ же они часто вступаютъ въ тюрьмы молодыми, а выходятъ оттуда старыми, потерявшими и нравственныя, и физическія силы. Сколько людей, еще не огрубѣлыхъ, — отъ сообщества въ тюрьмѣ съ настоящими негодяями теряютъ остатокъ чувствъ и совѣсти, погружаются въ развратъ.... А душная тюрьма? Развѣ можетъ выдержать самое желѣзное здоровье ея атмосферу и ея об-

становку? Вглядитесь въ уголовныя дѣла и вы увидите, что каждый преступникъ въ началѣ склоняется очень легко на признаніе и что чѣмъ долѣе онъ сидитъ въ тюрьмѣ, тѣмъ грубѣе, упорнѣе и безсовѣстнѣе онъ становится. И какая разница въ тѣхъ показаніяхъ преступника, которыя онъ даетъ полиціи, уѣздному суду и палатѣ. Въ первыхъ вы можете по большей части отыскать истину, а во вторыхъ на каждомъ шагу — оговоры, противорѣчія и ложь. Мнѣ кажется, что послѣ этого нельзя желать, чтобы дѣла непременно шли на ревизію въ высшія инстанціи, несмотря на подписаніе удовольствія преступникомъ. Вѣрьте мнѣ, что раскаявающійся дворянинъ и чиновникъ охотно откажутся отъ своихъ правъ — быть судимыми ревизіоннымъ порядкомъ, лишь бы скорѣе ихъ дѣло пришло къ концу; преступникъ не теряетъ надежды и въ Сибири на поселеніи: вдалекѣ отъ причинъ, сдѣлавшихъ его преступникомъ, онъ надѣется зажить новою жизнью. Но когда человѣкъ видитъ безвыходность своего положенія, когда впереди его многіе годы заключенія и неизвѣстность — когда и чѣмъ дѣло его кончится, а потомъ ожидаетъ его еще наказаніе, — то бодрость духа невольно его покидаетъ: онъ приходитъ или въ апатію или предается своимъ необдуманнѣйшимъ страстямъ и пороку; чаще же всего преступникъ, не дождавшись наказанія, умираетъ, изнуренный тюрьмою и безнадежнымъ горемъ.

Если же основаніе ревизіоннаго порядка заключается въ опасеніи, что преступникъ избѣгнетъ заслуженнаго наказанія и что суды могутъ его ослабить, то во-первыхъ, гласное судопроизводство обезпечивало бы правильность слѣдствія и самаго рѣшенія: судъ боялся бы неправильнымъ опредѣленіемъ возбудить противъ себя общественное мнѣніе; во-вторыхъ, въ подобномъ случаѣ можно бы постановить, что прокуроры сохраняютъ право переноса дѣла въ сенатъ, когда они найдутъ рѣшеніе 1-й степени неправильнымъ.

Такимъ образомъ можно, мнѣ кажется, всѣ стороны примирить и дать ревизіоннымъ дѣламъ такой исходъ, какой я предполагаю: только при подписаніи преступниками неудовольствія на сентенцію, дѣло могло бы идти на ревизію въ сенатъ; но при этомъ можно бы не требовать мнѣнія губернатора.

2) Апелляціонный порядокъ уголовныхъ дѣлъ могъ бы быть измѣненъ слѣдующимъ образомъ: дѣла эти могли бы восходить только до правительствующаго сената, гдѣ они получали бы окончательное рѣшеніе, какъ и гражданскія дѣла. Это дастъ верховнымъ мѣстамъ возможность заняться серьезными дѣлами, относящимися до внутренней и внѣшней безопасности государства.

Б. Уголовное судоустройство и судопроизводство по французскому законодательству, въ сравненіи его съ русскимъ.

Въ видахъ преобразованія нашего уголовного судоустройства и судопроизводства мы считаемъ не лишнимъ обратиться къ французскому уголовному законодательству, совершенство котораго во многихъ отношеніяхъ признается всѣми образованными народами: многія государства усвоили себѣ нѣкоторыя его формы, другія цѣликомъ ввели у себя весь «Code d'instruction criminelle». И для насъ не бесполезно будетъ подвергнуть его анализу и познакомиться съ главными его основаніями, въ сравненіи съ русскими уголовными постановленіями.

1) О лицахъ и мѣстахъ, производящихъ слѣдствія.

Право производить слѣдствія по дѣламъ уголовнымъ, по нашимъ законамъ, предоставлено генераль-губернаторамъ, губернаторамъ, губернскимъ правленіямъ; эти лица и мѣста производятъ слѣдствія — или чрезъ чиновниковъ особыхъ порученій, или чрезъ полицію; кромѣ того, право непосредственно начинать и производить слѣдствія принадлежитъ также губернскимъ прокурорамъ, губернскимъ уголовнымъ, уѣзднымъ и городovýmъ стряпчимъ, и полиціямъ.

По французскому законодательству, право производить слѣдствія принадлежитъ:

- 1) Сельской и лѣсной-стражѣ;
- 2) Полицейскимъ комиссарамъ;
- 3) Мерамъ и ихъ помощникамъ (adjoints, de maire);
- 4) Прокурорамъ и ихъ намѣстникамъ (substituts);
- 5) Мирнымъ судьямъ;
- 6) Жандармскимъ офицерамъ;
- 7) Слѣдственному судѣ (juge d'instruction);
- 8) Префектамъ, которые могутъ производить слѣдствія лично или чрезъ судебную полицію.

Всѣ эти лица, раскрывъ преступленіе или проступокъ, могутъ ихъ виновника представлять судебной власти; но порядокъ предаванія ими подсудимыхъ суду—различный: генераль-прокуроры и прокуроры, произведя предварительное слѣдствіе, имѣютъ право непосредственно передавать его слѣдственному судѣ; этотъ послѣдній имѣетъ также право непосредственно начинать слѣдствіе, но

только при поимкѣ преступника съ поличнымъ; остальные же полицейскія власти обязаны свои предварительныя слѣдствія объ уголовныхъ дѣлахъ представлять на заключеніе генераль-прокурора, который ужь съ своей стороны предписываетъ слѣдственному судѣ произвести формальное слѣдствіе.

Права слѣдственного судьи и обязанности его во время производства слѣдствія заключаются въ слѣдующемъ:

1) При поимкѣ преступника на мѣстѣ преступленія и съ поличнымъ, (*flagrant délit*), слѣдственный судья можетъ совершать всѣ акты, предоставленные прокурору (*); онъ можетъ также требовать къ слѣдствію этого послѣдняго, но не стѣсняется этимъ въ продолженіи дѣла. Если же прокуроръ составилъ акты о поимкѣ преступника съ поличнымъ и препроводилъ ихъ слѣдственному судѣ, то этотъ, усмотрѣвъ ихъ неполноту, можетъ ихъ пополнить и передѣлать.

2) Въ дѣлахъ, где имѣетъ поимку съ поличнымъ (**), слѣдственный судья не совершаетъ ни одного слѣдственного акта и ни одного акта о преслѣдованіи кого нибудь, безъ предварительнаго сообщенія о производимомъ слѣдствіи прокурору; также онъ обязанъ послѣднему препроводить дѣла по окончаніи слѣдствія: прокуроръ имѣетъ право въ теченіе трехъ дней удерживать у себя дѣло и давать ему направленіе, по своему усмотрѣнію. Слѣдственный судья можетъ, безъ заключенія прокурора, требовать присылки подсудимаго. Но когда слѣдственный судья хочетъ сдѣлать личный осмотръ или выемку, то ему должны сопутствовать прокуроръ и его протоколистъ.

3) Допросъ свидѣтелей производится слѣдственнымъ судьей подъ присягою въ присутствіи его протоколита.

Для наблюденія за производствомъ формальнаго слѣдствія наряжается ассизнымъ судомъ совѣщательная палата или коммиссія (*la chambre du conseil*), состоящая не менѣе какъ изъ 3 судей, включая въ это число и слѣдственного судью. Эта коммиссія обязана исполнять всѣ требованія генераль-прокурора; слѣдственный судья обязанъ коммиссіи еженедѣльно давать отчетъ, и во время производства слѣдствія *la chambre du conseil* обязана наблюдать слѣдующія правила:

(*) Во всѣхъ случаяхъ, когда, при изложеніи порядка слѣдствія и суда, я буду говорить о генераль-прокурорѣ, я подразумѣваю того, который состоитъ при *cour impériale*; кассационнаго же я буду обозначать названіемъ «генераль-прокуроръ кассационнаго суда».

(**) *Code d'instruction criminelle, art. 61, 62.*

1) Что преступникъ долженъ быть арестованнымъ, когда по значенію преступленія, въ которомъ онъ обвиняется, онъ долженъ подлежать наказанію тѣлесному или лишенію чести; 2) когда же преступленіе такое, за которое слѣдуетъ наказаніе исправительное, то подсудимый долженъ представить благонадежное поручительство или обезпеченіе, что онъ будетъ являться по всѣмъ требованіямъ—какъ во время слѣдствія, такъ и во время суда и по окончаніи его; 3) но бродяги и претерпѣвшіе ужъ разъ наказаніе не освобождаются; 4) коммиссія не иначе освобождаетъ преступниковъ, какъ по заключенію прокурора; 5) прокуроръ и гражданскіе истцы имѣютъ право апеллировать, если находятъ обезпеченіе недостаточнымъ.

По окончаніи слѣдствія la chambre du conseil составляетъ заключеніе: освободить ли отъ преслѣдованія и суда подсудимаго, по недостаточности доказательства, или по роду преступленія передать его въ полицію исправительную. Если прокуроръ и гражданскіе истцы довольны этимъ опредѣленіемъ, то въ 24 часа — или подсудимый освобождается, или дѣло передается въ полицію исправительную. Если же прокуроръ и гражданская сторона не соглашаются съ заключеніемъ коммиссіи, то въ 24 часа отъ объявленія имъ ея заключенія они должны подписать свое неудовольствіе, и коммиссія въ этомъ случаѣ представляетъ дѣло чрезъ прокурора къ генераль-прокурору. Это же самое должно воспослѣдовать и тогда, когда слѣдственный судья войдетъ съ рапортомъ въ chambre du conseil, въ которомъ объяснить, что преступникъ по всѣмъ уликамъ и доказательствамъ подлежитъ тяжкому наказанію за совершенное имъ дѣяніе, и когда одинъ или два члена согласились бы съ его мнѣніемъ.

Генераль-прокуроръ (*) въ теченіе 5 дней отъ полученія слѣдственного дѣла обязанъ привести его въ порядокъ и не позже, какъ въ теченіе 5 дней, долженъ передать его въ cour impériale: президентъ этого присутственнаго мѣста, въ теченіе трехъ дней по полученія слѣдственного дѣла, обязанъ назначить трехъ своихъ членовъ въ совѣщательную палату (chambre du conseil), гдѣ они должны собираться по крайней мѣрѣ разъ въ недѣлю, чтобы спеціально заняться тѣмъ дѣломъ, которое передано ихъ сужденію. Протоколистъ (greffier) обязанъ доложить и прочесть судьямъ все слѣдственное дѣло и подаваемые тяжущимися мемуары; но послѣдніе при докладѣ не присутствуютъ. По окончаніи доклада, генераль-прокуроръ оставляетъ въ присутствіи скрѣпленное свое заключеніе по обсуждаемому дѣлу, и удаляется оттуда, вмѣстѣ съ протоколистомъ. Судьи тогда приступаютъ къ рѣшенію вопроса: слѣдуетъ ли подсу-

(*) Code d'instruction criminelle, art. 247—250.

димаго предать уголовному суду или нѣтъ. При неясности дѣла la cour impériale имѣетъ право въ самые короткіе сроки требовать дополненія слѣдствія, представленія ему документовъ; имѣетъ право непосредственно произвести слѣдствіе даже и въ такомъ случаѣ, когда оно нигдѣ еще не возникало; въ такихъ дѣлахъ одинъ изъ его членовъ исполняетъ обязанности слѣдственного судьи; впрочемъ это для суда необязательно. Когда la cour impériale рѣшитъ, что подсудимый не совершилъ никакого преступленія, то онъ немедленно освобождается; въ случаѣ, если подсудимый подлежитъ исправительному наказанію или уголовному, онъ препровождается или въ полицію исправительную, или въ уголовный судъ; также когда la cour impériale утвердитъ дѣйствія 1-й слѣдственной инстанціи, то они приводятся немедленно въ исполненіе. Но несмотря на это, какъ мы ниже увидимъ, когда cour impériale передаетъ дѣло ассизному суду, то генераль-прокуроръ и подсудимый могутъ жаловаться въ кассационный судъ; въ другихъ дѣлахъ и случаяхъ рѣшеніе cour impériale — окончательное. По рѣшенію въ cour impériale, что подсудимый долженъ быть преданъ суду, генераль-прокуроръ обязанъ составить обвинительный актъ, въ которомъ должно быть объяснено: 1) свойство преступленія и основаніе обвиненія; 2) дѣянія и всѣ обстоятельства, которыя могутъ увеличить или уменьшить наказаніе; 3) въ заключеніе въ актѣ должно быть сказано: *вслѣдствіе этого N.... обвиняется въ совершеніи такого-то убійства, воровства или другаго преступленія, при такихъ-то и такихъ-то обстоятельствахъ.*

Когда же la cour impériale освобождаетъ подсудимаго отъ суда и слѣдствія, то доносчики и истцы обязаны ему уплатить убытки и всѣ судебныя издержки.

Изъ этихъ главныхъ чертъ производства слѣдствій по французскимъ законамъ читатель можетъ видѣть, что въ одномъ только предметѣ они схожи съ нашимъ порядкомъ: лица, совершившія у насъ преступленіе, по должности ими занимаемой, предаются суду не иначе, какъ по заключенію губернскаго правленія; недовольный его распоряженіемъ можетъ жаловаться въ первый департаментъ правительствующаго сената. Слѣдствія же у насъ производятся или слѣдственными коммиссіями, или такъ называемыми временными отдѣленіями, или чиновниками полиціи, или чиновниками особыхъ порученій, и во всѣхъ этихъ случаяхъ при депутатахъ со стороны состоящихъ подъ слѣдствіемъ. Но какія дѣла должны тѣмъ или другимъ порядкомъ производиться, — у насъ не опредѣлено. Къ тому же во всѣхъ данныхъ случаяхъ, безъ всякаго различія званія, если преступленіе только не относится къ служебнымъ обязанностямъ, то,

даже не обращая вниманія на то — открыто или не открыто преступленіе, дѣло передается въ уголовный судъ на его ревизію. Такимъ образомъ, по нашимъ законамъ, каждое лицо, по самому безтолковому дѣлу и кляузѣ, можетъ попасть подъ уголовный судъ, и если подсудимый дворянинъ или чиновникъ, то ему поставляется въ обязанность слѣдить за дѣломъ до государственнаго совѣта, т. е. въ теченіе многихъ годовъ, иначе онъ предоставитъ участь своего дѣла произволу судовъ. Это съ одной стороны величайшее зло для подсудимыхъ; съ другой — обременяетъ судебныя мѣста ревизіею такихъ дѣлъ, которыя не имѣютъ никакихъ основаній. Просмотрите уголовныя дѣла уѣздныхъ судовъ, магистратовъ и палатъ, и вы увидите, что туда поступаютъ изъ земскихъ судовъ и полицій тысячи такихъ дѣлъ, которыя не стоятъ даже названія уголовнаго дѣла! Не мудро ли, послѣ этого, Французское законодательство, когда въ обезпеченіе личности каждаго гражданина оно установило: 1) что судебная полиція обязана свои предварительныя слѣдствія о преступленіяхъ представлять на заключеніе прокурора; 2) что этотъ имѣетъ только право передать дѣло слѣдственному суду; 3) что первая слѣдственная инстанція можетъ приводить въ исполненіе свои заключенія только относительно освобожденія преступника или преданія его исправительному суду, и то если будетъ на то согласіе прокурора и гражданской стороны; 4) что право предаванія уголовному суду предоставлено единственно la cour impériale, и то генераль-прокуроръ и подсудимый могутъ жаловаться въ кассационный судъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, оградивъ такимъ образомъ состоящаго подъ слѣдствіемъ отъ пристрастія слѣдователей, Французскій законъ сколько предоставляетъ времени неправильнымъ доносчикамъ, извѣстителямъ и обвинителямъ одуматься: если они сознаютъ неправильность обвиненія и если прокуроръ находитъ ихъ доказательства неосновательными, то они могутъ отказаться отъ иска, уплативъ состоящему подъ слѣдствіемъ только его убытки; если они переносятъ дѣло къ слѣдственному суду и соглашаются на заключеніе первой слѣдственной инстанціи, то также они уплачиваютъ только убытки; но когда они подпишутъ неудовольствіе на заключеніе la chambre du conseil и перенесутъ дѣло въ la cour impériale, и эта послѣдняя предастъ состоящаго подъ слѣдствіемъ суду, и подсудимый оправдается, то доносчики и истцы подвергаются опредѣленному наказанію, постановленному для клеветниковъ (*). Какая въ этихъ постановленіяхъ дана возможность обвинителямъ убѣдиться въ своей

(*) См. *Code Pénal*, art. 367—378.

неправотѣ! Повѣркамъ сколькихъ авторитетовъ подвергается предварительно ихъ убѣжденіе! Но если, несмотря на это, они стоятъ на своемъ, то законъ подвергаетъ ихъ наказанію, когда они проигрываютъ дѣло. Кромѣ этого, обвинители при самомъ слѣдствіи и судѣ имѣютъ тѣже самыя гарантіи безпристрастнаго суда, какъ и обвиненные; имъ предоставляется право доказывать свои обвиненія документами, свидѣтелями и уликами. По нашимъ законамъ, кто подастъ доносъ или жалобу объ уголовномъ дѣлѣ, тотъ или долженъ признаться въ фальшивости своего доноса, чтобы прекратить процессъ, или предоставить дѣло *усмотрѣнію слѣдователей и судовъ*. Да и какъ доносчикъ можетъ знать, что дѣлается по слѣдственному или судебному дѣлу, когда все дѣлопроизводство секретно? Притомъ дѣла, разъ начатыя уголовнымъ порядкомъ, никакъ не прекратишь: а между тѣмъ человѣкъ можетъ иногда обвинить кого нибудь въ гнѣвѣ, по недоразумѣнію или по ошибочному взгляду на дѣло. Сколько есть случаевъ, гдѣ обстановка дѣла прямо указываетъ намъ, что данное лицо виновно, а между тѣмъ онъ можетъ быть совершенно чистъ и невиненъ; слѣдовательно при оправданіи такого лица слѣдствіемъ, подсудимый имѣетъ полное право требовать возмездія за убытки; но его обвинитель не долженъ подвергаться тяжкому уголовному наказанію, такъ какъ его заблужденіе имѣло, хотя неправильныя, но все же основанія. Такимъ образомъ у насъ обѣ стороны—и обвинитель и обвиненный, не имѣютъ достаточныхъ обезпеченій въ законодательствѣ: уголовный процессъ зависитъ отъ слѣдователей или отъ судебныхъ мѣстъ. Судебная власть и ея полиція часто не имѣютъ должнаго значенія; онѣ не находятъ сочувствія въ обществѣ, нарушая законность.... Слѣдствія бываютъ иногда самыя печальныя: лица, преслѣдуемая судебною властью и полиціею, находятъ убѣжище у своихъ согражданъ, на нихъ глядятъ, какъ на невинныхъ страдалцевъ; самый неимущій прохожій, встрѣтивъ арестантовъ, вынимаетъ изъ своего кошелька послѣднюю денежку и съ охотою отдаетъ имъ: онъ не можетъ ручаться, что онъ и самъ подъ самымъ маловажнымъ предлогомъ не сдѣлается арестантомъ и не будетъ подобно этимъ бѣднякамъ ходить въ тяжелыхъ кандалахъ.... Тогда и ему народъ будетъ кидать денежки....

Монтескье сказалъ (*): «Философская свобода человѣка заключается въ пользованіи своею волею, или по крайней мѣрѣ въ убѣжденіи, что онъ это дѣлаетъ; политическая же свобода состоитъ въ безопасности или въ убѣжденіи, что мы ее имѣемъ. Эта безопасность ничѣмъ такъ не потрясается, какъ публичными и частными

(*) *De l'esprit des lois. Tome second, livre XII, chap. 11, Paris. 1803.*

доносами. Оттого-то свобода гражданъ главнѣе всего зависитъ отъ милосердія уголовныхъ законовъ».

Далѣе въ той же главѣ этотъ мыслитель говоритъ: «Приобрѣтаемыя въ той или другой странѣ свѣдѣнія о правилахъ, обезпечивающихъ уголовный судъ, интересуютъ родъ человѣческій болѣе всего на свѣтѣ; и только на практическомъ примѣненіи этихъ правилъ основывается свобода: въ государствѣ, имѣющемъ совершенные уголовные законы, человѣкъ, который преданъ суду и долженъ быть на другой день повѣшенъ, — все таки болѣе свободенъ, нежели паша въ Турціи».

Это величайшія истины: послѣдній пролетарій Ирландіи въ тысячу разъ свободнѣе перваго министра мароккаго императора; только совершенство гражданского и уголовного права можетъ поднять человѣка на ту высоту, на которую его личность поставлена христіанствомъ и наукой.

2) О СУДЕБНЫХЪ ЛИЦАХЪ И МѢСТАХЪ.

а) О полицейскихъ трибуналахъ.

1. Въ вѣдѣніи полиціи состоятъ дѣянія, за которыя слѣдуетъ наказаніе: или штрафъ не выше 15 франковъ, или пятидневный арестъ; такія уголовныя дѣла называются противозаконными поступками (contreventions).

2) Вѣдомству мирнаго судьи подлежатъ всѣ противозаконные поступки:

а) Совершенные въ его волости (commune).

б) Совершенные въ другихъ волостяхъ его же округа, когда нарушитель или свидѣтели не имѣютъ постоянного мѣстопробыванія, или находятся въ отсутствіи изъ той волости, гдѣ живетъ мирный судья.

в) Такія нарушенія, въ которыхъ искъ объ убыткахъ не определенъ, или превосходитъ 15 франковъ.

г) Всѣ противозаконные поступки о самовольной порубкѣ частныхъ лѣсовъ.

д) Дѣла о словесныхъ обидахъ.

е) Всѣ афиши, объявленія, продажа и распространеніе безнравственныхъ картинъ и сочиненій.

ж) Дѣла о гадателяхъ, предвѣщателяхъ и истолкователяхъ сновъ.

При мирномъ судѣ состоитъ протоколистъ; обязанности юстицъ-чиновника при немъ исполняетъ комиссаръ полиціи; въ его же отсутствіи — мэръ или его помощникъ.

Въ волостяхъ или коммунахъ, гдѣ находится только одинъ мирный судья, онъ одинъ только завѣдываетъ дѣлами своего трибунала, а находящіеся при немъ протоколистъ (*greffier*) и исполнительъ (*huissier*) исполняютъ обязанности полицейскихъ чиновниковъ.

Вызовы отвѣтчиковъ за нарушенія полицейскія могутъ быть сдѣланы или по требованію юстицъ-чиновника (*ministère public*) (*), или истцовъ. Повѣстки должны быть подписаны исполнителемъ и вручены—или лично отвѣтчику, или другому лицу, имѣющему необходимые качества гражданской отвѣтственности. Вызовъ къ суду отвѣтчика долженъ быть данъ на срокъ, не превышающій 24 часовъ, къ которому должно быть прибавлено по одному дню на каждые три мириаметра (**), во время отсутствія отвѣтчика: въ противномъ случаѣ какъ вызовъ, такъ и рѣшеніе, основанное на неявкѣ отвѣтчика, признаются недействительными. Въ случаяхъ, нетерпящихъ отлагательства, сроки могутъ быть сокращены, и вызываемыя лица могутъ явиться въ тотъ же день, въ назначенный часъ, по личной повѣсткѣ мирнаго судьи. Тяжущіеся могутъ явиться по собственной волѣ, по простому увѣдомленію, безъ формальнаго вызова. За день предъ слушаніемъ дѣла, мирный судья можетъ, по требованію юстицъ-чиновника или гражданской стороны, лично или чрезъ другихъ лицъ развѣдывать убытки; можетъ составлять лично, или поручить кому либо другому составленіе протоколовъ или актовъ, требующихъ поспѣшности. Если требуемое къ суду лицо не явится въ день или часъ ему назначенный, то оно обвиняется безъ суда. Неудовольствіе на подобное рѣшеніе можетъ быть или подписано на самомъ опредѣленіи, или представлено особо въ 3-дневный срокъ отъ дня его составленія; къ этому сроку для отсутствующаго тяжущагося присовокупляется еще по одному дню на 3 мириаметра. Лицо, обвиненное безъ суда, по пропусченіи этихъ сроковъ, теряетъ право жаловаться, развѣ бы дѣло, по важности, под-

(*) У насъ есть прокуроры и стряпчіе; но родового названія этихъ лицъ нѣтъ; во французскомъ законодательствѣ всѣ лица, которыя исполняютъ обязанности прокурорскія, хотя бы и не были сами прокуроры, какъ напримѣръ: полицейскіе комиссары, исполняющіе при мирныхъ судьяхъ эти обязанности, относительно мирнаго судьи называются: *les ministères publics*; вотъ почему я и перевелъ это выраженіе словами юстицъ-чиновникъ, которое заключаетъ въ себѣ родовое понятіе прокуроровъ, стряпчихъ и т. д.

(**) Мириаметръ равняется 9,374 верст.

лежало апелляціонному или кассационному суду. Требуемое къ суду лицо можетъ явиться лично или прислать повѣреннаго. Слѣдствіе производится публично, въ слѣдующемъ порядкѣ:

- 1) Протоколы прочитываются вслухъ протоколистомъ.
- 2) Свидѣтели, если ихъ представили юстицъ-чиновникъ или истцы, выслушиваются; затѣмъ истецъ излагаетъ свои доказательствa.
- 3) Отвѣтчикъ излагаетъ свою защиту, и его свидѣтели выслушиваются.
- 4) Юстицъ-чиновникъ высказываетъ по дѣлу свое мнѣніе.
- 5) Отвѣтчикъ можетъ его опровергать.

По окончаніи слѣдствія, не выходя изъ присутствія, дѣло рѣшается; въ крайнихъ случаяхъ дозволяется отложить рѣшеніе до слѣдующаго присутствія.

Если дѣяніе не представляетъ ни проступка, ни полицейскаго нарушенія, трибуналъ признаетъ недѣйствительнымъ вызовъ отвѣтника къ суду, со всѣми его послѣдствіями, и опредѣляетъ мѣру судебныхъ убытковъ. Если дѣяніе есть проступокъ, за который слѣдуетъ исправительное наказаніе или даже болѣе важное, то трибуналъ отсылаетъ прикосновенныя лица къ прокурору. Если подсудимый обвиненъ въ нарушеніи полицейскомъ, трибуналъ опредѣляетъ ему наказаніе и вмѣстѣ съ тѣмъ постановляетъ о возвращеніи по принадлежности вещи и объ уплатѣ судебныхъ убытковъ. Обвиненная сторона присуждается даже къ уплатѣ расходовъ юстицъ-чиновниковъ. Судъ опредѣляетъ въ рѣшеніи мѣру всѣхъ расходовъ. Всѣ рѣшенія должны изложить обстоятельства дѣла и законы, на которыхъ они основаны. Протоколъ опредѣленія (*la minute du jugement*) долженъ быть подписанъ судьей, открывавшимъ присутствіе, въ теченіе 24 часовъ отъ рѣшенія дѣла: въ противномъ случаѣ протолистъ уплачиваетъ 25 франковъ штрафа, и обвинители могутъ начать искъ какъ на него, такъ и на судью. Юстицъ-чиновникъ и гражданская сторона сохраняютъ право наблюдать за исполненіемъ рѣшенія,—оба по тому участию, какое они принимаютъ въ дѣлѣ (*).

б) О судопроизводствѣ меровъ, какъ полицейскихъ судей.

Меры коммунальные, не въ центральныхъ мѣстахъ кантона, имѣютъ въ своемъ вѣдѣніи, совмѣстно съ мирными судьями, всѣ

(*) *Code d'Instruction Criminelle, art. 137—165.*

нарушенія, совершенныя въ предѣлахъ ихъ коммуны лицами, взятыми съ поличнымъ, или лицами проживающими въ коммунѣ, или которые тамъ временно находятся, или когда свидѣтели живутъ въ коммунѣ, постоянно или временно, и когда убытки истцовъ не опредѣлены или не превосходятъ 15 франковъ. Дѣла же, принадлежащія собственно вѣдѣнію мирнаго судьи неподсудны мерамъ.

Обязанность юстицъ-чиновника при мерѣ исполняетъ его помощникъ; когда же этотъ послѣдній въ отсутствіи или исполняетъ обязанность мера, какъ полицейскаго судьи, тогда обязанность юстицъ-чиновника возлагается на одного изъ членовъ муниципальнаго совѣта, котораго по этому предмету назначаетъ прокуроръ на одинъ годъ.

Обязанности протоколиста при мерѣ, въ дѣлахъ полицейскихъ, исполняетъ одинъ изъ граждапъ, по назначенію мера; онъ даетъ по этому предмету присягу въ трибуналѣ полиціи исправительной. Экзекуторы при мерѣ не полагаются: вызовы къ суду совершаются непосредственно меромъ. Всѣ правила дѣлопроизводства мирнаго судьи исполняются и мерами (*).

3) ОБЪ АПЕЛЛЯЦІИ НА РѢШЕНІЯ ПОЛИЦІИ.

Рѣшенія по предметамъ полиціи могутъ быть апеллированы, когда они опредѣляютъ сверхъ издержекъ тюремное заключеніе, штрафъ, возвращеніе отнятаго и другія гражданскія вознагражденія, превышающія 5 франковъ. Апелляція пріостанавливаетъ исполненіе рѣшенія. Апелляція на полицейскій судъ приносится въ трибуналъ исправительной полиціи: она должна быть принесена въ теченіе 10 дней отъ объявленія рѣшенія подсудимому, и разсматривается въ томъ же порядкѣ, какъ и апелляція на мирнаго судью. По требованію прокурора или тяжущихся, свидѣтели могутъ быть вновь допрошены апелляціоннымъ судомъ, и даже новые свидѣтели могутъ быть допущены къ допросу. Весь ходъ процесса, установленный для мирнаго судьи, соблюдается и въ трибуналѣ исправительной полиціи. Юстицъ-чиновникъ и прикосновенныя лица къ дѣлу, въ тѣхъ дѣлахъ, для которыхъ полиція или трибуналы исправительные суть послѣднія инстанціи, могутъ просить переноса дѣла въ кассационный судъ. Въ началѣ каждой трети года меры и мирные судьи обязаны представлять прокурору, за протекшую треть, выписки изъ тѣхъ рѣшеній, которые опредѣляли тюремное заключеніе. Подлинную вѣдо-

(*) См. *Code d'Instruction Criminelle*, art. 166—171.

мость прокуроръ передаетъ протоколисту трибунала исправительнаго суда, а сводный отчетъ посылаетъ генераль-прокурору (*).

4) ОБЪ ИСПРАВИТЕЛЬНЫХЪ ТРИБУНАЛАХЪ.

Гражданскіе суды 1-й инстанціи (**) называются исправительными трибуналами и занимаются дѣлами о порубкахъ, преслѣдуемыхъ по требованію лѣсничествъ, и всѣми проступками, за которые слѣдуетъ наказаніе, превышающее 5 дней тюремнаго заключенія и 15 франковъ штрафа.

Эти трибуналы могутъ постановить приговоры, имѣя въ наличности трехъ судей.

Если въ самомъ присутствіи трибунала совершается проступокъ, то его президентъ составляетъ о событіи протоколъ, выслушиваетъ подсудимаго и свидѣтелей, и судъ, не выходя изъ присутствія, постановляетъ мѣру наказанія.

Срокъ на явку отвѣтчика въ судъ назначается 3-хъ дневный, а во время его отсутствія—по одному дню на 3 мириаметра.

Въ дѣлахъ, за которыя не слѣдуетъ тюремнаго заключенія, подсудимый можетъ прислать своего повѣреннаго; но, несмотря на это, судъ по своему усмотрѣнію можетъ требовать его на лицо.

Въ случаѣ неявки къ сроку въ судъ, отвѣтчикъ обвиняется въ искѣ.

Это обвиненіе не считается вступившимъ въ законную силу, если въ теченіе 5 дней отъ объявленія его подсудимому, онъ подастъ объ этомъ протестъ юстицъ-чиновнику и гражданской сторонѣ. Но несмотря на это, всѣ расходы, возникшіе отъ этого опредѣленія, лежатъ на отвѣтственности неявившагося подсудимаго.

Всѣ судебныя доказательства и весь ходъ процесса въ исправительныхъ трибуналахъ одинаковы съ теченіемъ процесса у мирнаго судьи.

Если данное дѣяніе не признается ни проступкомъ, ни полицейскимъ нарушеніемъ, то трибуналь, признавъ недѣйствительнымъ слѣдствіе и вызовъ къ суду, со всѣми его послѣдствіями, освобождаетъ подсудимаго и опредѣляетъ мѣру судебныхъ убытковъ.

Если данное дѣяніе есть нарушеніе полицейское и юстицъ-чиновникъ или гражданская сторона не потребуютъ возвращенія дѣла въ нижнюю степень, то трибуналь обязанъ опредѣлить наказаніе и

(*) Тамъ же art. 172—179.

(**) См. *Code d'Instruction Criminelle*, art. 179--216.

въ потребныхъ случаяхъ — судебные убытки; въ этомъ случаѣ рѣшеніе его считается въ послѣдней инстанціи (*en dernier ressort*) (*).

Если дѣяніе достойно наказанія тѣлеснаго или позорнаго, то судъ опредѣляетъ только обезпеченіе дѣла и арестъ подсудимаго, котораго и отсылаетъ къ надлежащему слѣдственному суду.

Весь порядокъ постановленія опредѣленія и приведенія его въ исполненіе — такой же, какъ у мирнаго суда.

Прокуроръ обязанъ въ теченіе 15 дней со дня рѣшенія дѣла отправить къ генераль-прокурору экстрактъ рѣшенія.

Всѣ рѣшенія, опредѣляющія исправительное наказаніе, подлежатъ апелляціи.

Въ тѣхъ департаментахъ, гдѣ нѣтъ *cour impériale*, существуютъ апелляціонные суды; поэтому изъ окружныхъ исправительныхъ трибуналовъ апеллируются дѣла въ суды, находящіеся въ центральномъ мѣстѣ (*chef-lieu*) департамента; изъ исправительныхъ трибуналовъ, находящихся въ *chef-lieu*, дѣло апеллируется въ апелляціонный судъ сосѣдняго департамента, если оба эти департамента подвѣдомы одному *cour impériale*; въ тѣхъ же департаментахъ, гдѣ послѣдній имѣетъ свое мѣстопробываніе, тамъ дѣла исправительной полиціи апеллируются къ нему. *Cour impériale* принадлежатъ также апелляціи изъ тѣхъ исправительныхъ трибуналовъ сосѣднихъ департаментовъ, которые отстоятъ отъ него ближе, нежели *chef-lieu* ихъ департамента.

Право на апелляцію принадлежитъ слѣдующимъ лицамъ:

1. Подсудимымъ и прикосновеннымъ лицамъ.
2. Гражданской сторонѣ, но только по предметамъ, касающимся до нея.
3. Лѣсной администраціи.
4. Прокурору, который, въ томъ случаѣ, когда онъ не апеллируетъ, обязанъ въ 15-дневный срокъ представить выписку изъ рѣшенія юстицъ-чиновнику апелляціоннаго суда.

5. Юстицъ-чиновнику апелляціоннаго суда или *cour impériale*, которымъ подлежитъ апелляція.

Приносящій апелляцію долженъ ее подать протоколисту исправительнаго трибунала въ 10-дневный срокъ со дня рѣшенія дѣла; для тѣхъ же, которые обвинены безъ суда, по неявкѣ ихъ, этотъ срокъ считается со дня объявленія имъ рѣшенія.

Въ теченіе этого срока и по подачѣ апелляціи, исполненіе рѣшенія приостанавливается.

(*) Когда дѣло находится въ послѣдней инстанціи, то на него можно жаловаться только въ кассационный судъ, а не въ апелляціонный.

Юстицъ-чиновникъ апелляціоннаго суда обязанъ сообщить о принимаемомъ имъ участіи въ дѣлѣ—подсудимому или подлежащему гражданской отвѣтственности, въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, какъ состоялось въ той степени рѣшеніе, или въ теченіе 1 мѣсяца, когда кто нибудь изъ прикосновенныхъ къ дѣлу лицъ сообщилъ ему это рѣшеніе; въ противномъ случаѣ онъ теряетъ право участія въ дѣлѣ.

Когда апелляціи не подано въ 10-дневный срокъ, подсудимый освобождается.

Жалоба, если она передана протоколисту суда 1 инстанціи, и все дѣло—должны быть отосланы прокуроромъ въ регистратуру апелляціоннаго суда, въ теченіе 14 часовъ отъ подачи жалобы или подписанія неудовольствія.

Если жалующійся находится подъ арестомъ,—въ этотъ же самый срокъ, по приказу прокурора, онъ долженъ быть отправленъ въ тюрьму того города, гдѣ находится апелляціонный судъ.

Пропустившіе апелляціонные сроки могутъ обжаловать возникшее отъ этого постановленіе въ такой же формѣ и въ такіе же сроки, какъ это постановлено относительно рѣшеній 1-й степени, основанныхъ на неявкѣ отвѣтчика къ суду.

Теченіе дѣла въ апелляціонномъ судѣ одинаково съ процесснымъ ходомъ въ 1-й степени.

Если опредѣленіе 1-й степени передѣлано и въ дѣлѣ не открыто ни проступка, ни полицейскаго нарушенія закона, то подсудимый освобождается; если приговоръ уничтожается и дѣяніе найдено или противозаконнымъ, или проступкомъ, и когда юстицъ-чиновникъ или гражданская сторона не требуютъ обращенія дѣла назадъ, то апелляціонный судъ опредѣляетъ мѣру наказанія и судебныхъ убытковъ. Когда же приговоръ признанъ недѣйствительнымъ, потому что за совершенное дѣяніе слѣдуетъ наказаніе тѣлесное или позорное, то апелляціонный судъ въ этомъ случаѣ поступаетъ, какъ 1-я степень.

Гражданская сторона, подсудимый, юстицъ-чиновникъ и лица, подлежащіе гражданской отвѣтственности, недовольныя рѣшеніемъ апелляціоннаго суда, могутъ жаловаться въ кассационный судъ.

О ходѣ дѣла въ этомъ послѣднемъ судѣ я буду говорить ниже; теперь же рассмотримъ тѣ начала, которыя выше изложены нами по дѣламъ о нарушеніяхъ полицейскихъ и о проступкахъ. Достоинства постановленій французскаго законодательства по этимъ предметамъ заключаются въ слѣдующемъ: 1) все дѣло производится у мирнаго судьи, мера, въ 1-й степени и апелляціонномъ судѣ гласно и словесно; 2) подсудимые могутъ быть защищаемы адвокатами; 3) если въ дѣлѣ, которое подверглось разсмотрѣнію этихъ лицъ

и мѣстъ, открылось преступленіе, то они обращаютъ дѣло: мирныя суды и меры—къ прокурорамъ, 1-я и 2-я степень—къ слѣдственному судѣ, и дѣло принимаетъ ходъ уголовный; 4) переносъ дѣла: о полицейскихъ нарушеніяхъ изъ полицейскихъ трибуналовъ въ исправительныя, а отсюда въ кассационный судъ. Переносъ дѣла о проступкахъ изъ исправительныхъ трибуналовъ въ апелляціонный судъ, а отсюда въ кассационный, — я нахожу крайне неудобнымъ, и переносъ этотъ ничѣмъ не можетъ быть оправданъ; по этимъ дѣламъ одно изъ двухъ: или апелляціонныхъ судовъ не должно бы было существовать, или кассационныхъ. Право переносить дѣло въ этотъ послѣдній дѣлаетъ среднюю инстанцію совершенно излишнею. И странно, — во Франціи дѣла гражданскія имѣютъ только двѣ степени суда: 1-я степень и апелляціонный судъ оканчиваютъ всѣ дѣла гражданскія, и переносу въ кассационный судъ подлежатъ изъ нихъ очень немногія (*); уголовныя же дѣла имѣютъ суды ассизный и кассационный. Впрочемъ, среднія инстанціи по дѣламъ о полицейскихъ нарушеніяхъ и проступкахъ могутъ во Франціи оправдываться нѣкоторымъ образомъ только слѣдующими причинами: 1) обязанность неправильнаго апеллятора уплачивать судебныя издержки дѣлаетъ переносъ затруднительнымъ и не всѣ подсудимые на это могутъ рѣшиться; 2) территоріальное положеніе Франціи, недалость разстоянія разныхъ пунктовъ государства къ апелляціоннымъ и кассационнымъ судамъ дѣлаетъ удобнымъ этотъ переносъ; 3) во Франціи, гдѣ въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ юриспруденція находится на степени науки, гдѣ она давно сдѣлалась народнымъ достояніемъ и гдѣ просвѣщеніе находится на довольно высокой степени, суды могутъ пополняться съ избыткомъ. Въ тѣхъ же государствахъ, гдѣ пространства земли обширны, гдѣ народонаселеніе незначительно, гдѣ просвѣщеніе и законовѣдніе находятся еще въ младенествѣ, тамъ обиліе инстанцій есть зло: суды не могутъ быть пополняемы дѣльными и знающими судьями и переѣзды изъ одной инстанціи въ другую, для ходатайства, чрезвычайно обременительны и даже по большей части невозможны. Взгляните въ наши уѣздные суды, магистраты и палаты — много ли вы тамъ найдете истинно достойныхъ судей, въ смыслѣ европейскомъ? Поэтому лучше, мнѣ кажется, имѣть двѣ хорошо организованныхъ степени суда, нежели три, и даже болѣе, мало удовлетворительныхъ. Обиліе инстанцій влечетъ за собою проволочки, медленность въ отправленіи правосудія, скопленіе и замѣшательство въ дѣлахъ; отдаленное же разстояніе правительству—

(*) См. *Code de procédure civil*, ar. 504.

щаго сената отъ различныхъ пунктовъ Имперіи дѣлаетъ правосудіе для многихъ недоступнымъ.

Съ установленіемъ мирныхъ судей и съ преобразованіемъ гласныхъ судовъ, первымъ могли бы быть переданы всѣ дѣла, которыя подвѣдомы французскимъ мирнымъ судьямъ; земскіе же суды въ уѣздѣ могли бы составлять 1-ю степень суда полиціи исправительной.

Становые могли бы исполнять обязанности юстицъ-чиновниковъ при мирномъ судѣ, при которомъ должны состоять секретарь и экзекуторъ. На послѣднемъ могла бы лежать обязанность полицейскаго исполнителя. Порядокъ французскаго судопроизводства могъ бы существовать и у нашего мирнаго судьи, которому могли бы подлежать лица всѣхъ сословій его округа. Становыхъ можно бы уравнять съ французскими мерами. Въ городахъ всѣ дѣла мирнаго судьи могли бы подлежать городскимъ полиціямъ и иски апеллировать въ уѣздный судъ; дѣла же о проступкахъ, совершенныхъ въ городахъ, могли бы непосредственно начинаться въ уѣздныхъ судахъ. Поэтому земскіе суды въ уѣздѣ, а уѣздные суды въ городахъ, — вправѣ окончательно и безъ апелляціи рѣшать дѣла, первые — подлежащія мирному судѣ, вторые — городскимъ полиціямъ. Мирные судьи и полиціи, усмотрѣвъ въ данномъ дѣлѣ проступокъ, подлежащій исправительной полиціи, обращали бы дѣло — первый — въ земскій, вторая — въ уѣздный судъ. Если же въ дѣлѣ откроется преступленіе уголовное, то дѣло обращалось бы мирнымъ судьей и городской полиціею къ прокурору; земскій же судъ, въ подобномъ случаѣ, обращалъ бы дѣло непосредственно къ слѣдственному судѣ.

Уѣздный судъ могъ бы состоять изъ двухъ отдѣленій: въ первомъ дѣла гражданскія и исправительной полиціи; во второмъ — уголовныя дѣла.

При второмъ отдѣленіи могли бы состоять одинъ или два слѣдственныхъ судьи; второе отдѣленіе замѣнило бы *la chambre du conseil*, куда, въ случаѣ множества дѣлъ, предсѣдатель уѣзднаго суда могъ бы назначать и членовъ земскаго суда. Весь порядокъ дѣйствій французскаго слѣдственнаго судьи могъ бы быть примѣненъ къ нашему; мѣсто *cour impériale* можетъ у насъ быть занято правительствующимъ сенатомъ, къ которому произведенное слѣдствіе могло бы переходить тѣмъ же порядкомъ, какъ оно во Франціи переходитъ въ *cour impériale*; право преданія суду, или, какъ французское законодательство говоритъ: поставить подсудимаго въ состояніе обвиненія (*mise en accusation*) — могло бы быть предоставлено только сенату. Составъ нашего ассизнаго суда могъ бы быть слѣдующій: 1) изъ об-

шаго присутствія уѣзднаго и земскаго суда подъ предѣдательствомъ уѣзднаго судьи; 2) мѣстнаго прокурора; 3) секретаря уголовного отдѣленія уѣзднаго суда.

5) о присяжныхъ свидѣтеляхъ или понятыхъ.

Порядокъ составленія французскаго ассизнаго суда не можетъ быть у насъ принятъ; онъ составляется во Франціи слѣдующимъ образомъ:

Въ департаментѣ, гдѣ находится *cour impériale*, ассизный судъ (*) составляется изъ пяти его членовъ, изъ которыхъ одинъ предѣдательствуетъ; генераль-прокуроръ или одинъ изъ его товарищей (*substituts*) исполняетъ при немъ обязанности юстицъ-чиновника; протоколистъ *cour impériale* исполняетъ эту же обязанность и при ассизномъ судѣ.

Въ другихъ департаментахъ ассизный судъ составляется: 1) изъ одного члена *cour impériale*, который для этой цѣли командировается: онъ занимаетъ при ассизномъ судѣ мѣсто предѣдателя; 2) изъ четырехъ судей, взятыхъ между предѣдателями и старшими членами первыхъ инстанцій тѣхъ судовъ, въ вѣдѣніи которыхъ составляется ассизный судъ; 3) изъ прокурора ассизнаго суда или его товарищей; 4) изъ протоколиста того же суда (**).

Какъ я выше сказалъ, если у насъ ассизный судъ будетъ состоять изъ общаго присутствія уѣзднаго и земскаго судовъ, то его составъ будетъ еще полнѣе французскаго; но если у насъ вмѣсто *cour impériale* будетъ правительствующій сенатъ, то командированіе одного изъ его членовъ для предѣдательства въ ассизномъ судѣ будетъ затруднительно, такъ какъ ассизный судъ будетъ у насъ не въ губернскихъ городахъ, а въ уѣздныхъ. Французскіе департаменты не такъ обширны, какъ наши губерніи; поэтому тамъ въ каждомъ департаментѣ полагается по ассизному суду: по этой же причинѣ уголовный судъ составляется тамъ изъ члена *cour impériale* и изъ членовъ, выбираемыхъ между предѣдателями первыхъ степеней и ихъ старшихъ членовъ. Устройство въ Россіи въ губернскихъ городахъ ассизныхъ судовъ поставитъ жителей въ самое затруднительное положеніе: свидѣтели должны будутъ являться туда изъ-за нѣсколькихъ сотъ верстъ; если же допустить въ подобномъ случаѣ допросъ свидѣтелей на мѣстѣ жительства ихъ, то снова не

(*) *Assises* значитъ *засѣданія*; но собственно уголовный судъ первой степени называется во Франціи *la cour d'assises*.

(**) *Code d'instruction criminelle, art. 251 — 253.*

осуществится высокое назначеніе дѣлопроизводства ассизнаго суда. Вслѣдствіе этого я предполагаю, что каждый уѣздъ долженъ имѣть свой ассизный судъ; что присутствіе его должно образоваться изъ членовъ уѣзднаго и земскаго суда, подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго судьи. Въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ будетъ находиться правительствующій сенатъ, тамъ ассизный судъ долженъ составляться такъ, какъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ во Франціи находится la cour impériale. Впрочемъ, въ важныхъ случаяхъ правительствующему сенату должно быть предоставлено право командировать своего члена для предсѣдательства въ ассизномъ судѣ по данному дѣлу.

Что же касается до порядка слушанія и рѣшенія дѣлъ французскихъ судовъ ассизнаго и кассационнаго, то по ихъ совершенству не остается ничего лучшаго желать.

Ассизный судъ состоитъ изъ двухъ частей: 1) изъ присяжныхъ свидѣтелей или понятыхъ, опредѣляющихъ—совершенно ли даннымъ лицомъ преступленіе или нѣтъ; слѣдовательно они рѣшаютъ сущность дѣла; 2) изъ судей, которые, на основаніи рѣшенія присяжныхъ, присуждаютъ степень наказанія. Какъ вторые образуются во Франціи, я говорилъ выше; теперь рассмотримъ образованіе присяжныхъ:

1) Въ присяжные (*) могутъ быть назначены только достигшіе 30-лѣтняго возраста и пользующіеся политическими и гражданскими правами; въ противномъ случаѣ ихъ назначеніе недействительно.

2) Присяжные назначаются:

а) Изъ членовъ избирательныхъ коллегій.

б) Самыя почетныя лица, по одному изъ каждыхъ 300 осѣдлыхъ жителей.

в) Изъ императорскихъ чиновниковъ.

г) Изъ докторовъ и лиценціатовъ одного или многихъ факультетовъ, изъ членовъ и корреспондентовъ института и другихъ ученыхъ обществъ, признанныхъ правительствомъ.

д) Изъ нотаріусовъ.

е) Банкировъ, биржевыхъ маклеровъ, негоціантовъ и купцовъ, платящихъ по первой и второй гильдіи (**).

ж) Изъ чиновниковъ, получающихъ не менѣе 4,000 франковъ.

Послѣднее у насъ не можетъ быть принято: ни одинъ чиновникъ уѣздный не получаетъ жалованья, равняющагося 4,000 франковъ,

(*) Каждый присяжный называется *juré*; а всѣ 12-ть членовъ въ совокупности *jury*. См. *Code d'instruction criminelle*, art. 381 — 406.

(**) У насъ должны быть причислены сюда и состоящіе въ третьей гильдіи, по малочисленности въ уѣздныхъ городахъ купчества первыхъ двухъ гильдій.

да и немногіе изъ губернскихъ чиновниковъ имѣютъ 1000 р. с. содержанія; поэтому у насъ законъ долженъ допускать въ присяжные всѣхъ чиновниковъ, занимающихъ классныя и штатныя мѣста.

3) Никто не можетъ быть присяжнымъ въ томъ дѣлѣ, въ которомъ онъ принялъ обязанность судебного полицейскаго чиновника, свидѣтеля, переводчика, эксперта или соучастника.

4) Присяжными не могутъ быть: министры, префекты и подъ префекты, судьи, генераль-прокуроры и ихъ товарищи; равно священнослужители всѣхъ вѣроисповѣданій.

5) Члены государственнаго совѣта, императорскіе комиссары при административныхъ мѣстахъ и семидесяти-девяти-лѣтніе старики могутъ быть освобождены отъ исполненія обязанности присяжныхъ.

6) Лица, непричисленныя къ вышеозначеннымъ званіямъ, согласно ихъ прошенію или по личному усмотрѣнію префекта, могутъ быть внесены въ число присяжныхъ, по предварительному сношенію послѣдняго съ министромъ внутреннихъ дѣлъ.

7) Префекты обязаны составлять списки присяжныхъ, какъ только того потребуютъ президенты ассизныхъ судовъ. Это требованіе должно быть къ нимъ адресовано по крайней мѣрѣ за пятнадцать дней до открытія засѣданія суда. Если судъ раздѣленъ на нѣсколько отдѣленій, то президентъ каждаго отдѣленія можетъ, по ходу дѣла, требовать списковъ присяжныхъ для того отдѣленія, въ которомъ онъ предсѣдательствуетъ. Во всякомъ случаѣ списокъ префекта долженъ заключать въ себѣ не менѣе 60 гражданъ и долженъ быть адресованъ къ президенту ассизнаго суда или его отдѣленія. Президентъ изъ числа 60 долженъ выбрать 36 гражданъ и обязанъ въ теченіе 24 часовъ возвратить списокъ префекту.

8) Префектъ сообщаетъ возвращенный списокъ министру юстиціи, первоприсутствующему въ *cour impériale*, генераль-прокурору, президенту ассизнаго суда или его отдѣленій, и прокурору ассизнаго суда.

9) За восемь дней до засѣданія ассизнаго суда сообщается каждому изъ гражданъ, включенныхъ въ списокъ присяжныхъ, что онъ выбранъ въ присяжные и что онъ долженъ явиться въ судъ къ назначенному дню, подъ страхомъ наказанія.

10) Списокъ присяжныхъ считается уничтоженнымъ, когда присяжные исполнили свою обязанность по тому дѣлу, по которому они требовались.

11) Присяжный, который былъ включенъ въ одинъ списокъ и исполнилъ свою обязанность, не можетъ быть включенъ въ списки слѣдующихъ 4-хъ судебныхъ засѣданій, развѣ на это будетъ его

согласіе. При посылкѣ списковъ присяжныхъ министру юстиціи, префекты должны увѣдомлять его о томъ, какъ по предшествовавшему списку присяжные исполняли свою обязанность; о неявившихся чиновникахъ, по требованію для составленія суда присяжныхъ, — должны быть особыя донесенія.

12) Лица, имѣющія болѣе 30 лѣтъ, не могутъ быть приняты на службу ни въ административныя, ни въ судебныя мѣста, если не представляютъ свидѣтельства отъ юстицъ-чиновника при ассизномъ судѣ, въ вѣдомствѣ котораго они проживаютъ, что они исполняли требованія каждый разъ, какъ были включены въ списокъ присяжныхъ, или что причины ихъ неявки были уважительныя; или что они для суда присяжныхъ еще не требовались. Ни чья просьба безъ такого свидѣтельства не должна быть принята.

13) 12 присяжныхъ необходимы для составленія суда присяжнаго (un jury).

14) Листъ присяжныхъ долженъ быть предъявленъ подсудимому наканунѣ окончательнаго составленія табели объ нихъ: это объявленіе, со всѣми его послѣдствіями, признается недѣйствительнымъ, если оно сдѣлано раньше или позже.

15) Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда къ назначенному дню явится менѣе 30 присяжныхъ, которыхъ освободить нельзя будетъ, президентъ ассизнаго суда долженъ дополнить это число, по жребію, изъ гражданъ той коммуны, гдѣ находится судъ: и для этой надобности префектъ обязанъ ежегодно представлять въ ассизные суды списокъ всѣхъ лицъ его вѣдѣнія.

16) Присяжные, неявляющіеся по повѣсткѣ, присуждаются ассизнымъ судомъ къ уплатѣ штрафа:

за первый разъ 500 Франковъ.

» второй » 1000 »

» третій » 1500 »

Въ этотъ послѣдній разъ неявившееся лицо объявляется неспособнымъ исполнять обязанность присяжнаго на будущее время. Рѣшеніе публикуется насчетъ виновнаго и объ немъ сообщается министру юстиціи.

17) Неявка оправдывается только при непреодолимыхъ препятствіяхъ: судъ эти причины обязанъ разсмотрѣть.

18) Присяжные, хотя явившіеся въ судъ, но удалившіеся изъ него прежде исполненія своихъ обязанностей, подвергаются тому же штрафу, какъ и неявившіеся.

19) Въ назначенный день, по каждому дѣлу, въ началѣ засѣданія, въ присутствіи подсудимаго и генераль-прокурора должна быть

сдѣлана перекличка присяжныхъ: фамилія присяжнаго, отвѣчавшаго на вызовъ, записывается на билетъ и кладется въ урну.

20) Сначала подсудимый, потомъ генераль-прокуроръ, могутъ по своему усмотрѣнію, отвести присяжныхъ, но мѣръ того, какъ производится изъ урны тиражъ. Ни подсудимый, ни генераль-прокуроръ не обязаны представлять причинъ отвода. Судъ присяжныхъ считается состоявшимся, когда изъ урны выйдутъ 12 неотведенныхъ фамилій.

21) Отводы прекращаются, когда всѣ вынутыя фамиліи отвѣдены, и въ урнѣ остается только 12 фамилій которыя и составляютъ судъ присяжныхъ (*un jury*).

22) Подсудимый и генераль-прокуроръ имѣютъ право отводить одинаковое число присяжныхъ; но когда присяжные составляютъ нечетное число, то подсудимому предоставляется отвести однимъ присяжнымъ больше.

23) Если подсудимыхъ много, то они могутъ отводить присяжныхъ, по взаимному соглашенію, или же отдѣльно; но въ обоихъ случаяхъ они могутъ отвести столько присяжныхъ, какъ въ томъ случаѣ, когда существуетъ одинъ только подсудимый.

24) Если подсудимые не соглашаются вмѣстѣ отводить, то, по жребію, имъ опредѣляется порядокъ отвода.

25) Допросъ подсудимаго начинается непосредственно за составленіемъ таблицы присяжныхъ.

26) Если, по какимъ нибудь обстоятельствамъ, допросъ подсудимаго о проступкахъ, заключающихся въ документахъ или обвинительныхъ актахъ, откладывается до слѣдующаго засѣданія, то и листъ присяжныхъ признается уничтоженнымъ; и къ слѣдующему засѣданію изготовляется прежнимъ порядкомъ табель присяжныхъ.

6) ОБЯЗАННОСТИ ПРЕЗИДЕНТА АССИЗНАГО СУДА (*).

1) Обязанность президента: допросить подсудимаго въ день прибытія его въ тюрьму, созвать присяжныхъ и бросить жребій въ данныхъ случаяхъ. Онъ можетъ также по этимъ предметамъ уполномочить одного изъ судей.

2) На немъ лично лежитъ обязанность направлять присяжныхъ въ исполненіи ими своихъ обязанностей, изложить имъ предметъ, по которому они должны разсуждать, даже напоминать имъ ихъ долгъ, предсѣдательствовать во время преній и устанавливать поря-

(*) *Code d'instruction criminelle, art. 266—270.*

докъ защиты. Ему также принадлежит полицейскій надзоръ во время засѣданія.

3) Ему предоставлена неограниченная власть, по которой онъ можетъ принять на себя все, что, по его усмотрѣнiю, можетъ повести къ открытiю истины; и законъ предоставляетъ его чести и совѣсти употреблять всѣ силы къ раскрытiю правды.

4) Онъ можетъ, во время засѣданія, всѣхъ лицъ призывать, или требовать ихъ присылки, и выслушивать каждаго; можетъ приказывать доставить себѣ новые документы, которые окажутся во время пренiй необходимыми, по указанiю подсудимаго или свидѣтелей, для раскрытiя даннаго событiя. Свидѣтели, такимъ образомъ призванные, не присягаютъ, и ихъ объясненiя принимаются за простыя показанiя.

5) Президентъ имѣетъ право устранить все, что только служить къ промедленiю пренiй, безъ надежды на успѣхъ результатовъ.

7) ходъ процесса въ ассизномъ судѣ (*).

Когда la cour impériale произнесетъ приговоръ, что данное лицо ставится въ состоянiе обвиненiя (mise en accusation), и если дѣло все должно быть судимо въ мѣстопребыванiи cour impériale, то, по повелѣнiю генераль-прокурора, все дѣло должно, въ теченiе 24 часовъ, быть переслано въ регистратуру 1-й инстанцiи департамента или въ регистратуру того суда, который будетъ обозначенъ. Во всѣхъ случаяхъ, документы, оставшіеся въ регистратурѣ слѣдственной комиссiи или находившіеся въ cour impériale, въ этотъ же срокъ должны быть переданы туда, куда поступило все дѣло. Срокъ исчисленiя этихъ 24 часовъ начинается со времени объявленiя состоящему подъ слѣдствiемъ, что онъ преданъ суду. Подсудимый въ этотъ же срокъ, если онъ находится подъ стражей, отсылается въ тюрьму того мѣста, гдѣ будетъ происходить судъ. Въ теченiе 24 часовъ отъ прибытiя дѣла въ ассизный судъ и преступника въ тюрьму, президентъ, — или, по его уполномоченiю, судья, — обязанъ преступника допросить. При этомъ онъ долженъ быть спрошенъ: кого онъ принимаетъ себѣ въ защитники? Если онъ никого не выберетъ, то судья обязанъ ему такого назначить. Защитникъ можетъ быть выбранъ подсудимымъ только изъ адвокатовъ и стряпчихъ подвѣдомственныхъ cour impériale, развѣ бы президентъ дозволилъ подсудимому взять въ защитники кого нибудь изъ своихъ друзей или родствен-

(*) Code d'instruction criminelle, art. 294—380.

никовъ. Судья обязанъ также предупредить подсудимаго, что если бы онъ хотѣлъ просить объ уничтоженіи какого нибудь судебного дѣйствія, то онъ это долженъ сдѣлать въ 5-ти-дневный срокъ, такъ какъ его просьба по истеченіи этого срока не будетъ принята. Исполненіе предшествовавшихъ дѣйствій президента или судьи должно быть изложено въ протоколѣ, подписанномъ президентомъ, протоколистомъ и подсудимымъ; если послѣдній безграмотенъ или отказывается отъ подписи, то это должно быть оговорено. Если подсудимый не былъ увѣдомленъ о 5-ти-дневномъ срокѣ, то по его пропущеніи онъ не теряетъ права на жалобу. Прокуроръ можетъ подать протестъ также только въ теченіе 5 дней отъ допроса.

Жалоба и протестъ могутъ касаться предмета — о преданіи даннаго лица суду, въ слѣдующихъ случаяхъ:

- 1) Если дѣяніе не признается закономъ за преступленіе.
- 2) Если не было заключенія юстицъ-чиновника.
- 3) Если приговоръ постановленъ не надлежащимъ количествомъ судей.

Съ поступленіемъ протеста въ регистратуру, обязанность отсылки рѣшенія возлагается на генераль-прокурора *cour impériale*, который отправляетъ его генераль-прокурору кассационнаго суда. Но эта жалоба не приостанавливаетъ дѣлопроизводства ассизнаго суда.

Защитникъ можетъ быть допущенъ къ подсудимому немедленно послѣ снятія съ него допроса; ему можетъ быть также сообщено дѣло, но только въ регистратурѣ и безъ задержанія дѣлопроизводства. Если требуется допросить другихъ свидѣтелей, находящихся въ отсутствіи, то президентъ или судья, который его замѣняетъ, можетъ сообщить объ этомъ мѣстному слѣдственному судѣ, гдѣ находятся свидѣтели: слѣдственный судья, снявъ требуемыя показанія, посылаетъ ихъ запечатанными въ регистратуру ассизнаго суда. Свидѣтели, неявившіеся по вызову президента или судьи, и которые не оправдались законными причинами, или которые отказываются давать отвѣты, — могутъ быть присуждены ассизнымъ судомъ къ штрафу до ста франковъ и могутъ быть доставлены въ судъ силою. Защитники подсудимаго могутъ брать на свой счетъ копіи съ тѣхъ документовъ, какіе найдутъ нужными для ихъ защиты.

Подсудимые получаютъ безвозмездно по одной копіи съ протоколовъ объ ихъ проступкѣ и съ свидѣтельскихъ показаній; за исполненіемъ этого правила должны наблюдать президентъ, судья и генераль-прокуроръ.

Если прокуроръ или подсудимый имѣютъ поводъ просить, чтобы дѣло не было доложено первому собранію присяжныхъ, они представляютъ президенту ассизнаго суда требованіе свое объ отсрочкѣ.

Отъ президента зависить дать отсрочку; это самое можетъ онъ сдѣлать и по собственной своей власти (*d'office*). Когда составлено по одному и тому же проступку множество обвинительныхъ актовъ противъ разныхъ подсудимыхъ лицъ, то генераль-прокуроръ можетъ требовать соединенія ихъ въ одно дѣло. Когда же обвинительный актъ содержитъ въ себѣ неоднородные проступки, то генераль-прокуроръ можетъ требовать, чтобы подсудимые подверглись сужденію или за одинъ, или за нѣсколько проступковъ, но не за всѣ разомъ; въ обоихъ этихъ случаяхъ это же самое можетъ президентъ сдѣлать непосредственно по своей власти. Въ назначенный къ открытію засѣданія суда день, двѣнадцать присяжныхъ помѣщаются противъ обвиненнаго, въ порядкѣ, который обозначается жребіемъ, на стульяхъ, отдаленныхъ отъ публики, отъ соучастниковъ дѣла и свидѣтелей.

Подсудимый является въ судъ свободнымъ и только въ сопровожденіи стражи, для воспрепятствованія ему побѣга.

Президентъ спрашиваетъ его имя, возрастъ, занятіе, мѣстожительство и родину; предваряетъ защитника обвиненнаго, что онъ ничего не долженъ говорить противъ совѣсти и противъ закона и что онъ долженъ выражаться благопристойно и вѣжливо. Затѣмъ президентъ, стоя съ непокрытой головой, обращаетъ къ присяжнымъ слѣдующую рѣчь:

«Вы клянетесь и общаете предъ Богомъ и людьми разсмотрѣть съ самымъ тщательнымъ вниманіемъ обвиненія, возводимыя противъ N., не измѣнять интересамъ ни подсудимаго, ни общества, ни обвинителя; не сообщаться ни съ кѣмъ до вашего рѣшенія; не внимать ни ненависти, ни злобѣ, ни боязни, ни уваженію; постановить свое рѣшеніе по обвиненіямъ и доказательствамъ оправданія, по внушенію вашей совѣсти и личнаго убѣжденія, съ безпристрастіемъ и непоколебимостью, свойственными человѣку честному и свободному».

Каждый изъ присяжныхъ, вызываемый поименно президентомъ, отвѣчаетъ, поднявъ руку: «*клянусь!*»

Вслѣдъ за этимъ президентъ предупреждаетъ подсудимаго быть внимательнымъ къ тому, что онъ услышитъ, и приказываетъ протоколисту читать рѣшеніе *cour impériale* о преданіи обвиненнаго суду и обвинительный актъ.

Протоколистъ прочитываетъ эти документы громко.

Послѣ этого чтенія, президентъ напоминаетъ подсудимому содержаніе обвинительнаго акта и присовокупляетъ:

«Вотъ въ чемъ вы обвинены; теперь вы услышите улики, какія противъ васъ представлены»,

Генераль-прокуроръ излагаетъ предметъ обвиненія; потомъ онъ представляетъ списокъ свидѣтелей, которые должны быть выслушаны по ссылкамъ его, гражданской стороны или подсудимаго. Списокъ этотъ прочитывается вслухъ протоколистомъ. Онъ можетъ заключать въ себѣ только тѣхъ свидѣтелей, которыхъ фамилія, занятія и мѣстожительство были объявлены въ теченіе 24 часовъ до допроса подсудимому прокуроромъ или гражданской стороной. И подсудимый, и генераль-прокуроръ могутъ отвести свидѣтеля, который не былъ включенъ въ списокъ и неясно обозначенъ въ объявленіи: судъ опредѣляетъ правильность отвода. Президентъ приказываетъ свидѣтелямъ удалиться въ назначенную для нихъ другую комнату; отсюда они выходятъ только для того, чтобы дать показанія. Въ случаѣ надобности, президентъ принимаетъ мѣры, чтобы свидѣтели не сообщались и не разсуждали прежде допроса ни о преступленіи, ни о подсудимомъ. Свидѣтели допрашиваются раздѣльно, въ порядкѣ опредѣляемомъ генераль-прокуроромъ. Прежде допроса они присягаютъ въ томъ, что будутъ свидѣтельствовать безъ злобы и страха и что будутъ говорить сущую правду и ничего противъ истины.

Затѣмъ президентъ спрашиваетъ ихъ имена, возрастъ, занятія, мѣстожительство, знали ли они подсудимаго прежде его обвиненія, или гражданскую сторону, и въ какой мѣрѣ; онъ спрашиваетъ ихъ также, не были ли они въ услуженіи у кого либо изъ нихъ. Послѣ этого допроса свидѣтели излагаютъ свои показанія словесно.

Президентъ поручаетъ протоколисту записывать всѣ дополненія, измѣненія и уклоненія, какія дѣлаетъ свидѣтель противъ своихъ прежнихъ показаній; этого же самаго имѣютъ право требовать генераль-прокуроръ и подсудимый.

Послѣ каждаго допроса, президентъ спрашиваетъ свидѣтеля: о настоящемъ ли подсудимомъ онъ слышалъ то, что показывалъ? Потомъ онъ спрашиваетъ подсудимаго: не хочетъ ли онъ возражать противъ обвиненія?

Свидѣтель не можетъ быть прерванъ: подсудимый и его защитникъ, послѣ допроса свидѣтеля, могутъ чрезъ президента предлагать ему вопросы и говорить—какъ противъ него самого, такъ и противъ его показаній, все, что они найдутъ полезнымъ для защиты обвиненнаго. Президентъ же имѣетъ право требовать отъ свидѣтеля и подсудимаго всевозможныхъ объясненій, которыя по его усмотрѣнію окажутся необходимыми для открытія истины.

Судьи, генераль-прокуроръ и присяжные имѣютъ это же самое право; но при этомъ они просятъ у президента позволенія говорить. Гражданская сторона можетъ обращаться къ подсудимому и свидѣ-

телямъ только чрезъ президента. Каждый допрошенный свидѣтель остается въ присутствіи до удаленія присяжныхъ для рѣшенія дѣла, развѣ бы президентъ ему приказалъ противное. Послѣ выслушанія свидѣтелей, представленныхъ прокуроромъ и гражданской стороною, выслушиваются свидѣтели подсудимаго и представленные имъ — или для опроверженія уликъ, находящихся въ обвинительномъ актѣ, или для засвидѣтельствованія того, что онъ человекъ честный, прямодушный и безукоризненнаго поведенія. Вызовъ и удовлетвореніе вознагражденіемъ свидѣтелей, если они того требуютъ, дѣлается на счетъ подсудимыхъ, исключая того случая, когда генераль-прокуроръ будетъ требовать къ слѣдствію свидѣтелей или по своему усмотрѣнію, или по указанію подсудимаго.

Не допускаются къ свидѣтельству:

1) Отецъ, мать, дѣдъ, бабушка, или другіе восходящіе родственники подсудимаго или другихъ лицъ, прикосновенныхъ къ дѣлу.

2) Сынъ, дочь, внукъ, внучка и другіе нисходящіе родственники.

3) Братъ и сестра.

4) Свойственники той же степени.

5) Мужъ и жена, даже послѣ развода.

6) Доносчики, которые по закону должны получать за доносы денежное вознагражденіе.

Показаніе этихъ лицъ тогда только педѣйствительно, когда они отведены или генераль-прокуроромъ, или подсудимымъ, или гражданской стороною. Доносчики, не получающіе денежнаго вознагражденія, допускаются къ свидѣтельству; но при этомъ присяжные должны быть предувѣдомлены о томъ, что это — доносчики.

Свидѣтели, представляемые прокурорами или подсудимымъ, выслушиваются, не обращая вниманія на то, снято ли было предварительно съ нихъ письменное показаніе, или нѣтъ, — и только требуется одно: чтобы они были включены въ списокъ свидѣтелей.

Свидѣтели, кѣмъ бы ни были представлены, не могутъ между собою разговаривать.

Подсудимый можетъ требовать, послѣ снятія каждаго вопроса, чтобы свидѣтель удался изъ присутствія и чтобы одинъ или многіе вновь были вводимы и переспрашиваемы отдѣльно или совокупно. Прокуроръ и президентъ имѣютъ то же самое право.

Президентъ можетъ предъ допросомъ свидѣтеля, или во время допроса, или послѣ допроса какого нибудь свидѣтеля, велѣть удалиться одному или многимъ подсудимымъ и допрашивать свидѣтелей безъ ихъ присутствія по какимъ нибудь обстоятельствамъ процесса; по возвращеніи подсудимыхъ, дальнѣйшее теченіе процесса

не можетъ воспослѣдовать иначе, какъ послѣ объявленія подсудимымъ отъ президента, — что открыто во время ихъ отсутствія.

Во время допроса генераль-прокуроръ и присяжные могутъ отмѣчать у себя все, что они найдутъ важнымъ въ показаніяхъ свидѣтелей или въ защитѣ подсудимаго; но пренія не должны быть прерываемы. Во время или послѣ допроса, президентъ можетъ представить подсудимому всѣ документы, относящіеся къ преступленію и служащіе уликою; онъ можетъ отъ подсудимаго требовать личныхъ отвѣтовъ, если найдется это необходимымъ; документы могутъ быть также показаны свидѣтелямъ, когда это требуется.

Если послѣ преній показаніе какого нибудь свидѣтеля окажется ложнымъ, то по требованію прокурора, или гражданской стороны, или подсудимаго, президентъ по собственной власти можетъ тутъ же велѣть его арестовать. Генераль-прокуроръ и президентъ или одинъ изъ назначенныхъ имъ судей, исполняютъ относительно такого свидѣтеля, первый — обязанности полиціи судебной, второй — обязанности слѣдственнаго судьи. Слѣдственное дѣло по этому предмету, по его окончаніи, должно быть представлено въ *cour impériale*, для преданія виновнаго суду. Въ подобномъ случаѣ генераль-прокуроръ, гражданская сторона, или подсудимый — могутъ непосредственно требовать, чтобы дѣло было разсматриваемо въ ближайшемъ засѣданіи; это же самое *cour impériale* можетъ сдѣлать и по своей власти. Въ случаѣ, если подсудимый или свидѣтели, или одинъ изъ нихъ — не говорятъ на одномъ и томъ же языкѣ или нарѣчій, президентъ по собственной власти долженъ истребовать переводчика, имѣющаго не менѣе 21 года; переводчикъ долженъ присягнуть въ томъ, что онъ будетъ взаимно лицамъ, говорящимъ на разныхъ языкахъ, вѣрно переводить ихъ рѣчи. Генераль-прокуроръ и подсудимый могутъ отвести переводчика, при чемъ они должны привести причины: судъ опредѣляетъ, могутъ ли они быть уважены, или нѣтъ. Переводчикъ не можетъ быть взятъ, даже съ согласія подсудимаго, ни изъ числа судей, ни изъ свидѣтелей, ни изъ присяжныхъ.

Если подсудимый глухо-нѣмой и не умѣетъ писать, то президентъ требуетъ по власти своей такое лицо, которое привыкло съ нимъ объясняться. Тоже самое должно сдѣлать съ свидѣтелемъ глухо-нѣмымъ. Если же глухо-нѣмой умѣетъ писать, то протоколистъ пишетъ ему вопросные пункты и замѣчанія; отвѣты его сообщаются подсудимому и свидѣтелямъ, которые даютъ письменно отзывы и возраженія. Все это потомъ прочитывается вслухъ протоколистомъ.

Президентъ назначаетъ порядокъ: о какомъ подсудимомъ должно начаться преніе; при чемъ прежде обсуживается важнѣйшее преступленіе, потомъ ужь идутъ пренія о другихъ преступникахъ.

Вслѣдъ за допросомъ свидѣтелей и за рѣчами, которыя вызваны ихъ показаніями, выслушивается гражданская сторона или ея адвокатъ и генераль-прокуроръ, и тѣ улики, какія они приводятъ. Подсудимый и его адвокатъ могутъ возражать. Генераль-прокуроръ и гражданская сторона могутъ опровергать; но подсудимому и его адвокату предоставляется всегда заканчивать пренія.

Въ этомъ послѣднемъ случаѣ президентъ объявляетъ, что пренія кончились, и повторяетъ вкратцѣ все дѣло.

Онъ обращаетъ вниманіе присяжныхъ на главныя доказательства въ пользу и противъ подсудимаго, и напоминаетъ имъ, въ чемъ заключается ихъ обязанность.

При этомъ онъ предлагаетъ имъ вопросы въ слѣдующемъ видѣ:

1) Если рѣчь идетъ объ обвиненіяхъ, заключающихся въ обвинительномъ актѣ, то вопросъ состоитъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Виновенъ ли подсудимый въ совершеніи такого-то убійства, покражи или такого-то преступленія, съ обстоятельствами, обозначенными въ обвинительномъ актѣ?»

2) Если изъ преній открылись обстоятельства, не обозначенныя въ обвинительномъ актѣ, увеличивающія преступленіе, то президентъ присовокупляетъ слѣдующій вопросъ:

«Подсудимый совершилъ ли преступленіе съ такими-то и такими-то обстоятельствами?»

3) Если подсудимый будетъ оправдываться тѣмъ, что дѣйствіе его допускается закономъ, вопросъ долженъ быть слѣдующій:

«Точно ли это справедливо?»

4) Если подсудимому меньше 16 лѣтъ, то президентъ спрашиваетъ:

«Подсудимый дѣйствовалъ ли съ сознаниемъ?»

Президентъ, опредѣливъ вопросы и утвердивъ ихъ своею подписью, передаетъ ихъ присяжнымъ, въ лицѣ старшаго изъ нихъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ передаетъ имъ обвинительный актъ, протоколы, которые опредѣляютъ преступленіе, документы процесса, за исключеніемъ письменныхъ свидѣтельскихъ показаній. Онъ объявляетъ присяжнымъ, что въ случаѣ объявленія ими подсудимаго виновнымъ большинствомъ голосовъ, они должны это обозначить въ началѣ своего опредѣленія. Послѣ этого онъ приказываетъ подсудимому удалиться изъ присутствія.

Когда присяжнымъ вручены вопросы и все дѣло, тогда они удаляются въ назначенную для нихъ комнату.

Главою или начальникомъ ихъ назначается или тотъ, который вышелъ первымъ по жребію, когда они разсаживались на скамьяхъ, или же тотъ, кого они, съ согласія послѣдняго, выберутъ.

Предъ начатіемъ разсужденій присяжныхъ, ихъ глава напоминаетъ имъ слѣдующую инструкцію, которая еще прежде того прибивается, большимъ шрифтомъ, въ видномъ мѣстѣ ихъ комнаты:

«Законъ не требуетъ отчета отъ присяжныхъ, какими доводами они пришли къ своему опредѣленію; онъ не предписываетъ имъ правилъ, отъ которыхъ бы зависѣли полнота и достаточность доказательствъ; онъ имъ предписываетъ разсуждать между собою тихо и совместно изыскивать въ чистотѣ ихъ совѣсти, какое впечатлѣніе произвели на ихъ разумъ доказательства, приводимыя противъ подсудимаго, и его опроверженія. Законъ не говоритъ имъ: «не считайте за достовѣрное событіе, засвидѣтельствованное такимъ-то и такимъ-то числомъ свидѣтелей». Онъ также не говоритъ: «не считайте недостаточными тѣ доказательства, которыя не облечены въ форму протоколовъ, или документовъ, или показанія свидѣтелей, или въ такіе-то признаки»; законъ дѣлаетъ имъ одинъ только вопросъ, въ которомъ заключается вся сущность ихъ долга: «имѣете ли вы внутреннее убѣжденіе?»

«Но самое главное, — не должно быть присяжными упущено изъ виду, что все ихъ разсужденія должны относиться къ обвинительному акту; что дѣянія, въ немъ изображенныя и въ немъ заключающіяся, должны единственно обратитъ ихъ вниманіе; и они не исполняютъ перваго своего долга, когда, думая о постановленіяхъ уложенія о наказаніяхъ, разсуждаютъ о послѣдствіяхъ, могущихъ произойти для подсудимаго отъ ихъ опредѣленія. Обязанность присяжныхъ не въ преслѣдованіи или наказаніи преступленія; они призваны единственно для того, чтобы рѣшить: подсудимый виновенъ ли, или нѣтъ — въ преступленіи, на него возводимомъ.»

Присяжные не могутъ оставить своей комнаты, пока они не рѣшатъ дѣла.

Во время ихъ разсужденія входитъ къ нимъ, по какимъ бы то ни было причинамъ, можно только съ письменнаго разрѣшенія президента.

Президентъ обязанъ начальнику жандармовъ дать предписаніе: охранять выходы ихъ комнаты.

Присяжнаго, нарушившаго правила, судъ можетъ оштрафовать къ уплатѣ до 500 и болѣе франковъ. Всякій изъ нихъ, нарушившій порядокъ или не требовавшій его возстановленія, можетъ быть наказанъ арестомъ на 24 часа.

Присяжные разсуждаютъ сначала о главномъ событіи и потомъ о всѣхъ обстоятельствахъ, его сопровождавшихъ.

Глава спрашиваетъ каждого изъ нихъ, согласно утвержденнымъ вопросамъ, и каждый присяжный отвѣчаетъ слѣдующимъ образомъ:

1) Когда присяжный думаетъ, что событіе не достовѣрно и что подсудимый не уличенъ, онъ говоритъ:

«Нѣтъ, подсудимый не преступникъ.»

Въ этомъ случаѣ присяжный не имѣетъ ничего больше сказать.

2) Когда онъ думаетъ, что событіе достовѣрно и что подсудимый уличенъ, онъ говоритъ:

«Да, подсудимый виновенъ въ совершеніи преступленія, со всѣми обстоятельствами, изложенными въ вопросѣ.»

3) Когда онъ думаетъ, что событіе достовѣрно и что подсудимый уличенъ, но доказательства существуютъ только по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, онъ говоритъ:

«Да, подсудимый преступенъ, но не со всѣми обстоятельствами.»

Присяжные рѣшаютъ дѣло по большинству голосовъ; при ихъ равенствѣ перевѣсъ на сторонѣ тѣхъ, которые въ пользу подсудимаго.

По рѣшеніи дѣла присяжные входятъ въ присутствіе и занимаютъ свои мѣста. Президентъ спрашиваетъ ихъ: въ чемъ заключается ихъ рѣшеніе?

Глава присяжныхъ поднимается съ мѣста и, положивъ руку на сердце, говоритъ:

«По чести и совѣсти, предъ Богомъ и людьми, рѣшеніе присяжныхъ состоитъ въ слѣдующемъ: «Да, подсудимый и т. д.», или: «Нѣтъ, подсудимый и т. д.»

Рѣшеніе присяжныхъ должно быть подписано ихъ главою и передано президенту суда, въ присутствіи всѣхъ присяжныхъ; президентъ и протоколистъ скрѣпляютъ его.

Рѣшеніе присяжныхъ передѣлано быть не можетъ. Если бы подсудимый былъ обвиненъ не единогласно всѣми присяжными, а только большинствомъ голосовъ въ главномъ событіи, тогда судьи разсуждаютъ между собою о томъ же самомъ предметѣ, и если мнѣніе меньшинства присяжныхъ принято большинствомъ голосовъ судей, такъ что, совокупивши эти голоса, они будутъ превосходить большинство голосовъ присяжныхъ, вмѣстѣ взятыхъ съ меньшинствомъ голосовъ судей, то принимается это мнѣніе, служащее въ пользу подсудимаго.

Если, сверхъ предшествовавшаго случая, всѣ судьи единогласно убѣждены, что присяжные, увлекшись формальностью доказательствъ, ошиблись въ сущности дѣла, то судъ опредѣляетъ, что

онъ отлагаетъ рѣшеніе дѣла до слѣдующаго засѣданія, пока не устроится новый судъ присяжныхъ, въ которомъ не можетъ участвовать ни одинъ изъ предшествовавшихъ его членовъ. Никто не вправе этого требовать отъ суда, и онъ можетъ на подобное рѣшиться только по собственной своей власти и непосредственно за публичнымъ объявленіемъ рѣшенія присяжныхъ, но въ тѣхъ только случаяхъ, когда подсудимый обвиненъ, а не оправданъ. Послѣ опредѣленія втораго суда присяжныхъ, хотя бы оно было одинаково съ опредѣленіемъ перваго, судъ обязанъ непосредственно приступить къ рѣшенію дѣла.

Допросъ и пренія, разъ начатыя, должны безостановочно продолжаться, безъ всякаго сообщенія съ кѣмъ либо, включительно до рѣшенія присяжныхъ.

Президентъ не можетъ ихъ прерывать, развѣ для необходимаго отдыха судьямъ, присяжнымъ, свидѣтелямъ и подсудимымъ.

Если кто нибудь изъ свидѣтелей, внесенныхъ въ списокъ, не явится, то судъ можетъ, по требованію генераль-прокурора, еще прежде начатія преній и допроса перваго по списку свидѣтеля, отложить дѣло до слѣдующаго засѣданія.

Если чрезъ неявку свидѣтеля дѣло отложено до слѣдующаго засѣданія, то всѣ расходы по вызову, на акты, на поѣзду свидѣтелей и на другіе предметы, необходимыя для сужденія дѣла, относятся на счетъ этого свидѣтеля; и по требованію прокурора, тѣмъ же самымъ опредѣленіемъ, которое отсрочило засѣданіе, предписывается, кому слѣдуетъ, неявившагося свидѣтеля доставить въ судъ. Во всѣхъ случаяхъ, когда свидѣтель—или не явится по вызову, или не захочетъ присягать, или упорствуетъ въ дачѣ отвѣта, онъ осуждается къ уплатѣ штрафа въ 100 франковъ. Протестъ противъ такого рѣшенія можетъ быть предъявленъ въ теченіе 10 дней и по одному дню на 5 мириаметровъ со дня объявленія виновному; протестъ принимается въ томъ лишь случаѣ, когда онъ представитъ законныя причины неявки или — что штрафъ на него возложенный, неумѣренъ.

8) ПРИГОВОРЪ И ЕГО ИСПОЛНЕНІЕ.

Послѣ публичнаго объявленія опредѣленія присяжныхъ, президентъ велитъ войти въ присутствіе подсудимому, и протоколистъ читаетъ ему вслухъ это опредѣленіе.

Когда подсудимый объявленъ невиннымъ, президентъ объявляетъ, что онъ освобожденъ отъ обвиненій, и приказываетъ его

освободить, если онъ не долженъ быть задержанъ по другой причинѣ.

Затѣмъ судъ опредѣляетъ судебныя убытки, предъявленные сторонами, предварительно выслушавъ ихъ защиты и мнѣніе прокурора.

Впрочемъ, судъ въ подобномъ случаѣ можетъ, если онъ найдетъ удобнымъ, поручить одному изъ судей выслушать прикосновенныхъ къ дѣлу лицъ, рассмотреть самое дѣло и доложить присутствію, куда и всѣ стороны могутъ представить свои опроверженія и гдѣ снова можетъ быть юстицъ-чиновникъ.

Оправданный подсудимый можетъ требовать вознагражденія судебныхъ убытковъ отъ доносчиковъ, за клевету; но члены установленныхъ властей, доносившихъ по обязанности службы, не могутъ быть преслѣдуемы за свои мнѣнія относительно преступленій, дошедшихъ до ихъ свѣдѣнія: развѣ подсудимый хотѣлъ бы начать на нихъ формальный искъ (*prise à partie*) (*).

По требованію подсудимаго генералъ-прокуроръ обязанъ объявить ему доносчика.

Просьбы объ убыткахъ, подаваемыя подсудимымъ противъ доносчиковъ или гражданской стороны, и обратно, подлежатъ вѣдѣнію ассизнаго суда. Гражданская сторона обязана предъявить искъ до приговора; послѣ него они не принимаются. Это же самое относится къ подсудимому, когда ему до приговора извѣстенъ былъ доносчикъ.

Въ томъ случаѣ, когда подсудимый узналъ — кто доносчикъ, послѣ приговора, но еще до окончанія засѣданія суда, онъ обязанъ свою просьбу тутъ же предъявить ассизному суду; въ противномъ случаѣ онъ теряетъ право на искъ. Когда же онъ узналъ это по окончаніи засѣданія суда, то искъ объ убыткахъ долженъ быть поданъ въ гражданскій судъ.

Всѣ лица, законно оправданныя, не могутъ быть вновь преданы суду по тому же дѣлу.

Когда, во время преній въ судѣ, на подсудимаго возводится новый проступокъ—или документами, или показаніями свидѣтелей,—то президентъ, послѣ объявленія подсудимаго оправданнымъ въ проступкѣ, за который онъ судимъ, предписываетъ его преслѣдовать по вновь открывающемуся преступленію; въслѣдствіе чего онъ передаетъ дѣло слѣдственному суду того округа, гдѣ находится ассизный судъ, куда онъ велитъ или подсудимому явиться, или его от-

(*) Порядокъ этого преслѣдованія изложенъ въ ст. 483—502, *Code d'instruction criminelle*.

править и даже может поручить личное его задержаніе. Но это послѣднее президентъ можетъ сдѣлать въ томъ лишь случаѣ, когда генераль-прокуроръ до окончанія преній уклонялся отъ начатія преслѣдованія подсудимаго.

Когда подсудимый признанъ преступнымъ, тогда генераль-прокуроръ требуетъ отъ суда приложенія къ нему закона. Выслушавъ прокурора, президентъ спрашиваетъ подсудимаго: не имѣетъ ли онъ чего нибудь сказать въ свое оправданіе?

Ни подсудимый, ни его защитникъ не могутъ при этомъ уже болѣе оспаривать достовѣрность дѣянія; они могутъ только доказывать, что оно не запрещено закономъ, или не признано имъ проступкомъ, или что оно не заслуживаетъ того наказанія, которое примѣнилъ къ нему генераль-прокуроръ, или что подсудимый не обязанъ вознаградить убытки гражданской стороны, или наконецъ, — что эта послѣдняя преувеличила свои убытки. Судъ освобождаетъ отъ наказанія подсудимаго, когда законъ не запретилъ того дѣянія, въ которомъ онъ обвиняется.

Если дѣяніе запрещено закономъ, то судъ присуждаетъ наказанія, даже и въ томъ случаѣ, когда процессомъ открыто, что оно не подлежитъ суду уголовному. Въ случаѣ обвиненія подсудимаго во многихъ преступленіяхъ, онъ приговаривается къ одному большому наказанію.

При освобожденіи подсудимаго отъ наказанія, — не обращая вниманія на то, былъ ли онъ судомъ присяжныхъ оправданъ или обвиненъ, — судъ опредѣляетъ убытки, какъ выше изложено мною, и приказываетъ возвратить по принадлежности спорное имущество; когда же подсудимый приговоренъ къ наказанію, то это послѣднее не иначе можетъ воснослѣдовать, какъ по пропущеніи подсудимымъ сроковъ на переносъ дѣла въ кассационный судъ, или по подписаніи имъ удовольствія на рѣшеніе.

Подсудимый или гражданская сторона по ихъ обвиненіи присуждаются къ уплатѣ расходовъ государству и противникамъ. Судьи разсуждаютъ и подаютъ мнѣнія не вслухъ; для этой цѣли они могутъ удалиться въ совѣщательную палату (*chambre du conseil*); но самое рѣшеніе президентъ обязанъ произнести громко, въ присутствіи публики и подсудимаго. Предъ произнесеніемъ приговора президентъ обязанъ прочесть вслухъ текстъ закона, на которомъ онъ основанъ.

Протоколистъ излагаетъ письменно приговоръ и долженъ означить въ немъ текстъ закона, подъ страхомъ уплаты въ противномъ случаѣ штрафа въ 100 франковъ. Протоколъ приговора долженъ быть подписанъ судьями, которые его составили; при неисполненіи

этого, протоколистъ уплачиваетъ 100 франковъ штрафа и вмѣстѣ съ судьями предается суду: протоколъ долженъ быть подписанъ въ теченіе 24 часовъ съ того времени, какъ приговоръ состоялся.

Послѣ прочтенія приговора, президентъ можетъ увѣщевать подсудимаго, чтобы онъ отдался безропотно Богу, или чтобы онъ исправился. При этомъ онъ объявляетъ ему, что онъ имѣетъ право жаловаться въ кассационный судъ и въ какой срокъ можетъ онъ это сдѣлать.

Протоколистъ обязанъ составить актъ о ходѣ засѣданія и о томъ, что всѣ формальности соблюдены. Въ этотъ актъ не включаются ни отвѣты подсудимыхъ, ни содержаніе свидѣтельскихъ показаній, а только встрѣчающіяся въ нихъ измѣненія, противорѣчія и перемѣны. Актъ этотъ подписывается президентомъ и протоколистомъ. За несовершенство такого акта протоколистъ штрафуется уплатою 500 франковъ.

Подсудимый, со дня объявленія ему приговора въ теченіе трехъ дней, можетъ объявить протоколисту, что онъ проситъ отсроченія дѣла на ревизію въ кассационный судъ; генераль-прокуроръ въ этотъ же срокъ сохраняетъ право переноса; гражданская сторона можетъ просить въ этотъ же срокъ переноса, но только въ гражданской части дѣла. Въ теченіе этихъ трехъ дней и потомъ при переносѣ дѣла въ кассационный судъ, впродъ до полученія рѣшенія этого суда, останавливается исполненіе приговора.

Приговоръ приводится въ исполненіе не позже двадцати четырехъ часовъ отъ пропущенія трехъ-дневнаго срока для апелляціи или отъ полученія отказа на жалобу кассационнаго суда.

Приговоръ приводится въ исполненіе по повелѣнію генераль-прокурора; онъ имѣетъ право непосредственно требовать по этому предмету вооруженную силу.

Если осужденный хочетъ объявить что нибудь, то это объявленіе принимается однимъ изъ судей, въ присутствіи протоколиста, на мѣстѣ исполненія приговора.

Актъ объ исполненіи приговора, подлѣ опасеніемъ въ противномъ случаѣ штрафа въ 100 франковъ, долженъ быть составленъ протоколистомъ и внесенъ имъ, въ теченіе 24 часовъ, въ концѣ судебнаго протокола. Эта отмѣтка должна быть имъ подписана, равно какъ и всѣ отмѣтки на поляхъ акта, имѣющія одинаковую силу съ самимъ актомъ.

Когда во время преній, предшествовавшихъ приговору, подсудимый будетъ уличенъ документами или показаніями свидѣтелей въ преступленіе, превосходящемъ то, въ которомъ его обвиняютъ, или если соучастники подсудимаго ужь арестованы, то судъ

предписываетъ его преслѣдовать по новому преступленію. Въ этомъ случаѣ генераль-прокуроръ приостанавливаетъ исполненіе перваго рѣшенія впредь до постановленія втораго.

Всѣ протоколы ассизнаго суда должны быть соединены въ одно дѣло и переданы въ регистратуру трибунала 1-ой инстанціи того округа, въ которомъ ассизный судъ находился. Ассизные же суды, находившіеся въ тѣхъ городахъ, гдѣ находится *cour impériale*, передаютъ дѣла свои этому послѣднему.

9) случаи, въ которые можно опровергать опредѣленія и приговоры.

Опредѣленія и приговоры, состоявшіеся въ послѣдней инстанціи по дѣлу уголовному, исправительному или полицейскому, равно какъ слѣдствіе и преслѣдованіе, ему предшествовавшее (т. е. предварительное слѣдствіе), могутъ быть уничтожены въ слѣдующихъ случаяхъ:

Когда подсудимый подверженъ осужденію и когда въ опредѣленіи *cour impériale*, предавшаго его суду, или въ слѣдствіи и дѣлопроизводствѣ этого суда, или въ ассизномъ судѣ, нарушены или упущены какія нибудь формальности, за упущеніе которыхъ законъ признаетъ всѣ дѣйствія суда ничтожными; то это нарушеніе или упущеніе даетъ поводъ сторонѣ осужденной или юстицъ-чиновнику — требовать уничтоженія приговора, со всѣми ему предшествовавшими актами.

Это же самое должно воспослѣдовать и въ томъ случаѣ, когда было упущеніе въ подсудности или отказано подсудимому въ его просьбѣ, а прокурору въ его требованіяхъ, съ которыми законъ связываетъ какія нибудь преимущества и права, — развѣ бы въ законѣ не выговорено было, что съ упущеніемъ данной формальности судами всѣ дѣйствія ихъ будутъ признаны недѣйствительными.

Эти два правила относятся также до проступковъ и простыхъ нарушеній.

Когда подсудимый оправданъ, тогда генераль-прокуроръ не можетъ требовать отмѣны приговора, но можетъ только апеллировать по предмету *вещественнаго* интереса.

Подсудимый и генераль-прокуроръ могутъ просить объ уничтоженіи приговора, когда примѣнено къ дѣянію не соотвѣтствующее ему наказаніе. Право требовать уничтоженія приговора принадлежитъ также генераль-прокурору и въ томъ случаѣ, когда подсуди-

мый освобожденъ отъ наказанія, по поводу несуществованія въ законахъ наказанія за данный поступокъ.

Когда присужденное наказаніе есть тоже самое, которое положено по закону за данное преступленіе, тогда никто не можетъ требовать уничтоженія приговора, подъ предлогомъ, что ссылка на текстъ закона ошибочна; это правило относится также до дѣлъ исправительныхъ и полицейскихъ.

Гражданская сторона не можетъ просить уничтоженія приговора ни оправдывающаго подсудимаго, ни освобождающаго его отъ подсудности; но если бы приговоръ обвинилъ эту сторону въ гражданскомъ отношеніи и это превосходило бы даже требованія ея противника, то она имѣетъ право просить объ уничтоженіи въ этомъ отношеніи приговора.

Во всѣхъ случаяхъ, когда кассационный или императорскій судъ (*cour impériale*) уничтожаютъ слѣдствіе, они могутъ опредѣлить, чтобы расходы на переислѣдованіе дѣла пали на виновныхъ слѣдователей; однакожь это должно относиться къ тому случаю, когда упущенія въ слѣдствіи будутъ очень серьезныя.

10) просьбы объ уничтоженіи приговора.

Прибѣгнуть къ кассационному суду противъ предварительныхъ опредѣленій и слѣдствія, или противъ приговоровъ послѣднихъ инстанцій, можно только послѣ окончательнаго рѣшенія дѣла: добровольное исполненіе опредѣленій и приговоровъ предварительныхъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть принято за отказъ отъ права ихъ обжаловать. Но это правило не распространяется на опредѣленія и приговоры о подсудности.

Объявленіе неудовольствія должно быть сдѣлано стороною обвиненной, у протоколиста, и подписано обоими, и если обвиненный не умѣетъ или не хочетъ подписать, то протоколистъ обязанъ это оговорить.

Объявленіе неудовольствія можетъ быть сдѣлано въ той же формѣ—или адвокатомъ стороны обвиненной, или специально имъ для того уполномоченными людьми; въ послѣднемъ случаѣ при объявленіи должна быть приложена довѣренность.

Объявленіе должно быть внесено въ реестръ, для этой цѣли назначенный; этотъ реестръ долженъ быть выставленъ публично, и каждый можетъ сдѣлать изъ него экстрактъ.

Когда принесена жалоба въ кассационный судъ противъ опредѣленія или рѣшенія послѣдней инстанціи, по дѣлу уголовному, испра-

вительному или полицейскому, — или гражданской стороной, или юстицъ-чиновникомъ, то ихъ жалобы сообщаются противной стороной въ трехдневный срокъ.

Когда эта сторона находится въ заключеніи, то актъ, въ которомъ заключается жалоба, прочитывается ей протоколистомъ; выслушавшая сторона должна подписать актъ, если же она не умѣетъ или не хочетъ этого сдѣлать, то протолистъ долженъ это отмѣтить.

Когда противная сторона находится на свободѣ, жалующійся въ кассационный судъ долженъ ей сообщить о своей жалобѣ чрезъ официального экзекутора или ему лично, или въ его мѣстожительствѣ: въ подобномъ случаѣ срокъ увеличивается по одному дню на каждые 5 мириаметровъ.

Гражданская сторона, приносящая жалобу въ кассационный судъ, обязана при ней приложить засвидѣтельствованную копию рѣшенія, на которое она жалуется. Она обязана также въ залогъ правой апелляціи внести 150 франковъ, или половину этой суммы, — когда рѣшеніе основывалось на неявкѣ ея къ суду или на пропускеніи его срока.

Освобождаются отъ этого штрафа: 1) подсудимые, обвиненные въ уголовныхъ преступленіяхъ; 2) общественные агенты по дѣламъ, относящимся непосредственно къ государственнымъ: администраціи, доходамъ и имуществамъ.

Въ отношеніи другихъ лицъ штрафъ падаетъ на сторону обвиненнаго; взносу этого штрафа не подвергаются только тѣ лица, которые къ жалобѣ приложить: 1) *выписку* изъ податныхъ окладовъ, изъ которой открывается, что они не платятъ податей болѣе 6 франковъ, или *свидѣтельство* отъ сборщика податей ихъ коммуны, изъ котораго видно, что они вовсе освобождены отъ податей, и 2) *свидѣтельство* о бѣдности, выданное имъ меромъ ихъ коммуны или его помощникомъ, засвидѣтельствованное подпрефектомъ и утвержденное префектомъ ихъ департамента.

Осужденные, даже по проступку и полицейскимъ нарушеніямъ, къ тюремному заключенію не могутъ приносить жалобъ въ кассационный судъ, если они не находятся въ тюрьмѣ, или не отпущены по поручительству. Поэтому къ жалобѣ должны быть приложены — или свидѣтельство о томъ, что они арестованы, или поручная записъ, если они на свободѣ.

Однако когда жалуются по предмету неподсудности, то достаточно представить удостовѣреніе, что жалующійся явился въ тюрьму, гдѣ находится кассационный судъ: смотритель этой тюрьмы можетъ его принять по отмѣткѣ, сдѣланной на жалобѣ даннаго лица

генераль-прокуроромъ кассационнаго суда, которому эта жалоба представлена. Подсудимый или гражданская сторона, во время подписанія неудовольствія на рѣшеніе или въ теченіе слѣдующихъ затѣмъ 10 дней, должны представить въ судъ или трибуналъ, постановившій опредѣленіе или приговоръ, жалобу. Протоколистъ, разсмотрѣвъ жалобу, передаетъ ее чиновнику, командированному по этому предмету юстицъ-чиновникомъ. Послѣдній, въ 10-й день отъ подписанія неудовольствія, отправляетъ къ министру юстиціи всѣ документы, дѣла и жалобы сторонъ, если они поданы.

Для этой цѣли протоколистъ трибунала или суда, рѣшившаго дѣло, обязанъ немедленно составить опись документамъ и сшить ихъ въ одно дѣло.

По полученіи этихъ документовъ, въ теченіе 24 часовъ, министр юстиціи обязанъ ихъ отправить съ нарочнымъ чиновникомъ въ кассационный судъ.

Обвиненные могутъ также непосредственно представить въ регистратуру кассационнаго суда свои жалобы, выписки или коніи опредѣленій и приговоровъ, равно какъ и просьбы о допущеніи ихъ жаловаться кассационному суду. Но гражданская сторона не иначе можетъ воспользоваться этимъ правомъ, какъ посредствомъ адвоката, состоящаго при кассационномъ судѣ.

Кассационный судъ во всѣхъ дѣлахъ уголовныхъ, несправительныхъ и полицейскихъ—не позже одного мѣсяца долженъ рѣшить дѣло. Судъ или отказываетъ въ жалобѣ, или признаетъ недействительнымъ опредѣленіе или приговоръ безъ предварительнаго постановленія о предоставленіи данному лицу права на жалобу. Когда кассационный судъ уничтожаетъ порѣдѣніе или приговоръ по дѣлу исправительному, или полицейскому,—онъ отсылаетъ процессъ и стороны къ другому суду или трибуналу того же самаго качества, какъ тотъ, который имѣлъ въ своемъ вѣдѣніи данное дѣло.

Кассационный судъ отсылаетъ дѣло:

1) Къ другому *cour impériale*, а не къ тому, который опредѣлялъ подсудность и предагъ суду подсудимаго.

2) Къ другому ассизному суду, а не къ тому, который при составленіи опредѣленія или приговора сдѣлалъ упущенія, заставляющія законъ признать рѣшеніе суда недействительнымъ.

3) Къ другому суду 1-й инстанціи, а не къ тому, къ которому принадлежалъ слѣдственный судья, если приговоръ и слѣдствіе признаны недействительными только относительно гражданскихъ взысканій.

4) Когда опредѣленіе и дѣлопроизводство уничтожены по предмету неподсудности, то кассационный судъ отсылаетъ дѣло въ над-

лежащее судебное мѣсто; но если слѣдственный судья, производившій первое слѣдствіе, принадлежитъ къ этому суду, то дѣло отсылается въ другой судъ 1-й степени.

5) Когда рѣшеніе уничтожено потому, что дѣяніе, за которое подсудимый осужденъ, по закону не есть преступленіе, — тогда гражданская сторона отсылается къ трибуналу 1-й инстанціи, но не къ тому, къ которому принадлежитъ слѣдственный судья; когда же нѣтъ гражданской стороны, то кассационный судъ ограничивается однимъ уничтоженіемъ приговора.

6) Во всѣхъ случаяхъ, когда кассационный судъ обязанъ опредѣлить, къ какому трибуналу или суду дѣло должно быть отправлено, — этотъ выборъ долженъ быть сдѣланъ по спеціальной консультаціи относительно этого предмета въ совѣщательной палатѣ непосредственно за рѣшеніемъ дѣла, и этотъ выборъ долженъ быть въ точности обозначенъ въ рѣшеніи.

7) Слѣдственный судья, которому поручается дополненіе слѣдствія, не можетъ быть взятъ изъ числа тѣхъ, которые подвѣдомственны тому суду, рѣшеніе коего уничтожено.

8) Если дѣло отослано въ *cour impériale*, то онъ обязанъ, пополнивши слѣдствіе въ чемъ надлежитъ, опредѣлить, — какой судъ его вѣдомства долженъ рѣшить дѣло.

9) Когда офицеръ отправленъ въ ассизный судъ и когда находятся соучастники преступленія, которыя еще не поставлены въ состояніе обвиненія (*mise en accusation*), то судъ поручаетъ слѣдственному судѣ и генералъ-прокурору или одному изъ его намѣстниковъ — исполнить требованіе закона, и по сдѣланіи слѣдствія дѣло обращается въ *cour impériale*, для предавія виновныхъ суду.

10) Когда рѣшеніе уничтожено по примѣненію къ дѣянію не того наказанія, которое опредѣляется закономъ, тогда ассизный судъ, къ которому дѣло отправлено, рѣшаетъ его на основаніи сдѣланнаго еще прежде опредѣленія суда присяжныхъ.

11) Если рѣшеніе уничтожено по другой причинѣ, то ассизный судъ начинаетъ вновь дѣло.

12) Кассационный судъ уничтожаетъ ту только часть приговора, которая противозаконна.

13) Подсудимый, о которомъ приговоръ уничтоженъ, отсылается арестованнымъ, или предписывается его арестовать и отправить въ тотъ ассизный судъ, куда отослано дѣло.

14) Гражданская сторона, которая проиграетъ процессъ уголовный, неправительный или полицейскій, должна быть приговорена къ уплатѣ 150 франковъ и расходовъ той сторонѣ, которая оправдана, освобождена отъ суда или отозвана въ другой судъ; кромѣ этого она

приговаривается къ уплатѣ государству 150 или 75 франковъ, смотря по тому, основывалось ли рѣшеніе на неявкѣ къ суду или на пропущеніи сроковъ.

Казенные администраторы и управители сборовъ и общественные агенты, которые потеряютъ процессъ, присуждаются къ уплатѣ однихъ издержекъ и убытковъ.

Когда опредѣленіе или приговоръ уничтожены, тогда немедленно возвращаются апеллятору внесенныя имъ въ залогъ правой апелляціи деньги, въ какихъ бы терминахъ ни было выражено рѣшеніе кассационнаго суда и хотя бы онъ даже упустилъ изъ виду предписать этотъ возвратъ. Когда просьба объ уничтоженіи рѣшенія разъ отвергнута, то проситель ни подъ какимъ предлогомъ не можетъ по тому же самому дѣлу жаловаться вновь.

Опредѣленіе, которое отвергло такую просьбу, должно быть отправлено въ 3-хъ-дневный срокъ къ генераль-прокурору кассационнаго суда, въ простомъ экстрактѣ, подписанномъ протоколистомъ; этотъ экстрактъ послѣднимъ препровождается къ министру юстиціи, а тотъ отсылаетъ его къ юстицъ-чиновнику того суда или трибунала, на рѣшеніе котораго принесена была жалоба.

Когда, по отсылкѣ дѣла кассационнымъ судомъ въ другой судъ, на новое рѣшеніе послѣдняго будетъ принесена жалоба въ кассационный судъ, тогда дѣло должно быть рѣшено въ общемъ собраніи кассационнаго суда, подъ предсѣдательствомъ министра юстиціи.

Когда какой нибудь *cour impériale*, или ассизный судъ, или трибуналъ исправительный или полицейскій — составили опредѣленіе или приговоръ, подлежащій кассационному суду, и противъ нихъ никто не протестовалъ въ узаконенный срокъ, то генераль-прокуроръ кассационнаго суда можетъ, по своей власти, не обращая вниманія на пропущеніе срока, донести объ этомъ кассационному суду, который можетъ уничтожить опредѣленіе или приговоръ.

11) ПРОСЬБА О ПЕРЕСМОТРѢ ДѢЛА.

Когда какой нибудь подсудимый осужденъ въ совершеніи преступленія, которое приписывается другимъ рѣшеніемъ другому лицу, и если оба эти рѣшенія противорѣчатъ другъ другу и служатъ доказательствомъ невинности того или другаго, то исполненіе такихъ приговоровъ должно быть приостановлено, хотя бы обоимъ подсудимымъ было уже отказано въ кассационномъ судѣ. Въ подобномъ случаѣ министр юстиціи—или по своей собственной власти, или по жалобѣ подсудимыхъ, или по протесту генераль-прокурора, пору-

часть генераль-прокурору кассационнаго суда представить противорѣчащія другъ другу рѣшенія кассационному суду. Этотъ судъ, по уголовному отдѣленію, найдя, что дѣйствительно оба рѣшенія несогласны между собою, уничтожаетъ оба приговора и отсылаетъ подсудимыхъ въ другой судъ, а не въ тѣ, которые постановили оба приговора.

Когда послѣ приговора въ смертоубійствѣ, министръ юстиціи представитъ въ кассационный судъ, въ уголовное отдѣленіе, документы, представленные послѣ осужденія подсудимаго, изъ которыхъ открываются ясныя слѣды того, что предполагаемый убитый находится въ живыхъ, тогда кассационный судъ можетъ предварительно предписать *cont. impériale*, чтобы разслѣдовать о существованіи этого лица и объ его тождествѣ съ лицомъ, которое вызвало осужденіе подсудимаго,—предписываетъ удостовѣриться личнымъ допросомъ его, показаніемъ свидѣтелей и всѣми возможными средствами дознать событіе, разрушающее приговоръ.

Cont. impériale по этимъ предметамъ разсматриваетъ только вопросъ о тождествѣ или несходствѣ даннаго лица съ предполагаемымъ убитымъ, и по постановленіи по этому предмету опредѣленія, онъ передаетъ его со всѣмъ дѣломъ въ кассационный судъ; этотъ же послѣдній по собраннымъ даннымъ можетъ или уничтожить первое осужденіе подсудимаго, или когда требуется отправить дѣло въ другой ассизный судъ.

Когда послѣ состоявшагося приговора, одинъ или нѣсколько свидѣтелей, на показаніи которыхъ онъ основывался, преслѣдуются за лживыя показанія, и если они ужь обвинены въ этомъ и даже сдѣлано распоряженіе объ ихъ арестѣ, тогда исполненіе окончательнаго приговора приостанавливается, даже и въ томъ случаѣ, когда кассационный судъ отказалъ въ жалобѣ подсудимому.

Если въ послѣдствіи свидѣтели осуждены за ложное показаніе, то министръ юстиціи, по своей власти или по донесенію объ этомъ генераль-прокурора, поручаетъ генераль-прокурору при кассационномъ судѣ представить о событіи этому суду.

Кассационный судъ, разсмотрѣвъ опредѣленіе суда присяжныхъ, на основаніи котораго состоялся приговоръ о лживыхъ свидѣтеляхъ, уничтожаетъ первый приговоръ, основанный на ихъ лживыхъ показаніяхъ, и подсудимый въ такомъ случаѣ предается другому ассизному суду. Если же свидѣтели оправданы, то приговоръ, основанный на ихъ показаніяхъ, приводится въ исполненіе (*).

(*) *Code d'instruction criminelle, art. 407—447.*

ГЛАВА XV.

нѣсколько мыслей, по поводу предшествующей главы, и
ОБЩЕЕ ЗАКЛЮЧЕНІЕ ВСЕЙ СТАТЬИ.

Изъ изложенныхъ мною въ предшествовавшей главѣ началъ французскаго уголовного судопроизводства открывается, что оно находится въ прямомъ противорѣчій и противоположности съ нашимъ:

1) Существенный вопросъ уголовного процесса о виновности или невинности данного лица рѣшается у насъ судами, а во Франціи обществомъ.

2) Досто вѣрность преступнаго дѣянія опредѣляется у насъ формальностью доказательствъ, а во Франціи рѣшеніе дѣла полагается единственно на совѣсть присяжныхъ.

3) Сужденіе о виновности или невинности лица можетъ у насъ быть подвергнуто ревизіи и отмѣненію высшихъ инстанцій; во Франціи опредѣленіе законно составленнаго суда присяжныхъ не можетъ быть отмѣнено.

4) У насъ судебныя рѣшенія основываются на слѣдствіяхъ, произведенныхъ полиціями и слѣдственными комиссіями; во Франціи формальныя слѣдствія, произведенныя слѣдственнымъ судьей, служатъ только поводомъ къ преданію данного лица суду, который публично переизслѣдуетъ дѣло.

5) У насъ дѣла уголовныя, хотя бы подсудимый былъ оправданъ 1-ю степенью, должны идти на ревизію въ высшую степень суда; во Франціи лицо, оправданное ассизнымъ судомъ, немедленно освобождается.

6) У насъ защита подсудимаго предоставляется его собственнымъ силамъ; во Франціи подсудимому дается въ защитники адвокатъ.

Въ этихъ—то шести существенныхъ пунктахъ отличія французскаго законодательства отъ нашего и заключается, мнѣ кажется, превосходство перваго.

1) Какъ бы судъ ни былъ хорошо организованъ, можно предполагать пристрастіе его въ какомъ нибудь данномъ дѣлѣ; тому можетъ быть безчисленное множество причинъ прямыхъ и косвенныхъ, соединенныхъ всегда съ предоставленіемъ даннымъ лицамъ извѣстной степени судебной власти. Вотъ почему французское законодательство и прибѣгаетъ въ уголовныхъ дѣлахъ къ суду присяжныхъ: ихъ авторитетъ есть гласъ народа, мнѣніе общества; тутъ

нѣтъ ни лицепріятія, ни вражды, ни злобы, ни страстей; ихъ судъ есть голосъ чистой совѣсти и чести.

2) Аргументомъ для обвиненія подсудимаго наше законодательство предлагаетъ только формальныя доказательства; но развѣ мы не встрѣчаемъ перѣдко такихъ дѣлъ, гдѣ виновность даннаго лица такъ осязательно-очевидна, что самый безпристрастный человѣкъ осуждаетъ его, — а между тѣмъ нѣтъ формальныхъ доказательствъ его виновности? Въ подобномъ случаѣ нашъ законъ освобождаетъ подсудимаго отъ справедливаго наказанія, и обратно—иногда можетъ наказывать невиннаго по одной формальности представленныхъ противъ него уликъ. Вообще опредѣленіе свойства и цѣнности доказательствъ и уликъ имѣетъ тотъ существенный недостатокъ, что несмотря на всѣ тонкости ихъ опредѣленія, на тщательную обработку этой статьи судопроизводства, нѣльзя предвидѣть всѣхъ данныхъ случаевъ; поэтому мы на фактъ видимъ, что въ рѣдкомъ дѣлѣ не встрѣчаются столкновенія противорѣчащихъ и исключających другъ друга доказательствъ, при чемъ давать преимущество однимъ предъ другими—юридически невозможно: иногда актъ опровергается свидѣтельскими показаніями и во многихъ случаяхъ послѣднія опровергаются актами. Не справедливо ли послѣ этого французское законодательство, говорящее присяжнымъ: «не считайте за достоинство событіе, засвидѣтельствованное такимъ-то и такимъ-то числомъ свидѣтелей; не считайте недостаточными тѣ доказательства, которыя не облечены въ форму протоколовъ, или документовъ, или показанія свидѣтелей, или въ такіе-то признаки; я спрашиваю только, имѣете ли вы внутреннее убѣжденіе?» Эти слова на столько же дышутъ милосердіемъ, на сколько имѣютъ юридическую силу и теоретическое оправданіе; при такомъ высокомъ характерѣ уголовного суда можетъ скорѣе осуществиться правда и правосудіе, можетъ быть обезпечена личность гражданъ, можетъ быть карасмо преступленіе и порокъ. Судъ присяжныхъ почти исключаетъ всякую мысль о пристрастіи, и если, по выраженію всѣхъ націй, считать гласъ народа за гласъ Божій, то судъ присяжныхъ есть одно изъ совершеннѣйшихъ его проявленій. Само собою разумѣется, что такая гарантія не требуетъ ужь ревизіонныхъ порядковъ и нѣсколькихъ инстанцій.

3) Поэтому кассационный судъ имѣетъ право только разсмотрѣть слѣдующіе предметы: а) рѣшено ли дѣло въ надлежащемъ вѣдомствѣ? б) соблюдены ли всѣ формальности дѣлопроизводства? в) опредѣлено ли по закону соразмѣрное преступленію наказаніе? Но эти три предмета относятся до виѣшности процесса и заключаются единственно въ разсмотрѣніи вопроса, исполнены ли законы уголовного судо-

производства и избрано ли мѣстнымъ судомъ въ уложеніи то наказаніе, которое положено за данное дѣяніе. Этимъ постановленіемъ законъ не ревизуетъ общественнаго мнѣнія; оно не направлено ни противъ присяжныхъ, ни противъ подсудимаго, а противъ суда: ревизіи подвергаются только его дѣйствія, и то въ томъ лишь случаѣ, когда юстицъ—чиновникъ или подсудимый ихъ обжалуютъ. Нашъ же ревизіонный порядокъ, по которому высшія инстанціи могутъ отмѣнять постановленія низшихъ, иногда запутываетъ дѣло, не принося существенной пользы.

4) Во Франціи подсудимый разсматривается, какъ человѣкъ, какъ личность обвиняемая, но еще не обвиненная; питая все уваженіе свое къ личности и зная, что иногда невѣжество, грубость и страхъ могутъ отнять отъ человѣка не только возможность защищаться, но даже опредѣлительно отвѣчать, французскій законъ предписываетъ, что подсудимый долженъ непремѣнно имѣть защитника-адвоката. Этотъ защитникъ допускается къ подсудимому немедленно и можетъ во всякое время видѣться съ подсудимымъ. Этотъ законъ рѣзко отличается отъ нашего уголовнаго порядка. — У насъ не только не допускается адвокатство въ уголовныхъ дѣлахъ, но если обвиненіе серьезно, то къ подсудимому никто не допускается; — всѣ сношенія его съ обществомъ прекращаются....

5) Самое существенное и важное въ каждомъ уголовномъ процессѣ есть *слѣдствіе*; поэтому правильность его производства обезпечиваетъ правильность самого рѣшенія. Вотъ почему всѣ законодательства стремятся къ тому, чтобы усовершенствовать слѣдственную часть. Наши законы изслѣдованіе даннаго событія предоставляютъ полиціямъ, и все обезпеченіе подсудимаго въ ихъ безпристрастіи заключается въ присутствіи при дѣлопроизводствѣ депутатовъ; но 1) депутаты назначаются не по желанію подсудимыхъ, а по усмотрѣнію начальства; поэтому кто можетъ поручиться въ ихъ безпристрастіи? 2) въ экстренныхъ случаяхъ повелѣно полиціямъ начинать производство дѣла еще до ихъ прибытія. Поэтому, не отвергая безусловно полезности депутатовъ при слѣдствіяхъ, я не допускаю только того, что для постановленій судебной власти должно служить вполнѣ достаточнымъ разслѣдованіе полиціи. Мнѣ кажется, что французское законодательство справедливо, когда оно признаетъ формальное производство слѣдствія судебною полиціею только какъ поводъ преданія даннаго лица уголовному суду, который ужъ съ своей стороны переизслѣдуетъ публично во всей подробности и разсудитъ все дѣло. Публичность и судъ присяжныхъ, мнѣ кажется, представляютъ наиболѣе гарантій для подсудимыхъ. Это форма, которой можетъ довѣряться и правительство и нація, — форма,

при которой трудно же можетъ явиться подложность слѣдственныхъ актовъ, измѣненіе свидѣтельскихъ показаній, злоупотребленіе присяги, повальные обыски и другіе судебные обряды. Эта форма можетъ разширить тѣсную рамку нашихъ судебныхъ доказательствъ, уничтожить ревизіонный порядокъ....

Первое условіе благоденствія народа и благоустройства гражданскаго быта есть совершенство уголовнаго и гражданскаго законодательства: только въ нихъ можетъ гражданинъ отыскать обезпеченіе своей самостоятельности, неприкосновенности и уваженіе къ достоинству человѣка и его личности: поэтому нѣкоторые даже находятъ, что въ древнихъ, даже демократическихъ республикахъ, по несовершенству ихъ законовъ граждане были менѣе свободны, нежели въ настоящихъ монархіяхъ (*).

Я чувствую и сознаю очень хорошо, что въ настоящемъ моемъ сочиненіи многое у меня недосказано. Но судопроизводство гражданское и уголовное есть дѣло народное: здѣсь мнѣніе отдѣльнаго человѣка недостаточно. Намъ нужно создать изъ нашего правовѣдѣнія науку національную, которая бы всосалась, если можно такъ выразиться, въ плоть и кровь общества, и переработанная его опытомъ и сознаніемъ, сдѣлалась бы прямымъ выраженіемъ его характера и потребностей. Эти мысли побудили меня приняться за мой настоящій трудъ, онѣ же руководствовали мною при разборѣ недостатковъ нашего судопроизводства. Мнѣ казалось полезнымъ и возможнымъ обратить вниманіе читающей публики на эту сторону нашего общественнаго быта, чтобы разъяснить самыя коренныя причины явленій, такъ ярко обрисованныхъ Гоголемъ, Щедринымъ другими русскими литераторами.... — Какъ исполнилъ я мою программу, предоставляю объ этомъ судить читателямъ; я же буду считать себя счастливymъ, когда, по поводу предложенныхъ мною обществу вопросовъ, будутъ высказаны другими лицами болѣе дѣльныя мысли, чѣмъ мои.

(*) См. *De l'esprit des lois*, Т. 2.

М. Филипповъ.

23-го декабря 1858 года.

С. Окнино,

Кіевской губерніи, Звенигородскаго уѣзда.

ТЕМНИКЪ

РАЗСКАЗЪ ПРОѢЗЖАГО.

«Ой ни знаютъ добры люды
«Якъ я бидна плачу :
«За дрибными слезоньками
«И свита не бачу.»

(Украинская пѣсня).

.... На послѣдней станціи передъ городомъ ямщику объяснено было, въ какой именно домъ онъ долженъ завезти меня. Тамъ ожидали меня съ офиціальнымъ нетерпѣніемъ и съ официально-пріятною улыбкою, сквозь которую однако проглядывала тайная мысль: «принесла-молъ тебя нелегкая!»

Послѣ тяжелаго и «смачнаго» малороссійскаго обѣда, я сладко дремалъ, летя по гладкой дорогѣ. Рядомъ со мной мой приспѣшникъ, солдатъ Берковичъ, самъ по себѣ наклеивалъ носомъ, всхрапывая по временамъ, и при каждомъ толчкѣ хватался обѣими руками за свою фуражку. Стукъ колесъ о камни и скачки моей перекладной повозки разбудили меня: взглянувъ на сѣрые заборы, плетни и приземистыя мазанки, вытянувшіяся длинной улицей, пересѣкавшей когда-то вымощенную площадь, я опять вздремнулъ, но не надолго: крутой поворотъ въ ворота на широкой, поросшій муравой дворъ, снова заставилъ меня проснуться.

Ямщикъ, желая лихо подкатить къ крыльцу, свиснулъ на тройку: она неслась, встрѣченная сердитымъ лаемъ дворняшки.

«Стой, стой!!» вскрикнулъ, какъ сумасшедшій, Берковичъ, вдругъ привсталъ, схватилъ возжи лѣвой руки и, натянувъ ихъ изо всей силы, такъ круто повернулъ разлетѣвшуюся тройку, что телѣга совсѣмъ накренилась, прокатилась на двухъ правыхъ колесахъ, которыя, мнѣ показалось, переѣхали черезъ взвизгнувшую собаку и какой-то мѣшокъ, валявшійся посередѣ двора; не знаю, какъ не опрокинулась телѣга, — дышло съ размаху вломилось въ запертыя ворота сарая.

«А, триста чортывъ!...» успѣлъ воскликнуть ямщикъ, на лету съ козелъ торчмя головой въ дышло, — я очутился на его мѣстѣ, Берковичъ соскочилъ на землю еще до толчка. Притиснутыя къ воротамъ и запутавшіяся въ порванной упряжи лошади такъ оробѣли, что и не пробовали биться, а только дымились паромъ и храпѣли, косясь пугливыми глазами.

Что за оказія! въ этой суматохѣ и визгѣ, позади насъ раздался дѣтскій крикъ; оглянувшись, я увидѣлъ, что изъ-подъ мѣшка, мимо или черезъ который мы промчались, торчитъ дѣтская ручонка; въ тоже мгновеніе отъ крыльца къ этому кричащему мѣшку бѣжала женщина — такъ быстро, что даже платья ея нельзя было бы разглядѣть: «А, серденько моё, ластышка моя!» заголосила она, быстро поднявъ ребенка, мигомъ сдернула съ него мѣшокъ и, блѣдная какъ полотно, оглядывала его такими глазами, что у меня занялся духъ. Но ребенокъ уже улыбался, женщина вся покраснѣла; на крыльцѣ между тѣмъ показалась растрепанная старушка, крикливо спрашивая: «що сѣ такъ?» Подъ навѣсомъ подлѣ сарая виднѣлась другая фигура: сѣдой, какъ лунь, старикъ, съ бѣлыми усами и давно небритой бородой, съ обручемъ въ одной рукѣ, съ пожомъ въ другой. Онъ вытянулся въ струнку при крикѣ женщины, къ нему прижалась визжащая собака; онъ медленно опустилъ на свой табуретъ деревянный отрубокъ, погладилъ визжавшаго пса и спокойно сталъ достручивать свой обручъ.

Вся эта сцена не продолжалась, можетъ быть, и двухъ минутъ.

Женщина, бросившаяся къ ребенку въ мѣшкѣ, была стройна, молода, съ прекраснымъ профилемъ, но запачканнымъ лицомъ, и неопрятно одѣта. Послѣ раздражающаго крика, она схватила на одну руку полунагааго мальчишку, звонко шлепнула его на другую руку, перекинула мѣшокъ и, браня съ хохлацкою выразительностью улыбающагося малютку, понесла свою пошу обратно на крыльцо. Старухи тамъ уже не было; въ окнахъ дома, ме-

жду горшками цвѣтовъ, нѣсколько лицъ виднѣлось съ приплюснутыми къ стекламъ носами.

Я не могъ понять этого рѣзкаго перехода отъ отчаянія, вырвавшегося раздирающимъ крикомъ изъ души ея, къ полному равнодушію и даже досадѣ. Какъ этотъ голосъ, въ которомъ за минуту звучали и нѣжность и страданіе, вдругъ перелился въ сухую воркотню, и слова материнской любви смѣнились бранью и шлепкомъ злой мачихи? — Что за переходы! Тутъ что нибудь да не такъ....

Но съ крыльца уже направлялся ко мнѣ навстрѣчу толстый хозяинъ. Я отрекомендовался ему.

— Милости просимъ, сдѣлайте одолженіе! мы всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали васъ еще съ прошлаго мѣсяца! — отвѣчалъ онъ, улыбаясь именно такъ, какъ я, — по смыслу даннаго мнѣ отъ начальства предписанія ожидалъ.

— Мы васъ такъ долго ждали!... продолжалъ хозяинъ, растягивая слова до нѣжнаго упрека, а улыбку — чуть не до ушей, торчавшихъ у него, какъ у лисицы. — Еще вчера за чаемъ жена поперхнулась, — всѣ, знаете, говоримъ: ну, спѣшитъ нашъ дорогой гость! А вотъ наконецъ и....

Но при этихъ словахъ мы уже были въ комнатѣ.

Изъ другой вышла къ намъ дебелая дама.

Хозяинъ познакомилъ насъ такъ ловко, что нельзя было и разобрать, кого и кому онъ представлялъ — меня ли женѣ своей, или жену мнѣ.

— Мы васъ ужъ давно ожидаемъ, сказала хозяйка на мой поклонъ. За ней показалась дѣвочка лѣтъ десяти, на которую никто не обращалъ вниманія, а изъ-за дверей слышался усиленный шопотъ: «зроби ныссу, Глашенька, зроби же ныссу, ой ныссу зроби, дурная!» Быстроглазая дѣвочка взялась за юбку матери покосилась на дверь и неохотно присѣла столько разъ, сколько требовалъ шопотъ: это была «нысса.»

Въ среднемъ кругу чиновнаго и мелкопомѣстнаго общества благословенной Украйны и Западной Россіи, вслѣдъ за гостемъ — въ какое бы время сутокъ ни принесла его пелегкая, — всегда является на столъ поднось съ разными съѣдобностями и графинчиками. Со стороны можно бы подумать, что гость все это привезъ съ собою.

Поднось съ выпивкой и закуской внесла та самая красивая и неопрятная женщина, которая только-что изумила меня своей

выходкой съ ребенкомъ. Любопытно было узнать, съ какой стати посреди двора очутился мѣшокъ съ человѣчкомъ, — и я обратился къ хозяину, рассказывая мой неудачный вѣздъ на его дворъ.

— Да это вотъ эта дрянь, съ дозволенія сказать, — Параска никогда не уберетъ своего бахуренка, — началъ было объяснять хозяинъ, но жена перебила его.

— Видите ли, подхватила она: — сынишка ея всегда засыпаетъ на дворѣ, тамъ же, гдѣ ползаетъ и играетъ; ктонибудь прикроетъ его изъ жалости чѣмъ попало, онъ скорчится да такъ и спитъ себѣ, и вообразите — всегда на карячкахъ!

— Неужели на карячкахъ?

— На карячкахъ, отвѣчала хозяйка.

— Благородное слово, — подтвердилъ улыбаясь хозяинъ, — какъ честный человѣкъ — на карячкахъ.

Въ это время вошла съ чемъ-то Параска. Хозяйка сдѣлала ей снисходительный выговоръ за то, что она не убираетъ своего мальчишку.

— А пай его мама мордуетъ! — проворчала Параска.

— Да ты, дурень, другихъ-то благородныхъ людей въ неприятность введешь, цыганка ты блудная! Переѣдетъ его ктонибудь! возразилъ хозяинъ. Параска улыбнулась и, слегка покраснѣвъ, пробормотала «а нехай не валяеця!»

— Вотъ-съ, я вамъ доложу, мать-то!... Сушій извергъ, — благородное слово, — хуже тигрицы; это несчастнѣйшій ребенокъ, — какъ честный человѣкъ. Она по крайней мѣрѣ разъ десять въ день его оттреплетъ! Этакая вѣдьма! просто вѣдьма!

Придавая догматическій тонъ рѣчи своей и приправляя ее «благороднымъ словомъ» и «честнымъ человѣкомъ» такъ щедро, какъ жидъ приправляетъ щучку перцемъ, хозяинъ неожиданно остановилъ послѣдній жестъ руки на графинѣ: «Позвольте васъ просить, съ дороги-съ!» и не дожидая отвѣта, налилъ рюмку, выпилъ по туземному обычаю сперва самъ, сморщился, отставилъ губы и не глотая напитка опять налилъ, поднесъ мнѣ и только тогда, когда и я выпилъ, — онъ крикнулъ разомъ со мною.

Между тѣмъ хозяйка очень мягко и жеманно продолжала вполголоса увѣщевать Параску; та отвѣчала своимъ «а нехай его, а пай ему!...» и когда прибавила что-то въ оправданіе, то изъ другой комнаты послышался сухой, крикливый, хоть и сдер-

жанный, голосъ: «а брешешь, брешешь, видѣмо космата!» Но хозяйка сейчасъ же закашляла, вышла въ другую комнату и тамъ дѣло покончилось увѣщательнымъ шопотомъ.

Пользуясь этимъ обстоятельствомъ, я попросилъ хозяина указать мнѣ мою «квартиру.» Мнѣ хотѣлось отдохнуть съ дороги.

— Душенька, господинъ майоръ желаютъ отдохнуть.

Хозяйка высунула голову въ пріотворенную дверь и объявила, что меня будутъ ждать на чай. Раскланявшись, я вышелъ съ хозяиномъ. Онъ провелъ меня черезъ дворъ.

Въ приземистомъ флигелѣ, окна котораго выходили на безконечный огородъ, приготовлены были для меня двѣ чистенькія комнаты; Берковичъ уже распорядился по домашнему, — постель была постлана. Хозяинъ, сказавъ кстати еще раза два «благородное слово» и «какъ честный человѣкъ», вышелъ, пріятно улыбаясь мнѣ.

Пропыленный пасквозь, я разоблачился, умылся и завалился на отдыхъ. Но мнѣ не только не спалось, даже не дремалось, а при сытости и усталости это непріятно до болѣзненности.

По обычаю всѣхъ одержимыхъ бессонницею, я лежалъ глядя въ потолокъ. Утомленные, какъ будто засыпанные горячимъ пескомъ, глаза мои не смыкались. На потолокъ домовитый паукъ заботливо и съ видимымъ знаніемъ дѣла раскинулъ свои тонкія сѣти; работа его казалась конченною, но онъ пробѣждалъ еще разъ по едва замѣтной нити въ уголъ, повернулся тамъ, какъ будто что-то соображая, прикрѣпилъ еще нить и поволокъ ее опять къ центру, къ стратегическому пункту своихъ тонкихъ сооружений; наконецъ, занявъ обсервационную центральную позицію, успокоился и, тихо колыхаясь, отдыхалъ отъ предательскихъ трудовъ и, разумѣется, выжидалъ глупой жертвы.

Въ головѣ безсоннаго человѣка есть тоже какой-то паукъ: чего не наплететъ тамъ безпокойная мысль! Какихъ узоровъ, кружевъ, фигуръ невоспроизводимыхъ никакимъ въ мірѣ искусствомъ, какихъ сѣтей не напутаешь она, хотя въ эти сѣти не поймашь иногда и слѣпой мухи!...

Самыя разнообразныя и бесполезныя представленія, какъ по небу гонимыя вѣтромъ толпящіяся облака, неводержжно неслись передо мной: не могъ я ни отвернуться, ни отжмуриться отъ нихъ и съ покорнымъ терпѣніемъ выжидалъ конца несноснаго зрѣлища; мнѣ даже стало казаться, что всѣ эти видѣнія со-

вершаются внѣ меня, а я только по долгу службы присутствую при нихъ.

Дерзость призраковъ дошла до того, что наконецъ изъ ихъ хаоса начинали возникать издѣвующіеся, хотя и беззвучные вопросы, относящіеся уже прямо ко мнѣ: «Ну, какой ты майоръ?» жужжалъ мнѣ въ ухо злобный саркастическій духъ: — «на кой чортъ спуешь ты по Россійской имперіи?... какая польза отъ твоихъ нелѣпыхъ прогулокъ?» И я, невольно робѣя, извинялся передъ нимъ довольно пошло. «Я не майоръ» — мысленно отвѣчалъ я придуреннымъ голосомъ: — «я титулярный совѣтникъ! я ѣзжу по предписанію, дѣйствую по инструкции и смѣю сказать — (мнѣ казалось, что я положилъ руку на сердце) добросовѣстно и не безъ пользы!» Вдругъ неслась ко мнѣ огромная, вся обнаженная, отвратительнѣйшая улыбка. «Не тебѣ, не тебѣ» — слышался изъ-за нея голосъ: — не тебѣ улыбаюсь я, официальная дочь казеннаго интереса, — я знаю весь смыслъ даннаго тебѣ предписанія, и мнѣ смѣшна твоя тощая добросовѣстность!...» И это видѣнье исчезло, но за нимъ снова неслись одинъ за другимъ новые тревожные и нелѣпые призраки и веренищъ этой не видѣлось конца!... Вотъ появилась несущаяся тройка, летящая женщина, свирѣпый церберъ, дѣтская ручонка.... лай, вопль, младенческій плачь, сухой крикъ фурии: «видьмо космата! видьмо!» Испуганные кони храпятъ, переѣханный пѣсъ визжитъ, растрепанная женщина схватываетъ ребенка и съ проклятіями уноситъ бѣдняжку.... я бѣгу за ней, но огромнѣйшая улыбка заслоняетъ мнѣ путь: «мы ждемъ васъ на чай, — а не то!...» Улыбающаяся пасть растворилась.... Я не успѣлъ вскрикнуть, какъ передъ глазами моими замерцала свѣча, и Берковичъ повторялъ приглашеніе на чай, — тѣфу, какой скверный бредъ!

Я одѣлся и пошелъ къ хозяину.

Когда я вошелъ въ сѣни, въ растворенныхъ дверяхъ кухни, какъ въ черной рамѣ, представилась мнѣ картина горячей кисти: вся обданная потокомъ свѣта, у пылающаго очага стояла Параска, какъ вѣдьма, и варила въ черномъ котлѣ, помѣшивая огромнымъ половникомъ, какое-то снадобье. Надъ ней въ темнотѣ запечья, какъ два огонька, горѣли глаза кошки, заглядывавшей съ карниза очага въ котелъ. На второмъ планѣ, подъ столомъ, ползалъ полунагой мальчишка и силился высвободить запутанную въ какіе-то обрывки свою ножонку. Сѣдой старикъ поодаль сидѣлъ на скамьѣ и, сурово понурясь, строгалъ свой об-

ручь. Все это выдвигалось ярко на темномъ, глубокомъ фонѣ; въ концѣ кухни чернѣла еще отворенная дверь и оттуда слышался знакомый старушечій крикливый голосъ, опять вопившій нѣчто о косматой вѣдьмѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, въ эту минуту Параска походила нѣсколько на вѣдму, хотя на прекрасную вѣдму: злобно улыбалась она, то помѣшивая въ котлѣ, то пошевеливая горячія головни подъ котломъ, — и краспый, яркій свѣтъ колыхался и игралъ на всей ея оживленной фигурѣ; черныя пряди и космы густыхъ волосъ не помѣшались подъ туго-завязаннымъ вокругъ головы платочкомъ; всклокоченныя и перепутанныя назатылкѣ, онѣ сбѣгали легко выющимися концами на плечи. Грубая сорочка крупными складками, какъ будто неоконченными подъ рѣзцомъ скульптора, облежала красивыя формы плечь и грудей и подъ шеей застегивалась оловянной запонкой; узкая, заплатанная крашенинная юбка, темная въ складкахъ и до бѣла вытертая на всѣхъ выпуклыхъ формахъ тѣла, — составляли все ея убранство.

Вся она походила на эскизъ, бѣгло наброшенный мастерскою кистью: легкость, грація постановки и почти дѣвственная упругость формъ ея ничего не теряли отъ грубой, изношенной и запачканной одежды. Но всего изящнѣе и окончениѣе была ея головка и свѣжее овальное лицо, хотя и на бѣломъ лбу, и на румяной щекѣ, и около тонкой поздри, то сажа, то уголь оставили свои слѣды.

При входѣ моемъ Глашенька, недавно «зробившая ныпсу», торопливо выдернула ручонку свою изъ сахарницы, стоявшей вмѣстѣ съ чайнымъ приборомъ на столѣ, и убѣжала въ другую комнату. Сейчасъ же вышелъ ко мнѣ хозяинъ съ своей неизбѣжной улыбкой; минутою спустя, хозяйка, и наконецъ явился самоваръ, несомый «вѣдьмой» Параской.

— Какъ вы опочивали? спросилъ меня улыбаясь хозяинъ, и я отвѣчалъ ему благодарностію за вниманіе, хотя ни чуть не сомнѣвался въ его радости, еслибъ я опочилъ пожалуй безпробуднымъ сномъ тотчасъ же по пріѣздѣ; разумѣется, не лучше оцѣнена была и моя благодарность. И онъ, и я чувствовали, какъ бы намъ хорошо и ловко было, если бы мы находились подальше другъ отъ друга. Съ другой стороны — чувство «долга» брало свое, и надо было продолжать дружескую бесѣду.

Къ концу вечера натянутость нашего положенія, то есть моего и моихъ хозяевъ, кое-какъ стала исчезать: всѣ вздохнули

свободиѣ, разговоръ нѣсколько оживился. Вскорѣ новыя лица придали еще болѣе разнообразіа бесѣдѣ: крикливая, сухошавая, съ черными, беспокойными глазами, старушка вынесла къ намъ тоже крикливаго, по сыраго, аляповатаго и золотушнаго ребенка. «Это — матушка наша, а это — нашъ наслѣдникъ» отрекомендовалъ хозяинъ. И матушка, и наслѣдникъ съ разу завладѣли музыкальнымъ отдѣломъ компаніи и понемногу задали такой концертъ, въ дикихъ акордахъ котораго всякая человѣческая рѣчь тонула безнадежно. При видѣ матери, кипящаго самовара и сверкающей посуды, наслѣдникъ вытягивалъ ручки, кричалъ и, заливаясь на разные лады, требовалъ родительскихъ утѣшеній, не менѣ шумныхъ: ему звонили самоварной крышкой, хлопали въ ладоши, пускали странную трель губами: — абрр-рр-рр! Гу-ня!

Бабушка пѣвца вторила ему какъ будто на струнныхъ инструментахъ глухой сурдиной: къ этому упражненію побуждала ее безпрестанно сновавшая изъ разныхъ дверей съ разными ношами грязная Параска и всюду слоняющаяся, все задѣвающая, шаловливая, какъ кошечка, Глаша. «А не рушь, на що то, по малу, хутчей, видьмо лохмата!» безпрестанно слышались шипящіе звуки и, сливаясь съ криками ребенка, съ звяканьемъ, шолканьемъ и припѣвомъ утѣшающихъ его родителей, какъ будто смягчали общій гвалтъ. Мальчишка подростокъ, съ нечесанной головой, точно въ косматой шапкѣ, стоялъ наготовѣ у дверей, по требованію подавалъ то трубку, то огонь, и при этомъ въ дополненіе симфоній производилъ своими непомѣрными коричневыми сапогами двойственный стукъ.

Съ добрый часъ длилось шумное представленіе; у меня начинало позванивать въ ушахъ.

— Вы не женаты, г. майоръ? вамъ можетъ быть непріятно? спросилъ хозяинъ.

— Не женатъ, — отвѣчалъ я: — но понимаю... Въ эту минуту маленькій пѣвецъ стукнулъ себя ложкой по переносью и, какъ говорится, «залился». Онъ «заливался» нѣсколько разъ, стихалъ чуть-что не по минутѣ и снова взвизгивалъ. Его вынесли и заперли за нимъ двой двери. Въ комнатѣ водворилась тишина и только тогда я замѣтилъ еще двухъ сокрытыхъ музыкантовъ: то были два перекликавшихся сверчка.

Еще поболтали мы кой-о-чемъ, еще покурили, и вечеръ кончился, по обыкновенію требовательныхъ провинціальныхъ желудковъ, основательной закуской.

Однообразно тянулось пребываніе мое въ Г***: днемъ сфинціальное броженіе по доламъ и лѣсамъ этого уѣзда, иногда ночлеги въ деревнѣ, а по большей части возвращеніе къ вечеру въ городъ; кой-какія занятія вечеромъ у себя и изрѣдка бесѣда у хозяина. Очень скоро ознакомился я со всѣмъ населеніемъ двора и понялъ всѣ пехитрыя и очень невеселыя семейныя отношенія этого дома.

Знакомство мое съ ними совершилось просто: я вставалъ рано и обыкновенно располагался съ стаканомъ чаю на лавкѣ, у дверей моей обители. Всегда первымъ являлся ко мнѣ космачъ, кудлатый пѣсъ; еще не зажила его лапа, переѣханная колесомъ телеги при первомъ въѣздѣ моемъ, а онъ ужь прибѣгалъ ко мнѣ, дружелюбно вилая хвостомъ и улыбаясь выразительно. За нимъ слѣдовалъ постоянный товарищъ его—козелъ Васька, вѣчно жуящій и глядящій такъ открыто, вопросительно, какъ будто бы онъ только что предложилъ какое нибудь полезное мнѣніе и ожидаетъ отвѣта. Наконецъ два храбрые и гордые пѣтуха приближались съ своимъ безчисленнымъ гаремомъ. Публика эта толпилась въ ожиданіи подачи какой нибудь крохи, изъ-за которой иногда они дикались между собой довольно забавно. Вскорѣ въ этой толпѣ началъ показываться и Прошка, сынишка Параски; не чувствуя еще своего человѣческаго достоинства, онъ обыкновенно прибывалъ ползкомъ, очень проворно, помѣщался среди животныхъ, которые не обращали на него никакого вниманія, и если я бралъ его къ себѣ на колѣни и давалъ ему кусокъ булки или сахару, несмотря ни на какія предосторожности, кто нибудь изъ звѣриной компаніи улучалъ минуту и безъ церемоніи вырывалъ подачку изъ рукъ мальчишки. Даже куры обирали его съ замѣчательнымъ нахальствомъ.

Этому мальчишкѣ было немножко больше года. Грязный, но красивый, онъ былъ весь въ маменьку. Сквозь наслоенную на его лицѣ грязь прорывался румянецъ во всю щеку; розовое и твердое тѣло его было покрыто синяками и царапинами, а ляшки и ножонки совсѣмъ ободраны отъ ползанья. Мальчикъ былъ всегда веселъ, плакалъ очень рѣдко и въ мигъ утѣшался, чѣмъ попало: пропорхнувшей мимо его птицей, блестящимъ въ травѣ камешкомъ, перомъ несшимся по вѣтру. На мою ласку онъ улыбался такъ мило, и я готовъ былъ ласкать его долго-долго, чтобы только наслаждаться этой улыбкой.

Прошка день-деньской путешествовалъ по своему способу, ползая то на одномъ, то на другомъ бедрѣ: онъ искрещалъ весь дворъ, очень ловко перелѣзалъ разныя препятствія въ видѣ бревенъ, вязанокъ хворосту, складенныхъ жердей, и когда случилось, что немощная плоть его измѣняла духу предприимчивости и онъ летѣлъ кубаремъ съ какой нибудь долбни или порога, взвизгивалъ, кричалъ. Но не замѣчая ничьего участія къ своему горю, умолкалъ и пуще прежняго съ какимъ-то задоромъ пускался на новое предпріятіе. Регулярно два раза въ день, по утру и подъ вечеръ мгновенно засыпалъ онъ тамъ же, гдѣ игралъ, чаще всего посреди двора; и казалось, малютка, взглянувъ на приближавшагося, ему одному видимаго, тихаго ангела сна, покорно закрывалъ свои свѣтлые глазенки, съ улыбкой опускался, ёжился и уже спалъ, по странной привычкѣ скорчившись на четверенькахъ. Почти всегда являлся тотчасъ же и космачъ и съ замѣтнымъ удовольствіемъ ложился тоже на отдыхъ возлѣ спящаго ребенка; что его привлекало: кусокъ ли хлѣба, выпадавшій иногда изъ ручонки соннаго младенца, инстинктивное ли побужденіе долга охранять спящаго сына часто бросавшей ему кость матери, или просто желаніе пріютиться возлѣ теплаго тѣла? Это уже собачья тайна.

Параска была еще оригинальнѣе своего сына. Она напоминала собою тѣ картины, съ которыми время и обстоятельства распорядились неблагопріятно и которыя невозможно очищать отъ копоти и плѣсени, не испортивъ самой картины. Въ полусвѣтъ сумерекъ, на извѣстномъ разстояніи и на быстромъ ходу она казалась прекрасна: спокойныя и мягкія линіи стройной фигуры ея очерчивались очень изящно, правильныя формы тѣла ея прикрытаго скудной одеждой, обозначаясь во всей полнотѣ, обнаруживали строгую пропорціональность. Всегда босыя ноги и по локоть обнаженные руки были такъ округлы и стройны.

Всѣ движенія ея, хотя и порывистыя, были исполнены той граціи, которая никогда не пріобрѣтается искусствомъ и никогда не утрачивается окончательно, даже среди самыхъ грубыхъ и постоянныхъ физическихъ трудовъ. Словомъ, силуэтъ Параски былъ удивителенъ.

Но за то въ свѣту, вблизи, пластическая красота ея являлась не совсѣмъ привлекательною. Кожа рукъ и ногъ ея потеряла свой тѣлесный цвѣтъ и походила на потрескавшую юфть; лицо какъ будто нарочно было выпачкано сажей,

пылью, копотью, и только мѣстами яркій румянецъ щеки, бѣлизна около уха или шеи — свѣжимъ пятномъ пробивались сквозь эту грязь. Но прибавьте къ этому тонкія брови, длинныя рѣсницы и бѣлые зубы!..

Съ самаго ранняго утра начиналось безконечное снованіе этой замарашки по всѣмъ закоулкамъ двора и дома, а за ней усиленное ползаніе Прошки, безпрестанные шлепки и крикъ его «мамо, мамо!» Не было, кажется, въ домѣ работы, которая бы не лежала на Параскѣ: она должна была поспѣвать всюду, и въ то время, какъ накухнѣ, и подъ навѣсомъ, и въ огородѣ, копошилась разная челядь за разнымъ дѣломъ, Параску кликали и на кухню, и подъ навѣсъ, и въ огородъ, и она летала изъ конца въ конецъ, какъ маятникъ, дающій движеніе всей этой хозяйственной машинѣ. И рѣдко имя ея произносилось безъ какого нибудь эпитета: трясцы, бѣсы, вѣдьмы и разные черти такъ и сыпались на нее.

При всемъ томъ лицо ея, постоянно строгое, озлобленное, какъ-то пасмурно улыбавшееся, иногда такъ просвѣтлялось, что она совсѣмъ не походила на себя; но это бывало на мигъ и этотъ мигъ не легко было подмѣтить. Вставая обыкновенно рано, и молча бродя, гдѣ придется, — я мимоходомъ замѣтилъ, что Параска только при людяхъ принимала на себя озлобленное и пошурое выраженіе; но когда была одна и не подозрѣвала, что ее видятъ, — брови ея расправлялись дугами, и подъ часъ, работая на единѣ, она ворковала себѣ подъ носъ пѣсенку. Съ ребенкомъ своимъ она обращалась необыкновенно странно: она еще кормила его грудью и обыкновенно наскоро, гдѣ выпадетъ. Операция эта никогда не обходилась безъ брани и шлепковъ; но ребенокъ и при всемъ этомъ велъ себя, какъ прямой *обоешъ*: онъ не вдругъ бралъ грудь, игралъ ею и смѣялся, и иногда сквозь слезы; видно было, что тогда только и выступали эти слезы, когда ужъ въ самомъ дѣлѣ было больно, слишкомъ ужъ горѣло и свербѣло ударенное мѣсто; и въ минуту слезы смѣнялись улыбкой, и мальчикъ смѣялся снова. Разъ только, выглянувъ какъ-то изъ окна моей комнаты на огородъ, увидѣлъ я ласку и поцалуй, которымъ мать надѣлила своего сынишка, расположась на грядѣ кормить его. Она встрѣтила глаза мои и вслѣдъ за тѣмъ раздался обычный шлепокъ и плачъ. Я упрекнулъ ее за такое обхожденіе съ ребенкомъ.

— Або що? спросила она, плутовски улыбаясь.

— Да какъ же тебѣ не стыдно? онъ тебя любить и такой славный ребенокъ.

— О сэ, паскуда! най іого дидько бере! и она щолкнула его такъ, что снѣ вскрикнулъ.

Я затворилъ окно.

Довольно замѣчательнымъ лицомъ былъ также безмолвный старикъ, постоянно стругавшій обручи подъ навѣсомъ, устроеннымъ въ углу двора. Сѣдой, морщинистый, но еще не дряхлый, въ чоботахъ и обширныхъ полотняныхъ шароварахъ, типъ отживающаго украинскаго казачества,—отъ зари до зари возсѣдалъ онъ на дубовомъ обрубкѣ, посреди разныхъ колодъ, плахъ, клепокъ, кучъ хворосту и разнаго подѣлочнагохлама—и пристально строгалъ всегда какой нибудь обручъ. Ни для кого изъ проходящихъ не поднималъ онъ головы, ни на кого не взглядывалъ даже изъ подлобья. Одинъ только Прошка пользовался не только его благосклонностію, но и правомъ во всякое время прекратить его работу: онъ подползалъ подъ самый строгаемый обручъ, хватался за него ручонками и подымалъ свою веселую головку, лепеча «дѣдя, дѣдя!» И дѣдъ упирался рукой, держащей ножъ, въ свое колѣно, позволялъ мальчику завладѣть обручемъ, суровыя черты лица его смягчались, бѣлые усы шевелились привѣтно: «годи, Прошка, годи, ластывка!» произносилъ онъ хриплымъ голосомъ, въ интонаціи котораго все-таки слышалась нѣжность; «годи, мій гарпенькій!» а самъ не прикасался къ работѣ, изъ которой ребенокъ сдѣлалъ себѣ игрушку. По-долгу сидѣлъ иногда дѣдъ, увѣщевая напрасно малютку, и старое лицо его все свѣтлѣло, свѣтлѣло, и глаза не отрывались отъ крошечнаго баловня. Сперва никакъ не удавалось мнѣ познакомиться покороче со старикомъ: на всѣ разговоры и вопросы мои онъ отвѣчалъ всегда сухо, отрывисто и неохотно, и мнѣ совѣстно было настаивать. Но старикъ частенько закуривалъ свою коротенькую «люльку», и это помогло мнѣ сблизиться съ нимъ: замѣтивъ, что онъ куритъ очень ѣдкій табакъ, я предложилъ ему однажды крѣпкую сигару; можетъ быть, не желая обидѣть меня отказомъ, онъ принялъ по настоянію моему, изкрошилъ ее и наколотилъ свою носогрѣйку. «О, сэ добрый тютюнъ!» сказалъ старикъ, покуривая и поплеывая съ видимымъ удовольствіемъ. Всякій день я ему давалъ двѣ-три сигары; старикъ благодарилъ, погда приговаривая, въ видѣ извиненія себѣ: «бо кто чимъ закуса, покынути нэ мусэ».

Однажды, заставъ его въ переговорахъ съ Прошкой, я предложилъ ему сигару, а Прошка пряниковъ, запасъ которыхъ былъ сдѣланъ у меня собственно для него; я присѣлъ на колоду и по-немногу у насъ со старикомъ завязался разговоръ. Было раннее утро, папы еще спали; Параска, Прошка и дѣдъ всегда первые показывались на дворъ и на этотъ разъ Параска обѣгала разные, хозяйственные пункты—домашняя птица, телята, поросята преслѣдовали ее и толпились у ея ногъ.

Старикъ сидѣлъ противъ меня на своемъ отрубкѣ, съ празднымъ ножомъ въ рукѣ, съ люлькой въ зубахъ; у нашихъ ногъ, на стружкахъ и щепкахъ, Прошка возился съ остроганнымъ до половины обручемъ; космачъ, вѣроятно позавтракавшій, валялся около ребенка и задиралъ его съ собачьей любезностью и игривостію сытаго животнаго. Дѣдъ, завлеченный моими распросами, ровнымъ голосомъ рассказывалъ про «старое время». Какъ ни тѣсна была рама картины, воспроизводимой блѣдными воспоминаніями старика, но сила правды придавала ей достоинство. Нѣсколько разъ удавалось мнѣ бесѣдовать съ нимъ, и каждая бесѣда приносила не только новое удовольствіе, но и новую черту, новый оттѣнокъ свѣдѣнія о времени «козачества», о прошломъ бытѣ Малороссіи. Я и не подозревалъ найти кафедру подъ дровянымъ навѣсомъ, но вышло почти такъ: дѣдъ нисколько не выставялъ свою собственную личность въ своей повѣсти, какъ это обыкновенно случается со всѣми непризванными повѣствователями. Когда-то горячій козакъ, онъ остался прямымъ человѣкомъ и любилъ вести рѣчь только о томъ и гордиться только тѣмъ, что дало ему козачество. Говорилъ онъ о прежнихъ прихатныхъ хуторахъ, тѣнистыхъ садахъ и богатыхъ пасѣкахъ въ гущавникѣ дубовыхъ и липовыхъ урочищъ; «була и у мэнэ така!» примолвилъ дѣдъ къ слову о пасѣкѣ; онъ вздохнулъ не о томъ, что «сгинули симдесять колодъ», а глянувъ въ сторону и слегка взмахнулъ рукой, держащей ножъ,—вздохнулъ онъ о томъ, что перевелось уже приволье богатой Украйны и Запѣпровья, что «пынько гэтъ—пусто на цилый край, на уси четыре витра! не тыи времена, не тыи звычан;» что еще хлюпцемъ слыхивалъ онъ отъ «батькивъ», какъ, бывало, по ляхамъ и по татарщинѣ, лоскомъ выжженные и истребленные села въ пять-шесть лѣтъ опять обстраивались и процвѣтали, и снова «стодолы и шпихиры» наполнялись «пидъ стриху» всякой благодатью; а теперь не то; и порядки другіе, и народъ «мудрїйши» сталъ—да и тѣтъ! Словно

земля извелась и не родить противъ прежняго; словно люди измелъчали и обезсилѣли, и заботы у нихъ все про себя, мелкія, не прежнія: сады, лѣса, пчелы, воды — все истощается, переводится, портится, и словно никому до того и дѣла нѣтъ: «богато панивъ, а на греблю и никому!» заключилъ старикъ, добывая изъ-за голяница полинялый ситцевый «капшукъ» и выколачивая о дубовую плахту золу изъ своей люльки.

Однажды я спросилъ его о Параскѣ, — я слышалъ, что она приводилась ему съ родни, — старикъ отвѣчалъ очень уклончиво.

— Зачѣмъ она такая злая и такъ бьетъ своего мальчишку? спросилъ я.

— Молоде, дурне! отвѣчалъ старикъ и, нагнувшись къ кучѣ лещины, сталъ выбирать годную на обручъ хворостину. Онъ избѣгалъ этихъ распросовъ.

Кромѣ описанныхъ мною лицъ, дворня моего хозяина пополнялась кривой кухаркой, личностью ничѣмъ не выдающейся изъ «толпы»; еще какой-то бабой, вѣчно стирающей или развѣшивающей разное предосудительнаго вида тряпье; кучеромъ, проживавшимъ вмѣстѣ съ лошадьми, гдѣ-то «во лузяхъ», и наконецъ — косматымъ чоботоносцемъ, мальчишкой приглуповатымъ, смиреннымъ и замѣчательнымъ только никогда печесаной головой и несоразмѣрно обутыми ногами; все остальное пространство въ немъ между этими полюсами представляло какой-то рядной мѣшокъ съ торчащими изъ него руками. Любое чучело на горохѣ не менѣе походило бы на человѣка, если бы сдвинулось по зову своей тычины. Остальные мужики и бабы показывавшіеся на кухнѣ, на дворѣ и на огородѣ, были временные слуги — «стойчкі», то есть нѣчто въ родѣ казенныхъ барщинниковъ.

Настолько же, какъ съ плебеями, ознакомился я и съ «благороднымъ» сословіемъ этого маленькаго и грязенькаго міра: хозяинъ оказался простакомъ, ловко, хоть на-скоро, по русской способности, охолоченнымъ рязанскимъ полубариномъ, вообще добрымъ малымъ и второстепеннымъ лицомъ въ домѣ; въ его власти было только выпить и закусить, сколько душѣ угодно, въ положенные часы, а при гостяхъ — и сверхъ положенія. Положенные и сверхъ положенія часы эти онъ употреблялъ, видно, ловко, потому что былъ откормленъ для человѣка до нелѣпости. По службѣ онъ былъ ходокъ. Если выжимается что нибудь изъ камня, то состоявшіе въ его участкѣ камни ужъ не дали бы ни-

какого соку, — это вѣрно; но такъ какъ чистота совѣсти въ чиновникѣ, завѣдывающемъ чѣмъ бы то ни было казеннымъ, опредѣляется исправнымъ состояніемъ, — т. е. чистотой, — его интродуктивныхъ книгъ, то по повѣркѣ послѣднихъ онъ могъ оказаться совершенно безгрѣшнымъ. Правда, что бдѣніе надъ чистотой книгъ и цифръ, да и вся распорядительная служебная часть лежала на какомъ-то миѳическомъ писарѣ, проживавшемъ гдѣ-то на хуторѣ; но мы не видимъ надобности вводить въ нашу разсказъ еще лицо, тѣмъ болѣе, что въ натурѣ лицо это было подбито.

Супруга почтеннаго хозяина была хорошая женщина, о которой особеннаго сказать нечего. Совершенно довольно замѣтить, что она была здорова, а грудной ребенокъ наследовалъ золотуху, — вѣроятно, отъ отца.

Впрочемъ и то сказать — Глашенька, старшая дочь хозяина, отъ первой жены, — была суха и безъ малѣйшихъ признаковъ золотухи.

Быстрая, хорошенькая дѣвочка эта была въ конецъ испорчена тѣми постоянными невзгодами, которыя такъ часто падаютъ на беззащитныя головы сиротъ, пасынковъ и падчерицъ. Мнѣ почти не случалось иначе видѣть Глашеньку, какъ за какой нибудь шалостью или подъ какимъ нибудь штрафомъ. То она обрывала цвѣты на окошкѣ, кроила чей нибудь носовой платокъ, лазила, какъ мальчикъ, по прясламъ и плетнямъ, — то стояла въ углу, или на колѣняхъ, заливаясь слезами и выразительно почесываясь, разумѣется, отъ боли. Шила и читала она всегда со слезами на глазахъ, съ краснымъ ухомъ, и такъ егосила на своемъ стулѣ и перебирала ножонками подъ столомъ или пальцами, что, разумѣется, всегда выводила изъ терпѣнія всю нелюбившую ее семью.

«Глашка — дрянъ, паскуда, щобъ тоби лыхо!...» слышалось цѣлый день, на разные тоны и лады и нерѣдко за этимъ раздавался звукъ затрешины.

Но главнымъ Тамерланомъ ея и всего дома была хозяйская «магушка», сухая, злобная, крикливая старушка. Какъ исправный капитанъ корабля, несомато бурей, поспѣваетъ вездѣ, и вездѣ слышится его правительственный голосъ и команда, такъ точно этотъ неутомимый капитанъ въ юбкѣ, сварливая старуха — не только поспѣвала накричать и накомандовать всюду, но съ самаго утра сама во всѣхъ углахъ дома создавала бурю и ревностно

поддерживала ее до глубокой ночи. Преобладающим элементом или нравственным атмосферическим двигателем этих инкваловъ была ея ненависть къ тремъ существамъ: Параскѣ, Прошкѣ и Глашѣ; кажется, трудно было бы рѣшить, кого изъ нихъ болѣе она не терпѣла. При жолчной злости старухи, достаточно было ей встрѣтить которое нибудь изъ этихъ трехъ лицъ, — все равно, за какимъ бы занятіемъ она ихъ ни застала, хотя бы за богомольемъ, — она не могла пройти, чтобы не посыпать мимоходомъ. Изобрѣтательность же казней за какіе нибудь проступки и всевозможныхъ предохранительныхъ стѣсненій — въ старухѣ была поистинѣ замѣчательна.

Однажды въ сильный дождь, проходя къ хозяевамъ мимо отворенной кухни, увидѣлъ я тамъ Прошку подъ столомъ; я остановился и позвалъ его, — онъ бросился было ко мнѣ съ своей обычной рѣзвостью, но вдругъ упалъ, ударился носомъ въ полъ и закричалъ благимъ матомъ, растянувшись и не вставая. Я подошелъ къ нему и увидѣлъ, что онъ привязанъ за ножонку къ кухонному столу; мнѣ объяснили, что это по приказанію «старой» обыкновенно дѣлается въ дурную погоду, — когда ему нельзя быть на дворѣ, — чтобы онъ, ползая подъ ногами, не мѣшалъ людямъ. Я отвязалъ бѣдняжку, взялъ на руки, унялъ его плачъ и понесъ въ комнату къ хозяевамъ. Трудно представить себѣ злобу старухи, когда она увидѣла его у меня на рукахъ.

— А що то вы робытэ? А якъ же то можно.... такі поганы бахуренокъ!... увѣщевала она меня нараспѣвъ.

— Да вѣдь это ангелъ, отвѣчалъ я старухѣ. Ее всю подернуло злостью; она плюнула. — «О сѣ-жъ паскуда!» и еще клокотала про себя, приплеывая.

— Вы, какъ я вижу, любите дѣтей! сказалъ улыбаясь хозяинъ. — Вамъ бы надо жениться! — замѣтила улыбаясь хозяйка, но на лицахъ ихъ сквозь улыбку проглядывало выраженіе глубокаго отвращенія. Какъ косой лучъ солнца, ударяя въ тишистую лужу, — вмѣсто того, чтобы заиграть тамъ огонькомъ, только и сдѣлаетъ, что освѣтитъ всю шевелящуюся инфузоріями плѣсень и грязь, — такъ или почти такъ улыбка — этотъ чистый лучъ довольной души, возбужденная насильственно на злобномъ лицѣ — только и освѣтитъ на этомъ лицѣ одно безобразіе злобы. — Но хозяева мои продолжали насильственно улыбаться; старуха выражала невоздержное отвращеніе; Прошка, открывъ губенки, съ удивленіемъ глядѣлъ на зеркало; а Глаша, окинувъ всѣхъ

плутовскимъ взоромъ, съ хитрой улыбкой смотрѣла на злящуюся свою бабушку.

— Пойдемъ-ка, братъ Прошка, до дому! Я вынесъ его; но въ сѣняхъ отняла его отъ меня Параска; еще я не дошелъ до моей квартиры, а ужъ доносился до моего слуха крикъ ребенка и учащенное, какъ показалось мнѣ, шлепанье.

— А бо дай вамъ!... — какъ говорятъ малороссы, не договаривая бо дай — чего, — думалъ я, садясь за столъ оканчивать рѣзбу, начатую на немъ перочиннымъ ножикомъ какимъ-то, вѣроятно празднымъ, искусникомъ.

Задумался я объ этихъ бѣдныхъ людяхъ — о семьѣ моего хозяина. Какую каторгу умѣютъ сочинить себѣ люди! Безъ всякой надобности, по своему произволу и по своимъ безпричиннымъ побужденіямъ, кричатъ, злятся, страдаютъ и, какъ будто упиваясь своимъ же возмущеніемъ, язвятъ сами себя, какъ скорпіоны. И невольно сознавая, чуя свою непотребность, какъ тщательно и какъ напрасно стараются они скрывать свои язвы отъ глазъ постороннихъ! Отчего все это!

Оттого, — думалъ я, — что какъ обществу, такъ и семейству, на какой бы степени умственного развитія они ни стояли, для полного спокойствія, для счастья, прежде всего необходима — нравственная свобода. Она — солнце нашей нравственной жизни и всѣхъ ея матеріальныхъ проявленій. Не давайте ничего, кромѣ этой свободы, и общество или семейство изъ ничего создастъ и устроитъ свое счастье; дайте все, кромѣ этой свободы — люди будутъ богаты, пожалуй образованы и даже учены, — но непременно несчастливы. Да и всѣ богатства и благо ихъ, — въ строгомъ смыслѣ невозможныя въ обществѣ, лишенномъ нравственной свободы, — исказятся, вырождаются въ зло и станутъ прямой причиной несчастія обладающихъ ими.

Въ семействѣ, конечно такъ же какъ и во всякомъ обществѣ, главная причина непокоя и несчастій всегда одна — нравственный гнетъ, отсутствіе моральной свободы. Неизбѣжный признакъ этой семейной проказы — ложь во всѣхъ ея видахъ и степеняхъ, начиная отъ обольщающаго притворства до циническаго безстыдства, отъ шаловливой хитрости до предательскаго коварства.

И эта нравственная уродливость всегда отражается во всѣхъ аксессуарахъ человѣка: не даромъ каждый стулъ у Собакевича какъ будто говорилъ — «и я тоже Собакевичъ!»

Въ самомъ дѣлѣ, — въ домѣ моего настойчиво-улыбающагося хозяина все носило на себѣ отпечатокъ насилія и заколоченности; даже на бездушныхъ предметахъ выражалась какая-то натяжка: мебель была покрыта такими узкими чехлами, что каждый стулъ походилъ на семинариста, давно выросшаго изъ своей ветхой «фанаберіи». Оконные цвѣты были перевязаны такъ туго, какъ вяжутъ только вѣшники, а къ гилямъ стѣнныхъ часовъ нацѣвлено столько подковъ, плитокъ и разнаго желѣза, что, глядя на нихъ, невольно рождался сострадательный вопросъ: какъ это они ходятъ? А все, что было одушевленнаго въ домѣ, — безпрестанно либо ругало, либо было ругаемо, либо обругивалось взаимно — то шопотомъ, то, смотря по удобству, во все горло, и только въ крайнихъ случаяхъ одиночества ворчало и роптало себѣ подъ носъ; но довольно было мухъ пролетѣть мимо — и она тотчасъ обругивалась громкогласно.

За то, несмотря на богатство украинской природы, несмотря на изобиліе средствъ и удобствъ жизни, — всѣ жители дома отличались болѣзненными, удрученными физіономіями. Только Параска съ своимъ сыномъ цвѣла, какъ макъ, и безмолвной дѣдъ казался, хотя всегда пасмуренъ, но крѣпокъ и свѣжъ для своихъ преклонныхъ лѣтъ.

Параска была собственностью хозяина и очевидно необходимою въ домѣ. Ея постоянное ожесточеніе и отвратительное обращеніе съ ребенкомъ были невыносимы. До того было больно глядѣть на нихъ, что я иногда отворачивался — не только отъ ней, но и отъ бѣднаго ребенка, и поскорѣе проходилъ мимо ихъ.

Отворивъ какъ-то рано поутру окно моей комнаты, я увидѣлъ подъ окномъ копающуюся въ грядкахъ Параску. Я заговорилъ съ ней, выразилъ ей мое соболѣзнованіе о ея трудномъ положеніи, попытался было вразумить ее, объясняя ей несправедливость ея ожесточенія и неминующія послѣдствія такого раздраженнаго состоянія, — я жалѣлъ о ея сынѣ, о ней. Она поглядѣла на меня пристально, горько улыбнулась и, — отвѣтивъ: «ой, панэ, — минн и такъ добре!» — скрылась.

Вечеромъ зашелъ ко мнѣ хозяинъ; за чаемъ, болтая кое-о-чемъ, я свелъ разговоръ на Прошку, спросилъ и о Параскѣ.

Хозяинъ началъ объясненіе съ того, что она дрянная женщина, безсердечная, злая.

«Лѣтъ, извольте видѣть, 10 тому назадъ, — рассказывалъ онъ, — досталась мнѣ вся семья эта довольно сходно отъ одного благороднаго дворянина; взялъ я ихъ самъ-четверть: отца, мать, сына, а она дочь, извольте видѣть, по уговору должна была дослуживать еще лѣтъ пять у тетеньки этого дворянина; она была отдана туда съ измалолѣтства, — ей теперь я думаю лѣтъ этакъ двадцать. Вотъ-съ и было очень хорошо: отецъ отличный колесникъ, даже брички соорудилъ; ну, былъ изъ него кучеръ тоже; а мать хорошо ткала и варила недурно, могла быть кухаркой, — неньшной, а такъ, по нашему положенію. Сынъ, то есть братъ Параски, мальчишка лѣтъ 15, проворный, доложу вамъ, каналья, приучилъ я его къ себѣ; онъ и ѣздилъ всегда со мной, да года въ два такъ испакостился, — благородное слово, — чортъ знаетъ, что изъ него вышло, — такъ, что я вынужденъ былъ отдать его въ солдаты подъ зачотную квитанцію, за помѣщика одного, еще кумъ мнѣ приходится и отмѣнный человѣкъ, — какъ честный человѣкъ, — душа!... Ну, я, — признаться, — ничего не потерялъ бы; иначе мать, эта кухарка-то, вскорѣ ни съ того, ни съ сего, а можетъ быть и съ холеры — возьми да и умри; отецъ, колесникъ-то, трезвѣйшій сперва былъ, извольте видѣть, человѣкъ, — ни съ того, ни съ этого какъ запылъ, да какъ пошелъ бродить, такъ и по сегодняшній день волочится, и ни сбыть его, ни дома удержать ничѣмъ, благородное слово, — невозможно. Я было и по-отечески, и такъ просто словами, и призапиралъ на денька три-четыре — все пробовано-съ! Это все равно, доложу вамъ, какъ собака: отбилась отъ двора — шабашъ! и не мучьтесь напрасно. А насчетъ Параски, извольте видѣть, шла все время переписки черезъ земскую полицію: все ее отпустить не хотѣли; да я взялъ и попросилъ хорошенько въ земскомъ судѣ, — ее вотъ прошлаго года и представили по этапу-съ ко мнѣ, да гляжу, — и съ бахуренкомъ, былъ еще онъ съ кошку, весь съ кулакъ мальчишка, въ тѣ поры. Это что? спрашиваю. — Сынъ, говоритъ. Откуда, гдѣ твой мужъ, что ли? — Въ Москаляхъ живъ. — А папиры гдѣ? — Нѣма ничего. — Какъ такъ?... Ну, извѣстно — баба глупая, ничего не понимаетъ, но такая, съ дозволенія сказать, шельмоватая, упорная, что самъ чортъ, какъ благородный человѣкъ, не допытывается по сю пору отъ нея слова о прежней ея жизни и способѣ по-

веденія-сь. Подлецъ баба, какъ честный человѣкъ, подлецъ! Я было опять въ переписку — пишу разъ, пишу другой, третій, я вамъ скажу, пишу, — а мнѣ по настоящее число — ни гу-гу! никто и не отвѣчаетъ».

— Однако она честная женщина? спросилъ я.

— Да какъ вамъ сказать, — ничего такого особеннаго, извольте видѣть, не видно; и преповоротливая, да чортъ ли въ томъ, коли дрянъ во всѣхъ отношеніяхъ!

— То есть въ какихъ же?

— Да какъ вамъ сказать, вѣдь вы сами могли замѣтить — грубіанство и дрянъ! Она, извольте видѣть, здоровенная, работающая, да чортъ ее знаетъ, никакой нѣтъ этакон привязанности, благодарности, а точно такъ, какъ и всякая этакая.... Да Богъ же съ ней! бываютъ вѣдь люди — препротивная дрянъ, я вамъ доложу! — Хозяинъ махнулъ рукой.

— Ужъ это, знаете, такъ бываетъ цѣлой семьей, гнѣздомъ: — вотъ хоть дѣдъ ея, онъ не мой, проживаетъ только здѣсь, кормимъ его, можно сказать, изъ жалости; молчитъ, стругаетъ, а самъ каналья у-ухъ какой татаринъ! Запорожецъ! какъ камень, шельма! А разъ слышалъ я, какъ толковалъ онъ съ писаремъ про ихняго «хвилософа Варныгору» — ого-го! даромъ, что ужъ можно сказать, одной ногой въ гробу — это большой сахаръ!... А знаете ли, продолжалъ хозяинъ, выглянувъ въ окно, время хорошее.... Эй, Параска, а Параска! — закричалъ онъ, завидѣвъ ее изъ окна, — а сбигай-же ну хутенько у тѣмныхъ, да прынасы бутылочку, того Мгарскѣго, що отъ-ся, въ кути, знаешь? — Попробуемте, обратился онъ ко мнѣ, сливнячку добраго, Мгарскѣго, старенькаго!

Я согласился и спросилъ его, что это за темникъ; уже нѣсколько разъ я слышалъ, что Глашѣ строго запрещается приближаться къ темнику. Я видѣлъ его только издали; въ углу обширнаго огорода, за тинистой засоренной сажалкой или копанкой, густо обросшей зорей и лопухой, возвышалась купа деревь и кустарника, которую я давно собирался осмотрѣть. Хозяинъ объяснилъ мнѣ, что темникъ теперь больше ничего, какъ полуобрушившійся холодный погребъ, очень способный для храненія водокъ и наливокъ. А прежде былъ мѣстомъ склада на зиму колодъ, то есть ульевъ пчелиныхъ; обширный огородъ этотъ, по словамъ хозяина, былъ когда-то до половины густымъ листовымъ садомъ, до полутораста ульевъ

стояло здѣсь въ давнее время; но понемногу садъ засорился, деревья посохли, выкорчеваны, и теперь садъ служить выгономъ для домашняго скота; часть его отгорожена подъ огородъ, а темникъ подгнилъ, осыпался, и онъ его только кое-какъ поддерживаетъ для погреба. Но въ сохраненной купѣ деревь въ кустарникѣ, въ сушнякѣ и гнили этой маленькой трущобы, около которой полукругомъ сочилась заросшая сажалка, расплодилось такое множество разныхъ гадовъ, — тарантулъ, ящерицъ, ужей, даже и мѣдянокъ, что никто изъ людей никогда не подходилъ къ темнику, и только одна Параска бѣгала туда — всегда босая — то за водкой, то за сливнякомъ. «Гадина гадинѣ на шкодыть!» примолвилъ съ улыбкой хозяинъ, описывая это обстоятельство.

Было уже поздно; Мгарской сливнякъ послѣ нѣсколькихъ стакановъ оказался недурень.

Хозяинъ собрался домой, я вышелъ проводить его; едва показались мы на крыльцѣ, какъ послышался голосъ Параски:

— А бо дай ты подавився, — сси-жь хутко! Она кормила грудью Прошку, сидя на завалинѣ подъ окномъ кухни.

— Вотъ-съ, изволите видѣть, какая это вѣдьма-баба-съ! сказалъ хозяинъ довольнымъ голосомъ.

Понемногу срокъ моего отъѣзда приближался; служебныя дѣла мои кончились, и я только ожидалъ еще почты. Таки-порядочно истомился я въ этихъ «гостяхъ» и не безъ удовольствія думалъ о днѣ отъѣзда.

Съ грустью и сожалѣніемъ встрѣчалъ я по утрамъ у моихъ дверей ползающаго Прошку; *обоешь* этотъ такъ свѣтло улыбался, протягивая свои ручонки, что нельзя было не ласкать его. Бѣдное дитя! Застынетъ и въ тебѣ все то, безъ чего человекъ презрѣнъ и что растетъ въ немъ и развивается только подъ животворною любовью матери!...

Однажды подъ вечеръ, возвратясь съ прогулки, я зашелъ подъ навѣсъ къ дѣду, прилаживавшему обручи; возлѣ него копошился въ стружкахъ и Прошка, а поодаль Параска возилась около лоханки, и извѣстная уже читателямъ тряпичница развѣшивала свои мокрыя знамена по прясламъ. Предложивъ дѣду сигару, я понемногу завязалъ съ нимъ бесѣду; опять-таки началъ-было я ходатайствовать за Прошку; — я зналъ, что дѣдъ любитъ его, зналъ вліяніе старика на Параску и дивился,

почему онъ не удержитъ эту дерзкую на руку женщину; неужели же, думалось мнѣ, всѣ они такъ привыкли къ щелчкамъ и шлепкамъ, что и не замѣчаютъ ихъ? Но дѣдъ долго не отвѣчалъ мнѣ, молчалъ, стругалъ, курилъ, поплеывалъ и вдругъ, оставя работу и вынувъ изъ зубовъ трубку, взглянулъ на меня какъ-то особенно серьезно и сказалъ, указывая своей люлькой на Прошку:

— Тожъ сырота, добродію, винъ горше вить сыроты; — або мы видаемъ, що зъ нымъ буде на свити? — нехай же втерпыцца! — И дѣдъ опять взялся за свои инструменты и сталъ наколачивать на дежу обручъ.

Старикъ не сказалъ мнѣ правды. Онъ и не солгалъ, а считилъ, какъ поневолѣ хитрятъ честные люди, никогда неизмѣняющіе чужой тайнѣ. А если не было ненависти и озлобленія въ обращеніи Параски съ ребенкомъ, то разумѣется—тутъ была какая нибудь тайна.

Удовлетворившись вынужденнымъ отвѣтомъ дѣда, я постарался навести разговоръ на его любимую колею—на дѣла минувшихъ дней. Понемногу старикъ увлекся, вошелъ во вкусъ, — полилась его спокойная, безыскусственная, но всегда живописная рѣчь; слова, казалось, терялись въ ней, звуки будто исчезали и точно въ дремотѣ, подъ тихое журчаніе, видѣлся мнѣ разнообразный и ясный сонъ: замерещились передо мной подъ его ровный говоръ «довгія списы казацкыи», какъ бы несомыя невидимой силой и «якъ лисъ подъ витромъ» колышущіяся въ туманѣ утра надъ густымъ тростникомъ днѣпровскаго побережья, по ярамъ и ложбинамъ, отъ Чигирина «геть туда до Уманьщизны!...» Это вытечка знаменитаго Нечая съ его безпардонной ватагой на ужасъ и безголовье пвѣтущей золотыми пажитями Подолія — «геть потекла сграя, якъ вузь темный, — далій, далій, ажъ по підъ Гайсинъ, гдѣ стоявъ колысь-то козацкыи мурованы слунъ, съ написомъ: видай, Ляше, покинь наше!» И разсказалъ дѣдъ богатырскую гибель Нечая, израненнаго, съ переломленной «шаблюгой», несущагося на рьяномъ степнякѣ.

Въ отрывочной повѣсти его быстро мѣнялись картины, то яркія, блестящія всею художественной оконченностью, то бѣгло-набросанныя, тусклыя, какъ будто поволокло ихъ туманомъ забытыя и давности. «И о сѣ, добродію мій, — продолжалъ онъ, вздохнувши, — вѣчалась тая неззапамятна ризня Уманьска!...»

Въ эту минуту въ домъ послышался тонкій дѣтскій плачь и всхлипыванье; два голоса грубые, но сдержанно-злые, пре-

рывали этотъ плачь распѣвающей угрозой: — «а почекай же! нэ, нэ, нэ, серденько, топирь нэ одмо-о-опышься! будэшъ памятать тэмныкъ!» плачь изъ тонкаго вибрующагося дисканта вырасталъ все рѣзче и торопливѣе — «а ходы — ну!» произнесъ сердитый голосъ и отчаянный крикъ ребенка, крикъ погибающаго, молящаго: — «а бабуня, а ластывка, а таточко ридненькій мій!» раздался раздражающимъ непрерывнымъ воплемъ, и только тупые удары мѣрно отщитывались, заглушаемые безконечнымъ взвизгомъ, крикомъ, плачемъ — вдругъ всѣми звуками, какіе выдавливаются изъ груди живаго существа терзающая, безпощадная боль.... Это былъ голосъ Глаши. — Я окаянулся: дѣдъ тихо взялъ обручъ, строгнулъ его дрожащей рукой такъ, что онъ погнулся и отстрогнутая половина его опускалась съ чуть слышнымъ трескомъ; Прошка боязливо взглянулъ на домъ широко открытыми глазенками своими; даже космачъ приподнялъ уши, воркнулъ и снова положилъ морду на свои лапы. А Параска, румяная, разгорѣвшаяся за работой, нагнувшись надъ лоханкой, обернула къ намъ свою голову: она глядѣла на Прошку и бѣлые зубы ея открылись коварной, ядовитой и грустной улыбкой.

Вотъ тебѣ и Уманьска ризня!... На дворѣ очень тихо: въ небѣ замелькали звѣздочки; сверкнулъ нетопырѣ въ воздухѣ и сдѣлалъ нѣсколько изломовъ, какъ будто чертя какіе-то іероглифы. Всѣ молчали, — слышался сдерживаемый плачь и горькое всхлипыванье ребенка; а космачъ лежалъ неподвижно и косясь то на одного, то на другого изъ насъ, какъ будто хотѣлъ спросить: «а что-молъ, люди!» Я вошелъ къ себѣ въ комнату, вынулъ изъ портфеля дорожную и приказалъ Берковичу идти на почту, потребовать лошадей къ тремъ часамъ утра и сказать ямщику, чтобы подвязалъ колокольчику языкъ. Затѣмъ, заперся и залегъ на кровать. Отчаянный вопль ребенка долго отзывался въ моихъ ушахъ, и я невольно прислушивался: все казалось, что кого-то сѣкутъ....

Въ эти несносныя минуты, въ которыя я ожидалъ возвращенія Берковича, мнѣ все казалось, что я добровольно участвую въ какомъ-то постыдномъ заговорѣ противъ младенческой немощи.... Скорѣе хотѣлось подальше отъ этой юдоли плача. Но припоминая расписаніе ***ской почтовой станціи, въ которомъ значилось всего двѣ тройки, я въ самомъ дѣлѣ трепеталъ: приди «почта», — а мнѣ угрожаетъ еще свиданіе съ хозяиномъ, — и чѣмъ же отвѣчу я на его улыбку? Вѣдь «есть же всему предѣлъ!»

Берковичъ возвратился немножко «веселый», посоловѣлый: лошади будутъ. Я написалъ нѣсколько прощальныхъ словъ моему хозяину и легъ спать. Благоразумный Берковичъ всегда держалъ въ рукахъ свою мифологію: Бахусъ у него никогда не ссорился съ Морфеемъ, и я еще не успѣлъ хорошенько пріютиться въ ненагрѣтой постели, а онъ ужъ храпѣлъ во всю носовую завертку.

Было поздно; погасивъ свѣчу, я глянулъ въ окно: у хозяевъ въ окнахъ темно, всѣ спали. Въ тишинѣ ночи донесся оттуда глухой бой часовъ — пробило полночь. Гдѣ-то близко меня скребла мышь; за печкой отозвался сверчокъ, и его мѣрное стрекотанье точно какъ будто сверлило тишину. Изрѣдка, словно повернутый не своей силой, тяжело вздыхалъ во снѣ Берковичъ, но икнувъ или чихнувъ съ негодующимъ звукомъ, опять захрапывалъ не совсѣмъ трезво, но ровно. Выплывалъ мѣсяцъ и темная комнатка моя все свѣтлѣла тѣмъ мертвымъ свѣтомъ, который видится иногда трусливому путнику, ночью идущему мимо кладбища... Я задремалъ, забывался, можетъ быть уснулъ, вдругъ дѣтскій вопль раздался такъ близко, какъ будто ребенокъ кричалъ у меня подъ подушкой, — очнувшись, я ничего не слышалъ; только пѣтухъ, а за нимъ другой, пропѣли раза по два, издавѣка отозвались имъ такіе же голоса — и снова тихо. Видно ужъ не уснуть мнѣ эту ночь! Растворивъ окно, я закурилъ сигару и глядѣлъ въ безконечный огородъ.

Понемногу свѣтлѣло; прозрачный розовый отсвѣтъ разливался отъ горизонта, и вдругъ какъ будто искра блеснула въ голубомъ туманѣ, на самой вершинкѣ трепещущаго тополя, стрѣлой выбѣгавшаго изъ густой купы темника, — и какъ медленный огонекъ, перебѣгалъ солнечный лучъ по маковкамъ деревь, незамѣтно все спускаясь ниже и ниже; подсолнечники, наклоненные къ востоку, раскрывали свои лучеобразные листья, заколыхалась вся зелень, — заря занялась. Я заглянулъ въ переднюю, изъ которой маленькое окошко выходило на дворъ, — Берковичъ храпѣлъ, но вѣроятно воюя во снѣ съ постояннымъ врагомъ своимъ — хмѣлемъ, совсѣмъ съѣхалъ съ своей позиціи — походной постели, и завалилъ собою выходную дверь. На дворѣ было тихо, весь домъ спалъ, почтовые лошади еще не пришли, — я опять усѣлся у отвореннаго окна; свѣжее утро уже пробудилось, зелень благоухала, и въ густыхъ вѣтвяхъ деревьевъ, надъ темникомъ, весело перекликались птички. Мнѣ захотѣлось въблизи по-

смотря въ всю эту маленькую трущобу, и я перешагнулъ изъ окна въ огородъ.

Между высокимъ бурьяномъ, лопухой и загложшими кустарниками бузины, смородины и крыжовника, кругомъ всего огорода была когда-то тропинка, поросшая теперь высокой травой; она тянулась около стѣнъ строеній, поворачивала вдоль частокола и приводила къ темнику съ противоположной стороны дверей его, къ которымъ протоптанъ былъ кратчайшій путь отъ дома.

Я пошелъ по заросшей тропинкѣ, осторожно посматривая въ траву, чтобы не наступить на какую нибудь амфибію; ихъ тамъ было не мало. На дорогѣ попалась мнѣ чрезвычайно красивая букашка: съ каждымъ движеніемъ своимъ принимала она, какъ хамелеонъ, все новые, радужные отливы всевозможныхъ цвѣтовъ; я пристѣлъ въ травѣ, чтобы разсмотрѣть ее; за ней волочился очень проворно предлинный муравей; это было шагахъ во стѣ отъ темника. Шелестъ листовъ заставилъ меня поднять голову: при опушкѣ темника кудрявый листъ калины качалъ своими вѣтвями, какъ будто серна или другой быстрый звѣрекъ только что шмыгнулъ черезъ него. Что-то бѣлѣлось въ гущавникѣ, и чуть слышно доносился оттуда тихій, пѣвучій шопотъ. Наскоро собираясь побороть свое любопытство, я незамѣтно подкрался почти ползкомъ поближе къ темнику: сквозь чащу кустарныхъ и древесныхъ стволовъ, ниже густой листвы, я увидѣлъ на самомъ темникѣ чистую площадку, окруженную кустарникомъ и деревьями. Ничего нельзя вообразить живописнѣе этой роскошной купы самой разнообразной зелени, разросшейся вѣнкомъ на насыпи надъ полуразрушеннымъ подваломъ: внизу по сырой, сочащейся копанкѣ вокругъ темника, какъ гребень длинныхъ перьевъ, зеленѣлъ аиръ, зоря и подъ нимъ стлались круглыя листья лотоса съ своими ярко-желтыми цвѣтками. Выше, по берегамъ въ травѣ блистали кой-гдѣ утренними росинками голубыя незабудки; еще выше разрослись самосѣвы тимоевой травы, цикорія, кривавника, дикой ромашки, зубчатого папоротника, полыни, душистой мяты, — и сотни различныхъ травъ и цвѣтовъ, какъ ковромъ, одѣвали покатыя бока темника. Колочая облепиха, сверкая золотистыми ягодами, начинала собой рядъ кустарниковъ; за ней раскидывался орѣшникъ и шиповникъ, сухіе сучья обвивались повиликой и торчали въ кудрявой зелени; ягоды паслена кораллами краснѣли въ желто-зеленыхъ листьяхъ; тернъ, перепутанный дикимъ плющемъ, за нимъ

высокій кустарникъ бѣлой акаціи, сирени, черемухи и надъ этимъ густымъ вѣнкомъ роскошная зелень каштановъ, черешни и наконецъ убѣгающіе къ верху пирамидальные тополи, шепчущіе каждымъ листкомъ своимъ. Тутъ были и цѣлыя возы сушняку и гниющихъ вѣтвей, но всюду зелень самая свѣжая, кудрявая такъ окрыла ихъ, такъ роскошно одѣла каждый прутикъ, какъ будто природа въ самомъ дѣлѣ старалась прикрыть свой безпорядокъ передъ строгой и хищной зоркостью понечительнаго человѣка.

Утренній вѣтерокъ разносилъ въ воздухѣ, кажется, цѣлыя струи ароматовъ разныхъ растений. Заря была въ разгарѣ; прорѣзываясь сквозь гушавникъ вѣтвей, солнечный лучъ падалъ косвенной полосой на желтый песокъ и дернъ площадки; въ золотомъ потокѣ этого луча сверкали разноцвѣтными искорками міриады крошечныхъ летучихъ насѣкомыхъ; зелено-желтоватая, какъ бронзовая, ящерица проворно перебѣгала по сушняку, останавливаясь, и съ частымъ дыханіемъ устремляла свои насѣкомъ пронзающіе глаза; стрекоза трепетала радужными прозрачными крылышками; въ вѣтвяхъ порхали и посвистывали птички, какъ будто съ любопытствомъ поглядывая внизъ; я нагнулся впередъ; въ двадцати шагахъ отъ меня, на площадкѣ темника, на пескѣ сидѣла Параска, держа стоящаго на колѣняхъ Прошку. Но какъ мало походили они на себя, какими были еще такъ недавно — вчера только! Чистое, сіяющее лицо прекрасной женщины дышало любовью и счастьемъ; волосы ея, перевитые красной лентой, были собраны такъ, какъ и всегда, на затылкѣ, но не всклокочены, по обыкновенію, а закручены въ богатую косу; бѣлая рубашка прикрывала плечи въ половину и, легко спадая по грудямъ, охватывалась ситцевой юбкой; иззелена-свѣтлый матовый отсвѣтъ падалъ на румяное лицо ея; она улыбалась, ворковала полушопотомъ пѣсни и, то откинувъ голову на свѣтъ и поднимъ надъ собой ребенка, то вдругъ положи его на колѣни, совсѣмъ приникала лицомъ къ его лицу и любовалась смѣющимся мальчишкой. На глазахъ ея видѣтъ былъ слѣдъ недавно сбѣжавшей дремоты, и тѣмъ ярче горѣли они подъ густыми рѣсницами.

Прошка еще меньше походилъ на ежедневнаго *обоеша* Прошку: точно какъ будто онъ сбросилъ съ себя свою кору и очутился розовымъ, кудрявымъ и свѣтлымъ; тонкая рубашонка едва прикрывала его кругленькіе члены. Что съ ними сдѣлалось — отгадывать было некогда.

«Сердэнько мое, кровиночка моя!» шептала мать, — ребенокъ съ радостнымъ смѣхомъ ловилъ ручонками ея лицо; она подкидывала его на колѣняхъ, припѣвала на разные тоны, переходя безъ всякаго порядка отъ пѣсни къ пѣснѣ; то цаловала его, называя самыми пѣжными именами, то вдругъ сажала на землю, нагибала зеленую вѣтвь, прятала за нее свое лицо: «а тю-тю! Проща!» и малютка отвѣчалъ смѣхомъ, восклицаніями: «мамъ! мамъ!» и, какъ будто разумѣя необходимость тишины, удерживалъ порывы своей дѣтской радости.

Такъ непонятно было для меня это превращеніе, что я считалъ все видѣнное мною — сномъ.

Гибкая, граціозная фигура женщины, роскошныя и упругія ея формы, живой румянецъ, то ярко вспыхивающій съ быстрымъ наклономъ головы, то умѣряющійся въ спокойномъ, на мигъ задумчивомъ положеніи; легкія, прихотливыя движенія безпрестанно мѣняющихся позъ.... То вдругъ съ откинутымъ торсомъ, съ выставленной на полный свѣтъ бѣлой грудью, бѣлыми, до плечъ обнаженными руками держитъ она надъ вобой ребенка, тонкое колѣно ея приподнято; въ полусвѣтѣ обрисовался мягкостушванный контуръ почти всей ноги, полутоны бѣгутъ въ густую тѣнь.... то, нагнувшись и поджавъ ноги, вдругъ она спрячетъ лицо; золотымъ блескомъ падаетъ лучъ на черную, лоснящуюся косу, блеститъ на мраморномъ плечѣ и локтѣ, и только кончикъ ноги чуть выглядываетъ изъ-подъ складокъ юбки.

Она пропѣла Прощкѣ чуть ли не весь репертуаръ дѣтскихъ пѣсенъ, которыми такъ богата Малороссія; всѣ ребяческія продѣлки, которыми забавляютъ дѣтей, кажется, были повторены ею; лицо ея перепробовало всѣ выраженія радости и нѣсколько разъ въ перемежку останавливалось на немъ мгновенное выраженіе тихой грусти, но счастье ея тогда казалось еще полнѣе... И, какъ будто утомясь, переполниась имъ, она вдругъ задумалась, долго глядѣла на ребенка, словно отыскивая и узнавая въ немъ дорогія черты, прижала его къ груди, еще взглянула въ его свѣтлыя глазенки; подъ темной рѣсницей ея сверкнула слеза, и чуть слышный, тонкій, дрожащій голосъ заплѣлъ грустную мелодію; первыхъ словъ ея я не могъ разслышать, чуть шевелящіяся губы пѣли:

..... «якъ я бідна плачу

«За дрибными слезонками

«И свита не бачу!..

«За дрибны,....»

— Ваше высокоблагородіе! а ваше высокоблагородіе! раздался изъ моего окна голосъ Берковича: — гдѣ вы?

Она вздрогнула, притиснула къ груди Прошку и быстро, какъ ужаленная, вскочивъ на одно колѣно, устремила свои черные испуганные глаза по направленію голоса, который продолжалъ какую-то недовольную рѣчь. Я не смѣлъ шевельнуться и совсѣмъ приникъ подъ широкой листвою лопухи. Послышался легкій шелестъ, я поднялъ голову: передо мной стоялъ космачъ, махая своимъ глупымъ хвостомъ, а за темникомъ межъ кустарниковъ и растущаго вдоль досчатаго забора бурьяна виднѣлись надъ зеленою быстро удалявшіяся прижавшіяся другъ къ другу двѣ головки.

Я возвратился къ себѣ въ комнату тѣмъ же путемъ. Берковичъ съ сумкой черезъ плечо, въ шапкѣ, совсѣмъ готовый въ дорогу, упершись руками въ боки и повѣсивъ голову, стоялъ въ раздумьи передъ столомъ, на которомъ съ вечера оставилъ я записку хозяину; слышно было, какъ похрапывали кони передъ крыльцомъ; вещей моихъ въ комнатѣ уже не было.

Заслышавъ движеніе мое, Берковичъ быстро обернулся: «а я спужался, ваше высокоблагородіе, — всталъ, а васъ нѣтъ, и ничего не могъ знать, что тутъ дѣлать!» объяснялъ онъ, подозрительно поглядывая на меня.

— Готово? спросилъ я.

— Все готово, вотъ только щекотулку да эти двѣ бумаги уложить!

«Щекотулку» я велѣлъ отнести въ повозку, бумаги — одна въ почтовую контору «о пересылкѣ какъ казенной, такъ и частной на имя мое корреспонденціи въ Г., В—ской губерніи», а другая — прощальная съ хозяиномъ, оставлена на столѣ.

Богъ съ тобой, мое кочевое жилище! На дворѣ не было ни души, еще всѣ спали, мы сѣли съ Берковичемъ — лошади тронулись! Космачъ скакалъ около телѣги, поглядывая на насъ очень любезно; въ воротахъ тройка стѣснилась. Космачъ прозѣввалъ и попалъ-было въ тѣсное положеніе — между осью и воротнымъ столбомъ, но вывернулся изъ бѣды отчаяннымъ пируэтомъ, произведеннымъ съ танцмейстерскою ловкостію. На улицѣ пусто, всѣ ставни заперты. Проѣхавъ мимо хозяйскихъ слѣпыхъ оконъ, тройка завернула направо, вдоль сѣраго забора, въ концѣ котораго широко выдвинулись на улицу кудрявыя вѣтви каштана «нашего темника.» На заворотѣ стоялъ дѣдъ. «Стой, ямщикъ!»

Крѣпко обнялъ я почтеннаго старца; мы простояли съ нимъ съ минуто и не сказали ни одного внятнаго слова другъ другу; только когда тронулись кони — онъ послалъ за мною христіанское напутствіе. А изъ зелени темника черезъ сѣрый заборъ глядѣла кудрявая головка Прошки: мальчикъ улыбался и вытягивалъ ко мнѣ ручонки; звонкій знакомый голосъ слышался вслѣдъ: «счастлива дорога, пане милостливый!» Ямщикъ стегнулъ лошадей, — «а почекай, москаленокъ!» крикнулъ онъ, грозя плетью розовому мальчишкѣ, и зазвякалъ звонокъ, колотясь подъ дышломъ. Пока мы прощались съ дѣдомъ, ямщикъ успѣлъ освободить ему бренчащій языкъ.

Неслась тройка; мимо летѣли понурыя мазанки, словно еще спящія подъ своими очеретными шапками; кой-гдѣ курился изъ трубы голубой дымокъ. Толкнулась телѣга въ ухабѣ заставы; какая-то рембрантовская мрачная фигура, сидящая у ветхаго логовища въ видѣ будки, съ желѣзной палкой и съ мѣдной бляхой на обширномъ, ободранномъ зипунѣ, — приподняла шапку. Сквозь алею черешень направо и налево мелькали огороды, поля, луга; полосатая верста словно дремала, вытянувшись и спрятавъ свой номеръ за раскинувшуюся вѣтвь черешни.... Звонокъ звенѣлъ....

— А не очень хорошіе были тутъ люди! отозвался Берковичъ, но не получивъ отвѣта, зѣвнулъ разъ-другой и, хлопая вѣсками, началъ поклевывать носомъ.

Въ быстромъ движеніи глубже пахнуло въ грудь освѣжающей струей воздуха; но головѣ моей было тяжело, — я думалъ о темникѣ. Такъ вотъ она, эта щель, сквозь которую такъ щедро сыплеть свои золотые, живительные лучи благое солнце, — вотъ гдѣ угнетенное чувство запасается всегда обновляющейся, несокрушимой силой!

— Не сказка же — вѣчно-цвѣтущіе сады, хранимые гадами и чудовищами! И что бы ты дѣлала, прекрасная мать, безъ твоего темника, такъ дружелюбно, покровительно осѣняющаго тебя съ твоимъ любимымъ малюткой отъ чернаго глаза раздраженныхъ притѣснителей? А тутъ вся природа, все живущее, копошащееся, цвѣтущее — все вьется около тебя, доврчиво, игриво, какъ будто забывая свои жала, свои яды; и дышутъ кругомъ тебя, помавая красивыми головками, всѣ цвѣты, источающіе въ воздухъ — какія есть у нихъ благоуханія.

Тутъ можешь ты, во всей непокровенной красотѣ твоей, со всѣми чарами любящей души — лелѣять, пестовать, нѣжить тво-

его ребенка, и оплакать горячей слезой раз-навсегда проклятую и навсегда порѣшенную необходимость — угнетать передъ людьми то, что тебѣ такъ мило, угнетать свое родное дитя только для того, чтобы отводить отъ него чужую, холодную, ничѣмъ несдержанную и безжалостную руку! Хотя мигъ одинъ, — но тутъ ты любишь не украдкой, не одной мыслию и бережно скрываемымъ чувствомъ, — а разомъ всѣми прекрасными способностями души, которыми природа щедро надѣлила все живущее на землѣ, для полного и чистаго счастья.

Мы въѣхали въ перелѣсокъ; волны звука разбиваясь о стѣны густаго лѣса, не неслись въ даль, сливались въ одну стонущую ноту; звонокъ гудѣлъ какимъ-то укорительнымъ гуломъ; изъ темнаго лѣса въялъ еще несогрѣвшійся ночной холодный воздухъ; подсолнечная сторона дороги вся сіяла облитая свѣтомъ.... Какъ хорошо подальше, и что мигъ, то дальше, — нестись отъ непріязненнаго мѣста; но какъ грустно подумать о тѣхъ, которые остались тамъ, которымъ выпала на свѣтѣ горькая доля безысходнаго страданья!... Грустно — а все думаешь.

По сердцу ползешь ты, безотвязная память людскихъ бѣдъ, какъ змѣя по камню, какъ ржа по желѣзу: и не больно бы — да по слѣдамъ-то твоимъ накипаютъ ядъ и сочатся кровавыя слезы!... По гдѣ же пути по цвѣтамъ? — Гдѣ лежатъ они, безбѣдные, счастливые отъ колыбели и до могилы? У кого же изъ насъ, друзья, нѣтъ своего дорогаго горя, своего обоеша, роднаго своего Прощки? Развѣ менѣе прекрасно и менѣе горячо любимо родное дитя души человѣческой — мысль, которую лелѣешь, надъ которой плачешь въ иномъ, такъ же никому недоступномъ, такъ же уединенномъ, тоже стерегомомъ темникѣ? — Развѣ не гнетешь и не искажаешь ее передъ глазами людей, съ подавленнымъ страданьемъ въ душѣ, съ поддѣльною злостью на лицѣ? и развѣ не можетъ измять и переѣхать ее колесомъ, какъ этого самаго Прощку, — какаянибудь иная, но еще болѣе пелѣная, чортъ знаетъ куда несущаяся тройка!... А если, мой добрый читатель, нѣтъ у тебя никакого Прощки, нѣтъ у тебя ничего и никого задушевнѣе и дорожее самого себя, то радуйся и веселись: это значить — черезъ тебя переѣхало уже колесо и вдавило тебя глубоко, навсегда въ колею блаженнаго ничтожества.

А. ПОГОССКИЙ.

ВОСПОМИНАНІЯ О ВОСПИТАНІИ

ВЪ ГОРНОМЪ КАДЕТСКОМЪ КОРПУСѢ, 1815—1822

Кто пишетъ свои воспоминанія, тотъ по необходимости долженъ говорить о самомъ себѣ. Да не поставитъ и мнѣ благосклонный читатель въ вину того, что я, не имѣя права на его сочувствіе къ себѣ, иногда принужденъ буду въ моихъ воспоминаніяхъ выставить свою личность. Это неизбежно. Въ лицѣ моемъ я изображаю только кадета давнопрошедшаго времени, со всею тогдашнею корпусною обстановкою.

Въ 1815 году мнѣ минуло десять лѣтъ. Въ это время я воспитывался, съ восьмилѣтняго возраста, въ извѣстномъ тогда петербургскомъ пансіонѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника О. Д. Иванова. Наступилъ юнь — мѣсяцъ пріятный для всѣхъ вообще, а для питомцевъ учебныхъ заведеній въ особенности. У насъ оканчивались годичные экзамены, а за ними въ очаровательной перспективѣ представлялись намъ и безконечныя каникулы. Однажды, послѣ обѣда, мы сидѣли отдѣльными группами въ нашемъ саду и весело сообщали другъ другу свои предположенія.... Я тоже фантазировалъ: мечталъ о томъ, съ какимъ наслажденіемъ проведу цѣлые два мѣсяца въ любимомъ моемъ Царскомъ Селѣ, гдѣ всегда лѣтомъ жили мои родители. Вдругъ мечты мои мигомъ разлетѣлись, когда принесли мнѣ письмо отъ моего отца, который, по службѣ своей при дворѣ, находился въ то время за границею въ свитѣ Императрицы Елисаветы Алексѣевны. Отецъ мой писалъ ко мнѣ, что государыня удостоила меня назначить своимъ пансіонеромъ для опредѣленія въ

горный кадетскій корпусъ, и что въ скоромъ времени меня потребуютъ туда на экзаменъ. — «Займись какъ можно прилежнѣе на каникулахъ, — писалъ мнѣ отецъ, — приготовься къ строгому испытанію; ты долженъ выдержать экзаменъ такъ, чтобы тебѣ не совѣстно было называться пансіонеромъ Императрицы.»

Прощайте, мои милыя каникулы! Прочь всѣ мои дѣтскія игры и забавы! Въ тотъ же день меня взяли изъ пансіона, а дня чрезъ три явились ко мнѣ учителя разныхъ наукъ и языковъ. Съ утра до вечера просиживалъ я съ моими наставниками за уроками, и хотя отъ десятилѣтняго дитяти, особенно по тогдашнему времени, требовалось очень немного, но меня нагружали сверхъ мѣры такую премудростію, которая впору была бы иному пятнадцатилѣтнему гимназисту. Такая усиленная дрессировка продолжалась до тѣхъ поръ, покуда не вызвали меня въ корпусъ.

Въ памятный для меня день, 5-го августа 1815 года, утромъ пріѣхалъ къ намъ начальникъ моего отца, генералъ М. А. Посниковъ, котораго я очень любилъ за его ласковое со мною обращеніе, и очень боялся его серьезной, строгой физиономіи.

Генералъ велѣлъ мнѣ одѣться въ лучшее мое платье и ѣхать съ нимъ въ горный корпусъ. Я одѣвался и плакалъ, какъ обыкновенно плачетъ дитя, оставляющее домъ родительскій. Между тѣмъ пришелъ священникъ съ причтомъ и отслужилъ для меня молебенъ. Усердно помолясь Богу и слезно простившись съ своими домашними, я сѣлъ съ генераломъ въ его придворную карету, — и мы поѣхали на Васильевскій Островъ, на самый конецъ его, въ 21-ю линію. Тревожно забилося мое сердце, когда увидѣлъ я огромное зданіе, съ фронтономъ, украшеннымъ чернымъ двуглавымъ орломъ, съ великолѣпнымъ крыльцомъ, съ колоннами и статуями. Вотъ и горный корпусъ, гдѣ мнѣ суждено было провести семь лѣтъ невозвратной весны моей жизни.

На крыльцѣ гуляли кадеты; иные сидѣли на широкихъ ступеняхъ лѣстницы; когда подѣхала наша карета, — всѣ встали. Къ генералу Посникову подошелъ дежурный офицеръ, который, узнавъ что я — новопоступающій кадетъ, ободрилъ меня пріятнымъ словомъ и потрепалъ по щекѣ. Мнѣ очень было по сердцу встрѣтить первую ласку, при вступленіи въ корпусъ. Этотъ офицеръ былъ Петръ Богдановичъ Сукни; онъ проводилъ насъ къ командиру корпуса Петру Федоровичу Ильману. Лакей пошелъ докладывать ему о нашемъ прибытіи. Мы остались въ залѣ. Вскорѣ вышелъ къ намъ господинъ невысокаго роста, пожилыхъ лѣтъ въ синемъ фракѣ, съ крестомъ на шеѣ; на полномъ здоровомъ лицѣ его такъ и выражалось: «милости просимъ, добро пожаловать, очень радъ.» — Вотъ и начальникъ твой, сказалъ генералъ. Я ожилъ и раскланялся.

Когда, послѣ обычныхъ привѣтствій, командиръ пригласилъ генерала Посникова въ гостиную, а меня обнялъ и, взявъ за руку, повелъ туда же, то и послѣдній мой страхъ разсѣялся. Я смѣло отвѣчалъ на все распросы моего начальника. — «Ну, теперь надобно приняться за экзамень», — сказалъ онъ. Я было опять струхнулъ, но тотчасъ же и успокоился. Командиръ самъ проэкзаменовалъ меня: заставилъ прочитать страничку по-русски, столько же по-французски и по-нѣмецки; написать съ книги нѣсколько строкъ на этихъ языкахъ, спросилъ таблицу умноженія, задалъ изъ немногихъ цифръ дѣленіе, провѣрилъ задачу и объявилъ, что экзамень выдержанъ мною, какъ нельзя лучше.

— Я знаю еще катехизисъ, исторію, географію, говорю я командиру, навязываясь на продолженіе испытанія.

— И прекрасно, отвѣтилъ онъ: — все это пригодится впередъ, а теперь, для перваго нижняго класса, и этого довольно.

— Для перваго нижняго? Какъ же это такъ?... возразилъ я обиженнымъ тономъ: — да я въ пансіонѣ былъ въ первомъ верхнемъ, и меня за отличіе перевели черезъ классъ, изъ перваго нижняго прямо въ первый верхній, да еще дали въ награду книгу!

Командиръ засмѣялся, а мнѣ было не до смѣха: меня прошибали слезы.

Мнѣ растолковали, что горный корпусъ не пансіонъ, что въ корпусѣ девять классовъ: три нижнихъ, четыре среднихъ и два верхнихъ, и чтобы дойти до перваго верхняго, надобно дѣлать семь лѣтъ прилежно и успѣшно учиться.

Петръ Федоровичъ объяснилъ генералу Посникову, что общій пріемъ въ корпусъ давно уже конченъ, все вакансіи замѣщены, и я принять сверхъ комплекта, по особому распоряженію министра, изъ уваженія къ волѣ Императрицы, и что, по возрасту моему, я не иначе могу поступить, какъ въ самый младшій классъ.

Такое объясненіе не совсѣмъ успокоило меня. Такъ это-то *строгий* экзамень, — разсуждалъ я самъ съ собою: — да я всю эту премудрость зналъ уже два года тому назадъ. За что же меня промучили все лѣто? За что же даромъ пропали мои дорогія канікулы?

По случаю праздника Преображенія Господня, командиръ отпустилъ меня домой на два дня.

Неутѣшительное вознагражденіе за потерянные два мѣсяца канікулы!

На третій день явился я опять въ корпусъ и былъ представленъ командиру, какъ уже настоящій кадетъ, только въ партикулярномъ платьѣ....

Петръ Ѳедоровичъ Ильманъ опять обласкалъ меня, далъ наставленіе, какъ вести себя, и затѣмъ повелъ меня въ такъ называвшіяся у насъ *комнаты*, кадетскія спальни, бывшія рядомъ съ его квартирою, и поручилъ меня надзору унтеръ-офицера, или старшаго 4-ой комнаты г. Аносова, который назначилъ мнѣ постель и шкафъ для моихъ вещей.

Потомъ командиръ привелъ меня въ первый нижній классъ, гдѣ въ это время былъ урокъ французскаго языка, отрекомендовалъ меня учителю, г. Планеру, посадилъ за второй столъ и предоставилъ мнѣ самому выбирать себѣ друзей и пріятелей изъ моихъ новыхъ товарищей. И вотъ наконецъ мое формальное вступленіе въ число кадетъ горнаго корпуса!

Сначала я думалъ, что мнѣ въ этомъ классѣ нечего будетъ дѣлать,—такъ я былъ увѣренъ въ своей учености; но не тутъ-то было. Задали мнѣ урокъ изъ катехизиса; смотрю—катехизисъ не тотъ, по которому меня прежде учили; тотъ былъ пространный, а этотъ краткій; даютъ русскую, или, какъ тогда называли, — *россійскую* грамматику — опять не та; французская — не та, нѣмецкая — тоже, ариметика — другая, исторія — незнакомая, географія — тоже; однимъ словомъ, всѣ учебныя книги, которыми снабдили меня въ классѣ, были мнѣ совершенно чужды. А такъ какъ мое предыдущее ученіе было все рассчитано только на память, а не на разсудокъ, то мнѣ и пришлось учиться снова.

По окончаніи перваго урока, меня окружили новые мои товарищи; тутъ начался обычный обрядъ рукопожатія, и стало завязываться между нами знакомство. Всѣ были очень вѣжливы, услужливы и общительны. Такая любезность и обходительность со мною товарищей разогнали мою грусть, которая обыкновенно закрадывается въ сердце новичка.... Мнѣ стало какъ-то весело и легко на душѣ.

Утренніе уроки кончились. Позвонили для выхода изъ классовъ. Кадеты шумно, съ книгами и аспидными досками, побѣжали въ спальныя комнаты — прятать по комодамъ и шкафамъ свои учебныя пособія, и потомъ спѣшили въ умывальную мыть—руки и приводить въ порядокъ свой туалетъ.

Я остался одинъ въ умывальной. Ко мнѣ подошелъ кадетъ изъ чужаго класса, довольно высокаго роста, толстый, плотный, лѣтъ пятнадцати, и спросилъ у меня.

— Какъ ваша фамилія?

Я сказалъ.

— Откуда вы взялись?

— Какъ, откуда?

— Ну, — изъ Перми, изъ Томска, изъ Иркутска, что ли?

— Нѣтъ, я здѣшній, петербургскій.

— А когда вы поступили къ намъ?

— Только сегодня.

— Жаль мнѣ васъ.

— Отчего же вамъ меня жаль?

— Оттого, что вы поступили въ понедѣльникъ.

— Такъ чтожь?

— Васъ, вѣрно, еще не били?

— Никакъ нѣтъ-съ. А развѣ у васъ бьютъ того, кто поступить въ корпусъ въ понедѣльникъ?

— Непремѣнно; вотъ вы увидите, какъ васъ поколотятъ.

— Да за чтоже это? спросилъ я самымъ плачевнымъ голосомъ.

— Ужь это такъ у насъ заведено. А вы еще не смазаны?

— Какъ, не смазанъ?

— Вы и этого не знаете? А вотъ я первый васъ смажу.

И шалуны взявъ меня одною рукою за воротникъ, а другою провелъ мнѣ по лицу, отъ лба до подбородка включительно.

— Вотъ что значитъ смазка. Понимаете теперь? сказалъ онъ поучительнымъ тономъ.

— Понимаю-съ. Позвольте узнать вашу фамилію....

— Моя фамилія претрудная, вамъ ее и не запомнить.

— У меня хорошая память, не забуду.

— Я Семпоподомичеловерсалофитиривериковскій.

Я засмѣялся.

— Что вы смѣетесь?

— Да у васъ такая смѣшная фамилія.

— Какъ вы смѣете называть мою фамилію смѣшною?

— Она ужасно длинная.

— Прошу не называть моеѣ фамиліи длинною. Я шутить не люблю.

— Ну, хорошо, г. Вериковскій, пойдемте обѣдать.

— Какъ вы смѣете сокращать мою фамилію? Помните — понедѣльникъ! съ гнѣвомъ сказалъ неотвязчивый кадетъ, показавъ мнѣ кулакъ.

— Да Богъ васъ знаетъ, настоящая ли это ваша фамилія.

— Такъ я развѣ самъ ее выдумалъ?

— Я думаю — такъ.

— Вы смѣете мнѣ не вѣрить? Развѣ я обманщикъ? За это я отдую васъ....

Тутъ позвонили къ обѣду, и мы оба побѣжали строиться въ свое отдѣленіе.

Въ тотъ же день я узналъ, что г. Семпополомъ... и проч. былъ мой однофамилецъ, и что обычай бить новичковъ, поступившихъ въ корпусъ въ понедѣльникъ, вовсе не существуетъ; одна только смазка была дѣйствительно въ употребленіи: ко всякому новичку подходили старые кадеты, — разумеется, изъ бойкихъ, — и производили надъ лицомъ его испытанное мною дѣйствіе.

Мы построились въ спальняхъ въ два ряда, приготовляясь идти къ обѣду. Я былъ послѣднимъ въ ранжирѣ. Дежурный унтеръ-офицеръ, или старшій, отдѣляя кадетъ по восьми паръ, говорилъ намъ: «помните же, это первый столъ, это второй, это третій» — и такъ далѣе. Кончивъ свой расчетъ, онъ скомандовалъ: «безъ разговоровъ! идти смирно» — и повелъ насъ въ столовую залу. Одинъ изъ кадетъ прочиталъ молитву, послѣ чего мы сѣли за столъ. Намъ подали супъ, потомъ студень и наконецъ пирогъ съ кашей. Эти кушанья мнѣ не понравились: нехорошо были изготовлены. Въ другіе дни обѣдъ былъ лучше, особливо когда подавали намъ вкусныя щи, сытное жаркое изъ говядины, жирную гречневую кашу, пироги съ говядиной, кольца, пышки и другія пирожныя. Помнится мнѣ одно несчастное, отверженное всѣми блюдо за ужиномъ, — это «размазня», которую почти никто никогда не ѣлъ, и служители уносили обратно непочатыя миски съ этимъ кушаньемъ. Несмотря на то, насъ не переставили угощать размазней нѣсколько лѣтъ сряду по вторникамъ.

Послѣ обѣда — иные кадеты пошли гулять на крыльцо, а другіе отправились въ свои спальни.

Наши спальныя камеры, которыя, какъ я уже сказалъ, у насъ назывались просто *комнатами*, въ мое время составляли два отдѣленія (впослѣдствіи прибавлено третье — для малолѣтнихъ). Первое, или старшее, помѣщалось въ верхнемъ этажѣ, рядомъ съ квартирою директора, а второе отдѣленіе находилось внизу — возлѣ квартиры командира. Первое отдѣленіе назначено было для взрослыхъ кадетъ разныхъ классовъ, а второе для среднихъ и малолѣтнихъ. Комнаты были различной величины, и большія, въ четыре окна, и малыя — въ одно окно, вовсе не приспособленныя къ своему назначенію. Дикаго цвѣта стѣны, желтые крашеные полы, на окнахъ множество горшковъ съ цвѣтами, въ вѣшахъ оконъ клѣтки съ канарейками, чижами, свириями и другими птицами, которыя своимъ пѣньемъ часто мѣшали намъ заниматься уроками. По комнатамъ бродили разныхъ породъ собаки, проживавшія въ корпусѣ на иждивеніи кадетъ — любителей псовъ. — Желѣзныя кровати съ двумя тюфяками, одинъ набитый волосомъ, а другой — внизу соломяный; на каждой крова-

ти по двѣ мягкія перьяныя подушки; одѣяло зимой полосатое байковое, лѣтомъ выбойчатое или бѣлое тканьеовое; постельное бѣлье толстое, но довольно чистое. Кровати стояли безъ всякой приличной дистанціи, а такъ, — какъ ни попало, лишь бы только болѣе могло ихъ помѣститься въ одной комнатѣ. Мебель дозволялось имѣть всякому свою, какую кому угодно, а потому и было удивительное разнообразіе. Стояли и шкапы разныхъ фасоновъ, и комоды и шифоньерки разнаго дерева и цвѣта; изъ-подъ кроватей выглядывали разные сундуки, шкатулки и баулы. Была и казенная мебель въ нашихъ спальняхъ: большіе столы для занятій, шкапники для книгъ и платья, и табуреты; всѣ эти казенныя вещи выкрашены были темнозеленою краскою и представляли рѣзкую дисгармонію съ прочею мебелью краснаго и желтаго дерева.

Ночью спальныя камеры освѣщались какою-то глиняною лампою, съ коноплянымъ масломъ, которую ставили на табуретъ, посрединѣ комнаты. Отъ этихъ допотопныхъ лампъ была у насъ страшная копоть, нестерпимый смрадъ и вредный для головы чадъ. Потомъ стали освѣщать ночью комнаты сальными свѣчами, опущенными въ длинный жестяной подсвѣчникъ, наполненный водою. Нынѣшнихъ аргентовыхъ лампъ тогда не было еще и въ поминѣ. Случалось, что среди ночи огонь погасалъ, или шалуны нарочно его тушили, и мы оставались въ совершенной темнотѣ. Дежурные офицеры ночью не ходили по нашимъ спальнямъ, а спокойно спали въ своей дежурной комнатѣ на мягкой постели. Дневальные тоже спали сномъ безмятежнымъ. Во всѣхъ спальняхъ поставлены были мышеловки; но несмотря на то, крысы и мыши свободно бѣгали по комнатамъ и нерѣдко портили у насъ одежду и книги.

Вседневная одежда наша въ корпусѣ была очень некрасива и неудобна: однобортный сюртукъ до колѣнъ, изъ самаго толстаго сѣраго сукна, съ чернымъ сукопнымъ воротникомъ, съ сукопными подъ цвѣтъ сюртука пуговицами; сѣрый жилетъ, черный сукопный галстухъ; короткіе сѣрые штаны, завязывавшіеся у колѣнъ черными тесемками; бѣлые нитяные чулки и башмаки, въ родѣ калошъ, безъ ушковъ. Были у насъ и настоящіе башмаки, но ихъ выдавали намъ только для танцевальнаго класса.

Нашу парадную форму, до 1817 года, составляли: синій однобортный мундиръ съ длинными фалдами, съ мѣдными гладкими пуговицами; воротникъ и обшлага черныя сукопныя, съ красною выпушкою; бѣлыя сукопныя панталоны; сапоги, далеко не доходившіе до колѣнъ, сверхъ панталонъ; высокая, огромная трехугольная шляпа, съ кокардою изъ черной ленты съ ранжевою каймою, вмѣсто по-

зументной петлицы — черный шнурокъ съ пуговицею, кисточки пестрыя гарусныя; длинный тесакъ въ желтыхъ кожаныхъ ножнахъ, съ гаруснымъ темлякомъ; тесакъ носили на широкой бѣлой портупей вокругъ талии. Шинели хотя и были положены форменныя, сѣрыя, офицерскаго покроя, съ чернымъ воротникомъ, но кадетамъ ихъ не выдавали, да, кажется, и совсѣмъ ихъ не шили, а дозволялось каждому носить свою шинель, какую угодно.

Можно представить себѣ, что за маскарадъ бывалъ у насъ по субботамъ, или вообще — при роспускѣ кадетъ домой. Иные надѣвали, при полной формѣ, гороховую шинель съ множествомъ воротниковъ, другіе были въ синихъ, коричневыхъ, зеленыхъ шинеляхъ, въ долгополыхъ сюртукахъ, въ шубахъ, бекешахъ и т. п.

Кто имѣлъ средства, тотъ носилъ свой собственный мундиръ со всѣми принадлежностями. Тутъ уже совсѣмъ отступали отъ установленной формы. Мундиръ шили изъ тонкаго сукна, воротникъ и обшлага дѣлали бархатные, пуговицы имѣли золоченыя; вмѣсто короткихъ сапогъ, надѣвали высокіе ботфорты — генеральскіе или кирасирскіе, всякъ по своему вкусу. Шляпу носили офицерскую съ серебряною кокардою, съ золотою петлицею и серебряными кистями; шинель съ чернымъ бархатнымъ воротникомъ; тесака при этой формѣ не надѣвали. Такой нарядъ былъ очень красивъ и отличался отъ формы горныхъ офицеровъ только тѣмъ, что у нихъ было на воротникѣ и обшлагахъ золотое шитье.

Намъ дозволялось, по произволу, ходить въ шляпѣ или въ фуражкѣ. Шляпы носили — кто по формѣ, кто съ полями, кому какъ нравилось.

Въ 1817 году, при вступленіи въ должность директора Евграфа Ильича Мечникова, произошли большія перемѣны и усовершенствованія по всѣмъ частямъ корпуса; измѣнилась тогда и форма нашего мундира. Съ этого времени кадеты приняли какой-то воинственный видъ въ новой своей формѣ. Тогда принялись за нашу выправку; стали учить, какъ останавливаться во фронтъ; намъ строго приказано было отдавать эту воинскую честь императорской фамилии, генераламъ, высшимъ гражданскимъ чинамъ, (если мы замѣтимъ у нихъ звѣзды), нашимъ корпуснымъ начальникамъ, дежурнымъ офицерамъ и учителямъ.

Много было хлопотъ и возни съ нами при новой формѣ. Неумѣвшихъ держать себя прилично, по военному, и дѣлать фронта, не отпускали изъ корпуса до тѣхъ поръ, покуда не научились этому, — кажется, не мудреному дѣлу. У иныхъ, привыкшихъ снимать прежнюю шляпу, рука невольно поднималась къ козырьку кивера; другіе, готовясь стать во фронтъ, сѣменили ногами, и остановясь въ

должную позицію, представляли собою жалкую натянутую фигуру. Наконецъ мы мало по малу ко всему привыкли и смотрѣли молодцами.

До преобразованія нашей прежней формы, насъ отпускали изъ корпуса домой съ провожатыми, какіе бы они ни были, если только дѣйствительно присланы отъ родителей или родныхъ и знакомыхъ, и потому многихъ кадетъ сопровождали домой няньки, кухарки и горничныя; но, съ установленіемъ новой формы, начальство распорядилось увольнять насъ изъ корпуса не иначе, какъ только съ *личнымъ* провожатымъ, и съ этихъ поръ прекрасный полъ изъ низшаго сословія потерялъ право сопровождать насъ на улицахъ.

Какъ бывало намъ обидно и оскорбительно для кадетскаго самолюбія, когда встрѣтившійся съ нами генераль или гражданскій сановникъ не замѣчалъ нашего фронта предъ нимъ, или не отвѣчалъ намъ на эту честь, которая стоила многимъ изъ насъ большаго труда и разныхъ лишеній въ корпусѣ. — Помню, какъ огорчилъ меня одинъ суровый, угрюмый генераль. Лѣтомъ, въ 1817 году, прогуливаясь въ великолѣпномъ царскосельскомъ саду, я встрѣтилъ тамъ артиллерійскаго генерала, невысокаго роста, худощаваго, съ мрачнымъ выраженіемъ въ лицѣ. Я слѣбалъ ему самый ловкій фронтъ, — а онъ взглянулъ на меня пресердито, изподлюбя, нахмурилъ брови, и прошелъ мимо, безъ вниманія ко мнѣ, какъ будто предъ нимъ стояла какая нибудь статуя. Мнѣ досадно стало. Я пошелъ въ другую аллею, и тамъ вскорѣ увидѣлъ Императора Александра Павловича, съ тѣмъ же самымъ генераломъ. Я пошелъ ему на встрѣчу, и за нѣсколько шаговъ остановился во фронтъ, не сводя глазъ съ Государя. Его Величество пристально поглядѣлъ на меня, приложилъ руку къ козырьку своей бѣлой фуражки, слегка поклонился и улынулся.

Тотъ непривѣтливый генераль, какъ я узналъ послѣ, былъ графъ Аракчеевъ.

Наша кадетская жизнь заключалась большею частію въ спальняхъ комнатахъ. Тамъ мы, возставъ отъ сна и отходя ко сну, молились, завтракали, повторяли свои уроки; въ худую погоду, за неимѣніемъ рекреационныхъ залъ, бѣгали, играли, гдѣ было попросторнѣе; тамъ мы принимали своихъ родителей, родныхъ и знакомыхъ, навѣщавшихъ насъ; угощали другъ друга, чѣмъ были богаты; тамъ устраивали театры и кадетскіе танцевальныя вечера.

Въ спальняхъ комнатахъ втораго отдѣленія, гдѣ находился я, размѣщали кадетъ не по классамъ, не по возрасту и даже не по росту, а такъ, какъ придется. Тутъ были и десятилѣтніе малютки са-

маго младшаго класса и пятнадцатилѣтніе отроки среднихъ классовъ, и наконецъ двадцатилѣтніе юноши, окончивавшіе курсъ наукъ. Поэтому у насъ было три ранжира: комнатный, отдѣленный и корпусной, или общій. По первому ранжиру мы строились въ своихъ спальняхъ на молитву, для смотра и для полученія завтрака; по второму становились, когда шли въ классы или въ столовый залъ, а по общему ранжиру размѣщали насъ, когда вели въ церковь.

Въ каждой спальней комнатѣ былъ *старшій и подстаршій*. Старшіе назначались изъ унтеръ-офицеровъ высшаго или втораго верхняго класса, а помощники ихъ, или подстаршіе, изъ перваго верхняго, а иногда за большое отличіе и изъ четвертаго средняго класса. Обязанность старшихъ была — смотрѣть за поведеніемъ, нравственностію, опрятностію и прилежаніемъ младшихъ, и вообще наблюдать за порядкомъ и чистотою въ комнатахъ.

Къ старшимъ мы обращались за совѣтами въ разныхъ случаяхъ кадетской жизни; они облегчали нашъ трудъ при занятіяхъ уроками, объясняя намъ то, чего мы не понимали; они разбирали наши жалобы и ссоры, утѣшали въ нашихъ огорченіяхъ, ободряли ласковымъ словомъ прилежныхъ и послушныхъ и взыскивали съ лѣнивыхъ и шалуновъ. Старшіе были для насъ ближними воспитателями и наставниками. Начальство корпуса и дежурные офицеры, рѣдко посѣщая комнаты кадетъ, не могли такъ хорошо знать насъ во всѣхъ отношеніяхъ, какъ старшіе, у которыхъ мы всегда были передъ глазами. Они вели свой журналъ о поведеніи, характерѣ, нравственныхъ качествахъ и прилежаніи своихъ младшихъ братій-кадетъ, и замѣчанія свои представляли каждый мѣсяцъ начальству.

У насъ было нѣчто похожее на самоуправленіе—*self-government*, — подобное тому, какое существуетъ понынѣ въ англійскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Старшихъ мы любили, уважали и боялись. Когда они подходили къ намъ, мы вставали; при встрѣчѣ съ ними на улицахъ — отдавали имъ честь, какъ своимъ начальникамъ; называли ихъ по имени и отчеству. Унтеръ-офицеры или старшіе дежурили поочередно по своимъ отдѣленіямъ, и въ этомъ случаѣ помогали дежурнымъ офицерамъ. Официальный знакъ, по которому можно было узнать дежурнаго старшаго, состоялъ въ томъ, что онъ, при обыкновенной будничной одеждѣ, т. е. при сѣромъ сюртукѣ, имѣлъ трехъ-угольную шляпу. Вообще старшіе въ своей вседневной одеждѣ ничѣмъ не отличались отъ младшихъ кадетъ; только на мундирѣ унтеръ-офицеры имѣли нашивки изъ золотаго галуна на воротникѣ и обшлагахъ.

Но какъ въ семьѣ не безъ урода, такъ и въ нашей большой корпусной семьѣ случалось намъ видѣть, хотя, къ счастью, весьма рѣд-

ко, такихъ старшихъ, которые употребляли во зло дарованныя имъ отличія и власть. Они безнаказанно пользовались правомъ сильного, какъ турецкіе паши; безсовѣстно притѣснили младшихъ братьевъ своихъ, которые принуждены были смягчать каменное сердце своего деспота разными приношеніями.

Эти грозные паши вооружались двухъ-аршинною линейкою, (служившею имъ для черченія плановъ), и за малѣйшую вину кадета отсчитывали ему полновѣсные удары, или, привязавшись къ какойнибудь ничтожной неисправности малолѣтка, оставляли его безъ обѣда или безъ послѣдняго блюда — и сами тѣмъ пользовались.

Несетъ, бывало, кадетикъ мимо такого свирѣпаго деспота стаканъ сбитню къ себѣ въ комнату. — «Стой!» раздается басистый голосъ: «куда? для кого?»

— Для себя-съ, отвѣчаетъ трепещущій кадетъ.

— Вздоръ! тебѣ не нужно, — поставь сюда, — и убирайся!

Нечего дѣлать, надо повиноваться; противорѣчить опасно: въ углу, за кроватью этого хищника выглядываетъ страшное двухъ-аршинное пугало.

— Эй! мальчуганъ! — восклицаетъ гордый властелинъ, обращаясь къ самому смирному, безотвѣтному кадету: — завтра я иду со двора, — вычисти хорошенько мои ботфорты; да смотри у меня, чтобы они, какъ жаръ, горѣли.

— Слушаю-съ.

И вотъ бѣдный мальчуганъ, самъ ростомъ не больше ботфорты, вакситъ и полируетъ изо всѣхъ ребячьихъ силъ огромныя сапожищи своего жестокосердаго патрона.

Другому кадету онъ поручаетъ вычистить мѣломъ или кирпичемъ пуговицы на своемъ мундирѣ.

По малому числу служителей въ нашихъ спальняхъ камерахъ, мы сами заботились объ опрятности нашей аммуниціи; но чистку ботфортъ поручали служителямъ, которымъ особо платили за ихъ труды и на покупку ваксы.

Наше время распредѣлялось слѣдующимъ образомъ: въ шесть часовъ утра, (а по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ въ семь часовъ) дневальный служитель ходилъ по спальнямъ съ звонкимъ колоколомъ и будилъ насъ. Пробудясь, мы обыкновенно опять засыпали, и дневальный снова трезвонилъ, до тѣхъ поръ, пока всѣ кадеты не встанутъ. Затѣмъ проходилъ по комнатамъ дежурный старшій, и если замѣчалъ спящихъ, то сдергивалъ съ нихъ одѣяло, или оставлялъ такихъ нѣженковъ безъ завтрака. Послѣ умыванья мы строились въ своихъ дортуарахъ; паши старшіе или помощники ихъ осматривали у насъ руки, прическу и одежду. Надобно замѣтить,

что мы носили довольно длинные волосы; многіе даже взбивали себя хохлы. — Послѣ смотра приходилъ дежурный офицеръ, въ сопровожденіи служителя съ огромною корзиною, наполненною ситнымъ хлѣбомъ, приказывалъ очередному кадету читать молитву, и потомъ намъ раздавали хлѣбъ. У кого водились деньги, тотъ пилъ молоко, сливки или отправлялся въ швейцарскую къ сбитеньщику — пить сбитень. Тутъ всегда бывала страшная толкотня: всякому хотѣлось скорѣе получить стаканъ горячаго сбитню съ мягкими булками или свѣжими сухарями. Нашъ сбитеньщикъ Силантычъ, котораго мы звали своимъ кормильцемъ, былъ настоящимъ типомъ русской простонародной красоты: высокій, полный, съ бѣлымъ чистымъ лицомъ, здоровымъ румянцемъ; темнорусые волосы и окладистая борода, большіе, прехитрые и пронзательные глаза, которые, казалось, такъ и говорили: «не надуετε меня, господа.»

Послѣ приготовленія къ утреннимъ урокамъ, въ восемь часовъ, мы брали свои книги и тетради, строились во всю длину нашихъ комнатъ, по отдѣленному ранжиру, и отправлялись въ классы. Ученіе продолжалось утромъ съ 8 до 12 и послѣ обѣда — съ 2 до 6 часовъ, каждый урокъ по два часа; въ промежуткахъ давали по 10 или 15 минутъ для отдыха. По средамъ и субботамъ ученіе въ классахъ было только до обѣда. Въ эти дни съ 2 до 6 часовъ танцевали, маршировали, учились пѣнію и музыкѣ; по средамъ, сверхъ того, ходили въ баню.

Обѣдали въ половинѣ перваго, ужинали въ восемь часовъ и ложились спать въ десять.

Для свиданія кадетъ съ родственниками и знакомыми, назначена была среда, послѣ обѣда; но для родителей не было опредѣленнаго для того дня: отецъ и мать могли видѣть дѣтей своихъ во всякое время.

По субботамъ, послѣ танцевальнаго класса и вообще наканунѣ праздниковъ, отпускали насъ съ 6 часовъ вечера по домамъ. Возвращались мы по воскресеньямъ въ 9 часовъ вечера. Впрочемъ, по разнымъ домашнимъ событіямъ или обстоятельствамъ, дозволялось оставаться дома и позже, и даже до утра слѣдующаго дня послѣ праздника.

Кадеты, оставшіеся въ корпусѣ, ходили ко всенощной, но только по собственному своему желанію. Никого молиться не принуждали, — и несмотря на такую свободу, у всенощной всегда было много молебщиковъ — кадетъ. Иной едва лишь успѣетъ выйти изъ танцевальнаго класса и переодѣться — и уже спѣшитъ въ церковь, гдѣ молится усердно или поетъ на клиросѣ. Тутъ нельзя было подозревать въ лицемѣріи, или фарисействѣ: на то была добрая воля.

На первой недѣлѣ великаго поста, насъ отпускали домой говѣть съ нашими родителями или родными, и обязывали каждаго отпускаемаго кадета представить, при возвращеніи въ корпусъ, свидѣтельство въ томъ, что онъ дѣйствительно былъ на исповѣди и пріобщался Святыхъ Таинъ. Неисполнившіе этого постановленія должны были говѣть въ корпусѣ на страстной недѣлѣ.

Въ мое время у насъ было девять классовъ, какъ я уже упомянулъ: 1-й, 2-й и 3-й нижніе, 1-й, 2-й, 3-й и 4-й средніе и 1-й и 2-й верхніе. Въ нижнихъ классахъ было до 40 и болѣе кадетъ, въ среднихъ 30 — 35, а въ верхнихъ 20 — 25. Въ послѣдствіи, при увеличившимся числѣ учащихся, нижніе классы подраздѣлены были на отдѣленія. Классы находились въ разныхъ мѣстахъ; высшіе и средніе — въ верхнемъ этажѣ, а младшіе — внизу. Классные столы, съ ящиками или конторками, и скамьи, окрашенныя темнозеленою краскою, были изрѣзаны и испещрены именами кадетъ; грязныя стѣны исписаны кадетскими остротами; на потолокъ висѣли кораблики, чортики и другія издѣлія досужихъ шалуновъ. Несмотря на то, что ежегодно, во время каникулъ, перекрашивали всѣ стѣны, вандализмъ кадетъ все портилъ: вездѣ на стѣнахъ рисовали разныя фигуры и писали всякій вздоръ. Наказывали за эти шалости, и очень строго, но все-таки шалуны не унимались.

При началѣ учебнаго курса, обыкновенно въ первыхъ числахъ августа, кадетамъ раздавали классныя книги, по одному экземпляру на двухъ и даже на трехъ. Эти книги болѣею частію были въ самомъ жалкомъ видѣ: испачканныя, съ вырванными листами и обезображенныя иллюстраціями кадетской работы. Иныя изъ книгъ, судя по исписаннымъ на нихъ фамиліямъ кадетъ, давно уже выпущенныхъ изъ корпуса, служили для употребленія болѣе десяти лѣтъ. По окончаніи годичныхъ экзаменовъ, учебныя пособія у кадетъ отбирали; за потерянные книги и за другія утраченныя казенныя вещи кадеты должны были расплачиваться при выпускѣ или при увольненіи ихъ изъ корпуса.

Отъ недостатка учебныхъ пособій мы много терпѣли. Кто имѣлъ возможность, тотъ покупалъ книги на свой счетъ; но кто былъ не въ состояніи пользоваться этимъ благомъ, тотъ подвергался большимъ непріятностямъ. Зададутъ урокъ, — начнешь его учить, товарищъ торопитъ — ему также нужна эта самая книга; или примешься съ большимъ усердіемъ за книгу, ищешь въ ней заданнаго урока — и не находишь: страницы вырваны. Учитель спрашиваетъ урокъ, говоришь ему: не по чему было учиться, нѣтъ свободной книги; иной снисходительный наставникъ приметъ это обстоятельство въ уваженіе и отложитъ спрашиваніе до слѣдующаго раза, а

другой, вовсе не снисходительный, знать ничего не хочетъ, записываетъ кадета за лѣньность въ свой журналъ, и бѣднякъ, не доставившій книги для повторенія урока, подвергается наказанію!...

Перваго числа каждаго мѣсяца намъ раздавали бумагу, перья, грифеля и проч. Въ нижнихъ классахъ давали бумагу въ тетрадахъ, а въ среднихъ и верхнихъ — въ листахъ. Бумага была синяя и грубая. Для рисованія выдавались красные карандаши безъ дерева, а для вытиранія промаховъ въ рисовкѣ приносили намъ мягкій бѣлый хлѣбъ, который мы обыкновенно съѣдали. Бумага и перья составляли у насъ предметъ мѣновой кадетской торговли. Мы обмѣнивали ихъ на пироги за обѣдомъ, на булки за завтракомъ.

Начальство корпуса составляли: директоръ (*), командиръ, инспекторъ классовъ и маркшейдеръ, называвшійся прежде гофмейстеромъ, завѣдывавшій воспитательною частію.

Директоромъ въ это время (1815 — 1817 г.) былъ оберъ-бергъ-гауптманъ 4 класса Андрей Ѳеодоровичъ Дерябинъ, извѣстный своими заслугами по горной части. Болѣзненное состояніе его часто препятствовало ему посѣщать корпусъ, а потому мы мало его знали. Старые кадеты рассказывали о немъ много добраго и любили его за кроткій нравъ и обходительность.

Командиръ, оберъ-бергъ-гауптманъ 5-го класса (впослѣдствіи 4-го) Петръ Ѳеодоровичъ Ильманъ, съ которымъ я уже нѣсколько познакомилъ читателя, завѣдывалъ всѣми частями корпуса. Онъ также приобрѣлъ извѣстность своими глубокими познаніями въ горномъ дѣлѣ. Петръ Ѳеодоровичъ очень любилъ кадетъ и обращался съ ними, какъ строгій отецъ съ своими дѣтьми; входилъ съ горячимъ участіемъ въ наше положеніе, помогалъ намъ въ разныхъ случаяхъ и словомъ и дѣломъ.

Присутствуя однажды у насъ въ классѣ, въ то самое время, какъ я стоялъ у классной доски и ломалъ себѣ голову надъ мудреною ариѳметическою задачею, командиръ замѣтилъ мое затрудненіе и снисходительно началъ объяснять мнѣ, какъ легче и вѣрнѣе рѣшить эту задачу. Математика всегда была для меня камнемъ преткновенія, а тутъ еще, на бѣду, я былъ нѣсколько времени боленъ и отсталъ отъ своихъ товарищей въ ариѳметикѣ. Учитель объяснилъ это обстоятельство Петру Ѳеодоровичу, и почтенный начальникъ приказалъ мнѣ приходить къ нему по вечерамъ для занятій съ нимъ, и

(*) Директоры горнаго кадетскаго корпуса, до переименованія этого учебнаго заведенія, въ 1834 году, въ институтъ корпуса горныхъ инженеровъ, всегда были и директорами, или управляющими департаментомъ горныхъ и соляныхъ дѣлъ.

самъ, нерѣдко по цѣлому часу, объяснялъ мнѣ дроби, пропорціи и другія правила ариметики. Всегда спокойно и терпѣливо выслушивалъ урокъ мой, иногда не совсѣмъ исправный, и до тѣхъ поръ продолжалъ со мною заниматься, покуда я совершенно не сравнялся въ познаніяхъ съ моими товарищами.

Лаская прилежныхъ и благоправныхъ кадетъ, П. О. Ильманъ часто приглашалъ ихъ къ себѣ пить чай и угощалъ разными лакомствами; но лѣнивымъ и шалунамъ порядочно отъ него доставалось: больно пощипалъ ихъ почтеннѣйшій Петръ Оедоровичъ. Маленькихъ шалуновъ призывалъ онъ къ себѣ вечеромъ, будто пить чай, а на самомъ дѣлѣ угощалъ ихъ келейно свѣжими розгами. Бывало, — является къ намъ въ спальную комнату длинный, сухощавый лакей командира и громогласно возвѣщаетъ: «его превосходительство приказалъ позвать такого-то господина кадета кушать чай, — пожалуйста». И вотъ такой-то господинъ кадетъ, поименованный лакеемъ, приходитъ въ сильное тревоженіе, обдумываетъ, пѣтъ ли за нимъ какихъ грѣшковъ, и, чувствуя себя не совсѣмъ чистымъ, говоритъ сквозь слезы своимъ товарищамъ: «я, братцы, знаю, какой мнѣ тамъ будетъ чай». Потомъ причесывается, оправляется, застегиваетъ сюртукъ на все пуговицы и, перекрестясь, идетъ къ отцу-командиру. Иногда и ошибался струхнувшій гость: его точно приглашали пить чай или звали для свиданія съ его родственниками, пріѣхавшими къ Петру Оедоровичу. Возвратившагося отъ него кадета тотчасъ окружали товарищи и спрашивали: «ну, какимъ тебя тамъ чаемъ угощали: китайскимъ или березовымъ?»

Послѣ Петра Оедоровича Ильмана командиромъ у насъ былъ Петръ Ивановичъ Медеръ, начальникъ добрѣйшей души, ласковый, обходительный, человѣкъ ученый и превосходно образованный.

Инспекторомъ классовъ, въ мое время, сначала былъ Иванъ Мартиновичъ Штернбергъ, преподававшій намъ въ среднихъ классахъ исторію и географію, а потомъ мѣсто его занялъ извѣстный въ ученомъ мірѣ, краснорѣчивый профессоръ Дмитрій Ивановичъ Соколовъ, бывшій впослѣдствіи генераль-майоромъ корпуса горныхъ инженеровъ.

Должность маркшейдера, или помощника командира по воспитательной части, исправлялъ въ первое время моего пребыванія въ корпусѣ К. О. Г—ъ, человѣкъ суровый, холодный, неумолимый и безпощадный въ жестокихъ наказаніяхъ. Мы никогда не видали улыбки его, никогда не слышали ласковаго слова. Гордый видъ, всегдашняя угрюмость, непривѣтливость этого начальника отталкивали насъ отъ него. Въ наказаніяхъ онъ руководствовался, кажется, кровавыми правилами Дракона: за всякую вину, какъ за большую,

такъ и за малую, сѣкъ безъ милосердія. Всѣхъ замѣченныхъ въ теченіе недѣли въ какой либо шалости или въ нерадѣніи Г—ъ приказывалъ вносить въ такъ называемый *субботній списокъ*. Это была самая злая выдумка, приводившая насъ въ трепетъ. Наступала суббота—и дежурный унтеръ-офицеръ вызывалъ записанныхъ въ этотъ роковой списокъ и отводилъ несчастныхъ цѣлыми десятками на квартиру Г—а, гдѣ раздавались крики, стоны, плачь и скрежетъ зубовъ.

Каково было тому, кто, напримѣръ, провинился въ чемъ нибудь въ понедѣльникъ, ожидать цѣлую недѣлю страшной расправы въ субботу?

Я испыталъ на себѣ такое невыносимое страданіе души. Когда мы ложились спать, то служители отбирали у насъ платье и обувь, требовавшія починки, которую корпусные портные и сапожники исправляли къ утру. Въ одинъ несчастный понедѣльникъ мнѣ дали новые казенные башмаки—калоши; цѣлый день они мучительно жали и рѣзали мнѣ ногу въ самомъ изгибѣ. Чтобы помочь этому неудобству, я хотѣлъ сдѣлать перочиннымъ ножомъ небольшой разрѣзъ посрединѣ башмака и нечаянно разрѣзалъ почти до самого носка. Видя, что самому поправить этой бѣды нельзя, я отдалъ башмакъ служителю отнести въ мастерскую для починки и, нисколько не думая о томъ, что я сдѣлалъ великое преступленіе, какимъ моя неловкость оказалась въ послѣдствіи, легъ въ постель и спокойно заснулъ. На другой день мнѣ дали какой-то старый башмакъ, а испорченный мною представили изъ мастерской на «милостивое» благоусмотрѣніе Г—а.

Другой начальникъ, даже самый строгій, но справедливый, за такое неосторожное обращеніе съ казеннымъ башмакомъ сдѣлалъ бы только выговоръ, и много-что поставилъ бы въ уголъ одиннадцатилѣтняго кадета, а г. Г—ъ записалъ меня въ свой неизбѣжный *субботній списокъ* за *порчу казеннаго имущества*, и только ходатайству дежурныхъ офицеровъ А. Н. Ганнибала и О. О. Шубина я обязанъ былъ освобожденіемъ своимъ отъ ужасной субботней расправы. Г—нъ умиловился, къ удивленію всѣхъ кадетъ, и отдалъ приказаніе не увольнять меня *только* на два воскресенья домой. И эта милость стоила мнѣ много слезъ и дѣтскаго горя, тѣмъ болѣе, что это было первое наказаніе, которому я подвергся со дня поступленія моего въ корпусъ.

Въ одно время съ Г—мъ появился у насъ зубной врачъ Лузгинъ, высокій, толстый, рябой, съ краснымъ широкимъ лицомъ, изрытымъ оспою, съ совиными глазами, огромнымъ ртомъ, — однимъ словомъ—самой страшной наружности, да притомъ еще и съ самыми

грубыми манерами. Каждую субботу онъ осматривалъ у насъ зубы и немилосердно ихъ рвалъ. При появленіи этого террориста насъ билъ лихорадка. Его всегда сопровождала цѣлая свита: дежурный офицеръ, дежурный унтеръ-офицеръ, комнатный старшій, три фельдшера: одинъ несъ ящикъ съ орудіями зубной пытки, другой шелъ съ мѣднымъ тазомъ въ рукахъ и полотенцемъ на плечѣ, третій съ графиномъ воды и сткланкою уксуса; шествіе заключали два рослые, здоровенные солдата, обязанные крѣпко держать сопротивляющуюся жертву Лузгина. Этотъ дантистъ приводилъ насъ въ такой ужасъ, что многіе, даже съ здоровыми зубами, прятались отъ него подъ кровать.

Суббота была для насъ самымъ тревожнымъ днемъ: инквизиція Г—а, пытка Лузгина.... Многіе изъ моихъ современныхъ одноклассниковъ и теперь еще хорошо *помнятъ день субботній*.

Къ счастью нашему, недолго былъ у насъ Г—ъ; мѣсто его заступилъ Григорій Богдановичъ Остермейеръ. Онъ, казалось, рожденъ былъ для важной обязанности воспитателя. Наружностію своею онъ напоминалъ фельдмаршала князя Барклая де-Толли: высокій ростъ, большой лобъ съ лысиною, лицо серьезное, выражающее умъ и добродушіе. Остермейеръ былъ для всѣхъ доступенъ, мягкосердеченъ, справедливъ, любилъ кадетъ и не оставлялъ безъ вниманія ни малѣйшей ихъ погрѣшности, но взыскивалъ съ большою разборчивостію, смотря по мѣрѣ вины и степени нравственныхъ качествъ виноватаго. Въ крайнихъ случаяхъ употреблялъ тѣлесное наказаніе, но безъ жестокости. Съ поступленіемъ Григорія Богдановича, была уничтожена ненавистная для насъ субботняя расправа. Остермейеръ хорошо зналъ каждаго кадета и ничего не ускользало отъ проницательнаго взгляда этого дѣятельнаго начальника. Выговоры его были невыносимо мучительны; начнетъ бывало дѣлать распекацію своимъ спокойнымъ, ровнымъ тономъ, — стоишь, стоишь, переминаешься съ ноги на ногу, слушаешь, слушаешь—и конца не видишь его головомытію. Кажется, никакихъ бранныхъ словъ тутъ нѣтъ, ни гнѣва не замѣтно, а за душу страшно тянетъ.

Внезапное появленіе его въ нашихъ комнатахъ наводило на насъ какой-то безотчетный, невольный страхъ; довольно было кому нибудь изъ кадетъ вскрикнуть: «Остермейеръ!»—и точно морозъ по кожѣ подеретъ, хоть и не знаешь за собой никакой вины.

Григорій Богдановичъ служилъ въ корпусѣ очень долго, и только при переименованіи въ 1834 году этого заведенія въ институтъ корпуса горныхъ инженеровъ, перешелъ въ горный департаментъ, потомъ вышелъ въ отставку и умеръ, если не ошибаюсь, въ 1854 году.

Разскажу одинъ случай, показывающій, до какой степени Остермейеръ имѣлъ нравственное вліяніе на молодыхъ людей, воспитывавшихся въ горномъ корпусѣ.

Въ одинъ прекрасный вечеръ въ Барнауль (Томской губерніи), собралось нѣсколько горныхъ офицеровъ къ своему товарищу—однокашнику. Поговорили, побесѣдовали, потомъ сѣли за ломберный столъ играть въ вистъ. Игра уже нѣсколько часовъ продолжалась въ совершенной тишинѣ, при глубокомысленномъ обдумываніи и соображеніи ходовъ, какъ вдругъ одинъ офицеръ вбѣжалъ въ комнату и закричалъ: «Остермейеръ идетъ!» И вмгъ всѣ игроки спрятали карты. Итакъ одно имя его поразило паническимъ страхомъ офицеровъ, давно уже вышедшихъ изъ корпуса и находившихся слишкомъ за четыре тысячи верстъ отъ Петербурга.

Дежурные офицеры наши были люди достойные, образованные, и могли бы сдѣлать честь любому учебному заведенію, даже въ нынѣшнее время. Конечно, и они имѣли свои недостатки, но это были общіе недостатки ихъ вѣка, духа того времени.

Изъ нихъ Петръ Богдановичъ Сукни, о которомъ я уже имѣлъ случай говорить, состоялъ въ корпусѣ долѣе всѣхъ прочихъ своихъ сослуживцевъ, такъ что я, поступивъ въ 1829 году въ этотъ же корпусъ дежурнымъ офицеромъ, имѣлъ удовольствіе встрѣтиться съ нимъ на одномъ поприщѣ; впрочемъ, онъ уже тогда былъ, какъ штабъ-офицеръ, начальникомъ старшаго возраста, или отдѣленія. Петръ Богдановичъ и Александръ Егоровичъ Шмидтъ преподавали намъ нѣмецкій языкъ.

Дежурный офицеръ Федотъ Федотовичъ Шубинъ преподавалъ въ среднихъ классахъ французскій языкъ, мастерски рисовалъ, заведывалъ корпуснымъ театромъ и самъ участвовалъ въ представленіяхъ вмѣстѣ съ кадетами, такъ же, какъ и другой офицеръ Илья Васильевичъ Каньловъ, который впоследствии, по любви къ драматическому искусству, поступилъ на сцену Императорскаго московскаго театра подъ именемъ *Орлова* и скоро въпріобрѣлъ на этомъ поприщѣ любовь публики и громкую извѣстность.

Павелъ Прокофьевичъ Баташевъ былъ въ мое время самый молодой изъ офицеровъ, въ высшей степени вѣжливый и деликатный въ обращеніи съ кадетами; онъ училъ въ младшемъ классѣ русскому языку.

Александръ Исаіевичъ Ганнибалъ, раненый герой богатырскихъ битвъ 1812 и послѣдующихъ годовъ, украшенный знаками отличія на полѣ чести, былъ въ родствѣ Пушкинымъ и имѣлъ даже въ лицѣ семейное съ нимъ сходство: черные курчавые волосы, черные выразительные глаза, толстыя губы. Ганнибалъ былъ

строгъ, вспылчивъ, взыскателенъ, но при всемъ томъ привлекалъ къ себѣ всѣхъ добротою сердца и снисходительностію къ слабостямъ и недостаткамъ нашего маленькаго человѣчества. Всѣ, отъ малаго до большаго, его любили и боялись. То бывалъ онъ серьёзенъ и важенъ, особенно на смотрѣ или въ классѣ, то веселъ и любезенъ съ нами во время рекреакцій или прогулокъ. Несмотря на свою раненую руку, онъ бѣгалъ съ нами, игралъ въ ланту, и вообще участвовалъ въ нашихъ забавахъ. За проступки онъ порядочно распекалъ и оканчивалъ свою нотацію щелчкомъ въ лобъ, а нерѣдко, по корпусному обычаю, употреблялъ въ дѣло и розги. За добрыхъ, послушныхъ и прилежныхъ кадетъ Ганнибалъ стоялъ горою предъ начальствомъ; за то ужъ доставалось отъ него послушникамъ и лѣнливцамъ! Онъ преподавалъ въ третьемъ нижнемъ классѣ французскій языкъ. У него всѣ учились прилежно: были, правда, слабые въ языкѣ, но лѣнливыхъ не было. Ганнибалъ умѣлъ заставить и лѣнливыхъ учиться; у него на то были особыя свои манеры, то ласковыя, то грозныя. Онъ терпѣть не могъ, когда у него въ классѣ кадеты разговаривали или сходили съ мѣста. — «У меня сидѣть, какъ вкопанные!» грянетъ бывало Ганнибалъ, — такъ всѣ и окаменѣютъ. У насъ офицеры, въ свободные отъ дежурства дни, ходили въ партикулярномъ платьи, и Ганнибалъ въ черномъ фракѣ, застегнутомъ доверху, украшенный орденами, входитъ бывало медленнымъ, важнымъ шагомъ въ классъ, чуть-чуть кивая головою на привѣтствія кадетъ. Сядетъ за свой столъ, возьметъ списокъ и станетъ вызывать учащихся къ доскѣ, начиная всегда съ слабыхъ или неисправныхъ, которыхъ онъ обыкновенно предупреждаетъ, что спроситъ непременно, и притомъ спроситъ первыми. Если вызванные робѣютъ, Ганнибалъ старается ихъ ободрить, навестъ на отвѣтъ разными намеками; если же и послѣ того ему отвѣчаютъ не такъ, или совсѣмъ не отвѣчаютъ, онъ начинаетъ воспаляться, глаза у него горятъ, брови приходятъ въ движеніе, — и вдругъ раздражается онъ гнѣвомъ. — «Лѣнтяй! животное! ты не смотри, что я во фракѣ, сейчасъ велю розогъ подать». Иногда смягчится, дастъ виноватому свой обычный щелчокъ въ лобъ и велитъ къ слѣдующему классу опять повторить невыученный урокъ, а иногда, — не ровень бывалъ часъ, — скажетъ неисправному ученику: «ступай, вели подать для себя розогъ». И бѣдняга идетъ въ слезахъ въ инспекторскую, къ унтеръ-шхтмейстеру, завѣдывающему классными припасами, въ томъ числѣ и розгами, и передаетъ ему приказаніе Ганнибала. За сими слѣдуетъ самое непріятное и весьма чувствительное *положеніе* виноватаго.

Въ классѣ у Ганнибала кадеты сидѣли по достоинству своихъ познаній, и занимавшіе первые два стола, какъ отличные ученики,

очень дорожили своимъ мѣстомъ и крѣпились на немъ изо всѣхъ силъ. Потерять мѣсто было очень легко: стоило только однажды отвѣтить невпопадъ на вопросъ строгаго наставника, — и мѣсто пропало: его занималъ тотъ, кто сидѣлъ ниже и лучше отвѣчалъ.

Вообще ученіе наше, особенно въ нижнихъ, а частію и въ среднихъ классахъ, по тогдашнему повсемѣстному способу преподаванія, состояло всего болѣе въ упражненіи памяти. Ужъ какъ же ей бѣдой доставалось! Все учили наизусть. Долбили катехизисъ, ничего не понимая, зубрили по цѣлымъ страницамъ опредѣленія и правила грамматики по-французски и по-нѣмецки, едва умѣя читать на этихъ языкахъ; выучивали длинную вереницу иностранныхъ словъ, скоро вылетающихъ изъ головы; съ пѣніемъ и хорами затверживали мы таблицу умноженія; громоздили память свою безчисленнымъ множествомъ историческихъ и географическихъ именъ, неживыхъ никакимъ интересомъ, и потому скоро забываемыхъ. Даже логику — логику знаменитаго Баумейстера — Богъ ему судья! — и ту усиливались втиснуть въ нашу память. За то логика и производила на насъ какое-то одуряющее дѣйствіе: она представляла намъ въ непроницаемомъ туманѣ даже и тѣ предметы, которые мы безъ этой науки ясно видѣли и понимали.

Обдумывать, разсуждать, соображать и требовать поясненія предмета для насъ непонятнаго — намъ не позволяли: «это-де не ваше дѣло, на то есть старшіе классы». Итакъ, въ ожиданіи перехода въ вожадѣнные старшіе классы, мы должны были умственные силы наши оставлять въ неподвижномъ, окаменѣломъ состояніи. Выражать своими словами выученное — тоже воспрещалось, и многіе учителя спрашивали урокъ по книгѣ. При такой насильственной дрессировкѣ, мы часто затруднялись отвѣчать на самые обыкновенные вопросы. Если спрашивали насъ, что мы прошли въ теченіе недѣли изъ катехизиса или исторіи, то отвѣчали: «мы выучили отъ середины 26 до 32 страницы такой-той книги». Если иногда пробуждалась въ насъ неудержимая любознательность и мы обращались съ вопросомъ къ нашимъ учителямъ, то отъ иныхъ получали въ отвѣтъ грозное: «молчать! не разговаривать!», отъ другихъ — снисходительное выраженіе: «ваше дѣло слушать и учиться, а не спрашивать», отъ третьихъ — прелюбезный отзывъ: «послѣ, послѣ узнаете». Очень немногіе изъ учителей нижнихъ классовъ удостоивали насъ отвѣтомъ на наши вопросы, за то эти немногіе и были особенно любимы и уважаемы нами.

Обращеніе съ нами нѣкоторыхъ учителей, какъ и вообще въ учебныхъ заведеніяхъ стараго времени, было очень невѣжливое, ди-

кое. Прибить кадета до слезъ, схватить его за волосы, выдрать уши — было дѣломъ обыкновеннымъ.

Жалованье нашимъ учителямъ въ нижнихъ и даже среднихъ классахъ назначалось самое ничтожное. Иные получали по сту рублей ассигнаціями въ годъ за 6—8 часовъ преподаванія въ недѣлю, слѣдовательно менѣе, чѣмъ по 42 копѣйки ассигнаціями за часъ.

При переходѣ нашемъ въ одинъ изъ среднихъ классовъ, мы записались отъ предшественниковъ нашихъ записками лекцій, читанныхъ въ минувшемъ году. Во время каникулъ мы ихъ списали. Начался учебный курсъ; мы стали сличать наши записки съ новыми лекціями, и замѣтивъ, что по одному предмету въ тетрадахъ нашихъ многого недостаетъ, спросили преподавателя о причинѣ такихъ пропусковъ, и онъ отвѣчалъ намъ: «нынче мнѣ прибавили сто рублей къ моему жалованью, а потому я и преподаю пространнѣе, чѣмъ въ прошломъ году; дадутъ мнѣ одинъ рубль, я на рубль и выучу, дадутъ сто рублей, и вы будете знать на сто рублей».

Сотоварищи мои по корпусу, безъ сомнѣнія, хорошо помнятъ Алексѣя Дмитріевича Маркова. Этотъ старинный учитель *россійской* грамматики былъ большой оригиналъ. Онъ имѣлъ свой неистощимый лексиконъ бранныхъ словъ и выраженій, которыя щедро разсыпалъ при всякомъ случаѣ: ласкалъ ли, хвалилъ ли, или бранилъ кого. Бывало, — отвѣтишь, какъ слѣдуетъ, на его вопросы изъ грамматики, — Марковъ поморгаетъ, помираетъ, да и скажетъ: «ну, чушка полосатая, хорошо; старайся, хомякъ; старайся, тюлень; я тебѣ, сусликъ, отличную отмѣтку поставлю.»

Если зашумятъ въ классѣ, то Марковъ закричитъ: «тише, вы, егозы, свинопасы; что заорали, буйволы, — безъ каши всѣхъ оставлю!»

Ошибешься въ урокъ — бѣда! Марковъ забрасаетъ своими избранными словами: «ахъ, ты, тюрикъ, тюфякъ, барабанная палка, кашный горшокъ, — что ты тутъ навралъ, пентюхъ, рохля, сивый меринъ, косопланный чортъ, — ступай, дармоѣдъ, повтори, затверди».

Если же кто ничего не могъ ему отвѣчать, того Марковъ разилъ всѣми перунами своего гнѣва: «а, ты молчишь, сиволапый лабазникъ.... а, ты ничего не знаешь, оселъ, байбакъ, сычъ, филия, олухъ; славную же ты задалъ отстойку съ барабаннымъ боемъ! ахъ, ты, сивачъ, толкачъ, моргачъ — маршъ подъ лавку! Провались, окаennyй!»

И пораженный громомъ и молніею Маркова — проваливался, то есть, опускался подъ столъ или подъ лавку, гдѣ въ сидячемъ или лежачемъ положеніи оставался до окончанія классовъ.

Съ однимъ изъ такихъ провалившихся случилось самое *трогательное* происшествіе. Командиръ И. О. Ильманъ, проходя мимо классовъ, въ сопровожденіи дежурнаго офицера, заглянулъ въ стекло на дверяхъ нашего класса и, увидѣвъ растянувшагося подъ столомъ кадета, приказалъ офицеру хорошенько высѣчь такого дерзкаго неуча, осмѣливавшагося въ присутствіи учителя лежать подъ столомъ. Дежурный офицеръ позвалъ кадета въ умывальную и, не принимая отъ него никакихъ возраженій, задалъ ему жаркую выпорку.

Потомъ дѣло все объяснилось, но, къ сожалѣнію, поздно. Маркову хотя и сдѣлали выговоръ и запретили употреблять изобрѣтенное имъ эксцентрическое наказаніе—сажать подъ лавку, да бѣдному товарищу нашему, напрасно пострадавшему, не было отъ того легче. Послѣ этого случая Марковъ не долго оставался въ корпусѣ. Онъ былъ человѣкъ ученый и добрый, но съ большими странностями, и притомъ имѣлъ сильное влеченіе къ дарамъ Вакха.

Одинъ изъ моихъ товарищей В—ій постоянно записывалъ всѣ классныя изреченія Маркова, которыя въ продолженіе года составили огромную тетрадь.

Мѣсто Маркова занялъ г. Юрьевичъ, кроткій, терпѣливый и съ самымъ вѣжливымъ обращеніемъ преподаватель, составлявшій совершенную противоположность съ своимъ предѣстникомъ.

Изъ другихъ преподавателей рельефно выдавался учитель математики, Кондратій Антоновичъ Шелейховскій, опытный и свѣдущій наставникъ, котораго многіе изъ нынѣшняго еще молодого поколѣнія хорошо знаютъ. Мы видѣли его, когда онъ былъ въ цвѣтущихъ лѣтахъ, исполненный необычайной энергіи и любви къ преподаванію своей науки. Любо было слушать его и смотрѣть, какъ онъ, держа въ одной рукѣ мѣлъ, а въ другой губку, громогласно объяснялъ какую нибудь хитрую математическую задачу. Онъ весь былъ въ движеніи. Углубленный въ изложеніе своего предмета, онъ, казалось, забывалъ тогда все на свѣтѣ и ни на что не обращалъ вниманія; не замѣчалъ ни начальниковъ, ни важныхъ посѣтителей, иногда присутствовавшихъ въ его классѣ. Только громкій звонокъ, возвѣщавшій окончаніе лекціи, прерывалъ энтузіазмъ Шелейховскаго. Весь осыпанный и испачканный мѣломъ, онъ машинально брался за шляпу и готовился уйти изъ класса, но кадеты всегда его удерживали, прося дозволенія почистить его платье.

Кто не зналъ профессора Якимъ Григорьевича Зембницкаго? Или, по крайней мѣрѣ, кто не слышалъ о немъ? Онъ преподавалъ у насъ зоологію и ботанику. При глубокой своей учености, Якимъ Гри-

горьевичъ обладалъ большимъ искусствомъ привлекать къ себѣ учащихся и возбуждать въ нихъ любовь къ естествознанію. Мы всѣ охотно учились у него, и — какъ говорятъ институтки, — обожали своего наставника. Въ случаѣ проступковъ нашихъ, онъ, по обыкновенной добротѣ своей, никогда не употреблялъ никакихъ взысканій, но, какъ нѣжный отецъ, умѣлъ дѣлать такіа замѣчанія и выговоры, которые мѣтко попадали намъ въ сердце, и виноватый искренно каялся въ своемъ поступкѣ, просилъ прощенія и изъ всѣхъ силъ старался загладить свою вину, чтобы заслужить хоть одно ласковое слово своего добраго наставника. Такія кроткія и благоразумныя мѣры исправленія дѣйствуютъ на воспитанниковъ сильнѣе строгихъ и часто необдуманныхъ наказаній. Вся сила въ томъ, чтобы умѣть, *какъ и съ кѣмъ* говорить. Дѣло, конечно, для многихъ трудное, но возможное.

Якимъ Григорьевичъ всякій годъ, лѣтомъ, водилъ насъ на Петровскій островъ, для практическихъ занятій въ ботаникѣ. И бѣдная растительная природа Петровскаго острова, бывшаго въ то время въ страшномъ запустѣніи, занимала нашу любознательность. Съ какимъ наслажденіемъ мы собирали на болотистой почвѣ самыя ничтожныя, обыкновенныя цвѣты и травы и составляли изъ нихъ свой гербарій! Съ какимъ любопытствомъ и напряженнымъ вниманіемъ слушали мы поучительную бесѣду нашего наставника о признакахъ, свойствахъ, употребленіи, пользѣ или вредѣ собранныхъ нами растений жалкой петербургской флоры. Разбирая какой нибудь цвѣтокъ и показывая намъ лепестки, вѣнички, пестики и тычинки, Зомбницкій всегда умѣлъ придать имъ особенно интересное значеніе въ семействѣ растений. Богатыя произведенія южной природы Якимъ Григорьевичъ приносилъ намъ изъ ботаническаго сада и оранжерей и по окончаніи своихъ лекцій раздавалъ намъ эти нѣжныя живыя растенія. Мы ставили ихъ въ воду, нѣсколько дней любовались ихъ красотою, ухаживали за ними, и потомъ, когда они отживали свой краткій вѣкъ, мы хоронили ихъ въ своемъ гербаріи.

Нѣсколько разъ въ годъ Зомбницкій водилъ насъ въ кунсткамеру Императорской Академіи Наукъ и, показывая намъ царство животное, заставлялъ насъ самихъ объяснять все то, что мы занимались изъ зоологическихъ лекцій нашего почтеннаго наставника. Такіе практическіе уроки надолго остались въ нашей памяти.

Для пріобрѣтенія спеціальныхъ свѣдѣній въ ископаемомъ царствѣ, мы недалеко ходили, — у насъ все было подъ рукою: и примѣрные рудники, и шахты, и богатые музеи съ минералами всѣхъ странъ свѣта, и собраніе моделей по части горнаго дѣла и наконецъ отличная лабораторія. Наставникомъ нашимъ въ минералогіи былъ

извѣстный профессоръ Дмитрій Ивановичъ Соколовъ, долгое время занимавшій въ корпусѣ должность инспектора классовъ.

Говоря о Петровскомъ островѣ, я забылъ сказать, что это мѣсто было также поприщемъ нашей практики въ тригонометріи и геодезіи, съ употребленіемъ астролябіи, подъ руководствомъ К. А. Шелейховскаго. Сначала водили насъ на практику только подъ надзоромъ нашихъ преподавателей, которые, при занятіи своимъ дѣломъ, не могли въ одно и тоже время наблюдать за всѣми вообще кадетами, а потому и случалось, что иные безъ дозволенія уходили купаться, а другіе, отдѣлившись отъ общей группы, удалялись въ уединенныя, сокрытыя мѣста, и тамъ, вынувъ изъ сапога трубку, принимались покуривать табакъ. Въ послѣдствіи, для большаго порядка, ходили мы на практику въ сопровожденіи дежурныхъ, офицера и унтеръ-офицера, или старшаго.

Физику преподавалъ у насъ Иванъ Николаевичъ Вольгемуть, бывшій наставникомъ Императора Николая Павловича и Великаго Князя Михаила Павловича. Вольгемуть былъ веселаго характера и большой острякъ. У него часто теорія не сходилась съ практикою: начнеть бывало объяснять какой нибудь законъ физики и въ тоже время дѣлать опытъ — и выходитъ совсѣмъ не то; примется объяснять что нибудь другое, опять слѣдуетъ опытъ — и опять неудача. Вольгемуть однакожъ не конфузился: скажетъ какое нибудь острое слово, и вынырнетъ.

Въ верхнихъ классахъ преподаватели были большею частію спеціально-ученые академики и профессора; изъ нихъ особенно славились Шубертъ и Шереръ (*).

Пытались-было у насъ ввести англійскій языкъ, но никакъ съ нимъ не сладили. Года два помучились мы съ этимъ языкомъ — и оставили его. На экзаменѣ едва ли кто изъ насъ могъ сносно прочитать нѣсколько строкъ по-англійски, а между тѣмъ мы учили и грамматику, и вокабулы, и разговоры. Чрезъ годъ мы все забыли, не исключая и трудной англійской фамилии нашего учителя.

(*) Воспоминанія мои не касаются двухъ верхнихъ классовъ, въ которыхъ мнѣ не привелось быть. Утомленный трудностію изученія высшихъ математическихъ наукъ, которыя были мнѣ не по силамъ, и предвидя въ спеціальномъ курсѣ еще болѣе для себя затрудненій въ этихъ предметахъ, я просилъ моего отца дозволить мнѣ кончить мое образованіе въ С.-Петербургскомъ университетѣ, гдѣ бы я могъ избрать факультетъ, соотвѣтствующій моимъ способностямъ. Просьба моя была уважена. Я поступилъ въ университетъ и по окончаніи тамъ курса наукъ, опредѣлился на службу въ тотъ же, любимый мною горный корпусъ.

Такъ же много времени потеряли мы и съ латинскимъ языкомъ: то вводили его, то отмѣняли, усиливая свободные часы французскимъ и нѣмецкимъ языками, которые были несравненно полезнѣе, особенно для специалистовъ по горному дѣлу. Учились мы по-латыни весьма неохотно, и очень завидовали тѣмъ счастливымъ товарищамъ нашимъ, которые, по просьбамъ ихъ снисходительныхъ родителей, были освобождены отъ изученія этого языка. При послѣдней реформѣ корпуса, въ 1834 году, латинскій языкъ въ этомъ заведеніи окончательно отмѣненъ.

Изъ искусствъ танцованіе было у насъ въ большой славѣ. Нашъ танцмейстеръ г. Деросси, пріобрѣтшій въ свое время репутацію отличнаго балетмейстера на разныхъ европейскіхъ театрахъ, имѣлъ уже около шестидесяти лѣтъ, но сохранилъ еще всю свою бодрость, свѣжесть и живость. Наружность его была самая, по выраженію Гоголя, внушающая: черные волосы съ просѣдью, темные выразительные глаза, густыя брови, большой открытый лобъ, умное лицо, благородная осанка, величавая поступь и громкій, пріятный голосъ. Онъ очень любилъ кадетъ, и его всѣ любили, а вмѣстѣ съ тѣмъ и побаивались. Деросси, при всемъ своемъ добросердечіи, былъ ужасно вспыльчивъ и иногда, въ порывѣ минутнаго гнѣва, не удерживалъ своихъ рукъ. Бывало, подлетитъ къ какому нибудь шалуну-танцору, взглянетъ на него сверкающими глазами, подниметъ руки вверхъ — и закричитъ своимъ громовымъ голосомъ: «ахъ, ты, мамелюкъ, я тебѣ!» У танцора душа уходила въ пятки, за кадета бывало страшно. И счастливъ еще онъ, если отдѣлывался однимъ только страхомъ, — другому на порядкахъ доставалось. Иной сообразитъ съ ноги или не въ тактъ сдѣлаетъ на, — глядитъ, а г. Деросси тутъ какъ тутъ, съ своими распростертыми объятіями. «А гдѣ мюзикъ? (хлопъ) куда ты ушелъ отъ мюзикъ? (хлопъ) ты слюшай, мюзикъ, мамелюкъ, слюшай, слюшай, слюшай», — и пойдетъ мять прическу или румянить уши. И вотъ побитый танцоръ начинаетъ выдѣлывать свои па, проливая горькія слезы. Грозенъ былъ почтенный Деросси. У него нельзя было танцовать какъ нибудь и думать: авось сойдетъ съ рукъ (правильнѣе: съ ногъ).... Нѣтъ, орлиный взглядъ его издаека замѣчаетъ всякую ошибку, которая никому не проходила даромъ. Иные кадеты такъ боялись Деросси, что когда доходила до нихъ очередь танцовать какое нибудь соло, то, бывало, прежде перекрестятся, а потомъ ужъ и пойдутъ выплясывать.

Танцоры раздѣлялись на двѣ категоріи: танцоры по охотѣ и танцоры по неволѣ, то есть танцовавшіе по приказанію начальства. Удивительно, что, несмотря на строгость Деросси и на опасное положеніе танцующихъ, любителей танцовать было большое число.

Многіе, даже изъ малолѣтнихъ кадетъ, сами напрашивались, чтобъ ихъ учили разнымъ національнымъ пляскамъ, которыя, какъ извѣстно, гораздо труднѣе балльныхъ танцевъ. Охота пуще неволи.

Танцевальныя классы, какъ я уже говорилъ, были по два раза въ недѣлю: по средамъ и субботамъ. Въ среду учились профаны, еще не посвященные во всѣ изгибы танцевальнаго искусства; съ ними, разумѣется, было много хлопотъ и возни господину Деросси. По субботамъ танцовали уже искусившіеся въ этомъ дѣлѣ и прошедшіе, какъ слѣдуетъ, чрезъ руки г. Деросси.

Танцъ-классы по субботамъ представляли совершенное подобіе бала въ лучшемъ кругу общества, только безъ участія прекраснаго пола и безъ всякаго угощенія. Въ этотъ день, тотчасъ послѣ обѣда, начинался балный кадетскій туалетъ. Танцоры причесывались, помадились, душились, надѣвали мундиръ, чистыя бѣлыя чулки и легкіе башмаки; у всѣхъ были бѣлыя перчатки и бѣлый носовой платокъ, у многихъ напрысканный духами. Отчаянные франты завивали себѣ хохоль и виски, которые иногда г. Деросси приводилъ въ явный безпорядокъ.

Въ большой танцевальной залѣ, ярко освѣщенной (зимою) и благоухающей отъ куреній, стоитъ, бывало, въ величественной позѣ нашъ г. Деросси, какъ хозяинъ, ожидающій своихъ гостей — кадетъ. Корпусный оркестръ изъ двадцати музыкантовъ ждетъ только сигнала. Ровно въ три часа отворяются двери въ залъ, и кадеты входятъ попарно, привѣтствуя поклономъ своего танцмейстера, который зорко смотритъ на всѣ манеры кланяющихся, и по мѣрѣ надобности дѣлаетъ свои замѣчанія по-французски. Въ этотъ день въ танцъ-классѣ господствуетъ французскій языкъ. Потомъ всѣ садятся на разставленные около стѣнъ стулья. Нетанцующіе кадеты, которымъ также дозволялось быть въ танцъ-классѣ, но не иначе, какъ въ мундирѣ и башмакахъ, становятся за стульями, какъ незваные-непрошеные гости. Раздается прелюдія полонеза. Всѣ встаютъ, и по слѣланному уже напередъ распоряженію танцмейстера, старшіе или взрослые кадеты подходятъ къ малорослымъ, танцующимъ за дамъ, кланяются имъ, подаютъ руку и ведутъ ихъ къ своимъ мѣстамъ.

Деросси, взявъ лучшаго танцора, становится съ нимъ въ первой парѣ и даетъ знакъ оркестру. И вотъ гремитъ знаменитый въ свое время, а нынѣ совсѣмъ забытый, полонезъ Козловскаго: «Громъ побѣды раздавайся.» Идетъ пара за парой величаво, стройно, плавно, присѣдая и кланясь другъ другу въ тактъ, подъ музыку. Потомъ пары расходятся и сходятся, дѣлаютъ шень — и все съ такими же граціозными движеніями, наконецъ раскланиваются и садятся.

Такого полонеза нынче нигдѣ не увидишь, развѣ только на сценѣ, какъ, напримѣръ, во второмъ дѣйствіи оперы Глинки «Жизнь зацаря»

За полонезомъ слѣдовалъ рядъ разнообразныхъ кадрилией. Ныѣшняго контрданса или французскаго кадрили тогда еще не существовало. Мы танцовали *простой* кадрили съ вальсомъ, *ревельскій* кадрили со звѣздочкою, *багратионовъ* кадрили, *шведскій*, *экосесы* съ безчисленными варіаціями, *мазурку* во всей ея первобытной красѣ, бойкій, живой *краковскъ*, церемоніальный *менюэтъ* съ *гавотомъ à la reine*, *матрадуру*, *манимаскъ*, *тампетъ* — настоящій бурный танецъ, *гроссфатеръ*, *а-ля-грекъ*, *попурри* изъ всѣхъ возможныхъ танцевъ и плясокъ, и вѣнцемъ всего былъ любимый тогда *котильонъ* съ безконечнымъ вальсомъ и разнообразными фигурами.

Для публичнаго или выпускнаго экзамена учили нѣкоторыхъ кадетъ разнохарактернымъ національнымъ танцамъ. У насъ была русская пляска, венгерская, цыганская, казачекъ, матло съ флагами, саботьеръ и другія. Въ этомъ дѣлѣ помогали г. Деросси другой учитель танцованія — г. Артемьевъ.

Кадеты вообще любили танцовать, и, недовольствуясь двумя днями въ недѣлю, назначенными для танцъ-класса, выпросили у начальства дозволеніе завести свои танцевальныя вечера въ спальняхъ, въ видахъ практическихъ упражненій въ танцевальномъ искусствѣ. Данъ былъ и оркестръ въ распоряженіе старшихъ. И каждую пятницу кадеты начали усердно отплясывать, послѣ ужина, съ 8 до 12 часовъ.

Для этихъ вечеровъ назначалась одна изъ самыхъ большихъ спальныхъ комнатъ, откуда всякій разъ выносили кровати и мебель. Эта комната, замѣнявшая танцевальный залъ, освѣщалась сальными свѣчами въ стѣнныхъ подсвѣчникахъ изъ жести; но какъ отъ казны, для такихъ увеселительныхъ вечеровъ, свѣчъ не отпускалось, то кадеты жертвовали тѣми свѣчами, которыя выдавались для учебныхъ занятій, на каждую спальную камеру отъ 6 до 10 и болѣе свѣчъ, смотря по величинѣ комнатъ и по числу кадетъ. При такихъ средствахъ наша бальная импровизированная зала была всегда освѣщена ярко, но за то всѣ прочіе дортуары оставались въ полумракѣ.

На этихъ вечерахъ кадеты танцовали въ своихъ всѣдневныхъ сюртукахъ, иные надѣвали бальные башмаки. Начальство тутъ не присутствовало; изрѣдка заходилъ командиръ или заглядывалъ дежурный офицеръ. Весь надзоръ за порядкомъ ограничивался участвовавшими въ танцахъ унтеръ-офицерами и старшими. Вели себя чинно, не было ни шуму, ни шалостей. Но эти вечера имѣли много неудобствъ: кадеты лишались возможности заняться уроками и не могли порядочно выспаться, а потому на другой день были и сон-

ливы и лѣнны. При новомъ порядкѣ, въ 1817 году, эти вечера были совсѣмъ уничтожены.

По средамъ и субботамъ, у насъ были музыкальные классы. Учили играть на скрипкѣ, віолончели, контрбасѣ, флейтѣ и на кларнетѣ. Фортепьянъ какъ-то не жаловали. Этотъ инструментъ появился у насъ уже въ позднѣйшее время.

Желавшій учиться музыкѣ пріобрѣталъ себѣ на собственный счетъ инструментъ и отправлялся съ нимъ къ учителю г. Самокрасову, который записывалъ охотника въ списокъ своихъ артистовъ и поручалъ, для первоначальной выучки, кому нибудь изъ музыкантовъ корпуснаго оркестра, а самъ капельмейстеръ занимался съ нашими виртуозами.

Занятіе музыкой происходило въ классахъ. Въ одномъ классѣ играли на скрипкѣ начинавшіе съ азбуки; въ другомъ такіе же артисты на флейтѣ; въ третьемъ на віолончели и контрбасѣ; потомъ шелъ рядъ игравшихъ что нибудь и заключался классомъ виртуозовъ, которыхъ впрочемъ у насъ было очень мало, сравнительно съ числомъ наполнявшихъ азбучные классы. Система обученія музыкѣ была очень неудобна, а потому и малоуспѣшна. Сидя въ классахъ смежныхъ между собою, и притомъ еще, для лучшаго надзора, всегда открытыхъ, музыканты-кадеты мѣшали другъ другу, особенно азбучники, игравшіе на разныхъ инструментахъ,—кто въ лѣсъ, кто по дрова. Въ эту консерваторію ни начальства, ни дежурные офицеры никогда не заглядывали, да и войти туда было страшно: такая тамъ была оглушительная разноголосица....

«И шумъ, и гамъ, и стрекотанье разно.»

За то пѣніе шло у насъ превосходно. Г. Кудлай, учившій церковному и вообще хоральному пѣнію, былъ большой мастеръ своего дѣла. Онъ сформировалъ изъ кадетъ всѣхъ возрастовъ отличный хоръ, который можно было слышать только на репетиціяхъ, потому что при отпускѣ кадетъ по субботамъ и наканунѣ праздниковъ, увольняли домой и нашихъ пѣвчихъ. Только въ день Свѣтлаго Христова Воскресенія, если Нева не прерывала сообщенія зарѣчныхъ частей съ корпусомъ, всѣ пѣвчіе собирались въ корпусную церковь; да еще участвовали въ хорѣ два раза въ годъ: по случаю нашего храмоваго праздника, св. Макарія Египетскаго, 19 января, и въ день ангела директора корпуса. Въ обыкновенные воскресные и прочіе праздничные дни на клиросѣ нашей церкви были пѣвчіе изъ корпусныхъ музыкантовъ и служительскихъ дѣтей.

Фехтованію на рапирахъ и эспадонахъ обучались только унтеръ-офицеры и кадеты трехъ старшихъ классовъ. Эта часть у насъ была

въ отличномъ состояніи, да и не могла иначе быть при такихъ превосходныхъ учителяхъ, какъ гг. Сивербрикъ и Гофманъ; первый не имѣлъ во всей Россіи себѣ соперника въ фехтовальномъ искусствѣ.

Для кадетъ, отличившихся какъ въ наукахъ, такъ и въ искусствахъ, при благородномъ поведеніи, не жалѣли наградъ, которыя были очень разнообразны. Въ двухъ верхнихъ классахъ награждали большими и малыми золотыми и серебряными медалями, учрежденными еще при Екатеринѣ Великой. На одной сторонѣ этихъ медалей изображенъ въ сіяющихъ лучахъ вензель Екатерины II, на который лѣтящій Меркурій указываетъ юношѣ, стоящему на горѣ, окруженной атрибутами наукъ; наверху надпись: *сіяя и васъ просвѣщаетъ*, а внизу: *основанъ юня 29 дня 1774 года*. На другой сторонѣ — Минерва, ведущая юношу въ гору, изъ которой рудоконъ выноситъ руду, на верху надпись: *достойному*, а внизу — *по экзамень* такого-то года, мѣсяца и числа. Малая серебряная медаль назначалась въ рѣдкихъ случаяхъ въ награду кадетамъ и четвертаго средняго класса, когда у такого счастливца были полные балмы, какъ въ поведеніи, такъ и по всеѣмъ предметамъ, преподаваемымъ въ томъ классѣ. Унтеръ-офицеры и кадеты, удостоенные такихъ важныхъ отличій, получали, сверхъ того, особыя золотыя или серебряныя медали малой величины на черной лентѣ, съ золотыми или серебряными каймами, съ бантомъ для ношенія на груди; по правомъ носить такую медаль награжденные пользовались только до выпуска своего изъ корпуса. (*)

Въ прочихъ классахъ за отличіе въ наукахъ награждали книгами. За успѣхи въ искусствахъ давали въ награду: за рисованіе эстампы и краски, за каллиграфію — прописи, за музыку и пѣніе — ноты, за фехтованіе — эфесъ надписью на немъ: «за успѣхи въ фехтованіи». Одно танцевальное искусство оставалось безъ награды; да впрочемъ трудно и придумать, что бы такое назначить за успѣхи въ танцахъ.

Медали, рапиры и эспадоны раздавались въ торжественномъ публичномъ собраніи самимъ министромъ финансовъ, какъ главнымъ начальникомъ корпуса; при чемъ гремѣли трубы и литавры. Получившему большую золотую медаль играли тушъ по три раза, малую золотую — по два раза, а за прочія награды трубили по одному разу.

(*) Получившихъ, по окончаніи курса наукъ, большую золотую медаль производили въ горный чинъ гиттенфервальтера 10 класса; малую золотую — бергшворена 12 класса; большую серебряную — шихтмейстера 13 класса. Всеѣхъ прочихъ выпускали шихтмейстерами 14 класса.

Чтобы не задерживать долго министра и других почетных посѣтителей на публичномъ актѣ, (*) всѣ прочія награды были вручаемы директоромъ на другой день, въ собраніи всѣхъ чиновъ корпуса и приглашенныхъ по этому случаю родителей тѣхъ кадетъ, которые удостоились наградъ. При этомъ также играла музыка. Въ заключеніе всего, инспекторъ читаетъ списокъ новопожалованныхъ унтеръ-офицеровъ и кадетъ, переведенныхъ въ слѣдующіе классы. Потомъ шли обѣдать въ столовую залу, гдѣ награжденные сѣли за особый, такъ называемый *медальный*, красиво убранный столъ, за которымъ ихъ хорошо угощали.

Торжественная раздача наградъ, особливо медалей, производила на всѣхъ кадетъ потрясающее дѣйствіе и надолго оставляла въ насъ неизгласимо-пріятное впечатлѣніе.

Много было у насъ наградъ, а наказаній еще болѣе. У насъ въ корпусѣ не жалѣли ни розогъ, ни виноватаго; розги были въ большомъ изобиліи, да еще не простыя розги, какъ производить ихъ природа, — нѣтъ! какой-то добрый человекъ ухитрился мочить ихъ въ соляномъ растворѣ. Возлѣ нашей столовой, въ буфетѣ, вмѣстѣ съ разными припасами и принадлежностями для стола, рѣзко бросались въ глаза огромные чаны съ цѣлымъ лѣсомъ розогъ, которыя, до употребленія ихъ въ дѣло, мочили въ водѣ съ солью. Въ умывальной, въ цейхгаузѣ, въ дежурной комнатѣ, въ инспекторской — вездѣ были розги; даже въ лазаретѣ отъ нихъ не было спасенія, — и тамъ задавали выпорку свѣжепросоленнымъ.

Отъ офицера до директора — всѣ имѣли право сѣчь кадетъ; впрочемъ, надобно сказать правду, что хотя у насъ наказывали тѣлесно очень часто, но не доходили, по крайней мѣрѣ въ мое время, до такихъ жестокихъ наказаній, какимъ подвергались тогда кадеты въ другихъ корпусахъ. При мнѣ былъ только одинъ изъ начальниковъ, отличавшійся безчувственностію къ такимъ наказаніямъ. Но худо было въ особенности то, что, при назначеніи тѣлеснаго наказанія, часто не разбирали ни степени вины, ни возраста, ни нравственнаго характера кадета, ни прежняго хорошаго его поведенія. Попался въ какомъ нибудь проступкѣ — и всѣ прежнія добрыя качества его забыты. Тутъ не было никакихъ, извѣстныхъ въ юриспруденціи, смягчающихъ обстоятельствъ.

Изъ другихъ наказаній существовали у насъ: карцеръ — мрачная, тѣсная комната, въ родѣ каземата, гдѣ было очень грязно и

(*) О публичныхъ или торжественныхъ актахъ въ горномъ корпусѣ будетъ изложено ниже.

отъ недостатка воздуха душно. Сюда запирали виновныхъ на нѣсколько часовъ, на цѣлый день, а иногда и на всю ночь.

Оставляли безъ завтрака, безъ обѣда или ужина, лишали послѣдняго блюда, ставили во время обѣда къ стѣнѣ или къ столбу; ставили въ уголъ, на колѣни просто и голыми колѣнями на песокъ; надѣвали сѣрую куртку, дурацкій колпакъ и выставляли въ такомъ видѣ на общее посмѣяніе; не увольняли на праздники домой. Нерѣдко случалось, что за шумъ въ классѣ, во время отсутствія учителя, запирали всѣхъ, безъ исключенія, въ томъ классѣ на всю ночь.

Самымъ тяжелымъ наказаніемъ для кадетъ, у которыхъ еще не пригнулось благородное чувство самоуваженія, былъ вышеописанный дурацкій колпакъ и еще — штрафный столъ, отдѣльно стоявшій въ столовой залѣ, безъ скатерти и приличнаго сервиза. На этомъ столѣ поставлены были глиняныя кружки съ водой, положено нѣсколько ломтей хлѣба, посрединѣ стояла черная доска съ бѣлою надписью: «за шалость и лѣность», возлѣ доски лежали неизбѣжныя розги.

За одну небольшую вину иногда подвергали нѣсколькимъ наказаніямъ. Учитель поставитъ кадета за невниманіе или разговоры въ уголъ; увидитъ инспекторъ — велитъ ему стать на колѣни; придетъ командиръ — прикажетъ отвезти виноватаго въ карцеръ; дежурный офицеръ запишетъ его въ журналъ, какъ замѣченнаго учителемъ въ шалости, а маркшейдеръ, по этому журналу, не отпуститъ на воскресенье или на праздникъ домой.

Случалось и такъ: утромъ комнатный старшій оставитъ кадета за худо вымытыя руки безъ завтрака; дежурный офицеръ за разстегнутый сюртукъ лишитъ обѣда, а вечеромъ, по запискѣ учителя за какуюнибудь шалость въ классѣ, не дадутъ тому же кадету ужинать. И вотъ бѣдному предстоитъ участь Уголино. Но такихъ несчастныхъ товарищи всегда спасали отъ голодной смерти: иной вынесетъ изъ-за стола хлѣба, другой — кусокъ говядины или пирога, третій дастъ сбитню съ булкой, если случается у благодѣтеля деньги. Такую помощь оказывали тайно, не для того, чтобы шуйца не вѣдала, что творитъ десница, а затѣмъ, чтобы не свѣдали о томъ набольшіе, отъ которыхъ крѣпко досталось бы благотворителю за его милосердіе.

Когда нельзя было ожидать ни отъ кого помощи, то смѣльчаки, съ явнымъ самоотверженіемъ, производили партизанскіе набѣги на казенный обѣдъ дежурнаго офицера, подкарауливъ его отсутствіе изъ дежурной комнаты, — или дѣлали нападеніе на буфетъ, гдѣ всегда бывало въ запасѣ чтонибудь изъ съѣстнаго. Пойманныхъ пар-

тизановъ, разумѣется, наказывали, но не столько за похищеніе, сколько за дерзкую шалость.

За совершенную неспособность къ наукамъ кадетъ вовсе увольняли изъ корпуса; при чемъ, если они были казеннокоштные, то соотвѣтственно классу, въ которомъ они находились, и смотря по ихъ поведенію, давали имъ гражданскій чинъ 14-го класса или выпускали безъ чина, на горные заводы, съ званіемъ унтеръ-шихт-мейстера. За низкіе, предосудительные для благороднаго человѣка поступки или за безрассудное поведеніе, имѣвшее вредное вліяніе на товарищей, исключали изъ корпуса. Иногда, смотря по важности вины, исключаемого наказывали тѣлесно, при собраніи всѣхъ кадетъ, но такіе случаи бывали очень рѣдки.

Впослѣдствіи наказанія въ корпусѣ были нѣсколько облагорожены и смягчены: сѣрая куртка и дурачкій колпакъ отмѣнены; запрещено ставить на голыя колѣни; остававшимся безъ обѣда или ужина давали первое блюдо и хлѣба въ волю; страшный карцеръ замѣнили чистою, уединенною комнатою.

За чистотою и опрятностію кадетъ у насъ наблюдали строго. Говорятъ, что опрятность въ платьи есть аттестатъ на душевную чистоту. Прекрасно, — а что прикажете дѣлать, когда, на примѣръ, дадутъ кадегу старшій, огласившій свой вѣкъ, сюртукъ, съ заплатами, съ пятнами, съ неполнымъ комплектомъ пуговицъ — и велѣтъ наблюдать опрятность. Чѣмъ тутъ виноватъ кадетъ, а его зовутъ неряхой — и требуютъ исправности въ одеждѣ.

Бѣльемъ мы были богаты: перемѣняли его по два раза въ недѣлю, по средамъ и субботамъ; постельное бѣлье перемѣняли одинъ разъ — по воскресеньямъ. Только бѣда была съ нашими носовыми платками, изъ какой-то толстой, грубой матеріи, синяго цвѣта съ бѣлыми разводами: отъ этихъ платковъ у насъ всегда были синіе носы. Впослѣдствіи намъ дали болѣе приличныя бѣлые полотняные платки.

У насъ положено было три дня въ недѣлю говорить по-французски и три дня по-нѣмецки, только по воскресеньямъ и праздникамъ дозволялось разгавливаться русскимъ языкомъ. Старшіе въ комнатахъ и помощники ихъ строго наблюдали за исполненіемъ этого постановленія, хотя сами между собою болѣею частію разговаривали по-русски. Сверхъ того приняты были и другія мѣры: чтобы заставить кадетъ говорить въ положенные дни на иностранныхъ языкахъ, ввели, по примѣру іезуитскихъ школъ, *калькулюсъ*. Это былъ узкій и длинный листъ бумаги, свертывавшійся въ трубу-

ку. Говорившій на запрещенномъ языкѣ долженъ былъ собственноручно вписать въ этотъ листъ свою фамилію, съ означеніемъ дня и часа, въ которые онъ нарушилъ установленное правило. Каждый понедѣльникъ, утромъ, послѣ молитвы, дежурные унтеръ-офицеры или комнатные старшіе секретно раздавали очереднымъ кадетамъ эти свитки. Калькулюсы были трехъ рядовъ: комнатный, отдѣленный и корпусный — названія показываютъ предѣлъ ихъ дѣйствія. Получившій калькулюсъ имѣлъ много хлопотъ: онъ обязанъ былъ въ продолженіе дня непремѣнно поймать кого нибудь, говорившаго по-русски, и отдать ему калькулюсъ; въ противномъ случаѣ, если этотъ листъ оставался у кадета до слѣдующаго утра, то есть въ теченіе 24 часовъ, то онъ самъ подвергался взысканію за свое бездѣйствіе. Пойманный долженъ былъ на мѣстѣ преступленія взять калькулюсъ отъ поимщика, вписать свое имя, и такъ же отправляться на поиски.

Чтобы не продержатъ при себѣ до утра этого калькулюса и скорѣе сбыть его съ рукъ, кадеты пускались на разныя хитрости и проделки. Иногда подойдетъ къ своему товарищу такой пріятель съ самою невинною, простодушною фізіогномією, и станетъ перебирать у него на столѣ книги и тетради, будго чего ищетъ; тутъ невольно, въ забывчивости, товарищъ спроситъ его по-русски: «чего тебѣ надо?» И довольно! Пріятелю только и нужна была эта русская фразочка, — вотъ онъ и подастъ проговорившемуся свой калькулюсъ, съ полнымъ самодовольствіемъ.

Другой разъ сидишь съ добрымъ товарищемъ возлѣ своей кровати, долго ломаешь языкъ на иностранномъ *діалектѣ*, наконецъ силъ не станетъ, — оглянешься на всѣ четыре стороны, никого не видать, возьмешь—да и скажешь по-русски, а тутъ вдругъ изъ-подъ кровати показывается рука съ роковымъ свиткомъ и слышится подземный голосъ невидимки: «vous parlez russe, prenez le calculus». Нечего дѣлать, улыка на лицо, берешь, расписываешься и самъ отправляешься на ловлю.

Иногда, провѣдавъ, у кого скрывается калькулюсъ, кадеты нарочно надъ тѣмъ подшучивали, составляя изъ французскихъ или нѣмецкихъ словъ русскія фразы. «*Vашъ носъ руль*», скажетъ проказникъ имѣющему калькулюсъ; этотъ обрадуется русскому выраженію и подастъ, по принадлежности, свой залежавшійся въ карманѣ свитокъ, — не тутъ-то было! ему объясняютъ, что это сказано по французски: *vache*—корова, *pose*—свадьба, *roule*—верчу, и бѣдный отойдетъ, не солоно хлебавъ. Другой говоритъ во всеуслышаніе: «тутъ козаки померли, а онъ не умеръ», — выигъ является калькулюсъ, но сказавшій эту неловкую фразу убѣдительно доказываетъ,

что онъ не произнесъ ни одного русскаго слова, что все сказано имъ на чистѣйшемъ французскомъ языкѣ, и объясняетъ: *toutes* — всѣ, *cause* — причина, *à* — предлогъ, *qui* — кто, *peau* — кожа, *mère* — мать, *lit* — постель, и такъ далѣе, — и этимъ отдѣливается отъ калькулюса.

Одинъ взрослый кадетъ легъ на кровать и заснулъ не въ установленномъ для того время, предъ ужиномъ; другой, малолѣтній, возившійся цѣлый день съ калькулюсомъ, рѣшился хитростію сбить его съ рукъ. Подходить къ спящему, будить его и спрашиваетъ самымъ любезнымъ голосомъ: «*que faites vous donc, mon cher?*» — «Лежу на боку», отвѣчалъ проснувшійся соня; тотъ сунулъ ему калькулюсъ, спавшій не принялъ, утверждая, что онъ выразился по-французски: *les joues*, говоритъ, значитъ — щеки, *n'a* — глаголъ *avoir* съ отрицаніемъ, *beaucoup* — много, — повернулся да и заснулъ снова.

Наконецъ столько набралось у кадетъ подобныхъ фразъ, что онѣ сдѣлались предметомъ споровъ и жалобъ, а потому и запретили употреблять такой наборъ словъ, съ намѣреніемъ подразнить имѣющихъ калькулюсъ.

Но вотъ вопросъ: какимъ образомъ мы учились говорить на двухъ иностранныхъ языкахъ, не имѣя гувернеровъ? Весьма немногіе кадеты умѣли объясняться по-французски или по-нѣмецки съ дѣтства, большая же часть изъ воспитывавшихся тогда въ корпусѣ пріобрѣтала познанія въ иностранныхъ языкахъ изъ теоретическаго преподаванія ихъ въ классахъ. Необходимость заставила насъ самихъ изыскивать особыя средства къ практическому изученію этихъ языковъ, — и вотъ мы стали заучивать фразы изъ «Разговоровъ Каржавина», начали пріискивать въ лексиконахъ тѣ слова, въ которыхъ предстояла намъ надобность; изъ этихъ словъ мы составляли себѣ, для домашняго обихода, разныя выраженія, которыя сильно отзывались руссизмами; но мы и не подозрѣвали этого недостатка, тѣмъ болѣе, что, употребляя фразы собственнаго издѣлія, хорошо понимали другъ друга; о правильности же произношенія мы вовсе не заботились. Наши ближайшіе наставники, комнатные старшіе, изъ которыхъ многіе хорошо знали иностранные языки, часто помогали намъ въ этомъ дѣлѣ и выводили насъ изъ затруднительнаго положенія. Но вообще эта система, заставлявшая насъ говорить на иноземныхъ языкахъ безъ постоянныхъ свѣдущихъ руководителей, была болѣе вредна, нежели полезна. Мы усвоивали себѣ грубыя ошибки въ разговорѣ, которыя впослѣдствіи трудно было исправить.

Въ 1817 году, при всеобщей реформѣ въ цѣломъ корпусѣ, по распоряженію директора Евграфа Ильича Мечникова, размѣстили

всѣхъ кадетъ по возрасту и классамъ, и такимъ образомъ составилось вмѣсто двухъ три отдѣленія. Въ малолѣтнее, или третье отдѣленіе, независимо отъ старшихъ и ихъ помощниковъ, назначили шесть гувернеровъ. Эти господа были французы и нѣмцы *pur sang*: Сіонъ, Віельярдъ, Жираръ, Дютертръ, Бахъ и Крейтеръ, которыхъ опредѣлили именно для того, чтобы они, разговаривая съ нами на иностранныхъ языкахъ, поправляли наши промахи, и съ этихъ поръ мы заговорили всѣ на чистомъ русскомъ языкѣ! Гувернеровъ мы не уважали и не боялись, калькулюсы были уничтожены, даже наблюденіе за нами замѣтно ослабѣло: старшіе надѣялись на гувернеровъ, гувернеры—на старшихъ; извѣстное дѣло — у семи нянекъ дитя безъ глазъ.

Правда, что изъ этихъ гувернеровъ были двое, умѣвшіе внушить къ себѣ нѣкоторое уваженіе и пріязнь кадетъ, охотно бесѣдовавшихъ съ ними на иностранныхъ языкахъ, но за то прочіе не знали, какъ и подступиться къ кадетамъ. Нелюбимые нами гувернеры обыкновенно расхаживали по комнатамъ въ глубокомъ молчаніи, произнося по временамъ, съ видомъ подавленнаго гнѣва: *silence, messieurs! Ne faites point de bruit! — Still, meine Herren! Machen sie keinen Lärm!* (Тише, господа, не шумите!) Грустно было смотрѣть наше отчужденіе. Жаль, что они не хотѣли или не умѣли привязать насъ къ себѣ.

Результатомъ опредѣленія къ намъ гувернеровъ было то, что они, не научивъ насъ говорить ни по-французски, ни по-нѣмецки, сами выучились отъ насъ говорить по-русски.

Не только въ наше старое время трудно было добиться до того, чтобы заставить кадетъ порядочно объясняться на иностранныхъ языкахъ, и теперь еще во всѣхъ мужскихъ учебныхъ заведеніяхъ встрѣчаются въ этомъ отношеніи непреодолимые препятствія. Въ однихъ только дѣвичьихъ институтахъ эта мысль процвѣтаетъ: тамъ удалось ввести въ общее употребленіе между воспитанницами разговорный французскій языкъ. Но въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ, для достиженія этой цѣли, усердно дѣйствуютъ общими силами и сами начальницы, и инспекторы, и классныя дамы, и даже молодыя пепиньерки. Всѣ онѣ прекрасно говорятъ по-французски и, безпрестанно обращаясь въ кругу своихъ воспитанницъ, незамѣтно для нихъ и безъ большихъ усилій для себя, передаютъ имъ свои практическія свѣдѣнія во французскомъ языкѣ.

Жаль, что къ почтенному нѣмецкому языку, въ практическомъ его употребленіи, почти вездѣ очень равнодушны.

Несмотря на введенную у насъ въ корпусѣ строгую субординацію и безусловную покорность нашу волѣ начальства, мы никакъ не могли ужиться съ нашими гувернерами: съ ними у насъ бывали

безпрестанныя исторіи; жалобамъ ихъ на неповиновеніе кадетъ конца не было. Однажды, въ отсутствіе учителя, назначенъ былъ одинъ изъ нелюбимыхъ нами гувернеровъ въ нашъ классъ, для надзора за порядкомъ. Мы шумѣли, не обращали вниманія на его сердитые возгласы: «silence, messieurs!» Онъ пожаловался дежурному офицеру — и самъ былъ не радъ этому: насъ всѣхъ оставили на воскресенье въ корпусѣ, и гувернеру велѣно было цѣлый день заниматься съ нами. Слѣдовательно и пріятель нашъ, гувернеръ, также былъ наказанъ вмѣстѣ съ нами: у него отняли единственный свободный для него день въ недѣлѣ.

Гувернеровъ у насъ часто перемѣняли, такъ что мы привыкли смотрѣть на нихъ, какъ на временныхъ пришельцевъ, что было очень непріятно для нихъ и весьма невыгодно для насъ.

Съ 1820 года гувернёры начали дежурить поочередно въ малолѣтнемъ отдѣленіи, вмѣсто унтеръ-офицеровъ, или старшихъ, но никакъ замѣнить ихъ не могли: гувернёры не имѣли на насъ такого нравственнаго вліянія, какъ наши старшіе товарищи, которыхъ мы болѣе уважали.

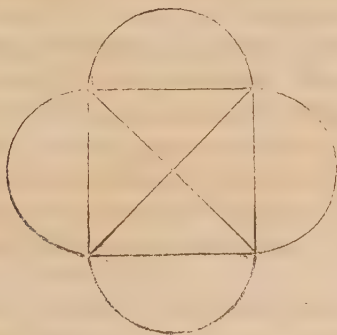
Въ позднѣйшее время былъ въ горномъ корпусѣ гувернеромъ г. Стефенсъ, человѣкъ умный, отлично образованный, съ прекрасными свойствами души и сердца; онъ основательно зналъ нѣсколько языковъ и даже русскій, на которомъ объяснялся правильно и свободно. Такимъ отличнымъ воспитателямъ вездѣ честь и мѣсто.

Долго у насъ въ корпусѣ не обращали вниманія на книги, которыя мы привозили съ собою и читали не только въ свободное время, но даже и въ классахъ, въ присутствіи учителей. Нѣкоторые кадеты, изъ среднихъ классовъ, дѣлали складчину на подписку для чтенія книгъ изъ библіотеки В. А. Плавильщикова, столь извѣстной въ то время, и посылали туда корпусныхъ служителей, иногда по два раза въ недѣлю, за книгами. Никто въ корпусѣ не останавливалъ посланныхъ, чтобы хотя посмотреть, что такое они носятъ къ намъ такъ часто, а потому наше неразборчивое чтеніе продолжалось спокойно и свободно. Мы тогда перечитали великое множество нѣжныхъ, чувствительныхъ, вздорныхъ и страшныхъ романовъ и повѣстей: Радклифъ, Дюкре-Дюмениля, Лафонтена, Коттень, Ричардсона, Лесажа, Жанлисъ, Крамера, Пиго-ле-Брюня, Коцебу, Де-ла-Моттъ-Фуке, Шписа и многихъ другихъ писателей, о которыхъ совѣстно упоминать.

Иные изъ насъ любили мистицизмъ. Начитавшись Эккартсгаузена и Юнга-Штиллинга, погружались въ бездну размышленій. Выска-

зывая другъ другу свои мнѣнія и мысли о прочитанныхъ, непроницаемыхъ для насъ тайнахъ, гордили страшную чепуху. Безплодно теряли время, пытаюсь проникнуть въ сокровенный смыслъ такихъ сочиненій, которыя были недоступны для несозрѣлаго еще ума.

Въ одно время распространился у насъ слухъ, что будто бы англичане назначили огромную сумму, — чуть ли не цѣлую бочку золота, въ награду тому, кто сдѣлаетъ съ одного почерка слѣдующую фигуру.

И вотъ молодежь наша принялась ломать себѣ голову надъ этою задачею. Въ тетрадахъ, на аспидныхъ и классныхъ доскахъ, даже на стѣнахъ, безпрестанно встрѣчалось это изображеніе. Долго мы бились надъ этою фигурой. Наконецъ одинъ изъ наставниковъ нашихъ сжался надъ нами и убѣдительно доказалъ намъ, что англичане не такъ глупы, чтобы за такую бесполезную задачу давать бочку золота; они очень хорошо знаютъ, что этой фигуры невозможно начертить съ одного почерка; они дурачатъ насъ, а мы имъ вѣримъ, и напрасно теряемъ время, которое еще дороже ихъ золота. Намъ досадно и стыдно стало, что насъ такъ безсовѣстно надули; мы ругнули англичанъ и бросили этотъ вздоръ.

Въ нынѣшнее время, къ сожалѣнію, сильно распространилась въ учебныхъ заведеніяхъ неукротимая страсть къ куренію папирсъ, столь вредныхъ вообще для легкихъ и губительныхъ въ особенности для груди нѣжной и молодой. Въ наше время папирсъ еще не выдумали, о сигарахъ мы не слыхивали, а покуривали у насъ взрослые кадеты табачокъ: вакштафъ, кнастеръ и турецкій. Но для совершенія опаснаго подвига табакокуренія требовалось великой осторожности и большаго самоотверженія: начальство сильно преслѣдовало курителей, и пойманныхъ въ этомъ дѣлѣ наказывало жестоко; особенно опасно было курить при К. О. Г.—ѣ, который не щадилъ лю-

бителей вакштафа и кнастера и, отчеканивъ ихъ розгами, надолго отбивать охоту къ куренію.

Многіе изъ взрослыхъ кадетъ нюхали табакъ, да и то украдкою, оглядываясь на всѣ стороны. Было впрочемъ одно время, когда на нюхателей смотрѣли сквозь пальцы, а потому и дошло до того, что изъ подражанія большимъ стали нюхать табакъ и малолѣтніе, сперва тайно, а потомъ и явно. Наконецъ завелись у многихъ прекрасныя табакерки, которыми нюхальщики щеголяли другъ передъ другомъ. Въ классахъ, на лекціяхъ, безъ умолку раздавалось чиханіе, точно у всѣхъ былъ насморкъ или гриппъ. Служители безпрестанно бѣгали въ лавку за табакомъ. Знатоки и аматеры посылали за этимъ зельемъ въ знаменитый тогда табачный магазинъ Анисима Головкина или въ Сарептское общество; потомъ взрослые нюхатели не довольствовались и этимъ табакомъ, а стали уже нюхать настоящий гренадерскій носодерь, отъ котораго у нихъ сильно кружилась голова. Наконецъ начальство обратило на этотъ предметъ свое вниманіе: велѣно было отобрать у всѣхъ кадетъ табакерки и подвергать нюхавшихъ табакъ взысканію. Помню, что тогда собрали огромную коллекцію табакерокъ, но какое слѣдали изъ нихъ употребленіе — не знаю.

Несмотря однакожь на всѣ запретительныя мѣры, кадеты продолжали нюхать табакъ, хотя не совсѣмъ явнымъ образомъ. Сами гувернеры, допустившіе съ собою слишкомъ фамильярное обращеніе кадетъ, потворствовали имъ въ этой привычкѣ. Бывало, — подойдетъ какойнибудь 12 — 13-ти лѣтній кадетикъ къ гувернеру, расшаркается предъ нимъ, и скажетъ сладенькимъ голоскомъ: «monsieur V. или D., permettez moi une prise du tabac.»

— Avec plaisir, monsieur, отвѣтитъ гувернеръ, и откроетъ свою табакерку.

Еще была почти у всѣхъ кадетъ привычка, впрочемъ, кажется, не вредная, — жевать сибирскую сѣру; такъ называли привозимую изъ Иркутска и Томска смолу пихты (*pinus picea*). Эта смола сѣраго цвѣта, пріятнаго запаха, но горьковатаго вкуса. Кадеты очень любили сибирскую сѣру, жевали ее цѣлый день, какъ дикіе жуютъ свой бетель, и даже въ классахъ не оставляли своего лакомства. За кусочекъ сѣры охотно отдавали булки, пироги и другія любимыя кушанья.

Въ свободное время, смотря по погодѣ, водили насъ на большой дворъ, въ родѣ плаца, гдѣ мы рѣзвились, бѣгали, качались на качеляхъ, играли въ лапту, въ волянтъ, въ серсо, въ свайку, въ кегли.

Въ корпусномъ саду, гдѣ устроены, насыпныя горы и искусственные рудники, дозволялось гулять только унтеръ-офицерамъ или старшимъ и ихъ помощникамъ. Зимой очищали ледъ на Невѣ у «маслянаго буяна» и тамъ устраивали намъ катокъ для катанья на конькахъ. Это была самая любимая наша забава, которою однакожь мы не долго пользовались, да и все прочія наши увеселенія скоро одно за другимъ исчезли.

Однажды добрый нашъ товарищъ Филодоровъ катался на конькахъ, неловко проскользнулъ, упалъ и переломилъ себѣ руку. Онъ вытерпѣлъ мучительную операцію и лишился руки. Послѣ этого печальнаго случая катокъ нашъ былъ уничтоженъ.

На другой годъ, послѣ того, лѣтомъ, одинъ кадетъ упалъ, по своей неосторожности, съ качелей, и больно ушибся, — и качели долой.

Играли въ кегли, задѣли шаромъ кому-го по головѣ, ушибли — и кегли прочь.

Забавлялись въ свайку, попали одному кадету въ ногу, сильно повредили ее — и свайка запрещена.

Играли въ лапту, подбили палкой глазъ одному зрителю изъ кадетъ — и лапта въ изгнаніи.

Итакъ, въ самое короткое время поубавили у насъ много забавъ, доставлявшихъ намъ пріятное развлеченіе въ часы досуга.

Лѣтомъ устраивали для насъ на Невѣ, противъ корпуснаго крыльца, большую ванну, гдѣ купались въ одно и тоже время взрослые и малолѣтніе кадеты. Ванна была глубока, что представляло большое удобство только для умѣющихъ плавать. Неевѣдущіе же въ этомъ искусствѣ осторожно сходили по ступенямъ въ воду, держась за протянутую веревку, и окунувшись нѣсколько разъ, выходили, предоставляя такимъ образомъ свое мѣсто другимъ. У насъ строго наблюдали, чтобы непременно все купались. Я всегда страшно боялся воды. Однажды въ жаркій іюньскій день меня привели въ ванну; я сѣлъ на скамью, долго не рѣшаясь раздѣваться, и смотрѣлъ, какъ ловко и искусно плавали мои товарищи. Вдругъ раздался надъ головой моей громкій голосъ дежурнаго офицера: «а ты что сидишь? сейчасъ раздѣвайся.» — Я въ минуту раздѣлся — и все еще не рѣшался идти въ ванну. Опять загремѣло повелѣніе: «бросайся въ воду!» — И я бросился стремглавъ — и пошелъ ко дну. Хочу кричать — нѣтъ силъ, вода захватила духъ, я бился, бился.... далѣе не помню, что со мною было: я лишился чувствъ. Когда я открылъ глаза, то увидѣлъ себя въ лазаретѣ, на постели, окруженной начальниками нашими и лѣкарями. Это меня очень удивило. — За чѣмъ я тутъ? — спросилъ я доктора Дена, державшаго меня за руку

и шупавшаго мой пульсъ. — Ничего, ничего, слава Богу, будете здоровы, отвѣчалъ врачъ.

Происшествіе со мною въ ваннѣ сперва казалось мнѣ какимъ-то тяжелымъ сновидѣніемъ, потомъ я какъ-то смутно началъ себѣ припоминать, что это былъ не сонъ, что я дѣйствительно тонулъ. Ужасъ прошедшаго и радость настоящаго взволновали меня, и я громко заплакалъ. Докторъ сталъ утѣшать меня, далъ лѣкарство, велѣлъ лежать спокойно и не говорить. Всѣ окружавшіе меня потихоньку разошлись, при мнѣ остался одинъ фельдшеръ, — и я вскорѣ крѣпко заснулъ.

На другой или на третій день я совершенно оправился, — и тогда мнѣ объяснили, что когда я бросился въ воду, то кадеты, бывшіе въ ваннѣ, сначала удивлялись моему искусству такъ долго нырять, а потомъ начали опасаться, не сдѣлалось ли чего со мной въ водѣ; тогда одинъ изъ умѣвшихъ отлично плавать кадетъ Рикъ бросился на дно и вытащилъ меня совершенно безчувственнымъ. Сдѣлалась тревога, — послали за докторомъ, дали знать начальству, перенесли меня въ лазаретъ, гдѣ съ помощью медицинскихъ средствъ — и привели меня въ чувство.

Вошелъ въ больницу командиръ Ильманъ, поздоровался со мной и сказалъ:

- Ну, любезный мой, плохо же ты плаваешь.
- Да я вовсе не умѣю плавать, ваше превосходительство.
- Какъ же ты рѣшился броситься въ воду?
- Такъ приказалъ мнѣ дежурный офицеръ.
- Да ты бы объяснилъ ему, что не умѣешь плавать.
- Я не смѣлъ разсуждать; меня и дома и здѣсь учили повиноваться безъ разсужденія.

Петръ Федоровичъ часто вспоминалъ о моемъ безусловномъ повиновеніи, которое едва не стоило мнѣ жизни.

Кадеты боялись, чтобы, послѣ этого происшествія со мною, не уничтожили ванны, какъ и всѣ наши забавы въ саду; но опасенія ихъ были напрасны; ванна уцѣлѣла, только я съ тѣхъ поръ туда — ни ногой.

Въ спальныхъ комнатахъ у насъ, какъ я уже говорилъ, были и цвѣты, и птицы, и расхаживали красивыя собаки. Скоро лишили насъ и этихъ удовольствій, неудобныхъ, впрочемъ ни въ одномъ благоустроенномъ заведеніи. Въ одно несчастное утро цвѣты у насъ убрали, птицъ выпустили на волю, а бѣдныхъ собакъ повели къ Невѣ тонить. Грустное было зрѣлище! Всѣ эти прекрасныя лягавыя, борзые, пудели, шафки, левретки и болонки пошли съ камнемъ на шеѣ въ воду.

Вскорѣ потеряли мы и самый дворъ, гдѣ мы рѣзвились и играли. Туда начали возить матеріалы, для постройки особаго флигеля, и наконецъ дворъ такъ загромодили, что сдѣлали его для насъ вовсе недоступнымъ, — тогда стали водить насъ гулять на Смоленское поле. Тамъ было гдѣ намъ развернуться, всѣмъ раздолье: для взрослыхъ удалая *ланта*, для малолѣтнихъ рѣзвыя *пятнашки*, игра въ лошадки и другія забавы.

Теперь въ горномъ институтѣ прекрасный садъ для прогулокъ кадетъ, чистый обширный плацъ для игръ и забавъ юности, а мы рады были погулять и порѣзвиться на скучномъ, болотномъ, сыромъ полѣ Смоленскаго кладбища, въ виду Божьей нивы, напоминавшей *memento mori*, о чемъ, впрочемъ, мы тогда въ счастливомъ, безпечномъ возрастѣ и не помышляли. На Смоленскомъ полѣ у насъ все кипѣло жизнью.

Любимымъ удовольствіемъ кадетъ были театральныя представленія въ корпусѣ. Нѣсколько разъ въ году, — на масляницѣ, на святой недѣлѣ и на святкахъ, — устраивался намъ домашній театръ въ танцевальной или въ столовой залѣ (*). Для сцены дѣлалось возвышеніе, декорации писали сами кадеты, они же придумывали и механизмъ для постановки и перемѣны кулисъ; костюмы отпускалились изъ гардероба императорскихъ театровъ; оркестръ былъ у насъ — казенный; актеры — унтеръ-офицеры и кадеты, при участіи офицеровъ и наставниковъ нашихъ, любившихъ драматическое искусство. Въ зрителяхъ недостатка не было: приглашались гости со стороны директора и другихъ начальниковъ, семейства лицъ, служащихъ въ корпусѣ, родители кадетъ; посѣщали нашъ театръ и многія постороннія почетныя особы. Слѣдовательно все было въ порядкѣ. Наши спектакли славились. Любовь, или лучше сказать — страсть къ театру у насъ господствовала издавна, — и не она ли была причиною тому, что изъ нашего корпуса вышли извѣстные артисты: знаменитый Василій Андреевичъ Каратыгинъ, Иванъ Петровичъ Борецкій (Пустошкинъ), Илья Васильевичъ Орловъ (Капыловъ), и наконецъ Василій Васильевичъ Самойловъ, составляющій донинѣ украшеніе петербургской сцены.

Изъ унтеръ-офицеровъ и кадетъ, особенно отличавшихся въ мое время на корпусной сценѣ, мнѣ хорошо памяты: П. П. Аносовъ, И. И. Черниговцевъ, И. И. Вейдъ, Г. А. Юсса, превосходно игравшій женскія роли, В. В. Любарскій, В. В. Самойловъ, А. Н. Тас-

(*) При директорѣ Е. В. Карѣевѣ въ корпусѣ былъ устроенъ постоянный театръ, со всѣми къ нему принадлежностями, даже съ машинами.

кинъ, который притомъ былъ и отличный танцоръ и хорошій переводчикъ многихъ театральныхъ пьесъ, иггранныхъ съ успѣхомъ на петербургскихъ театрахъ въ двадцатыхъ годахъ, — гг. Тепловъ, Патиньоти.

Разыгрывались у насъ бывшія тогда въ большомъ почетѣ комедіи, Крылова: «Модная Лавка», «Урокъ Дочкамъ», Княжнина — «Чудаки», Фонъ-Визина — «Недоросль»; Капниста — «Ябеда»; Грибоѣдова — «Молодые Супруги»; многія пьесы князя Шаховскаго, Загоскина, Хмѣльницкаго, и пр. Давали также разные водевили и многія другія пьесы. Представили однажды съ большимъ успѣхомъ и прекрасный балетъ: «Сивильскій цирюльникъ», поставленный на корпусную сцену г. Деросси. Играли и французскія пьесы, но эти представленія служили болѣе для упражненія кадетъ во французскомъ языкѣ.

Кромѣ этихъ парадныхъ или большихъ спектаклей, кадеты устраивали у себя въ спальняхъ, на собственное свое иждивеніе, театральныя зрѣлища, которыя отличались своею простотою: декорации дѣлали изъ обоевъ или изъ бумаги, занавѣсъ шивали изъ казенныхъ простынь, костюмы мастерили изъ своей же кадетской одежды или доставали у своихъ родныхъ и знакомыхъ; на освѣщеніе сальными свѣчами наши антрепренеры не скупились; для оркестра отпускалось, по распоряженію начальства, нѣсколько музыкантовъ. Два или три ряда стульевъ занимали, по приглашенію учредителей театра, начальники, офицеры, учителя и старшіе; на скамьяхъ помѣщались кадеты, платившіе за входъ по десяти копѣекъ мѣди — на театральныя издержки. И эти упрощенные спектакли бывали очень интересны; тутъ актеры-кадеты пробовали свои драматическія способности и отличались непринужденностію и ловкостію своей игры.

Послѣ каникулъ, въ августѣ, а иногда и гораздо позже, происходили у насъ публичныя экзамены, по случаю выпуска изъ корпуса кончившихъ курсъ наукъ (*). Эти годовичные акты замѣчательны были своею особенною торжественностію. За мѣсяцъ и болѣе до такого важнаго событія, въ корпусѣ все приводили въ лучшій видъ: вездѣ красили, чистили, мыли. Всякій день учили насъ танцовать, маршировать, пѣть, фехтовать; приготовляли увертюры и симфоніи, дѣлали безпрестанныя репетиціи. Выпускные унтеръ-офицеры расхаживали по спальнымъ камерамъ съ озабоченнымъ видомъ; нѣкоторые изъ нихъ учили наизусть рѣчи, сочиненныя ими, для произ-

(*) Съ 1821 года публичныя экзамены въ горномъ корпусѣ назначались всегда до каникулъ.

несенія на актѣ. Кадеты-стихотворцы принимались писать прощальныя куплеты, которые потомъ нашъ капельмейстеръ Кудлай клалъ на музыку для пѣнія. Изъ корпусныхъ поэтовъ отличался въ этомъ родѣ *Бальдауфъ*.

Наконецъ наступалъ вождельный для насъ день. Въ 11 часу утра собирались въ конференцъ-залъ — высшее духовенство, министры, сенаторы и другія знатныя особы, а также извѣстные писатели и ученые. Карамзинъ, Крыловъ, Жуковский и другія знаменитости нерѣдко дѣлали намъ честь своимъ присутствіемъ.

Актъ начинался испытаніемъ нѣкоторыхъ, заблаговременно избранныхъ кадетъ, въ Законѣ Божіемъ, горныхъ наукахъ, физикѣ и химіи, при чемъ производились любопытныя, большею частию трескучіе опыты. По окончаніи экзамена, продолжавшагося не болѣе трехъ часовъ, посѣтители разсматривали наши произведенія въ рисованіи, черченіи и каллиграфіи. Потомъ обозрѣвали великолѣпный музей и примѣрный рудникъ, въ которомъ всѣ шахты и подземныя галереи блистательно освѣщались лампами или восковыми свѣчами, а при входѣ ожидали гостей кадеты, въ костюмѣ саксонскихъ рудокоповъ, съ ихъ горными орудіями въ рукахъ и съ фонаремъ на поясѣ. По возвращеніи съ горъ, посѣтители приглашались директоромъ къ роскошному обѣденному столу, во время котораго игралъ оркестръ. По окончаніи обѣда, духовенство разъѣзжалось, а свѣтскія особы снова вступали въ конференцъ-залъ и занимали свои мѣста. Тогда отворялись двери изъ смежной танцевальной залы, раздавался торжественный маршъ, и кадеты, въ полной формѣ, входили тихимъ шагомъ, попарно, — малолѣтніе впереди. Подойдя къ срединѣ ряда креселъ съ почетными особами, расходились, какъ въ полонезѣ, обращая глаза на посѣтителей (тутъ малолѣтніе почти всегда сбивались съ ноги), потомъ опять соединялись въ пары, проходили стройными рядами между колоннъ залы, и, по командѣ, останавливались во фронтъ. Тогда инспекторъ классовъ или помощникъ его читалъ годовой отчетъ о состояніи учебной части въ корпусѣ, потомъ слѣдовала раздача наградъ, какъ я уже частию объяснялъ. Посрединѣ залы, между первыми рядами креселъ, красовался большой столъ, покрытый малиновымъ бархатомъ, съ золотымъ позументомъ; на столѣ въ изящномъ порядкѣ расположены были различныя награды, назначенныя для унтеръ-офицеровъ и кадетъ. Директоръ подносилъ на серебряномъ блюдѣ министру финансовъ золотыя и серебряныя медали; инспекторъ вызывалъ по списку удостоенныхъ, и министръ вручалъ имъ награды, при звукахъ трубъ и литавръ. Потомъ раздавали отличившимся въ фехтованіи золоченыя эспадоны и серебряныя рапиры; за этимъ слѣдовали благодарствен-

ныя рѣчи выпускныхъ унтеръ-офицеровъ; послѣ того военная музыка играла скорый маршъ, по которому кадеты, стоявшіе до сихъ поръ въ строю, выходили изъ залы.

Тогда начинался концертъ. Кадеты, при помощи особыхъ музыкантовъ, подъ руководствомъ своего капельмейстера, разыгрывали любимыя въ то время увертюры изъ Калифа Багдадскаго, Лодоиски, Красной шапочки, Весталки и другія музыкальныя произведенія. Потомъ слѣдовало хоральное пѣніе изъ разныхъ оперъ и заключалось, по обыкновенію, прощальными куплетами, въ честь начальства.

Вотъ, для образца нашей кадетской поэзіи, стихи Бальдауфа, написанные имъ для публичнаго акта 1822 года.

Прости, наукъ смиренный храмъ,
Пріютъ любви и попеченья,
Гдѣ истина предстала намъ
Въ лучахъ святаго просвѣщенья.

Друзья! къ чему печальный видъ?
Судьба насъ броситъ въ бурю свѣта, —
Но бурный свѣтъ не измѣнитъ
Ни насъ, ни нашего обѣта.

Съ надеждой взоры къ небесамъ!
Всю святость вѣры — Провидѣнью;
Покорность — праведнымъ властямъ;
Признательность — къ благотворенью.

Къ кому же нашъ смиренный гласъ?
Кто счастья нашего виною?
Кто просвѣтилъ, успокоилъ насъ —
И славный далъ примѣръ собою? (*)

ХОРЪ.

Хвала, хвала, нашъ Меценатъ!
Тебя, бессмертный, мудрый геній,
Благословенья осыпая
Въ вѣкахъ грядущихъ поколѣній.

Кто сладкихъ слезъ не проливалъ
Въ честь добродѣтели священной?

(*) Кадетъ, пѣвшій соло этого куплета, сдѣлавъ два шага впередъ и обратился къ графу Дмитрію Александровичу Гурьеву, бывшему въ то время министромъ финансовъ.

Дѣла — достойныя похвалъ,
Достойны памяти вселенной!

Лишь только умолкалъ послѣдній звукъ музыки, вмигъ уносили пюльпитры и музыкальные инструменты — и начиналось фехтованіе на рапирахъ и эспадопахъ. Вечеръ торжественнаго акта всегда оканчивался танцами. Кадеты, въ своемъ бальномъ нарядѣ, проходили длиннымъ полонезомъ мимо посѣтителей, привѣтствуя ихъ почтительнымъ поклономъ; изъ полонеза составлялся придворный минуэтъ à la reine, съ гавотомъ; потомъ танцевали, въ костюмахъ, матло съ флагами и саботьеръ, въ деревянныхъ башмакахъ. Бывали и другіе разнохарактерныя, національныя танцы.

Развѣздъ гостей освѣщался блистательнымъ бенгальскимъ огнемъ.

Оканчиваю мои кадетскія воспоминанія разсказомъ объ одномъ событіи въ корпусѣ, которое навсегда останется у насъ въ памяти.

Въ послѣднихъ числахъ апрѣля 1822 года стояли чудныя, весенніе дни. Въ саду, на горахъ нашихъ, трава уже ярко зеленѣла; молодая зелень показывалась и на деревьяхъ и на кустахъ, такъ и тянуло подышать ароматнымъ воздухомъ наступавшей весны. Многимъ изъ насъ хотѣлось бы погулять въ этомъ заповѣдномъ саду, доступномъ только *первокласснымъ* счастливымъ, но пришлось покуда довольствоваться Смоленскимъ полемъ.

Въ одинъ изъ такихъ прекрасныхъ дней, 30 апрѣля, вечеромъ, возвращались мы съ обычной прогулки нашей по Смоленскому полю, и когда подошли къ Большому Проспекту двадцать второй линіи, то увидѣли приближающуюся къ намъ золотую карету, запряженную шестью сѣрыми красивыми конями, цугомъ; на запяткахъ два исполина-гусара. «Государыня, Государыня ѣдетъ!» раздалось въ рядахъ кадетъ. «Стой! смирно!» скомандовалъ нашъ офицеръ. Мы второпяхъ выстроились, сняли фуражки; царская карета остановилась противъ нашего фронта. Увидя Императрицу Марію Феодоровну, мы почтительно поклонились. Государыня подозвала къ себѣ нѣкоторыхъ малолѣтнихъ кадетъ, съ ними подошелъ къ каретѣ и дежурный офицеръ. Ея Величество, спросивъ, изъ какого мы заведенія, изволила сказать намъ: «Я на дняхъ пріѣду къ вамъ въ корпусъ; до свиданія, дѣти!»

Намъ такъ и хотѣлось крикнуть ура! такъ и рвалась душа выразить свою радость, но не смѣли, — боялись, что скажетъ начальство, и потому на милостивыя слова Государыни мы отвѣчали только низкимъ поклономъ.

На другой день министр финансовъ, графъ Гурьевъ, извѣстилъ нашего директора, что Императрица изволить посѣтить корпусъ 5 мая.

Поднялась страшная суматоха. Весь корпусъ перевернули вверхъ дномъ. Началась переноска и переборка мебели. Классы тогда еще находились въ прежнемъ неблагоустроенномъ видѣ, были тѣсны, грязны, а потому, для этого неожиданнаго случая, рѣшились перемѣстить ихъ въ спальни втораго, или средняго возраста, какъ болѣе видныя и благообразныя комнаты, а кровати и всю нашу мебель перенесли на время въ классы. Вездѣ мыли, чистили, красили; стѣны, полы, рамы и двери, чтобы скорѣе высохли, покрыли клеевою краскою....

Четыре дня сряду корпусъ представлялъ живую картину всеобщаго смятенія и страшной тревоги. Бѣгутъ плотники съ своими топорами, маляры съ кистями и ушатами, штукатуры съ лопатами и ведрами; сиѣдаютъ служители съ кроватями, столами, комодами; раздаются громкія приказанія и бранные крики распорядителей, и въ то же самое время кадеты маршируютъ въ залахъ, гремитъ воинственный маршъ, ревутъ трубы и фаготы, стучатъ литавры и барабаны, заглушающіе команду, ну, — точно намѣстіе непріятеля или отчаянный штурмъ.

Наступилъ день пятаго мая, и нашего корпуса нельзя было узнать. Какая восхитительная чистота! Какой отличный во всемъ порядокъ! Начиная съ ярко-выбѣленныхъ колоннъ и статуй на крыльцѣ, до самой послѣдней комнаты младшаго отдѣленія, все красовалось блистательною, свѣжею чистотою. Самый воздухъ въ корпусѣ вездѣ напитанъ былъ благоуханіемъ лучшихъ французскихъ духовъ. Одни только опальные классы, загроможденные несвойственною имъ мебелью, были чужды общаго преобразованія, и потому они были искусно скрыты отъ вниманія всякаго посторонняго посѣтителя, хотя скрыть девять большихъ комнатъ — трудная задача; но какъ бы то ни было, задача эта рѣшена, и нашихъ классовъ до поры, до времени, никто не увидить.

Мы одѣлись въ новые мундиры, синее сукно которыхъ, какъ теперь помню, сильно пачкало намъ лицо и руки, мы безпрестанно ходили въ умывальную; потомъ, для избѣжанія бѣготни, велѣно было служителямъ подавать намъ мокрыя полотенца. Привели насъ въ новые временныя классы. Мы съ любопытствомъ разсматривали ихъ, и насилу узнали наши спальныя комнаты. Свѣтлозеленыя стѣны, чистые бѣлые потолки, блестящіе желтые полы, учебные столы и скамьи, выкрашенные темнозеленою краскою и покрытые лакомъ,

свѣтлыя оловянные чернильницы—все это было такъ ново и пріятно для глазъ.

Явились на новоселье и наши учителя, всѣ разодѣтые въ парадные мундиры. Директоръ Евграфъ Ильичъ Мечниковъ и другіе начальники и офицеры суетились, хлопотали. Стали разсаживать кадетъ въ новыхъ классахъ—по достоинству наружнаго ихъ вида; такимъ образомъ, кадеты покрасивѣ лицомъ заняли мѣста впереди. При этомъ принято было въ соображеніе и то, чтобы сидящіе на первыхъ мѣстахъ умѣли говорить по-французски.

Въ первомъ часу по-полудни прибылъ въ корпусъ министръ финансовъ, графъ Д. А. Гурьевъ, въ парадномъ, богато-вышитомъ мундирѣ, съ андреевскою лентою чрезъ плечо; обошелъ всѣ классы, поздоровался съ кадетами и объявилъ, что императрица Марія Ѳеодоровна пріѣдетъ къ намъ съ великою княгинею Маріею Павловною и супругомъ ея, наслѣднимъ принцомъ саксенъ-веймарскимъ.

Вскорѣ мы увидѣли изъ оконъ и знакомую намъ золотую карету. Министръ и всѣ начальники поспѣшили на крыльцо встрѣчать высокихъ гостей.

Входитъ государыня. Величественный видъ ея, истинно царская осанка и вмѣстѣ съ тѣмъ неизъяснимо-кроткій взглядъ и привѣтливая улыбка — навсегда остались въ нашей памяти.

Рядомъ съ императрицею шла великая княгиня Марія Павловна, за ними слѣдовали наслѣдный принцъ саксенъ-веймарскій, оберъ-гофмаршалъ Александръ Львовичъ Нарышкинъ и великолѣпная свита русскаго и веймарскаго дворовъ; министръ финансовъ и директоръ корпуса сопровождали августѣйшихъ посѣтителей.

Императрица и великая княгиня, удостоивъ нѣкоторыхъ кадетъ своимъ разговоромъ и обойдя всѣ классы, изволили обозрѣвать все заведеніе, и покуда августѣйшіе гости осматривали великолѣпные музеи и примѣрные рудники, наши танцоры успѣли одѣться по балльному и собрались въ танцевальной залѣ. Эта зала, какъ я уже говорилъ, соединялась съ огромнымъ конференцъ-заломъ, куда высокіе гости должны были войти изъ музеума. Лишь только императрица, великая княгиня и принцъ сѣли отдохнуть на особо приготовленные для нихъ кресла, — загремѣла музыка и кадеты вошли въ конференцъ-залъ своимъ обычнымъ полонезомъ; послѣ чего танцовали гавоть и мазурку; потомъ разыграли увертюру изъ оперы «Мегюля: «Два слѣпца въ Толедо», и пропѣли, помнится мнѣ, хоръ Козловскаго изъ Фингала.

Императрица, изъявивъ признательность начальству за доставленное ей удовольствіе, изволила благодарить и кадетъ; наконецъ

императрица простилась съ нами, при громкихъ восклицаніяхъ нашихъ: «счастливо оставаться, Ваше Императорское Величество.»

На другой день государыня прислала намъ конфетъ и фруктовъ, а директоръ былъ приглашенъ къ обѣденному столу Ея Величества. Послѣ царскаго угощенія, насъ отпустили домой на три дня.

По возвращеніи въ корпусъ, мы увидѣли тамъ опять все по старому; вошли въ прежніе свои классы, — и недавнее событіе представлялось намъ какимъ-то продолжительнымъ, чуднымъ сновидѣніемъ....

17 февраля 1859 г.

АРДАЛІОНЪ ИВАНОВЪ.

ПОЗЕМЕЛЬНЫЙ КРЕДИТЪ

И ЕГО СОВРЕМЕННАЯ ОРГАНИЗАЦІЯ ВЪ ЕВРОПѢ.

IV (*).

КРЕДИТНЫЯ ТОВАРИЩЕСТВА ЗЕМЛЕВЛАДѢЛЬЦЕВЪ.

(Окончаніе).

Галиційскій сословный гипотечный банкъ. — Гипотечное отдѣленіе вѣнскаго національнаго банка. — Дворянская кредитная компанія въ Лейпцигѣ. — Сословный гипотечный банкъ въ Лузаціи (въ Бауценѣ). — Дворянское кредитное общество въ Мекленбургѣ. — Земская кредитная касса въ Гессенъ-Касселѣ; ея операціи по выкупу крестьянскихъ повинностей. — Ревизія поземельнаго кредита въ Даніи; общія обязательныя основанія, принятыя датскимъ закономъ для частныхъ компаній поземельнаго кредита. — Норвегія. — Земское кредитное общество Царства Польскаго.

Въ настоящей статьѣ мы должны окончить обзорѣніе учрежденій поземельнаго кредита, основанныхъ на началахъ товарищества землевладѣльцевъ или преслѣдующихъ преимущественно интересы послѣднихъ, а не капиталистовъ.

Къ этой категоріи вполнѣ принадлежитъ *сословный гипотечный банкъ* (или товарищество землевладѣльцевъ) въ Галиціи (*Ga-*

(*) См. «Современникъ» № II и VI.

lizische standische Hypotheken-Bank), главное учреждение поземельнаго кредита въ Австріи (*).

Гипотечная часть находится въ Австріи въ большомъ порядкѣ; особыя книги или *реестры*, заведенныя въ присутственныхъ мѣстахъ, содержатъ въ себѣ подробное и точное описаніе всѣхъ недвижимыхъ имуществъ и обозначеніе всѣхъ состоящихъ на нихъ долговъ. Но процентъ, по которому заключаются займы подъ имѣнія, въ Австріи весьма высокъ, сравнительно съ другими странами, хотя правительство употребляло многія мѣры къ содѣйствію нуждамъ земледѣлія, занимающаго весьма важное мѣсто въ народной дѣятельности Австріи. Несмотря на то, галиційское гипотечное товарищество признается однимъ изъ самыхъ лучшихъ между европейскими учрежденіями этого рода.

Галиційское товарищество основано было въ 1841 г., по вызову собранія представителей мѣстныхъ сословій (штатовъ); оно устроено и дѣйствуетъ въ точности на основаніяхъ, принятыхъ прусскими земскими институтами, которые подробно описаны нами въ первой статьѣ; потому мы и не будемъ много о немъ распространяться, а вкратцѣ укажемъ только на его особенности. Оно состоитъ изъ всѣхъ землевладѣльцевъ-заемщиковъ, которыхъ вступленіе въ компанію есть совершенно добровольное. Оно выдаетъ закладные листы землевладѣльцамъ-заемщикамъ, обращаетъ ихъ продажею въ деньги, получаетъ проценты и погасительные ежегодные платежи отъ заемщиковъ, уплачиваетъ проценты владѣльцамъ закладныхъ листовъ и ежегодно выкупаетъ, на счетъ погасительнаго фонда, листы изъ обращенія. Его кредитъ обезпеченъ ручательствомъ всѣхъ мѣстныхъ галиційскихъ сословій; но эта гарантія болѣе нравственная, чѣмъ экономическая, и сдѣлалась чисто номинальною, а не дѣйствительною. Она замѣнила въ мысляхъ учредителей пособіе казны, оказываемое для подобныхъ учрежденій въ другихъ странахъ, и должна была внушить довѣріе къ облигаціямъ, или закладнымъ листамъ, при первыхъ ихъ выпускахъ. Самый меньшій размѣръ ссудъ, производимыхъ галиційскою компаніею, есть

(*) Для поземельнаго кредита въ Австріи служили намъ источниками: *Royer, des institutions de crédit foncier etc., p. 198 — 222; Josseau, des institutions de crédit foncier, etc. p. 231 — 242; Hübner, Banken; Wilhelm Liebreich, Beleuchtung der Hauptgrundsätze hypothercarischer Creditinstitute etc. Wien, 1836; Rau, Die ländliche Uproduktion und der Real-Credit, Wien 1837. I. B. Zugschwert, die Wahl eines Hypotheken-Institutes für Oesterreich, Wien, 1835.*

1,000 флориновъ (*). Долги лежатъ на самомъ имѣніи, а не на ихъ владѣльцахъ; потому они не препятствуютъ свободному переходу имѣнія изъ однихъ рукъ въ другія; всякій пріобрѣтатель имѣнія, заложенного въ компанію, тѣмъ самымъ дѣлается ея членомъ.

Владѣлецъ закладнаго листа (Pfandbrief) не имѣетъ права требовать уплаты капитала, но компанія можетъ всегда его выкупить, по первоначальной или номинальной цѣнѣ, объявивъ о томъ за шесть мѣсяцевъ впередъ. Выкупъ производится по тарифу. Закладные листы выпускаются различной стоимости — отъ 100 до 10,000 флор. Компанія уплачиваетъ по закладнымъ листамъ ежегодно 4⁰/₀, въ два срока; этотъ процентъ выше, нежели во всѣхъ другихъ странахъ. Но есть еще другое преимущество галиційскихъ облигацій, составляющее ихъ особенность. Каждая облигація снабжена купонами для полученія по ней процентовъ въ теченіе 10 лѣтъ; по истеченіи десяти лѣтъ выдаются новые купоны, и т. д. до погашенія всего долга или выкупа облигацій. Это въ Пруссіи, какъ вездѣ. Но купоны галиційской компаніи обращаются независимо отъ облигацій, и по выкупѣ послѣднихъ, по купонамъ уже выданнымъ, продолжаютъ выдаваться проценты. Такимъ образомъ владѣлецъ облигацій, даже выкупленныхъ по тиражу и потому получившихъ обратно свои капиталы, продолжаетъ получать до истеченія каждаго десятилѣтія проценты. Чтобы быть въ состояніи ихъ уплачивать (система погашенія именно основана здѣсь, какъ и вездѣ, на прекращеніи платежа процентовъ заимодавателямъ или на сложныхъ процентахъ) компанія удерживаетъ у владѣльцевъ выкупаемыхъ облигацій изъ слѣдующаго имъ капитала сумму процентовъ, которые они будутъ отъ нея получать по купонамъ. При этомъ компанія имѣетъ въ свою пользу проценты на эти проценты или авансы.

Каждый землевладѣлецъ, желающій получить ссуду, подписываетъ особый закладной актъ, выдаваемый имъ компаніи на свое имѣніе. Но облигаціи, выпущенныя компаніею, не носятъ на себѣ названія имѣнія, подъ которое выпущены, а обезпечиваются всею совокупностью ссудъ и залоговъ.

Каждый заемщикъ уплачиваетъ компаніи: 1) проценты, 2) на погашеніе 1⁰/₀; 3) на расходы управленія $\frac{1}{4}$ ⁰/₀, и 4) одновременно при заключеніи займа 3⁰/₀ на весь капиталъ, для состав-

(*) Австрійскій флоринъ = 58 коп.

ленія запаснаго фонда. Всѣ ежегодныя платежи вносятся въ два срока, и первый разъ впередъ за одинъ срокъ. При устроенной въ галиційской компаніи системѣ погашенія, долги погашаются землевладѣльцами въ теченіе 41 года.

Компанія принимаетъ впередъ всякіе платежи и во всякое время, списывая соотвѣтствующую долю долга; но должникъ обязанъ при этомъ внести на эту сумму проценты за наступающее полугодіе. Во всякомъ случаѣ, когда погашена $\frac{1}{4}$ всего капитальнаго долга, должникъ можетъ получить разсрочку остающихся на немъ $\frac{3}{4}$, на такой періодъ времени, какъ если бы этотъ заемъ былъ вновь имъ заключенъ. Это послѣднее правило очень важно по тѣмъ облегченіямъ, которыя оно предоставляетъ землевладѣльцамъ.

Галиційская компанія вообще выдаетъ ссуды только подъ имѣнія свободныя отъ всякихъ долговъ или подъ *первую ипотеку*, и потому ея взысканія имѣютъ преимущество передъ всякими другими, кромѣ государственныхъ податей; но компанія, по ближайшемъ удостовѣреніи, можетъ производить ссуды и подъ имѣнія уже заложенные, лишь бы такія ссуды не превосходили $\frac{1}{20}$ убыли имѣнія. Эта особенность не встрѣчается рѣшительно ни въ одномъ подобномъ учрежденіи.

Всѣми дѣлами компаніи завѣдуетъ комитетъ; недовольные его рѣшеніями могутъ искать удовлетворенія административнымъ порядкомъ или судебнымъ. При всякой неисправности со стороны компаніи въ платежѣ процентовъ по облигаціямъ, на нее могутъ быть подаваемы жалобы въ Лембергскій судъ или же владѣлецъ облигаціи можетъ *требовать наложенія секвестра на одно изъ имѣній, заложенныхъ въ компаніи*. Послѣднее есть также особенность галиційскаго учрежденія, — сколько намъ извѣстно, рѣшительно чуждая всѣмъ другимъ странамъ.

Кромѣ собственныхъ капиталовъ, накапливающихся изъ погасительныхъ процентовъ и разныхъ излишковъ, остающихся отъ операций, компанія имѣетъ въ своемъ распоряженіи пособіе отъ галиційскихъ сословій (*landstände*): 1) остатки *отъ формированія полковъ императорскихъ улановъ*, 2) нѣкоторую долю капитала, собраннаго для обезпеченія народнаго продовольствія. Всѣ капиталы и сбереженія городскихъ кассъ, корпорацій, благотворительныхъ заведеній и проч. должны быть обращаемы въ земскія облигаціи. Наконецъ галиційскія сословія обязались всегда открывать кредитъ компаніи изъ своихъ общественныхъ сборовъ.

Болѣе нельзя сказать о галиційской компаніи ничего, что не было бы уже извѣстно изъ описанія прочихъ учреждений поземельнаго кредита. Несмотря на многія достоинства галиційской компаніи и услуги, оказанныя ею мѣстному сельскому хозяйству, она не удовлетворяетъ потребностямъ въ кредитѣ всѣхъ австрійскихъ земель и процентъ ссудъ подъ недвижимыя имущества тамъ очень высокъ. Для содѣйствія земледѣлію открыто было въ 1856 г. *ипотечное отдѣленіе при вѣнскомъ привилегированномъ національномъ банкѣ*. Собственно оно не входитъ въ кругъ разсматриваемыхъ нами теперь учреждений и прямо относится къ ипотечнымъ банкамъ, основаннымъ не землевладѣльцами, а капиталистами, т. е. къ той второй группѣ, о которой мы будемъ говорить позже. Но говоря о поземельномъ кредитѣ въ Австріи, мы кстати хотѣли упомянуть и объ этомъ учрежденіи, тѣмъ болѣе — что о немъ достаточно сказать нѣсколько словъ.

Ипотечное отдѣленіе вѣнскаго національнаго банка весьма мало удовлетворяетъ потребностямъ и цѣли поземельнаго кредита (*). Достаточно указать на то, что система постепеннаго погашенія долговъ ежегодными процентными взносами вовсе исключена изъ плана операций ипотечнаго отдѣленія и даже объявлена въ его уставѣ весьма неудобною, преимущественно въ отношеніи къ счетоводству (!). Последнее воззрѣніе, подлѣ безчисленнаго множества земскихъ кредитныхъ учреждений, съ успѣхомъ дѣйствующихъ на основаніи системъ процентнаго погашенія, слишкомъ напоминаетъ общій характеръ австрійскихъ законодательныхъ воззрѣній, постоянно признающихъ неудобными тѣ именно учрежденія, которыя признаются особенно удобными въ другихъ странахъ, при тѣхъ же самыхъ данныхъ условіяхъ. Ипотечное отдѣленіе выдаетъ ссуды подъ имѣнія на неопредѣленные сроки, деньгами или закладными листами. Далѣе—процентъ ссудъ весьма высокъ, и именно 5%; самыя стѣснительныя правила наблюденія за неприкосновенностью залоговъ и немедленнаго наложенія на нихъ секвестра въ случаѣ малѣйшихъ ущербовъ въ имѣніяхъ предоставлены отдѣленію и даютъ поводъ къ злоупотребленіямъ и произволу. Впрочемъ дѣятельность вѣнскаго банка по поземельному кредиту была до

(*) W. Liebreich. *Beleuchtung der Hauptgrundsätze hypothecarischer Creditinstitute*, p. 21.

сихъ поръ крайне ничтожна; онъ слишкомъ озабоченъ финансовыми операціями и затрудненіями казны, для вспомошествованія которой онъ собственно и былъ созданъ.

Переходимъ къ Саксонскому королевству. Здѣсь существуютъ два учрежденія поземельнаго кредита, принадлежащія къ разсматриваемой нами категоріи: *дворянская кредитная компанія въ Лейпцигъ* (Der erbländische (*) ritterschaftliche Creditverein) и *сословный ипотечный банкъ въ Бауценъ* (Die landständische Hypotheken-Bank der König. Sächsischen Ober-Lausitz) (**).

Дворянская компанія въ Лейпцигѣ была основана въ 1844 г. и начала свои дѣйствія съ 1-го января 1845. Она имѣла въ виду открытіе кредита, преимущественно для крупныхъ дворянскихъ поземельныхъ владѣній. При этомъ надо замѣтить, что въ Саксоніи всѣ имѣнія раздѣляются на *дворянскія* и *крестьянскія*; но тотъ или другой характеръ не сообщается имѣнію его владѣльцемъ: всѣ безъ изъятія земли могутъ быть приобрѣтаемы всѣми подданными, и дворянское имѣніе, купленное крестьяниномъ, сохраняетъ всѣ свои преимущества и сообщаетъ ихъ своему приобрѣтателю. Экономическія условія жизни новѣйшаго времени выпудили и Германію подчинить свое законодательство требованіямъ промышленнаго духа; не всѣ еще германскія государства рѣшились вовсе разстаться съ нѣкоторыми остатками сословныхъ разчисленій, такъ глубоко вѣтвишимся въ исторію и понятія Германіи. Несмотря на свое происхожденіе, Лейпцигская компанія допускаетъ на себя займы и подъ залогъ крестьянскихъ имѣній, приносящихъ не менѣе 333 талеровъ чистаго дохода.

Компанія не производитъ ссудъ менѣе 1,000 тал. одному лицу; каждая ссуда должна быть не выше половины стоимости залога, по оцѣнкѣ. Основаніемъ оцѣнки принята таксація поземельной подати. Каждый заемщикъ уплачиваетъ ежегодно проценты, какіе выдаются компаніею по выпущеннымъ для каждой ссуды закладнымъ листамъ, расходы управленія и погасительныя доли капитала. Слѣдующіе такимъ образомъ отъ заемщика еже-

(*) Подъ названіемъ *erbländer* разумѣются въ Саксоніи округа: Мейссина, Еригенирга, Лейпцига и Фогтланда.

(**) Для поземельнаго кредита въ Саксоніи мы руководствовались слѣдующими сочиненіями: *Josseau, Des institutions de crédit foncier; Hübner, Die Banken.* — *B. Miller, Die gegenwärtigen Zustände des hypothecarischen credit, in Deutschland.* Leipzig. 1857. — *A. Berndt, Der Credit für den ländlichen Grundbesitz.* Berlin. 1858.

годные платежи вносятся имъ каждые 6 мѣсяцевъ, за три мѣсяца до уплаты процентовъ, со стороны компаніи, владѣльцамъ закладныхъ листовъ.

Закладные листы компаніи — всѣ безыменные, цѣною отъ 500 до 25 тал. Проценты, уплачиваемые компаніею по закладнымъ листамъ, и потому также землевладѣльцами въ компанію, — различны; они соображаются по ходячему проценту, опредѣляются передъ выпускомъ листовъ, которые потому раздѣляются на серіи. Каждая серія, имѣя извѣстное количество листовъ, выпускаемыхъ вслѣдствіе поступившихъ требованій на ссуды, имѣетъ свой процентъ. По истеченіи 5 лѣтъ съ основанія компаніи начался ежегодный тиражъ листовъ, выкупаемыхъ изъ обращенія на счетъ погасительнаго фонда, который образуется изъ погасительныхъ процентовъ, вносимыхъ заемщиками. Каждая серія листовъ имѣетъ свой особый погасительный и резервный фондъ, пропорціонально паличности котораго и производится тиражъ и выкупъ. Хотя каждая серія составляетъ одно цѣлое, и недоимки первоначально пополняются изъ резервнаго фонда той же серіи, но въ случаѣ надобности могутъ быть переводимы наличныя суммы и изъ одной серіи въ другую; и платежи, и имѣнія по всѣмъ серіямъ отвѣтствуютъ за исправность уплаты компаніею процентовъ по всѣмъ выпущеннымъ ею листамъ.

Изъ всей суммы ежегодно получаемыхъ компаніею прибылей $\frac{2}{3}$ отдѣляются въ погасительный фондъ, а $\frac{1}{3}$ въ резервный, до тѣхъ поръ, пока послѣдній составитъ 5% на весь выданный въ ссуду капиталъ; послѣ того всѣ погасительные проценты и вообще всякія прибыли, такъ же какъ и проценты, нарастающіе на резервный фондъ, идутъ въ погасительный капиталъ. Резервный капиталъ предназначенъ преимущественно на случай недоимокъ. На капиталъ резервнаго фонда приобрѣтаются государственныя облигаціи и собственные закладные листы компаніи; изъ него же могутъ быть производимы операціи *эсконта* или учета закладныхъ листовъ, находящихся въ обращеніи.

Закладныхъ листовъ, выпущенныхъ компаніею, было:

въ 1845 г.	789,200 тал.
» 1846 »	1,025,358 »
» 1847 »	1,078,853 »
» 1848 »	1,145,075 »
» 1849 »	1,192,175 »
» 1853 »	2,000,800 »

Въ 1853 году было заложено имѣній: дворянскихъ 77 и крестьянскихъ 62, — всего 139.

Заемщиками уплачивается ежегодно:

по I и II серіямъ (1845—1849) $3\frac{1}{3}\%$ процен. и $1\frac{1}{2}\%$ на погаше-
ніе и управ-
леніе.

III — (1849—1852) $4\frac{1}{2}\%$ — и $1\frac{1}{3}\%$

IV — (1852—) $3\frac{2}{3}\%$ — и $2\frac{1}{3}\%$

Управленіе обходится ежегодно въ 3,000 талеровъ, но вслѣд-
ствіе прибылей, получаемыхъ отъ уплатъ заемщиками процен-
товъ прежде срока, уплатъ процентовъ по закладнымъ листамъ
и идущихъ на управленіе, оно требуетъ ежегодно только 1,300
тал., — замѣчательно дешевое управленіе, на которое нельзя не
обратить особеннаго вниманія.

Всѣ заемщики суть члены компаніи. Ими избирается правле-
ніе, состоящее изъ 8 директоровъ (по 2 изъ землевладѣльцевъ
каждаго округа) и предсѣдателя, избираемого директорами изъ
членовъ компаніи. Каждый годъ выходятъ по очереди три ди-
ректора, которые могутъ быть снова избраны. При правленіи
состоитъ *синдикъ*, назначаемый имъ изъ юристовъ; всѣ чиновни-
ки канцеляріи опредѣляются также правленіемъ. Канцелярія за-
вѣдуется *повѣреннымъ* компаніи, который подчиненъ только ему
и не можетъ имѣть никакихъ другихъ занятій. Правленіе распо-
ряжается всѣми дѣлами и операціями компаніи и отвѣчаетъ за
соблюденіе въ точности устава. Оцѣнка cadastra имѣнія произ-
водится первоначально директорами того округа, въ которомъ
оно находится, и потомъ утверждается правленіемъ. Общее со-
браніе, состоящее изъ всѣхъ членовъ компаніи, собирается еже-
годно разъ. Въ общемъ собраніи каждый членъ долженъ пода-
вать голосъ лично; нѣсколько владѣльцевъ одного и того же
имѣнія, заложеннаго въ компаніи, избираютъ отъ себя одного
уполномоченнаго. Женщины и несовершеннолѣтніе также назна-
чаютъ своихъ уполномоченныхъ. Общее собраніе разсматриваетъ
отчетъ и производитъ вообще контроль надъ дѣйствіями прав-
ленія. Всѣ дѣла рѣшаются абсолютнымъ большинствомъ голо-
совъ; члены, вносящіе ежегодно по своимъ долгамъ отъ 40 до
200 тал., имѣютъ по одному голосу, отъ 201 до 400 т.—2 голо-
са, отъ 401 до 600—3, отъ 601 до 1200—4, болѣе 1200—5. Вся-
кій споръ между общимъ собраніемъ и правленіемъ рѣшается
третейскимъ судомъ, на который не можетъ быть апелляціи.

Гипотечный банкъ въ Бауценѣ былъ основанъ въ 1844 году сословіями Верхней Лузаціи. Онъ учрежденъ былъ въ сущности на тѣхъ же самыхъ началахъ, какъ всѣ землевладѣльческіе банки, какъ и лейпцигскій банкъ. По въ состоятельности его ругаются мѣстныя сословія, представители которыхъ потому и производятъ надъ нимъ контроль. Погашеніе облигацій производится по мѣрѣ накопленія резервнаго фонда, *безъ штрафа*. Ссуды выдаются на половину цѣны имѣній, по оцѣнкѣ, основанной на поземельной подати. Чистый доходъ умножается на 25, что и составляетъ цѣну имѣнія. Всѣ землевладѣльцы, пользующіеся какими либо крестьянскими повинностями, *изъятыми изъ общаго выкупа*, могутъ ихъ на половину закладывать въ банкѣ, т. е. имъ выдается наличный капиталъ, а банкъ получаетъ ежегодно слѣдующія повинности. Банкъ выдаетъ ссуды не менѣе 100 т. одному лицу; поэтому лузацкій банкъ дѣйствуетъ въ пользу самыхъ мелкихъ землевладѣльцевъ.

Заемщики вносятъ ежегодно, кромѣ процентовъ, $\frac{1}{3}\%$ на составленіе резервнаго фонда; собственно погашеніе не было организовано, а должники могли во всякое время вносить, по произволу, всякія суммы въ уплату капитала.

Операциі лузацкаго банка, въ началѣ его существованія, были весьма неудачны. Къ концу 1847 г. онъ выпустилъ облигацій на 444,880 тал., изстратилъ большія суммы на управленіе и долженъ былъ остановить свои дѣйствія, вслѣдствіе прекращенія требованій на ссуды. Изъ сказаннаго очевидны недостатки устройства лузацкаго банка; въ немъ не было организовано ни постепенное ежегодное погашеніе долговъ со стороны заемщиковъ ($\frac{1}{3}\%$ въ пользу резервнаго фонда была слишкомъ ничтожна), ни постепенный, правильный выкупъ изъ обращенія облигацій.

Въ 1850 году лузацкій банкъ былъ значительно преобразованъ; цѣль преобразованія заключалась въ оживленіи его операций, приспособленіемъ къ собственно гипотечному кредиту другихъ кредитныхъ операций. Банкъ получилъ право выпускать (кромѣ земскихъ облигацій) собственные денежныя знаки или циркуляціонные банковые (безпроцентные) билеты, обеспеченные всякій разъ на одну треть звонкою монетою въ кассѣ. Дѣйствія банка были распространены на всю Саксонію. При немъ была образована сберегательная касса, которая принимаетъ депозиты и открываетъ счетъ вкладчикамъ. Кромѣ того, лузацкій

банкъ выдаетъ ссуды подъ государственные фонды и облигаціи разныхъ корпорацій и публичныхъ учреждений. Лузацкія сословія предоставили банку капиталъ въ 500,000 тал. въ постоянное пользованіе, за $3\frac{1}{2}\%$. Всѣ выпущенныя банкомъ кредитныя бумаги не могутъ превосходить цифру *недвижимыхъ* капиталовъ, въ немъ заложенныхъ. Банкноты или билеты не могутъ превосходить $\frac{1}{5}$ этой цифры. Земскія облигаціи не могутъ быть предъявляемы къ размѣну; банкноты постоянно подлежатъ размѣну въ кассѣ банка. Процентъ по ссудамъ можетъ быть различенъ. По сведеніи счетовъ и баланса за каждый годъ выдается изъ чистой прибыли $\frac{2}{8}$ директорамъ и служащимъ, $\frac{3}{8}$ въ пользу провинціальной кассы и $\frac{3}{8}$ въ капиталъ банка. Земскія облигаціи выпускаются не ниже 10 тал., банкноты не ниже 5 тал.

Съ преобразованіемъ лузацкаго банка, операціи его значительно оживились. До настоящаго времени онъ уже выдалъ съ 1850 г. до 3 мил. тал. въ ссуду землевладѣльцамъ и владѣльцамъ домовъ, въ томъ числѣ миллионъ крестьянамъ. Несмотря на все это, нельзя особенно похвалить устройство лузацкаго банка; въ немъ все-таки недостаетъ прочно организованной системы погашенія обязательными ежегодными взносами, что составляетъ необходимую принадлежность поземельнаго кредита. Всѣ же прочія его кредитныя операціи нисколько не входятъ въ кругъ дѣйствій собственно гипотечнаго учрежденія и не могутъ оказывать особенныхъ благодѣяній для поземельнаго кредита, хотя дѣйствительно и могутъ его на нѣкоторое время оживить.

Кромѣ этихъ двухъ учреждений поземельнаго кредита, въ Саксоніи есть *банкъ поземельныхъ доходовъ*, для выкупа крестьянскихъ повинностей и земель. Но о немъ мы будемъ говорить позже, при разсмотрѣніи вообще выкупныхъ операцій въ Германіи.

Въ великихъ герцогствахъ Мекленбургъ-Шверинскомъ и Мекленбургъ-Стрелицкомъ существуетъ *дворянское кредитное общество* (Ritterschaftlicher Credit-Verein), совершенно подобный прусскимъ. Но его назначеніе — служить только дворянскимъ или рыцарскимъ имѣніямъ, которыя отличаются въ Мекленбургѣ отъ крестьянскихъ, — не по званію владѣльцевъ, а по своему происхожденію въ феодальный періодъ. Мекленбургское общество — одно изъ самыхъ старыхъ учреждений поземельнаго кредита въ Германіи, ибо происхожденіе его относится къ XVIII столѣтію. Но въ 30-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія уставъ его былъ

пересмотрѣнъ и потомъ вновь преобразованъ въ 1840 г. Мекленбургское общество состоитъ изъ владѣльцевъ заложенныхъ въ немъ дворянскихъ имѣній, несущихъ круговую отвѣтственность за всѣ обязательства общества передъ его кредиторами. Оно дѣйствуетъ выдачею заемщикамъ закладныхъ листовъ. Ссуды выдаются на половину цѣны имѣній. По закладнымъ листамъ выплачивается по первоначальному уставу $3\frac{1}{2}\%$, по впослѣдствіи эта цифра измѣнена и опредѣленіе процента предоставлено самому обществу, смотря по обстоятельствамъ времени,—обыкновенно 3% . Отъ воли заемщика зависитъ получить закладные листы или часть ихъ чистыми деньгами; въ такомъ случаѣ общество само выпускаетъ въ обращеніе листы на соотвѣтствующую сумму. Каждый заемщикъ или членъ общества можетъ во всякое время изъ него выйти, уплативъ сполна свой капитальный долгъ закладными листами, о чемъ обязанъ только предупредить общество за 8 недѣль. Но если на обществѣ состоятъ долги (независимо отъ закладныхъ листовъ), то онъ обязанъ прежде своего выхода внести часть этихъ долговъ, пропорціональную его имѣнію. Управление дѣлами общества сосредоточивается въ 3 директорахъ (по одному для каждого округа), главной дирекціи (изъ 3 членовъ), ревизіонной комиссіи спидика и общемъ собраніи всѣхъ членовъ. Всѣ главные должностныя лица избираются общимъ собраніемъ и утверждаются правительствомъ. Директоръ, состоящій въ родствѣ съ лицомъ, чье производится дѣло, не принимаетъ участія въ его разсмотрѣніи. Въ общемъ собраніи каждый членъ имѣетъ только одинъ голосъ. Общее собраніе ежегодно разсматриваетъ отчетъ; всякое измѣненіе въ уставѣ должно получить предварительное его согласіе. Измѣненіе въ уставѣ, касающееся интересовъ кредиторовъ общества, подлежитъ предварительному обсужденію представителей всѣхъ сословій. Черезъ 8 дней по накопленіи недоимки со стороны заемщика, общество можетъ требовать чрезъ мѣстный судъ производства взысканія съ имѣнія; взысканіе приводится въ исполненіе черезъ три дня послѣ требованія. Закладные листы выкупаются изъ обращенія по тиражу два раза въ годъ, по мѣрѣ накопленія погасительнаго фонда, образующагося изъ ежегодно вносимыхъ всѣми заемщиками погасительныхъ процентовъ. Каждый заемщикъ уплачиваетъ единовременно, при заключеніи займа, расходы по выдачѣ свидѣтельствъ изъ гипотечныхъ книгъ государства и $\frac{1}{2}\%$ съ капитальной суммы въ резервный фондъ.

Ежегодно (въ полугодовые сроки) уплачивается имъ $\frac{1}{4}\%$ на расходы управленія. Все, что остается свободнымъ отъ этихъ двухъ взносовъ, причисляется къ погасительному фонду. Погасительные взносы не могутъ быть менѣ $\frac{1}{4}\%$ въ годъ и не болѣе 5% капитала; отъ воли заемщиковъ зависитъ уплачивать то или другое количество погасительныхъ процентовъ. Мекленбургское общество состоитъ изъ 112 членовъ (1852 г.). Оно выпустило по 1852 г. закладныхъ листовъ на 10,830,000 тал.

Обозрѣніе устройства поземельнаго кредита въ Германіи, мы заключимъ гессенскими землями. Здѣсь мы встрѣчаемся съ весьма любопытнымъ для насъ учрежденіемъ въ курф. Гессенъ-Кассельскомъ: *Земская кредитная касса* (*Landes-Kredit Kasse*) она учреждена въ 1832 г. для выкупа кредитныхъ повинностей, которыхъ гнетъ былъ здѣсь особенно чувствителенъ. Задачу свою исполнила кассельская кредитная касса чрезвычайно удовлетворительно и потому заслуживаетъ особеннаго нашего вниманія. *Земская кредитная касса* находится въ г. Касселѣ, учреждена правительствомъ и состоитъ подъ наблюденіемъ министровъ финансовъ и внутреннихъ дѣлъ и собранія государственныхъ сословій. Последнее избираетъ постоянный комитетъ для контроля надъ операціями кассы и одного изъ ея директоровъ. Кредитъ кассы обезпеченъ всѣмъ достояніемъ государства, которое отвѣтствуетъ за всѣ обязательства. Земская касса заключаетъ, для производства своихъ ссудъ на выкупъ повинностей и для другихъ цѣлей, займы въ депозитныхъ и сберегательныхъ кассахъ, у разныхъ корпорацій, правительства и частныхъ лицъ, съ уплатою процентовъ, которые никогда не могутъ превышать $3\frac{1}{2}\%$. Всѣ депозитныя кассы обязаны отдавать ей свои капиталы, по 3% , если не предвидится никакого скорого ихъ употребленія. Кромѣ того государственное казначейство обязано во всякое время выдавать подъ облигаціи кассъ (за $3\frac{1}{2}\%$) суммы, которыя окажутся ей совершенно необходимы. Касса производитъ ссуды не только для выкупа крестьянскихъ повинностей, (на основаніи особаго закона 1832 г. о выкупѣ), но и вообще подъ залогъ недвижимыхъ имѣній. Для всякихъ иныхъ цѣлей, кромѣ выкупа, она выдаетъ ссуды не менѣ 100 тал. каждый разъ, по 4% на продолжительные сроки и по $4\frac{1}{2}\%$ на срокъ менѣ года; для выкупа повинностей, ссуды производятся отъ $3\frac{1}{2}\%$ до 2% . Облигаціи, ею выпускаемыя, именныя и безыменныя, отъ 50 до 1000 тал. Земская касса можетъ употреблять для сво-

ихъ дѣлѣ, *безвозмездно*, всѣхъ чиновниковъ министерства финансовъ. Всѣ платежи въ кассу собираются отъ заемщиковъ сборщиками податей, наравнѣ съ послѣдними; сборщики получаютъ въ вознагражденіе 2% со всѣхъ поступившихъ въ ихъ руки денегъ. Въ случаѣ недоимокъ, сборщикъ черезъ двѣ недѣли обязанъ повѣстить должника, и если онъ окажется неисправнымъ, то чрезъ слѣдующія двѣ недѣли недоимки взыскиваются съ него, въ порядкѣ взысканія недоимокъ по государственнымъ податямъ. Занятые капиталы могутъ быть возвращаемы одновременно въ теченіе года или разсрочиваются посредствомъ ежегодныхъ погасительныхъ процентовъ. Срокъ и потому процентъ погашенія зависятъ отъ выбора заемщика; но ежегодный погасительный процентъ не можетъ быть ни въ какомъ случаѣ ниже $\frac{1}{2}\%$. Взносъ погашенія съ процентами долженъ быть одинаковъ во всѣ годы. Хотя земская касса учреждена вообще для гипотечнаго кредита, но она обязана была, до окончательнаго выкупа всѣхъ крестьянскихъ земель, всегда *предпочтительно* производить ссуды для выкупа повинностей. Кромѣ того, при всѣхъ другихъ равныхъ условіяхъ, должно быть даваемо предпочтеніе мелкимъ займамъ передъ крупными. Заемщики могутъ во всякое время дѣлать всякіе взносы въ счетъ будущихъ своихъ платежей, но если они не предупредили кассу о своемъ желаніи за 3 мѣсяца, то съ нихъ взыскивается 2% на производимые ими взносы. Казна постоянно даетъ въ ссуду кассѣ капиталы, выручаемые отъ продажи государственныхъ имуществъ, отъ оброчныхъ статей, отъ разныхъ сборовъ и доходовъ съ казенныхъ земель и проч.

Облигаціи, выпускаемая кассою, могутъ быть *всегда предъявляемы къ обмѣну на чистыя деньги*, т. е., касса обязана возвращать занятые ею капиталы, по востребованію. Вообще касса обязана произвести обмѣнъ черезъ шесть мѣсяцевъ послѣ объявленія, но сберегательныя кассы удовлетворяются ею черезъ 4 недѣли. Это правило объ обязательности возвращенія вкладовъ, хотя и опирающееся нѣкоторымъ образомъ на филантропическій характеръ земской кассы и гарантію правительства, встрѣтило однако въ своемъ исполненіи много затрудненій. Администрація кассы нѣсколько разъ ходатайствовала объ отмѣнѣ этого правила, но правительство не соглашалось. Несмотря на то, всѣ операціи кассельской земской кассы сопровождались большимъ успѣхомъ; она съ точностью выполняла всѣ свои обязатель-

ства и оказала большія услуги странѣ. Въ періодъ времени, послѣ 1848 г. были нѣкоторыя замѣшательства, вклады обращались въ кассу нѣсколько тише, но и затрудненія этого тревожнаго времени побѣждены съ успѣхомъ.

Съ 1832 по 1848 г. земская касса произвела всего ссудъ до 17,600,000 тал.; изъ нихъ до 9,000,000 вообще подъ недвижимыя имущества, а остальное на выкупъ крестьянскихъ повинностей. Всѣ повинности денежные и натуральныя нынѣ при помощи земской кассы выкуплены въ Гессенъ-Касселѣ, т. е., помѣщики ею окончательно удовлетворены. Для ускоренія этой операціи, дозволено было крестьянамъ уплачивать въ кассу не деньгами, а земледѣльческими продуктами. Но независимо отъ этого государственнаго преобразованія, касса содѣйствовала вообще развитію кредита въ сельскомъ хозяйствѣ и пониженію процента.

Къ 1848 г. суммы, выданныя кассою въ ссуду, распредѣлялись слѣдующимъ образомъ:

1) На выкупъ барщины	{ по 2 ⁰ / ₀ (*).	933,804 тал.
	{ — 3 ⁰ / ₀	273,745 —
2) На выкупъ десятинъ	{ — 3 ⁰ / ₀	3,321,895 —
	{ — 3 ¹ / ₂ ⁰ / ₀	1,137,225 —
3) На выкупъ разныхъ повинностей	{ — 1 ⁰ / ₄ ⁰ / ₀	1,276,118 —
	{ — 3 ⁰ / ₀	712,360 —
4) На выкупъ выгоновъ, пастбищъ и проч.	{ — 3 ³ / ₄ ⁰ / ₀	132,478 —
5) На постройку общи- нами училищъ	{ — 3 ¹ / ₂ ⁰ / ₀	483,201 —
6) Разныя ссуды	{ — 4 ⁰ / ₀	9,315,710 —
Всего		17,586,536 тал.

Облигаціи кассъ постоянно пользовались большимъ довѣріемъ публики, такъ что онѣ были въ обращеніи съ премією въ 2⁰/₀. Касса не только не пуждалась во вкладахъ, но, напротивъ, припуждена была часто отказывать въ приѣмѣ. Въ послѣднее время спекуляція имѣла и здѣсь, какъ вездѣ, вліяніе на нѣкоторое уменьшеніе вкладовъ. До 1849 г. облигаціи никогда не падали ниже своей нарицательной цѣны. Замѣчательно, что гарантія

(*) Закономъ о выкупѣ были опредѣлены различные размѣры процентовъ для различныхъ категорій повинностей, обязательные какъ для крестьянъ, такъ и для помѣщиковъ.

правительства, содѣйствовавшая кредиту земской кассы, до сихъ поръ оставалась только номинальною, и касса ни разу не прибѣгала къ ней. Выкупъ повинностей шелъ такъ блистательно, что въ послѣднее время процентъ по этого рода ссудамъ былъ пониженъ до $1\frac{1}{2}\%$. Кассельская земская касса стоитъ, по удостоенію знатоковъ организаціи поземельнаго кредита, въ ряду лучшихъ учрежденій этого рода, хотя по самымъ свойствамъ своего первоначальнаго назначенія она имѣетъ особенный характеръ, не совсѣмъ соотвѣтствующій всѣмъ промышленнымъ условіямъ свободныхъ и частныхъ кредитныхъ сдѣлокъ.

Послѣ Германіи мы должны сдѣлать очеркъ учреждений поземельнаго кредита той же группы въ другихъ государствахъ Европы. Такъ мы представимъ нѣкоторыя свѣдѣнія о развитіи поземельнаго кредита въ Даніи, особенно заслуживающія нашего вниманія, вслѣдствіе операцій по выкупу крестьянскихъ земель и обращенія общинныхъ земель въ личную собственность.

Данія (*) по преимуществу земледѣльческая страна; земледѣліе даетъ большіе доходы и потому землевладѣльцы находятъ весьма выгоднымъ закладывать свои имѣнія. — Поземельный кредитъ весьма распространенъ въ Даніи.

Феодальный періодъ оставилъ все пространство Даніи раздѣленнымъ на весьма обширныя дворянскія имѣнія, въ которыхъ жило земледѣльческое населеніе въ крѣпостной зависимости отъ помѣщиковъ. Къ концу XVIII-го столѣтія были предоставлены въ постоянное пользованіе крестьянъ усадьбы и нѣкоторое количество земли. Зависимость отъ помѣщиковъ и нѣкоторыя обязанности попечительства послѣднихъ остались. Правительство стало принимать мѣры къ улучшенію земледѣлія и быта крестьянъ и признало причинами неудовлетворительнаго ихъ положенія феодальную зависимость крестьянъ отъ помѣщиковъ и общинное владѣніе землею (**) между крестьянами; къ устраненію этихъ причинъ правительство и направило всѣ свои дѣйствія. — И въ отношеніи къ общинному владѣнію были употреблены мѣры столь энергическія, что вѣроятно онѣ не встрѣтятъ сочувствія даже со стороны всѣхъ противни-

(*) *Josseau. Des institutions de crédit foncier, etc. ch. X.*

(**) Судя по описанію Жоссо, общинное владѣніе въ Даніи было сходно съ нашимъ. Въ то время тамъ, какъ и у насъ преобладало трехпольное хозяйство.

ковъ общиннаго владѣнія. Датское правительство не остановилось ни передъ какими препятствіями со стороны издавна вкоренившагося обычая и всего основаннаго на немъ быта крестьянъ; въ 1781 г. былъ изданъ законъ, повелѣвавшій уничтоженіе общиннаго владѣнія и раздробленіе крестьянскихъ земель на личные участки. Первымъ затрудненіемъ представилась необходимость возведенія новыхъ крестьянскихъ дворовъ и усадебъ, потому что до того времени крестьянскіе дворы были скучены около однихъ центровъ или деревень, какъ у насъ. Но правительство не остановилось даже передъ этимъ огромнымъ расходомъ. Тѣмъ же закономъ было предоставлено право получать *безвозвратно* изъ казны отъ 50 до 100 тал. всякому крестьянскому семейству, которое перенесетъ свой дворъ изъ деревни на выдѣленный для него участокъ. — Въ 1801 г. выдача этого вспомошествованія была прекращена.

Въ 1806 г. датское правительство учредило *кредитную кассу* для вспомошествованія земледѣлію. — Она была снабжена на счетъ казны значительнымъ погасительнымъ капиталомъ и обязана была производить ссуды за 2⁰/₀, въ слѣдующихъ случаяхъ:

1) Для улучшенія обработки земель, отданныхъ въ арендное содержаніе (въ видахъ поощренія къ развитію фермерства).

2) Для водворенія нѣсколькихъ семействъ земледѣльцевъ на обширныхъ пустопорожнихъ пространствахъ.

3) Землевладѣльцамъ и арендаторамъ, когда ими заключены арендные контракты, на весьма продолжительные сроки.

4) Компаніямъ, устроившимся изъ помѣщиковъ для искорененія между крестьянами общиннаго владѣнія и вообще для улучшенія земледѣлія.

5) Для возведенія плотинъ противъ морскихъ наводненій.

6) Для улучшенія и осушенія почвы.

Вмѣстѣ съ тѣмъ кредитная касса выдавала ссуды арендаторамъ и крестьянамъ на приобрѣтеніе въ собственность земли, находящейся въ ихъ владѣніи (съ уплатою наличныхъ денегъ) или пользованіи (съ исправленіемъ денежныхъ повинностей или барщины). Долги эти погашались постепенными ежегодными взносами извѣстнаго процента съ капитала. — Правительство поощряло заключеніе многолѣтнихъ арендныхъ контрактовъ и возникновеніе всякаго рода агрономическихъ обществъ, и потому кредитная касса всегда должна была отдавать предпочтеніе землямъ, отданнымъ въ многомызную аренду, и поручительствамъ компаній.

Кредитная касса получила изъ казны 750,000 тал. въ видѣ разныхъ государственныхъ кредитныхъ бумагъ. Если этого капитала не доставало для ссудъ, то касса могла заключать займы у частныхъ лицъ (не выше, какъ по 7⁰/₀, и казна обязывалась доплачивать всѣ расходы свыше 2⁰/₀, вносимыхъ заемщиками кассы. — Впослѣдствіи кредитная касса не могла продолжать своихъ операций при 2⁰/₀, тѣмъ болѣе, что приливали со всѣхъ сторонъ просьбы крестьянъ, желавшихъ воспользоваться легкими условіями выкупа; потому процентъ по ссудамъ былъ вообще повышенъ до 3³/₄ и 4⁰/₀, и по 2⁰/₀ выдавались ссуды лишь въ чрезвычайныхъ случаяхъ. Къ концу XVIII столѣтія всѣ ссуды простирались до 3¹/₂ мил. тал. Въ 1798 г. касса получила разрѣшеніе на заемъ 5 мил. тал., съ гарантіею правительства. Послѣ того начался войны и касса была закрыта въ 1816 г.

Датское правительство продолжало и въ послѣдующіе годы оказывать большое содѣйствіе поземельному кредиту. — Всѣ свободные капиталы постоянно отдавались казною и разными публичными учрежденіями (напримѣръ, пенсіонный капиталъ) подъ залогъ недвижимыхъ имуществъ, за умѣренные проценты. Національный датскій банкъ производитъ также гипотечныя ссуды, въ довольно значительныхъ размѣрахъ.

Датская кредитная касса, какъ учрежденіе, основанное въ видахъ правительства, совершила свое дѣло: оживила сельское хозяйство, облегчила выкупъ крестьянскихъ земель и положила основаніе развитію поземельнаго кредита. Послѣ ея закрытія, стали обнаруживаться въ Даніи стремленія частныхъ лицъ къ образованію земскихъ кредитныхъ компаній, и въ 1850 г. изданъ былъ законъ, которымъ дозволялось, на опредѣленныхъ основаніяхъ, учрежденіе, съ разрѣшенія министерства внутреннихъ дѣлъ, частныхъ компаній для поземельнаго кредита.

Эти основанія, признаваемые датскимъ закономъ, какъ обязательныя для каждой учреждающейся компаніи, — слѣдующія:

1) Складочный компанейскій капиталъ не менѣе 3 мил. тал.
2) Заложенные имущества должны находиться въ одной и той же мѣстности, предназначенной для круга дѣйствій компаніи.

3) Ссуды не должны превосходить $\frac{2}{3}$ цѣны заложенныхъ имѣній.

4) Облигаціи, выпущенныя для производства ссудъ, никогда не должны превосходить сумму всѣхъ ссудъ.

- 5) Круговая отвѣтственность компаньоновъ.
- 6) Облигаціи не могутъ быть мельче 50 тал.
- 7) Постепенное ежегодное погашеніе долговыхъ капиталовъ.
- 8) Представленіе министру внутреннихъ дѣлъ отчета чрезъ каждое трехлѣтіе.

9) Взысканіе долговъ съ просроченныхъ имѣній съ ускоренною процедурою, и продажа ихъ въ пользу компаніи безъ всякаго судебнаго разбирательства.

10) Компаніи не стѣсняются никакимъ законнымъ размѣромъ процентовъ по своимъ ссудамъ и займамъ.

11) Всѣ государственныя и публичныя учрежденія обязаны помѣщать свои свободные капиталы въ компаніяхъ.

Образованіе компаній въ Даніи, на этихъ основаніяхъ, шло весьма успѣшно.

Въ Норвегіи (*) существуетъ гипотечный банкъ, дѣйствующій по такимъ точно правиламъ, какъ всѣ германскія земскія общества, уже достаточно извѣстныя читателямъ.

Мы сдѣлали очеркъ всѣхъ учрежденій поземельнаго кредита (сколько нибудь существенно важныхъ) въ западной Европѣ, въ кругу развитія кредита преимущественно для удовлетворенія землевладѣльческихъ и земледѣльческихъ интересовъ. Теперь намъ остается обратиться къ близкимъ намъ странамъ: Царству Польскому и Остзейскимъ губерніямъ, изъ которыхъ первое занимаетъ въ этомъ отношеніи одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ.

Устройство кредита въ Царствѣ Польскомъ (**) уже давно обращаетъ на себя справедливое вниманіе государственныхъ и финансовыхъ людей западной Европы и признается во многихъ отношеніяхъ образцовымъ.

Послѣ продолжительныхъ войнъ и внутреннихъ переворотовъ, въ концѣ XVIII и началѣ XIX столѣтій, недвижимыя имѣнія въ Польшѣ были обременены огромными долгами, поставившими и должниковъ-землевладѣльцевъ, и кредиторовъ — въ самое затруднительное положеніе. Для облегченія этого положенія учреждено было сеймомъ и Высочайше утверждено, въ

(*) Hübner. *Die Banken*, p. 218.

(**) Относительно устройства поземельнаго кредита въ Царствѣ Польскомъ, см. Jousseau, *Des institutions de crédit foncier*. Ch. I. — Чайковскаго. О земскомъ кредитномъ обществѣ Царства Польскаго. 1836. Колаковскаго. О поземельномъ кредитѣ въ Царствѣ Польскомъ. (Сел. Благ. 1838 г. №№ 9, 10 и 12).

1825 году, *земское кредитное общество Царства Польскаго*. Первоначальная цѣль учрежденія общества состояла въ томъ, чтобы: 1) оказать пособіе обремененнымъ долгами землевладѣльцамъ пониженіемъ процента долга и разсрочкою уплаты капитала; 2) обезпечить права заимодавцевъ, которые теперь имѣли уже, на мѣсто прежнихъ должниковъ, цѣлое общество, съ его совокупною гарантіею. Слѣдовательно главнѣйшая и первоначальная цѣль общества была — не открытіе кредита земледѣлію, а только обращеніе прежнихъ долговъ въ обязательства болѣе выгодныя для владѣльцевъ имѣній и болѣе прочныя для заимодавцевъ.

Поставивъ съ перваго дня своей дѣятельности осторожность главнымъ и непреложнымъ правиломъ всѣхъ своихъ операций, общество приняло на себя не всѣ долги, лежавшіе на недвижимыхъ имѣніяхъ, а подъ слѣдующими условіями:

1) Оно давало ссуды только тѣмъ поземельнымъ владѣніямъ, которыя были внесены въ губернскія гипотечныя книги (то есть которыхъ всѣ долговыя обязательства были опредѣлены точнымъ, формальнымъ порядкомъ и платили по крайней мѣрѣ 15 р. сер. ежегодной подати (офяры).

2) Имѣнія подвергались довольно низкой оцѣнкѣ, и ссуды производились только на $\frac{2}{3}$ цѣны cadaго имѣнія.

3) Всѣ постройки въ имѣніи должны быть застрахованы.

4) Общество получило отъ правительства привилегію производить свои взысканія не судебнымъ порядкомъ, сопряженнымъ съ формальностями и проволочками, а посредствомъ быстрыхъ административныхъ мѣръ.

Членами общества дѣлались всѣ тѣ владѣльцы имѣній въ Царствѣ Польскомъ, которые получали отъ него ссуды. Въ началѣ своихъ дѣйствій, общество вынуждено было дѣйствовать, въ виду чрезвычайныхъ обстоятельствъ, *принудительнымъ* образомъ. Каждый землевладѣлецъ могъ, получивъ ссуду изъ общества *закладными листами*, уплатить ими причитающуюся часть своихъ долговъ своему кредитору, если даже послѣдній и не былъ на это согласенъ. Въ то же время заимодавецъ могъ требовать отъ своего должника уплаты долга *закладными листами* и потому могъ его принудить вступить въ общество.

Всѣ ссуды, выданныя обществомъ при его учрежденіи, были разсрочены на 28 лѣтъ. Въ теченіе этого срока каждый заемщикъ долженъ былъ вносить въ общество ежегодно $\frac{4}{100}$ и

еще 2⁰/₀ на погашеніе капитала, въ полугодовые сроки. По закладнымъ листамъ, до выкупа ихъ изъ обращенія, уплачивались обществомъ 4⁰/₀; 2⁰/₀ шли на составленіе погасительнаго капитала, на счетъ котораго ежегодно выкупается изъ обращенія по тиражу часть закладныхъ листовъ. Въ тиражѣ участвуютъ предпочтительно закладные листы, представленные къ обмѣну ихъ владельцами. Закладные листы выпускаются разнаго достоинства, отъ 3,000 р. (20,000 злот.) до 30 р. с. (200 злот.), безъименные и именные, по желанію получающихъ. Къ листамъ приложены купоны для полученія процентовъ, въ полугодовые сроки. Первое время курсъ закладныхъ листовъ стоялъ въ публикѣ и на биржахъ невысоко, ниже номинальной своей цѣны; предвидя это обстоятельство, весьма естественное въ то время, когда не только въ Польшѣ, но и вообще въ Европѣ, гипотечныя облигаціи были цѣнностью совершенно новою въ обращеніи, общество прибѣгло къ обязательному курсу закладныхъ листовъ (*cours forcé*) то есть, къ той мѣрѣ принужденія въ приѣмѣ ихъ заимодавцами, о которой мы говорили выше. Очевидно, эта мѣра однозначуща съ *cours forcé*, потому что заимодавцы обязаны были принимать листы въ уплату сдѣланныхъ ими ссудъ, по номинальной или выпускной ихъ цѣнѣ. Такую мѣру, съ точки зрѣнія экономической теоріи, вообще нельзя оправдывать; но въ чрезвычайныхъ общественныхъ и государственныхъ обстоятельствахъ экономическая теорія должна дѣлать уступки. Такія чрезвычайныя обстоятельства были и въ Польшѣ, при учрежденіи земскаго кредитнаго общества. Должники пришли въ совершенную несостоятельность, и какъ имъ, такъ и ихъ кредиторамъ, угрожало конечное разореніе. Для обоихъ былъ единственный спасительный выходъ — разсрочка долговъ чрезъ посредство общества. Но при этомъ не должно забывать, что всякое лицо и учрежденіе, пользующееся какою либо *чрезвычайною* мѣрою, беретъ на себя большую долю отвѣтственности, которую не всегда легко нести. Чрезвычайная мѣра, насилующая естественное, свободное развитіе отправленій общественной жизни, обязываетъ пользующагося ею дѣйствовать *единственно* въ интересахъ людей, которыхъ свобода нарушена. Земское кредитное общество честно исполнило свой долгъ: всѣ его операціи были разсчитаны исключительно для удовлетворенія интересовъ, имъ затронутыхъ. Курсъ закладныхъ листовъ постоянно подымался и кредиторы ничего не проиграли. Въ 1826 году курсъ былъ

75 злотыхъ за 100 (то есть 11 руб. 25 коп. за 15 р. с.); въ 1838 г., 13 р. 57 $\frac{1}{2}$ к. за 15 р.; въ 1853 г., 14 р. 49 к. за 15 р., и наконецъ въ послѣдніе года за 15 р. давали 15 р. 27 к. Не должно упускать изъ виду, что даже въ періодъ низкихъ курсовъ кредиторы, удержавшіе въ своихъ рукахъ закладные листы, получили сполна свои капиталы изъ общества, при выходявшей для нихъ по тиражу очереди. Этотъ примѣръ близкой намъ страны долженъ служить для насъ полезнымъ воспоминаніемъ для будущаго времени; первоначальный курсъ кредитныхъ бумагъ при выпускѣ ихъ рѣдко остается тотъ же; часто самыя блестящія биржевыя преміи улетучиваются, какъ дымъ, и плохіе курсы, возникшіе при новизнѣ дѣла, поправляются. За исключеніемъ 1831 г., который по политическимъ обстоятельствамъ совершенно выходитъ изъ общаго уровня, польскіе закладные листы никогда не претерпѣвали слишкомъ значительныхъ пониженій; они такъ хорошо принялись въ публичномъ обращеніи, что требованіе на нихъ перешло границы Польши, и весьма значительное число ихъ продавалось на иностранныхъ биржахъ, особенно берлинской и бреславской.

Въ 1838 году первоначальный законъ *объ обязательности* вступленія должниковъ въ члены земскаго общества и пріема кредиторами закладныхъ листовъ былъ отмѣненъ, то есть, всякій принудительный курсъ уничтоженъ, что, какъ мы видѣли, не имѣло никакого неблагопріятнаго вліянія на курсы.

Согласно первоначальному своему уставу, общество должно было прекратить свои дѣйствія въ 1854 г., (то есть, по истеченіи 28 лѣтъ); но въ 1834 г., дозволенъ былъ еще одинъ (второй) выпускъ закладныхъ листовъ, также на 28 лѣтъ. Условія ссудъ остались тѣже, только дозволены были ссуды подъ имѣнія мелкопомѣстныхъ, платящія менѣе 7 $\frac{1}{2}$ р. с. подати (прежній *minimum*) и кромѣ новыхъ займовъ, заемщики перваго выпуска могли получить дополнителныя ссуды (или возобновленныя) тѣхъ частей долга, которыя были ими уже погашены. Въ 1853 году дозволенъ обществу третій выпускъ закладныхъ листовъ, также на 28 лѣтъ, то есть, по 1881 годъ. Слѣдуетъ замѣтить это различіе въ выпускѣ листовъ межу польскимъ обществомъ и большею частию германскихъ, которыя не имѣютъ никакихъ періодовъ для выпуска, а изготовляютъ и выдаютъ земскіе листы постоянно, по мѣрѣ требованія ссудъ. Мы не можемъ не отдать предпочтенія послѣдней системѣ, хотя понимаемъ, что она

представляет болѣе затрудненій для безошибочной комбинаціи погасительныхъ и выкупныхъ операций.

Всякій, получившій отъ общества ссуду, то есть, членъ его, — отвѣчаетъ за свой долгъ своимъ залогомъ, или имѣніемъ, подъ которое произведена ссуда; дальнѣйшая отвѣтственность лицомъ и имуществомъ здѣсь не имѣетъ мѣста. Но вмѣстѣ съ тѣмъ каждое имѣніе, заложенное въ обществѣ, несетъ на себѣ не только отвѣтственность за свой собственный, специальный долгъ, но и общую отвѣтственность по всѣмъ долгамъ или ссудамъ общества; эта общая *круговая* отвѣтственность членовъ должна быть, согласно 23 ст. устава, въ случаѣ привлеченія къ ней частныхъ имѣній членовъ, распредѣляема пропорціонально долгамъ, лежащимъ на каждомъ имѣніи. Еслибъ по истеченіи 28 лѣтъ (срока погашенія каждого выпуска закладныхъ листовъ), всѣ листы того выпуска не были выкуплены изъ обращенія, въ такомъ случаѣ имѣніе каждого члена, хотя бы его специальный долгъ былъ уже погашенъ, продолжаетъ выплачивать приходящуюся на его долю сумму процентовъ по непогашеннымъ долгамъ общества, до окончательнаго ихъ погашенія. Таково значеніе круговой отвѣтственности членовъ земскаго общества. Впрочемъ въ настоящее время эта отвѣтственность только номинальная, потому что общество имѣетъ свой собственный резервный капиталъ въ банкѣ, до трехъ миліоновъ руб. сер., который составляетъ общую собственность всѣхъ его членовъ и можетъ служить весьма достаточнымъ обезпеченіемъ противъ всякихъ случайностей. Общество не имѣетъ основаніемъ для своихъ операций никакого расчёта на барышъ, и старается доставлять своимъ членамъ капиталъ по тѣмъ самымъ процентамъ, какіе оно само выплачиваетъ вкладчикамъ (владѣльцамъ листовъ); но означенный капиталъ накопился изъ незначительнаго излишка ежегодно выплачиваемаго членами (около 51 коп. на 30 р. с.); изъ пеней за просрочку платежей и изъ сбереженій по расходамъ управленія.

Управленіе общества состоитъ изъ главной и окружныхъ дирекцій. Предсѣдатель главной дирекціи назначается высочайшею властію; всѣ прочіе члены дирекцій избираются обществомъ. Окружныя дирекціи, поставленныя наравнѣ съ губернскими присутственными мѣстами, принимаютъ объявленія отъ желающихъ вступить въ общество, готовятъ закладные листы, составляютъ въ гипотечныхъ книгахъ закладныя записи,

исключаютъ изъ нихъ погашенные долги и взимаютъ всѣ сборы и платежи въ пользу общества. Дѣйствія окружныхъ дирекцій находятся подъ наблюденіемъ прокуроровъ гражданскихъ губернскихъ трибуналовъ. Высшее управленіе сосредоточивается въ главной дирекціи въ Варшавѣ. Окружныя дирекціи состояются изъ мѣстныхъ членовъ общества; главная дирекція—изъ депутатовъ отъ каждаго округа. Главная дирекція разсматриваетъ и разрѣшаетъ представленія окружныхъ дирекцій о выдачѣ ссудъ, производитъ тиражъ закладныхъ листовъ и платежи процентовъ по невыкупленнымъ листамъ и капиталовъ по выкупаемымъ, наконецъ—вообще разрѣшаетъ всѣ вопросы и сомнительные случаи. За дѣйствіями главной дирекціи имѣетъ наблюденіе прокуроръ апелляціоннаго суда, который можетъ приносить на нее жалобы особому комитету общества. Комитетъ составляетъ высшую инстанцію общества и избирается имъ изъ своей среды, на окружныхъ собраніяхъ. Комитетъ не имѣетъ никакой власти распорядительной, а только высшее наблюденіе за общимъ ходомъ дѣлъ и направленіе ихъ къ цѣли, указанной уставомъ. Кромѣ всѣхъ этихъ учрежденій, есть еще комитетъ, состоящій изъ владѣльцевъ закладныхъ листовъ; онъ охраняетъ ихъ интересы, не имѣетъ никакого вмѣшательства въ дѣла общества и можетъ только представлять о встрѣчающихся недоумѣніяхъ и приносить жалобы на распоряженія общества.

Указываютъ на недостатки принятаго обществомъ способа оцѣнки имуществъ, отдаваемыхъ въ залогъ; но оцѣнка есть вообще дѣло весьма трудное и всюду сопровождающееся многими несовершенствами. Она производится въ Царствѣ Польскомъ, какъ и вездѣ, только приблизительно. Основаніемъ ея здѣсь служитъ подать, извѣстная подъ именемъ *офяры*. Сумма этой подати, получаема съ каждаго имѣнія, должна быть умножена на 5 и потомъ на 20; произведеніе этихъ чиселъ и принимается за цѣну имѣнія. Замѣчаютъ, что множитель 5, представляющій собою пропорцію подати къ ежегодному чистому доходу имѣнія, невѣренъ; но при отсутствіи кадастра это было единственно-возможное основаніе для оцѣнокъ общества.

Каждая изъ нашихъ остзейскихъ губерній (*) имѣтъ свой дворянскій гипотечный банкъ; банки эти называются *кредитными системами* (Creditsystemen). Эти банки учреждены мѣстнымъ дворянствомъ, на основаніи Высочайшаго указа 1802 года, послѣдовавшаго вслѣдствіе ходатайства о томъ лифляндскихъ и эстляндскихъ дворянъ. Въ устройствѣ своемъ они весьма сходны съ германскими кредитными обществами землевладѣльцевъ.

Назначеніе всѣхъ остзейскихъ дворянскихъ кредитныхъ обществъ — содѣйствовать выпускомъ обязательствъ, обезпеченныхъ совокупнымъ ручательствомъ всѣхъ ихъ членовъ, кредиту каждаго изъ нихъ, точно такъ же, какъ и въ германскихъ земскихъ компаніяхъ. Мы расскажем устройство лифляндскаго общества, самаго старѣйшаго изъ трехъ.

Каждый владѣлецъ дворянскаго имѣнія въ Лифляндіи можетъ быть членомъ или заемщикомъ общества. Закладные листы (Pfandbriefe), выпускаемые дирекціями общества, обезпечиваются какъ относительно возврата капиталовъ, такъ и уплаты процентовъ владѣльцамъ ихъ, имѣніями всѣхъ членовъ; потому въ случаѣ неисправности кого либо изъ заемщиковъ, владѣлецъ листовъ, выпущенныхъ подъ залогъ его имѣнія, не имѣтъ надобности искать удовлетворенія съ этого имѣнія, а продолжаетъ безостановочно получать проценты изъ кассы общества и обезпеченъ въ возвратѣ капитала ручательствомъ всего общества. Закладные листы надписываются на владѣльца ихъ и на то имѣніе, подъ которое выпущены. Каждый владѣлецъ закладнаго листа можетъ посредствомъ бланковой надписи открыть свободное для него обращеніе отъ одного лица къ другому или посредствомъ объявленія въ дирекцію общества перевести его на другое имя. Закладные листы въ 100 р. с. цѣнности обращаются безъ всякихъ передаточныхъ надписей, то есть, считаются собственностью того, въ чьихъ рукахъ каждый разъ находятся. Управление дѣлами общества сосредоточено въ главной и подчиненныхъ ей уѣздныхъ дирекціяхъ; но всѣ дирекціи (главная и уѣздныя) непосредственно подчинены рѣшеніямъ общаго собранія членовъ общества. Закладные листы общества принимаются

(*) S. v. Himmelstiern. *Das livländische Creditsystem*, Riga 1838. — *Das Ehstländische Creditsystem*. Reval. 1846. — *Grundsätze zur Taxation der Güter bei der Ehstländischen adeligen Credit-Casse*. Reval. 1845. — Hübner. *Die Banken*. p. 229. — Josseau. *Des institutions, etc.* p. 5. — Уставы всѣхъ остзейскихъ банковъ находятся въ Полномъ Собраніи Законовъ,

въ залогъ казною по всѣмъ казеннымъ подрядамъ, поставкамъ, откупамъ, арендамъ и проч. Таковы главныя основанія лифляндскаго дворянскаго банка. Войдемъ въ нѣкоторыя подробности его организаціи.

Общія собранія происходятъ въ одно время и въ связи съ собраніями дворянства (ландтагъ); кромѣ того могутъ быть созываемы и чрезвычайныя общія собранія по приглашенію главной дирекціи. Членъ, не являющійся въ общее собраніе безъ всякихъ законныхъ причинъ, подлежитъ штрафу въ 100 р. с. Въ случаѣ болѣзни, занятій по службѣ и прочихъ законныхъ причинъ, отсутствующій можетъ подать голосъ письменно. Объ открытіи каждаго общаго собранія доводится черезъ депутатовъ до свѣдѣнія начальника губерніи. Открывается общее собраніе главнымъ директоромъ, но въ предсѣдатели избирается, по большинству голосовъ, каждый разъ другое лицо, которое не можетъ быть въ тоже время членомъ дирекціи. Общее собраніе разсматриваетъ докладъ главной дирекціи: о распоряженіяхъ, сдѣланныхъ ею въ исполненіе рѣшеній послѣдняго общаго собранія, о положеніи дѣлъ общества, о новыхъ требующихъ разрѣшенія вопросахъ, о поступившихъ жалобахъ и просьбахъ, о заявленныхъ посторонними лицами желаніяхъ. Всякое предложеніе общему собранію представляется предсѣдателю, который передаетъ его на предварительное разсмотрѣніе особой комиссіи или частнаго собранія членовъ (Enge-Ausschuss). Затѣмъ общее собраніе само возбуждаетъ разные вопросы и даетъ наставленія въ руководство главной дирекціи или въ измѣненіе существующаго порядка операций, если такое измѣненіе не противно уставу. Наконецъ общее собраніе избираетъ членовъ дирекцій и частнаго собранія. Это частное собраніе, обрабатывающее всѣ дѣла для общаго собранія, состоитъ изъ пяти членовъ. Въ засѣданіяхъ частнаго собранія присутствуютъ всѣ директоры общества и предсѣдатель общаго собранія, но не имѣютъ права голоса. Общее собраніе должно непременно состоять изъ 15 наличныхъ членовъ. Помѣщики, непринадлежащіе къ обществу, могутъ присутствовать въ общихъ собраніяхъ, но безъ права участія въ сужденіяхъ. Члены общества женскаго пола могутъ передавать свой голосъ мужьямъ или, въ случаѣ смерти послѣднихъ, совершеннолѣтнимъ сыновьямъ. Всѣ тѣ владѣльцы закладныхъ листовъ, которые принадлежатъ къ лифляндскому дворянству, имѣютъ также право голоса въ общихъ собраніяхъ. Члены общества, имѣнія кото-

торыхъ вслѣдствіе взысканія недоимокъ находятся подѣ секвестромъ, не имѣютъ права голоса въ общихъ собраніяхъ. Всѣ дѣла рѣшаются здѣсь по большинству голосовъ; противъ такихъ рѣшеній не допускается никакихъ жалобъ и протестовъ со стороны членовъ. Несогласные могутъ лишь подать особое мнѣніе.

Въ члены дирекціи избираются члены общества, не опорочившіе себя никакими предосудительными поступками и не разстроившіе своихъ имѣній безпорядочнымъ хозяйствомъ. Члены дирекціи не могутъ въ тоже время занимать никакой другой должности въ коронной или земской службѣ. Въ этомъ отношеніи допускается исключеніе только для ландратовъ, когда они не имѣютъ впрочемъ еще какой либо должности. Никто изъ членовъ общества не имѣетъ права отказываться отъ должности, въ которую будетъ избранъ. Въ выборахъ членовъ главной дирекціи участвуютъ всѣ члены общаго собранія; а въ выборахъ для уѣздныхъ дирекцій только члены, принадлежащіе каждому округу. Всѣ члены дирекціи и ихъ должностныя лица получаютъ содержаніе отъ общества.

Главная дирекція (въ Ригѣ) состоитъ изъ главнаго директора (*Ober Director*) и двухъ совѣтниковъ; при ней особый синдикъ изъ ученыхъ юристовъ. Членами главной дирекціи могутъ быть только тѣ лифляндскіе дворяне, на имѣніяхъ которыхъ состоитъ долговъ не болѣе $\frac{2}{3}$ по ихъ цѣнѣ. Они состоятъ въ должности три года, по истеченіи которыхъ могутъ быть вновь избраны. Всѣ три члена главной дирекціи, должны непременно быть въ Ригѣ, во время общихъ собраній и засѣданій коммиссіи, къ срокамъ платежей и процентовъ; въ остальное время они могутъ чередоваться. Главная дирекція руководитъ всѣми операціями общества и наблюдаетъ за окружными дирекціями; къ ней поступаютъ всѣ жалобы на должностныхъ лицъ общества, и она рѣшаетъ всѣ дѣла противъ нихъ административнымъ порядкомъ, ни въ какомъ случаѣ не прибѣгая къ формѣ процесса. Недовольные ея рѣшеніями могутъ обращаться въ общее собраніе, которое составляетъ высшую инстанцію. Главная дирекція разрѣшаетъ недоразумѣнія въ окружныхъ дирекціяхъ относительно оцѣнки имѣній, и вообще всякія ихъ недоразумѣнія. Она ежегодно производитъ ревизію ихъ кассъ.

Каждая уѣздная дирекція (*Districts-Direction*) состоитъ изъ одного директора и трехъ ассессоровъ. Уѣздныхъ дирекцій двѣ: въ Ригѣ и Дерптѣ. Въ члены каждой уѣздной дирекціи избира-

ются: члены общества, имѣнія которыхъ ^внаходятся въ томъ округѣ. Всѣ они должны проводить большую часть года при своей должности, въ которую избираются на три года. На обязанности уѣздной дирекціи лежитъ вообще завѣдываніе операціями общества въ своемъ уѣздѣ и охраненіе въ его предѣлахъ всѣхъ интересовъ общества. Въ особеннсти же занятія уѣздныхъ дирекцій состоятъ въ слѣдующемъ: 1) изслѣдованіе состоятельности помѣщиковъ, желающихъ заложить свои имѣнія; 2) изготовленіе, надписаніе и выдача закладныхъ листовъ; 3) оцѣнка имѣній, подъ которыя выдаются ссуды; 4) пріемъ платежей отъ должниковъ и уплата процентовъ владѣльцамъ закладныхъ листовъ; 5) взысканіе недоплатъ и наложеніе необходимыхъ для того секвестровъ; 6) надзоръ за имѣніями, находящимися подъ секвестромъ и завѣдываніе отчетностью по нимъ; 7) наблюденіе за общимъ ходомъ хозяйства въ заложенныхъ имѣніяхъ и своевременное принятіе мѣръ къ предупрежденію всякихъ злоупотребленій, могущихъ нанести ущербъ залогамъ общества. Съ этою цѣлію уѣздныя дирекціи должны освѣдомляться о всѣхъ арендахъ по заложеннымъ имѣніямъ и требовать отъ помѣщиковъ устраненія арендъ, разстроивающихъ имѣнія. Въ этомъ случаѣ помѣщики могутъ приносить жалобы на уѣздныя дирекціи въ главную дирекцію. Послѣ каждаго платежнаго срока (два раза въ годъ: въ маѣ и ноябрѣ), дирекціи составляютъ полную вѣдомость о состояніи своихъ оборотовъ для главной дирекціи.

На одного изъ ассессоровъ возлагается спеціально завѣдываніе осеквестрованными имѣніями и въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ назначается даже кураторомъ къ имѣнію, вмѣсто найма посторонняго лица.

Кромѣ главной дирекціи, состоитъ въ обществѣ особый контрольный комитетъ подъ названіемъ кредитъ-конвентъ (*Kredit-Konvent*). Члены его: главный директоръ общества, ландраты, губернскій предводитель дворянства и окружные депутаты отъ дворянства. Кредитъ-конвентъ собирается въ іюнѣ и декабрѣ, и передъ общими собраніями. Онъ разсматриваетъ дѣйствія главной дирекціи, имѣетъ нѣкоторымъ образомъ контроль надъ нею и преимущественно печется о состояніи денежныхъ суммъ и финансовой части общества. Въ крайнихъ случаяхъ онъ можетъ замѣнить собою общее собраніе. Впрочемъ, вообще неясно представляется значеніе этой инстанціи, безъ которой легко было бы обойтись,

Общее собраніе избираетъ изъ своей среды трехъ комиссаровъ, которые по истеченіи каждаго года разсматриваютъ дѣйствія главной дирекціи и представляютъ свои отчеты кредитъ-конвенту.

Изъ всего изложеннаго видно, что устройство управленія лифляндскаго общества довольно сложно и, сколько намъ кажется, безъ всякой надобности загромождено лишними инстанціями, каковы: кредитъ-конвентъ, частное собраніе и комиссары. Всѣ они могли бы быть замѣнены одною ревизіонною комиссіею, если промежутки времени между общими собраніями слишкомъ продолжительны. Всѣ инстанціи общества, кромѣ того, имѣютъ при себѣ большое число чиновниковъ, которое внушаетъ подозрѣніе, не было ли здѣсь излишняго увлеченія бюрократическимъ духомъ, соблазны котораго не слишкомъ далеки отъ остзейскихъ провинцій.

Ссуды и закладные листы могутъ быть выдаваемы только подъ частныя имѣнія, (въ томъ числѣ и подъ майораты и фидеикомиссы); потому они никакъ не могутъ быть выдаваемы подъ казенныя, городскія и всякія иныя публичныя имущества. Если одно имѣніе принадлежитъ нѣсколькимъ лицамъ, то каждое изъ нихъ, съ согласія остальныхъ, можетъ получить ссуду подъ свою часть, если только она по оцѣнкѣ не ниже 4,500 р. Мелкія имѣнія (менѣе одного гагена) и отдѣльные дворы не могутъ получать ссудъ. Въ большихъ имѣніяхъ, принадлежащихъ одному помѣщику, не можетъ быть закладываемо только извѣстное количество земли, съ оставленіемъ свободною отъ залога остальной земли. Это послѣднее правило, кажется, намъ излишнимъ стѣсненіемъ, вовсе не необходимымъ для прочности открываемаго кредита. Если оно поставлено изъ опасенія, что, въ случаѣ неисправности заемщика, раздробленныя части его имѣнія не будутъ имѣть настоящей цѣны при продажѣ, то это затрудненіе можетъ быть устранено особенно низкою оцѣнкою такихъ частей. Каждое имѣніе получаетъ закладныхъ листовъ не болѣе, какъ на $\frac{2}{3}$ своей цѣны, по оцѣнкѣ. Каждый лифляндскій дворянинъ можетъ вступить въ члены общества и не требовать въ тоже время ссуды подъ свое имѣніе, а предоставить себѣ это право для будущаго времени; онъ можетъ также получить ссуду или закладные листы и сохранять ихъ у себя, не выпуская въ обращеніе, до тѣхъ поръ, пока не встрѣтитъ въ томъ надобности. Но въ послѣднемъ случаѣ, онъ все-таки уплачиваетъ проценты, слѣдую-

ціе съ него, какъ съ заемщика, хотя въ тоже время получаетъ проценты, слѣдующіе ему, какъ владѣльцу закладныхъ листовъ. Каждый заемщикъ можетъ во всякое время выплатить часть своего долга взносомъ въ кассу закладныхъ листовъ, выпущенныхъ подъ его имѣніе, или же всякихъ другихъ листовъ общества; если онъ желаетъ внести чистыми деньгами, то обязанъ заявить о томъ за 6 мѣсяцевъ; пропорціонально такому взносу уменьшаются и ежегодно слѣдующіе съ него проценты. Это весьма важное облегченіе; мы видимъ, что не всѣ земскіе банки допускаютъ эту льготу; во всякомъ случаѣ они требуютъ предварительнаго заявленія желанія уплатить часть долга. Закладные листы въ Лифляндіи выдаются такого достоинства, какъ желаютъ заемщики, отъ 1000 до 100 р. каждый. Мелкихъ закладныхъ листовъ (ниже 500 р.) выдается всякій разъ не менѣе какъ на $\frac{1}{20}$ всей ссуды. Ко всѣмъ закладнымъ листамъ прилагаются особые купоны для полученія процентовъ. Каждый закладной листъ можетъ быть предъявленъ въ кассу общества къ обмѣну на чистыя деньги, которыя и выдаются владѣльцу закладнаго листа черезъ 6 мѣсяцевъ послѣ его требованія; значить — вкладчики могутъ всегда требовать возврата своихъ капиталовъ. Это обстоятельство, какъ мы уже знаемъ, очень важное въ планѣ операций всякаго гипотечнаго банка; большею частію германскія гипотечныя учрежденія не допускаютъ у себя востребованія капиталовъ, и вмѣсто того сами ежегодно выкупаютъ по тиражу извѣстную часть закладныхъ листовъ. Прусскіе институты (въ Силезіи) не выдержали обязанности возврата капиталовъ по требованію вкладчиковъ, и рядомъ важныхъ финансовыхъ затрудненій пришли къ необходимости закрыть обмѣнъ закладныхъ листовъ на деньги.

Каждый помѣщикъ, желающій получить ссуду подъ свое имѣніе, обращается о томъ съ просьбою въ главную дирекцію, которая сперва допускаетъ его въ члены общества, если онъ еще не членъ. Послѣ того производится главною дирекціею публикація (въ теченіе 3 мѣсяцевъ) въ вѣдомостяхъ съ вызовомъ всѣхъ кредиторовъ такого помѣщика, котораго долги не вписаны въ гипотечныя книги по его имѣнію и вообще съ вызовомъ всякихъ могущихъ возникнуть претензій противъ заключенія по-
го займа. Эта формальность, кажется намъ, совершенно излишнею, ибо всякая ссуда общества имѣетъ преимущество (первой ипотеки) передъ всѣми долгами по имѣнію, не обезпеченными

посредствомъ закладнаго акта. Послѣ публикаціи производится, по просьбѣ заемщика, уѣздною дирекціею мѣстное обслѣдованіе его имѣнія. Затѣмъ представляются уѣздной дирекціи всѣ документы на право владѣнія имѣніемъ; эти документы передаются на храненіе въ главную дирекцію. Всѣ собранныя свѣдѣнія относительно имѣнія и его оцѣнки уѣздная дирекція представляетъ въ главную. Заемщикъ составляетъ закладной актъ на имѣніе установленнымъ порядкомъ и вмѣстѣ съ инвентарною описью представляетъ въ уѣздную дирекцію, а послѣдняя въ главную. Окончательное рѣшеніе о выдачѣ ссуды зависитъ отъ главной дирекціи. На выдаваемыхъ закладныхъ листахъ судебныя мѣста (Hofgerichte) совершаютъ надпись о внесеніи ихъ въ гипотечныя книги. Наконецъ закладные листы, по окончаніи всѣхъ формальностей, которыя мы указали здѣсь только бѣглымъ образомъ, выдаются изъ уѣздной дирекціи заемщику или кому онъ поручитъ. Вмѣсто закладныхъ листовъ общество выдаетъ заемщику, когда признаетъ это для себя удобнымъ, и чистыя деньги, отъ принятія которыхъ онъ не можетъ отказываться.

Величина процента по ссудамъ лифляндскаго общества опредѣляется главною дирекціею, съ утвержденія кредитъ-конвента или общаго собранія. Процентъ вносится заемщиками въ кассу уѣздныхъ дирекцій или главной дирекціи (которая выдаетъ квитанцію для заявленія въ уѣздныя дирекціи) два раза въ годъ. При просрочкѣ процентныхъ взносовъ въ теченіе одного мѣсяца заемщики уплачиваютъ $\frac{1}{2}\%$ пени (на слѣдующія суммы); при просрочкѣ болѣе одного мѣсяца взыскивается 3% пени. Всѣ взносы производятся чистыми деньгами, и именно серебряными рублями.

Въ тѣ же сроки, въ которые поступаютъ взносы процентовъ отъ должниковъ, уплачиваются обществомъ проценты владѣльцамъ закладныхъ листовъ. Кромѣ того, послѣдніе могутъ получать проценты и послѣ срока, во всякое время. Проценты по каждому закладному листу выдаются безъ различія въ кассѣ каждой дирекціи.

Въ случаѣ неисправности своихъ должниковъ, общество налагаетъ на имѣнія ихъ секвестръ. Окружная дирекція можетъ прибѣгнуть къ этой мѣрѣ даже тотчасъ по истеченіи платежныхъ сроковъ. Подлежащія судебныя мѣста, къ которымъ обращаются требованія дирекцій, обязаны немедленнымъ и безпрекословнымъ ихъ исполненіемъ. Если по изслѣдованію уѣзд-

ной дирекціи окажутся обстоятельства, причинившія неисправность должниковъ и совершенно независѣвшія отъ ихъ предъусмотрѣнія, то такимъ должникамъ дѣлаются отсрочки. Уѣздныя дирекціи не могутъ давать отсрочекъ болѣе, чѣмъ на 6 мѣсяцевъ; болѣе продолжительныя отсрочки разрѣшаются кредитъ-конвентомъ. За неправильныя отсрочки отвѣтствуютъ члены уѣздныхъ дирекцій. Секвестръ имѣнія заключается въ безусловной передачѣ всего хозяйства и наличнаго имущества по имѣнію въ руки лица, уполномоченнаго обществомъ. Управление арестованнымъ имѣніемъ можетъ быть поручено и прежнему управителю имѣнія, съ отвѣтственностью передъ обществомъ. Всякій уполномоченный отъ общества для управления имѣніемъ получаетъ денежное вознагражденіе. Секвестръ продолжается до тѣхъ поръ, пока общество покроетъ изъ доходовъ имѣнія всѣ свои недоимки и расходы. Вообще секвестръ съ управленіемъ отъ общества не долженъ продолжаться болѣе одного года; по истеченіи года, если недоимки не покрыты, имѣніе отдается въ многолѣтнюю аренду. Неисправный помѣщикъ можетъ оставаться на жительствѣ и въ арестованномъ имѣніи, безъ всякаго вмѣшательства въ хозяйство; но если присутствіе его неудобно для правильнаго хода управленія, то онъ удаляется вовсе изъ имѣнія. Въ послѣднемъ случаѣ общество выдаетъ ему отъ 50 до 150 руб. въ годъ квартирныхъ денегъ и кромѣ того на содержаніе въ небольшомъ количествѣ разные припасы въ натурѣ: (около $7\frac{1}{2}$ четвериковъ ржи, $1\frac{1}{4}$ четверикъ гречневой крупы, $\frac{1}{2}$ чет. гороха, $7\frac{1}{2}$ четв. овса, и сѣна на 6 коровъ ежемѣсячно). Къ наблюденію за секвестрованнымъ имѣніемъ и его управленіемъ приглашается одинъ изъ сосѣднихъ помѣщиковъ-членовъ общества, въ качествѣ куратора или попечителя. Отъ этой обязанности никто изъ членовъ не можетъ отказываться. Попечитель отвѣчаетъ своимъ имуществомъ за всѣ ущербы по имѣнію; онъ получаетъ 5% чистаго дохода въ вознагражденіе за свои труды. Всѣ отчеты по арестованному имѣнію сообщаются его владѣльцу, который можетъ дѣлать уѣздной дирекціи всякія представленія относительно управленія имѣніемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ имѣетъ всегда право на полученіе всякихъ свѣдѣній о состояніи своего имѣнія. Вообще же попечитель и управитель ни въ чемъ не подчинены владѣльцу, который не иначе входитъ съ ними въ соприкосновеніе, какъ чрезъ дирекцію. Всякое неудовольствіе на уѣздную

дирекцію можетъ быть владѣльцемъ представляемо главной дирекціи, которая производитъ изслѣдованіе. Наконецъ онъ можетъ обращаться съ жалобами и въ кредитъ-конвентъ, и въ общее собраніе. Если арестованное имѣніе такъ разстроено, что доходы съ него не покрываютъ слѣдующихъ процентовъ, то взысканіе недонимокъ обращается на прочее имущество должника. Если же и эта мѣра оказывается недостаточною, то проценты покрываются изъ собственныхъ фондовъ общества, или же имъ заключается заемъ. И при исправныхъ взносахъ процентовъ со стороны заемщика, имѣніе его можетъ быть арестовано обществомъ, когда на него предъявляются взысканія со стороны постороннихъ его кредиторовъ. Никакое взысканіе не можетъ быть обращено на имѣніе, заложенное въ обществѣ, помимо его; всѣ такіа взысканія удовлетворяются обществомъ по очищеніи собственныхъ его недоимокъ. Если никакіа мѣры (хозяйственнаго управленія или отдачи въ аренду), принимаемая обществомъ относительно арестованнаго имѣнія, не удовлетворяютъ состоящимъ на немъ долгамъ, то имѣніе продается съ публичнаго торга.

Мы сказали, что лифляндское общество обязано производить обмѣнъ закладныхъ листовъ на чистыя деньги, чрезъ 6 мѣсяцевъ по предъявленіи; то же самое право имѣетъ и само общество на выпущенные имъ листы, т. е. оно всегда можетъ выкупить ихъ изъ обращенія, заявивши о своемъ намѣреніи 6 мѣсяцевъ впередъ. Общество имѣетъ слѣдующіе способы къ возврату капиталовъ по предъявляемымъ ему листамъ: 1) выкупъ листовъ заемщиками, подъ имѣнія которыхъ они выпущены и которые изъявили желаніе получить ихъ обратно, т. е. погасить часть своего долга чистыми деньгами; 2) собственный фондъ общества; 3) денежные вклады въ общество. Собственный фондъ общества, на счетъ котораго производятся всѣ его расходы, составляется изъ слѣдующихъ источниковъ: 1) пошлина на изготовленіе закладныхъ листовъ, взыскиваемая съ cadaго заемщика, при выдачѣ ему ссуды, и именно за каждый листъ въ 500 р. и выше по 2 р. 5 к., и въ 100 р., по 1 р. 5 к.; 2) пошлина съ заемщиковъ за квитанціи въ полученіи полугодовыхъ процентовъ, каждый разъ по 5 к. съ cadaго листа. (Такимъ образомъ мелкіе листы обходятся заемщикамъ гораздо дороже крупныхъ.) 3) Пошлина за полученіе званія члена, по 10 руб. съ cadaго гакена; 4) сборъ на расходы по управленію, ежегодно распредѣляе-

мый на всѣхъ заемщиковъ, пропорціонально ихъ долгамъ. Общество принимаетъ вклады, превышающіе 27,000 руб. только съ разрѣшенія общаго собранія, и лишь въ крайнихъ случаяхъ — съ разрѣшенія кредитъ-конвента. Вкладчикамъ выдаются по возможности закладные листы, предъявленные къ обмѣну; но могутъ быть, въ случаѣ надобности, заключаемы обществомъ займы и съ выдачею отъ его имени другихъ долговыхъ обязательствъ. Общество заключаетъ такіе займы на продолжительное время, по возможности на 10 лѣтъ. Общество принимаетъ вклады и съ условіемъ уплаты вкладчикамъ процентовъ на проценты, но послѣднее не иначе, какъ если вклады сдѣланы закладными листами. Такіе вклады могутъ быть возвращаемы обществомъ по востребованію, но уже не чистыми деньгами, а закладными листами.

Лифляндское общество принимаетъ также въ нѣкоторыхъ опредѣленныхъ случаяхъ *депозиты*, въ закладныхъ листахъ или въ монетѣ, то есть, капиталы частныхъ лицъ для храненія въ своихъ помѣщеніяхъ.

Въ лифляндскомъ кредитномъ обществѣ не постановлено обязательнаго погашенія занятыхъ капиталовъ ежегодными процентными платежами; но, конечно, каждый заемщикъ, имѣя во всякое время право вносить всякія суммы въ уплату своего капитальнаго долга и вмѣстѣ съ тѣмъ имѣя право на соразмѣрное этимъ взносамъ уменьшеніе суммы слѣдующихъ съ него процентовъ, можетъ самъ устроить для себя постепенное погашеніе своего долга, который, при его исправности, никогда не требуется отъ него разомъ.

Всѣ остзейскіе дворянскіе банки устроены на тѣхъ же самыхъ основаніяхъ, какъ и лифляндскій. Въ послѣднее время эстляндское общество (называющееся *Garantirende Gesellschaft*, также *Esthländische adelige Credit-Casse*) установило у себя обязательное ежегодное погашеніе по $\frac{2}{3}\%$. Кромѣ того въ уставѣ эстляндскаго общества болѣе опредѣлительно выражено круговое обезпеченіе закладныхъ листовъ всѣми имѣніями его членовъ (на $\frac{2}{3}$ ихъ цѣны, то есть, въ той части, въ какой они заложены). Въ лифляндскомъ обществѣ, точно такъ же какъ и въ остальныхъ двухъ, каждый закладной листъ обезпеченъ ручательствомъ всего общества; но не опредѣлено — въ какихъ границахъ лежитъ это обезпеченіе на членахъ, и потому оно какъ будто является болѣе нравственнымъ, чѣмъ вещественнымъ.

Изъ всего сказаннаго видно, что остзейскіе гипотечные банки имѣютъ исключительный сословный характеръ, закрывающій доступъ къ кредиту мелкимъ поземельнымъ собственникамъ и всѣмъ лицамъ, не принадлежащимъ къ остзейскому дворянству. Мы уже замѣтили правило о постоянномъ обмѣнѣ въ кассѣ общества закладныхъ листовъ по востребованію и совершенное отсутствіе системы постепеннаго выкупа листовъ изъ обращенія на счетъ особаго погасительнаго фонда. Мы не совсемъ понимаемъ возможность правильнаго движенія операций гипотечнаго учрежденія, допустившаго у себя возвратъ вкладовъ по востребованію; по убѣжденію членовъ остзейскихъ обществъ это необходимо для поддержанія курса закладныхъ листовъ въ публичномъ обращеніи. Но всякій гипотечный банкъ, дѣйствующій на этомъ основаніи и поставленный сколько нибудь въ соприкосновеніи съ оживленною промышленною дѣятельностію и всемірными кредитными рынками, не могъ бы выдержать долго такой обязанности. Разумѣется, остзейскіе банки дѣйствуютъ при иныхъ экономическихъ условіяхъ; они удовлетворяютъ потребностямъ нѣскольکو замкнутыхъ мѣстностей (исключая впрочемъ Риги), потребностямъ хозяйства и людей, весьма постоянныхъ въ своихъ привычкахъ и весьма не быстро измѣняющихся (*).

Кромѣ дворянскихъ банковъ, существуетъ въ остзейскихъ губерніяхъ *крестьянскій банкъ*, для выкупа крестьянскихъ земель. Мы будемъ говорить о немъ ниже.

Остзейскими губерніями мы закончимъ нашъ обзоръ землевладѣльческихъ гипотечныхъ учрежденій, и въ будущей статьѣ перейдемъ къ гипотечнымъ банкамъ въ тѣсномъ смыслѣ слова, то есть, къ кредитнымъ учрежденіямъ, дѣйствующимъ въ кругу поземельнаго кредита, въ видахъ прибылей для банка или капиталистовъ.

ВЛАДИМИРЪ БЕЗОВАРОВЪ.

(*) Мы пользуемся этимъ случаемъ, чтобы высказать нашу благодарность эстляндскому предводителю дворянства, графу Кейзерлингу, обязательно сообщившему намъ нѣкоторыя свѣдѣнія относительно остзейскихъ обществъ; намъ недостаетъ ближайшихъ данныхъ объ ихъ оборотахъ и финансовомъ положеніи, которое при отсутствіи печатныхъ отчетовъ не можетъ быть, къ крайнему сожалѣнію, доступно обсужденію публики.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ЛОНДОНСКІЯ ЗАМѢТКИ.

III.

МОНУМЕНТАЛЬНЫЙ ЛОНДОНЪ.

Чтобы видѣть монументальную сторону Лондона, надо отправиться бродить по улицамъ его въ воскресенье, когда британская столица сдерживаетъ на двадцать четыре часа свою неугомонную суету и предается официальному умиленію.

Все, чего вы не замѣчали и прежде, развлекаясь шумомъ и гамомъ со всѣхъ сторонъ, можно вамъ осмотрѣть теперь совершенно спокойно. Останавливаться на тротуарахъ уже не опасно; переходить черезъ улицу — тоже. Правда, omnibuses не прекращаютъ своего движенія, кэбы тоже спуютъ по улицамъ очень усердно; но ѣзда ихъ какъ-будто скромнѣе, какъ-будто менѣе гремѣть колеса, не такъ громко кричатъ кондукторы, подь-стать безстрастно-спокойнымъ лицамъ своихъ пассажировъ. Тротуаровъ и совѣмъ не узнаешь. Гдѣ эта озабоченная толпа, бѣгущая куда-то стремглавъ, сбивающая васъ съ ногъ, какъ прорвавшій плотину потокъ? Всѣ идутъ такъ тихо, такимъ ровнымъ и мирнымъ шагомъ; и безъ того длинныя лица стали какъ будто еще угловатѣе. Подумаешь, что всѣ, кто ни идетъ по улицѣ, отправляются на похороны. Какъ-разъ кстати, то тамъ, то сямъ дребезжатъ траурныя, обитыя чернымъ сукномъ кареты, которыхъ не встрѣтишь въ будни: кучера, съ обмотанными вокругъ черныхъ круглыхъ шляпъ бѣлыми

полотенцами, качаются на высокихъ козлахъ: лакеи въ черныхъ ливреяхъ, съ такими же бѣлыми полотенцами на шляпахъ, трясутся на высокихъ запяткахъ; сквозь каретныя стекла виднѣются траурныя платья лэди и джентльменовъ. Какъ не сочувствовать печали этихъ лэди и джентльменовъ, когда, кажется, весь городъ сочувствуетъ? Ну, не похоронныя ли лица вездѣ, направо, налево, спереди, сзади? Вотъ даже круглолицый извозчикъ, красный отъ водки, какъ варенный ракъ, какъ будто отираетъ слезу. Можетъ быть, это капля пота, капля тумана; но тѣмъ не менѣе онъ ее отираетъ грязнымъ клѣтчатымъ платкомъ, и это не мало способствуетъ общему впечатлѣнію унылой картины. И туманъ кажется въ воскресенье гуще, и угольный чадъ сѣрѣе, и темныя кирпичныя стѣны домовъ чернѣе; окна и двери магазиновъ и лавокъ такъ плотно закрыты; черныя ставни такъ черны, и бѣлыя буквы надписей на нихъ такъ бѣлы! Трауръ, совершенный трауръ!

И какой заунывный звонъ стонетъ надъ всѣмъ городомъ! Надо вѣроятно съ дѣтства наслушаться этихъ колоколовъ, чтобы находить въ ихъ странномъ, похожемъ на рывканье, отрывистомъ звукѣ нѣчто поэтическое, какъ находитъ Диккенсъ, и конечно не одинъ Диккенсъ. Воскресный звонъ, какъ и самое воскресенье, должны быть впрочемъ очень пріятны для богатаго англичанина, окруженнаго дома комфортомъ и отдыхающаго отъ тревожныхъ будничныхъ дней. Если притомъ ипокризія вошла уже въ плоть и кровь, то предаваться заказному благоговѣнію и питать свой умъ чтеніемъ назидательныхъ книгъ, чтобы завтра, въ будни, съ удвоенной энергіей заняться эксплуатаціей ближняго и преимущественно нищей братіи, должно дѣлать изъ мирнаго воскреснаго дня истинный праздникъ для всякаго почтеннаго негоціанта, для всякаго филантропическаго лорда. Я увѣренъ, что даже Барнумъ, читающій по буднямъ публичныя лекціи о надуваніи ближнихъ и объ искусствѣ набивать карманъ, просвѣтляется душой въ воскресное утро, беретъ въ руки вмѣсто бумажника небольшую книжечку въ красномъ сафьянномъ переплетѣ съ золотымъ обрѣзомъ и идетъ въ свой приходъ. Нельзя поручиться даже, что онъ не дастъ стараго, стертаго, какъ солдатская пуговица, пенни жалкому старику въ лохмотномъ пальто, продранныхъ сапогахъ и проломленной шляпѣ, или босоному грязному мальчику въ печальныхъ отрешьяхъ, — съ голой грудью, подставленной сырому вѣтру, — или злосчастной салопницѣ, которые стоятъ на всѣхъ перекресткахъ съ метлами въ рукахъ и разметають грязь на улицѣ для умиленныхъ пилигримовъ и пилигримокъ. Какъ извѣстно, для того, чтобы предаваться воскресному умиленію, надо быть въ чистыхъ

сапогахъ и башмакахъ. Грязь можетъ оставаться развѣ гдѣ нибудь въ темныхъ закоулкахъ, въ сердцѣ напимѣръ, въ какомъ нибудь уголкѣ мозга. Вы можете, пожалуй, удобно сядя съ золотообрѣзной книжечкой, разсчитывать, какъ бы понизить фабричную заработную плату, какъ бы отнять у несчастнаго работника лишній часть отдыха, и т. п.; все это не касается нравственности и не наноситъ ей никакой обиды. Но ходить въ грязныхъ сапогахъ, это — shocking! Прелестное, непереводимое словечко, стоящее французской цензуры и китайскаго свода общественныхъ приличій. Лица разметальщиковъ и разметальщицъ уличной грязи едва ли не самыя ясныя и привѣтливыя лица изъ всѣхъ встрѣчаемыхъ вами на улицахъ въ воскресное утро. Народъ идетъ, все такъ празднично, такъ челолюбиво настроенный, все съ сафьянными книжечками, и рѣдкій изъ благоговѣйныхъ прохожихъ не захватилъ двухъ-трехъ пенсовъ для нищей братіи. Оттого такъ ласково улыбается и такъ увѣренно подставляетъ сложенную на подобіе ложки руку трясушійся старикашка на углу сквера; оттого такъ привѣтливо присѣдаетъ середь грязи сухая старушонка въ шляпкѣ временъ первой французской имперіи, занимающаяся обметаньемъ перехода черезъ улицу; оттого съ такою истинно-танцмейстерскою ловкостью скачутъ передъ вами задомъ, размахивая въ обѣ стороны метлой, чуть не всю длину площади, голенастые мальчуганы. «Милостивые джентльмены! одинъ пенни бѣдному мальчику!» Эти слова, сопровождаемыя ловкими пируэтами, звучатъ на этотъ разъ гораздо веселѣе, чѣмъ въ будни....

За то далеко не такъ хорошо, какъ въ будни, идутъ въ воскресенье дѣла у мальчиковъ, вырастающихъ словно изъ земли передъ каждымъ прохожимъ, вынимающимъ изъ кармана сигару. Обыкновенно вы не успѣете откусить у сигары конца или даже и вынуть ее изъ сигарочницы, какъ съ обѣихъ сторонъ передъ вами машутъ голыми по локоть руками грязныя мальчишки: у каждаго шипитъ въ рукахъ благословенный труть или душистая, негаснущая на воздухѣ спичка. Закуривайте сигару и доставайте пенни! Доставайте впрочемъ, пожалуй, хоть шиллингъ: мальчикъ вамъ размѣняетъ. У кондукторовъ омнибусовъ, которымъ такъ нужны мелкія деньги, нѣтъ другихъ мѣнялъ во время ѣзды. Кондуктору стоитъ мигнуть, чтобы такой мѣняла ухватился съ цѣпкостью векши за его запятки и размѣнялъ на мѣдь его серебро. Можетъ, онъ даже и за промѣнъ возьметъ: почему знать? Въ Лондонѣ услуги не оказываются даромъ. Въ воскресные дни впрочемъ едва ли продавцы спичекъ и труту такъ богаты, чтобы получать проценты со своихъ капиталовъ. Прохожіе, у которыхъ бываютъ лишніе пенсы, направляются

*

на этотъ разъ въ церковь; въ рукахъ у нихъ молитвенники, а не сигарочницы. Развѣ какой нибудь foreigner ходитъ, не зная, куда дѣться, по опустѣвшимъ (сравнительно) и безжизненнымъ улицамъ, и вооружается съ горя сигарой. За то отъ мальчишекъ ему нѣтъ отбою.

Если этотъ foreigner вышелъ осматривать городъ, ему слѣдовало бы, разумѣется, начать обзорѣе достопримѣчательностей съ собора св. Павла, взобраться на самую вышку — взглянуть на живую панораму Лондона, и опуститься въ подземелье — посмотреть на могилу Веллингтона. Положимъ, Веллингтона можно и пропустить, по какъ же не видать Лондона «съ птичьяго полета», à vol d'oiseau? И чѣмъ же лучше начать обзоръ? Какъ, прїѣхавъ въ Парижъ, прежде всего взбираются на Nôtre-Dame, на Пантеонъ, въ Москвѣ — на Ивана Великаго, чтобы имѣть понятіе объ общемъ впечатлѣніи города, такъ здѣсь роль Nôtre-Dame и Ивана Великаго играетъ св. Павелъ. Но любознательный путешественникъ, начинающій свои странствія по городу въ воскресенье, можетъ осматривать знаменитый соборъ только снаружи, если не хочетъ оказаться нарушителемъ общаго благоговѣнія. По воскресеньямъ ходятъ въ церковь молиться, осматривать же надо идти въ понедѣльникъ, во вторникъ, однимъ словомъ въ будни. Соборъ св. Павла считается англичанами чуть ли не равнымъ по величію (не по величинѣ) и красотѣ римскому собору Петра; знатоки дѣла говорятъ однакожъ, что первому такъ же далеко до послѣдняго, какъ подражанію до оригинала. Знатокамъ и книги въ руки; но тѣмъ не менѣе лондонскій соборъ — зданіе грандіозное, прекрасное, даже независимо отъ его громадныхъ размѣровъ, которые играютъ такую важную роль въ его оцѣнкѣ. Одно убавляетъ у него впечатлѣнія на зрителя: это то, что онъ воздвигнутъ не на широкой и, пожалуй, возвышенной площади, гдѣ глазъ могъ бы обнимать его во всей цѣлости, а не по частямъ, которыя потомъ приходится соединять въ умѣ. Готическимъ соборамъ, по моему мнѣнію, не такъ вредитъ тѣснота: только бы главный фасъ былъ открытъ. Мелочь орнаментовъ, тонкія и хрупкія лініи пропадали бы на широкой площади, какъ пропадаетъ на тѣсномъ пространствѣ гармонія круглыхъ куполовъ и колоннъ. Готическая архитектура хороша вблизи; классическимъ постройкамъ нужно нѣкоторое отдаленіе для полноты впечатлѣнія. Точно ли классическое зданіе св. Павелъ, — мнѣнія раздѣлены; но едва ли кто нибудь не согласится съ тѣмъ, что постройки въ греческомъ и итальянскомъ вкусѣ не совѣмъ подѣстать лондонскому небу и климату. И между тѣмъ нигдѣ не встрѣтите вы такого пристрастія къ колоннамъ, къ классическимъ фронтонамъ, какъ здѣсь. Англичане вообще не отличаются способностями къ пластическимъ иску-

ствамъ: у нихъ и живопись, и ваяніе, и архитектура—подражательныя; они въ этомъ случаѣ руководствуются извѣстнымъ правиломъ: «Je prends mon bien partout, où je le trouve». Всегда ли они нападаютъ именно на то, что имъ кстати, что для нихъ ловко и удобно усвоить—это другой вопросъ, рѣдко разрѣшаемый въ ихъ пользу. Вотъ что говоритъ объ англійскомъ архитектурномъ вкусѣ Вiардо въ своей прекрасной книгѣ о лондонскихъ музеяхъ.

«Нѣтъ ничего хуже этого смѣшенія родовъ, этого насильственного введенія архитектуры одного климата въ другой. Англія вполне подтверждаетъ эту слишкомъ пренебрегаемую истину. Всѣмъ, напримѣръ, признано, что колонны — благороднѣйшая и прекраснѣйшая часть архитектуры. Въ Лондонѣ ихъ употребляютъ съ невѣроятной расточительностью, такъ что въ пномъ приходѣ, въ иной улицѣ насчиташь колоннъ больше, чѣмъ въ цѣломъ Римѣ. Неужто думаютъ, что онѣ украшаютъ и облагораживаютъ городъ? Неужтѣ думаютъ, что эта куча капителей — дорическихъ, іоническихъ, коринтскихъ, смѣшанныхъ, — придаютъ красу зданіямъ и домамъ? Вовсе нѣтъ; по моему, нѣтъ ничего страннѣе и печальнѣе. Отчего? Оттого, что колонна въ Лондонѣ — нелѣпность. Колонна, греческая или арабская, свойственна лишь странамъ, гдѣ она изобрѣтена, востоку; она должна сохранить подъ темною синевой яснаго неба бѣлизну мрамора или алебастра. Но вообразите себѣ колонны кирпичныя или чугуныя, безпрестанно пачкаемыя туманомъ, который покрываетъ ихъ своей сыростью, и дымомъ каменнаго угля, который льнетъ къ нимъ и чернитъ ихъ! Что можетъ быть въ нихъ похожаго на колонны Пароенона? Страшный видъ ихъ произвелъ на меня сразу, съ перваго взгляда, непріятное впечатлѣніе; потомъ впечатлѣніе это утвердилось во мнѣ, когда я увидѣлъ ясно физическія причины, отъ которыхъ онѣ обезображены. Туманъ и дымъ, дѣйствуя на нихъ соединенными силами, превращаютъ ихъ въ совершенно черныя спереди и оставляютъ лишь сѣрыми сзади. Такимъ образомъ тѣнь находится на первомъ планѣ, а свѣтъ на второмъ; иначе сказать, передъ колонны какъ будто сзади, а задъ какъ будто спереди. Это—полное извращеніе законовъ перспективы и законовъ свѣта; это — чудовищность. Единственная архитектура, возможная въ англійскомъ климатѣ, это архитектура феодализма и средневѣковой вѣры: широкія башни, толстыя стѣны, зубцы, подземные мосты, или, пожалуй, высокіе нефы, стрѣльчатые своды, теряющіеся въ воздухѣ колокольни, однимъ словомъ — архитектура крѣпостей и церквей. Випдзора и Вестминстера. Но зодчество дворцовъ и храмовъ, легкихъ сооружений, свойственныхъ климату теплomu и сухому, народу, при-

выкшему жить подъ открытымъ небомъ и грѣться лишь на солнцѣ, такое зодчество, можно сказать, — совсѣмъ непозволительно англичанамъ. А между тѣмъ, за нѣсколькими разсудительными исключеніями, какъ, напримѣръ, Penitentiary, Bedlam, Mint (монетный дворъ), даровая школа Christ Church, новый пріютъ для слѣпыхъ, и др., всѣ ихъ общественныя и частныя зданія представляютъ неловко-замаскированныя подражанія зданіямъ юга. Такъ колонеумъ есть неуклюжая копія съ Пантеона Агрппы; такъ, соборъ св. Павла почти скопированъ съ римскаго собора св. Петра, такъ что за нимъ остается развѣ одно достоинство — громадность и крѣпость постройки; да и это достоинство — наружное; внутри же онъ совершенно голъ, въ немъ нѣтъ ни мраморныхъ половъ, ни статуй, ни позолоты, ни мозаикъ, ни фресковъ, ни расписныхъ оконъ. Это — протестантскій храмъ съ наружностью католической церкви».

Какъ ни громаденъ соборъ св. Павла теперь, онъ былъ еще громаднѣе до знаменитаго лондонскаго пожара въ 1666 году. Съ виду кажется, будто онъ простоялъ чуть не тысячелѣтіе: такъ затемнила и зачернила его лондонская копоть. Лишь мѣстами, какъ на большей части здѣшнихъ зданій, сквозятъ обмытыя дождемъ мѣста, и издали сѣрыя стѣны и колонны представляются какъ будто покрытыми въ нѣкоторыхъ частяхъ снѣгомъ. На мой взглядъ, эти просвѣты придаютъ большую картинность массивнымъ стѣнамъ св. Павла. Около этой громады, довольно жалкій памятникъ королевы Анны, въ коронѣ и со скипетромъ въ рукахъ, кажется едва замѣтною кучкой. Тѣмъ не менѣе его непремѣнно замѣтишь, какъ онъ ни жалокъ, потому что смотрѣть на соборъ можно только вблизи; нѣтъ такого пункта, откуда онъ видѣлся бы хоть сколько нибудь сносно въ цѣломъ. Хорошо еще, что онъ отгороженъ отъ проѣзжей мостовой чугуниной или желѣзной рѣшеткой, за которою помѣщалось, да едва ли не помѣщается и теперь, кладбище; а то и того бы не увидать. Нижніе этажи домовъ, окружающихъ площадь, всѣ заняты магазинами, лавками, аукціонами, пирожными и проч.; къ площади сходятся, какъ къ центру, многочисленныя улицы, и вокругъ собора постоянная ѣзда и толкотня.

Внутренность собора дѣйствительно очень пустынна и замѣчательна только громадностью размѣровъ; но на отсутствіе статуй нельзя пожаловаться. Если Віардо въ отрывкѣ, который я привелъ, разумѣетъ статуи на алтаряхъ, какъ въ церквахъ католическихъ, то онъ правъ; но за то вокругъ стѣнъ бѣлѣютъ разныя фантастическія и не фантастическія изваянія — все памятники разнымъ знаменитостямъ, преимущественно морскимъ и военнымъ. Всѣ они изъ бѣлаго мрамора, и отъ пыли и копоти, лежащихъ на нихъ, издали отлива-

ютъ какъ атласъ. Трудно вообразить что нибудь болѣе безвкусное, топорное и бездарное: Венеры и Флоры нашего Лѣтняго сада передъ нами—перлы граціи и художественности. Любопытнѣе всего то, что многіе генералы, память которыхъ увѣковѣчена тутъ, изображены совсѣмъ по-классически, «въ голомъ одѣяніи», какъ выражался одинъ губернский маляръ. Тутъ какой-то воинъ, во всей откровенности Аполлона Бельведерскаго, сваливается съ лошади, и богиня побѣды подаетъ ему вѣнокъ; въ другомъ углу другой герой умираетъ самъ въ полной формѣ, но за то, умирая, опускается на руки обнаженной мужской фигуры, въ которой художникъ хотѣлъ представить, разумѣется, не банщика, какъ можно подумать съ перваго разу, а аллегорическое олицетвореніе доблести покойнаго, его *valour*. Даже почтенный лексикографъ Самуиль Джонсонъ — и тотъ выглядываетъ настоящимъ купидономъ изъ-подъ классической тоги. Безъ аллегорическихъ группъ нѣтъ почти ни одного памятника: вездѣ слава или побѣда съ лавровыми вѣнками, Британія въ видѣ богини, британскій левъ. На одномъ памятникѣ Британія плачетъ надъ убитымъ героемъ, на другомъ показываетъ британскимъ юношамъ, какъ на примѣръ воинскихъ доблестей, на геройскаго сына своего. Этимъ послѣднимъ дѣйствіемъ занимается она, между прочимъ, на монументѣ Нельсона. Имя трафальгарскаго героя — единственное имя, остающееся въ памяти послѣ обзора этихъ, чуть ли не сорока, памятниковъ въ честь разныхъ славныхъ героевъ на сушѣ и на морѣ. Да развѣ еще имя генерала сэра Джона Мура вспомнишь — не по его военнымъ подвигамъ, а по знаменитой одѣ Вольфа на смерть его, безъ которой не обходится ни одна англійская хрестоматія и которая всѣмъ извѣстна и у насъ по удачному переводу Козлова...

Не билъ барабанъ передъ смутнымъ полкомъ,

Когда мы вожда хоронили,

И трупъ не съ ружейнымъ прощальнымъ огнемъ

Мы въ нѣдра земли опустили... и проч.

Въ число генераловъ, адмираловъ и прочихъ военныхъ чиновъ, изъ мирной области гражданскихъ дѣлъ, науки и искусства замѣшались, кажется, только трое: докторъ Джонсонъ, Джошуа Рейнольдсъ да Джонъ Говардъ. И знаменитый живописецъ, и великій филантропъ изображены не такъ нескромно, какъ ученый грамматикъ: оба въ одеждѣ, по которой, однакожъ, можно подумать, что Рейнольдсъ былъ ученымъ юристомъ, а Говардъ — римскимъ сенаторомъ.

Едва успѣли вы приподнять тяжелую портьеру у входныхъ дверей въ соборъ, какъ передъ вами является развязный джентльменъ

съ предложениемъ показать всѣ достопримѣчательности. Опытный глазъ его узнаетъ сразу, что вы пришли въ соборъ впервые и хотите осмотрѣть его. Самъ онъ не пойдетъ провожать васъ: его специальность — не проглядѣть ни одного любопытнаго у входа въ соборъ и снабдить его за извѣстное число шиллинговъ и сикс-пенсовъ билетами. Чтобы видѣть въ соборѣ рѣшительно все, отъ маковки до подвала, надо пожертвовать слишкомъ три шиллинга. Куда бы вы ни шли въ Лондонъ, шиллингъ за обзорѣніе обыкновенная цѣна; но это такъ только кажется, что шиллингъ, а въ сущности ихъ набирается полтора, два и даже три, какъ въ св. Павлѣ. Какъ же это такъ? Обыкновенно, взявши съ васъ шиллингъ, покажутъ они не все, а скажутъ, что требуется для дальнѣйшаго осмотра приплатить еще шесть пенсовъ добавочныхъ; очень часто этого оказывается еще мало: вамъ говорятъ, что есть еще очень любопытныя вещи, — вотъ, напримѣръ, за этою дверью, но войти туда нельзя, не заплативъ еще шести пенсовъ или шиллинга. Любопытный путешественникъ, разумѣется, не постыжится за такой ничтожной платой, идетъ за таинственную дверь и часто идетъ лишь для того, чтобы сказать другимъ, что туда ходить не стоитъ. Добавочные сикс-пенсы составляютъ порядочную сумму, если захотѣть непременно осматривать *все* въ Лондонѣ; признаюсь, я пожалѣлъ трехъ шиллинговъ, осмотрѣвъ рѣшительно все въ св. Павлѣ. Въ чемъ заключается это *все*, я постараюсь сказать какъ можно короче. Главное — въ лѣстницахъ одна другой длиннѣе, одна другой утомительнѣе; лѣстницы узкія и широкія, каменные и деревянные, съ высокими и съ низенькими ступеньками — всякія лѣстницы. Самая лучшая изъ всѣхъ этихъ лѣстницъ — такъ называемая геометрическая; лучшая она потому, что по ней не нужно ни подниматься, ни опускаться. Ее показываютъ, какъ первую въ этомъ родѣ лѣстницу, выстроенную въ Англіи, и за это, разумѣется, взимаютъ нѣсколько добавочныхъ пенсовъ. Тутъ пенсы спасаютъ по крайней мѣрѣ отъ лазанья, тогда какъ во всѣхъ другихъ случаяхъ ихъ число предполагаетъ извѣстное число ступенекъ, которыя надо пройти; а ступеньки считаются тутъ не десятками, а сотнями. Вамъ, разумѣется, и въ голову не прійдетъ считать ихъ — это удвоило бы усталость; но изъ маленькой книжонки, которую вы купили у входа въ соборъ, можете узнать, что всѣхъ ступенекъ — 612. Первый отдыхъ на этомъ длинномъ пути представляетъ бібліотека, въ которой впрочемъ смотрѣть вовсе нечего. Она помѣщается въ одной комнатѣ, и путеводитель, отпирающій вамъ ея дверь, показываетъ тутъ преимущественно на портретъ епископа, который правилъ лондонскою епархіей во все время постройки собора. Портретъ — какъ портретъ, и

епископъ—какъ епископъ. Видя, что тутъ нѣтъ ничего замѣчательнаго, вы идете дальше, опять—таки по лѣстницамъ, и достигаете до такъ называемой *Whispering Gallery*, что можно перевести хоть «галлереей шопота». Эта галлерей отгибаетъ внутри куполъ въ самомъ его основаніи. Она показалаcя мнѣ гораздо любопытнѣе тѣмъ, что отсюда яснѣе всего представляется громадность размѣровъ собора, нежели своею спеціальностью — шопотомъ. У маленькой дверки, отворяющейся на галлерей, стоитъ старикъ для произведенія акустическихъ опытовъ, и не давая подойти къ желѣзной балюстрадѣ и оглядѣть куполъ, торопитъ васъ обойти галлерейю вокругъ и сѣсть на той сторонѣ, прямо противъ входной двери, на диванъ и приложить ухо къ стѣнѣ. Вы обходите, садитесь, прикладываете ухо, старикъ утыкается носомъ въ стѣну около двери и начинаетъ шептать, тогда, какъ вамъ кажется, что онъ кричитъ: «*She Whispering gallery is so constructed, that the least whisper is heard on the opposite side....*» или что-то въ этомъ родѣ, касающееся галлерей и ея постройки.

Гораздо интереснѣе вѣншія, такъ называемая каменная галлерей, съ которой вы можете посмотрѣть на городъ, если онъ не совсѣмъ затопленъ туманомъ. Въ тотъ день, какъ я лазилъ на соборъ, на мое счастье было яркое солнце, и туманъ не такъ одолевалъ свѣтъ, какъ въ остальные дни моего лондонскаго пребыванія; но панорама, открывшаяся передо мной, все-таки была какъ будто задержана сѣрою дымкой. Только ближайшія улицы да Темза со своими мостами проглядывали сквозь нее; дальше все гуще и сѣрѣе вставалъ не то дымъ, не то туманъ, и изъ него черными иглами вырѣзывались только сотни башенъ и колоколенъ, которыхъ такъ много въ Лондонѣ и которыя придаютъ ему такой характеристическій видъ. Здѣсь, на каменной галлерей св. Павла, я, кажется, больше, чѣмъ гдѣ либо, досадовалъ на туманную атмосферу Лондона. Еще разъ можно взглянуть сверху внизъ съ верхней галлерей, которая называется золотою. Она идетъ вокругъ фонарика, на которомъ водруженъ крестъ. Но этою галлереей не оканчивается еще восхождение для любознательнаго путешественника. Онъ входитъ въ дверку фонарика, оставляетъ тутъ у сторожа свою шляпу, палку, пальто, если оно тяжело, и пускается въ наиболѣе неудобную экскурсію. Приходится, съ опасностью завязнуть, взбираться по крутой и нечеловѣческой лѣстницѣ между четырьмя желѣзными устоями, о которые можно изорвать себѣ платье и сеадить руки. Взлѣзая тутъ можно только поодионочкѣ. Добравшись до золотой галлерей, откуда Лондонъ представляется уже не городомъ почти, а старымъ, закомпѣлымъ планомъ города, я рѣшилъ взобраться и подъ крестъ. Въ узкомъ

проходѣ между желѣзными жердями мнѣ пришлось подождать. Передо мной полѣзъ туда англичанинъ, осматривавшій св. Павла, какъ и я, въ первый разъ. Я закинулъ голову и слѣдилъ за нимъ глазами. Высунувшись по поясъ на воздухъ подъ сквозную кровельку, надъ которою стоитъ крестъ, онъ осмотрѣлся вокругъ; но едва ли что видѣлъ: вѣтеръ косматилъ и сбивалъ на глаза его длинные волосы. Поправить ихъ было невозможно, потому что руками приходилось крѣпко держаться. Я ждалъ, что онъ станетъ тотчасъ же спускаться и дастъ мнѣ пропускъ; но англичанинъ сталъ изловчаться и пристроивался на крайшкѣ фонарика, чтобы освободить одну руку. Послѣ немалыхъ усилій это ему удалось. Онъ опустилъ руку въ карманъ, вынулъ оттуда не то карандашъ, не то ножикъ, и принялся увѣковѣчивать свое имя на стѣнкѣ, нисколько не смущаясь вѣтромъ, который не только поставилъ у него на головѣ овиномъ всѣ волосы, но грозилъ даже развязать и унести его галстухъ. Что за важность! Онъ, казалось, былъ совершенно счастливъ, какъ Юпитеръ на Олимпѣ, державно взирающій съ облачныхъ высотъ на людской мурaveйникъ....

He seemed on Mount Olympus' top,
Among the Gods, by Jupiter! and let drop
His eyes from the empyreal clouds
On mortal crowds.

Мнѣ, напротивъ, это блаженство казалось самоотверженіемъ, и я едва высунулъ макушку изъ фонарика, какъ тотчасъ же и сталъ спускаться, боясь нажать себѣ носомъ, на холодномъ произительномъ вѣтру. Спрашивается, зачѣмъ я лазилъ? Этотъ же вопросъ, казалось, выражалъ взглядомъ и почтительной улыбкой сторожъ, ожидавшій меня съ моей шляпой и съ платяною щоткой въ рукахъ, и съ надеждой на три пенса въ сердцѣ.

— Мало интереснаго, сэръ? замѣтилъ онъ, обмахивая съ меня щеткою пыль.

— Да, немного, отвѣчалъ я.

— А любопытствуютъ многіе, сэръ; даже дамы....

— Будто ужъ и дамы?

— Увѣряю васъ, сэръ. Не дальше, какъ на прошлой недѣлѣ, одна молодая леди взбиралась.

— Ну, и что же?

— Ничего, сэръ; благополучно.... Thank you, sir; very much obliged, добавилъ онъ, принимая отъ меня, вмѣсто жданныхъ трехъ, шесть пенсовъ.

Спускаться съ лѣстницъ, какъ всякому извѣстно, гораздо пріятнѣе, чѣмъ подыматься на нихъ; притомъ нечего уже останавливаться по дорогѣ, смотрѣть интересныя библіотеки, колокола и проч., и вы минутъ въ пять можете очутиться изъ «царства тучъ», говоря поэтическимъ слогомъ, въ подземномъ царствѣ — именно въ склепѣ, гдѣ стоитъ великолѣпная мраморная гробница Веллингтона, съ горящими по четыремъ ея угламъ, на высокихъ канделабрахъ, яркими газовыми рожками. Подъ сводами, рядомъ — не столь великолѣпная гробница Нельсона. Тутъ же въ скромномъ уголкѣ схороненъ и зодчій св. Павла — Ренъ (Wren). Говоря о статуяхъ собора, я забылъ упомянуть о памятникѣ этого человѣка, какъ многіе забываютъ и взглянуть на него, потому что онъ не обращаетъ на себя вниманія ни аллегорическими фигурами, ни затѣйливыми орнаментами. Это простая мраморная плита, на которой только написано имя да годъ смерти Рена, и прибавлено: *si monumentum requiris, circumspice!* (ты ищешь монумента — погляди вокругъ!)

Невдалекѣ отъ св. Павла, близъ Лондонскаго моста, есть и другой монументъ, сочиненный тѣмъ же Реномъ, который вообще проектировалъ множество построекъ въ Лондонѣ. Этотъ монументъ такъ и слыветъ у лондонцевъ подъ названіемъ *монумента* по преимуществу. Воздвигнуть онъ въ память большаго лондонскаго пожара, что явствуется не столько изъ надписей на немъ, сколько изъ водруженной на верхушкѣ, весьма безобразной урны, съ еще безобразнѣйшимъ въ ней пламенемъ. И самая колонна, которая считается между прочимъ самою древнею, да кромѣ того и самою высокою изъ всѣхъ существующихъ колоннъ, не отличается вовсе красотою. Она и тяжела, и неуклюжа. Охотники любоваться Лондономъ сверху могутъ взобраться по лѣстницамъ внутри ея и на вершину колонны, но, побывавъ на куполѣ св. Павла, лазить на нее не стоитъ.

Вообще памятники въ Лондонѣ, которыхъ насчитать можно не мало, не стоять особеннаго вниманія иностранца: у нихъ нѣтъ никакой художественной цѣны, за исключеніемъ развѣ статуи Карла I на Чарингъ-Кроссѣ, да и то работы не англійской, а француза Лесюёра. Особенной неуклюжестью отличаются памятники Веллингтону; ихъ, кажется, три (говорю: кажется, потому что ихъ пожалуй и больше). Впрочемъ, художники можетъ быть именно и хотѣли передать въ своихъ изображеніяхъ эту неповоротливость, прямолинейность и безстрастность знаменитаго герцога, которая заслужила ему прозвище *Iron duke* (желѣзный герцогъ).

Отъ св. Павла, по ровнымъ, прямымъ и красивымъ улицамъ, идущимъ вверхъ по Темзѣ, почти параллельно съ нею, вы доходите, не уклоняясь въ стороны, прямо къ другому, столь же знаменитому

въ архитектурномъ и историческомъ отношеніяхъ памятнику Лондона, какъ и соборъ, воздвигнутый Реномъ, — къ Вестминстерскому аббатству. Небольшая улица Ludgate Hill выводитъ отъ площади св. Павла на Fleet-Street, которая вдали заканчивается воротами Temple-Bar, границею сити въ эту сторону. Отличительный характеръ какъ этой улицы, такъ и слѣдующей за воротами — Странда — множество книжныхъ лавокъ и журнальныхъ конторъ. Тутъ и контора Понча, передъ окнами которой вѣчно стоитъ толпа, забавляясь каррикатурами на Луи-Наполеона. Но главное средоточіе книжной торговли — узенькій и довольно неопрятный переулокъ Paternoster-Row, параллельный одной сторонѣ площади св. Павла. Онъ почти весь занятъ лавками и печатнымъ товаромъ, и тутъ же въ одной изъ тавернъ сходятся обыкновенно лондонскіе книгопродавцы потолковать за стаканомъ эля о своихъ дѣлахъ. На улицѣ Ludgate помещается между прочимъ и администрація Times'a, стоящая, по жизни и дѣятельности въ ней, нѣсколькихъ министерствъ много государства, соединенныхъ вмѣстѣ. Пигдѣ книжныя лавки не отличаются такимъ красивымъ видомъ, какъ въ Англіи. Англичанинъ не покупаетъ книгъ безъ переплета или по крайней мѣрѣ безъ прочной папки, и окна магазиновъ сіяютъ позолотой и разноцвѣтными корешками переплетовъ.

Улица Страндъ (которую, скажу мимоходомъ, въ одномъ изъ русскихъ переводовъ Диккенса перевели «набережной») кончается у Трафальгарской площади, красивѣйшей изъ всѣхъ лондонскихъ площадей, какъ думаютъ англичане. Площадей въ Лондонѣ вообще очень мало, всѣ онѣ очень тѣсны и застроены не совсемъ красивыми зданіями, а потому и не трудно играть между ними первую роль. Но сравнительно съ парижской площадью Согласія или съ Петербургской Исакиевской площадью — Trafalgar-Square весьма жалка въ художественномъ отношеніи. Посрединѣ ея возвышается колонна въ честь Нельсона. Массивная каменная терраса съ двумя фонтанами, которыми такъ бѣденъ Лондонъ, ведетъ къ приземистому зданію Национальной галереи, столь же скучной снаружи, какъ и внутри, хотя и украшенной, вслѣдствіе непонятной страсти англичанъ къ классицизму, кирпичною колоннадой.

Ужъ если непременно нужно подражать чему нибудь, то за предметами для подражанія англичанамъ нечего бы, кажется, ходить такъ далеко: у нихъ подъ бокомъ Вестминстерское аббатство, одно изъ прекраснѣйшихъ произведеній готическаго зодчества, полное гармоніи и оригинальности въ цѣломъ, несмотря на то, что оно строилось не сразу, не въ одинъ пріемъ, а съ остановками и измѣненіями въ планѣ, какъ и большая часть средневѣковыхъ зда-

ній. Съ перваго взгляда Вестминстеръ напоминаетъ парижскую Notre-Dame; но по моему онъ грандіознѣе и законченнѣе.

Чтобы пройти отъ Трафальгарской къ Вестминстерской площади, на которой стоитъ и громадное, оригинальное зданіе Парламента, — рѣшительно лучшее изъ всего, что выстроили англичане, — надо миновать улицу Чарингъ-Кроссъ, гдѣ въ двухъ воротахъ конногвардейскихъ казармъ стоятъ конные часовые въ красныхъ мундирахъ, и Парламентскую улицу, не широкую и ничѣмъ не замѣчательную. Вестминстерская площадь, какъ все почти лондонскія площади, занята прекраснымъ скверомъ; тутъ стоитъ памятникъ Канингу.

Узкій переулочекъ или, лучше сказать, корридоръ, образованный стѣнами аббатства со стороны зданія Парламента, ведетъ къ маленькой двери въ церковь. Едва отворивъ ее, вы очутитесь какъ и кладбищѣ, которое кажется тѣмъ величественнѣе и тѣмъ болѣе производитъ впечатлѣніе, что подъ нимъ не сияетъ небо, что эти могильные памятники не осѣнены деревьями. Вся внутренность церкви представляется одною большою могилою. Отъ стѣнъ и половъ вѣетъ холодомъ съ сыростью; свѣтъ скудно проходитъ въ стѣнчататыя окна, сквозь расписныя стекла. Васъ даже не поразитъ здѣсь такъ непріятно, какъ подъ свѣтымъ сводомъ св. Павла, не только нехудожественность, но часто и просто безобразіе многихъ памятниковъ, которыми заняты все углы, все закоулки, все стѣны. Нѣкоторые изъ нихъ представляютъ цѣлыя мраморныя сцены и лѣнятся по стѣнѣ такъ высоко, что надо закидывать голову, чтобы разсмотрѣть ихъ въ подробности, да и это не всегда удастся при сумракѣ, господствующемъ въ церкви, и при мелкотѣ орнаментовъ и деталей. Потеря не велика, потому что чѣмъ огромнѣе памятники, чѣмъ зачѣпленнѣе ихъ аллегоріи, тѣмъ менѣе извѣстны въ Англіи лица, памяти которыхъ они посвящены, тѣмъ часто незначительнѣе они и въ самой Англіи.

Почти у самаго входа скромный уголокъ съ наиболѣе скромными памятниками посвященъ людямъ, составляющимъ славу и честь англійской литературы, и здѣсь поневолѣ застоишься болѣе, чѣмъ, передъ пышными аллегоріями, старающимися обратить вниманіе зрителя на малозвѣстныя или часто и вовсе незамѣчательныя имена, кромѣ рода или богатства, имени. Скромный уголокъ называется угломъ поэтовъ poet's corner. Надписи на памятникахъ воскрешаютъ передъ вами всю богатую исторію англійской литературы, и тѣмъ чувствительнѣе здѣсь недостатокъ двухъ-трехъ именъ, хоть бы, напримѣръ, Байрона и Вальтера Скотта. Но за то сколько другихъ именъ, и какихъ именъ! Бенъ Джонсонъ, Чосеръ, Сиенсеръ, Мексипръ, Мильтонъ, Грей, Ботлеръ, Конгревъ, Драйденъ, Поупъ,

Аддисонъ, Оливеръ Гольдсмитъ, Томсонъ, Шериданъ.... Мильтону посвящаемъ едва ли не скромнѣйшій памятникъ. Это простая мраморная доска почти у самаго входа. Памятникъ Шекспира и достойнѣе великаго поэта, и художественнѣе. Не отъ того ли такъ плохи большею частью англійскіе монументы, что художникамъ въ нихъ вдохновляться—то было нечѣмъ? Неподалеку отъ Шекспира и великій поклонникъ его Давидъ Гаррикъ, такъ полно воспроизводившій на сценѣ созданныя поэтомъ лица. Неизвѣстно, почему въ число литературныхъ знаменитостей замѣшался человекъ, отличавшійся только своей долгой жизнью и не оставившій по себѣ никакой иной памяти въ мірѣ: въ этомъ же углу аббатства лежитъ нѣкто Томасъ Парръ, который прожилъ на бѣломъ свѣтѣ слишкомъ полтора ста лѣтъ и видѣлъ десять царствованій въ Англiи.

Перечислять имена военныхъ и государственныхъ людей Англiи, допущенныхъ въ этотъ національный пантеонъ, было бы трудомъ большимъ и неблагодарнымъ; надо самому пройти по этому великолѣпному кладбищу и пожалѣть, что не вездѣ память людей, оказавшихъ истинно важныя услуги родинѣ, цѣнится съ такимъ благоговѣніемъ, какъ въ Англiи. Нельзя однакожъ не припомнить нѣкоторыхъ именъ, которыя сами собою подвертываются подъ перо, когда говоришь о Вестминстерѣ. Воинствъ здѣсь можетъ быть и больше, чѣмъ въ св. Павлѣ, но изъ нихъ не удерживается въ памяти ни одного имени. За то изъ числа государственныхъ людей какъ не назвать лордовъ Стенгона и Мансфильда (памятникъ послѣдняго — произведеніе Флакмана), Питта и Фокса, Канинга, графа Чатама, отца Питта?... Не скоро посреди этихъ безчисленныхъ мавзолеевъ отыскаешь памятники людей, дорогихъ столько же Англiи, сколько и всему просвѣщенному міру; но за то, отыскавши ихъ, съ большимъ благоговѣніемъ останавливаешься передъ ними. Въ Вестминстерѣ схоронены: химикъ Гомфри Дэви, Джемсъ Ваттъ, наконецъ Ньютонъ, которому, какъ и Шекспиру, поставлена очень удачная статуя.

Всѣ эти памятники посѣтитель Вестминстера можетъ осматривать и, если хочетъ, изучать—безданнымъ—безпошлинно, если въ церкви не совершается въ то время богослуженія; но не ими одними ограничиваются достопримѣчательности аббатства. Чтобы видѣть остальные, надо вынимать кошелекъ и отсчитывать шиллинги и сикспенсы. Длиннопольный причетникъ, получивъ по таксѣ, что слѣдуетъ, поведетъ васъ въ древнѣйшую часть зданія, сохранившуюся въ первоначальномъ видѣ, именно въ капеллу основателя аббатства, Эдуарда Исповѣдника, и примется официальнымъ голосомъ и слогомъ рассказывать вамъ и исторію и назначеніе каждаго предмета.

Посреди капеллы стоитъ гробница Эдуарда. Она была когда-то пышно изукрашена. На обнаженныхъ и дряхлыхъ стѣнахъ ея до сихъ поръ замѣтны слѣды дорогой мозаики изъ финифти и цѣнныхъ каменьевъ. Такой мозаикой была покрыта вся гробница, и одинъ матеріалъ, независимо отъ искусной работы, цѣнился въ пятьдесятъ тысячъ фунтовъ стерлинговъ. Политическія и религіозныя революціи не пощадили ее. Кромѣ гробницы Эдуарда, въ капеллѣ не мало и еще гробницъ, небогатыхъ и жалкихъ. Онѣ размѣщены вкругъ могилы Исповѣдника. Тутъ лежатъ — жена его Эдиоу, Генрихи IV и V, Эдуарды I и III со своими женами, и Ричардъ II съ женой своей Анной. Тутъ же чичероне покажетъ вамъ и кожаный щитъ Генриха V и шпагу Эдуарда I, которой и вдвоемъ не поднимешь.

Все это не такъ, разумѣется, интересно, для большинства посѣтителей Вестминстера, какъ кресла или троны, на которыхъ вѣчаютъ на царство британскихъ королей и королевъ. Они также хранятся въ капеллѣ Эдуарда Исповѣдника.

Въ 1297 году Эдуардъ I привезъ изъ Шотландіи очень замѣчательный камень. Съ виду онъ не представлялъ ничего особеннаго — камень какъ камень; но, по словамъ преданія, онъ служилъ подушкой Іакову, когда тому снился извѣстный символическій сонъ. На этомъ камнѣ съ незапамятныхъ временъ короковались короли шотландскіе; со времени пріѣзда камня въ Лондонъ, на немъ стали короноваться и англійскіе владыки. Его не оставили однакожъ въ первобытномъ видѣ: обдѣлали въ видѣ скамьи съ треугольною спинкой и съ довольно неуклюжими ручками. Другое такое кресло понадобилось сдѣлать для Маріи, жены Вильгельма III, и оно употребляется при коронованіи для королевы, если король женатъ. Что касается Викторіи — она короновалась на подушкѣ Іакова.

Изъ другихъ капеллъ аббатства (а всѣхъ ихъ десять или двѣнадцать) самая обширная и самая пышная — капелла Генриха VII. Къ ней ведетъ лѣстница изъ чернаго мрамора и три позолоченныя бронзовыя двери тонкой искусной работы. Еще цѣнише въ художественномъ отношеніи самая гробница основателя капеллы, стоящая посрединѣ. На гробницѣ изваяны Генрихъ съ женою, лежащіе рядомъ на похоронныхъ подушкахъ, съ закрытыми глазами и съ обращеннымъ кверху лицомъ. Это одинъ изъ памятниковъ пребыванія въ Англіи знаменитаго флорентинскаго скульптора Пьетро Торриджіано, соперника Микель-Анджело. Кромѣ этого главнаго украшенія, капелла стоитъ вниманія и по множеству изящныхъ небольшихъ фигуръ на стѣнахъ, изображающихъ пророковъ, патріарховъ, святыхъ мучениковъ, и проч. Въ этой капеллѣ происходитъ посвященіе въ

кавалеры ордена Бани, и вокруг стѣнъ идутъ въ два ряда скамьи для членовъ этой церемоніи. Надъ скамьями развѣшано разное древнее оружіе и знамена съ гербами и именами кавалеровъ ордена.

Обойдя другія королевскія могилы, путешественникъ уноситъ съ собой въ памяти преимущественно фигуры великой Елизаветы и Маріи Стюартъ. У каменной Елизаветы, съ круглыми, какъ у птицы, глазами и съ ястребинымъ носомъ, очень непріятная наружность.

МИХ. МИХАЙЛОВЪ.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

ОБЪ ИСТОРИЧЕСКОМЪ ИЗУЧЕНІИ РУССК. ЯЗЫКА.

(Опытъ исторической грамматики русскаго языка. Учебное пособіе для преподавателей. Составлено *Θ. Буслаевымъ*. Въ двухъ частяхъ. Москва. 1858.)

Еще свѣжо въ памяти всѣхъ то время, когда самая живая часть педагогiи — отечественное языкознаніе осуждалось на безусловное окаменѣніе и неподвижность. Для человѣка, понимающаго дѣло, поразительна та узкость взгляда на языкъ, которая тогда господствовала, тѣ нелѣпыя и безумныя претензіи на законодательство въ дѣлѣ его изученія, которыя торжественно высказывала жалкая бездарность. Къ несчастію, не одно поколѣніе выросло подъ вліяніемъ этой мертвящей рутины, которая вела почти къ презрѣнію роднаго, живаго слова. Эту мертвенность порождала сухая формальная грамматика, кричавшая о томъ, что она заключаетъ въ себѣ всѣ богатства языка, а на самомъ дѣлѣ подавлявшая ихъ своей тяжелой ладонью. Но, кромѣ грамматики, живой духъ живаго слова подавлялся также разными теоріями (прозы, поэзіи и литературы) и самымъ методомъ преподаванія. Выучить наизусть грамматику, напимѣръ, г. Греча, вызубрить реторики Кошанскаго или подобныя имъ убогія изданья, набить руку писаніемъ хрій и кропаніемъ стишковъ, знать формулярные списки писателей, которые заставляли учениковъ обращать вниманіе на то, что, напимѣръ, Пушкинъ былъ толь-

ко коллежскій секретарь; — непремѣнное обязательство читать только старыхъ писателей до Пушкина, а послѣ Пушкина кое-что изъ литературнаго хлама, — потому что-де Пушкинъ для юношества не довольно нравственъ: — вотъ кругъ занятій языкомъ и словесностію, господствовавшій во всѣхъ нашихъ школахъ до недавняго времени.

Эта сухая мораль, эти умственные пеленки, въ которыя свивали юные умы, имѣли глубоко-вредное вліяніе: конечно, здоровыя натуры успѣваютъ всегда и во время разорвать педагогическія путы, но большинство выходило изъ школъ безграмотнымъ, чуждымъ литературнаго движенія, глухимъ къ общественнымъ интересамъ, доселѣ только въ литературѣ и проводимымъ у насъ. Мысль о значеніи литературы въ дѣлѣ образованія и о важности языка, какъ орудія въ этомъ дѣлѣ, до такой степени проста и сама собою понятна, что, конечно, всегда и вездѣ сознавалась. Оставленіе безъ вниманія такого взгляда можно приписать только умышленному обскурантизму. Напрасно лучшіе умы возставали противъ мертвящаго направленія въ дѣлѣ обученія отечественному языку; напрасно, на примѣръ, Бѣлинскій неумолимо его преслѣдовалъ всею силою благороднаго негодованія. Подлѣ насъ, особенно въ Германіи, въ томъ же дѣлѣ кипѣла самая плодотворная работа, а мы сидѣли сложа руки и простоудшно вѣрили, что знать Греча и Кошанскаго, Павскаго и Ив. Давыдова — значитъ знать отечественный языкъ. Реакція противъ ложнаго направленія въ дѣлѣ изученія отечественнаго языка началась съ открытіемъ при университетахъ чтеній о славянскихъ нарѣчіяхъ. Задача этихъ чтеній — сравнительное языковѣдѣніе, намеки на исторію языка (кромѣ какъ о намекахъ нечего было и думать), знакомство на первый разъ; конечно, поверхностное, — съ трудами нѣмецкихъ филологовъ, должны были благотворно подѣйствовать на методу преподаванія самого русскаго языка. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи имѣли полезное вліяніе труды профессоровъ Срезневскаго и Буслаева. Но развитіе новыхъ идей объ изученіи языка все-таки не могло благотворно отозваться на практикѣ, въ дѣлѣ преподаванія отечественнаго языка, до тѣхъ поръ, пока ученые съ новымъ взглядомъ не образовали послѣдователей, школы.

Но образованіе школы у насъ встрѣчаетъ всегда огромныя затрудненія, которыя происходятъ отъ недостатковъ въ устройствѣ нашихъ университетовъ и среднихъ учебныхъ заведеній. Извѣстно, на примѣръ, что немногочисленные слушатели историко-филологическаго факультета, въ которомъ читаются славянскія нарѣчія, не всѣ поступаютъ въ педагоги, да и изъ поступающихъ только самая ничтожная часть дѣлается преподавателями отечественнаго языка въ среднихъ заведеніяхъ; мѣста эти часто занимаютъ лицами, го-

товящими себя къ другимъ предметамъ, а въ нѣкоторыхъ школахъ людьми, даже не получившими университетскаго образованія. Молодому человѣку, занявшему мѣсто учителя русскаго языка въ гимназій или въ кадетскомъ корпусѣ, но не приготовленному достаточно къ отправленію своей должности, насколько требуетъ современное состояніе филологіи, трудно и едва ли возможно стать въ уровень съ новыми требованіями. При отправленіи своей обязанности, онъ столько встрѣчаетъ затрудненій для знакомства съ литературой своего предмета, что не всегда бываетъ въ состояніи преодолѣть ихъ: отсюда упадокъ энергіи, вначалѣ сильной, отсюда рутина. Между тѣмъ положеніе преподавателя отечественнаго языка, вступающаго на педагогическое поприще съ готовымъ, современнымъ взглядомъ на предметъ, съ запасомъ раціональных знаній, добытыхъ въ университетѣ, совершенно другое: ему не только остается проводить въ школу идеи, добытыя лучшими филологами, но даже онъ самъ имѣетъ возможность быть не безполезнымъ дѣятелемъ въ наукѣ — условіе, возможное у насъ единственно для преподавателей русскаго языка и русской исторіи, какъ такихъ наукъ, для которыхъ матеріалы находятся почти у всякаго подъ рукою. Каждый согласится съ нами, что даже въ настоящее время, то есть по прошествіи слишкомъ десяти лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ гг. Срезневскій и Буславъ начали трудиться надъ историческою разработкою отечественнаго языка, только самое незначительное меньшинство преподавателей этого предмета принадлежитъ къ ихъ послѣдователямъ, и что назадъ тому семь лѣтъ это меньшинство было еще ничтожноѣ.

Это послѣднее обстоятельство очень хорошо понимало начальство военно-учебныхъ заведеній, когда оно поручило въ 1852 году не только составленіе новыхъ программъ и конспекта по русскому языку, но даже и руководства къ исторической грамматикѣ для самихъ преподавателей профессору московскаго университета г. Буслаеву. Въ программахъ, внослѣдствіи времени, были дѣлаемы нѣкоторыя измѣненія — однѣ къ лучшему, другія не совсѣмъ. Къ лучшему сдѣланы тѣ, по которымъ требуется, чтобы преподаваніе грамматики во всѣхъ классахъ было историческое; не къ лучшему то, что отмѣнена вовсе теоретическая, сравнительно-философская грамматика, назначенная въ III общемъ классѣ, то есть въ четвертый годъ пребыванія воспитанниковъ въ школѣ, въ томъ классѣ, въ которомъ по программѣ преподавалась, какъ особенный предметъ, и историческая грамматика. По нашему крайнему разумѣнію, можно и практическую грамматику преподавать исторически (въ первыхъ двухъ низшихъ классахъ), и очень бы не бесполезно было оставить для 3-го

класса теоретическое изученіе сравнительно-философской и исторической грамматики, при чемъ необходимо и возможно познакомить воспитанниковъ съ элементами исторіи языка. Могутъ возразить, что такія занятія будутъ не подъ силу мальчикамъ 13 — 14 лѣтняго возраста. Хотя мы и по опыту знаемъ, что подъ силу, но, соглашаясь съ возраженіемъ, спросимъ въ свою очередь: почему не отнестись подобныхъ занятій въ одинъ изъ старшихъ классовъ, подвинувъ преподаваніе словесности на годъ впередъ, къ болѣе высшему классу? Преподаваніе словесности будетъ тѣмъ успѣшнѣе, чѣмъ въ старшемъ возрастѣ будутъ находиться воспитанники. Дѣло въ томъ, что безусловно практическое изученіе грамматики, при тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ въ настоящее время находятся преподаватели (а какого рода эти условія, — доказываетъ необходимость для нихъ руководства), не приведетъ къ желаннымъ результатамъ: дѣло можетъ ограничиться однимъ разборомъ предложеній и частей рѣчи, благо остальнаго не требуется.

Между тѣмъ эти современныя условія и эти современные взгляды гг. преподающихъ, какъ нельзя лучше высказываются во множествѣ руководствъ, вышедшихъ по русской грамматикѣ съ 1852 г., съ разными названіями: *пособій для военно-учебныхъ заведеній, составленныхъ по программѣ военно-учебныхъ заведеній, для такихъ-то классовъ военно-учебныхъ заведеній*, — руководствъ, или поющихъ пѣсню на старый ладъ, или имѣющихъ цѣлю озадачить учащихся глубокою философскихъ воззрѣній на языкъ, или переливающихъ изъ пустаго въ порожнее, какъ мы знаемъ одно изъ нихъ, составленное для I-го класса и трактующее о разборѣ предложенія и частей рѣчи на 15 листахъ убористой печати. Всѣ эти, вызванные на свѣтъ Божій программы военно-учебныхъ заведеній, руководства доказываютъ одно: господа ихъ составители, дѣйствительно, принадлежатъ къ новымъ преподавателямъ: они горячо ратуютъ за *практическую* грамматику и *философски* смотрятъ вообще на нее. Но современность ихъ однимъ этимъ и ограничивается: ни одинъ изъ нихъ не высказалъ необходимости историческаго изученія языка, ни одинъ не пошелъ далѣе практичности.

Среди этихъ одностороннихъ увлеченій, явилось такъ давно ожидаемое сочиненіе г. Буслаева. Нельзя не поблагодарить начальство военно-учебныхъ заведеній, что оно поручило составленіе *необходимаго для преподавателей* руководства исторической грамматики г. Буслаеву. Конечно, самое назначеніе *руководства для преподавателей* есть фактъ во всякомъ случаѣ печальный; но что дѣлать, если необходимость его оправдывается вышеуказанными обстоятельствами!

Г. Буслаевъ у насъ пока единственный историкъ языка, превосходящій въ этомъ отношеніи и г. Срезневскаго, спеціальность котораго, какъ извѣстно, составляютъ славянскія нарѣчія, то есть языкъ, литература и древности этихъ народовъ. Г. Буслаевъ первый началъ проводить у насъ гриммовскія идеи и первый плодотворно примѣнилъ ихъ къ нашему языку, литературѣ и древностямъ. Можно не соглашаться съ нѣкоторыми его взглядами; можно отвергать пользу нѣкоторыхъ его статей, имѣющихъ предметомъ нашу древнюю этнографію; но никакъ нельзя отрицать научной важности его сочиненій, относящихся до исторіи языка и литературы. Г. Буслаевъ оказалъ неоцѣненныя услуги нашей древней и народной словесности, расширивъ ея границы, заключавшія въ себѣ дотолѣ одни произведенія духовныхъ писателей, и отыскавъ поэтическій элементъ тамъ, гдѣ прежде его и не подозревали. Наконецъ — болѣе, чѣмъ кѣмъ нибудь, сдѣлано г. Буслаевымъ и для исторической русской грамматики: его сочиненіе «*О преподаваніи отечественнаго языка*» и статьи, помѣщавшіяся въ періодическихъ изданіяхъ, представляютъ, если не богатый, то, вмѣстѣ съ сочиненіемъ г. Срезневскаго, «*Мысли объ исторіи русскаго языка*», единственный матеріалъ для этой науки.

Намъ нѣтъ надобности распространяться о пользѣ историческаго изученія языка. Исторія языка состоитъ изъ исторіи словъ или понятій, претерпѣвшихъ естественныя, необходимыя измѣненія съ теченіемъ времени, и изъ исторіи грамматическихъ формъ, подвергнувшихся такимъ же переменамъ. Собственно исторія языка, по выраженію г. Срезневскаго, дописываетъ бѣлыя, начальныя страницы исторіи, которыя безъ нея вѣчно бы и остались бѣлыми. И въ самомъ дѣлѣ, на какой бы жалкой степени образованія ни находился извѣстный народъ, пускай суждено ему жить и умереть безграмотнымъ, слѣдовательно, не имѣть никакой литературы, никакихъ историковъ; но прошлая жизнь его, по крайней мѣрѣ въ главнѣйшихъ своихъ отправленияхъ, не пропадаетъ безслѣдно для науки, если только живъ еще языкъ его. Языкъ — это скрижаль, на которой чертитъ народъ крупные факты своей стародавней жизни во всѣхъ ея видахъ — исторію, мифологію, право, этнографію, поэзію и т. п. Глубокая древность сохраняетъ въ языкѣ народа множество словъ и выраженій, которыя ясно говорятъ о прошлой его жизни; можно указать, напримѣръ, на слѣдующія: *чуръ меня, целобитье, Батыева дорога* (или *Бакъева-дорога*, такъ называется млечный путь въ нѣкоторыхъ провинціальныхъ нарѣчіяхъ), *лютичики, татаринъ, мордовники* (провинціальныя названія растений) и т. п. Всѣми подобными данными современная наука умѣла воспользоваться для своихъ

цѣлей. Исторія языка — источникъ живой и неизсякаемый; долго еще будетъ черпать изъ него наука новые факты, много еще придется его расчищать и изслѣдовать. Это изслѣдованіе тогда только будетъ плодотворно, если число изслѣдующихъ будемъ считать не единицами, какъ теперь, а десятками и сотнями. Но достигнуть такихъ утѣшительныхъ результатовъ возможно будетъ тогда, когда исторіей языка будутъ заниматься въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Когда это сдѣлать, — предоставляется усмотрѣнію преподавателя; какъ сдѣлать, — объ этомъ мы думаемъ сказать нѣсколько словъ. По нашему мнѣнію, если не измѣнять существующаго расположенія учебныхъ предметовъ, — упражненія по исторіи языка всего удобнѣе производить: для кадетскихъ корпусовъ въ III общемъ классѣ, въ которомъ по прежнимъ программамъ проходила отдѣльно и историческая грамматика; для гимназій... но мы не знаемъ, будетъ ли въ нихъ и въ какомъ объемѣ будетъ введенъ историческій методъ? Откладывать же подобныя упражненія до старшихъ классовъ, то есть до того времени, когда начинается изученіе литературы, значитъ гнаться за двумя зайцами: при изученіи литературы, если ее не ограничивать одними духовными сочиненіями, и преподавателю и воспитанникамъ, при теперешнихъ нашихъ научныхъ средствахъ, будетъ столько работы, что некогда и думать о языкѣ.

Для упражненія въ исторіи языка нѣтъ надобности составлять особеннаго руководства, да оно и невозможно, потому что, при современномъ состояніи источниковъ, самая исторія языка, какъ наука, обнимающая всю совокупность явленій прошлой, доисторической жизни извѣстнаго народа, возможна только по идеѣ, а не по исполненію: возможенъ очеркъ доисторической судьбы народа, составленный на основаніи изслѣдованій о языкѣ; возможна мифологія даннаго народа; возможна общая характеристика первобытной поэзіи, но пока и только. Даже знаменитое произведеніе Якова Гримма «*Geschichte der deutschen Sprache*» не подходитъ подъ истинный идеалъ лингвистической исторіи. А между тѣмъ посмотрите, какія богатые данныя указалъ языкъ Я. Гримму и Шафарику при составленіи ихъ классическихъ произведеній «*Исторіи нѣмецкаго языка*» и «*Славянскихъ древностей*». Но если невозможно руководство по исторіи языка, то необходимы для нашихъ преподавателей, по причинамъ, выше указаннымъ, наставленія, какъ имъ заниматься историческими упражненіями. Эти наставленія были бы весьма умѣстны въ подобномъ сочиненіи, какъ историческая грамматика, куда также было бы весьма не бесполезно ввести побольше элементовъ историческихъ. Занятія по исторіи языка всего легче и удобнѣе дѣлать при чтеніи и переводахъ съ древняго русскаго языка; для этой цѣли

можетъ служить пособіемъ хоть историческая хрестоматія, составленная г. Галаховымъ. Положимъ, вы наприимѣръ, принимаетесь за чтеніе лѣтописи Несторовой по Лаврентьевскому списку. Конечно, прежде всего, вы обращаете вниманіе на языкъ лѣтописи, сходный, по своимъ грамматическимъ формамъ съ языкомъ церковно-славянскимъ, а по своему духу, т. е., по поэтической изобразительности, съ языкомъ народнымъ. Объяснивъ подробнѣе этотъ духъ и эти формы, вы переходите къ объясненію нѣкоторыхъ словъ, историческаго ихъ измѣненія, и къ сравненію ихъ съ словами простонародными. Ваше вниманіе, напр., могутъ остановить слѣдующія слова: *переключать* — перехитрить, употребляющіяся и теперь въ Новгородской губ., (см. *Опытъ област. Велико-рус. слов.*), *скура* — шкура, отсюда *скорнякъ*; *товары* — обозъ, войско и *гуртъ рогатаго скота* въ губ. Воронеж., Курск., Орловск.; отсюда теперешнее *товарищъ*; *гобино* — рожь, *обилье* — тоже и *всякій немолоченный хлѣбъ* въ Арханг. губ.; *кото-ра* — ссора, вражда, употребляемое съ тѣмъ же значеніемъ въ Пермской губ.; *истобка* — изба и *чердакъ*, *верхъ избы* въ Симбирск. губерніи; *опрати* — вымыть, *опреля* — щеголь въ Калуж. губ.; *прать* — бить колотить въ Смоленск. губ.; *сколота* — дѣло, продѣлки; *сколоты* — хозяйственныя хлопоты въ Вологодск. губ., и т. п.

Приведенныя слова мы сближали съ простонародными; можно найти множество словъ, которыя дадутъ богатые матеріалы для исторіи языка; таковы взятыя нами на выдержку: *тризна*, *вои*, *дружина*, *боляры* (бояринъ, баринъ); *князь* (*князекъ* — матица въ нѣкоторыхъ провинціальныхъ нарѣчіяхъ), *старцы* (старики, — въ народной мірской сходкѣ), *мужъ*, *мужи* (отсюда мужчина, мужикъ) *христіане* и *крестьяне* (переходъ понятія религіознаго къ понятію сословному) и многія другія. Словомъ, чѣмъ болѣе знакомъ самъ преподаватель съ матеріалами для исторіи языка (а безъ этого знакомства безплодны будутъ его занятія), тѣмъ легче для него найти средства — возбудить любознательность въ воспитанникахъ. — Никакое руководство, никакія наставленія не снабдятъ преподавателей достаточнымъ запасомъ матеріаловъ для исторіи языка, если они сами не познакомятся съ наибольшимъ числомъ памятниковъ нашей древней словесности, преимущественно поэтическихъ и юридическихъ. — Подобныя упражненія, связывающія языкъ съ исторіей, этнографіей и мифологіей, могутъ быть занимательны и не безполезны для воспитанниковъ; во-первыхъ потому, что онѣ возбуждаютъ ихъ любознательность, а слѣд. не наводятъ скуки, чѣмъ отличался старыи методъ преподаванія отечественнаго языка; во-вторыхъ потому, что пріохочиваютъ ихъ къ собственнымъ занятіямъ — обстоятельство, очень важное впослѣдствіи, какъ при составленіи сочиненій по

источникамъ, такъ и въ приобрѣтеніи новыхъ дѣятелей по нашей русской наукѣ.

Ежели историческое изученіе языка ограничить однѣми перемѣнами въ формахъ, которыя испыталъ языкъ въ теченіи времени, то оно далеко не можетъ сравниться въ пользѣ съ занятіями, о которыхъ мы говорили выше. Исторія грамматическихъ формъ, хотя представляетъ болѣе занимательности, чѣмъ держащаяся до сихъ поръ чисто-форменная грамматика, но и она тѣмъ не менѣе отличается сухостію формализма, мало дающаго пищи любознательности, мало удовлетворяющаго умъ и фантазію.

Этимъ мы не думаемъ однакоже отвергать пользу чисто-формальной исторической грамматики, не думаемъ ставить ее въ параллель съ грамматикой формально-теоретической: она имѣетъ огромную пользу въ практическомъ отношеніи—для правописанія, и все-таки не бесполезна и въ историко-лингвистическомъ отношеніи, уже по одному тому, что ей приходится имѣть дѣло съ языкомъ старымъ и народнымъ.

Для оживленія грамматики формально-исторической, оживленія, необходимаго при современномъ состояніи у насъ науки отечественнаго языкознанія, въ нее необходимо включить элементы, собственно относящіеся до исторіи, происхожденія и составныхъ частей языка. Историческая грамматика (разумѣя подъ этимъ именемъ исторію грамматическихъ формъ) можетъ быть изучаема или въ связи съ грамматикой теоретической, или какъ отдѣльный предметъ. И тотъ и другой способъ ея изученія имѣетъ свои удобства и неудобства: первый способъ удобнѣе будетъ въ послѣдствіи времени; второй теперь, когда существуетъ необходимость въ составленіи руководства исторической грамматики для самихъ преподавателей. Изучаемая вмѣстѣ съ грамматикой теоретической, историческая можетъ быть ограничена одною формальностью; изучаемая отдѣльно, она должна принять въ себя и посторонніе элементы. По нашему крайнему разумѣнію, вотъ программа, которой долженъ слѣдовать современный составитель учебнаго руководства, для ко-го бы оно ни предназначалось — для учителей или учениковъ. 1) О происхожденіи языка и о первоначальномъ вещественномъ, поэтическомъ значеніи словъ; отсюда естественный переходъ къ народной поэзіи, предшествующей прозѣ. Нѣсколько словъ о значеніи исторіи языка для народной доисторической жизни. 2) О языкахъ славянскихъ. 3) О языкѣ церковно-славянскомъ, какъ старѣйшемъ славянскомъ литературномъ нарѣчій, и о важности его для языка русскаго. Характеристика церковно-славянскаго нарѣчія. 4) Элементы языка русскаго: а) языкъ литературный; б)

языкъ разговорный; с) языкъ старый; d) языкъ народный. 5) Общее обзорѣніе трехъ періодовъ въ исторіи грамматическихъ формъ: а) доисторическаго, b) періода превращеній, с) позднѣйшаго (съ XIV и XV столѣтій). 6) Исторія формъ этимологическихъ, и 7) исторія синтаксическихъ особенностей. Удовлетворительно составленная по такой программѣ историческая грамматика въ живой наглядности представитъ предметъ, еще такъ мало у насъ знакомый.

Г. Буслаевъ составилъ свой *Опытъ Исторической Грамматики* по другому плану. Его сочиненіе имѣетъ двойное назначеніе: 1) для учащихся служить пособіемъ въ преподаваніи, при объясненіи грамматическихъ правилъ; и 2) для учащихся предлагаетъ справочную книгу, въ которой они могутъ находить рѣшеніе затруднительныхъ вопросовъ грамматическихъ, встрѣчающихся имъ на практикѣ; а именно: при чтеніи произведеній церковно-славянской и русской литературы, учащіеся могутъ справляться съ этою книгою, для объясненія отдѣльных словъ и цѣлыхъ выраженій; при собственныхъ же письменныхъ упражненіяхъ могутъ руководствоваться ею въ правильномъ употребленіи языка.» (Предисловіе. Стр. XXIX).

Предполагая въ учащихся первоначальныя свѣдѣнія въ отечественной грамматикѣ, авторъ не счелъ нужнымъ начать свое сочиненіе ни логическимъ разборомъ предложенія, ни синтаксическимъ объясненіемъ значенія частей рѣчи и ихъ принадлежностей. Авторъ строго отдѣляетъ этимологию отъ синтаксиса, придавъ первой значеніе практическаго руководства и включивъ въ нее ученіе о правописаніи. Въ синтаксисѣ г. Буслаевъ излагаетъ: отношеніе логики къ грамматикѣ (во введеніи), составъ предложенія и значеніе частей рѣчи, историческую часть словосочиненія, состоящую въ синтаксическомъ разборѣ не только предложеній, но и отдѣльных грамматическихъ формъ, каковы: залоги, виды, времена и проч.; во многихъ §§ этой части авторъ сравниваетъ отечественный языкъ съ иностранными, преимущественно новѣйшими, въ синтаксическомъ отношеніи. Слѣдуя лучшимъ сочиненіямъ въ литературѣ грамматической, авторъ имѣлъ осторожность постоянно свѣрять свой *Опытъ* съ прежними учебниками, для того, чтобы непрестанно имѣть въ виду практическую цѣль въ изученіи роднаго языка. (Предисловіе. Стр. XXIX — XXXII).

Нельзя не остановиться нѣсколько на самомъ планѣ нашего автора. Прежде всего поражаетъ читателя двойственность назначенія сочиненія: въ названіи книги мы читаемъ: «учебное пособіе для преподавателей», а въ предисловіи говорится, что «*Опытъ Исторической Грамматики для учащихся*» предлагаетъ справочную книгу, и т. д. Считаемъ нужнымъ замѣтить, что вторая цѣль автора не достигаетъ

своего назначенія. Для какого возраста, для какого класса учащихся г. Буслаевъ назначаетъ свою книгу? Если для III общаго класса кадетскихъ корпусовъ, какъ можно догадываться по одному мѣсту предисловія (стр. XXX сверху), то смѣло можетъ завѣрить, что его почтенный объемистый трудъ нисколько не годится для учащихся въ томъ возрастѣ, въ которомъ находятся воспитанники III-го класса. Если для учениковъ старшихъ классовъ, оканчивающихъ курсъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ,—то очень и очень не многіе возьмутся изъ любознательности за его книгу: въ положеніи оканчивающихъ курсъ — не до грамматическихъ занятій, не до книгъ, хотя истинно полезныхъ, но скучныхъ по мелочнымъ подробностямъ. Итакъ, на грамматику г. Буслаева слѣдуетъ смотрѣть—только, какъ на руководство для преподавателей. Съ этой точки и мы будемъ разсматривать трудъ почтеннаго автора, предоставляя болѣе свѣдущимъ насъ специалистамъ подвергнуть его строго-ученому филологическому разбору.

Мы уже заявили наше уваженіе къ филологическимъ трудамъ профессора Буслаева. Его *Опытъ Исторической Грамматики* отличается несомнѣнными учеными достоинствами. Это сочиненіе представляетъ богатѣйшій матеріалъ для исторіи лингвистическихъ формъ, и нѣсколько интересныхъ данныхъ (во II-й части) для исторіи языка: будущій историкъ русской грамматики многое долженъ почерпнуть изъ сочиненія почтеннаго автора. Нельзя не удивляться богатству источниковъ, которыми пользовался г. Буслаевъ для своего труда, нельзя не изумляться терпѣнію, съ которымъ почтенный профессоръ собиралъ въ этомъ множествѣ источниковъ такіе факты, которые легко могли ускользнуть отъ менѣе пытливаго вниманія. Для исторіи формъ (грамматическихъ) почти нечего дѣлать теперь, послѣ г. Буслаева. Но независимо отъ этого, мы съ удовольствіемъ можемъ указать на нѣкоторые мѣста *Опыта*, удовлетворяющія болѣе живой любознательности; къ числу ихъ принадлежатъ: введеніе ко II-й части, *объ отношеніи языка къ мышленію*; превосходная статья «*Выраженіе представленія и понятія въ отдѣльномъ словѣ*», трактующая объ эпитетахъ, синонимахъ и тропахъ и весьма богатая историко-лингвистическимъ элементомъ; *описательныя формы склоненія; залогъ страдательный* и вообще вся 2-я глава II-й части сочиненія, болѣе живой и интересной, чѣмъ 1-я; но и въ 1-й нельзя не указать на прекрасную статью *объ образованіи словъ* (стр. 72—82). Вообще, сочиненіе г. Буслаева, какъ первый опытъ въ историческомъ родѣ, какъ сочиненіе ученое, отличается несомнѣнными достоинствами. Беремъ на себя самую неблагоприятную задачу — указать на недостатки его, какъ труда педагогическаго,

Огромное большинство наших преподавателей, какъ мы сказали выше, нуждается въ пособіи, подобномъ «Опыту Исторической Грамматики». Но, къ сожалѣнію, сочиненіе г. Буслаева далеко не удовлетворяетъ своему назначенію въ этомъ отношеніи. Преподаватели, уже нѣсколько знакомые съ историческимъ методомъ, еще съумѣютъ воспользоваться матеріалами, которыми богатъ «Опытъ»; но что должны дѣлать съ нимъ тѣ изъ учителей, для которыхъ историческое изученіе языка еще terra incognita? Они рѣшительно запутаются въ лабиринтъ параграфовъ, мелочей, ненужныхъ формальностей. Г. Буслаевъ написалъ свою книгу по плану, котораго съ педагогической точки зрѣнія никакъ нельзя одобрить: онъ, можетъ быть, превосходенъ для ученой исторической грамматики, но никакъ не для руководства. Авторъ упустилъ изъ виду, что онъ долженъ былъ имѣть дѣло не съ наукою, а съ людьми, желающими научиться; множество же параграфовъ, на которые раздѣляется его сочиненіе, нисколько не способствуетъ легкости этого наученія. Этотъ планъ, это изобиліе рубрикъ не сдѣлали сочиненіе картиннымъ и увлекательнымъ, каковымъ оно могло и должно бы быть, а скучнымъ и утомительнымъ.

Странное дѣло,—г. Буслаевъ какъ будто хлопоталъ о томъ, чтобы не сдѣлать своего сочиненія занимательнымъ, какъ будто преднамѣренно обходилъ вопросы, имъ же рѣшенные въ другомъ мѣстѣ и рѣшенные прекрасно!... Увлечшись сырымъ матеріаломъ историко-грамматическихъ формъ, г. Буслаевъ забылъ о прежнихъ своихъ трудахъ, не воспользовался или недостаточно воспользовался не только исчисленными имъ на нѣсколькихъ страницахъ источниками, но и собственными изслѣдованіями, идеи которыхъ въ настоящее время, у насъ, необходимо было провести въ историческую грамматику. Правда, что эти идеи тамъ и сямъ проглядываютъ въ «Опытъ»; но чтобы вытянуть ихъ изъ-подъ груды сыраго матеріала, требуется величайшее усиліе и уже привычная сноровка, а возможно ли, скажите, этого требовать, напримѣръ, отъ молодаго преподавателя? «Опытъ» г. Буслаева представляетъ всѣ данныя для построенія сочиненія по плану, предложенному нами; но данныя эти во-первыхъ отличаются не догматическимъ, а параграфнымъ изложеніемъ, а во-вторыхъ, разбросаны по разнымъ мѣстамъ книги.

Считая достаточнымъ запасъ свѣдѣній учащихся, г. Буслаевъ общалъ, повидимому, исключить изъ своего сочиненія все, относящееся до грамматики теоретической; въ преподавателяхъ авторъ былъ обязанъ предполагать основательное знаніе теоріи языка, а между тѣмъ онъ пускается въ такія ненужныя формальныя подробности, которыя только бесполезно утолстили его книгу: безъ этого она могла бы умѣститься на 20—25 печатныхъ листахъ, а не

на 40 слишкомъ, какъ теперь. Скажите, развѣ не формальности, на-
примѣръ, слѣдующія вещи: *законы и правила языка* (стр. 10. I), *опре-
дѣленіе гласныхъ и согласныхъ звуковъ* (стр. 25. 52. I), *раздѣленіе
слова по слогамъ*, въ которомъ такъ и просится въ любую изъ фор-
мальныхъ грамматикъ слѣдующее правило: «когда слово не умѣ-
щается къ концу строки, тогда, для переноса буквъ въ другую сто-
рону, раздѣляютъ оное по слогамъ, руководствуясь слѣдующими пра-
вилами». Слѣдуютъ правила, удивительно идущія къ исторической
грамматикѣ (стр. 70. I)! Что такое, какъ не излишняя формаль-
ность,—опредѣленія частей рѣчи, мелочныя классификаціи, множе-
ство параграфовъ, утомительныя ссылки на нихъ? Къ чему въ исто-
рической грамматикѣ толки о согласованіи и управленіи словъ? Къ
чему слѣдующая замѣтка: «глаголь *быть*, какъ часть составнаго ска-
зуемаго, въ настоящемъ времени у насъ опускается. Напримѣръ,
говоримъ: «праздность вредна» вм. «есть вредна» (стр. 23. II)?
Зачѣмъ въ историческую грамматику попали такія статьи, какъ
разстановка и соединеніе словъ на письмѣ, гдѣ, между прочимъ,
попадаетъ слѣдующее, очень важное для исторіи языка прави-
ло: «сложныя съ предлогомъ *по* пишутся различно: и соеди-
няются, напр. *посвойски, подружески*, и раздѣляются чертою: *по-
свойски, по-дружески* (1). Кто пишетъ въ началѣ прилагательныхъ,
произведенныхъ отъ собственныхъ именъ, прописную букву, тотъ
долженъ отдѣлять чертою предлогъ *по*, сложенный съ этими прила-
гательными въ нарѣчіяхъ; напр. *по-Французски, по-Нѣмецки* (11),
потому что среди слова прописная буква не ставится: *по-Нѣмецки*.
Но кто начинаетъ эти прилагательныя строчною буквою, тотъ мо-
жетъ писать слитно нарѣчія, отъ нихъ произведенныя и сложенныя
съ предлогомъ *по*; напр. *пофранцузски, понѣмецки* и проч.» (стр.
108. II)?! Зачѣмъ зашли въ историческую грамматику правила о по-
становкѣ знаковъ препинанія и прописныхъ буквъ, предписываю-
щія даже слова *господинъ* и *госпожа* передъ собственнымъ именемъ
писать большою буквою, напр. не г. Буслаевъ, а Г. Буслаевъ (см.
стр. 116. II)?

Можно бы еще много сдѣлать автору вопросовъ, къ чему и
для чего ввелъ онъ то и то въ свою историческую грамматику;
но довольно уже и сдѣланныхъ. Г. Буслаевъ увлекся практичностью
(вотъ почему у него на такомъ видномъ мѣстѣ стоитъ *правописание*),
желаніемъ научить несмысленныхъ. Прекрасное желаніе; но только,
пожалуйста, не безпокойтесь научать тому, чего отъ васъ никто не
желаетъ и не ожидаетъ въ данномъ мѣстѣ. Если уже автора соблаз-
няла теоретическая часть языка, онъ бы гораздо лучше сдѣлалъ,
если бы составилъ грамматику теоретически-историческую, или фи-

лософски-историческую. Конечно, книга могла бы выйти еще толще, но это было бы не бѣда и во всякомъ случаѣ лучше, чѣмъ куча формальнаго хлама, которымъ набилъ теперь авторъ свой почтенный трудъ. Несмотря на несовершенную состоятельность лингвистическихъ идей *Беккера*, въ чемъ мы совершенно согласны съ авторомъ, во всякомъ случаѣ не мѣшало бы больше распространить ихъ въ нашей педагогической литературѣ; академическій «Опытъ общесравнительной грамматики русскаго языка» воспользовался ими слишкомъ недостаточно. Если невозможно отвергать, что языкъ создается подъ влияніемъ разума (философіи), фантазіи (поэзіи) и самой жизни (исторіи), то нѣтъ никакой возможности отвергать пользу (хотя бы и относительную) беккеровскихъ идей: онѣ плодотворны уже потому, что — *идеи*, что въ всякомъ случаѣ возбуждаютъ живое воззрѣніе на языкъ. «Опытъ Исторической Грамматики» г. Буслаева не чуждъ философскихъ идей, особенно во II-й части; такъ мы съ удовольствіемъ можемъ указать на статью «Значеніе частей рѣчи, каждой въ особенности» (ч. II, стр. 84—98). Но жаль, что ихъ мало, сравнительно съ necessaries, которыми наполненъ учебникъ автора. Стоя на исторической почвѣ, авторъ не могъ увлечься философскими идеями, а между тѣмъ очень бы не мѣшало, напримѣръ, представить болѣе догматическое изложеніе о значеніи флексій и отношеніи ихъ къ служебнымъ частямъ рѣчи, о значеніи мѣстоименій, числительныхъ, предлоговъ и союзовъ. Странное дѣло! Опять нельзя не сказать: обо всемъ этомъ можно прочесть въ прежнихъ сочиненіяхъ г. Буслаева; въ новомъ же хотя и есть объ этомъ, но не болѣе, какъ *кос-что*. Нельзя не пожалѣть, что почтенный профессоръ, щедрый на формальности, такъ поспешилъ на идеи. Можетъ быть, автору лучше было бы оставить въ покоѣ и теоретическую, и философскую часть, а заняться одною историческою. Но жаль, что избранный имъ планъ, преимущественно формальный, и тутъ помѣшалъ дѣлу, введя автора въ нѣкоторыя заблужденія. Если бы г. Буслаевъ послѣдовалъ плану, предложенному г. Срезневскимъ, относительно раздѣленія исторіи языка на періоды, и представилъ бы въ общихъ чертахъ характеристику каждаго, то сочиненіе его вышло бы вѣроятно занимательнѣе и цѣлесообразнѣе. Въ такомъ періодическомъ подраздѣленіи всего болѣе нуждается языкъ книжный.

Вначалѣ нашъ литературный языкъ былъ не что иное, какъ нарѣчіе церковно-славянское. Съ теченіемъ времени въ него не могли не входить, и дѣйствительно входили, живые элементы русской разговорной рѣчи. Но это оживленіе шло путемъ чрезвычайно медленнымъ, далеко отставшимъ даже отъ нешибкаго движенія впередъ народной жизни. Слѣдствіемъ этой медленности было то, что нашъ

книжный языкъ все болѣе и болѣе мертвъль и отклонялся отъ живой народной рѣчи; высшій моментъ этого омертвѣнiя представляютъ письменные памятники XVI и XVII столѣтiй; исключенiе составляетъ языкъ юридическiй, замѣчательно близкiй къ народному, но по бѣдности содержанiя, также застывшiй въ неподвижности. Настаетъ XVIII столѣтiе, вѣкъ реформъ какъ въ жизни, такъ и въ языкѣ. Явился Ломоносовъ. Онъ только указалъ путь, по которому должна была идти лингвистическая реформа; но этотъ путь для языка не былъ путемъ жизни, а въ самомъ себѣ носилъ зародыши разложенья. Нельзя не видѣть замѣчательной аналогiи между политической реформой Петра и лингвистической Ломоносова: и та и другая обошли народъ и дѣйствовали помимо его. Не касаясь первой, оправдывая историческую необходимость второй, мы только замѣтимъ, что послѣдняя въ отношенiи языка представляетъ самое печальное явленiе, болѣе безотрадное, чѣмъ предшествующая окаменѣлая, если такъ можно выразиться, эпоха (важности литературнаго значенiя ломоносовскаго періода мы не думаемъ оспаривать). Языкъ народа, какъ языкъ черни, какъ *подлый языкъ*, признается никуда негоднымъ. Представляется поистинѣ—странное явленiе: мы видимъ какую-то мастерскую, въ которой трудолюбивые рабочiе, кто съ чѣмъ попало — съ топоромъ, пилой и молотомъ, изъ всѣхъ силъ быются надъ заданнымъ урокомъ — смастерить во что бы то ни стало такую машину, которую можно бы было назвать *россійскимъ діалектомъ*. И вотъ состряпали машину, уродливую и безобразную. Нисколько не думая отвергать исторической необходимости подобной работы, мы однакоже должны замѣтить, что если предшествующiй Ломоносову періодъ книжнаго языка отличается неподвижностью и окаменѣнiемъ, то ломоносовскiй—страшнымъ наплывомъ барбаризмовъ и неологизмовъ, и множествомъ произвольныхъ и неестественныхъ языку элементовъ, ибо въ то время всякiй молодецъ писалъ на свой образецъ. Этотъ печальный періодъ уродливости литературнаго языка продолжался до тѣхъ поръ, пока политическая реформа носилась въ туманѣ высшихъ сферъ; но когда начали, хотя смутно, конечно, сознать значенiе массы народа, когда обратились къ изученiю прошедшихъ судебъ его; тогда явилась реакція, до сихъ поръ еще работающая надъ оживленiемъ и сближенiемъ литературнаго языка съ народнымъ. Эту новую эпоху можно раздѣлить на три періода: Карамзинскiй, Пушкинскiй и новѣйшiй. Историкъ русскаго языка обязанъ обратить особенное вниманiе на то, чтобы рѣзкими чертами опредѣлить характеристику каждаго изъ отдѣловъ литературнаго нарѣчiя отъ Ломоносова до настоящаго времени и не забывать, что оно въ XVIII столѣтiи представляло безчисленное

множество аномалій, которыя никакъ нельзя считать естественными, раціональными явленіями въ языкѣ, обыкновенно создаваемыми его геніемъ; историкъ долженъ помнить, что эти аномаліи далеко не могутъ сравниться по важности съ особенностями, замѣченными имъ въ языкѣ XVI — XVII столѣтія, только окаменѣломъ, какъ мы выразились, но не безобразномъ.

Не такъ поступилъ г. Буслаевъ въ новомъ своемъ сочиненіи: онъ указываетъ на безчисленное множество аномалій, встрѣчающихся у писателей XVIII и первой четверти XIX вѣка, безъ всякихъ оговорокъ, какъ будто онѣ представляютъ нѣчто законное. Вотъ примѣры: «нарѣчіе *кромь* употребляется иногда съ предлогомъ *о* (?) въ формѣ *окромь*, не только въ разговорной, но и въ книжной рѣчи; напр. у Державина «*окромь* Бога самого» 1, 51; у Дмитріева «они богаты всѣмъ, *окромь* разума и вкуса» 1, 89. (Стр. 138, 1); но въ приведенныхъ примѣрахъ *окромь* употребляется, очевидно, для стиха. — Въ языкѣ нынѣ употребительныхъ церковныхъ книгъ встрѣчается введенное въ позднѣйшее время окончаніе 1-го лица двойственного числа — *ма* *вм. въ*. Напр. «азъ и отецъ едино *сма*.» (Стр. 162, 1); не сказано, что это аномалія, введенная позднѣйшими исправителями книгъ или переписчиками. — Въ примѣръ опущенія суффиксовъ *ес* и *ен* приводятся стихи Державина, Дмитріева, Крылова, Грибоѣдова и Пушкина: «сынъ *время*, случая, судьбины;» «(зрю) въ дыму и въ *пламь* страшну *сѣчу*» и т. п.; но авторъ забылъ, что не все то законъ, что дѣлалось для стиха и рѣимы у прежнихъ, даже геніальныхъ поэтовъ. — Въ нашемъ правописаніи принято уклоненіе отъ общаго правила въ формѣ род. падежа множ. числа: *сѣмянъ* (*вм. сѣменъ*); не сказано, что это уклоненіе нелѣпо, а только говорится: «впрочемъ образцовые писатели (надобно бы прибавить: неимѣющіе понятія объ исторической грамматикѣ, на которой основывается правописаніе) употребляютъ и *времянъ* и *временъ*» (Стр. 196 — 197, 1); но въ приведенныхъ примѣрахъ изъ Пушкина и Батюшкова слова *времянъ* взято для рѣимы къ словамъ: *славянъ*, *обезьянъ*. — «Именительный падежъ множ. числа для именъ муж. рода (прилагательныхъ) принято оканчивать на *е*, а для именъ женск. и сред. рода на *я*» (Стр. 231, 1); не сказано, что это *принято* есть нелѣпость. — Для доказательства употребленія безличнаго глагола *льзя* *вм. не лъзя* приводятся примѣры изъ стиховъ Дмитріева, Крылова, Жуковского и Цыганова: «навѣрно *льзя* сказать, не дѣлая обиды» и проч. (Стр. 176. 11). — Для доказательства употребленія отвлеченныхъ и умственныхъ именъ во множественномъ числѣ (*вреды*, *воображенія*, *поведенія*, *совѣсти* и проч.) приводятся примѣры изъ журналовъ прошлаго столѣтія. (См. стр. 220 — 221, 1).

Вообще, авторъ особенно благоволяетъ къ языку прошлаго столѣтїя, или вѣрнѣе—къ періоду Ломоносовско-Карамзинскому, основывая на немъ многія изъ своихъ положеній. «Образованные писатели употребляютъ иногда въ полномъ окончаніи такія прилагательныя, которыя обыкновенно ходятъ въ краткомъ; напр. у Пушкина: «онъ, *должный* быть отцемъ и другомъ;» и наоборотъ, въ краткомъ такія, которыя обыкновенно имѣютъ полное; напр. у Крылова: «кто *дѣловъ* истинно — тихъ часто на словахъ.» (Стр. 227, II); не оговорено, что эти аномаліи никуда негодны. Странно считать чѣмъ—то особенно важнымъ очевидныя ошибки противъ генія языка, встрѣчающіяся у образцовыхъ писателей! Можно бы было и еще представить не мало подобныхъ ненужныхъ примѣровъ, только бесполезно увеличивающихъ объемъ книги; но и приведенныхъ довольно. Сверхъ того, въ сочиненіи г. Буслаева мы замѣтили слѣдующіе недостатки:

Говоря о важности церковно-славянскаго языка для русскихъ, авторъ не сказалъ, что этотъ языкъ до сихъ поръ служитъ намъ богатыишимъ источникомъ для составленія новыхъ словъ. Странно читать у современнаго филолога такія фразы, какъ *высокій слогу*, *рѣчь возвышенная*, сказанныя безъ всякихъ оговорокъ, напримѣръ, «подъ именемъ книжнаго языка, она (истор. грамм.) разумѣетъ не только *слогу высокій*, (чѣмъ ограничивалась старинная практическая грамматика), но и *рѣчь разговорную*» (предисловіе стр. XX Ч. I). Не менѣе странно читать слѣдующую замѣтку, представленную авторомъ, какъ Богъ знаетъ, какое открытіе: «союзъ *ибо*, болѣе свойственный важной рѣчи, допускается и въ легкомъ разказѣ, напримѣръ, въ прозѣ Лермонтова:» «я пригласилъ своего спутника выпить вмѣстѣ стаканъ чаю, *ибо* со мной былъ чугунный чайникъ». (Стр. 146—1). Удивительно нужно было рыться въ сочиненіяхъ Лермонтова, чтобы отыскать такую находку!

Если г. Буслаевъ заговорилъ о склоненіи именъ существительныхъ, то долженъ былъ бы больше сказать объ этомъ предметѣ, весьма важномъ для исторической грамматики. Авторъ не представилъ, какъ бы слѣдовало, въ живой наглядности различія церк. славянск. склоненія отъ теперешняго, при чемъ нужно бы было объяснить порчу падежей, особенно во множественномъ числѣ въ словахъ мужескаго рода. Slѣдовало бы также указать на странное колебаніе нѣкоторыхъ словъ, принимающихъ то старыя окончанія (пять *турокъ*, *англичанъ*, *кадетъ*), то новыя (пять *французовъ*, *именинаистовъ*; также: много *дѣлъ* и много *дѣловъ*, въ провинціальномъ говорѣ), колебанія, лучше всего объясняющія такъ называемыя ис-

ключенія. Какой особенный смысл имѣетъ выраженіе автора: *мѣстоименіе себя* (цер. слав.) не имѣетъ именительнаго падежа» (см. стр. 187. I), когда не только учителю, для котораго составлена книга, но и каждому ученику извѣстно, что оно есть нечто иное, какъ страдательный предметъ всякаго изъ личныхъ мѣстоименій? Просто смѣшна такая фраза въ исторической грамматикѣ! Говоря о значеніи союзовъ, авторъ ничего не сказалъ ни о соответствіи ихъ съ наклоненіями въ древнемъ русскомъ языкѣ, ни о незначительномъ и однообразномъ ихъ употребленіи въ языкахъ старомъ и народномъ. Говоря о согласованіи въ древнемъ языкѣ съ роломъ грамматическимъ, а не естественнымъ, авторъ ограничивается однимъ словомъ: *слуга*; слѣдуетъ прибавить слово *голова*, очень часто встрѣчающееся въ разрядныхъ книгахъ, напримѣръ, *ссадная голова* (начальникъ войска, защищающаго городъ отъ нападена непріятелей) *вышла изъ города*».

Говоря о согласованіи сказуемаго въ единственномъ числѣ при нѣсколькихъ подлежащихъ, соединенныхъ союзомъ совокупительнымъ, (стр. 264, II) авторъ не объясняетъ этого исключенія поэтической изобразительностію языка. Объ этой и подобныхъ особенностяхъ слѣдовало бы сказать вообще въ отдѣльной рубрикѣ — *о изобразительности первобытнаго языка*, которой мы не находимъ въ «Опытѣ Исторической Грамматики».

Вмѣсто безчисленнаго множества примѣровъ (что, конечно, дѣлаетъ честь начитанности автора), относящихся до древняго согласованія и управленія слова, г. Буслаевъ поступилъ бы несравненно цѣлесообразнѣе, если бы, на основаніи разбора нашихъ старинныхъ письменныхъ памятниковъ, представилъ въ общихъ характеристическихъ чертахъ конструкцію рѣчи. Для этой цѣли всѣ письменные памятники до-петровскаго времени служатъ превосходнымъ матеріаломъ, но самымъ превосходнѣйшимъ — языкъ юридическій. Языкъ нашихъ старыхъ законовѣдцевъ — рѣшительно живая, народная рѣчь, правда, въ свою очередь нѣсколько застывшая подъ влияніемъ подъячества. Языкъ юридическій представляетъ ту же простоту и, такъ сказать, наивность констукціи, ту же бѣдность философскаго мышленія, но зато такое же богатство живой изобразительности, поэтическихъ пріемовъ, какъ и рѣчь народная. Представъ все это г. Буслаевъ, ему не было бы надобности вдаваться въ формальности и мелочи, можетъ быть, интересныя въ наукѣ, но нисколько не интересныя въ учебникѣ.

Общій выводъ нашего разбора *Опыта Исторической Грамматики* г. Буслаева тотъ, что книга эта, какъ сочиненіе ученое, имѣетъ важныя, неоспоримыя достоинства; какъ сочиненіе учебное, напи-

санное для руководства преподавателей, оно также содержитъ въ себѣ богатые матеріалы; но ими могутъ пользоваться только не многіе, а большинству придется рыться въ этихъ матеріалахъ, чтобы добыть изъ нихъ живое воззрѣніе на языкъ, — трудъ, какъ извѣстно, подъ силу не всякому; какъ сочиненіе учебное, какъ руководство для учащихся, оно совершенно не годится, и наша педагогическая литература безотлагательно нуждается въ другомъ трудѣ, составитель котораго, конечно, воспользуется матеріалами, представляемыми грамматикою г. Буслаева.

Въ заключеніе нельзя не сказать, что внѣшность *Опыта Исторической Грамматики* чрезвычайно неудовлетворительна: изданіе сѣрое, безобразное и дорогое.

Іюль 1839 г.
Воронежъ.

М. ДЕ-ПУЛЕ.

НОВЫЯ КНИГИ.

Постановленія о литераторахъ, издателяхъ и типографіяхъ. Спб. 1859.

Давно уже замѣчено одно изъ качествъ, не совѣмъ съ хорошей стороны характеризующее нашу публику. Это качество состоитъ въ совершенномъ равнодушіи къ познанію тѣхъ законовъ, подъ которыми мы живемъ. Юридическое образованіе распространено у насъ такъ мало, что нерѣдко приходится встрѣчать людей, специально интересующихся какой нибудь частью и не имѣющихъ понятія о законахъ, къ пей относящихся. Объясняютъ это тѣмъ, что у насъ всѣ общественные дѣятели раздѣляются на два разряда: одни дѣйствуютъ не своимъ умомъ, а по чужому указанію, слѣдовательно, не имѣютъ надобности справляться съ законами; другіе привыкли въ своихъ дѣйствіяхъ руководствоваться произволомъ и личными соображеніями, болѣе или менѣе посторонними закону, слѣдовательно, въ законныхъ соображеніяхъ тоже мало имѣютъ нужды. Но если мы и примемъ въ извѣстной мѣрѣ справедливость этого объясненія, все-таки мы не выполнѣ еще объяснимъ вопросъ. Объясненіе это можетъ относиться только къ лицамъ служащимъ. Но не надо забывать, что большинство населенія въ государствѣ составляютъ не тѣ, *которые* примѣняютъ законы, а тѣ, *съ которыми* по законамъ поступаютъ. Эти-то послѣдніе почему же не интересуются законами? Или и они держатся того мнѣнія, что главное дѣло — воля исполнителей, по пословицѣ: «не бойся суда, а бойся судьбы»?... Но вѣдь такое мнѣніе не должно бы существовать въ благоустроенномъ об-

*

ществѣ. Если же оно существуетъ, то общество само же должно позаботиться о томъ, чтобы уничтожить его. Но какъ уничтожить?...

«Самое вѣрное, самое дѣйствительное средство — литература», кричатъ въ послѣднее время. Мы бы согласились съ этимъ, если бы замѣтили въ кричащихъ болѣе серьезное изученіе условий и принадлежностей литературной дѣятельности въ нашемъ обществѣ. А то вѣдь и въ отношеніи къ литературѣ у насъ существуетъ то же совершенное юридическое невѣдѣніе, какъ и о множествѣ другихъ предметовъ. Говорятъ о литературѣ, восхищаются ея успѣхами, бранятъ ее, и все это такъ, по капризу, съ вѣтру; никто не хочетъ заняться серьезнымъ изученіемъ предмета, вникнуть въ сущность его, никто не любопытствуетъ даже заглянуть въ законы, которыми литература ограждается! А всѣ кричатъ на разные лады, — то ужъ очень неблагопріятно для литераторовъ и журналистовъ, то черезчуръ ужъ лестно для общаго развитія и громаднаго вліянія литературы. Кто самъ пишетъ — а кто же теперь не пишетъ?—тотъ большею частію смотритъ нѣсколько мрачно: зачѣмъ его статья не напечатана? зачѣмъ долго не помѣщается? отчего не въ томъ видѣ явилась она въ свѣтъ, какъ онъ желалъ? Я, говоритъ, изложилъ лучшія свои соображенія, самыя заветныя мои думы, именно въ этихъ строкахъ; а ихъ-то и нѣтъ въ напечатанной статьѣ, и пр. Другіе, напротивъ, ужасно довольны современной литературой: какіе вопросы поднимаются, какія благородныя мысли высказываются; какъ расширился кругъ дѣйствія литературы, какое вліяніе имѣетъ она на исправленіе существующихъ недостатковъ, на направленіе общественнаго мнѣнія и т. д. и т. д. И все это говорится большею частію по наслышкѣ, безъ серьезнаго вниканія въ дѣло, потому что кричатъ нынѣ о литературѣ даже такіе господа, которые ничему не учились и ничего не читали. Иной выписываетъ журналы только для того, чтобъ имѣть удовольствіе каждый мѣсяцъ бранить издателей за то, что журналы поздно выходятъ. «Нѣтъ никакой возможности выписывать: небрежно ведутъ дѣло, чуть не мѣсяцемъ всегда опаздываютъ!... Опаздываютъ, опаздываютъ!...» кричитъ онъ, — и болѣе знать ничего не хочетъ.... А другой считаетъ обязанностью восхищаться тѣмъ, что много новыхъ журналовъ появляется, и готовъ ожидать отъ этого коренныхъ улучшеній.... Разноголосица страшная, и никто не хочетъ уяснить себѣ дѣло серьезнымъ изученіемъ тѣхъ незыблемыхъ основаній, безъ которыхъ у насъ не можетъ существовать никакая литературная дѣятельность. Постыдное равнодушіе къ изученію законовъ обнаруживается и здѣсь, во всей своей силѣ....

При такомъ положеніи дѣлъ истиннымъ благодѣяніемъ можетъ служить книжечка «Постановленія о литераторахъ» и пр. Она со-

ставляетъ не что иное, какъ извлеченіе важнѣйшихъ правилъ изъ цензурнаго устава и дополнительныхъ къ нему постановленій, вошедшихъ въ *первое продолженіе* «Свода Законовъ». Такое извлеченіе чрезвычайно облегчаетъ знакомство съ цензурными постановленіями, если кто захочетъ узнать ихъ существенныя основанія. Не всякому захочется, да и не всѣмъ удобно рыться въ «Сводѣ Законовъ» и въ его продолженіяхъ, чтобы изучить всѣ подробности узаконеній, относящихся къ литературѣ. А здѣсь, въ маленькой книжечкѣ предлагаются публикѣ главныя статьи этихъ узаконеній, вполне достаточныя для того, чтобы ознакомиться съ характеромъ нашей цензуры. Конечно, въ дѣлахъ человѣческихъ никогда не бываетъ полного соответствія съ идеаломъ, и потому знаніе того, что *должно* дѣлаться, еще не вполне соответствуетъ наглядному познанію того, что *дѣлается*. Но во всякомъ случаѣ—то, что дѣлается, не находя себѣ оправданія въ законѣ, есть только случайное отклоненіе, истинный же характеръ извѣстной дѣятельности всегда болѣе или менѣе опредѣляется законодательствомъ. Вотъ почему изданіе книжки «Постановленія о литераторахъ», мы считаемъ очень важнымъ и полезнымъ для распространенія въ публикѣ истинныхъ понятій о настоящихъ условіяхъ нашей литературной дѣятельности.

Желая по возможности содѣйствовать распространенію этихъ понятій, мы представимъ здѣсь извлеченіе нѣкоторыхъ правилъ, напечатанныхъ въ книжкѣ, относительно цензурныхъ условій напечатанія статей и книгъ.

По общему цензурному правилу, дозволяются къ печатанію «книги и статьи всякаго рода, на всѣхъ языкахъ», равно какъ «эстампы, рисунки, чертежи, планы, карты, а также и ноты съ присовокупленіемъ словъ»; могутъ быть они запрещены только въ слѣдующихъ случаяхъ: (§ 3).

«Когда въ оныхъ содержится что либо, клонящееся къ поколебанію ученія *Православной Церкви, ея преданій и обрядовъ, или вообще истинъ и догматовъ Христіанской вѣры.*»

«Когда въ оныхъ содержится что либо нарушающее *неприкосновенность Верховной Самодержавной Власти, или уваженіе къ Императорскому Дому, и что либо противное кореннымъ государственнымъ постановленіямъ.*»

«Когда въ оныхъ оскорбляются добрые нравы и благопристойность; и

«Когда въ оныхъ оскорбляется честь какого либо лица непристойными выраженіями или предосудительнымъ обнародованіемъ того, что относится до его нравственности или домашней жизни, а тѣмъ болѣе клеветой.»

Руководствуясь этими правилами, цензура «обращаетъ особенное вниманіе на видимую цѣль и намѣреніе автора; и въ сужденіяхъ сво-

ихъ принимаетъ всегда за основаніе явный смыслъ рѣчи, не позволяя себѣ произвольнаго толкованія оной въ другую сторону». Ограждая этимъ благонамѣренныхъ авторовъ, уставъ цензурный даетъ имъ еще болѣе льготы, даже на случай неясности или неловкости ихъ выраженій: въ статьѣ 7-й постановлено, что «цензура не дѣлаетъ привязки къ словамъ и отдѣльнымъ выраженіямъ»; а въ статьѣ 19-й, — «что цензоръ, не имѣя права перемѣнять что либо въ представляемыхъ на его разсмотрѣніе рукописяхъ и печатныхъ книгахъ, тѣмъ еще менѣе можетъ прибавлять къ онымъ отъ себя какія либо примѣчанія или толкованія». Отмѣтивши краснымъ карандашомъ запрещаемое мѣсто, цензоръ долженъ возвратитъ рукопись автору или издателю — для перемѣнъ; впрочемъ, для сокращенія времени, особенно въ срочныхъ изданіяхъ, авторъ или издатель «можетъ ввѣрить и самому цензору исправленіе замѣченныхъ имъ мѣстъ, по его усмотрѣнію».

Для того, чтобы еще опредѣленнѣе показать цензору, что онъ можетъ пропускать, Цензурный Уставъ даетъ еще, въ дополненіе къ общимъ, слѣдующія частныя правила:

«Цензура обязана отличать благонамѣренныя сужденія и умозрѣнія, основанныя на познаніи Бога, челоѣка и природы, отъ дерзкихъ и буйственныхъ мудрствованій, равно противныхъ истинной вѣрѣ и истинному любомудрію» (§ 6).

«Въ разсматриваніи сочиненій историческихъ и политическихъ, цензура ограждаетъ неприкосновенность Верховной Власти, строго наблюдая, чтобы въ оныхъ не содержалось ничего оскорбительнаго какъ для Россійскаго правительства, такъ и для правительствъ, состоящихъ въ дружественныхъ съ Россіею сношеніяхъ. Равно наблюдаетъ цензура, чтобы на изданіе всякаго сочиненія, въ коемъ описывается событіе, относящееся до Его Императорскаго Величества и Августѣйшей Фамиліи, и при сообщеніи въ газетахъ и журналахъ извѣстій объ Особѣ Императорскаго Величества и Членахъ Императорской Фамиліи, о придворныхъ торжествахъ и сѣздахъ, было испрошено Высочайшее разрѣшеніе чрезъ Министра Императорскаго Двора; изъ сего правила исключены только извѣстія о приѣздѣ и отъѣздѣ Членовъ Императорской Фамиліи, для коихъ сего разрѣшенія не требуется. При семъ, кромѣ статей, помѣщенныхъ въ газетахъ и журналахъ о Государѣ Императорѣ и Членахъ Августѣйшей Фамиліи, о придворныхъ торжествахъ и сѣздахъ, доставляются Цензурными Комитетами на разсмотрѣніе Министра Двора только выписки изъ книгъ тѣхъ мѣстъ, въ коихъ описывается какое либо событіе или разсказывается анекдотъ, до сихъ Августѣйшихъ Особъ относящійся. — Дозволяется выпускъ изданій съ скопированными почерками рукъ и подписями Особъ Императорской Фамиліи въ Божѣ почивающихъ, но сіе дозволеніе не распространяется на подлисы и почерки Августѣйшихъ Особъ здравствующихъ.»

Въ отношеніи къ научнымъ свѣдѣніямъ, дозволяется «всякое общее описаніе или свѣдѣніе касательно исторіи, географіи и статистики Россіи, если только изложено съ приличіемъ и безъ нарушенія общихъ цензурныхъ правилъ»; только запрещается чиновникамъ обнародовать дѣла и свѣдѣнія, ввѣренныя имъ по службѣ. Также допускаются къ печати «всѣ описанія происшествій и дѣлъ, и собственныя о нихъ разсужденія автора, если только сін описанія и разсужденія не противны общимъ цензурнымъ правиламъ»; можно печатать также всякіе документы и записки, «если только они согласны съ общими правилами и не содержатъ въ себѣ изложенія дѣлъ тяжёбныхъ и уголовныхъ.»

Вообще — разсужденіямъ и описаніямъ авторовъ дается по цензурному уставу весьма значительный просторъ касательно всѣхъ «предметовъ, относящихся къ наукамъ, словесности и искусствамъ». Дозволяется разсуждать: — и о вновь выходящихъ книгахъ, и о представленіяхъ на публичныхъ театрахъ, и о другихъ зрѣлищахъ, и о новыхъ общественныхъ зданіяхъ, и объ улучшеніяхъ по части народнаго просвѣщенія, земледѣлія, фабрикъ, и т. п., — если только сін разсужденія непротивны общимъ правиламъ цензуры. Запрещается же говорить только «о потребностяхъ и средствахъ къ улучшенію какой-либо отрасли государственнаго хозяйства въ имперіи, когда подъ средствами разумѣются мѣры, зависящія отъ правительства, и вообще сужденія о современныхъ правительственныхъ мѣрахъ» (§ 10. Ценз. Уставъ, ст. 12).

Полагая столь умѣренныя и благоразумныя правила, Цензурный Уставъ дѣлаетъ оговорку, дающую авторамъ еще болѣе возможности сохранить свою литературную самостоятельность: по статьѣ 15-й Ценз. Уст., цензоръ не долженъ входить въ разборъ частныхъ мнѣній писателя, если только они не противны общимъ правиламъ цензуры, и не имѣетъ права исправлять слогъ автора, если только явный смыслъ рѣчи не подлежитъ запрещенію (§ 13).

Но всего болѣе дается свободы повѣствователямъ и вообще беллетристамъ. По ст. 13-й «въ вымыслахъ не требуется той строгой точности, каковая свойственна описанію предметовъ высокихъ и сочиненіямъ важнымъ» По статьѣ же 14-й, «цензура, охраняя личную честь каждаго отъ оскорбленій, и подробности домашней жизни отъ нескромнаго и предосудительнаго обнародованія, не препятствуетъ, однако же, печатанію сочиненій, въ коихъ подъ общими чертами осмѣиваются пороки и слабости, свойственныя людямъ въ разныхъ возрастахъ, званіяхъ и обстоятельствахъ жизни» (§ 12).

Для того, чтобы каждое вновь выходящее сочиненіе подвергалось, кромѣ общей цензуры, еще сужденію людей спеціально знако

мыхъ съ дѣломъ, о которомъ идетъ рѣчь въ сочиненіи, въ послѣднее время постановлено, чтобы всѣ книги и статьи, имѣющія отношеніе къ административной, законодательной или финансовой дѣятельности, поступали на разсмотрѣніе тѣхъ вѣдомствъ, къ которымъ они, по предмету своему, относятся. Постановленіе это приведено въ § 29 «Постановленій», изъ 42-й статьи Цензурнаго Устава, по первому продолженію, въ такомъ видѣ.

«Сочиненія по части законодательства, теоретическаго или историческаго содержанія, или заключающія въ себѣ собственныя разсужденія самихъ авторовъ, разсматриваются въ общей цензурѣ. Тѣ изъ сихъ сочиненій, въ которыхъ теорія законодательства или финансовой и административной науки примѣняется авторомъ къ существующимъ собственнo у насъ учрежденіямъ, когда они, по содержанію 41 статьи, не подлежатъ разсмотрѣнію Второго Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, предварительно разсмотрѣнія ихъ въ общей цензурѣ, препровождаются сею послѣднею въ тѣ правительственныя мѣста и учрежденія, до которыхъ сіи сочиненія по предмету своему относятся, а именно къ довѣреннымъ чиновникамъ, назначеннымъ для непосредственныхъ по сему предмету сношеній съ С.-Петербургскимъ цензурнымъ комитетомъ, цензорами и редакціями періодическихъ изданій въ С.-Петербургѣ. Сіи довѣренные чиновники назначаются отъ министерствъ: Императорскаго Двора, военнаго, морскаго, внутреннихъ дѣлъ, финансовъ, государственныхъ имуществъ, юстиціи, главнаго управленія путей сообщеній и публичныхъ зданій, главнаго штаба Его Императорскаго Величества по военно-учебнымъ заведеніямъ и третьяго отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи. Довѣренные отъ министерствъ и главныхъ управленій чиновники, состоя въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ цензорами и редакціями періодическихъ изданій въ С.-Петербургѣ, получаютъ прямо отъ нихъ подлежащія ихъ разсмотрѣнію сочиненія и статьи и, по разсмотрѣніи, возвращаютъ оныя со своими отзывами; въ случаѣ же сомнѣнія, испрашиваютъ разрѣшенія своего главнаго начальства для передачи онаго цензурѣ или редакціи. Сіи отзывы принимаются цензурою за главное къ заключенію своему основаніе при окончательномъ разсмотрѣніи сочиненій; въ случаѣ же какихъ либо сомнѣній, цензурный комитетъ испрашиваетъ разрѣшенія главнаго управленія цензуры. Цензурныя учрежденія вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, находящіяся не въ С.-Петербургѣ, представляютъ сочиненія и статьи, подлежащія заключенію постороннихъ вѣдомствъ, министру народнаго просвѣщенія, по распоряженію котораго сіи статьи передаются довѣреннымъ отъ министерствъ и главныхъ управленій чиновникамъ, и заключенія сихъ послѣднихъ, или надписи на сочиненіяхъ, ими сдѣланныя, сообщаются цензурнымъ учрежденіямъ, по принадлежности, которыя затѣмъ поступаютъ порядкомъ, предписаннымъ для С.-Петер-

бургскаго цензурнаго комитета. На разрѣшеніе главнаго управленія цензуры представляются цензурными комитетами всѣ сомнѣнія, встречаемыя ими при окончательномъ разсмотрѣніи сочиненій. Если главное управленіе цензуры не согласится съ заключеніемъ сторонняго вѣдомства, то разногласіе представляется министромъ народнаго просвѣщенія, вмѣстѣ съ мнѣніемъ подлежащаго министра или главноуправляющаго, на Высочайшее разрѣшеніе.»

Такимъ образомъ всѣ выходящія въ Россіи сочиненія вполнѣ гарантируются не только отъ всякихъ богохульныхъ и противозаконныхъ мыслей, но даже и отъ всякихъ разсужденій, могущихъ быть вредными для порядка или оскорбительными для тѣхъ мѣстъ и лицъ, къ которымъ сочиненіе относится.

Впрочемъ, такъ какъ подобное разсмотрѣніе всякаго сочиненія, особенно трактующаго о предметахъ сложныхъ, отнимаетъ много времени и можетъ задерживать изданіе въ свѣтъ книги или статьи, то цензурный уставъ дѣлаетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ значительное снисхожденіе авторамъ. Такъ, напримѣръ, «книги медицинскія и ветеринарныя, наравнѣ съ прочими, до наукъ относящимися, разсматриваются общею цензурою»; въ медицинскую же цензуру отправляются только тѣ изъ нихъ, «которыя содержатъ въ себѣ лѣчебныя постановленія или правила для составленія лѣкарствъ съ приложеніемъ къ болѣзнямъ». (§ 30). Точно такъ же, — могутъ не подвергаться цензурѣ духовной «книги, относящіяся къ нравственности вообще, даже и тѣ, въ коихъ разсужденія будутъ подкрѣпляемы ссылкой на священное писаніе»; духовной же цензурѣ подвергаются изъ нихъ только нѣкоторыя «мѣста совершенно духовнаго содержанія» (§ 25).

Постановляя правила, ограждающія общество отъ безпорядочной и произвольной литературной дѣятельности, несоотвѣтствующей видамъ правительства, законъ опредѣляетъ и наказаніе за ихъ нарушеніе. По различнымъ статьямъ цензурнаго устава, преступившіе его правила подвергаются наказаніямъ, смотря по важности преступленія, начиная отъ трехъ-дневнаго ареста и доходя до наказанія плетью и ссылки въ каторжную работу на 10 — 12 лѣтъ (см. §§ 54 — 64). Наказаніямъ этимъ подвергаются равно, какъ авторы предосудительныхъ статей, такъ и редакторы журналовъ, издатели книгъ и содержатели типографій..

Таковы главнѣйшія изъ дѣйствующихъ нынѣ постановленій о литераторахъ, издателяхъ и содержателяхъ типографій! Многія изъ любопытныхъ подробностей, изображающихъ порядокъ и ходъ дѣлъ въ цензурныхъ комитетахъ, мы предоставляемъ любознательнымъ читателямъ найти въ самыхъ «Постановленіяхъ». Вообще съ

этой книжкой не мѣшаетъ познакомиться многимъ, интересующимся литературою. А то у насъ такъ много есть людей, которые толкуютъ о высокой важности литературы, о ея значеніи для общества, о ея вліяніи на разныя отрасли государственной дѣятельности и государственнаго хозяйства, и пр., а сами между тѣмъ не хотятъ ознакомиться даже съ узаконеніями, подѣ вліяніемъ которыхъ существовала и существуетъ доселѣ наша литературная дѣятельность. Такое легкомысліе и равнодушіе непростительно!

Сватовство Ченскаго или матеріализмъ и идеализмъ. Спб. 1859 г.

О неизбѣжности идеализма въ матеріализмѣ, Ю. Савича. (Атеней, 1859 г. № 7.)

«Сватовство Ченскаго» нельзя иначе объяснить, какъ статью г. Савича, а статьи г. Савича нельзя оцѣнить безъ «Сватовства Ченскаго». Вотъ почему и рѣшили мы соединить оба эти произведенія, хотя одно изъ нихъ — московское, а другое, по наружности, петербургское. Впрочемъ, «не судите по наружности,» — говорятъ идеалисты, и нельзя не согласиться съ этой стороною ихъ ученія. Очень можетъ быть, что «Сватовство Ченскаго» принадлежитъ Москвѣ, какъ и статья г. Савича, какъ и самый «Атеней». Очень можетъ быть и то, что Москва, несмотря на свою хлѣбосольную славу, — ужаснѣйшая идеалистка. Вѣдь извѣстно, что

Пріятно къ пышному обѣду.
Прибавить мудрую бесѣду.

И о чемъ же лучше бесѣдовать, какъ не объ идеализмѣ и матеріализмѣ, въ то время, когда вся почтенная бесѣда сыта и довольна?... Идеализмъ и матеріализмъ! О, сколько условій для пріятнаго разговора соединяетъ въ себѣ эта прекрасная тема!... Тутъ, во-первыхъ, человѣкъ удалется въ область чистой мысли, гдѣ ничто нечистое, ничто дѣйствительное не смущаетъ его.... Ничто, потому что самый *матеріализмъ* вовсе не есть *реализмъ*; нѣтъ, это есть не болѣе, какъ милое отвлеченіе, въ родѣ хорошенькой модели паровоза, на которой, конечно, нельзя ѣхать, но для которой зато непужно ни воды, ни дровъ, ни рабочихъ.... Во-вторыхъ, бесѣда объ идеализмѣ и матеріализмѣ пріятна тѣмъ, что здѣсь можно изошрять свое остроуміе и діалектику въ показаніи антагонизма этихъ двухъ началъ. Въ-третьихъ, хороша она потому, что споры съ противниками, не доходя до существенныхъ, житейски-важныхъ раздраженій, могутъ

однакожь слегка щекотать самолюбіе собесѣдниковъ и чрезъ-то пріятно поддерживать разговоръ. Короче, — говоря словами Бальзамина въ пьесѣ Островскаго, — «это самый пріятный для общества разговоръ». *Антиресный* его можетъ быть развѣ только обсужденіе вопроса, предлагаемаго Устенъкой, въ той же пьесѣ: «*что тяжеле — ждать и не дожидаться, или — имѣть и потерять*».

Но зачѣмъ же еще пишутъ люди такъ важно и глубокомысленно объ идеализмѣ и матеріализмѣ? Пусть бы ихъ толковали-себѣ въ гостиныхъ о столь антиресномъ предметѣ, и оставили бы въ покоѣ литературу. А то, пожалуй, насъ постигнетъ опять наводненіе статей въ родѣ: «О неизбѣжности классицизма въ романтизмѣ», «Любовь таинственнаго незнакомца къ красавицѣ, скрывающей свое имя, — или номинализмъ и реализмъ,» «Сравнительный разборъ значенія *сихъ* и *этихъ* для общества,» и т. н. Неужели и объ этомъ еще не довольно говорили, неужели и это еще не слишкомъ нелѣпо для нашей литературы въ настоящее время, когда заря будущаго?... и пр. Намъ казалось, что мы съ дуализмомъ давно уже порѣшили; мы надѣялись, что теперь только развѣ въ психологіи г. Кикодзе можетъ быть разрываемо человѣческое нераздѣльное существо.... Мы думали, что недостойно образованнаго человѣка заниматься геперь серьезно антагонизмами двухъ противоположныхъ началъ въ мірѣ и въ человѣкѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ распространилась общеизвѣстная нынѣ истина, что сила есть неизбѣжное свойство матеріи и что матерія существуетъ для нашего сознанія лишь въ той мѣрѣ, какъ обнаруживаются въ ней какія нибудь силы, — съ этихъ поръ мы считали совершенно ненужными всѣхъ этихъ Ормуздовъ и Аримановъ.... Но пѣтъ, — г. Ю. Савичъ доказываетъ намъ противное. Онъ вообразилъ, что у насъ сильно распространенъ матеріализмъ, — не въ смыслѣ признанія силы, какъ неизбѣжнаго свойства матеріи, — а въ смыслѣ отрицанія всякой силы. Вслѣдствіе этого, онъ ратуетъ страшно противъ матеріалистовъ, во имя идеализма. Зачѣмъ? Это мы можемъ объяснить себѣ только предположеніемъ, что г. Савичу не удавалось развивать своихъ идей словесно въ мудрой бесѣдѣ, равно какъ и автору «Сватовства Чепскаго» (если это не одно и тоже лицо...), и они хотятъ наверстать это на литературѣ. Огсуствие непосредственнаго знакомства съ предполагаемыми противниками замѣтно даже въ пріемахъ обоихъ авторовъ, равно какъ и во взглядѣ ихъ на сущность своего предмета. Ихъ основное положеніе таково: «кто дуракъ, тотъ матеріалистъ; слѣдовательно матеріалисты дураки». И затѣмъ начинается очень остроумное развитіе этого силлогизма. Но вы, можетъ быть, не вѣрите, чтобы въ ученомъ журналѣ, ученая статья

могла быть построена на такомъ силлогизмѣ? Вы даже подозреваете, что и въ комедіи «Сватовство Ченскаго», силлогизмъ этотъ не совсѣмъ таковъ, какъ мы представляемъ? Мы беремся доказать наши слова. Начнемъ съ «Сватовства».

Содержаніе комедіи состоитъ въ томъ, что Ченскій, отставной ротмистръ, имѣетъ связь съ княгиней Лапиной, очень богатой старухой. Онъ успѣлъ отъ нея нажить себѣ состояніе, и кромѣ того взялъ у нея подъ заемное письмо нѣсколько милліоновъ, которые и пустилъ въ торговые обороты. Между тѣмъ, однажды поѣхавши гулять со старухой, онъ вывалилъ ее изъ экипажа, отчего она скоро и умерла, оставивъ завѣщаніе въ пользу своей племянницы Онинной. Но по смерти старухи, Ченскій завладѣваетъ всѣми ея бумагами, скрываетъ завѣщаніе и свое заемное письмо, и пишетъ другое завѣщаніе, которымъ все имѣніе отказывается въ его пользу. Дѣло, стало-быть, кончено. Но Ченскій матеріалистъ, слѣдовательно долженъ быть дуракомъ. Вслѣдствіе этого — онъ никакъ не можетъ сообразить, что ему дѣлать теперь съ завѣщаніемъ старухи и съ заемнымъ письмомъ. Наконецъ, въ качествѣ матеріалиста, т. е. дурака, онъ придумываетъ слѣдующую штуку, для того, чтобы уладить дѣло: онъ рѣшается жениться на племянницѣ старухи, — дочери бѣднаго профессора. Тогда, разсуждаетъ онъ, все будетъ прикрыто, и совокупнымъ владѣніемъ возстановится законность; заемное письмо на три милліона пойдетъ вмѣсто приданого бѣдной дѣвушкѣ. Не правда ли, какой матеріальный (разумѣй: глупый) разсчетъ?

Итакъ, Ченскій является къ Ониннымъ. Здѣсь-то и встрѣчаетъ онъ идеализмъ. Отецъ дѣвушки, отставной профессоръ Онинъ, проповѣдуетъ все о какихъ-то противоположныхъ началахъ и говоритъ:

«Все зависитъ отъ началъ: они—основаніе нашихъ поступковъ. Человѣкъ, повинующійся духовному началу, бываетъ благороденъ въ своихъ дѣйствіяхъ и способенъ къ величайшимъ самопожертвованіямъ: онъ какъ будто не чувствуетъ нашего брэннаго тѣла. Человѣкъ чувственный склоненъ къ грубымъ удовольствіямъ, себялюбивъ и способенъ ко всякаго рода низостямъ. Все зло у насъ происходитъ отъ недостатка живаго чувства, живой вѣры. Въ грубыхъ массахъ народа неосмысленный формализмъ — явленіе обыкновенное: тамъ еще человѣкъ не выработался, тамъ еще царствуетъ животное; самое простое человеческое чувство должно тамъ принимать матеріальную форму, чтобы сдѣлаться доступнымъ; но если таже форма переходитъ, только какъ форма, и въ высшіе слои общества, если чувство сознательное не беретъ тамъ перевѣса, или...

Но что же мы дѣлаемъ? Начали выписывать слова Онина изъ «Сватовства Ченскаго» (стр. 70), а кончили выпискою изъ статьи

г. Савича (стр. 277).... Впрочемъ, разницы—то вѣдь никакой нѣтъ; пусть ужъ такъ останется... А можетъ быть, читатели и сами разберутъ, гдѣ оканчивается Онинъ и гдѣ начинается г. Ю. Савичъ??...

Такъ—Онинъ идеалистъ; у него въ домѣ есть сестра, ученая дама, занимающаяся египетскими древностями. Сама дочь Онина—тоже идеалистка. Ясно, что Ченскій не долженъ имъ нравиться. Но всего хуже то, что у Лизы Ониной есть уже женихъ Молвинъ, тоже идеалистъ отчаянный. Этотъ говоритъ:

«Мы знаемъ, что свойства матеріи употребляются не какъ нибудь, что они неизбѣжно направлены по заранѣ указанной цѣли, которая опредѣляется *идеей организаци*. Мы можемъ сказать, что эта идея вытекаетъ изъ свойствъ самой матеріи, хотя бы органической клѣточки, которая, будучи поставлена въ извѣстныя условія, можетъ развиваться насчетъ окружающей среды *только такъ, а не иначе*. Согласенъ и на это. Но если она можетъ развиваться *только такъ, а не иначе*, то идея, которая лежитъ въ образованіи этихъ условій, уже опредѣлила образъ будущаго индивидуума со всѣми мельчайшими подробностями его послѣдующаго строенія. Следовательно, индивидуумъ этотъ прямо вытекаетъ изъ *идеи*, которая въ немъ реализуется, принимая форму матеріи, *подчиняя себѣ матерію*, обращая ее въ орудіе свое» (Атен. 283).

Что же это, однако? Мы опять сдѣлали выписку изъ г. Савича, вмѣсто «Сватовства Ченскаго».... Но что же дѣлать, ежели они такъ сходны?... Молвинъ говоритъ то же самое, только короче и даже толковѣе. Вотъ его слова:

«Всему основаніемъ служить идея. Она необходимо рождается въ душѣ нашей; мы ее вносимъ въ природу; по ней разсуждаемъ, по ней исправляемъ все.»

Разница между Молвинымъ и г. Ю. Савичемъ, стало-быть, состоитъ только въ томъ, что Молвинъ признаетъ идею за произведеніе человѣка, вносимое имъ въ природу, а по г. Савичу идея есть какое-то особенное животное, существующее само по себѣ, независимо отъ человѣческаго сознанія, и подчиняющее себѣ матерію. Кто благоразумнѣе изъ этихъ двухъ идеалистовъ, рѣшить не трудно. Но будемъ продолжать разсказъ о сватовствѣ Ченскаго.

Ченскій является къ Онинымъ и начинаетъ съ того, что дѣлаетъ Лизѣ такіе комплименты.

Ченскій. Вы въ самыхъ пикантныхъ лѣтахъ. Щочки—какъ двѣ сладенья булочки.

Онина. Какое сравненіе!

Ченскій (*усмѣхаясь*). А я хотѣлъ сказать,—какъ двѣ поджаренныя котлетки.»

Ченскій долженъ такъ говорить, потому что у него матеріальный (т. е. глупый) взглядъ на вещи. Но авторъ заставляетъ его доходить до такихъ вещей, которыя уже такъ матеріальны (т. е. глупы), что заставляютъ подозрѣвать, не увлекся ли самъ авторъ матеріализмомъ (въ его же собственномъ смыслѣ). Ченскій при первомъ же свиданіи начинаетъ говорить Ониней, что ему очень нравится «ея плечо полуоткрытое», и старается дотронуться до него; потомъ выражаетъ свое восхищеніе тѣмъ, что у нея «такой тонкій станъ, и притомъ такая полнота!», при чемъ бросается на колѣни. Въ этомъ положеніи застаётъ его Молвинъ, которому онъ тотчасъ же предлагаетъ, чтобы тотъ уступилъ ему свою невѣсту за 50 тысячъ. Молвинъ, разумеется, отказывается, и тогда Ченскій начинаетъ дѣйствовать на отца Лизы. Нужно сказать, что бѣдный профессоръ занялъ нѣкогда у своей родственницы, княгини Лапиной, 30 тысячъ рублей серебромъ на воспитаніе своей дочери. На что ему понадобилась такая пропасть денегъ, и какъ онъ могъ сдѣлать такой заемъ при своихъ ничтожныхъ средствахъ? Отвѣтъ на это одинъ: Онинъ — идеалистъ. Извѣстно, что идеалисты не умѣютъ экономически тратить денегъ. Немудрено поэтому, что Онинъ истратилъ на воспитаніе своей дочери 30 тысячъ и все-таки не выучилъ ее даже тому, что не слѣдовало бы ей наединѣ съ Ченскимъ, при первомъ свиданіи, играть на арфѣ и пѣть слѣдующій романсъ:

Оставьте заботы, оставьте вы трудъ,
 Склонитесь къ милой на бѣлую грудь.
 Отъ страсти всесильной въ ней чувства нѣмлютъ
 И свѣтлые взоры любовью теплѣютъ.
 Когда же на арфѣ она заиграетъ,
 Носясь и волнуясь въ желаньяхъ живыхъ,
 Мечта той порою въ напѣвахъ слетаетъ
 Со струнъ золотыхъ.

Тутъ, конечно, кромѣ плохихъ стиховъ, есть тоже идеализмъ; но только видно, что Лиза Онина понимаетъ его немножко по своему....

Пользуясь тѣмъ, что Онинъ долженъ княгинѣ, Ченскій, какъ ея наслѣдникъ, требуетъ немедленной уплаты долга, въ противномъ же случаѣ грозитъ посадить Онина въ тюрьму. Тутъ-то выказывается весь идеализмъ Онина. Онъ начинаетъ съ того, что резонируетъ: «уплачивать долги непременно нужно; не уплачивать ихъ—значитъ воровать особеннымъ образомъ». Но вслѣдъ за тѣмъ, когда Ченскій обращается къ нему съ требованіемъ уплаты, Онинъ умиленно возвра-

жасть: «*позвольте вамъ сказать, что если бы княгиня жила, то она простила бы мнѣ долгъ*. Она часто намекала мнѣ объ этомъ въ письмахъ». Ну, скажите, не восхитительный ли это идеализмъ! Ничего не имѣя, занимать у богатой родственницы 30 тысячъ, съ тою надеждою, что она проститъ долгъ! Это такая высота идеализма, до которой, кромѣ Онина, только и могъ возвыситься г. Ю. Савичъ въ «Атенеѣ». Г. Савичъ, съ своей стороны, тоже находитъ, что есть такой предѣлъ, за которымъ ни разсчета, ни ума не нужно, а нужно только какое-то чувство, безформенное и безпредѣльное. Вотъ его слова :

«Тамъ, гдѣ оканчивается умъ человѣческій, начинается чувство, какъ продолженіе ума, какъ настойчивое, но *тщетное* (увы!) стремленіе его къ фигуральному (по риторикѣ Кошанскаго?) выраженію какой нибудь идеи, по свойству своему *несовмѣстимой ни съ чѣмъ, что предполагаетъ ограниченіе*, и переходящей поэтому въ нѣчто безформенное и безпредѣльное». (Ясно ли: отдача долга предполагаетъ ограниченіе идеи займа; поэтому въ чувствахъ Онина уплата и несовмѣстима съ займомъ!) «Оно не ищетъ фактовъ, не требуетъ теорій; въ самомъ себѣ несетъ оно истину, вѣру (въ то, что долгъ простать), любовь, и вѣрить, и любить, безъ отрицанія, безъ поясненій (Дѣйствительно, Онинъ вѣрилъ прощенію долга по однимъ намекамъ въ письмахъ княгини)».

Такъ вотъ этимъ-то высокимъ чувствомъ (неизвѣстно почему называемымъ у г. Савича *религіознымъ*) и руководится Онинъ. Но Ченскій, въ качествѣ матеріалиста, соглашается простить долгъ только въ такомъ случаѣ, ежели Онинъ отдастъ за него дочь. Онинъ уговариваетъ дочь, но та не соглашается. Вслѣдствіе того, задолжавшаго профессора тащутъ въ тюрьму. Но тутъ является бывшая горничная княгини Ланиной, Дарья Семеновна Тюмина, съ которою Ченскій, живя у княгини, имѣлъ связь — *для дешевины*, какъ онъ выражается, и съ которою прижилъ семерыхъ дѣтей. Эта Тюмина, узнавъ о сватовствѣ Ченскаго, приходитъ къ Онинымъ, ругаетъ его и изображаетъ его матеріализмъ въ самыхъ ужасныхъ чертахъ. Напримѣръ, она рассказываетъ о слѣдующемъ поступкѣ его: «у насъ былъ слуга Федоръ, говоритъ она, — огромнаго роста, который вѣзжалъ съ княгиней и ходилъ за ней, когда она прогуливалась. Разъ, когда Ченскій говѣлъ и уже отъисповѣдался, Федоръ не угодилъ ему чѣмъ-то; что же Ченскій? Ну его колотить, такъ что долженъ былъ отказаться отъ святаго причастія; и это случилось три недѣли сряду, и Ченскій проговѣлъ три недѣли» (стр. 47).

Столь ужасный *матеріализмъ* возмущаетъ всѣхъ, и вслѣдъ за тѣмъ Тюмина, чтобъ помѣшать жепитьбѣ Ченскаго и отомстить ему, сламываетъ его шкатулку, достаетъ оттуда заемное письмо его, завѣ-

чаніе княгини и подложное завѣщаніе, составленное самимъ Ченскимъ, и все это приносить къ Онинымъ въ ту самую минуту, какъ Лиза, испуганная участіемъ отца, соглашается уже выйти за Ченскаго. Тутъ, разумѣется, присутствуетъ и Молвинъ, и еще полицейскій офицеръ, который теперь, вмѣсто Онина, долженъ тащить въ тюрьму Ченскаго. Но всѣ присутствующіе, какъ истинные идеалисты, оказываются столь великодушны, что не только не подвергаютъ его суду, но даже оставляютъ ему всѣ деньги, пріобрѣтенныя имъ въ торговыхъ оборотахъ, ограничиваясь лишь тѣмъ, что заставляютъ его жениться на Тюминой. Такимъ образомъ идеалисты пріобрѣтаютъ довольство и счастье, вполне вознагражденные за свое поклоненіе идеѣ, а матеріалистъ остается въ дуракахъ, что и доказать надлежало....

Кажется, очевидно: Ченскому ничего нельзя сказать въ заключеніе, кромѣ дурака, и если идеалисты въ «Сватовствѣ» тоже оказываются достаточно-глупыми, такъ тѣмъ хуже для Ченскаго. Значитъ онъ—то еще глупѣе, чѣмъ они, если далъ имъ провести себя.

Но вы, вѣроятно, несмотря на предъидущія выписки изъ «Атенея», все еще не вполне убѣждены, что и г. Савичъ обошелся съ матеріалистами такъ же точно, какъ авторъ «Сватовства Ченскаго». Нѣтъ,—именно такъ. Онъ, видите, съ самаго начала постановилъ вопросъ такимъ образомъ: чтобы система философская могла проникнуть въ глубину общаго сознанія, нужно, чтобы она «въ своей сущности и въ приложеніяхъ была *доказательна безъ доказательствъ, силою одной только истины*». Затѣмъ онъ спрашиваетъ: «гдѣ же такая система?» Оказывается, что всѣ системы сильны доказательствами, а бездоказательныхъ нѣтъ. Изъ этого для г. Савича ясно, что «истина не дается мудрецамъ» и что нужно искать другую, *всеобщую, универсальную истину*, которой бы не только нельзя было доказать, но противъ которой были бы всѣ вѣроятности, представляемыя близорукимъ разумомъ. Затѣмъ слѣдуютъ ругательства на тѣхъ, кто ищетъ доказательной истины путемъ опыта, а не путемъ вѣры въ универсальную, бездоказательную истину. «Наше время, съ горечію говоритъ г. Ю. Савичъ, сдѣлалось особенно требовательнымъ и взыскательнымъ; на-слово нынче не вѣрятъ, на всѣ умозрѣнія махнули рукой (*quelle horreur!*), и наше—только то, что наука или опытъ сдѣлаютъ доказательнымъ и нагляднымъ (оррёръ, оррёръ!)... Молодое поколѣніе гордится своими новыми убѣжденіями; оно *будто бы* взяло ихъ изъ науки.... У насъ впереди идетъ наука, а мы, не разсуждая много, молча слѣдуемъ за ней и только указываемъ на новые источники свѣта желающимъ просвѣтиться по модѣ, на скорую руку. Нынче на все готовое мода; готовые убѣжденія еще легче пріоб-

рѣшаются, чѣмъ готовое платье, и тѣмъ болѣе правятся, что придается всякому по головѣ. Въ чемъ состоятъ эти убѣжденія? Въ отрицаніи всего, что не можетъ быть строго доказано опытомъ....» (стр. 256).

Пересчитавши ужасы, происходящіе отъ подобнаго довѣрія къ опыту, г. Савичъ восклицаетъ потомъ: «Не перечестъ всего зла, да и къ чему? Каждый изъ новыхъ людей чувствуетъ самъ, что ему недостаетъ чего-то, что онъ утратилъ что-то, очень для себя дорогое! Холодно смотритъ впередъ молодое поколѣніе, холодно вокругъ озирается, но не вѣрते этому смѣлому равнодушію, не называйте его зрѣлостью», и пр.... Далѣе г. Савичъ объясняетъ, что молодое поколѣніе — только такъ, прикидывается, будто вѣритъ наукѣ и опыту, а въ самомъ-то дѣлѣ жаждетъ «универсальской, бездоказательной истины».

Да и помилуйте, — что такое наука, чтобы ей ввѣриться? Послушайте-ка г. Ю. Савича: въ важнѣйшихъ вопросахъ о мірѣ и человѣкѣ, по его словамъ, — «пылкіе адепты науки, упоенные успѣхами, спѣшатъ высказать свои надежды и, увлекаясь все больше и больше, произносятъ съ комической важностью рѣшительный приговоръ, — *такой грубый, такой безобразный, такой безчеловѣчный приговоръ!*... Вы удивляетесь, читатель (замѣчаетъ самъ г. Ю. Савичъ), вамъ странно слышать такое рѣзкое сужденіе надъ тѣмъ, что называютъ успѣхами науки, (то есть здѣсь разумѣются, вѣроятно, все тѣже *современныя идеи*, на которыя такъ вооружаются гг. Барковъ и Кульжинскій, съ братією?) Но успокойтесь! въ сокровищницахъ ея много есть всякаго хлама, и стараго и новаго, — не все же принимать за золото». (Стр. 273). Но что же именно надо принять за золото и что за хламъ? Какъ это узнать? Вѣдь всякія *доказательства и внѣшніе признаки* г. Савичъ отвергаетъ и презираетъ!... А вотъ слушайте:

«Только то останется истиннымъ сокровищемъ, дорогимъ достояніемъ науки, что выйдетъ чистымъ изъ горнила душевнаго, изъ сознанія нашего, — единственно возможной пробы, когда дѣло идетъ о предметахъ высшаго духовнаго значенія. Но если вамъ выдаютъ за истину такія понятія, которыя противорѣчатъ вашему сознанію, разуму, чувству, — неужели вы примете ихъ, потому только, что сулятъ вамъ ихъ во имя науки? Не можетъ быть, если вы человѣкъ не легкомысленный и не тщеславный», и пр.

Переведемъ эти идеальныя фразы на простой языкъ; онѣ будутъ значить вотъ что.

«Вы хотите учиться, потому что сознаете себя недостаточно-образованнымъ. Но не думайте, что наука должна расширить вашъ
Т. LXXVI. Одг. III.

взглядъ, иначе сгруппировать знакомые вамъ предметы, представить ихъ вамъ въ новомъ свѣтѣ, сдѣлать доступными вашему сознанию такіе предметы, которыхъ вы прежде не сознавали, возбудить въ насъ новыя сочувствія и новыя антипатіи, невѣдомыя вамъ прежде. Нѣтъ, вовсе нѣтъ! Вы должны принимать изъ науки только то, что постоянно будетъ согласоваться съ вашимъ *сознаніемъ*, *разумомъ*, *чувствомъ*, — на той степени, на которой они стоятъ при началѣ вашихъ занятій наукой. Поэтому, ежели вамъ говорятъ, что земля движется вокругъ солнца, что солнце больше земли, а нѣкоторые звѣзды, видимыя вами, еще больше солнца, и т. п., — «неужели вы повѣрите этому, потому только, что все это говорятъ вамъ во имя науки? Не можетъ быть, если вы человѣкъ не легкомысленный и не тщеславный». Точно такъ и въ мірѣ нравственныхъ началъ, — ежели вы стоите на той степени развитія, до которой дошелъ г. Дымманъ въ своей «Наукѣ Жизни», или г. Миллеръ-Красовскій въ своей педагогикѣ, — то пожалуйста и оставайтесь при своемъ, ежели только вы человѣкъ не легкомысленный и пр. Пусть наука толкуетъ вамъ о разныхъ филантропическихъ понятіяхъ въ воспитаніи, пусть представляетъ теорію новыхъ общественныхъ отношеній, основанныхъ на честности и правдѣ, а не на угожденіи всякому и не на обезличеніи самого себя. Вы не должны принимать подобныхъ внушеній, потому что въ вашемъ сознаніи есть уже противоположныя начала; а если вы имъ измѣните, то покажете, что вы человѣкъ легкомысленный или тщеславный».

Какое торжество для г. Дыммана, для г. полковника П. С. Лебедева, для г. Баркова, для всѣхъ нелюбящихъ науку и ея успѣхи! Господинъ Ю. Савичъ въ «Атенеѣ» разрѣшаетъ имъ неучиться, не вѣрить наукѣ, презирать ее, если только она осмѣлится сказать что нибудь вопреки ихъ единичному сознанію и чувству. Если сознаніе и чувство откупщика заставляетъ его считать гибельнымъ распространение трезвости; если сознаніе и чувство американскаго плантатора велитъ ему считать святымъ и неприкосновеннымъ дѣломъ угнетеніе негровъ; если взяточникъ находитъ въ своемъ сознаніи и чувствѣ уголовныя обвиненія противъ людей, порицающихъ взятки; то правы эти люди, отвергая всякія логическія убѣжденія, выработанныя общественными науками! По г. Савичу, слѣдуетъ восхищаться ими, какъ людьми не легкомысленными и не тщеславными. Да что ужъ говорить объ этихъ людяхъ! Авторитетъ г. Савича разрѣшаетъ всякому недорослю — не учиться и презирать науку. Зачѣмъ же въ самомъ дѣлѣ учиться, ежели я изъ науки не смѣю и не долженъ принимать ничего, несогласнаго съ тѣмъ что *теперь* я знаю и чувствую? Въ чемъ же будетъ состоять мое пріобрѣтеніе? Гораздо лучше

довольствоваться *универсальной, бездоказательной истиной*, которой, къ такому огорченію г. Савича, не оказывается ни въ одной философской системѣ, да заняться *самосознаніемъ*, «въ которомъ выражается высшее органическое единство сознательной идеи», — какъ выражается не совѣтъ понятно г. Савичъ на стр. 286. (*)

Вообще г. Ю. Савичъ въ своемъ идеализмѣ заносится такъ далеко, что совершенно теряетъ изъ виду человѣческія потребности и всякія условія здраваго смысла. Онъ ужасно крѣпко держится на своей бездоказательной истинѣ, и въ самомъ дѣлѣ нисколько не доказываетъ ее. Зато риторика у него въ большомъ ходу, и онъ прибѣгаетъ къ ней даже тамъ, гдѣ вовсе этого не нужно. Напр., неужели нельзя было объяснить достоинство человѣка проще и спокойнѣе, чѣмъ какъ дѣлаетъ это г. Савичъ въ слѣдующихъ строкахъ (Ат. стр. 284).

«Не можетъ быть ничего прекраснѣе, ничего выше и благороднѣе человѣка! Всмотритесь только поглубже въ него, и вы согласитесь со мною; всмотритесь, какъ свѣтлый лучъ Божественной сущности прошелъ черезъ матерію въ безконечныхъ міріадахъ жизненныхъ формъ, все подчиняя *безусловно и безотвѣтно* непреложнымъ законамъ своимъ, и только въ лицѣ человѣка, самъ озаривъ себя свѣтомъ своимъ, узрѣвъ, распознавъ себя, *почувствовалъ Бога* (*) — сталъ человѣкомъ. Сколько свѣта льется отсюда!... Такъ вотъ гдѣ душа человѣка — заветная колыбель добра, правосудія, разума и любви!... Но, Боже праведный! какъ отступились отъ Тебя люди Твои, какъ дурно пользуются они свободой и разумомъ — лучшими дарами Твоими!... Сколько вгунѣ протекло вѣковъ, ничѣмъ себя не отмѣтившихъ, или постыдно прославленныхъ самозабвеніемъ человѣка, непониманіемъ Божественныхъ истинъ, злоупотребленіемъ свободы и разума.... Да, много зла вопіетъ о правосудіи, и было бы, кажется, довольно одной исторіи человечества, чтобъ получить право отрицать въ человѣкѣ и душу, и разумъ Божественный.... Самъ затопталъ себя въ грязь человѣкъ, самъ отвер-

(*) Вотъ его слова, со всѣми его курсивами. «Идея — *непосредственное* произведеніе всеобъемлющаго разума, *недѣлимая* въ своей сущности, но *безконечно производительная*; такъ что природа вся, весь видимый міръ — живая книга, въ которой высочайшій разумъ запечатлѣвъ свои божественныя истины. Отсюда, поэтому, слѣдуетъ, что изученіе и раскрытіе законовъ разума, выраженныхъ во всемъ эмпирическомъ мірѣ, составляетъ сущность науки. Идея, олицетворенная человѣкомъ и *живущая въ немъ*, составляетъ сущность сего разума, какъ сознательной идеи разума Божественнаго, которая достигаетъ въ человѣкѣ высшаго органическаго единства, выраженного *самосознаніемъ*».

Читателю предоставляется рѣшить, что преобладаетъ въ этомъ отрывкѣ — краснорѣчіе или туманность изложенія. Впрочемъ оба эти качества находятся въ такомъ близкомъ родствѣ между собою!...

(*) Курсивъ у самого автора.

нулся отъ Бога своего и отрекся отъ себя, а истина все-таки свѣтитъ въ душѣ его, и не закрыть ее никакими софизмами. Но пора проснуться! пора заглянуть намъ поглубже въ себя, пора намъ развѣдать, откуда намъ этотъ свѣтъ и отчего, хоть при случайно-вызванномъ блескѣ его, такъ *тревожно* бьется сердце, такъ *робко* шепчутся страсти, смиряется дерзкая мысль, и *смутно, неловко* становится человѣку, какъ-будто *стыдно* самого себя.... *Счастливыя* (*) минуты! кто васъ не знаетъ, кто не отмѣтилъ васъ хоть разъ въ своей жизни?...

Вмѣстѣ съ краснорѣчіемъ, г. Савичъ отличается и замысловатостью, которая въ иныхъ мѣстахъ грозитъ даже перейти въ глубокомысліе. Напр. послушайте какъ г. Савичъ объясняетъ отношеніе разума къ матеріи — числовыми сравненіями.

«Отнимите одну часть отъ единицы, и единица превратится въ часть; отнимите всѣ части, и единица превратится въ 0, гдѣ вы не найдете ни конца, ни начала. Такъ и здѣсь: *единичность*, съ одной стороны, *безграничная общность*, съ другой, а части являются посредниками между тѣмъ и другимъ, между всеобщимъ и единичнымъ. Читатель, пожалуй въ шутку, можетъ упрекнуть меня, что я привелъ къ нулю безграничную общность разума: но если, оставивъ шутки, всмотрѣться въ значеніе нуля, то не трудно будетъ убѣдиться, что нуля не существуетъ, ни въ смыслѣ цѣлаго, ни въ смыслѣ частей, *хотя его непостижимое существованіе не меньше того реально*».

Не угодно ли въ самомъ дѣлѣ всмотрѣться въ «непостижимое реальное существованіе несуществующаго нуля»? Какая прекрасная задача послѣ сытнаго обѣда, для лучшаго пищеваренія! И какое торжество для бездоказательной, универсальной истины, открытой г. Савичемъ въ Атенѣ!... Недаромъ же онъ восклицаетъ въ своей статьѣ: «здѣсь истина, здѣсь она — во всемъ величій красоты и могущества своего! А мы, какъ слѣпцы, бродили вокругъ», и проч.... Опять слѣдуютъ тѣже увѣренія, что всѣ, ищущіе доказательствъ для истины — дураки круглые....

И однако — странное дѣло! — у этихъ самыхъ дураковъ, у этихъ несчастныхъ, не понимающихъ универсальной истины, г. Савичъ нашелъ теорію, которая ему не нравится только потому, что она слишкомъ ужъ высока и идеальна!... Вы, конечно, не вѣрите этому, потому мы еще разъ приведемъ слова самого г. Савича. Онъ излагаетъ теорію, которую принимаютъ, по его словамъ, матеріалисты

(*) Счастье-то, подумаешь, въ чемъ заключается!... Когда человѣку *стыдно, неловко, смутно, тревожно*, тогда онъ и счастливъ!... О г. Савичъ! Не даромъ же разсуждалъ онъ еще въ прошлогоднемъ Атенѣ, — «объ отношеніи идеала человѣческаго блаженства къ идеалу счастья собачьего!»

(разумѣй: глупцы), — и вотъ какъ заставляеть онъ ихъ высказы-
вать свои убѣжденія (стр. 275).

«У насъ теперь, какъ недавно выражался кто-то, на первомъ планѣ стоитъ человѣкъ и его прямое существенное благо. Мы убедились(!), что абсолютнаго ничего нѣтъ, а все имѣетъ значеніе и достоинство только относительное. А чтобъ мы были честны, великодушны и справедливы, намъ довольно только знать, что мы находимся въ кровномъ родствѣ съ человѣчествомъ; не нужно намъ для этого ни вашихъ принциповъ, ни душъ, съ какими-то врожденными понятіями о добрѣ и злѣ. Это все для насъ слишкомъ абстрактно. Добро и зло — понятія относительныя; не то хорошо, что нравится мнѣ одному, но то, что и вамъ и всѣмъ приходится по сердцу; а гдѣ всѣмъ хорошо, тамъ, повѣрьте, и намъ съ вами будетъ не дурно. Вотъ вамъ и абсолютно-хорошее, и тѣмъ же путемъ можете найти даже и абсолютно-злое, о чемъ наши философы, кажется, и не догадывались. Дѣйствовать каждому за всѣхъ и всѣмъ за каждаго, — вотъ нашъ принципъ, и ведетъ онъ насъ не къ ложному счастью».

Изложивъ мысли противниковъ, г. Савичъ представляетъ и свои опроверженія, — вотъ въ какомъ родѣ.

«Прекрасное правило, если это дѣйствительно правило, а не просто громкая фраза; но ею прикрывается, къ несчастью, такая пустота, такая *tabula rasa*, что мы рѣшаемся разоблачить ее и показать изнанку той блестящей мантии, въ которую драпируется нашъ вѣкъ. Мы никогда не сомнѣвались въ такомъ чувствѣ, которое забываетъ о себѣ для всѣхъ, которое предпочитаетъ благо общее своимъ собственнымъ интересамъ; мы върили всегда въ плодотворность подобнаго чувства, но знали его только какъ исключеніе изъ общаго правила, тщательно отмѣчаемое въ числѣ рѣдкихъ историческихъ примѣровъ; никто бы никогда не рѣшился основать на немъ солидарность человѣческихъ отношеній, и слѣдуетъ для этого искать другаго, болѣе надежнаго основанія».

Смыслъ этого возраженія, кажется, ясенъ. Другими словами, это будетъ вотъ что: «Вы, господа матеріалисты, хотите основать общее благо на круговой порука интересовъ, на естественной наклонности людей участвовать въ дѣлахъ общихъ. Въ теоріи вы справедливы; но ваши надежды слишкомъ идеальны. Мы, идеалисты, подобное сліяніе личнаго интереса съ общимъ считаемъ лишь блестящимъ исключеніемъ, которое, какъ рѣдкость, отмѣчается въ исторіи. Не смѣйте же насъ увѣрять, что ваша наука, ваша теорія довели васъ до такихъ результатовъ; этого быть не можетъ.... Это ужъ слишкомъ хорошо и высоко.... Гдѣ же дойти до этого вашей наукѣ? Тутъ непременно нужно другое основаніе.... Вотъ мы, идеалисты, могли бы еще вывести столь благотворные результаты, да

и то не выводимъ, считая ихъ лишь исключительными, рѣдкими явленіями. Куда же, послѣ этого, вы-то суетесь?»

Такимъ образомъ роли перемѣняются, и *матеріалисты* упрекаются въ томъ, что они слишкомъ ужъ *идеальны*. Что тутъ дѣлать бѣднякамъ, которыхъ сначала обругали, а потомъ обличаютъ въ неспособности дойти до того, до чего они ужъ дошли! Это опять повтореніе стараго анекдота о педагогѣ, который ругалъ мальчика за то, что тотъ слишкомъ скоро рѣшилъ его задачу. «Какъ ты могъ рѣшить ее, когда я самъ еще не успѣлъ окончить вычисленія?» — Да я по другому способу рѣшалъ ее. «Какіе могутъ быть у тебя другіе способы, когда ты еще дуракъ, мальчишка, ничего не понимаешь. Это у меня можетъ явиться другой способъ, ибо я учитель.... Да и то, вотъ видишь, я рѣшаю по старому способу.... Куда жъ тебѣ?» — Однако же я рѣшилъ вашу задачу, и совершенно удовлетворительно. — «Вздоръ, врешь; это только такъ кажется, — потому что всѣ доказательства подведены и выводъ сдѣланъ вѣрный.... А въ самомъ то дѣлѣ гдѣ же тебѣ? Тутъ надобно универсальную истину, чтобы безъ доказательствъ было доказательно, безъ смысла умно,» и проч.

Какъ прикажете толковать съ такимъ наставникамъ? Не лучше ли оставить его въ блаженномъ убѣжденіи, что у него одного только ключъ къ истинѣ и что всякій, кто несогласенъ съ нимъ, совершенно глупъ? Не лучше ли и намъ покопчить тѣмъ же съ г. Савичемъ, — столь краснорѣчивымъ и послѣдовательнымъ г. Савичемъ?

Но разставаясь съ нимъ и съ авторомъ комедіи «Сватовство Ченскаго» (если это не одно и то же лицо....), воспользуемся случаемъ сдѣлать нѣсколько общихъ выводовъ объ идеалистахъ и матеріалистахъ, какъ они рисуются у разсмотрѣнныхъ нами авторовъ.

1) По «Сватовству Ченскаго» идеалисты любятъ жить на чужой счетъ, занимая деньги безъ отдачи.

2) Матеріалисты бываютъ очень строги къ своей нравственности и сурово наказываютъ себя за проявленія вспыльчивости характера. (См. стр. 267).

3) Идеалисты любятъ вѣрить намекамъ, особенно когда эти намеки общаются имъ прощеніе долга.

4) По «Сватовству Ченскаго» и по г. Савичу, — матеріалисты составляютъ синонимъ дурака; они составляютъ фальшивыя завѣщанія и хранятъ ихъ вмѣстѣ съ подлинными, составленными противъ нихъ; они держатъ у себя въ цѣлости украденныя ими заемныя письма на нихъ же....

5) По г. Савичу, «каждый индивидуумъ идеалиста прямо вытекаетъ изъ идеи, которая въ немъ реализуется, принимая форму вещественности».

6) Матеріалисты никуда не годятся главнымъ образомъ потому, что они слишкомъ идеальны, такъ что признають общимъ нравственнымъ требованіемъ то, чему идеалисты могутъ только удивляться, какъ рѣдкому исключенію.

7) Изъ всего этого слѣдуетъ, что идеализмъ неизбеженъ въ материализмѣ по понятіямъ г. Савича, и что оба 'эти начала чрезвычайно перепутаны и перемѣшаны,—если не въ мірѣ, то въ головахъ г. Савича и автора «Сватовства Ченскаго» (если это не одно и тоже лицо...).

Лучи и тѣни. Сорокъ пять сонетовъ. *Д. фонъ-Лизандера.* Москва. 1859.

Стихотворенія В. Бажанова. Спб. 1859.

Стихотворенія Александрова. Москва. 1859.

Господинъ Д. фонъ-Лизандеръ пріобрѣлъ уже себѣ почетную извѣстность въ нашей литературѣ, какъ участникъ знаменитаго протеста противъ поступка «Иллюстраціи». Въ 22-й книжкѣ «Русскаго Вѣстника» за прошлый годъ — имя его красуется въ числѣ протестантовъ, между именами Я. Савурскаго и О. Тимирязева съ одной и Д. Хитрова, Д. Хомякова, И. Хомякова и С. Хомякова — съ другой. Слѣдовательно, нѣтъ никакой надобности говорить о возвышенности и благородствѣ чувствованій, которыми должны быть проникнуты сорокъ-пять сонетовъ г. фонъ-Лизандера. Правда, высокія качества своего нравственного характера г. фонъ-Лизандеръ заявилъ еще во время восточной войны, когда написалъ весьма грозное патріотическое стихотвореніе «Нашимъ врагамъ». Но это обстоятельство все еще было не столь блистательно и рѣшительно, какъ то, когда г. фонъ-Лизандеръ сталъ въ ряды побѣдоносной арміи, такъ громогласно ополчившейся на защиту гг. Чацкого и Горвица отъ страшнаго «Знакомаго Человѣка». Этотъ послѣдній подвигъ замѣтно отразился на самомъ характерѣ сонетовъ г. фонъ-Лизандера, большая часть которыхъ писана въ 1858 г. Бродитъ ли онъ по лѣсу, — ему тотчасъ представляется грамматическая темнота въ извѣстной фразѣ «Иллюстраціи», темнота, освѣщаемая только протестомъ... Эта поэтическая мысль возбуждаетъ въ немъ слѣдующее обращеніе къ *душѣ*, подъ которою можно разумѣть душу несчастнаго, оклеветаннаго «Знакомымъ Человѣкомъ».

О душа! Какъ ни столпились плотно
 Вкругъ тебя *печали-великаны* ⁽¹⁾,
 Но и въ тѣмъ ⁽²⁾, съ нихъ льющей и подъ ноги
 И на грудь, все блещутъ искрометно,
 То какихъ-то свѣтлыхъ думъ поляны ⁽³⁾,
 То къ какимъ-то звучнымъ днямъ дороги ⁽⁴⁾.

Мы полагаемъ, что эти стихи именно относятся къ *клевелю* и *обличенію* «Иллюстраціи», потому что только при такомъ объясненіи и можно найти въ нихъ нѣкоторый смыслъ.

Къ этому же знаменитому дѣлу относятся, вѣроятно, и тѣ стихи, въ которыхъ г. Д. Фонъ-Лизандеръ увѣряетъ, что морозъ не препятствуетъ ему предаваться благороднымъ порывамъ. Известно, по словамъ Гоголя, «всякому даже не учившемуся въ семинаріи», — что поступокъ «Иллюстраціи» совершился въ ноябрѣ. Вслѣдствіе того, г. Фонъ-Лизандеръ и пишетъ, что прежде любовь согрѣвала его въ зимній холодъ;

Но теперь — не то. *Иныя пльня* ⁽⁵⁾
 Въ эту *ночь* ⁽⁶⁾ мой зрѣлый слухъ внимаешь.
 Тѣни думъ въ блестящія видѣнья
 Тайный звукъ предъ сердцемъ претворяешь
 И роскошный пламень вдохновенья ⁽⁷⁾
 И въ морозъ — грудь жаромъ обливаешь....

На «Иллюстрацію» же, кажется, написалъ г. Фонъ-Лизандеръ и слѣдующій сонетъ:

Сѣрый день *блеститъ темно и кисло* ⁽⁸⁾.
Пятна лужъ покрыли грязный дворъ,
Мокрый быкъ глядитъ на нихъ безъ смысла,
Цѣпь воронъ покрыла весь заборъ ⁽⁹⁾.

(1) Намекъ на большой форматъ «Иллюстраціи».

(2) Злая иронія надъ самымъ названіемъ «Иллюстраціи», которое значить: «освѣщеніе».

(3) Здѣсь, вѣроятно, разумѣются «Московскія Вѣдомости», открывшія у себя поляны, т. е. страницы, для протеста.

(4) Этотъ стихъ, должно быть, относится къ «Русскому Вѣстнику», который звучно показывалъ дорогу протестантамъ.

(5) Нужно разумѣть — пѣвчія прокламаціи «Русскаго Вѣстника».

(6) Метафорическое выраженіе, коимъ обозначаются обыкновенно невѣжество и нечистота сердца; а вмѣстѣ съ тѣмъ опять и колкость «Иллюстраціи».

(7) Возбужденнаго подпиской противъ «Знакомаго человѣка».

(8) Очевидно, здѣсь намекъ на рисунки, помѣщаемыя въ «Иллюстраціи», равно какъ и въ слѣдующемъ стихѣ, гдѣ говорится о *пятнахъ*.

(9) Эти два стиха, при всей своей художественной прелести, составляютъ не слишкомъ лестный комплиментъ читателямъ «Иллюстраціи».

У колодца чье-то коромысло
 Позабыто, и ужь съ давнихъ поръ
 На бадьѣ приподнятой повисло....
 Вотъ и все, что видитъ праздный взоръ ⁽¹⁾.
Да не больше пищи и для слуха
Развлекла его бѣдняжка муха
Смертной пѣсней въ лапахъ паука ⁽²⁾.
 Но и сердце тянетъ пѣсню туже:
 И его облапила не хуже,
 Чѣмъ паукъ, смертельная тоска ⁽³⁾.

Если мы не ошибаемся въ смыслѣ, какой даемъ этому стихотворенію, то г. фонъ-Лизандеръ обладаетъ замѣчательнымъ сатирическимъ талантомъ. Впрочемъ, мысль свою — основную мысль почти всѣхъ его произведеній — о томъ, что не нужно клеветать и вообще лгать, — г. фонъ-Лизандеръ выражаетъ не только въ юмористическомъ тонѣ, но и въ звучныхъ диопирамбахъ. Напримѣръ, вотъ заключенія стихотворенія «Во храмѣ», такъ же написаннаго подъ вліяніемъ мысли гнусности клеветы.

О! да, да. Пусть хоть разъ и этотъ блескъ лампадный ⁽⁴⁾,
И дымъ кадилъ, и хоръ, и сонмъ святыхъ громадный
Всѣмъ этимъ дѣтямъ лжи хоть разъ воскликнуть грозно,
Что здѣсь, предъ Божествомъ — не мѣсто фарисейству,
А мѣсто ханжеству, разврату и злодѣйству (sic!)
Покаянья всѣмъ сплосъ да плакать слезно, слезно.

Въ послѣднихъ стихахъ недостаетъ смысла; но этотъ недостатокъ легко искупается избыткомъ благородныхъ чувствованій... по крайней мѣрѣ въ глазахъ многихъ протестантовъ!

Впрочемъ подвиги гражданской доблести не проходятъ даромъ поэтамъ. Одаренный, какъ видно, пылкимъ воображеніемъ, г. фонъ-Лизандеръ, послѣ совершенія своего благороднаго дѣла, подвергся весьма безпокойнымъ мечтаніямъ. Онъ представилъ себѣ, что ложь, въ видѣ «Знакомаго Человѣка», гонится за нимъ, и, одержимый паническимъ страхомъ, г. фонъ-Лизандеръ бѣжитъ, скачетъ... «Знакомый Человѣкъ» за нимъ, и г. фонъ-Лизандеръ въ мрачномъ безпокойствѣ восклицаетъ своему ямщику:

⁽¹⁾ Это нужно относить къ бѣдности рисунковъ въ «Иллюстраціи».

⁽²⁾ Очевидно, здѣсь олицетворяется беззащитное положеніе оклеветаннаго «Знакомымъ Человѣкомъ».

⁽³⁾ Здѣсь поэтически выражается тоскливое чувство, произведенное во всѣхъ друзьяхъ прогресса поступкомъ «Иллюстраціи», хуже котораго они ничего не видали на Руси.

⁽⁴⁾ О, да, да. Пусть хоть разъ.... Замѣчательный спондей, могущій поспорить съ извѣстнымъ образцовымъ спондеемъ: «Галлъ, Грекъ, Персъ» и пр.

Погоняй! По колеямъ, по глади,
 Погоняй! Во весь опоръ скачи!
 Отъ того, что мчится тутъ же, сзади,
 О, скорѣй, скорѣй меня умчи!

Ложь въ устахъ, ложь и обманъ во взглядѣ,
 Всѣхъ надеждъ померкшіе лучи,
 Мой кумиръ (*), но въ площадномъ нарядѣ —
 Вотъ что сзади.... Сердце, помолчи!

Тройка вскачь, во весь опоръ несется.
 Я лечу, какъ молнія летить....
 Что ни мигъ, все дальше остается

Эта ложь.... Но чтожь меня умчить
 Отъ моихъ слезъ, жгучихъ язвъ, стenanій,
 Отъ твоихъ, о память, содроганій?...

Послѣдніе стихи достойно заключаютъ это стихотвореніе, превосходно выражающее необычайный страхъ, наводимый на поэта мыслью, что за нимъ гонится «Знакомый Человѣкъ» съ рисунками «Иллюстраціи.»

Зная теперь, какой страхъ испыталъ г. Фонъ-Лизандеръ, мы не удивимся, узнавъ отъ него, что и самый протестъ, подъ которымъ онъ подписался, не доставляетъ ему наслажденія, а напротивъ казнитъ его. Въ отчаяніи г. Фонъ-Лизандеръ восклицаетъ:

Казнить меня все, все: дни силъ и дни безсилья,
 Казнить и то, чѣмъ жилъ, и то, чѣмъ я не жилъ,
 Казнить и то, куда я еле двинулъ крылья,
 Казнить и то, къ чему во всю ихъ мочь спѣшилъ.

Послѣдній стихъ очевидно указываетъ на тотъ благородный энтузіазмъ, съ которымъ всѣ друзья нашей гласности и прогресса спѣшили стать въ ряды защитниковъ гг. Чацкина и Горвица... Грустно видѣть психологическій результатъ, оставленный этимъ блистательнымъ дѣломъ въ сердцахъ и умахъ г. Д. Фонъ-Лизандера!... Вмѣсто гордаго наслажденія и могучаго самодовольства, онъ испытываетъ и выражаетъ въ своихъ стихахъ лишь малодушныя мечты разстроеннаго воображенія. То у него «ужасъ и кручина — дыбомъ волосы поднимутъ на челѣ»; то ему «въ глаза слой ржавчины голодной глядитъ, и мглы чернѣй»; то представляются ему «десятки палачей и топоръ въ размахѣ»; то снится ему, —

(*) Какъ видно, г. Фонъ-Лизандеръ въ прежнее время любилъ «Иллюстрацію», въ которой, кажется, помѣщалъ даже свои стихотворенія.

Что онъ уснулъ и спитъ подъ райскими кудрями
Какихъ-то райскихъ жонъ, и видитъ, упоенный,
Какъ херувимовъ рой, сквозь шолкъ ихъ, благосклонно
Взираетъ на него сапфирными очами....

То онъ испытываетъ странное чувство во время прогулки, и вдругъ, какъ *опьяненный*, садится не пень и въ этомъ поэтическомъ положеніи размышляетъ:

Я присѣлъ на пень, какъ опьяненный.
Свѣтлый воздухъ, зноемъ пропоенный,
Легъ, какъ ласка милой, на плечахъ....

О, Творецъ! Ужь если здѣсь такая
Нѣга есть, — чтожь тамъ насъ ждетъ, сіяя
Въ благодатныхъ этихъ небесахъ?...

Пылкое воображеніе г. Фонъ-Лизандера доходитъ до того, что подвергаетъ его слѣдующей непріятности. У поэта былъ во владѣніи лѣсъ. «Деревьевъ въ вѣковыхъ наслѣдникъ небогатый», онъ продалъ ихъ на рубль. Но когда стали ихъ рубить, то ему вообразилось вотъ что:

...Точь въ точь передо мною губять
Не лѣсъ,—моихъ друзей, и головы имъ рубять....

Богъ знаетъ, до чего бы могло дойти разстроенное воображеніе г. Фонъ-Лизандера, если бы не успокоилъ его «ангелъ-хранитель» такую пѣсенкой:

Спи, бѣдный, спи! *Усыпленіе безпечное —
Лучшее благо сердцамъ.*
Въ немъ ты поймешь усыпленіе вѣчное,
То, что могила дастъ намъ.»

И г. Фонъ-Лизандеръ спитъ, и можно сказать — спитъ на лаврахъ, послѣ знаменитаго протеста. Въ просонкахъ пишетъ онъ стихи, большею частію лишенные смысла и всегда нескладные; но «когда же складны сны бываютъ?» Будемъ довольны и тѣмъ, что въ сонныхъ стихахъ г. Фонъ-Лизандера все-таки увѣковѣчена для потомства исторія знаменитаго протеста (*).

(*) Очень можетъ быть, что г. Фонъ-Лизандеръ, или кто вибулъ другой за него (изъ протестантовъ), проснется вновь и сочинитъ протестъ противъ насъ, въ которомъ докажетъ, что въ «Лучахъ и Тѣняхъ» нѣтъ ни малѣйшаго намека на «Иллюстрацію» и «Знакомаго Человѣка», и что наши предположенія составляютъ ни болѣе, ни менѣе, какъ «бездоказательное посягательство на мысль поэта,—это священнѣйшее достояніе души человѣческой». Если такой протестъ (какъ мы ожидаемъ) состоится, то заранѣе просимъ дозволенія напечатать его въ «Свисткѣ.» «Свистокъ» будетъ очень счастливъ, если удостоится этой чести!

Что касается до характера поэтического генія г. Бажанова, то мы надѣмся опредѣлить его довольно вѣрно, сказавши, что въ семь піитѣ представляется намъ суровый пуританинъ, одержимый эротическими страстями. Съ одной стороны — вотъ какія обличенія и со-
вѣты:

О смертный! не ропщи на свой удѣлъ;
Вооружись терпѣніемъ и вѣрой,
Неси свой крестъ покорно, — и Господь
Сторицею воздастъ тебѣ въ той жизни
За здѣшнія лишенія твои....
Все тлѣно: богатство, почести и слава;
Ты ничего съ собою не возьмешь
Въ тотъ неизбѣжный часъ, какъ Ангелъ смерти
Отъ тяжкихъ узъ тѣлесныхъ разрѣшитъ
Безсмертью предназначенную душу; —
Тогда предъ неумытнымъ Судіей
Предстанетъ не вельможа знаменитый
И не богачъ, — предстанетъ человекъ,
Съ порочными иль добрыми дѣлами,
И приметъ мзду, заслуженную имъ....
Благоговѣй, смирись предъ Провидѣніемъ
Его рука путемъ тернистымъ бѣдствій
Къ небесному блаженству насъ ведетъ....
Здѣсь только тотъ и счастливъ и покоенъ.
Кто, жребіемъ довольствуясь своимъ,
Съ терпѣніемъ удары рока сноситъ.

А съ другой стороны вотъ какія «Воспоминанія Старушки»:

Ахъ, — и я была когда-то молода,
И слыла въ селѣ красавицей тогда!...
Какъ пойду, бывало, павой въ хороводъ,
Мною весь честной любится народъ....
Парни-молодцы, какъ мухи къ меду, льнутъ
И проходу красной дѣвкѣ не даютъ....
Только слышишь: Марѳа, — спой да попляши!
У те голосъ, — у те ножки хороши!...
Кто орѣшковъ, кто гостинцевъ мнѣ сулитъ,
Кто колечкомъ, кто платочкомъ подарить, —
А Степанъ, — лихой, удалый молодецъ,
Заручилъ меня, младую, подъ вѣнецъ....
Подъ вѣнцомъ я рѣла, словно маковъ цвѣтъ,
Говорили: краше дѣвки въ свѣтѣ нѣтъ....
А теперь гдѣ ты, — скажи, моя краса?...
Посѣдѣла темнорусая коса;

По селу едва-едва брожу съ клюкой, —
Одолѣла старость съ хворостью лихой, и пр.

И опять — съ одной стороны сѣтованія на порочность всего міра:

Насъ обуялъ корысти духъ лукавый,
Его рабы, — мы съ самыхъ юныхъ лѣтъ,
До гроба ищемъ тлѣнныхъ благъ и славы,
Какъ будто въ насъ души нетлѣнной нѣтъ, и пр.

А съ другой — восхищеніе женскимъ локономъ и рассказъ о поцалуѣ, «полномъ нѣги безмятежной.» Да еще это бы не бѣда, — хотя, конечно, и локонъ подходитъ къ разряду *тлѣнныхъ* благъ. Ну, да ужъ положимъ, что имъ еще можно утѣшаться, потому что волосы все-таки не такъ скоро истлѣютъ, какъ остальные части тѣла.... Но вѣдь дѣло въ томъ, что г. Бажановъ въ своемъ пристрастіи къ локону заходитъ ужъ слишкомъ далеко. Онъ восклицаетъ:

Ты *одинъ* души томленье,
Думы скорбныя мои,
Въ грустный часъ уединенья
Услаждаешь, даръ любви!

Эти стихи находятся въ совершенномъ противорѣчій съ назидательнымъ настроеніемъ г. Бажанова, ихъ нельзя признать законными дѣтьми его пуританской музыки. *Одинъ* локонъ улаживаетъ его томленье и скорбь! Каково это вамъ покажется? Какъ будто этотъ локонъ — нетлѣнный! Какъ будто нѣтъ для человѣка высшихъ утѣшеній!

Какъ будто въ насъ души нетлѣнной нѣтъ!...

Точно такъ же, не можемъ мы помирить слѣдующихъ противорѣчій музыки г. Бажанова. Въ стихотвореніи «1-е января 1858 г.» онъ бросаетъ высоко-благородныя и нравственныя обличенія въ лицо развратному свѣту. Здѣсь онъ говоритъ, между прочимъ:

Прошла гроза, — мы весело, безопасно,
Проводимъ дни въ забавахъ и пирахъ,
Всѣмъ жертвуя для жизни скоротечной,
Изгнавъ изъ сердца стыдъ и страхъ.

А между тѣмъ, при такомъ обличительномъ направленіи, г. Бажановъ занимается воснѣваніемъ того, какъ молодая нѣмка Мальвина поджидаетъ молодаго француза Проспера, который къ ней,

Забывая покой,
Въ часъ безмолвный, ночной,
На свиданье любви поспѣшаетъ....

Для всякаго другаго это было бы ничего; но г. Бажанову — непростительно! Конечно, поэтъ можетъ проникаться сатирическимъ духомъ и изображать пустоту и развратъ свѣта очень ярко. Поэтому мы не упрекаемъ въ нескромности, напимѣръ, пьесу «Выборъ Жениха», въ которой певѣстою предпочтенъ всѣмъ сѣдой князь,

Въ крестахъ, въ звѣздахъ,
На костыляхъ.

Здѣсь мы видимъ тотъ же духъ, который внушилъ поэту слѣдующіе грозные стихи противъ звѣздъ (въ стихотвореніи «Звѣздочка»):

Такъ забудь же мириады
Звѣздъ блестящихъ и большихъ,
И тоскующіе взгляды
Отврати скорѣй отъ нихъ....

Имъ понятны наслажденія,
А печаль для нихъ чужда;
Въ нихъ участія, сожалѣнья
Не найдешь ты никогда....

Такіе строго-обличительные стихи совершенно соотвѣтствуютъ общему направленію поэта, и за нихъ можно только хвалить г. Бажанова. Но когда онъ утѣшается тлѣннымъ локономъ и съ наслажденіемъ рисуетъ сцену ночнаго свиданія француза Проспера съ пѣмкой Мальвиной, или представляетъ игривую амуретку корнета съ Наташей (въ стихотвореніи «Мать и Дочь»), — то нельзя не упрекнуть его музу въ легкомысліи и въ измѣнѣ тѣмъ убѣжденіямъ, которыя должны бы лежать краеугольнымъ камнемъ всей поэзіи г. Бажанова. Возвышенный строй его лиры далъ намъ такія стихотворенія, какъ «Молитва», «Крестъ», «Не ропщи», «На кончину Императора Николая I-го», «Печаль и Отрада Россіи» — стихотвореніе, не уступающее выотою чувствованій извѣстному произведенію кн. Вяземскаго «Плачъ и Утѣшеніе». Въ этой сферѣ собственно и долженъ былъ бы оставаться г. Бажановъ, и тогда мы почти не имѣли бы возможности упрекнуть его. Но, къ сожалѣнію, слабость природы человѣческой превозмогаетъ силу самыхъ крѣпкихъ пуританскихъ убѣжденій. Рѣзвый купидонъ — говоря мифологически — увлекаетъ самого Зевеса-громовержца; немудрено, что онъ и г. Бажанова увлекъ къ сочиненію игривыхъ стихковъ о тлѣнномъ локонѣ, принадлежащемъ, можетъ быть, той самой пѣмкѣ Мальвиной, которая «въ часъ ночной» поспѣ-

шала на свиданіе съ французомъ Просперомъ.... Что дѣлать? Эротическія расположенія овладѣваютъ, вѣрно, и суровыми пуританами, подобными тому, какимъ выставляется г. Бажановъ въ своихъ *возвышенныхъ* стихотвореніяхъ. Не будемъ судить за это слишкомъ строго: говорятъ, что отъ стрѣлы купидона никто не можетъ укрыться, и въ доказательство указываютъ даже на г. Розенгейма. Ужъ какой, кажется, обличитель, — а и тотъ писалъ эротическіе стишки, еще почище (не по языку и не по стиху впрочемъ), чѣмъ г. Бажановъ. При томъ же—что нападать на г. Бажанова, когда онъ самъ уже осудилъ такъ строго свою нравственность, на первой же страницѣ своей книжки:

Гори яснѣй, моя лампада,
Молись теплѣй, душа моя....
Я рабъ страстей, стяжанье ада,—
И вѣчныхъ мукъ достоинъ я....

Смотрю въ жизнь прошлую съ боязнью;
Въ ней тщетно добрыхъ дѣлъ ищу;
И, какъ преступникъ передъ казнью,
Томлюсь, страдаю, трепещу....

Моя душа охолодѣла,
Не внемлетъ истинѣ святой,
Живая вѣра оскудѣла
И съ ней сокрылся мой покой....

Бѣдный г. Бажановъ! Хоть бы пришелъ къ нему тотъ утѣшитель, который поетъ г. Фонъ-Лизандеру:

«Спи, бѣдный, спи! Усыпленье сердечное —
Лучшее благо сердца!» и пр.

Стихотворенія г. Александрова тоже нуждаются въ подобномъ утѣшителѣ, ибо авторъ ихъ — необычайный страдалецъ. Половину книжки занимаетъ разсказъ о нѣкомъ господинѣ Задоринѣ и о его дочери Эммѣ, которую *поэтъ*, какъ отважно называетъ себя г. Александровъ, рисуетъ съ большой любовью и съ отступленіями въ родъ слѣдующаго:

Но къ счастью, ни умомъ,
Ни душою, старшая ея дочь Эмма
Не была похожа на свою мать.
Но я вижу, что вы начинаете терять
Терпѣніе, что такъ вяло идетъ къ концу поэма.
Я надѣюсь, что вы не будете бранить *поэта*

За неправильное названье это;
 Тутъ поэмы нѣтъ нисколько,
 А просто это одинъ разсказъ,
 Которымъ хотѣлъ я васъ
 Занять на часъ. И только....
И отъ того такъ назвалъ,
Что я ривмы къ Эмма не сыскалъ.

Въ этихъ-то отступленіяхъ, которыя уже сами по себѣ составляютъ страданіе, равно какъ и вся поэма и даже вся книжка г. Александрова, безпрестанно встрѣчаются такого рода жалобы:

Теперь нигдѣ отрады не нахожу,
 И, какъ путникъ заблудившійся, брожу
 Межъ ненавистныхъ мнѣ людей,
 Межъ пошлыхъ и холодныхъ богачей, и пр....

Или:

Давно погибли мои надежды и мечты,
 Жизнь моя полна душевной пустоты;
 Я теперь живу воспоминаемъ однимъ, и пр.

Въ одномъ изъ мелкихъ стихотвореній, г. Александровъ такъ же жалуется:

Время юности живой
 Промчалось быстро отъ меня,
 Съ глубокой мрачною тоской
 Теперь ни на мигъ не расстаюся я;
 Страданія и мученія больной души
 Меня тревожатъ часто среди ночной тиши....

Въ другомъ стихотвореніи объясняется:

Давно во мнѣ уснули страсти
 Сномъ холоднымъ мертвеца,
 И глубокія морщины избраздили
 По всѣмъ направленьямъ лице;
 Холодъ, голодъ и многія напасти,
 Душевный жаръ истощили, и пр....

Въ стихотвореніи «Дума» говорится:

Съ глубокой думою сижу я подь окномъ;
 И все я думаю только объ одномъ:
 Что я лучшія движенія сердца утратилъ

Безплодно, и святыя чувства я растратилъ
Въ тяжкомъ и позорномъ бездѣйствіи и снѣ....

Вотъ начало стихотворенія «Ожиданіе».

Холодъ, голодъ и нищета,
Отъ погибшей юности мечта,
Мои спутники до гроба,
Порой тоска, ненависть злора
Меня въ жизни сопровождаютъ,
Часто быстрюю радость отравляютъ....

И такъ далѣе, — все одно и то же.... Страданіе, да и только! Мы сочли нужнымъ прежде всего указать на это читателямъ, потому что авторъ въ одномъ мѣстѣ говорить:

Ты меня опрометчиво не проклинай,
Лучше ты мои страданія узнай....

Конечно, страданія г. Александрова не могутъ имѣть особенной важности и интереса для публики; но столь настойчивое напоминаніе собственныхъ страданій заставило насъ подумать о причинахъ, по которымъ страдалъ г. Александровъ. Мы предались было даже мечтаніямъ въ родѣ тѣхъ, какимъ предавался Павелъ Ивановичъ Чичиковъ, просматривая списокъ мужиковъ, купленныхъ у Собакевича. Кто такой г. Александровъ? Гдѣ и какъ протекла его юность? За что тѣшилась надъ нимъ злая судьба? Изъ книжки видно, что г. Александровъ — какой-то самоучка; не только о версификаціи, но даже о правописаніи онъ не имѣетъ никакого понятія; но въ то же время онъ разсуждаетъ объ устройствѣ общества, о взяткахъ, о банкометахъ и понтерахъ, о балахъ и бокалахъ, упоминаетъ даже о Рафаэлѣ и Перуджино.... Трудно разобрать, что такое представляетъ собою авторъ этихъ стихотвореній.... Бѣдный ли онъ чиновникъ, на старости лѣтъ лишившійся мѣста по неблагонадежности или вслѣдствіе сокращенія штатовъ? Помѣщикъ ли какого нибудь захолустья, заглянувшій разъ въ жизни въ столицу, увидавшій тамъ двухъ литераторовъ и вслѣдствіе того возгорѣвшій стремленіемъ къ литературной славѣ? Или онъ отставной инвалидъ, покоящійся на лаврахъ и посвящающій свои досуги служенію музамъ? А можетъ быть это — самоучка-мѣщанинъ, какихъ такъ много нынѣ развелось на Руси? Можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ не посчастливилось ему въ жизни, и «голодъ, холодъ, нищета» — можетъ быть составляютъ для него не стихотворную фразу, а дѣйствительныя лишенія, которыя онъ испыталъ.... Но въ такомъ случаѣ — зачѣмъ онъ тол-

куеть о бокалахъ, выпитыхъ имъ на пирахъ, о красавицахъ, съ которыми онъ танцовалъ на блестящихъ балахъ, и пр?... Ради ли стихотворной вольности, или тоже по дѣйствительному опыту жизни?... И что наконецъ привело его къ описанію этихъ страданій? Ктѣ и какъ рѣшился издать эту безобразную книжечку, сѣрую, неопрятную, напечатанную рѣшительно безъ всякой корректуры!...

Праздные, забавные вопросы, если смотрѣть на нихъ съ общелитературной точки.... Но нельзя отъ нихъ удержаться, когда подумаешь, сколько добродушія и совершеннѣйшей нищеты духа должны имѣть авторъ книжечки, подобной стихотвореніямъ г. Александрова. Тутъ внутренняя ничтожность и вздорность ничѣмъ не прикрыта: ни звучнымъ стихомъ, ни блестящими современными фразами, ни гордыми претензіями на званіе общественнаго дѣятеля, такъ часто принимаемыми у насъ за признакъ внутренней силы.... Видно, что авторъ не принадлежитъ къ высоко-образованной фалангѣ протестантовъ противъ «Иллюстраціи», какъ г. Фонтъ-Лизандеръ, и даже не проникнутъ такою выпрепенною назидательностью, какъ г. Бажановъ. И однако—въ стихахъ его всегда можно добыть смысла, чего часто недостаетъ сонетамъ г. Фонтъ-Лизандера; въ книжкѣ г. Александрова нѣтъ и того страннаго «служенія Богу и мамонѣ», какое замѣтили мы у г. Бажанова. Ясно, что если бъ г. Александровъ поучился, узналъ бы хоть грамматику и версификацію, да чуть-чуть усвоилъ бы себѣ приемы литературные, онъ бы никакъ ужъ не написалъ такихъ безсмыслицъ, какія находимъ у гг. Фонтъ-Лизандера и В. Бажанова.... А между тѣмъ теперь даже и эти господа, которыхъ ученіе привело только къ правильному стопосложенію и къ совершеннѣйшей темнотѣ разумнѣя, — даже и эти господа посмотрятъ, пожалуй, съ пренебреженіемъ на г. Александрова!... Да и какъ иначе? Господинъ Фонтъ-Лизандеръ имѣетъ имя въ литературѣ, онъ участвовалъ въ блистательнѣйшихъ литературныхъ экспедиціяхъ; г. Бажановъ тоже—если еще не имѣетъ, то будетъ имѣть имя: по крайней мѣрѣ стихотворенія его помѣщались въ нѣкоторыхъ журналахъ, считающихъ себя весьма серьезными и значительными.... А г. Александровъ презрѣнъ вездѣ и всѣми, за то собственно, что говоритъ только о своихъ страданіяхъ, да и тѣхъ не умѣетъ изложить хорошенъко, — по строгимъ правиламъ искусства.... Бѣдный г. Александровъ! Такъ ужъ ему вѣрно судьбой назначено — во всемъ быть страдальцемъ: въ жизни страдалъ онъ; когда стихи свои писалъ, — тоже, должно быть, страдалъ и мучился надъ ними неимовѣрно; да и напечатавши свою книжечку, — ничего, вѣроятно, не получилъ и не получитъ отъ нея, кромѣ огорченій и страданій....

Разказы и очерки С. Вахновской. М. 1859.

Какъ разнообразны способы, которыми пріобрѣтается слава! Слава г-жи Вахновской упрочена теперь, благодаря тому, что г-жа Кохановская писала хорошія повѣсти и печатала ихъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ», а г. Н. Н. вообразилъ, будто Кохановская есть псевдонимъ Вахновской, и объявилъ о томъ въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ». Случай, и даже глупый случай... но онъ прославилъ не столько г. Н. Н., сколько саму г-жу Вахновскую, о которой по этому случаю напечатаны «Замѣтки» въ нѣсколькихъ газетахъ и журналахъ. Въ одной изъ этихъ замѣтокъ г-жа Вахновская названа даже «посредственностью, не представляющею ничего замѣчательнаго»; но тѣмъ не менѣе ее замѣтили, о ней заговорили.... Сначала всѣ были увѣрены, что ея разказы очень хороши, потому что — помилуйте, какъ же? — г-жа Кохановская! Это такой талантъ!... О, книжка г-жи Вахновской должна быть превосходна, потому что г-жа Кохановская не можетъ написать ничего дурнаго!... Но потомъ, когда оба имени отдѣлились одно отъ другого, многіе пришли въ недоумѣніе и стали спрашивать: что же, однако, хороши или дурны разказы г-жи Вахновской, и что въ нихъ есть любопытнаго?... Спѣшимъ отвѣтить на этотъ вопросъ самымъ любезнымъ объясненіемъ.

По нашему крайнему разумѣнію, г-жа Вахновская не нуждалась даже въ опрометчивости г. Н. Н., чтобы пріобрѣсти себѣ громкую извѣстность. Книга ея замѣчательна уже тѣмъ, что даетъ гораздо больше, нежели обѣщаетъ на заглавномъ листкѣ. И что—вы думаете — прибавляетъ она? Женщину!... Да, цѣлую женщину!... На заглавномъ листѣ, подъ общимъ заглавіемъ «Очерковъ и Разказовъ», находимъ мы и перечень всѣхъ пяти разказовъ, помѣщенныхъ въ книжкѣ. Второй разказъ называется въ этомъ перечнѣ: «Двѣ Женщины». Но откройте книгу, и вы увидите на 25-й страницѣ: «Три Женщины, романъ въ письмахъ, посвящается Е. Н. Кротковой». Итакъ три женщины, не считая самой сочинительницы и той, кому посвященъ романъ; — во всякомъ случаѣ, одна лишняя противъ обѣщаннаго,—и одно ужъ это чего стоитъ!...

Но количество ничего не значитъ въ сравненіи съ качествомъ. А каковы качества женщинъ изображенныхъ г-жею Вахновскою,—это легче почувствовать, нежели передать словами... Какъ онѣ пишутъ, какъ говорятъ! Боже, какъ говорятъ!... Особенно въ интимныхъ разговорахъ!... Я никогда не смѣлъ интимныхъ разговоровъ съ женщинами и—признаюсь—никакъ не ожидалъ, чтобъ онѣ могли такъ хорошо говорить. Но теперь,—о, теперь я только о томъ и думаю, чтобы.... не подумайте — самому завести.... нѣтъ, я на это

никогда не рѣшусь, а просто.... *подслушать* интимный разговоръ женщины!... Какъ это должно быть восхитительно, и какъ должно дѣйствовать на мужчинъ!... При всей своей неодушевленности и безчувственности, я бы, кажется, съ ума сошелъ, если бы прекрасная женщина сказала мнѣ то, что говорить Любинька Гордунова Владимиру Петровичу:

«Я бы не удовольствовалась (говорить она) бѣглыми поклоненіями свѣтскихъ львовъ, которыми они надѣляютъ такъ много женщинъ; блестящая пустота лести не могла бы, кажется, наполнить мое сердце. Оно жаждетъ другого».

Тутъ Любинька почувствовала, что голова ея горитъ, ей представился рядъ волшебныхъ, заманчивыхъ призраковъ, и она продолжала *съ увлеченіемъ* (Даже съ увлеченіемъ! И все это слышалъ Владиміръ Петровичъ! Счастливый Владиміръ Петровичъ!):

«Оно (т. е. сердце) жаждетъ пламенной, глубокой, безкорыстной любви, не подверженной капризамъ людей, не основанной на кокетствѣ и самолюбіи, любви одного достойнаго человѣка, котораго мнѣніе было бы для меня дороже всего свѣта!... И какъ бы я его любила, какъ бы тихо и какъ счастливо *протекла* бы для насъ жизнь! И какъ ожинилось бы мое уединеніе!... Я шла бы съ нимъ *легкою стопою* (даже и стопа-то у нея не тяжелая! Не совершенство ли эта дѣвушка?!), рука объ руку, душа въ душу (что еще?), и онъ бы зналъ всѣ сокровеннѣйшія мысли мои.... отъ всякаго чувства, заставляющаго биться мое сердце, забилось бы и его.... О, онъ бы понялъ меня, и проч».... (стр. 71).

Любинька договорилась такимъ манеромъ до обморока, и Владиміръ Петровичъ упалъ къ ногамъ ея и заговорилъ ей: *ты*. Но вдругъ она охладѣла и начала увѣрять его, что она совершенно ничего, только у нея голова закружилась, и проч. Вскорѣ потомъ (вообразите мое-то разочарованіе!) она вышла замужъ за Ивана Ларцева, котораго до сихъ поръ третировала очень свысока, и была очень довольна своей участью.... Она, видите, нашла, что ошибалась во Владиміръ и ошибалась въ Ларцевѣ: Ларцевъ оказался отличнымъ, покорнымъ мужемъ, а Владиміръ пристрастился къ охотѣ и совершенно потерялъ всякое расположеніе къ своей женѣ, которую прежде очень любилъ.

Такова одна изъ трехъ женщинъ. Другая,—жена этого самаго Владиміра, — не столь замѣчательна: это обыкновенная кокетка, впрочемъ совершенно безхарактерная и не отличающаяся даже краснорѣчіемъ. Но зато третья — Адель — еще удивительнѣе первой, Любиньки. Она до того идеальна, что въ ней искажаются

самые основные законы физической природы, касающіеся женскаго организма. Представьте себѣ: отъ 15-го *юля* она пишетъ своей подругѣ, что рѣшилась согласиться на предложеніе графа Лавацкаго выйти за него замужъ; отъ 10-го *августа* сообщаетъ: «вотъ десять дней, какъ я замужемъ и счастлива»; отъ 12-го *сентября* пишетъ: «я чувствую себя больною и слабою, вслѣдствіе ли моего положенія (я беременна), вслѣдствіе ли душевныхъ волненій» (стр. 105); отъ 20-го *марта* мужъ Адели уже увѣдомляетъ ея подругу, что у нихъ родился преждевременно сынъ, и что здоровье Адели все еще очень плохо (стр. 113). Какъ оказывается изъ внимательнаго разсмотрѣнія дѣла, авторъ не безъ намѣренія изложилъ въ такомъ видѣ исторію этихъ неестественныхъ родовъ. Здѣсь, какъ и въ «Воспоминаніяхъ Лѣкаря», онъ хотѣлъ показать, какъ вредно женщины сантиментальничать и предаваться немѣренной идеальности: тотчасъ здоровье разстроишь и будешь родить семимѣсячныхъ выкидышей! Намѣчаніе весьма дѣльное, хотя съ неменьшею основательностью оно прилагается и къ противоположному направленію—матеріальному. Въ комедіи «Сватовство Ченскаго» г-жа Дальнева говоритъ идеальной Лизанькѣ Овиной: «а дѣти у тѣхъ, которые женятся по расчету, выходятъ какіе безобразные! Блѣдные, желтые, несчастные!» Съ этимъ впрочемъ согласна, должно быть, и г-жа Вахновская, желающая, повидимому выставить вредъ односторонностей и пользу примиренія теоріи съ практикою (иначе сказать: «неизбѣжность идеализма въ матеріализмѣ») въ своихъ «Трехъ Женщинахъ». Марія Сергинская—легкомысленная кокетка, свѣтская женщина, не понимающая возвышенныхъ чувствъ и увлекающая Ивана Ларцева, который вовсе не стоитъ ея мужа. Зато и выходитъ, что и Ларцевъ ее не полюбилъ, и мужъ разлюбилъ, и она живетъ въ деревнѣ да скучаетъ.... Адель Пельская—экзальтированная женщина, увѣряющая, что она ни за что не полюбитъ человѣка, который будетъ ей представленъ съ обычными формальностями, и ревнующая своего мужа къ первой женѣ его, давно уже умершей. Зато и выходитъ, что она безпрестанно падаетъ въ обмороки, разстроиваетъ свое здоровье и родитъ семимѣсячныхъ дѣтей. Любинька Гордунова, напротивъ, — дѣвушка, полная идеальнѣйшихъ достоинствъ, говорящая такъ, какъ выше показано, — влюбляется во Владиміра, мужа своей подруги Маріи, но пересиливаетъ свое сердце и выходитъ замужъ за Ларцева, котораго сама описываетъ такимъ образомъ, въ письмѣ къ сестрѣ своей:

«Это одинъ изъ тѣхъ тысячныхъ людей, про которыхъ сказать нечего. Самая наружность его безцвѣтна: онъ ростомъ не высокъ и не малъ, онъ не толстъ, но сложенія плотнаго; его маленькіе глаза не то сѣ-

раго, не то зеленого цвѣта, а выраженія ихъ разглядѣть нельзя, потому что онѣ ихъ странно шурить, когда говорить. Рыжеватые усы почти скрываютъ его губастый ротъ, а свѣтлые волосы всегда тщательно напояжены и приглажены, по воскресеньямъ же онѣ ихъ завиваетъ. Разговоръ его не замѣчательнъ, но спасибо и за то, что онѣ не острить и не пускается въ чувствительность, а говорить просто; *словомъ, мой милый другъ, въ моемъ положеніи, съ моимъ маленькимъ состояніемъ, такому жениху мнѣ отказать бы не слѣдовало, если бы онѣ посватался*».

Столь благоразумныя разсужденія высказываетъ восхитительная Любинька при самомъ началѣ знакомства съ Ларцевомъ. Узнавъ, что Владиміръ Петровичъ любитъ ее, она исполняется презрѣніемъ къ Ларцеву, особенно при видѣ его ухаживаній за Марією. Но когда Ларцевъ за нее посватался, она выходитъ за него, родить дѣтей не семи, а девяти-мѣсячныхъ, какъ и слѣдуетъ, и находитъ, что мужъ ея прекрасный человѣкъ. Черезъ годъ послѣ замужества она пишетъ: «какъ глупо и какъ смѣшно мнѣ кажется теперь прошедшее! И какъ я понимаю, что мое настоящее призваніе — семейная жизнь, мое назначеніе—быть женою, матерью, хозяйкой... и что это назначеніе и выше, и благороднѣе, и лучше всѣхъ сентиментальныхъ бредней и пустыхъ теорій».

Читателю предоставляется рѣшить, которая изъ трехъ женщинъ лучше. Что касается до насъ, то намъ ни одна изъ нихъ не нравится, а Любинька, очаровавшая насъ сначала своимъ краснорѣчіемъ, теперь внушаетъ намъ даже отвращеніе своимъ хозяйственнымъ самодовольствомъ. Въ ней мы видимъ олицетвореніе (правда, очень блѣдное и слабое; но это ужъ зависитъ отъ таланта автора) житейской пошлости, не только убивающей въ человѣкѣ благородныя и чистыя стремленія, но еще научающей радоваться ихъ лишенію.... На нашъ взглядъ Марья Сергинская—женщина не безукоризненная, не серьезная, но все-таки очень удовлетворительная въ известномъ смыслѣ, очень хорошая для известнаго вкуса и направленія. Она не развила нѣкоторыхъ сторонъ своей натуры; что дѣлать? Но она вѣрна себѣ, она отличается известнымъ характеромъ, и кто желаетъ имѣть жену какуюнибудь неземную фею или ундину, или

Семинариста въ желтой шали,
Иль академика въ чепцѣ, —

тотъ и не бери ее... Адель—тоже односторонне развитая дѣвушка; но она несчастна своимъ развитіемъ, о ней нужно сожалѣть... Она больна, и на нее нельзя сердиться ужъ и за то, что она довольно терпѣливо сноситъ свою болѣзнь. Но Любинька—это какой-то сидѣлецъ изъ

мѣнявшейся лавки, нарядившійся въ кринолинъ и позаимствовавшійся слогомъ у Маринскаго или у князя Кугушева; это кукушка, усиливаящаяся пѣть соловьемъ; это буренка, издающая нѣжное мычаніе и протягивающая рыло къ клоку гнилаго сѣна... Мы очень сожалѣемъ, что позволили было себѣ увлечься ея краснорѣчіемъ, и не поздравляемъ автора, ежели его собственное мнѣніе, (какъ представляется изъ хода повѣсти) — въ пользу этой женщины...

Впрочемъ мы не хотимъ навязывать автору мыслей, которыхъ онъ, можетъ быть, не имѣлъ. «Три Женщины» — романъ въ письмахъ, слѣд. авторъ тутъ ничего не говоритъ отъ себя. Да и во всей книжкѣ — г-жа Вахновская рассказываетъ не отъ себя, а отъ лица то старика, то лѣкаря, то какого-то молодого человѣка... Легко можетъ быть, что она вовсе не раздѣляетъ ихъ мыслей. По крайней мѣрѣ о тенденціяхъ лѣкаря она замѣчаетъ отъ себя, — что онъ «пускается въ крайность.» А тенденція его состоятъ въ томъ, что не нужно учить дѣвочекъ ничему, кромѣ хозяйства. Убѣжденія эти основываетъ онъ на томъ, что одну дѣвушку совѣмъ изморили за философіей полковника Вейсса... Но кто же говоритъ о Вейссѣ? Самъ г. де-Жеребцовъ порицаетъ дамъ, зараженныхъ полковникомъ Вейссомъ: но изъ этого вовсе не слѣдуетъ необходимость бросить всякое ученіе... И едва ли много найдется мужей, которые согласятся съ слѣдующими мыслями лѣкаря: «мужу нужна хозяйка, мать его дѣтей; онъ уже счастливъ комфортомъ, доставленнымъ ею (что здѣсь разумѣется подъ комфортомъ, доставленнымъ ею?), — а умственные потребности, если онъ у него есть, онъ можетъ удовлетворить иначе — чтеніемъ, или въ обществѣ умныхъ людей.» Почему бы, подумаешь, женѣ-то его не быть въ этомъ же обществѣ умныхъ людей? Не потому ли ужъ, что «курица — не птица, женщина — не человѣкъ»?...

Изъ пяти произведеній, напечатанныхъ въ книжкѣ г-жи Вахновской, «Три Женщины» и «Воспоминанія Лѣкаря» — самыя длинныя и скучныя. Сцена «Лучше умная хула, чѣмъ глупая хвала» — коротка, но совершенно безцвѣтна. У графини-вдовы есть два жениха, — одинъ бѣдный и угодливый, а другой богатый и брюзгливый; она отказываетъ бѣдняку, который ей льститъ, и выходитъ за богатаго, который бранитъ ее. Это и называется: «лучше умная хула, чѣмъ глупая хвала»; можно бы назвать ее такъ: «богатымъ все позволяется.»

О разсказѣ: «И умъ не спасетъ стараго человѣка» — умолчимъ, такъ какъ его пошлость можетъ выставить въ очень невыгодномъ свѣтѣ талантъ г-жи Вахновской.

Но зато пятый и послѣдній разсказъ нашъ очень утѣшилъ!... Читатель ужъ ждетъ, что мы скажемъ: «тѣмъ, что онъ послѣдній.» Но эта острота слишкомъ стара, и мы не повторимъ ее. Да притомъ же разсказъ, и независимо отъ этого обстоятельства, имѣетъ дѣйствительныя достоинства. Ведется онъ отъ лица молодого человѣка, называется «Современные Толки», и изображаетъ, какъ толкуютъ въ гостиныхъ и на дворянскихъ выборахъ — объ освобожденіи крестьянъ, (или, какъ г-жа Вахновская выражается, — *объ эмансипаціи*.) Чтобы познакомить читателей собственно съ литературной стороной таланта г-жи Вахновской, которой мы до сихъ поръ не касались, — мы приведемъ нѣсколько коротенькихъ отрывковъ изъ этого небольшого разсказа.

Сначала молодой человѣкъ изображаетъ, что онъ слышалъ въ гостиныхъ, и описываетъ одинъ вечеръ у графини П., въ О... губерніи. (стр. 272).

«Всѣ наперерывъ толковали объ эмансипаціи, кто *за*, кто *противъ* — дамы не уступали мужчинамъ, и оказывались самыми ревностными поборницами, въ поддержкѣ крестьянскихъ правъ. Молодые люди повторяли общія мѣста изъ общаго газетнаго репертуара. — Старики качали головой и потихоньку замѣчали: «что жили мы, дескать, до «сихъ поръ и безъ эмансипаціи, и жили хорошо и привольно, а теперь «по міру пустягъ...» Одинъ баринъ лѣтъ 45, съ взъерошенными волосами и слезливыми глазами, ходилъ отъ одного къ другому, всѣхъ задиравъ, и когда ему удавалось обратить на себя чье нибудь вниманіе, начиналъ постоянно свою рѣчь одной и той же фразой:

— Я все удивляюсь одному: — общему спокойствію.... «*Nous marchons sur un volcan*,» и никто этого не замѣчаетъ, никто не подумаетъ объ этомъ....

— «*Monsieur est alarmiste*,» — сказалъ ухмыляясь тоненькій блондинъ съ лорнетомъ, — но дѣло въ томъ, прибавилъ онъ, принимая важный видъ, — что всякій просвѣщенный дворянинъ долженъ радоваться, что намъ дано наконецъ средство, что представляется случай — сбросить съ себя варварство, и оправдаться передъ образованной Европой....

Отпустивъ эту фразу, молодой человѣкъ самодовольнымъ взглядомъ окинулъ все общество, но не нашелъ себѣ отвѣта.... Артемій Богдановичъ отправился дальше.... И скоро послышалась въ томъ концѣ гостиной обычная фраза: «я удивляюсь одному, удивляюсь общему спокойствію, «*quand nous marchons sur un volcan*.» Но на этотъ разъ онъ обращался къ дамамъ — его встрѣтили насмѣшливыми улыбками.... дамы всегда очень храбры предъ мнимой опасностію....»

Затѣмъ еще пересказывается разговоръ молодого человѣка съ однимъ почтеннымъ господиномъ, передъ выборами. Молодой чело-

вѣкъ, между прочимъ, спрашиваетъ: «неужели бываютъ личныя причины на исканіе депутатскаго званія?» И вотъ что отвѣчаетъ ему почтенный господинъ (стр. 279):

— А вы что думаете? — Неужели вы полагаете, что двигателемъ тутъ одинъ національный вопросъ?... Вотъ этотъ баринъ съ бородой и лорнетомъ, котораго голосъ раздастся надъ всѣми другими, имѣетъ самое высокое мнѣніе о своихъ ораторскихъ способностяхъ и надѣется имѣть случай, если его выберутъ, выказать свое краснорѣчіе, но онъ имѣетъ не много партизановъ, потому что мало кто любитъ слушать;— вотъ этотъ смирный господинъ, который все время молча сидитъ въ углу, ушлышалъ, что депутатамъ даютъ 150 руб. жалованья въ мѣсяцъ, а при маленькомъ состояніи — это большая помощь.... въ другихъ уѣздахъ есть богачи, которые желаютъ изъ себя дѣлать фигуру, имѣтъ открытый домъ въ городѣ, а депутатство по крайней мѣрѣ — уважительный предлогъ...

Самые выборы описываются молодымъ человѣкомъ очень живо, съ юморомъ очень мѣткимъ, и въ тонѣ нѣсколько различномъ отъ экзальтированныхъ, приторныхъ возгласовъ нашихъ либеральныхъ публицистовъ. По словамъ молодаго человѣка, первое собраніе было очень серьезно: всѣ хлопотали за себя или за своихъ кандидатовъ, употребляли замысловатые маневры, чтобы привлечь къ себѣ партію, и пр. На второмъ совѣщаніи было уже нѣчто другое.

«На слѣдующій день, когда дворяне собрались для втораго совѣщанія, я замѣтилъ другое настроеніе духа. — Они казались какъ бы утомленными, послѣ серьезныхъ вопросовъ, о которыхъ спорили наканунѣ, и вѣроятно чувствовали потребность отдохнуть отъ нихъ. Заговорили объ *увеселеніяхъ*, по случаю выборовъ: надлежало выразить губернскому предводителю уваженіе и благодарность къ нему дворянъ. Онъ дѣйствительно человѣкъ хорошій, и понравился мнѣ на выборахъ: спокойный, достойный старикъ, внушающій всеобщее уваженіе, не вмѣшивающійся въ мелочныя интриги...»

«Такъ какъ было всеобщее желаніе выразить ему признательность дворянства, я думалъ, что этотъ вопросъ очень скоро рѣшится, но не такъ-то было: возникъ споръ о томъ: дать-ли балъ или обѣдъ? и споръ этотъ сдѣлался очень горячимъ, и занялъ все это утро. Спорили съ жаромъ, скажу—почти съ огнемъ и увлеченіемъ, — многіе довольно краснорѣчиво и даже юмористически поддерживали свое мнѣніе. Одинъ высокій, плѣшивый баринъ какъ-то особенно стоялъ за балъ, горячо доказывая, «что обѣды сдѣлались пошлы, что всѣмъ даютъ обѣды, а балъ будетъ болѣе блестящее, болѣе радостное выраженіе дворянскихъ чувствъ, въ этотъ торжественный случай.»

— Помилуйте, громко перебилъ его маленькій, широкоплечій, бородатый помѣщикъ, въ очкахъ, — съ чего же намъ плясать? Мы бу-

демъ похожи на рыбокъ, которыя прыгаютъ, когда ихъ жарятъ на сковородѣ....

«Многіе разсмѣялись, но одинъ серьезный баринъ, изъ числа тѣхъ, которые считаютъ преступленіемъ улыбнуться на такихъ сборищахъ и педантически серьезно разсуждаютъ о самыхъ пустыхъ вопросахъ, важно объявилъ, что онъ также совѣтуетъ дать обѣдъ.

— Мы должны, сказалъ онъ, — употребить все усилія, чтобы въ этомъ важномъ случаѣ оставить неприкосновенными все священныя обычаи, которые ведутся изстари въ нашемъ отечествѣ; замѣьте, что мы собрались теперь не для преобразованія народнаго быта, а для *улучшенія быта крестьянъ*.... Наши предки не давали баловъ, — но славились своими боярскими пирами или обѣдами; — итакъ, господа, мнѣ кажется, что обѣдъ будетъ, съ нашей стороны, самое приличное изъясненіе нашей признательности къ почтенному и благородному предводителю, и выразить собою консервативное направленіе дворянства въ настоящее время....

Рѣшились дать обѣдъ.»

Какъ ни простъ этотъ очеркъ, какъ ни обыкновенны мысли и замѣтки, высказанныя въ немъ, — но онъ, (правда, что только онъ одинъ) — доказываетъ намъ, что у г-жи Вахновской есть и талантъ, и очень свѣтлый взглядъ на нѣкоторыя явленія жизни. Трудно повѣрить, чтобы «Современные Толки» были написаны тѣмъ же лицомъ, которымъ сочиненъ «Разсказъ Старики» и пр. Спокойствіе и правильность сужденій о томъ, отъ чего все кругомъ мечутся, какъ угорѣлые, умѣнье узнать сущность вещи подъ блестящими личинами, открыть пошлость дѣла подъ величавостію фразъ, искусство ярко и живо очертить лица и сцену дѣйствія, постоянно оставаясь на своей точкѣ зрѣнія, — все эти достоинства несомнѣнно находятся въ «Современныхъ Толкахъ» г-жи Вахновской. За этотъ очеркъ мы готовы примириться со всеми остальными разсказами, и даже съ коварнымъ краснорѣчіемъ пошленькой Любиньки, такъ заинтересовавшей насъ сначала, но потомъ такъ рѣшительно обманувшей наши ожиданія....

Объяснительный словарь иностранныхъ словъ, употребляемыхъ въ русскомъ языкѣ. Издалъ В. Н. Уловъ. Спб. 1859.

Объясненіе 1000 иностранныхъ словъ, употребляющихся въ русскомъ языкѣ. Составилъ и издалъ А. С. Москва. 1859.

Краткій Политико-Экономическій словарь. Спб. 1859.

Пошла мода на справочные словари! Теперь вышло три маленькихъ, а недавно объявляли и объ изданіи большаго.... Это значитъ,

что мы наконецъ возымѣли желаніе понимать нѣкоторыя слова, которыя до сихъ поръ читали въ книгахъ и газетахъ безъ всякаго смысла. Въ самомъ дѣлѣ — всѣ три словаря, названные нами, составлены съ цѣлію помогать читателямъ, не знающимъ иностранныхъ языковъ, при чтеніи газетъ и журналовъ. Въ подобномъ по-собіи, безъ сомнѣнія, многіе нуждаются, и потому хорошій справочный словарь былъ бы у насъ истиннымъ одолженіемъ. Къ сожалѣнію, изъ трехъ указанныхъ нами, только словарь г. Углова (до 6000 словъ) можетъ быть названъ хоть сколько нибудь удовлетворительнымъ. Определенія его кратки, но довольно вѣрны; важнѣйшія понятія изъ политическихъ наукъ не забыты; кромѣ простаго опредѣленія словъ, сообщаются также нѣкоторыя положительныя свѣдѣнія, къ нимъ относящіяся... Но оба другіе словаря — могутъ, конечно, служить для развлеченія любознательныхъ читателей и доставлять имъ веселія минуты, но никакъ не помогутъ къ уразумѣнію смысла газетныхъ статей и т. п. «Политико-Экономическій словарь» заключаетъ въ себѣ до 1500 словъ, и занимается объясненіемъ, напр., такихъ терминовъ: «аэронавтика, аэронавтъ, аэростатъ, ботаника, бѣдность, геогнозія, геодезія, дюжина, физика, химія, и т. п. Тутъ же толкуется о томъ, что такое гривенникъ, пятиалтынный, и пр. А рядомъ съ этимъ встрѣчаются объясненія мѣстныхъ словъ, которыхъ нигдѣ, кромѣ «Областнаго Словаря», и не прочитаешь. Напр. *яство, якунить, юрюкъ, юкола, ѡмины, шибайла, чева-вить, хабарно, тереза*, и пр. И какое же значеніе имѣютъ эти слова? *Тереза* — вѣсы, *чевалить* — приготовить ягоды на зиму, *юкола* — сушеная рыба изъ рода лососей, и т. п. Что тутъ общаго съ политической экономіей? И много ли мѣста остается въ словарѣ для объясненія собственно-экономическихъ терминовъ?.. Да еще надо прибавить, что составитель словаря не довольствуется простымъ объясненіемъ словъ, а присоединяетъ отъ себя нравственныя сентенціи. Напримѣръ: «*Бѣдность* — состояніе нуждающагося въ первыхъ потребностяхъ жизни; *бываетъ слѣдствіемъ скудости природы, лѣности и безпечности человека* и часто непониманія экономическихъ законовъ, когда стараются водворить въ обществѣ искусственныя начала народнаго хозяйства». «*Благотворительность*, какъ вспомошествованіе нуждающемуся ближнему, должна быть основана на сознаніи нравственнаго долга, а потому не всякое подаваніе заслуживаетъ этого названія, тѣмъ менѣе помощь, облеченная въ форму юридической обязанности; оттого благотворительность, въ строгомъ значеніи этого слова, не составляетъ предмета науки.» — Курьезныхъ опредѣленій, подобныхъ этому, не мало найдется въ

«Политико-Экономическомъ Словарѣ». За то мы не нашли въ немъ словъ *запросъ, пошлина, поручительство, цензъ* и пр.

Но *тысячу словъ* г. А. С. можно «съ пріятностью прочесть». Объясненія словъ искать тутъ нечего, хотя г. А. С. въ предисловіи и увѣряетъ, что объясненіемъ своихъ тысячи словъ, «наиболѣе употребляющихся въ русской литературѣ», онъ хотѣлъ быть полезнымъ читателемъ журналовъ и газетъ въ объясненіи непонятныхъ имъ иностранныхъ словъ. Чего бы вы ни стали искать у г. А. С., — можно почти навѣрное сказать, что не найдете. Мы искали напр. — нѣсколько словъ, непрерывно попадающихся теперь въ газетахъ: аристократы, демократы, модерантисты, реакціонеры, тори и виги, хартисты, либералы легитимисты, конгрессъ, нота, вотировать, и пр. и пр. Ничего нѣтъ!... то есть — если хотите, три слова изъ исчисленныхъ нами и есть въ словарѣ, да что въ томъ толку. Судите сами:

«*Либераль* — свободно мыслящій человѣкъ, человѣкъ, преданный свободѣ правленія.

«*Легитимистъ* — приверженецъ законной династіи.

«*Реакція*. Отпоръ, воздѣйствіе, т. е. дѣйствіе, вызванное другимъ; наприимѣръ, когда одно тѣло ударяется о другое, — это другое оказываетъ ему отпоръ (реакцію); такъ наприимѣръ, первый ударъ языка въ колоколъ труднѣе для ударяющаго, нежели второй — въ противоположный край; потому что при второмъ ударѣ звонарю уже помогъ край колокола, оттолкнувъ языкъ въ противоположную сторону. — Въ жизни умственной и нравственной, такъ же какъ и въ физической природѣ, что нибудь, доведенное до крайности, вызываетъ реакцію.»

Не хотите ли съ подобными объясненіями уразумѣть смыслъ, въ какомъ различныя партіи называются въ журналахъ и газетахъ *либералами, реакціонерами, легитимистами* и пр.

Вообще, объясненія г. А. С. очень курьезны. Напр. *логика*, по его мнѣнію, — «наука правильно мыслить и доказывать»; *лиризмъ* — «возвышенность мыслей и языка»; *реализмъ* — «тоже что и матеріализмъ, — вещественное направленіе философіи; *матеріализмъ* же... но позвольте выписать сполна объясненіе г. А. С., такъ какъ ужъ пошла невзгода на матеріализмъ.... Отъ г. А. С. достается ему, какъ увидите, не менѣе, чѣмъ и отъ г. Ю. Савича и отъ автора «Сватовство Ченскаго».

«*Матеріализмъ*. Философія, основанная на изученіи природы и въ позднѣйшее время не признающая въ ней духовнаго начала. Она явилась въ лицѣ Бэкона, какъ противодѣйствіе безплодному, замкнутому направленію идеализма. Въ предшествующее ей время метафизики, от-

вергнувъ всякое знаніе матеріи, *парили въ безвоздушныя пространствахъ, забывъ что они живутъ еще на землѣ, и что не мѣшаетъ подчасъ оглянуться — нѣтъ ли и тамъ чего нибудь достойнаго вниманія.* При такомъ состояніи ума, *погруженнаго въ самого себя,* разумѣется не могло процвѣтать естествознаніе и вмѣстѣ съ тѣмъ не могло совершенствоваться образованіе массы народной: философія, какъ неприступными стѣнами, оградаила себя отъ большинства своими высипренними воззрѣніями и своимъ хитросплетеннымъ образомъ выраженія; — наука была достояніемъ немногихъ, и эти немногіе не умѣли извлечь изъ нея никакой существенной пользы. Отпоръ былъ приготовленъ и не замедлил явиться въ лицѣ Бэкона Веруламскаго. Этотъ замѣчательный человекъ увидѣлъ необходимость круто повернуть направленіе умовъ, чтобы возбудить ихъ къ полезной дѣятельности: онъ ввелъ новый методъ (способъ изученія) въ философію, направилъ умы на естествовѣдѣніе, отвергъ многія укоренившіяся положенія и сталъ искать новыхъ въ изслѣдованіи природы; но въ пылу противорѣчія зашелъ, самъ того не подозрѣвая, дальше, чѣмъ бы слѣдовало, и уничтожилъ разумъ человека, поставивъ опытъ выше его. *«Должно, говорить онъ, собрать нѣсколько фактовъ разнаго рода, извлекать изъ нихъ познаніе причинъ и началъ»*, какъ будто этотъ узкій путь случайнаго приведетъ не къ причинамъ второстепеннымъ, а къ идеи сущности, *если она заранѣе не существовала въ душѣ человека? — «Лучшее изъ всѣхъ доказательствъ, говорить онъ же, есть безъ сомнѣнія опытъ»* — и самъ противорѣчить себѣ въ этихъ словахъ, предпосылая идею опыту, потому что для доказыванія чего нибудь нужно, чтобы о томъ уже существовала идея. — Самъ вооружаясь противъ близорукаго эмпиризма, (философіи, отвергающей всѣ доказательства, кромѣ опыта), нехотя посѣялъ онъ этими словами ложную мысль, которая позднѣйшими послѣдователями его была доведена до нелѣпости: Локкъ, Кондильякъ и другіе признавали только то, что могли доказать опытомъ, какъ будто можно отвергнуть все, не подлежащее вѣсамъ, мѣрѣ, или химической очевидности? — Возьмемъ примѣръ изъ физической природы, какъ подлежащей опыту: пусть миліоны народа станутъ измѣрять количество воды въ морѣ, — сколько бы времени ни провели они за этимъ занятіемъ, — цѣли они никогда не достигнуть, потому что убыль воды будетъ вознаграждаться прибавлю новой, значитъ опытъ невозможенъ, а между тѣмъ все таки въ данное время въ морѣ содержится извѣстное количество ведеръ воды, положимъ билліоны билліоновъ, *взятые столько же разъ, но фактъ существуетъ*; а доказать его, по недостаточности нашихъ средствъ, нѣтъ возможности. — Несмотря на всю очевидную несостоятельность односторонняго матеріализма, послѣдователи Бэкона распространили его вмѣстѣ съ насмѣшками надъ идеализмомъ; правда, что человеку, расположенному смѣяться, матеріалисты тоже напоминаютъ одинъ анекдотъ, который, съ позволенія читателей, расскажу имъ въ заключеніе статьи, вышедшей немного слишкомъ (!) серьезной для карманнаго словаря. Одинъ докторъ эмпирикъ лечилъ портнаго отъ горячки; больной былъ при послѣднихъ

минутахъ — надежды на спасеніе никакой не было, — вдругъ пациентъ пожелалъ ветчины; докторъ, видя что смерть неизбежна, велѣлъ дать ему, и больной выздоровѣлъ; медикъ, вѣрный своему направленію, записалъ себѣ на память: *Ветчина — прекрасное средство отъ горячки*. Черезъ нѣсколько времени ему пришлось лечить тоже больного горячкой сапожника, — идея леченія была уже почерпнута изъ опыта: думать не о чемъ; онъ началъ лечить его ветчиной, но на другой же день больной умеръ; — докторъ, привыкшій по фактамъ составлять идею, нисколько не потерялся и только дополнилъ прежнее замѣчаніе словами: *Для портныхъ, а не для сапожниковъ*. (Анекдотъ этотъ разсказанъ въ сочиненіи князя Одоевскаго: *Русскія почи*).

Въ самомъ дѣлѣ — для словарика во 120 страничекъ разгонистой печати, въ 16-ю долю листа, такое разглагольствованіе *немного-слишкомъ* пространно, тѣмъ болѣе, что свѣдѣній-то въ немъ все-таки *не слишкомъ много*.... Самый анекдотъ о докторѣ мало помогаетъ дѣлу, а только ставитъ г. А. С., въ пониманіи философскихъ истинъ, на одну доску съ г. Ю. Савичемъ....

Нельзя не пожалѣть, что такими пошлостями начинается у насъ дѣло, столь полезное и рѣшительно-необходимое для распространенія въ массѣ публики необходимыхъ научныхъ свѣдѣній. У насъ, впрочемъ, все такъ: или ужь задумаютъ машину въ 50 томовъ, которые будутъ издаваться десять лѣтъ и все-таки не дойдутъ до конца, или ужь съ плеча выпустятъ такую ничтожность, что на нее посмотрѣть совѣстно, — а такъ только развѣ, ради смѣха, можно повертѣть въ рукахъ.... Отчего бы не издать у насъ справочнаго словаря, тома въ три или четыре, — въ родѣ того, напримѣръ, какъ издаются словари Буаье? Въ европейской публикѣ подобные словари расходятся сотнями тысячъ; новыя изданія дѣлаются чуть не каждый годъ. Въ нашей читающей публикѣ потребность въ справочномъ словарѣ, особенно по части политическихъ и историческихъ наукъ, должна быть болѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь въ Европѣ; потому что общее образованіе у насъ развито гораздо меньше. Правда, что и масса читателей у насъ ничтожна, сравнительно съ количествомъ читающихъ людей въ какомъ бы то ни было государствѣ Европы. Но вѣдь поддерживался же у насъ, (пока не потерялъ кредитъ въ публикѣ) «Энциклопедическій Лексиконъ» Плюшара, расходился же «Справочный Словарь» Старчевскаго, и теперь затѣяно же новое предпріятіе — «Энциклопедическій Словарь» въ 45 томовъ. Судя по этому, можно ожидать вѣрнаго успѣха для не-большаго, но добросовѣстно-составленнаго словаря, тома въ четыре или даже въ шесть. Для начала даже просто можно бы издать порусски словари Буаье, прибавивши къ нимъ то, что касается соб-

ственно Россіи, — нашей исторіи, географіи, литературы, и пр. Мы даже слышали, что подобное изданіе уже готовится, и, безъ всякаго сомнѣнія, оно будетъ принято съ благодарностью въ нашей публикѣ, такъ часто нуждающейся въ научныхъ справкахъ и не имѣющей почти никакихъ средствъ удовлетворить своей любознательности.

Краткое историческое обозрѣніе дѣйствій главнаго педагогическаго института, 1828 — 1859 г. Сиб. 1859.

Невозможно безъ чувства глубочайшаго омерзѣнія смотрѣть на людей, ругающихся надъ потерявшимъ силу человѣкомъ, предъ которымъ они падали до ногъ въ то время, какъ онъ былъ силенъ, и которому своимъ раболѣпствомъ даже помогали въ достиженіи его цѣлей. Нужды нѣтъ, что онъ былъ, можетъ быть, величайшій злодѣй и негодяй; нужды нѣтъ, что онъ по своимъ нравственнымъ качествамъ заслуживаетъ, можетъ быть, самаго страшнаго поруганія. Все-таки отвратительно смотрѣть на осла, который лягаетъ беспильнаго льва, приговаривая: «пускай ослиное копыто знаетъ». Тотъ, кто и прежде, въ дни силы этого льва, выходилъ на борьбу съ нимъ и не преклонялся предъ нимъ, — тотъ еще имѣетъ право, хотя уже и бесплодное, — позорить его и во дни его одряхлѣнія: онъ по крайней мѣрѣ можетъ сказать, что руководствуется началомъ чистой справедливости и всегда равно возстаетъ противъ своего врага, не обращая вниманія на его положеніе.... Но чѣмъ можетъ оправдать себя тотъ, кто подличалъ и пресмыкался предъ неправою силою, пока могъ отъ нея ожидать себѣ чего нибудь, а потомъ, когда она сломлена и уничтожена, вдругъ выпрямляется и начинаетъ обличать то зло, которое этою силою было произведено!... Такіе люди, позднимъ своимъ возстаніемъ, только увеличиваютъ то презрѣніе, которое и безъ того возбуждается въ душѣ всякаго порядочнаго человѣка раболѣпствомъ ихъ предъ сильною неправдою. Подобное раболѣпство можетъ еще находить нѣкоторое извиненіе себѣ въ слабой степени умственнаго развитія раболѣпствующихъ: они могутъ не понимать всей нелѣпости и зловредности дѣйствій сильнаго лица, которому подчиняются; они могутъ добродушно вѣрить ему, благоговѣть предъ его системою и оставаться вѣрными ей постоянно, даже послѣ его паденія. О такихъ людяхъ можно душевно сострадать, можно ихъ не уважать, какъ людей крайне ограниченныхъ; но не за что питать къ нимъ ошлбенія и отвращенія. Совершенно противное расположеніе возбуждаютъ люди, доказывающіе, послѣ паденія сильнаго негодяя (котораго они были орудіемъ), что они никогда не со-

чувствовали его дѣйствіямъ, что ихъ образъ мыслей совершенно противоположенъ тому, что они принуждены были дѣлать прежде. Подобнымъ объявленіемъ эти люди обнаруживаютъ только то, что они до сихъ поръ были подлы по расчетамъ, рабѣнны изъ видовъ, содѣйствовали дурнымъ затѣямъ сильнаго бездѣльника совершенно сознательно, очень хорошо понимая всю ихъ мерзость.... Такіе люди гнусны и презрѣнны до послѣдней степени; нѣтъ въ русскомъ языкѣ столь крѣпкаго слова, которое могло бы вполне выразить всю силу презрѣнія, которое долженъ питать къ нимъ всякій порядочный человѣкъ.

Всѣ эти мысли пришли намъ въ голову по поводу многихъ легкомысленныхъ толковъ, сопровождавшихъ закрытіе педагогическаго института. Люди, которые прежде не говорили о немъ ни одного слова, или даже всячески восхваляли его, принялись теперь бранить его, на чемъ свѣтъ стоитъ. Начали толковать о его коренной несоотвѣтственности съ требованіями здравой педагогіи, о ложности системы, господствовавшей въ немъ въ послѣднее время, о недостаткахъ его административнаго и хозяйственнаго устройства, и т. п. Положимъ, что эти толки даже и справедливы, положимъ, что недостатковъ было дѣйствительно много.... Но зачѣмъ же молчали о нихъ во все время существованія института, — зачѣмъ только въ послѣднее время заговорили о нихъ и въ обществѣ, и въ администраціи, и въ литературѣ? Сколько намъ помнится, до закрытія института, только одинъ насмѣшливый голосъ раздался противъ мелочности и формальности, слишкомъ уже укоренившихся въ немъ. Голосъ этотъ раздался, ровно три года тому назадъ, въ «Современникѣ», и на него въ свое время обратили вниманіе многіе изъ интересующихся дѣломъ; но потомъ, разумѣется, и о немъ забыли, а новыхъ голосовъ не было слышно.... И вдругъ теперь поднялись съ возгласами противъ педагогическаго института даже тѣ, которые еще очень недавно ницъ падали предъ его совершенствами.... «Современникъ» не послѣдуетъ ихъ примѣру: онъ теперь не будетъ ни смѣяться, ни ругаться надъ умершимъ, а только представить спокойное и безпристрастное изложеніе исторіи института, по отчету составленному и недавно обнародованному ученымъ секретаремъ, старшимъ надзирателемъ и адъюнктомъ института, А. Смирновымъ.

Главный педагогическій институтъ основанъ въ 1828 г. Первымъ директоромъ его былъ, до 1847 г., О. И. Миддендорфъ, вторымъ, — до 1859 г. (до самаго рѣшенія о закрытіи) академикъ И. Давыдовъ. При О. И. Миддендорфѣ особая забота была обращена на приготовленіе наставниковъ особенно практическимъ методомъ, и потому при основныхъ, спеціально-педагогическихъ отдѣленіяхъ института

были тогда учреждены три прибавочныхъ отдѣленія, собственно для практики молодыхъ педагоговъ. Все ученіе продолжалось девять лѣтъ, въ трехъ курсахъ, каждый по три года: 1) *малолѣтнее* отдѣленіе, изъ дѣтей 12-14 лѣтъ, 2) *предварительный* курсъ, соотвѣтствовавшій общему университетскому, и 3) *окончательный*, собственно педагогическій курсъ, студенты котораго занимались практическимъ преподаваніемъ въ малолѣтнемъ отдѣленіи и въ учрежденномъ при институтѣ съ 1838 г. «Второмъ Разрядѣ института», назначенномъ собственно для приготовленія приходскихъ и уѣзныхъ учителей. Такимъ образомъ прямая цѣль института—приготовленіе учителей—постоянно имѣлась въ виду, хотя и ученое образованіе воспитанниковъ не оставлялось безъ вниманія. Изъ пяти выпусковъ, бывшихъ при О. И. Миддендорфѣ, до 400 воспитанниковъ поступили на педагогическую службу, въ томъ числѣ въ высшія учебныя заведенія поступили—35. При выбытіи О. И. Миддендорфа изъ института, въ немъ было до 170 воспитанниковъ; а въ кассѣ института до 60 тысячъ рублей экономической суммы.

Съ поступленіемъ въ институтъ новаго директора, начался новый періодъ его существованія. *Самъ отчетъ* признается нынѣ, что періодъ этотъ гораздо слабѣе предыдущаго, вслѣдствіе переменъ, произведенныхъ въ немъ новымъ директоромъ. Къ сожалѣнію, обозрѣніе г. Смирнова сдѣлано слишкомъ на-скоро, и потому въ немъ нѣтъ надлежащей подробности и отчетливости. Даже больше: почти весь отчетъ о второмъ періодѣ института взятъ *почти буквально*, съ небольшими (по мѣстамъ, впрочемъ, довольно характеристическими) измѣненіями,—изъ «Историческаго Обозрѣнія перваго двадцатипятилѣтія института», читаннаго тѣмъ же г. Смирновымъ, на актѣ юбилея института, въ 1853 году. Мы рѣшаемся представить здѣсь сличеніе нѣкоторыхъ мѣстъ, подчеркивая только тѣ мѣста, въ которыхъ сдѣланы измѣненія.

АКТЪ 1853 г., стр. 26.

Таково было направленіе и устройство Главнаго Педагогическаго Института до увольненія перваго директора онаго, *Дѣйствительнаго Ст. Сов. О. И. Миддендорфа*, который, по преклонности лѣтъ и разстройству здоровья, *Всемилоостивѣйше* уволенъ отъ должности, 23 октября 1846 г., причемъ онъ пожалованъ чиномъ Тайнаго Советника. Во все время управленія Институтомъ, онъ былъ душою всей его дѣятельности; всѣ приращенія къ

Т. LXXVI. Отд. III.

ОБОЗРѢНІЕ 1859 г., стр. 8.

Таково было направленіе и устройство Главнаго Педагогическаго Института при первомъ директорѣ его О. И. Миддендорфѣ. Воспитанники его времени, обязанные своимъ наставникамъ развитіемъ своихъ способностей и приобрѣтенными познаніями въ наукахъ, одолжены преимущественно ему своимъ практическимъ умѣньемъ передавать ученикамъ въ классахъ познанія, *приспосабливаясь* къ ихъ возрасту и понятіямъ, и развивать умственные способ-

оному произошли не безъ его желанія и участія и возбуждали въ немъ самое живѣйшее сочувствіе. Воспитанники его времени, обязанные своимъ наставникамъ приобрѣтенными теоретическими познаніями въ наукахъ и развитіемъ своихъ способностей, одолжены преимущественно ему своимъ практическимъ умѣньемъ передавать ученикамъ въ классахъ познанія въ мѣру возраста и постиженіемъ способовъ развивать умственные способности дѣтей. Польза его дѣятельности оправдывается полезною и похвальною службою его питомцевъ.

пости дѣтей. При выbitii его изъ Института, въ стѣнахъ сего заведенія воспитывалось до 170 студентовъ и воспитанниковъ; а въ кассѣ Института было до 39,314 руб. 96 коп. экономической суммы. Одобрительные отзывы бывшаго тогда Министромъ народнаго просвѣщенія С. С. Уварова объ основательности и хорошемъ направленіи преподаванія въ Институтъ, неоднократно сдѣланные во вѣдомствѣ отчетахъ (1841—1846 годовъ) свидѣтельствуютъ, что устройство Института въ то время соответствовало цѣли учрежденія.

Къ первому періоду Института относятся пять выпусковъ, причисляя сюда выпускъ 1847 года. Въ теченіе этого времени поступило на педагогическую службу до 400 питомцевъ Института изъ разныхъ отдѣленій; изъ этого числа, по окончаніи курса въ факультетахъ, довершили высшее образованіе за границею и поступили въ высшія учебныя заведенія 21, по особенномъ приготовленіи въ самомъ Институтѣ, поступили въ высшія учебныя заведенія 14, прочіе опредѣлены въ старшіе и младшіе учителя Гимназій, въ уѣздные и весьма малое число въ приходскіе учителя и въ коммандные надзиратели.

Нельзя не замѣтить, что въ послѣднемъ отчетѣ представлено болѣе фактовъ, свидѣтельствующихъ о процвѣтаніи института предъ поступленіемъ въ него новаго директора, хотя въ «Обозрѣніи» 1853 г. тѣже самыя фразы, и даже съ добавленіями, еще болѣе громкими. Въ отчетѣ о второмъ періодѣ, заимствованій еще больше; пзмѣненія еще незначительныѣ.

актъ 1853 г., стр. 27.

Со вступленіемъ въ управленіе Главнаго Института нынѣшняго Директора, Д. С. С. Ивана Ивановича Давыдова, начался въ Исторіи Института новый періодъ. До него Институтъ, 1) увеличиваясь въ числѣ курсовъ и воспитанниковъ, несоразмѣрно истощалъ средства содержанія оного и бдѣ-

обозрѣніе 1859 г., стр. 9.

По вступленіи въ управленіе Главнымъ Педагогическимъ Институтымъ И. И. Давыдова, измѣнилось устройство Института и направленіе его дѣятельности. Новый директоръ нашелъ, что Институтъ 1) увеличиваясь въ числѣ курсовъ и воспитанниковъ, долженъ былъ слишкомъ ограничивать се-

нлѣ въ хозяйственномъ отношеніи; 2) обращая все вниманіе на практику молодыхъ педагоговъ, упускалъ изъ виду современное быстрое движеніе наукъ, благодаря ихъ развѣтвленію, и, въ которомъ смыслъ, слабѣлъ въ сравненіи съ Университетами, преобразованными Уставомъ 1833 года, такъ что питомцы Института, по окончаніи ученія, затруднялись съ такою упорностью и честію стремиться къ приобритенію высшихъ ученыхъ степеней, по Положенію 1837 г., какъ Студенты Университетовъ, къ курсамъ которыхъ это положеніе было примѣнено. Прежде въ этомъ случаѣ помогала Студентамъ Института посылка ихъ въ заграничные Университеты, для усовершенствованія въ наукахъ; но, съ теченіемъ времени, эта посылка сдѣлалась чрезвычайно затруднительною, и наконецъ совершенно отменена. Студенты Института могли бы усиленнымъ трудомъ, при помощи своихъ знаменитыхъ Профессоровъ, восполнить и этотъ недостатокъ; но употребляя много времени на приготовленіе къ преподаванію наукъ въ двухъ прибавочныхъ отдѣленіяхъ Института и на самое преподаваніе, они не имѣли времени на самостоятельное обработываніе факультетскихъ предметовъ, на ознакомленіе съ литературою наукъ и на письменныя упражненія, а посему должны были ограничиться честію хорошихъ учителей Гимназій; высшая же, почетнѣйшая честь—быть достойнымъ профессоромъ, оставалась недостижимою.

бл въ статьяхъ содержанія студентовъ и воспитанниковъ, 2) обращая все вниманіе на практику молодыхъ педагоговъ, еще не вполне приготовленныхъ къ своему дѣлу, слишкомъ развлекалъ студентовъ и не позволялъ имъ съ надлежащею самодѣятельностію заниматься изученіемъ литературы избранныхъ наукъ и письменными упражненіями, 3) что въ Институтѣ распределеніе предметовъ по факультетамъ не соответствовало университетскому и было неудобоприложимо къ положенію объ испытаніяхъ на ученые степени.

И здѣсь вы встрѣчаете почти однѣ и тѣ же фразы; только въ отчетѣ 1853 г., писанномъ еще при директорствѣ г. И. Давыдова, изложено все дѣло нѣсколько пространнѣе и краснорѣчивѣе. Посмотримъ далѣе:

а к т ѣ 1853 г., стр. 28.

И. И. Давыдовъ, посвятившій всю жизнь педагогическому званію и ука-
завшій уже не одной тысячѣ молодыхъ
людей путь въ самое высшее святили-

о б о з р ѣ н і е 1859 г., стр. 10.

Желая возвысить уровень педагогиче-
скаго образованія питомцевъ институ-
та распространеніемъ круга ихъ субъек-
тивного образованія, онъ исходилъ

ще наукъ; будучи притомъ самъ уже оаслуженнымъ Профессоромъ и Ординарнымъ Академикомъ, при самомъ вступленіи въ свою настоящую должность, увидѣлъ недостатки въ устройствѣ Гл. Пед. Инст., и быстро сообразивъ средства къ приведенію его въ соотвѣтственное Уставу значеніе, немедленно приступилъ къ исполненію оныхъ. По его представленію, Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія, Графъ Сергій Семен. Уваровъ, исходатайствовалъ, 26 іюля 1847 г., Высочайшее соизволеніе на преобразование Г. П. Института на слѣдующихъ основаніяхъ.

Такъ какъ, съ одной стороны, при нынѣшней отличной состояніи Гимназій, Уѣздныя училища уже достаточно снабжаются учителями изъ учениковъ Гимназій и тѣми изъ воспитанниковъ предварительнаго курса, которые не имѣютъ отличныхъ способностей, чтобы сдѣлаться достойными Профессорами или Учителями Гимназій, — съ другой стороны, является много изъ окончившихъ курсъ въ гимназіяхъ желающихъ поступить въ институтъ, для спеціальнаго педагогическаго образованія; то Второй Разрядъ и малолѣтнее отдѣленіе Института, съ принадлежащимъ къ оному классомъ оплупансіонеровъ, исполнившихъ временное свое назначеніе, стали болѣе не нужными.

Далѣе — цѣлыхъ двѣ страницы взяты прямо изъ отчета 1853 г., такъ что ихъ и сравнивать нечего. Затѣмъ слѣдуетъ опять маленькая разница, которую мы отмѣтимъ.

актъ 1853 г., стр. 32.

Въ скоромъ времени, по соображенію общаго устройства учебныхъ заведеній, представилась возможность произвести новое преобразование въ курсахъ института. Такъ какъ среднія учебныя заведенія, при однообразіи и опредѣлительности своихъ программъ и руководствъ, нынѣ достаточно приготавливаютъ лучшихъ своихъ воспитанниковъ къ слушанію высшихъ наукъ;

ствовалъ, чрезъ г. министра народнаго просвѣщенія, графа Уварова, Высочайшее соизволеніе 26 іюля 1848 г. на преобразование института въ такомъ видѣ:

Полагая, что уѣздныя училища достаточно могутъ снабжаться учителями изъ учениковъ гимназій и что лучшіе воспитанники гимназій съ охотою будутъ поступать въ Институтъ для высшаго педагогическаго образованія, онѣ нашли второй разрядъ и малолѣтнее отдѣленіе Института, съ принадлежащимъ къ послѣднему классомъ оплупансіонеровъ, излишними.

обозрѣніе 1859 г., стр. 11.

Въ скоромъ времени, желая привлечь въ Институтъ лучшихъ воспитанниковъ гимназій, начальство нашло нужнымъ привести устройство Института еще къ большому спеціализированію. Такъ какъ среднія учебныя заведенія министерства народнаго просвѣщенія, при однообразіи и опредѣлительности своихъ программъ и руководствъ, могли достаточно пригото-

то предварительный курсъ, для сей цѣли при институтѣ существовавшій, оказывался излишнимъ, и пр.

влять своихъ воспитанниковъ къ слушанію высшихъ наукъ; то предварительный курсъ, для сей цѣли существовавшій при институтѣ, оказывался излишнимъ, и пр.

Далѣе, буквально сходно въ обоихъ отчетахъ, разсказывается объ уничтоженіи предварительнаго курса и объ ограниченіи времени ученья въ институтѣ четырьмя годами, вмѣсто шести. Затѣмъ дѣлаются выводы:

актъ 1853 г., стр. 32.

Курсы приняли надлежащій спеціальный видъ, и главный педагогическій институтъ могъ теперь надежныѣ приступить къ довершенію высшаго педагогическаго образованія юношей, посвящающихъ себя званію наставниковъ, съ надлежащимъ приготовленіемъ и полнымъ сознаніемъ своихъ силъ и своего важнаго назначенія.

обозрѣніе 1859 г., стр. 11.

Эта мѣра, сокративъ время педагогическаго приготовленія, не только достигла ожидаемаго успѣха: воспитанниковъ гимназій съ этого времени поступало въ институтъ не больше прежняго; можетъ быть, причиною тому былъ продолжительный срокъ обязательной службы за институтское образованіе, а еще болѣе, кажется, правила закрытаго заведенія, каковы были въ строгомъ смыслѣ, по уставу своему, институтъ.

Затѣмъ въ «Обозрѣніи» г. А. Смирновъ разсказываетъ перемѣны въ институтѣ, происшедшія уже послѣ 1853 г. Всѣ эти перемѣны вели къ большому специализированію занятій студентовъ и къ возвышенію уровня ихъ образованія, съ цѣлію приготовить изъ нихъ не только отличныхъ учителей гимназій, но и достойныхъ профессоровъ университета. Къ сожалѣнію, мѣры эти не были вполне удачны, такъ что изъ студентовъ послѣднихъ выпусковъ, образованныхъ по новой системѣ, только двое поступили въ высшія учебныя заведенія (изъ прежнихъ выпусковъ — 35). Самое количество воспитанниковъ въ институтѣ постоянно уменьшалось, и вмѣсто полнаго по штату числа 154 дошло до 94. Причинами этого «Обозрѣніе» полагаетъ, между прочимъ, то, что «быстро возраставшая въ послѣднее время дороговизна на жизненные припасы, улучшеніе нѣкоторыхъ хозяйственныхъ статей и отнесеніе значительныхъ издержекъ на экономическую сумму института, истощая средства заведенія, не позволяли попрежнему увеличивать число питомцевъ института (стр. 17).

Въ 1853 г. отчетъ г. А. Смирнова оканчивался слѣдующими знаменательными строками, выражавшими тѣ надежды, какія питало начальство заведенія, въ бытность директоромъ его г. И. Давыдова: (стр. 36).

«Преобразованія Главнаго Педагогическаго Института, совершившіяся съ 1847 года, принесли уже утѣшительные плоды: институтъ, въ хозяйственномъ отношеніи, достигъ блестящаго состоянія; объемъ курсовъ его и направленіе преподаванія дали ему возможность образовывать молодыхъ педагоговъ, изъ которыхъ нѣкоторые, прямо по выпуску изъ заведенія, съ честію заняли въ университетахъ и главномъ педагог. институтѣ профессорскія каведры; не утративъ своего практическаго спеціального направленія, институтъ съ честію опять (?) сталъ на почетное мѣсто въ ряду высшихъ учреждений по части народнаго просвѣщенія». (стр. 36).

Но, къ сожалѣнію, какъ видно изъ нынѣшняго «Обозрѣнія», надежды эти не оправдались. Опытъ послѣднихъ лѣтъ доказалъ несостоятельность всѣхъ мѣръ, какія были принимаемы новымъ директоромъ института. Видя, что всѣ доселѣ сдѣланныя преобразованія такъ неудачны, г. И. Давыдовъ самъ рѣшился отказаться отъ нихъ и опять обратиться къ тому же устройству, какое было при Миддендорфѣ. Желая провести эту мысль, онъ въ декабрѣ 1857 г. подалъ г. министру народнаго просвѣщенія записку о новомъ преобразованіи института. Вотъ что, между прочимъ, приводится изъ этой записки въ «Обозрѣніи» г. А. Смирнова.

«Несмотря на пользу, доставляемую Институтомъ въ нынѣшнемъ его состояніи, до котораго доведенъ онъ путемъ опыта и указаніемъ потребностей, представляется возможность придать ему характеръ, совершенно отличный отъ всѣхъ другихъ высшихъ учебныхъ заведеній и тѣмъ содѣйствовать новому его совершенствованію.»

«Главное затрудненіе въ учебномъ образованіи будущихъ наставниковъ юношества нынѣ встрѣчаетъ институтъ въ недостаточномъ приготовленіи для этой цѣли поступающихъ въ институтъ питомцевъ изъ гимназій и семинарій. Для ученаго образованія необходимо основательное изученіе древнихъ языковъ и новыхъ иностранныхъ, вмѣстѣ съ словесностію и исторіею, или всего круга знаній, называемыхъ *studia humaniora*; это — тщательно воздѣланная почва, которой можно повѣрять всѣ добрыя сѣмена; безъ этого приготовительнаго общаго ученія нельзя ожидать вѣрныхъ успѣховъ отъ высшихъ спеціальныхъ курсовъ; ни мало не помогутъ и педагогическія практическія занятія тѣмъ, которые слабо приготовлены въ начальномъ ученіи.

«Для восполненія недостатка приготовительнаго изученія древнихъ и новыхъ иностранныхъ языковъ, нужныхъ для ученаго образованія, необходимо четырехъ-годичное ученіе институтское обратить въ шестилѣтнее и раздѣлить его на три двухъ-годичные курса: 1-й курсъ — общій (*humaniora*), 2-й — спеціальный или факультетскій и 3-й — практическій. Въ первомъ курсѣ студенты должны преимущественно заниматься изученіемъ языковъ древнихъ и новыхъ иностранныхъ, русской словесно-

сти, элементарной математики и исторических наукъ. Тутъ всѣ учащіеся, поступающіе изъ разныхъ заведеній, могутъ сравняться въ знаніяхъ по всѣмъ преподаваемымъ предметамъ. Во второмъ курсѣ студентовъ предполагалось распредѣлять по факультетамъ историко-филологическому и физико-математическому. Въ третьемъ они должны были заниматься факультетскими предметами практически и упражняться въ педагогикѣ въ общемъ курсѣ, подъ руководствомъ преподавателей. — При этомъ раздѣленіи курса ученія, выпуски изъ института предполагалось производить черезъ каждые два года.»

«Такимъ образомъ, говоритъ г. Смирновъ (стр. 19), институтъ нашелъ необходимымъ возвратиться къ устройству 1828 и 1848 годовъ и положить въ основаніе педагогическаго образованія то, чѣмъ такъ особенно дорожилъ и прежній директоръ О. И. Миддендорфъ, — основательное изученіе древнихъ и новыхъ языковъ. Въ этомъ новое направленіе института сходилось со старымъ. Но такой педагогической практики, если она оказалась необходимою, при новомъ предполагавшемся образованіи института, питомцы онаго не могли имѣть, какъ имѣли при старомъ устройствѣ 1832—1847 годовъ».

Но при развитіи новыхъ педагогическихъ понятій и требованій и при измѣненіи взгляда на дѣятельность института во второмъ періодѣ, ошибочность которой созналъ самъ ея виновникъ, предложеніе г. И. Давыдова не было принято. «Главное правленіе училищъ, (говоритъ г. Смирновъ) въ засѣданіи 21 октября 1858 г., по разсмотрѣніи дѣла о преобразованіи главнаго педагогическаго института, нашло, что недостатки сего заведенія заключаются въ двухъ главныхъ основаніяхъ его настоящей организаціи: 1) въ условіяхъ *пріема* студентовъ, при которыхъ можетъ нерѣдко случиться, что въ институтъ поступятъ молодые люди, кои не окажутъ въ послѣдствіи ни склонности, ни достаточныхъ способностей къ званію, къ которому готовятся; и 2) въ самомъ *курсѣ*, лишенномъ практическаго, въ необходимыхъ размѣрахъ, примѣненія преподаваемыхъ студентамъ теорій. Для устраненія этихъ недостатковъ главное правленіе училищъ, обсудивъ основные только вопросы, такъ какъ всѣ дальнѣйшія затѣмъ подробности предполагаемыхъ преобразованій должны зависѣть отъ ближайшихъ соображеній министерства, полагало сообразнымъ съ цѣлію, *упразднить главный педагогическій институтъ, устроить, въ замѣну онаго, особые педагогическіе курсы*, въ которые будутъ принимаемы молодые люди, окончившіе уже курсъ въ университетѣ и избирающіе, слѣдовательно, подлежащее имъ педагогическое поприще сознательно; съ другой стороны, начальство педагогическихъ курсовъ можетъ уже имѣть достаточное ручательство въ знаніяхъ и природныхъ ихъ способностяхъ. Педагогическіе курсы,

соединяя факультетское образованіе съ спеціальнымъ и практическимъ, будутъ продолжаться по два года; они должны быть заведениями открытыми».

Вскорѣ послѣ этого рѣшенія, директоръ института, г. И. Давыдовъ назначенъ въ Правительствующій Сенатъ въ Москву; въ институтѣ остались начальствующими, подъ главнымъ наблюденіемъ г. попечителя Спб. учеб. округа, И. Д. Деянова, г. Тихомандрицкій, самъ бывшій воспитанникомъ института, перваго выпуска, и служившій въ немъ инспекторомъ съ 1848 г., и г. А. Смирновъ, тоже давнишній воспитанникъ института, служившій въ немъ старшимъ надзирателемъ съ 1840 года. Такимъ образомъ они, — можно сказать, — видѣли начало института, участвовали въ его дѣятельности, во второмъ ея періодѣ, и теперь видѣли закрытіе этого заведенія....

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ЖИЗНЬ.

ЗАМѢТКИ НОВАГО ПОЭТА.

Современный умникъ, оптимистъ и джентльменъ. (Портретъ, составленный изъ нѣсколькихъ оригиналовъ). — Большой морской смотръ въ Кронштадтѣ. — Шоссе отъ Петербурга до Сестербека. — Улучшенія въ технологическомъ институтѣ. — Слухи о преобразованіяхъ въ академіи художествъ. — Извѣстія печатаемыя изъ Россіи въ «Нордъ». — Праздники на различныхъ виллахъ. — (Конскія скачки въ Красномъ Селѣ. Мои похождения по этому случаю). — Нѣсколько словъ по поводу прекратившихся журналовъ. — Сочиненія Бѣлинскаго, Томъ II. — Письмо въ редакцію «Современника» по поводу рецензіи «Основныхъ Законовъ Воспитанія», г. Миллера Красовскаго.

— О Панглоссъ! — восклицаетъ въ одномъ мѣстѣ Вольтеровскій Кандидъ», — и ты не понялъ этой гнусности? — Нѣтъ, я отказываюсь отъ твоего оптимизма.

— А что это такое оптимизмъ? спросилъ Какамбо.

— Увы! отвѣчалъ Кандидъ, — это безуміе поддерживать мнѣніе что все на свѣтѣ прекрасно, тогда какъ....

— У меня есть другъ, одержимый такимъ оптимизмомъ.

— Другъ!...

Это святое слово, любезный читатель, на нашемъ свѣтскомъ языкѣ, въ нашихъ свѣтскихъ нравахъ, имѣетъ значеніе довольно легкое, потому что мы истинные джентльмены смотримъ, какъ всѣмъ извѣстно, на жизнь вообще чрезвычайно легко. Мы ненавидимъ все глубокое и серьезное и повсюду ищемъ одной забавы и развлеченія: въ литературѣ, въ театрѣ, въ дѣйствительной жизни — вездѣ.

Мы сходимся очень легко съ людьми, даже совершенно противоположными нашимъ убѣжденіямъ, или съ людьми, неимѣющими

вовсе никакихъ убѣжденій.... за хорошимъ обѣдомъ, за бутылкой *добраго* вина.... и называемъ потомъ такихъ господъ *друзьями*.

Отношенія наши къ такого рода друзьямъ.... совершенно свободны и ни къ чему насъ не обязываютъ. Оттого мы пріятно улыбаемся и льстимъ имъ въ глаза, а за глаза не только отпускаемъ на ихъ счетъ язвительныя и оскорбительныя остроты, но даже просто очень забавно клеветаемъ на нихъ.... Все это однако не мѣшаетъ намъ слыть истинными джентльменами между такими же джентльменами, какъ мы. Мнѣніемъ *черни* мы презираемъ....

Такъ я сказалъ, что у меня есть другъ, подобно Панглосу весь свѣтъ и все на свѣтѣ видящій въ розовомъ цвѣтѣ.

О, какой это милый человѣкъ, если бы вы знали! Какой джентльменъ! Всѣ мы и наши отъ него въ восторгѣ, хотя это не мѣшаетъ намъ тайкомъ отзываться объ немъ, какъ объ отсталомъ человѣкѣ, какъ о *гнилой* натурѣ и прочее.

Но это ничего, потому что онъ все-таки *нашъ*, онъ хвалитъ насъ во всеуслышаніе такъ же какъ и мы хвалимъ его, и наша дружба поддерживается этой *лицемерной* (какъ бы сказали вульгарные люди), взаимной хвалбой, хотя тутъ дѣло вовсе не въ *лицемеріи*, а въ тонкомъ расчетѣ.

Нашъ другъ имѣетъ нѣкоторое значеніе: онъ человѣкъ образованный, онъ много читалъ умныхъ и веселыхъ книгъ, онъ обладаетъ обширною памятью, усваиваетъ себѣ чужія мысли очень легко и выдаетъ ихъ за свои собственныя безъ всякой застѣнчивости; онъ говоритъ изящно и гладко, держитъ себя умно и прилично, исполненъ чувства собственного достоинства и *мъры*, (онъ всегда и во всемъ держится золотой середины) и съ восхитительнымъ ожесточеніемъ нападетъ на всѣ *крайнія* мнѣнія, остроумно замѣчая, что такія мнѣнія имѣютъ только *семинаристы*, съ которыми джентльмены не должны имѣть ничего общаго....

Казалось бы, что намъ въ похвалѣ такого господина, намъ—которые почитаемъ себя людьми, съ широкими и смѣлыми взглядами, и которые пожалуй не прочь сочувствовать во многомъ тѣмъ, которыхъ онъ зоветъ семинаристами?

Казалось бы, что ему въ нашей похвалѣ: вѣдь онъ инстинктивно долженъ чувствовать, что между его золотою серединою и нашими смѣлыми стремленіями нѣтъ примиренія?

А между тѣмъ мы разсыпаемся другъ передъ другомъ въ комплиментахъ, съ чувствомъ пожимаемъ другъ другу руки и даже иногда бросаемся другъ другу въ объятія. Какіе мы слабые люди!

Это фактъ. Объясненіе его повело бы насъ слишкомъ далеко и могло бы бросить на насъ непріятную тѣнь и потому мы оставимъ этотъ фактъ лучше безъ объясненій.

Нашъ другъ — неисключительное явленіе современной петербургской жизни, напротивъ — такого рода джентльменовъ развелось у насъ въ послѣднее время очень много.... Вотъ почему я обращаю на него особенное вниманіе читателя.

Не знаю, сѣмью ли я вамъ представить хоть въ легкомъ очеркѣ это милое явленіе.

Для этого необходимъ тонкій карандашъ великосвѣтскаго артиста, и я останавливаюсь передъ моимъ трудомъ съ нѣкоторою боязнію....

Однако почему же не попытаться?...

Если лицо не будетъ мною очерчено вполне и такъ остроумно, какъ бы оно того заслуживало, то я представляю его по крайней мѣрѣ хоть въ общихъ чертахъ, такъ чтобы читатель понялъ, на какой разрядъ людей я хочу намекнуть. Я убѣжденъ, что у всякаго читателя есть знакомый, похожій на того господина, котораго я хочу изобразить.... и остроумный читатель добавитъ къ этому бѣглому очерку недосказанное мною.

Вотъ портретъ моего идеала:

Онъ не хорошъ и не дуренъ, черты лица у него правильныя, но строго холодныя и никогда не одушевляющіяся внутреннимъ огнемъ; онъ неспособенъ ничѣмъ тронуться глубоко, почувствовать что нибудь энергически и сильно, но онъ можетъ умиляться очень часто отъ самыхъ пустыхъ и незначительныхъ фактовъ, и если польстить его самолюбію, строгая физіономія его вдругъ умягчается до сладости, глазки покрываются масломъ, движенія становятся какъ-то особенно круглы и пріятны, и онъ начинаетъ говорить своимъ друзьямъ самыя льстивыя и вкрадчивыя рѣчи....

Онъ ходитъ обыкновенно серьезно и важно, гордой, ровной и осторожной поступью, или, лучше сказать, *носитъ себя*, какъ драгоценный хрустальный сосудъ, заключающій въ себѣ эссенцію челоувѣческой мудрости и какъ будто боится расплескать ее даромъ передъ невѣждами. Невѣждами же онъ считаетъ почти всѣхъ, внѣ того замкнутого кружка, въ который онъ заключилъ себя.

Когда онъ является среди людей малознакомыхъ или вовсе незнакомыхъ, онъ поражаетъ съ перваго взгляда робкихъ важностію и мудростію своей осанки, своего выраженія, своихъ немногихъ словъ, произносимыхъ имъ всегда съ необыкновеннымъ вѣсомъ и достоинствомъ. Глядя на него, можно подуматъ, что онъ исчерпалъ всѣ челоувѣческія знанія и рѣшилъ всѣ задачи жизни, а въ сущности онъ

прочелъ только, и то довольно поверхностно, кое-что изъ сочиненій энциклопедистовъ и англійскихъ деистовъ XVIII вѣка, кое-что изъ англійской литературы, начиная съ Шекспира, «Исторію цивилизаціи» Гизо, сочиненіе Баранта о французской литературѣ, «Американскую Демократію» Токвиля и нѣсколько новѣйшихъ политическихъ брошюръ.

Что жъ? для насъ вѣдь и это ученость. Мы учились такъ плохо и читали такъ мало! — говоря откровенно.

Если эти неосторожныя слова, нечаянно сорвавшіяся у меня съ языка, будутъ прочтены моимъ другомъ, тѣмъ лицомъ, которое я такъ неискусно рисую передъ вами, онъ исполнится противъ меня негодованіемъ, въ этомъ я убѣжденъ.

«Какъ! воскликнетъ онъ: можно ли дойти до такой безтактности, чтобы осмѣлиться называть себя малоучеными и малоначитанными передъ толпою. Развѣ все, что думаешь, можно высказывать вслухъ?... Мы, напротивъ, должны себя держать такъ, чтобы толпа благоговѣла передъ нами и подозрѣвала въ насъ бездну знаній и премудрости. Какъ передовые люди, мы должны повелѣвать ею. Мы — каста современныхъ жрецовъ. Когда же жрецы открывали свои тайны?... Въ тайнѣ заключается наше значеніе и сила! Мы не должны унижать своего сословія!»

И чего добраго, пожалуй, еще мои пріятели, всѣ наши, люди съ свободными и широкими взглядами, присоединятся къ этому голосу и закидаютъ меня камнями!

Но, господа, Бога ради! чѣмъ же я виноватъ?

Вы сами безпрестанно твердите объ *искренности* въ искусствѣ и въ жизни....

Да, это правда, но *тактъ, тактъ!*... повторяютъ пріятели.

Между собою мы можемъ быть откровенны, точно также, какъ человѣкъ дома можетъ ходить въ халатѣ. Нельзя же, однако, въ халатѣ показываться передъ публикою. Передъ ней мы обязаны всегда являться въ парадѣ, съ нѣкоторою торжественностію. Дома, между собою, мы болтаемъ и объ Шарлоттахъ, и объ Каролинахъ, и объ Эмилияхъ и объ разномъ вздорѣ, передаемъ другъ другу наши шалости, наши забавныя похожденія, но при постороннихъ мы обязаны сейчасъ принимать важный видъ и заговаривать о чемъ нибудь серьезномъ.... хоть, напримѣръ, о мемуарахъ Гизо....

Этимъ-то тактомъ владѣетъ въ высшей степени джентльменъ, изображаемый мною.

Онъ умѣетъ соединять, какъ никто, пріятное съ полезнымъ, мудрость съ шалостями, Гизо съ Каролиной!

Кому бы пришло въ голову, что этотъ человѣкъ, такъ мудро рассуждающій сегодня о величїи Гизо, о гениальности Шекспира, о безпутствѣ Жоржъ Сандъ (къ Жоржъ Сандъ онъ имѣетъ особенное предубѣжденіе и почитаетъ ся сочиненія глубоко-безиравственными, несмотря на всѣ наши увѣренія въ противномъ)... кому бы пришло въ голову, что этотъ мудрецъ, этотъ герой нравственности, вчера напримѣръ, цѣлый день предавался самымъ эксцентрическимъ шалостямъ съ какой нибудь Каролиной, или съ Идою?... Мало этого, онъ можетъ обидиться, если о которой нибудь изъ этихъ дамъ отзовутся его прїатели, какъ о безиравственной женщинѣ....

Въ такихъ случаяхъ онъ вдругъ измѣняется въ лицѣ, закусываетъ нижнюю губу и сухо произноситъ:

— Нисколько! это женщина очень порядочная и приличная, и сердце у нея совсѣмъ неиспорченное.

Все это можетъ показаться противорѣчивымъ и страннымъ толпѣ... Толпа не можетъ судить людей исключительныхъ, избранныхъ, къ которымъ, безъ сомнѣнія, принадлежитъ мой джентльменъ....

Да и что жъ тутъ страннаго ?

Когда женщина, какая бы она ни была, прикидывается влюбленной въ насъ,—она такъ льститъ нашему самолюбію, что мы сейчасъ же готовы оправдать ее во всемъ на свѣтѣ. Закупить самолюбіе великаго человѣка можетъ быть еще легче, чѣмъ самолюбіе дюжипнаго человѣка, потому что у такихъ великихъ людей, какъ мой другъ, бываютъ самолюбія огромныя и необыкновенно раздражительныя. А реторически негодовать на безиравственность—нетрудно. Жизнь сама по себѣ, а рѣчи сами по себѣ. Это у насъ джентльмены такъ водится.

Мой другъ, несмотря на его качества джентльмена, не терпитъ, напримѣръ, людей великосвѣтскихъ и отзывается о нихъ съ презрѣніемъ, хотя самъ насквозь проникнутъ великосвѣтскими и плантаторскими началами и убѣжденъ, что будущее можетъ быть разумно устроено только тою кастою, къ которой принадлежитъ онъ; но если самый пустой и ничтожный человѣкъ изъ высшаго общества обнаружитъ уваженіе къ его особѣ и торжественно признастъ его гений, онъ дружески протягиваетъ ему руку, вводитъ его въ свой кружокъ, находитъ въ немъ небывалыя достоинства, сердится, если ему противорѣчатъ...

«Это исключеніе изъ этого гупаго общества, *пер.т!*» повторяетъ онъ упорно, указывая на него.

Мой джентльменъ не терпитъ великосвѣтскость, аристократизмъ, не потому, чтобы аристократическіе принципы возмущали его, а

оттого, что аристократы смотрятъ на него свысока, тогда какъ ему хотѣлось бы смотрѣть на всѣхъ свысока.

Для этого онъ, по примѣру французскихъ энциклопедистовъ и новѣйшихъ доктринеровъ, усиливается создать свой аристократическій кружокъ, въ которомъ бы основою аристократизма былъ прежде всего умъ и талантъ. Если къ этому примѣшается дворянское старое имя, или какой нибудь титулъ, разумѣется, тѣмъ лучше. Аристократизмъ ума и таланта — это конекъ, на которомъ онъ красуется. Себя онъ считаетъ главой этой современной аристократіи, потому что онъ почитаетъ себя умнѣе и талантливѣе всѣхъ....

Въ этотъ избранный кружокъ, существующій впрочемъ покуда въ его фантазіи, допускались бы только *esprit fort* (въ великосвѣтскомъ смыслѣ), *esprit fin* и *bel esprit*, — но умъ проникающій, глубокий, смѣлый, здравый умъ, неподчиняющійся блестящимъ авторитетамъ, не идущій по реторической рутинѣ современныхъ умниковъ, этотъ безпокойный и опасный умъ не только не былъ бы допускаемъ въ кружокъ моего друга, но мой другъ джентльменъ старался бы всячески унижать и осмѣивать такого рода умы.

Снисходительный, мягкій, уступчивый относительно всякой посредственности, даже восторгающійся посредственностію, онъ былъ бы жестокъ, неумолимъ, беспощаденъ относительно умовъ, выходящихъ изъ-подъ общаго уровня золотой посредственности. Людей, обладающихъ такими умами, онъ клеймилъ бы именами: безумныхъ утопистовъ, жалкихъ и пустыхъ крикуновъ, несчастныхъ социалистовъ, и прочее; онъ презрительно называлъ бы ихъ героями сумасшедшаго дома и если бы имѣлъ власть, истребилъ бы ихъ для блага человечества, то есть для собственнаго блага. Человѣчество моего джентльмена заключается въ немъ самомъ и въ избранномъ кружкѣ его. Онъ очень хорошо понимаетъ, что при господствѣ здравыхъ умовъ, ему было бы не такъ ловко.... Онъ принадлежитъ къ тѣмъ людямъ, про которыхъ сказалъ Руссо:

«Наслаждаясь роскошнымъ обѣдомъ, они убѣждены, что жметъ тотъ, который говоритъ, что есть на землѣ люди голодные.»

А если мой джентльменъ иногда и признаетъ существованіе на землѣ такого рода несчастныхъ, то онъ хладнокровно готовъ сказать имъ то, что у поэта вырвалось въ минуту горя и озлобленія:

«Душѣ противны вы, какъ гробы.

Для вашей глупости и злобы

Имѣли вы до сей поры

Бичи, темницы, топоры....

Довольно съ васъ, съ рабовъ безумныхъ:

Во градахъ вашихъ съ улицъ шумныхъ

Сметають сорь... Полезный трудъ!
 Но, позабывъ свое служенье,
 Алтарь и жертвоприношенье,
 Жрецы ль у васъ метлу берутъ?....»

Мой джентльменъ питаетъ непреодолимое отвращеніе къ черни, то есть ко всѣмъ голоднымъ людямъ и еще болѣе къ ихъ защитникамъ, потому что они своими воплями нарушаютъ прелестную гармонию, созданную его фантазіей, и мѣшаютъ нѣсколько его пищеваренію и удовольствіямъ.

Изъ всего этого однако не слѣдуетъ заключать, что онъ раздѣляетъ вполне образъ мыслей тѣхъ старыхъ, невѣжественныхъ и совершенно отсталыхъ людей, которые хотятъ тупо держаться всякой мысли въ какихъ бы то ни было исправленіяхъ и улучшеніяхъ. Нисколько! Мой джентльменъ считаетъ себя либераломъ, прогрессистомъ, онъ хочетъ не только болѣе свободы, но и разныхъ привилегій и почестей для себя, для своихъ друзей и вообще для людей избранныхъ и образованныхъ.

Если бы онъ изобразилъ свою утопію будущаго, какъ графъ Сологубъ, — онъ непременно нарядилъ бы всѣхъ умниковъ и талантовъ, начиная разумѣется съ самого себя, въ какойнибудь особенный блестящій костюмъ и къ сапогамъ ихъ придѣлалъ бы непременно красные каблуки, для отличія отъ простыхъ смертныхъ.

Эти красные каблуки безусловно должны бы были господствовать надъ толпою: они ораторствовали бы, писали бы стихи, сочиняли бы похвальные рѣчи другъ другу и предавались бы другимъ пріятнымъ и невиннымъ занятіямъ, — а толпа должна бы была благоговѣнно слушать все это и безусловно удивляться всему.

Отъ этихъ великихъ людей на красныхъ каблукахъ, зависло бы раздавать дипломы на талантъ, охранять знаменитые европейскіе авторитеты (подъ знаменитыми авторитетами должно подразумѣвать всѣхъ умѣренныхъ публицистовъ и французскихъ доктринеровъ новѣйшаго времени, начиная съ мудраго Гизо до г. Аллури, пишущаго *premier Paris* въ *Journal des Débats*) отъ грубыхъ и невѣжественныхъ нападокъ тѣхъ, которые симпатизируютъ голодной толпѣ и возбуждаютъ къ ней неблагородное состраданіе и направлятъ неуклонно въ собственную пользу и въ выгоду умниковъ на красныхъ каблукахъ тѣ постоянныя стремленія и ту благородную жажду улучшеній, которыя пробудились въ настоящее время во всѣхъ классахъ общества.

Зависть — чувство низкое и рабское, и нѣтъ никакой возможности подозрѣвать ее въ томъ джентльментѣ, котораго я описываю; поэтому я никакъ не назову завистию то безпокойное и непріятное

ощущеніе, которое пробуждается въ немъ всякій разъ при чужихъ успѣхахъ, даже при успѣхахъ тѣхъ, которые принадлежатъ къ его кружку и которыхъ онъ при всякомъ удобномъ случаѣ торжественно и публично величаетъ друзьями своими. Наружно онъ радуется этому успѣху и какъ будто вполне сочувствуетъ ему.... Онъ изъясляетъ это сочувствіе друзьямъ своимъ объятіями, пожатіями рукъ, объѣдами въ честь ихъ, похвалами, но къ этимъ похваламъ всегда примѣшаетъ нѣсколько ядовитыхъ словъ и замѣчаній, сказанныхъ вскользь и дающихъ этому успѣху нѣкоторый не совсѣмъ выгодный и отчасти комическій колоритъ....

Этимъ замѣчаніемъ я никакъ не хочу бросить тѣнь на моего джентльмена. Извѣстно, что успѣхи Монтескьё и Жанъ-Жака Руссо производили на ихъ друга Вольтера не совсѣмъ пріятное впечатлѣніе, а Вольтеръ былъ человѣкъ гениальный.... И если я нахожу какія нибудь общія черты у Вольтера съ моимъ героемъ, то это ужъ во всякомъ случаѣ можетъ быть обидно для перваго, но никакъ не для послѣдняго.

Кстати о Вольтерѣ.

Если этого гениальнаго человѣка упрекаютъ люди строгіе, положительные и серьезныя въ нѣкоторомъ легкомысліи, потворствѣ и угодничествѣ сильнымъ міра сего, то я смѣло послѣ этого могу замѣтить, что мой джентльменъ имѣетъ воззрѣнія также довольно легкомысленныя.

Въ искусствахъ, въ литературѣ, въ жизни — вездѣ онъ ищетъ только комфорта для себя и себѣ подобныхъ, пріятнаго и милаго сочетанія наслажденій чувственныхъ съ духовными, отдавая перевѣсъ первымъ передъ послѣдними, внѣшней изящной свѣтскости съ удовольствіями физическими. Въ этомъ же упрекаютъ и Вольтера, но такъ какъ мой джентльменъ, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, все-таки не имѣетъ Вольтерова гения, то эту теорію онъ довелъ до крайности.... я бы сказалъ до пошлости, еслибы я не боялся такимъ вульгарнымъ словомъ оскорбить моего друга.

Онъ хотѣлъ бы превратить и искусства, и литературу и все въ забаву, въ милую шутку, безъ всякой цѣли, безъ всякаго направленія.... Въ этомъ случаѣ онъ уже совершенно расходится съ Вольтеромъ, для котораго шутка и остроуміе служили орудіями другихъ высшихъ цѣлей....

Мой джентльменъ любитъ шутку для шутки, забаву для забавы, искусство для искусства.

Несмотря на свой строгій видъ, на свою внушающую наружность, онъ хочетъ веселиться и забавляться, во что бы то ни стало.

Надобно замѣтить, что онъ членъ разныхъ ученыхъ обществъ, которыя онъ впрочемъ рѣдко удостоиваетъ посѣщеніемъ. Когда его товарищъ по одному изъ этихъ обществъ наивно спросилъ его:

— Отчего онъ не былъ въ послѣднемъ засѣданіи?

Мой джентльменъ иронически улыбнулся и отвѣчалъ:

— Я ѣзжу только туда, гдѣ нахожу что нибудь забавное, а въ нашемъ обществѣ забавнаго мало!

И странное дѣло! Отъ этого человѣка, вѣчно толкующаго о веселіи, постоянно стремящагося забавляться, вѣтъ какою-то злобною скукою....

Онъ обратилъ веселье и забаву въ теорію, но эта теорія вовсе какъ-то не примѣняется у него къ практикѣ и совсѣмъ нейдетъ къ его важной, строгой и холодной фізіономіи. Въ его забавахъ есть что-то мертвое; во время самыхъ шаловливыхъ и веселыхъ его разсказовъ лицо его остается постоянно сухимъ, недвижнымъ и во всей его фигурѣ не бываетъ ни малѣйшаго признака одушевленія. Разказы эти обыкновенно заключаетъ онъ насильственнымъ, старческимъ смѣхомъ, который не только не въ состояніи сообщить веселость слушателямъ, но скорѣе навести на нихъ мучительную тоску.

Онъ ровнымъ, гладкимъ, текучимъ языкомъ толкуетъ объ изящномъ, это одинъ изъ любимыхъ его предметовъ, — и слушая его можно нешутя подумать, что онъ обладаетъ тонкимъ эстетическимъ вкусомъ; онъ обыкновенно пересыпаетъ эти толки для блеска великими именами. Но я не знаю человѣка, который бы окруженъ былъ съ такимъ отсутствіемъ всякаго изящества. Послѣдній сидѣлецъ въ лавочкѣ толкучаго рынка, или жидъ, мозольный операторъ, торгующій въ Пассажѣ случайными вещами, безъ всякаго труда можетъ сбыть ему какой нибудь старый завалявшійся пейзажъ, въ родѣ тѣхъ, которые украшаютъ стѣны русскихъ трактировъ, за настоящаго Карла Вернета, или кокого нибудь амурса съ корниловскаго завода за *viex-Saxe*... И если мой джентльменъ внутренно и убѣдится въ обманѣ, онъ ни за что не сознается въ этомъ и будетъ доказывать вамъ съ пѣною у рта, что этотъ пейзажъ, или этотъ амуръ—драгоценность.

То-что однажды обратилось въ его собственность, возводится имъ уже въ перлъ созданія. Чувство собственности — не рѣдкость; всѣ собственники въ сильной степени обладаютъ этимъ чувствомъ; но такого горячаго и преувеличеннаго чувства собственности, какъ въ моемъ джентльменѣ, я не встрѣчалъ ни въ комъ.

Каждая картина, висящая у него на стѣнѣ, — непременно Рембрандъ, или Рубенсъ, или Тиціанъ; каждая сорная травка, растущая на его землѣ — необходимое и вмѣстѣ цѣлебное растеніе; палисад-

никъ передъ домомъ—садъ или роца; домишка въ три окна — большой домъ; избушка, въ родѣ шалаша—флигель и такъ далѣе.

Я не укоряю моего друга за это чувство и нисколько не думаю обратить его въ смѣшное. Только тѣ несчастные, которые никогда не имѣли никакой собственности могутъ подсмѣиваться надъ этимъ.

Напротивъ, для оправданія этого чрезвычайно натурального чувства, я сдѣлаю здѣсь откровенное признаніе моему читателю.

Моя собственность очень ограничена. Вся она заключается въ кое-какой мебели и вещахъ. Между этими вещами есть женская, почти дѣтская головка въ чепцѣ и съ книгой въ рукѣ... Картина очень милая, хорошо и тонко написанная. Мнѣ продали ее за Грѣза и она дѣйствительно походитъ на Грѣза.

Лишь только я повѣсилъ ее на стѣну своего кабинета, убѣжденіе, что это настоящій Грѣзь сдѣлалось для меня теперь, несокрушимо, — и тотъ, кто сталъ бы разувѣрять меня, что я нахожусь въ заблужденіи, и что мой Грѣзь не Грѣзь, а только удачная копія съ Грѣза, сдѣлался бы мнѣ (по крайней мѣрѣ въ ту минуту, когда онъ сталъ бы разувѣрять меня) почти моимъ врагомъ.

Чувство собственности — сильно и врожденно всякому джентльмену, и обращать его въ смѣшное я считаю не только безтактностью, но неприличіемъ.

Только безумцы, подобные Прудону, могутъ нападать на собственность и не понимать чувства, возбуждающаго ее.

Съ тѣхъ поръ, какъ я приобрѣлъ Грѣза, я сдѣлался самымъ яростнымъ защитникомъ собственности...

Въ политикѣ мой джентльменъ имѣетъ взглядъ, который крайніе люди, или, какъ онъ говоритъ, семинаристы, назвали бы узкимъ, пошлымъ и ограниченнымъ и который всѣ мы, его друзья, болѣе или менѣе столбовые дворяне, не можемъ назвать широкимъ. Взглядъ этотъ почерпнутъ имъ изъ двухъ источниковъ, изъ сочиненій Гизо и политическихъ брошюръ Монгаламбера. Онъ преклоняется передъ краснорѣчіемъ Монгаламбера и считаетъ Гизо олицетвореніемъ высочайшей современной мудрости. Мы также отдаемъ справедливость блестящимъ фразамъ католическаго оратора; уму, знаніямъ, талантамъ сухаго и строгаго протестанта, знаменитаго министра Людовика-Филиппа (несмотря на то, что зданіе, надъ которымъ онъ трудился и которое почиталъ такъ прочнымъ, рухнуло вдругъ, къ его удивленію, отъ легкаго дуновенія, какъ карточный домикъ); но мы не войдемъ въ азартъ, какъ нашъ джентльменъ, если кто нибудь замѣтитъ при насъ, что время уже далеко опередило Гизо, что его мудрость поизносилась и пообвѣтшала значительно, и не назовемъ за это такого смѣльчака — мальчишкой и невѣждой.

Надо сознаться впрочемъ, что вообще наши политическіе взгляды не имѣютъ никакой самостоятельности и очень шатки. Поэтому всѣ рѣчи о политикѣ даже нашихъ умниковъ и образованныхъ людей иногда напоминаютъ нѣсколько знаменитыя разсужденія о политикѣ Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ.

Какъ большая часть образованныхъ современныхъ джентльменовъ, мой джентльменъ толкуетъ о свободномъ духѣ, о независимости: онъ ненавидитъ австрійцевъ, симпатизируетъ итальянцамъ, становится на колѣни передъ англійскими учрежденіями и проч.; но въ сущности ужасно боится этого свободного духа, которымъ такъ восхищается издалека.... Онъ опасается, что если откупорить стеклянку съ этимъ духомъ, міръ сейчасъ же перевернется вверхъ дномъ, наступитъ хаосъ и въ этомъ хаосѣ, разумѣется, погибнутъ.... о ужасъ! его Рембранты, Рубенсы, Тиціаны, Вернеты, vieux-Saxe съ фарфороваго завода, его земли, дома, флигеля, сады, рощи, огороды — и проч. и проч.

Вотъ почему къ этому духу, проявляющемуся въ его любимыхъ англійскихъ учрежденіяхъ, къ этому духу, заставляющему его симпатизировать итальянцамъ, онъ питаетъ такую же боязнь, какую питалъ къ нему.... незабвенной памяти князь Меттернихъ, государственную мудрость котораго онъ не можетъ не признавать, хотя и не сочувствуетъ его идеямъ. Мой джентльменъ принадлежитъ къ тѣмъ людямъ, про которыхъ такъ мѣтко замѣтилъ Дидро:

«Есть люди, про которыхъ никакъ нельзя сказать, что у нихъ въ сердцахъ страхъ Божій, но которые просто зануваны.»

Въ себѣ и своихъ онъ, впрочемъ, такъ увѣренъ, что готовъ вынюхать вдругъ весь этотъ опасный духъ изъ стеклянки, и давать его вынюхивать своимъ друзьямъ, зная, что ни на нихъ, ни на него онъ не подѣйствуетъ и не совертитъ его съ путей истины.

Въ этомъ случаѣ онъ совершенно сходенъ съ Меттернихомъ.... Въ 8 томѣ своихъ воспоминаній (*Denkwürdigkeiten und vermischte Schriften*) Варнгагенъ фонъ-Энзе, передавая свои дружескіе разговоры съ Меттернихомъ.... въ Баденѣ, между прочимъ говоритъ, что графъ Зичи жаловался при немъ Меттерниху на своего книгопродавца, который никакъ не хотѣлъ ему продать одно изъ сочиненій Ламенѣ.

При этомъ кто-то изъ присутствовавшихъ замѣтилъ, что одинъ господинъ получилъ дозволеніе выписывать «National».

— О, что касается до этого господина, замѣтилъ другой, то кажется на его счетъ ужъ можно быть покойну! Эго самый благонадежный изъ всѣхъ австрійцевъ.

— Что же касается до его образа мыслей, прибавилъ улыбаясь Меттернихъ: — то «National» для него журналъ еще слишкомъ умѣренный....

Великосѣтскіе либералы и прогрессисты имѣютъ особенный, рѣдкій даръ въ одно и то же время угождать на дѣлѣ друзьямъ преданія и порядка (l'ordre) — Меттернихамъ; ужасать рѣчами своими друзей свободы и порядка — Дюшателей и Гизо и при этомъ обвинять Карелей и Арманъ Маррастовъ, въ умѣренности!

Таковы они были въ концѣ двадцатыхъ годовъ, таковы же они и теперь, накануне 60 года.

И есть люди, которые, считаютъ такихъ господъ опасными.

Я убѣжденъ, что и моего джентльмена считаютъ также человекомъ опаснымъ....

Если бы мой джентльменъ вздумалъ идти по административной карьерѣ, если бы онъ былъ одержимъ чиновничествомъ и крестолобничествомъ, при своемъ умѣ, тонкости и ловкости, онъ могъ бы достигнуть высокихъ ступеней. — Жаль, что онъ не пошелъ по этой карьерѣ.

Я живо представляю себѣ, какъ бы онъ дѣлалъ эту карьеру.

Онъ, какъ молодой человекъ кое-что читавшій, не много разсуждавшій и порывавшійся выйти изъ рутины, непременно прослылъ бы за либерала.

Либерализмъ его заключался бы въ слѣдующемъ:

- 1) Имѣть до извѣстной степени чувство собственнаго достоинства, — то есть, не совсѣмъ кувыряться и раболопствовать.
- 2) Быть убѣждену въ томъ, что правда вообще лучше лжи, безкорыстіе лучше корысти, а умъ — лучше глупости. Вслѣдствіе этого довольно свободно отзываться о дуракахъ, взяточникахъ, рутинерахъ и проч., несмотря на ихъ чинъ и званіе.
- 3) Видѣть необходимость нѣкоторыхъ исправленій, смазокъ и улучшеній по административной части.
- 4) Читать иностранныя книги, особенно по части политической экономіи; слѣдить вообще за политикой хоть по Journal des Débats и Times и свободно разсуждать о палатскихъ преніяхъ, обнаруживая къ нимъ сочувствіе.

Старшіе, нюхавшіе табакъ изъ бумажныхъ табакерокъ, покачивая головой, говорила бы про него:

— У! какая голова!... только съ *фанаберіей*.... жаль, — а голова, голова!

Старшіе, нюхавшіе изъ золотой табакерки *рококо*, отзывались бы объ немъ такъ:

— C'est un jeune homme dlistingué... но зараженъ, къ сожалѣнію, этими либеральными идеями, которыя хороши можетъ быть тамъ, но у насъ ни къ чему не могутъ вести, не могутъ имѣть никакого примѣненія.

Начальство ближайшее къ нему съ бумажными табакерками по-баивалось бы моего джентльмена, не терпѣло бы его и всячески старалось бы заградить ему дорогу впередъ; но начальство съ золотою табакеркою рококо за его изящныя манеры, французскій языкъ и вообще *порядочность* смотрѣло бы сквозь пальцы на его либерализмъ, и даже иногда удостоивало бы его своего благосклоннаго вниманія.

Мой джентльменъ всѣми силами старался бы достигнуть того, чтобы имѣть личныя сношенія съ золотою табакеркою, до чего, разумѣется, усиливались бы не допускать его бумажныя табакерки. Цѣли онъ своей достигнулъ бы конечно не вдругъ и не безъ большихъ препятствій (я предполагаю, что мой джентльменъ не имѣетъ протекціи), но все-таки достигнулъ бы непременно.

Преодолѣвъ всѣ препятствія и ставъ лицомъ къ лицу съ обладателемъ золотой табакерки, онъ крѣпко уцѣпился бы за него и какъ человѣкъ умный и ловкій проникнулъ бы въ самые сокровенные изгибы его высокихъ помышленій, предначертаній и плановъ, что при умѣ моего джентльмена, врожденной хитрости и нѣкоторомъ образованіи, было бы не трудно. Онъ вскорѣ втерся бы въ довѣренность обладателя золотой табакерки, и мало по малу проводилъ бы черезъ него свои кое-какія либеральныя идейки и убѣжденія, показывая видъ, что онъ только слѣпой и ревностный исполнитель его воли. Такимъ незамѣтнымъ образомъ онъ получалъ бы все большее вліяніе и вѣсъ, и господинъ съ золотою табакеркою рококо началъ бы вытягивать его вверхъ.

Мой джентльменъ лѣтъ въ 35 достигнулъ бы уже довольно видной степени и украсился бы знаками отличія, что придало бы ему, безъ сомнѣнія, почтенный и солидный видъ.

Съ каждою ступенью повышенія, съ каждымъ новымъ знакомъ отличія онъ становился бы мягче и уступчивѣе и все болѣе и болѣе примирялся бы съ рутинной, которая бы входила въ него незамѣтно для него самого.

Но либеральная репутація его нисколько бы не умалялась отъ этого. Въ глазахъ рутинеровъ онъ все-таки оставался бы человѣкомъ опаснымъ, точно такъ же, какъ въ глазахъ слѣпыхъ и пошлыхъ учителей и наставниковъ, — ученикъ, сначала обнаружившій прилежаніе, слыветъ постоянно до конца за отличнаго и прилежнаго ученика, хотя бы впоследствии онъ ничего не дѣлалъ....

Никакіе факты не могли бы еще долго поколебать его либеральной репутаціи; — ни то, что онъ возвышаясь, какъ слѣдуетъ, становился бы холоднѣе къ друзьямъ своей либеральной юности и отдалялся бы отъ нихъ; ни то, что онъ заводилъ бы новыя связи и дружбы съ людьми нужными ему и имѣющими великосвѣтское значеніе; ни то, что онъ принималъ бы относительно своихъ подчиненныхъ тѣ начальническія манеры, на которыя онъ прежде нападалъ съ ожесточеніемъ.

Старовѣры упорно кричали бы: «На это смотрѣть нечего, онъ человѣкъ топкій, хитрый и если допустить его до такого мѣста, на которомъ онъ будетъ имѣть вліяніе, — онъ переломаетъ все.... Это ужаснѣйшій либераль! опаснѣйшій человѣкъ!»

А между тѣмъ годы шли бы и юношескія либеральныя воззрѣнія моего джентльмена, казавшіяся во время оно ужасными, входили бы въ жизнь, опошливались и въ свою очередь превращались бы въ рутину.

Каждая новая особа, замѣнявшая особу его покровителя съ золотою табакеркою рококо, смотрѣла бы на моего джентльмена сначала съ предубѣжденіемъ, но онъ умѣлъ бы расположить къ себѣ всѣхъ ихъ, сдѣлался бы необходимымъ лицомъ для всѣхъ ихъ и приобрѣлъ бы окончательное общественное положеніе, превратился бы самъ въ особу съ тѣми украшеніями, надъ которыми онъ подсмѣивался въ началѣ и на которыя смотрѣлъ потомъ съ нѣкоторымъ завистливымъ уваженіемъ....

Онъ можетъ быть усвоилъ бы на своей высотѣ всѣ тѣ привычки и манеры, которыя возмущали и приводили въ негодованіе его человѣческое чувство въ молодости: сдѣлался бы недоступнымъ, преслѣдовалъ бы въ свою очередь молодыхъ людей за либерализмъ, называлъ бы ихъ пустыми вредными мальчишками и крикунами; жаловался бы на литературу, остановился бы упорно на своихъ маленькихъ улучшеніяхъ и кое-какихъ преобразованіяхъ и считалъ бы неуживчивыми тѣхъ, которые хотѣли бы идти далѣе его, и сталъ бы къ нимъ въ такое же положеніе, въ какомъ находились относительно его рутинеры и старовѣры его времени.

Заведя по своему положенію великосвѣтскія пріязни и дружбы, очерствѣвъ въ эгоизмъ, погрязши въ мелкомъ честолюбіи, заразившись внѣшнею пустотою и тщеславіемъ, превратясь въ отчаяннаго оптимиста, онъ уже не заботился бы ни о чемъ болѣе, какъ о собственномъ возвышеніи и о поставленіи своей особы въ такое положеніе, въ которомъ бы можно было свободно пользоваться всѣми благами міра сего....

Но Боже! куда увлекла меня моя фантазія?....

Мой джентльменъ никогда не былъ администраторомъ; онъ не имѣетъ никакого соприкосновенія съ золотыми табакерками рококо; онъ даже отзывается объ самыхъ лучшихъ изъ нихъ съ ядовитою насмѣшкою.... Въ немъ не было никогда замѣтно тѣни чиновничьяго честолюбія и самолюбія.

Его самолюбіе выше всего этого. Оно заключается въ томъ, что-бы быть руководителемъ вкуса, проповѣдникомъ изящнаго, диктаторомъ въ области искусствъ, раздавателемъ дипломовъ на таланты, образователемъ выступающаго на сцену юношества, подающаго, по его мнѣнію, надежды, карателя и преслѣдователя всякихъ вредныхъ, то есть слишкомъ смѣлыхъ идей.

Я никогда не слыхалъ, какъ онъ говоритъ съ юношами, подающими надежду, но я живо воображаю это и какъ бы слышу его краснорѣчивыя диктаторскія слова, обращенныя къ нимъ:

«О, юноши! (говоритъ онъ, или такъ непременно долженъ говорить онъ) вы обладаете несомнѣннымъ дарованіемъ, которое можетъ превратиться въ замѣчательные таланты, если вы будете идти по прямому, по единственному пути, который ведетъ всѣхъ артистовъ къ безсмертію, если вы будете служить только одному искусству, отдаваясь свободно только собственнымъ внутреннимъ порывамъ и не развлекая своего вдохновенія криками, доходящими до васъ извнѣ... Помните, что тотъ, кто обнаруживаетъ сочувствіе къ этимъ крикамъ и воплямъ, измѣняетъ искусству. Чтобы вѣрно служить ему, надобно быть глухимъ и нѣмымъ... Возьмите, юноши! въ примѣръ птицъ небесныхъ, незаботящихся ни о чемъ и не принужденно поющихъ на своихъ вѣткахъ!

«Будьте птицами, взвивайтесь на крыльяхъ вашихъ мыслей также высоко, какъ они, и чѣмъ выше вы взвощаетесь, тѣмъ пѣснь ваша будетъ чище, возвышеннѣе, вдохновеннѣе, объективнѣе и художественнѣе. Тамъ, на этихъ высотахъ, въ поднебесныхъ пространствахъ, все ежедневное, преходящее, житейское, пошлое, насущное, называемое современными вопросами и другими хитрыми именами, не будетъ доходить до васъ и съ той высоты, на которой вы будете парить, покажется вамъ смѣшнымъ, мелкимъ и жалкимъ, не заслуживающимъ вашего высокаго вниманія. Одно общее, вѣчное, непреходящее будетъ предметомъ вашихъ пѣснопѣвій...

— Но, осмѣлится замѣтить, вѣроятно, которыйнибудь изъ этихъ юношей побойчѣе, — но, мудрѣйшій изъ учителей! Въ поднебесныхъ пространствахъ, куда вы приказываете намъ взвиваться, пусто и холодно; къ тому же мы не имѣемъ крыльевъ, какъ птицы, или какіянибудь мнѣологическія существа... Мы рождены на землѣ, мы любимъ землю и все земное, мы не можемъ не принимать участія

во всемъ томъ, что вамъ, о мудрый учитель! угодно называть мелочами, пустяками, преходящимъ и ничтожнымъ. Изъ всего этого составляетъ жизнь наша. Какъ же вы хотите, чтобы мы отрѣшились отъ жизни?... Да и сами вы, о глубокомысленнѣйшій наставникъ! любите эту землю, о которой вы отзываетесь въ минуты риторическаго экстаза съ такимъ презрѣніемъ.... Да! вы ее любите, потому что вы восхищаетесь живописцами и поэтами, воспроизводящими нашу земную природу, изображающими человѣка въ его величіи или въ его паденіи, въ его смѣшныя или роковыя минуты.... Вы любите земную пластическую красоту въ картинѣ, въ статуѣ, а еще болѣе въ самой натурѣ. Глазки ваши, я замѣтилъ это, поддерживаются всякій разъ масломъ при встрѣчѣ съ такою красотой и все лицо ваше принимаетъ видъ разслабленнаго умиленія. Вы такъ крѣпко держитесь за тотъ клочекъ земли, который вы зовете своею собственностію, и такъ страстно къ нему привязаны, что каждая соринка на вашей землѣ кажется вамъ драгоцѣнностію.... Вы не прочь отъ земнаго комфорта, вы объ немъ говорите съ такимъ увлеченіемъ, и такъ хорошо устроили себя въ жизни.... Вы, наконецъ, — простите меня за откровенность, учитель! — такъ преданы всякимъ земнымъ и матеріальнымъ наслажденіямъ, такъ любите говорить о забавахъ и веселіи, такъ мило проповѣдуете иногда прелесть эпикуреизма въ литературѣ и въ жизни, что я совершенно недоумѣваю, — зачѣмъ вы насъ хотите непременно отправлять въ воздушныя пространства и отрѣшать отъ всего земнаго и человѣческаго....

— Вы не поняли меня, — строго возразитъ мой джентльменъ съ недовольнымъ видомъ, потому что онъ не любитъ, чтобы ему возражали или противорѣчили въ чемъ нибудь *мальчишки*, ученики....

— Вы неумѣстно перебили меня и не дали мнѣ докончить моей рѣчи, въ которой должна была выразиться моя мысль вполне, такъ что всякія возраженія не имѣли бы уже мѣста.

Слушайте-же....

— Слушайте! Слушайте! повторятъ молодые люди, подающіе надежды.

И наострятъ уши.

— Я вовсе не хочу отрѣшать васъ совсѣмъ отъ земли.... это было бы нелѣпо.... Я хотѣлъ только сказать, что истинный художникъ, истинный поэтъ, человѣкъ служащій искусству для искусства долженъ стоять выше толпы и ея мелочныхъ насущныхъ интересовъ, и чѣмъ выше тѣмъ лучше. Онъ долженъ помнить, что

Не для житейскаго волненія,
Не для корысти, не для битвъ,

*Мы рождены для вдохновенія,
Для звуковъ сладкихъ и молитвъ!*

Оставьте насущные ежедневные, преходящіе интересы толпѣ, черни. Чернь создана для борьбы и горе художнику, который вмѣшается въ эту борьбу, съ которой искусство не должно имѣть ничего общаго. Для черни горшокъ, въ которомъ она варитъ длясебя кашу, дороже Венеры Милосской. Какое дѣло вамъ, людямъ избраннымъ, до этой тупой черни?.. Не слушайте ея криковъ, повторяю вамъ, не обращайтесь вниманія на ея нелѣпыя требованія. Идите своею дорогою и помните, что одно только обще-человѣческое должно занимать васъ, если вы хотите прочной славы.... Посмотрите на Гомеровъ, на Шекспировъ....

— Но, несравненный учитель! снова возразитъ бойкій юноша: — куда намъ до Гомеровъ и до Шекспировъ!... Къ тому же — искусство нашего времени не можетъ творить равнодушно: оно не можетъ уже имѣть того величаваго спокойствія, которое является въ произведеніяхъ гениальныхъ людей прошедшаго... Они не имѣли понятія о тѣхъ требованіяхъ, которыя возникаютъ теперь отовсюду; они не видѣли вокругъ себя пробуждающагося сознанія къ новой, лучшей, болѣе человѣческой жизни.... О мудрый наставникъ! Нельзя же намъ въ самомъ дѣлѣ смотрѣть равнодушно на страданія нашихъ братьевъ, не протягивая имъ руку помощи....

— Нѣтъ!

При этомъ юноша можетъ быть одушевится негодованіемъ и воскликнетъ:

— Да предастся вѣчному забвенію ваше безжалостное искусство, если оно только заботится въ такія минуты, какія переживаемъ мы, о себѣ самомъ, о собственной красотѣ и о доставленіи удовольствія людямъ богатымъ и празднымъ. Я не хочу служить такому себялюбивому и безжалостному искусству. Какое мнѣ дѣло до славы?... Если мой ближній будетъ умирать передо мною въ тоскѣ и мученіяхъ голода, а я, насыщенный утонченными блюдами, буду передъ нимъ пѣть равнодушно сладкія пѣсни, не обращая на умирающаго никакого вниманія, я позволю себя назвать самымъ презрѣннѣйшимъ изъ людей, если бы даже имѣлъ талантъ Шекспира!

О, если бы въ самомъ дѣлѣ произнесена была такая рѣчь передъ моимъ джентльменомъ, особенно въ ту минуту, когда бы онъ собирался по приглашенію обѣдать съ друзьями у Дюссо или у Донона и его воображенію рисовались бы пулярки съ трюфелями, драгоцѣн-

ныя вина, утонченная и умная бесѣда избранныхъ друзей, онъ не могъ бы, несмотря на свою натуру джентльмена, подавить въ себѣ страшнаго взрыва негодованія, злобы и боязни, которыя бы должны были пробудить въ немъ эти слова....

Онъ навѣрно осмотрѣлъ бы съ презрительной проницательностью съ головы до ногъ смѣлаго юношу и произнесъ бы задыхаясь:

— Я вижу, милостивый государь, что вы заражены нелѣпными теоріями разныхъ безумныхъ ученій.... и потому съ вами мнѣ и говорить бесполезно. Мы не поймемъ другъ друга.... Я долженъ вамъ замѣтить только, что эти ученія съ презрѣніемъ отвергнуты самыми высокими умами и они уже обратились въ смѣшное.... Ихъ серьезно могутъ принимать только мальчишки.... Вы что: социалистъ, коммунистъ, красный?

— Ни то, ни другое, ни третье, — могъ бы отвѣчать покойно юноша: — я не зараженъ никакими ученіями, я не слѣдую никакимъ теоріямъ; но мой здравый разумъ заставляетъ меня различать добро отъ зла, а сердце сочувствовать страданіямъ бѣдныхъ, слабыхъ, притѣсненныхъ и страждущихъ.... Я знаю еще, что всякія истины встрѣчаютъ упорное препятствіе въ рутинѣ и общихъ мѣстахъ....

— Что вы разумѣете подъ рутиной, подъ общими мѣстами; гдѣ вы видите притѣсненныхъ и страждущихъ? Все это нелѣпость, все это выдумки мальчишекъ или безпокойныхъ людей, враговъ порядка.... Для страждущихъ устроены больницы, для бѣдныхъ — общество благотворительности, для слабыхъ умомъ — сумасшедшіе дома.... Передѣлывать человѣчество по теоріямъ, сударь, нельзя.... Оно развивается разумно постепенно и осторожно подъ направленіемъ, надзоромъ и вліяніемъ высшихъ административныхъ и литературныхъ умовъ, которые имѣютъ законное право распоряжаться невѣжественною толпою и дисциплинировать ее, зная, что ей полезно и вредно.... Чистому же искусству во всякомъ случаѣ въ эти дѣла вмѣшиваться не слѣдуетъ. Чистое искусство имѣетъ свой особенный, отдѣльный, замкнутый, независимый міръ....

Послѣ этого мой джентльменъ можетъ быть смягчился бы нѣсколько и снисходительно произнесъ бы въ заключеніе:

— Перестаньте, милый мой, унижать, накидывать на себя страданіе, порываться къ невозможному. Въ жизни, повѣрьте мнѣ, все устроено разумно и прекрасно, всему своя чередъ, все улучшается понемногу и совершенствуется временемъ. Время умѣе пасть съ вами. Что же касается до искусства, то Бога ради не унижайте его до служенія временнымъ, ничтожнымъ общественнымъ интересамъ.

Это святотатство.... Если вы не рождены быть художникомъ въ высшемъ значеніи слова, но имѣете литературное дарованіе,—пишите веселыя повѣсти, забавные и острые фельетоны, развлекайте, смѣшите, забавляйте насъ и оставьте въ покоѣ всѣхъ этихъ, какъ вы говорите, угнетенныхъ, страдающихъ и всѣ эти пошлыя книжонки, сочувствующія имъ: все это старо, пошло и отзывается дурнымъ тономъ, — простите за откровенность.... Пора теперь разстаться намъ и съ этой такъ называемой *обличительной* литературой! Довольно съ насъ этихъ обличеній! Вашими карами и изобличеніями вы не сдѣлаете вдругъ людей совершенными и добродѣтельными. Всякое явленіе имѣетъ свою причину, все идетъ къ лучшему, въ этомъ нельзя сомнѣваться. О чемъ же вы беспокоитесь?...

Въ самомъ дѣлѣ, о чемъ же беспокоиться?

Еще мудрый наставникъ Кандида, — Панглоссъ училъ, что ничто не можетъ быть иначе, какъ есть; что все совершается къ лучшему; что носы созданы для очковъ, ноги для обуви, камни для того, чтобы ихъ обтесывать и строить изъ нихъ дворцы и замки; богатые и сильные бароны для того, чтобы жить въ роскоши... и такъ далѣе, словомъ — все прекрасно и все къ лучшему!...

Да здравствуетъ же оптимизмъ Панглосса и всѣ современные Панглоссы, которыхъ развилось у насъ въ послѣднее время такъ много! Имъ хорошо жить на свѣтѣ!...

Теперь поговоримъ о чемъ нибудь другомъ. Намъ еще надобно сообщить читателямъ то, что занимало и развлекало петербургскихъ жителей въ теченіе іюля мѣсяца....

Начнемъ съ морскаго смотра въ Кронштатскомъ рейдѣ, бывшаго 11 іюля.

Смотръ этотъ представлялъ великолѣпное зрѣлище.

Не болѣе, какъ четыре года назадъ тому — только четыре! русский флотъ имѣлъ одни парусные карабли.... О винтовыхъ или паровыхъ судахъ и помину не было. Онъ представлялъ тогда, надо сознаться, довольно печальный анахронизмъ, потому что нѣсколько великолѣпныхъ императорскихъ пароходовъ не имѣли другаго назначенія, какъ перевозить Императора, императорскую фамилію и дворъ.... Правда, былъ одинъ винтовый фрегатъ, называвшійся *Полканомъ*, одиноко и печально стоявшій въ 1854 г. на кронштатскомъ рейдѣ передъ могущественнымъ флотомъ, въ когорѣмъ было до 12 подобныхъ фрегатовъ.

Нынѣшнее лѣто Государь дѣлалъ смотръ своему флоту, и флотъ этотъ весь состоялъ уже изъ паровыхъ судовъ и по большей части изъ винтовыхъ.... Всего кораблей и фрегатовъ было 21 на

этомъ смотрѣ. Мы не считаемъ многочисленную флотилію, состоящую изъ канонерскихъ лодокъ, тоже винтовыхъ, и тѣ корабли, фрегаты, клиперы и корветы, которые въ отсутствіи.

Флотъ былъ построенъ въ двѣ линіи, начиная отъ новаго строящагося форта до того порта, на которомъ находится таможня.... Погода была удивительная. Солнце затопляло своимъ блескомъ рейдъ и городъ. Рама, въ которой вставлена была эта картина, была прекрасна. Къ югу живописные берега Петергофа и Ораніенбаума съ ихъ зданіями, лѣсами и лугами. Къ востоку куполъ Исакиевскаго собора, Петропавловскій шпигль, линія бѣлѣющихъ зданій Петербурга. Къ западу заливъ, сливающийся съ горизонтомъ; къ сѣверу огромныя массы гранита, изъ-за котораго выглядывали тысячи пушекъ, — Кронштатъ, окруженный безчисленными мачтами судовъ, принадлежащихъ различнымъ націямъ.

Вотъ въ какомъ порядкѣ выстроены были корабли для смотра:

Корабли: Фрегаты, корветы и проч.

Цесаревичъ.	Грозящій, — колесный фрегатъ.
Прохоръ.	Храбрый, — тоже.
Вола.	Калевала, — корветъ.
Константинъ.	Посадникъ, — тоже.
Синопъ.	Камчатка, — колес. и винтов. фрегатъ.
Выборгъ.	Илья-Муромецъ, — винтовый фрегатъ.
Орель.	Генералъ-Адмиралъ, — тоже.
	Свѣтлана, — тоже.
	Олафъ, — колесный фрегатъ.
	Разбойникъ, — клиперъ.
	Наѣздникъ, — тоже.
	Штандартъ, — Императорская яхта.

Надобно замѣтить, что *Генералъ-Адмиралъ* фрегатъ, недавно приведенный изъ Америки, подъ командою капитана Шестакова, надзираваго тамъ за его постройкою, — отличается удивительною отдѣлкою, внѣшнею красотою и удобствами, и, говорятъ, быстрою хода. Это самый большой изъ военныхъ паровыхъ фрегатовъ нашихъ.

Я имѣлъ случай осмотрѣть его черезъ нѣсколько дней послѣ смотра, въ подробности.

Я пріѣхалъ въ Кронштатъ именно съ этою цѣлю, не зная впрочемъ навѣрно, удастся ли мнѣ эта цѣль, потому что я не имѣлъ въ Кронштатѣ никого знакомыхъ. — Извозчикъ довезъ меня до

гавани и указалъ на Генераль-адмирала. Остановясь передъ изящною громадою, я обратился къ часовому и спросилъ его:

— Можноли осмотрѣть фрегатъ?

— Не знаю, отвѣчалъ онъ: — надобно спросить у вахтеннаго офицера....

Я обратился къ офицеру и просилъ его позволенія, назвавъ свое имя.

— Сдѣлайте одолженіе, отвѣчалъ онъ съ утонченною вѣжливостію: — я очень радъ, что узналъ, кто вы; но мы дозволяемъ осматривать нашъ фрегатъ рѣшительно всѣмъ, кому угодно. Намъ очень пріятна такая любознательность.

Черезъ минуту послѣ этого, онъ смѣнился съ вахты и любезно предложилъ мнѣ свои услуги быть моимъ чичероне.

Обзоръ нашъ продолжался около трехъ четвертей часа....

Мы то спускались, то поднимались по чугуннымъ очень удобнымъ лѣстницамъ, и я, по милости моего чичероне, не пропустилъ ничего сколько нибудь замѣчательнаго на фрегатѣ. Онъ съ такимъ радушіемъ посвящалъ меня во всѣ таинства этого пловучаго огромнаго дома, въ которомъ болѣе 600 обитателей, съ такою любовію знакомилъ меня съ морскою жизнію, что я готовъ бы былъ пойти въ моряки.... еслибъ не мои преклонныя лѣта и не морская болѣзнь, которой я подверженъ.

Когда у насъ зашла рѣчь о морской болѣзни, я замѣтилъ моему обязательному чичероне, что я знаю такого счастливца, (и притомъ вовсе не моряка) у котораго во все его плаваніе кругомъ свѣта даже голова не закружилась ни разу.

— Кто же это? спросилъ меня офицеръ.

— Гончаровъ.

— О! Да это правда. Я вѣдь ходилъ кругомъ свѣта вмѣстѣ съ Иваномъ Александрычемъ.

Всего любопытнѣе, разумѣется, показалось мнѣ на Генераль-адмиралѣ, какъ человѣку непонимающему никакого толка въ морскомъ дѣлѣ, капитанскія каюты, отдѣланныя съ величайшимъ вкусомъ и комфортомъ; каюты Генераль-Адмирала, которыя впрочемъ въ гораздо меньшемъ размѣрѣ, и кухня, въ которой готовится разомъ на 600 человѣкъ.... Но обратимся къ морскому смотру.

Въ половинѣ двѣнадцатаго часа, Государь, въ сопровожденіи Великаго Князя Константина Николаевича и многочисленной свиты, отправился въ Кронштатъ на Императорскомъ пароходѣ *Александрія*, который постоянно стоитъ у Петергофской дворцовой при-

стани. На другихъ двухъ пароходахъ, *Стрѣльна* и *Фонтанка*, отправились особы Двора. Когда эта небольшая флотилія приблизилась къ двойной линіи кораблей, по данному сигналу, всѣ матросы побѣжали по вантамъ. По другому сигналу разбѣжались по реямъ и образовали изъ себя живыя гирлянды. Все это было выполнено съ быстротою и ловкостію необыкновенною.

Императорскій пароходъ пошелъ по линіи кораблей и фрегатовъ, Государь здоровался съ экипажемъ каждаго изъ нихъ и съ каждаго корабля раздавалось троекратное ура!... Когда поднятъ былъ на Императорскомъ пароходѣ штандартъ, съ флоту и фортовъ раздалась страшная, оглушительная канонада: тысячи пушечныхъ выстрѣловъ послѣдовали одинъ за другимъ, — и когда бѣлый дымъ развѣялся въ воздухѣ, корабли и фрегаты явились украшенными разноцвѣтными флагами. Это было необыкновенно живописно. Затѣмъ Государь осмотрѣлъ корабли *Константинъ* и *Синопъ* и отправился обратно въ Петергофъ въ 3 часа и три четверти.

Говорятъ, что изъ Петербурга въ Сестербекъ проведется скоро шоссе. Шоссе это пойдетъ черезъ Новую и Старую деревню и Лахту. — Это прекрасно.

Шоссе — вещь очень хорошая, если только оно хорошо устроено и содержится, какъ слѣдуетъ.

По Шлиссельбургской дорогѣ также шоссе. Чего бы казалось лучше?

Но, Боже мой! если бы вы могли вообразить, въ какомъ видѣ находилось это шоссе прошлой осенью и въ мартѣ и апрѣлѣ 1859 года, — и замѣтте еще въ чертѣ города, у самаго Императорскаго стекляннаго завода!

Щебенки не оставалось слѣдовъ, провалы и ямы были на каждомъ шагу... и въ этихъ ямахъ кучами наваленный хворостъ. Извозчики или вовсе туда не ѣхали, или брали втрое.

А между тѣмъ Шлиссельбургскій трактъ одинъ изъ самыхъ дѣятельныхъ трактовъ; онъ проходитъ у самаго берега Невы, и здѣсь на разстояніи 15 верстъ отъ Петербурга находятся: Императорскіе стеклянный и фарфоровый заводы со слободами, Александровскій чугунно-литейный заводъ, Александровская фабрика и множество частныхъ заводовъ, бумаго-прядильныхъ и другихъ фабрикъ.

Технологическій институтъ въ Петербургѣ вскорѣ, говорятъ, получитъ совершенное преобразование.

Вотъ нѣкоторыя любопытныя подробности касательно этого преобразованія, заимствованныя нами изъ газетъ:

1. Курсъ теоретическихъ занятій продолжится пять лѣтъ; шестой годъ будетъ посвященъ практическимъ фабричнымъ и другимъ промышленнымъ занятіямъ.

2. Въ институтѣ будутъ принимаемы дѣти всѣхъ свободныхъ состояній, начиная съ 15-лѣтняго возраста до 18, включительно. Для вступленія необходимы слѣдующія предварительныя знанія: переводить съ русскаго на французскій и нѣмецкій языки, часть алгебры и геометріи, всеобщая исторія и въ особенности исторія русская, географія и преимущественно географія Россіи, умѣнье рисовать и чертить.

3. Курсъ занятій будетъ раздѣленъ на курсъ пріуготовительный и курсъ спеціальный, съ подраздѣленіями. Въ первомъ ученики будутъ обучаться алгебрѣ, геометріи, физикѣ, зоологій, батаникѣ, минералогіи, горному искусству, статистикѣ, политической экономіи, законодательству, относящемуся до коммерціи и мануфактуръ, знакомству съ товарами и веденію бухгалтерскихъ книгъ. Кромѣ этого — Закону Божию и языкамъ: французскому и нѣмецкому (при такой роскоши обученія не мѣшало бы ввести ужъ и англійскій языкъ, не бесполезный для человѣка коммерческаго).

Въ спеціальныхъ классахъ будетъ преподаваться: органическая и неорганическая, аналитическая и промышленная химія, техническая физика, механика, технологія, архитектура и строительное искусство.

Часть практическая остается на прежнемъ основаніи. Для возможнаго усовершенствованія въ практическихъ знаніяхъ, предполагается учрежденіе технического музея, по примѣру парижскаго и лондонскаго.

4. Воспитанники по окончаніи полнаго курса будутъ награждаемы званіемъ почетныхъ гражданъ, и по истеченіи 5 лѣтъ тѣ изъ нихъ, которые напишутъ ученый трактатъ, — если этотъ трактатъ будетъ одобренъ конференціею института, — получаютъ право на наследственное почетное гражданство.

Этому преобразованію — институтъ будетъ обязанъ нынѣшнему министру финансовъ, А. М. Княжевичу.

Носятся слухи о многихъ преобразованіяхъ въ Академіи Художествъ. Дай Богъ, чтобы онѣ были къ лучшему. Мы впрочемъ не имѣемъ права сомнѣваться въ этомъ, потому что вице-президентомъ академіи назначенъ теперь человѣкъ, любящій искусство и самъ прекрасный артистъ — князь Гагаринъ; непремѣннымъ секретаремъ, вмѣсто г. Григоровича, — знатокъ и любитель искусства О. О.

Львовъ, дѣятельности котораго много обязано Общество поощренія художниковъ.

Объ этомъ обществѣ и его постоянной выставкѣ мы надѣмся скоро поговорить подробно.

Кстати объ искусствахъ. Журналъ: «Le Nord» увѣдомляетъ, что превосходная статуя Морской Венеры, нѣсколько лѣтъ тому найденная въ бывшихъ садахъ Юлія Цезаря, приобрѣтена для С.-Петербургскаго Музея (Эрмитажа?) за 50,000 франковъ. Многіе изъ знатоковъ искусства предпочитаютъ эту Венеру Венерѣ Медичейской.

За достовѣрность этого, впрочемъ, мы не отвѣчаемъ, потому что «Nord» сообщаетъ часто извѣстія, неимѣющія никакого основанія. Къ такимъ извѣстіямъ особенно относятся присылаемые изъ Россіи. Мы совѣтовали бы редакціи этого журнала обратить на это вниманіе и попросить своихъ петербургскихъ корреспондентовъ быть нѣсколько осторожнѣе въ выборѣ извѣстій и не довѣряться безотчетно всѣмъ нелѣпымъ слухамъ, Богъ знаетъ откуда доходящимъ до нихъ. Мы протестовали въ прошедшемъ номерѣ противъ одного изъ такихъ извѣстій, касающагося собственно до насъ. Прежде чѣмъ извѣщать о томъ, будто (неизвѣстно почему) гг. Плетневъ и Лакіеръ вдругъ станутъ съ будущаго года издавать журналъ, двѣнадцать лѣтъ издаваемый Панаевымъ и Некрасовымъ, а Панаевъ и Некрасовъ будутъ издавать (также неизвѣстно почему) какой-то *Временникъ*, — г. корреспонденту стоило бы потрудиться навести справку объ этомъ въ редакціи «Современника».... Мы не понимаемъ, что за охота распространять слухи, неимѣющіе никакого смысла!...

О загородныхъ удовольствіяхъ въ іюлѣ мѣсяцѣ мы много распространяться не будемъ. Всѣ эти виллы, воксалы, минеральныя воды и проч. если не процвѣтаютъ, то по крайней мѣрѣ посѣщаются усердно любителями увеселеній, особенно съ половины лѣта, когда вечера сдѣлались темнѣе. Тамъ поютъ цыгане, французскіе пѣвцы, тирольцы, показываются карлики, великаны и великаныши, зажигаются разноцвѣтные фонари, пускаются фейерверки, оттуда летаютъ шары съ барышнями и безъ барышень... все какъ слѣдуетъ. Обо всемъ этомъ такъ подробно и такъ хорошо рассказываютъ разные фельетонисты, что намъ ужъ ничего не остается сказать. Эти остроумные господа называютъ минеральныя воды фамильярно *минералками* и продолжаютъ отзываться съ величайшими похвалами объ изобрѣтательности, вкусѣ и дѣятельности несравненнаго г. Излера, прибавляя, что у него очень много почитателей и прочее.

Этотъ неизбѣжный Излеръ, его почитатели и остроумные фельетонисты, каждое лѣто восхваляющіе его однѣми и тѣми же фразами — все это такъ старо, пошло и такъ (вѣроятно) надоѣло читателямъ, что наконецъ становится стыдно и неприлично даже упоминать объ этихъ загородныхъ увеселеніяхъ.

Перейдемъ лучше къ скачкамъ, происходившимъ 31 іюля въ Красномъ Селѣ, въ присутствіи Государя Императора.

Два приза было назначено для этихъ скачекъ: одинъ императорскій, другой отъ администраціи государственнаго коннозаводства.

а) Двумъ верховымъ лошадямъ, наилучше выдрессированнымъ.

б) Для лошадей тяжелой кавалеріи — дистанція одна верста.

в) Для лошадей легкой кавалеріи, піонеровъ и конной артиллеріи — одна верста.

г) Для steeple-chase различныхъ лошадей — дистанція три версты.

Третій призъ любителей — курсъ двѣ версты для различныхъ лошадей.

Въ 8 $\frac{1}{2}$ часовъ утра я приѣхалъ на дебаркадеръ петергофской желѣзной дороги, чтобы отправиться въ Красное Село, а изъ Краснаго Села въ Петергофъ. Со мною были вещи, которыя я хотѣлъ отослать прямо въ Петергофъ.

Я обратился къ одному изъ кондукторовъ желѣзной дороги и спросилъ его:

— Какимъ образомъ это устроить?

— Поѣздъ въ Петергофъ, отвѣчалъ онъ мнѣ, — отправляется теперь въ 10 часовъ и 10 минутъ. Вещи ваши мы отправимъ на этомъ поѣздѣ къ петергофскому кассиру, и вы ихъ получите въ цѣлости отъ него.

— И это вѣрно?... Мнѣ необходимо, чтобы эти вещи были въ Петергофѣ къ моему приѣзду — только къ 4 часамъ.

— Да они будутъ непременно въ 11 часовъ въ Петергофѣ. Не угодно ли вамъ пожаловать сюда, написать ерлычекъ и вашу фамилію, а ужъ тамъ не беспокойтесь.

Служитель привелъ меня въ комнату, гдѣ устроены телеграфъ, связалъ мои вещи веревкою и прицѣпилъ къ ней ерлычекъ, прибавивъ: «ужъ будьте благонадежны».

Я заплатилъ ему за его услугу, взялъ билетъ въ Красное Село и тотчасъ же сѣлъ въ карету, совершенно успокоенный касательно моихъ вещей.

Вѣтъ желѣзной петергофской дороги, идущая въ Красное Село, начинается отъ первой станціи, то есть отъ Лигова (имѣніе графини

ни Кушелевой), и идетъ верстъ 8 по ровной мѣстности (всего пути 12 верстъ), вправо поле, покрытое кустарниками и деревьями, влѣво большое открытое пространство, на которомъ вдали изрѣдка мелькають деревни. Приближаясь къ Красному Селу, почва значительно поднимается, такъ что локомотивъ проходитъ между двухъ довольно высокихъ насыпей и останавливается на минуту у мостковъ, нарочно устроенныхъ недалеко отъ мѣста скачки. Отсюда виденъ на возвышеніи царскій павильонъ и длинная галлерей для зрителей, украшенная разноцвѣтными флагами.

Здѣсь нѣсколько человѣкъ вышли изъ вагоновъ и отправились прямо къ мѣсту скачекъ. Былъ десятый часъ въ началѣ, скачки должны были начаться въ $1\frac{1}{2}$ 12 часа. Слѣдовательно еще оставалось 2 часа. Провести два часа въ открытомъ полѣ и при начинавшемся довольно холодномъ зефирѣ, было бы не совсѣмъ пріятно и удобно, поэтому я отправился далѣе съ поѣздомъ.

Дебаркадеръ желѣзной дороги Краснаго Села небольшой, деревянный, очень красиво и удобно расположенный, построенъ противъ самаго села, почти на разстояніи полуторы версты отъ него, противъ того мѣста, гдѣ расположенъ на скатѣ возвышенности царскій садъ. Вправо отъ дебаркадера на верху изъ кущи деревьевъ этого сада выглядываютъ дома, въ которыхъ помѣщается Государь Императоръ и Высочайшая Фамилія во время пребыванія въ Красномъ Селѣ; немного вправо красносельская церковь и далѣе самое село, которое тянется на довольно большое пространство. Влѣво отъ дебаркадера бѣлѣются безчисленныя палатки лагеря.

Въ числѣ пассажировъ, прибывшихъ въ Красное Село съ нашимъ поѣздомъ, было много дамъ.

Я пошелъ къ кассѣ, касса оказалась запертою. Здѣсь, въ комнатѣ, имѣющей видъ ротонды, расположилось между прочимъ семейство, состоявшее изъ пожилой барыни съ нѣсколькими барышнями. Офицеръ, стоявшій у запертаго окна кассы, тщетно вызывавшій кассира и острившій на его счетъ, обратился наконецъ назадъ, встрѣтился глазами съ пожилою барынею, очень пышно разодѣтою, и раскланялся съ нею.

— Вообразите себѣ, m-g N., произнесла она, сжимая губы и любовно улыбаясь: — мы въ отчаяніи. Отсюда до скачекъ двѣ версты, мои сыновья общали выслать намъ сюда экипажъ, и экипажа нѣтъ до сихъ поръ. *Сетъ афре!* Я не понимаю, что это значить.... Что мы будемъ дѣлать теперь?... Представьте себѣ — имѣть сыновей двухъ кавалерійскихъ офицеровъ, и быть въ такомъ положеніи! Не тащиться же намъ пѣшкомъ, согласитесь.... *се тре дезагреабль!*

— *Вуй, севре, ме* — отвѣчалъ офицеръ и докончилъ фразу по-русски: — но вѣроятно вамъ экипажъ вышлютъ.... теперь еще рано.

Затѣмъ офицеръ юркнулъ въ толпу, а барыня обратилась съ тѣмъ же къ другому господину, незнакомому ей, и все повторяла: «у меня два сына, оба въ кавалеріи, и вообразите — быть въ такомъ положеніи»....

Черезъ нѣсколько минутъ офицеръ закусывалъ въ буфетѣ, на ставкѣ котораго стояли водки и неизбѣжные бутерброды съ горькимъ масломъ, чорствымъ языкомъ и мещерскимъ сыромъ; офицеръ кричалъ:

— Да гдѣ же кассиръ? Да что же не открываютъ кассу? Какъ мнѣ отсюда попасть въ Петергофъ? Мнѣ непремѣнно надо быть въ пятомъ часу въ Петергофѣ!

На крики эти явился комиссаръ желѣзной дороги и успокоилъ офицера, объявивъ ему, что онъ очень легко можетъ попасть въ Петергофъ на томъ поѣздѣ, который выходитъ изъ Петербурга въ 3 часа 40 минутъ, если онъ отправится изъ Краснаго въ Лигово въ 3¹/₂ часа.

Мнѣ также надобно было быть въ Петергофѣ къ 5 часамъ, и это объявленіе меня успокоило.

— Но билеты! что жъ билеты?... возражалъ офицеръ.—Скажите кассиру, чтобы мнѣ выдали билетъ.... Возьмите деньги.

— Билета не нужно. Мы всѣхъ петергофскихъ захватимъ послѣ скачекъ....

Послѣ этого офицеръ исчезъ, пріѣхавшая публика начинала расходиться и разѣзжаться, и я отправился нѣшкомъ къ мѣсту скачекъ.

Дорога туда была довольно грязная (іюль мѣсяцъ отличался ежедневными дождями), и я былъ очень радъ попавшемуся мнѣ на встрѣчу извознику, который спросилъ съ меня рубль за 1¹/₂ версты и согласился послѣ долгихъ разсужденій везти за 40 копѣекъ.

Билета въ галерею у меня не было. Билеты (безденежные) надобно было получать, какъ замѣтилъ мнѣ господинъ съ торжествомъ державшій билетъ, въ Петербургѣ.... Нечего было дѣлать: я пріютился близъ галереи, вѣтеръ въ это время усилился, и меня начало продувать насквозь. До скачекъ оставался еще часъ.

Однако черезъ четверть часа появился офицеръ съ билетами. Человѣкъ двадцать бросились къ нему съ требованіями.

Онъ у каждаго спрашивалъ:

— Для кого вамъ билетъ?

— Для себя.

— Въ такомъ случаѣ извините. Если для дамы — это другое дѣло.

Я дрожалъ отъ холода и для спасенія жизни рѣшился на обманъ и смѣло подошелъ къ офицеру:

— Позвольте мнѣ билетъ для дамы, сказалъ я, прямо глядя ему въ глаза.

Офицеръ любезно улыбнулся мнѣ и сказалъ:

— Съ большимъ удовольствіемъ.

Я отправился въ галерею отогрѣваться. Половина галереи оказалась пустою. Для чего жъ было такъ дорожить билетами?...

Порядокъ испытанія офицерскихъ лошадей отдѣльнаго гвардейскаго корпуса (какъ сказано въ афишѣ, напечатанной на отличной веленовой бумагѣ; афиши раздавали всѣмъ желающимъ) открылся въ половинѣ двѣнадцатаго ѣздой высшей школы въ нарочно устроенномъ для сего манежѣ противъ царскаго павильона. Изъ галереи ѣзды этой видѣть не было никакой возможности. Говорятъ, первый императорскій призъ получилъ корнетъ кавалергардскаго полка *Гаряиновъ*. Лошадь «Мирза» 8 л. 4 верш. завода Арапова. Кто выѣзжалъ ее, — неизвѣстно.

Въ 12 часовъ прибылъ Государь Императоръ съ Государынею Императрицею и вслѣдъ затѣмъ открылись:

1) Скаковые призы для фронтовыхъ лошадей: легкой кавалеріи, конной артиллеріи и конно-піонеровъ. Состязателей было 8, первый призъ въ 250 р. отъ государственнаго коннозаводства взять полковникомъ уланскаго полка *Дохтуровымъ*. Лошадь «Маргунъ» 7 л. 2½ верш. завода Петровскаго.

2) Скаковые призы для фронтовыхъ лошадей тяжелой кавалеріи. Состязателей было четверо. Первый призъ въ 250 р. отъ государственнаго коннозаводства взялъ корнетъ *Озеровъ*. Лошадь «Веста» 9 л. 4 вершк. завода князя Барятинскаго.

3) Призы для скачки съ препятствіями. Состязателей было 10. Прежде всѣхъ дошла лошадь корнета, графа Воронцова-Дашкова, — «Лаки-Бардъ» (Loosky-Bird), — 2½ верш; привезена изъ Англіи; скакала на ней корнетъ Базилевскій. Но перваго приза лошадь эта, говорятъ, не получила, потому что не перескочила препятствія.

5) Состязаніе съ оружіемъ верхами. Состязаніе это не было продолжительно и не представляло особеннаго интереса.

Наконецъ 6) въ заключеніе были призы для частной двухверстной скачки. Состязателей было 15. Первый призъ въ 450 р. взять —

штабсъ-ротмистромъ уланскаго Его Величества полка *Болдаревымъ*. Лошадь «Желанный» 2³/₄ вершк. завода государ. кон. Чесменскаго.

Скачки окончились около 2 часовъ.

Я отправился къ мосткамъ, устроеннымъ противъ скачекъ по желѣзной дорогѣ. На мосткахъ было уже довольно ожидающей публики: однимъ надо было отправиться въ Петергофъ, другимъ въ Петербургъ. По случаю стеченія публики въ этотъ день, администрація петергофской желѣзной дороги пригласила кондукторовъ съ варшавской желѣзной дороги, которые не знали положительно ни часовъ отправленія, ни порядковъ.... На вопросы: — остановится ли первый поѣздъ, который пойдетъ изъ Краснаго въ Петербургъ, въ Лиговъ? — они отвѣчали утвердительно, что всякій поѣздъ непременно останавливается въ Лиговѣ.

Вслѣдствіе этого всѣ тѣ, которымъ надо было ѣхать въ Петергофъ, доѣхали безъ билетовъ до Краснаго Села, съ поѣздомъ, шедшимъ изъ Петербурга и остановившимся у мостковъ.

Въ Красномъ Селѣ я потребовалъ билетъ до Лигова, спросивъ сначала у кассира, остановится ли поѣздъ въ Лиговѣ; я разсчитывалъ, что я лучше въ Лиговѣ подожду трехъ-часоваго поѣзда, идущаго изъ Петербурга въ Петергофъ. — Кассиръ отвѣчалъ мнѣ положительно, что поѣздъ остановится въ Лиговѣ, и выдалъ мнѣ билетъ до Лигова.

Несмотря на эти увѣренія и на билетъ, выданный мнѣ до Лигова, къ непріятному изумленію всѣхъ, отправлявшихся въ Петергофъ, поѣздъ промчался мимо Лигова и привезъ насъ въ Петербургъ. Слѣдовательно, пространство отъ Лигова до Петербурга, отправлявшіеся въ Петергофъ, проѣхали даромъ.

Дѣлать было нечего: къ счастью, мы поспѣли къ поѣзду, выходящему изъ Петербурга въ 3 часа 40 минутъ.

О вещахъ моихъ я не считалъ нужнымъ справляться на петербургской станціи, будучи увѣренъ, что эти вещи находятся давно въ Петергофѣ у кассира.

Въ 1¹/₂ 5-го я наконецъ достигъ Петергофа и отправился къ кассиру за моими вещами. — Кассира не было. — Я обратился къ кондуктору, который повелъ меня въ кассирскую комнату. Мы обшарили всѣ углы, — вещей моихъ не оказалось.... Тогда кондукторъ отправился на квартиру къ кассиру и черезъ четверть часа возвратился, объявивъ, что кассиръ никакихъ вещей изъ Петербурга на мое имя не получалъ.

Вещи были необходимы мнѣ въ этотъ же день. Надо было спросить по телеграфу: «что стало съ этими вещами?»

Я отправился къ телеграфщику, но онъ оказался въ отсутствіи, и несмотря на всѣ хлопоты кондукторовъ, его не могли сыскать.

Комиссаръ былъ въ Красномъ Селѣ, я не зналъ что дѣлать; но около меня собралось нѣсколько кондукторовъ, которые обѣщали мнѣ непременно доставить мои вещи рано на другой день, если онѣ отыщутся на петербургской станціи.

На другой день я, однако, тщетно ждалъ вещей до 12 часовъ и отправился наконецъ въ Петергофъ для узнанія, какая участь постигла эти вещи.

Вещи были возвращены мнѣ въ цѣлости. Онѣ привезены были на другой день съ 10-часовымъ поѣздомъ изъ Петербурга. Дѣло было очень просто: петербургскій кондукторъ взялъ съ меня деньги, а вещи забылъ отправить....

Эти похождения мои, по случаю скачекъ, я передалъ въ подробности для того, чтобы обратить вниманіе администраціи петергофской желѣзной дороги на нѣкоторыя неисправности, которыя она легко можетъ усмотрѣть изъ моего разсказа.

Намъ кажется, что 1) кондукторы не должны принимать никакихъ вещей отъ пассажировъ, а адресовать въ такихъ случаяхъ пассажировъ къ кассирамъ. Кассиры же должны отвѣчать за исправность доставленія пассажирскихъ вещей — и выдавать имъ контрамарки на отправленные вещи.

2) Телеграфщикъ долженъ неотлучно находиться при телеграфѣ, по крайней мѣрѣ полчаса, или часъ послѣ приѣзда поѣзда.

3) Объявленія въ такихъ исключительныхъ случаяхъ, каковъ былъ 31 іюля, объ отправленіи поѣздовъ должны печататься опредѣленіе и яснѣе, публиковаться заранѣе во всѣхъ ежедневныхъ газетахъ, прибывать въ большомъ количествѣ на всѣхъ станціяхъ и дебаркадерахъ, чтобы не вводить въ сомнѣніе пассажировъ....

Мы надѣемся, что администрація петергофской желѣзной дороги не будетъ сѣтовать на насъ за эти небольшія замѣчанія.

Въ заключеніе нашихъ замѣтокъ скажемъ нѣсколько словъ о журналахъ, преждевременно окончившихъ въ нынѣшнемъ году свое существованіе.

Къ таковымъ принадлежатъ, за исключеніемъ «Паруса» и «Польскаго Слова», прекратившихся по независящимъ отъ редакцій обстоятельствамъ, сколько мы помнимъ :

- 1) «Атеней».
- 2) «Русскій Дневникъ».
- 3) «Весельчакъ».
- 4) «Мода».
- 5) «Гудокъ».

«Атеней», *истощивъ въ борьбѣ съ равнодушіемъ публики*, какъ онъ выражается, *свои скудныя средства*, прекращаетъ свое изданіе единственно по этой причинѣ. Но редакція его принимаетъ на себя *обязанность*, какъ и слѣдуетъ въ такомъ случаѣ всякой честной редакціи, вознаградить *немногихъ* своихъ подписчиковъ за недоданные книжки журнала, или деньгами по расчету, или, кто пожелаетъ, тѣми изданіями, которыя редакція предпринимаетъ, именно — переводомъ одного изъ лучшихъ курсовъ всеобщей исторіи.

Мы искренно сожалѣемъ о преждевременной кончинѣ этого журнала, не лишеннаго нѣкоторыхъ достоинствъ, какъ сознаетъ сама редакція. Дѣйствительно, въ «Атеней» было напечатано много дѣльных и замѣчательныхъ статей; но это былъ не журналъ съ опредѣленнымъ направлениемъ, а періодическій сборникъ, въ которомъ сама редакція обнаруживала очень мало дѣятельности. Не въ этомъ ли заключается причина паденія «Атенея»?

Существованіе «Русскаго Дневника» всегда было ненадежно.... Могъ ли прочно существовать журналъ, составленный единственно изъ смѣси (Faits divers), изъ которой обыкновенно выбирались кое-какія, самыя любопытныя, извѣстія для другихъ газетъ и журналовъ?... Послѣ такой выборки самъ «Дневникъ» становился уже совершенно ненужнымъ. Редакція, приступая къ своему изданію, вѣроятно, не сообразила этого и потому такъ быстро окончилось это необдуманно-затѣянное предпріятіе....

Объявляя о прекращеніи своего «Дневника», редакторъ (г. Мельниковъ, котораго одного публика знала и которому одному довѣряла) говоритъ, что хотя онъ завѣдывалъ въ изданіи одною только литературною частью, *тѣмъ не менѣе* считаетъ своею личною обязанностію (я думаю! Публикѣ вѣдь не объявлены были другіе редакторы) удовлетворить гг. подписчиковъ за недоданные нумера изданія, подъ когорымъ онъ подписывалъ свое имя.

Но г. Мельниковъ не имѣетъ возможности удовлетворить своихъ подписчиковъ *немедленно*. Онъ употребитъ только всѣ свои силы и зависящія отъ него средства, чтобы въ теченіе 1860 года удовлетворить подписчиковъ *посредствомъ* выпуска историческо-статистическихъ сочиненій о Россіи.

Подписавшіеся на второе полугодіе «Дневника» получаютъ свои деньги обратно.

А подписавшіеся на цѣлый годъ, если они не пожелаютъ имѣть выпуска историческо-статистическихъ сочиненій, могутъ ли получить свои деньги за второе несостоявшееся полугодіе обратно?... Это неизвѣстно.

Намъ кажется, что въ такихъ случаяхъ необходима большая опредѣленность и ясность.

Мы, впрочемъ, убѣждены, что г. Мельниковъ удовлетворитъ вполне и какъ слѣдуетъ всѣхъ своихъ подписчиковъ.

Только какіе нибудь «Весельчаки», «Моды», «Гудки», «Общезанимательные Вѣстники», и тому подобныя безграмотныя и пошлыя спекуляціи вдругъ прекращаютъ свои изданія и уже нисколько не заботятся о своихъ подписчикахъ, преспокойно забравъ съ нихъ деньги.... Но какъ же называются такого рода поступки?...

Вышелъ 2-й томъ сочиненій *Бѣлинскаго*. Вотъ его содержаніе.

1836. ТЕЛЕСКОПЪ и МОЛВА. 1) Критика: Ничто о ничемъ или отчетъ издателю «Телескопа» за послѣднее полугодіе (1835) русской литературы.—О критикѣ и литературныхъ мнѣніяхъ «Московского Наблюдателя».—2) Библиографія: Постоялый Дворъ; записки покойнаго Горянова. — О характерѣ народныхъ пѣсень у славянъ задунайскихъ, Юрія Венелина. — Всеобщее путешествіе вокругъ свѣта, составленное Дюмонъ-Дюрвилемъ. — Востолъ или желанія, повѣсть въ стихахъ. — Пѣсни Т. м. ф. а. — Елизавета Кульманъ, фантазія Т. м. ф. а. — Стихотворенія Александра Пушкина. Ч. 4.—Естество міра.—Устроеніе вселенной. — Очертательность естества.—Движимость естества. — Провинціальныя бредни и записки Дормедона Васильевича Прутикова.—Прекрасная астраханка. — Отелло, фантастическая повѣсть Гауфа. — Русская исторія для первоначальнаго чтенія, соч. Н. Полеваго. — Дѣтская книжка на 1835 годъ, сост. Вл. Бурнашевымъ. — Предки Калимероса. — Александръ Филипповичъ Македонскій, соч. Вельтмана.—Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ. Соч. Ксен. Полеваго.—Лѣтопись факультетовъ на 1835 годъ, изд. А. Галичемъ и В. Плаксинымъ.—Стихотворенія Вл. Бенедиктова. — Ночь, соч. С. Темнаго. — Страсть сочинять, водевиль Ѳ. Кони.—Святочные вечера или рассказы моей тетюшки.—О жителяхъ луны.—3) Журнальная всячина: Нѣсколько словъ о «Современникѣ». — Отъ Бѣлинскаго. — Вторая книжка «Современника».

1838. МОСКОВСКІЙ НАБЛЮДАТЕЛЬ. 1) Критика: Гамлетъ, принцъ Датскій, соч. Шекспира, пер. Н. Полеваго.—Полное собраніе сочиненій Фонъ-Визина.—Юрій Милославскій, соч. Загоскина.—2) Библиографія: Литературная хроника.—Невѣста подъ замкомъ, водевиль Н. Соколова. — Библіотека дѣтскихъ повѣстей и рассказовъ. Совѣты для дѣтей. Зимніе вечера. Прогулка съ дѣтьми по

С.-Петербургъ, соч. Бурьянова. — Дѣтскій альбомъ на 1838 г., А. Попова. — Современникъ 1838 г. № 1. — Елена, поэма Бернета. — Стихотворенія Вл. Бенедиктова. — Уголино, драматическое представленіе, соч. Н. Полеваго. — Краткая исторія Франціи, соч. Мишле. — Повѣсти и рассказы Каменскаго. — Турлуру, романъ Поль-де-Кока. Сѣдина въ бороду, романъ, его же. — Повѣсти Евгенія Сю. — Современникъ. Т. X. — Сказки русскія, рассказываемыя Иваномъ Ваненко. — Русскія народныя сказки, собранныя Броницынымъ. — Сочиненія Н. Греча. — Литературныя поясненія, его же. — 3) Журнальная всячина: Литературная тяжба. — Литературное объясненіе. — Журнальная замѣтка. — 4) Театръ: Гамлетъ, драма Шекспира, и Мочаловъ въ ролю Гамлета. — Каратыгинъ на московской сценѣ. — Со-сницкій на московской сценѣ. — Московскій театръ. — Объ артистѣ. Петровскій театръ. — Списокъ книгъ, отзывы о которыхъ, по незначительности ихъ, не вошли въ это собраніе.

Первый томъ изданія Бѣлинскаго весь разошелся съ неслыханною быстротою. Ни одно замѣчательное изданіе послѣдняго времени не имѣло такого успѣха.

Это замѣчательный фактъ, дѣлающій честь русской публикѣ.

Вышли въ Москвѣ первые четыре тома сочиненій Д. В. Григоровича, изданіе г. Солдатенкова. Нѣтъ сомнѣнія, что изданіе сочиненій автора «Антон-Горемыки», «Рыбаковъ» и проч. ожидаетъ блестящій успѣхъ.

Редакція «Современника» получила на дняхъ слѣдующее письмо:

«Въ іюньской книжкѣ «Современника» помѣщенъ критическій отзывъ о сочиненіи Н. А. Миллера-Красовскаго «Основные Законы Воспитанія».

«Почтенный рецензентъ, между прочимъ, выразилъ весьма естественное предположеніе, что авторъ названнаго сочиненія, служащій класснымъ надзирателемъ при Николаевскомъ Гатчинскомъ Сиротскомъ Институтѣ, руководствуется своими педагогическими воззрѣніями при исполненіи служебныхъ обязанностей.

«Это предположеніе, къ счастью, невѣрно: самъ Н. А. Миллеръ-Красовскій можетъ засвидѣтельствовать, что если бы онъ и желалъ, то не имѣлъ бы *никакой возможности* примѣнить «позорныя нелѣпости» своего сочиненія къ воспитанникамъ гатчинскаго института, потому что до этого не допустилъ бы его даже нижеподписавшійся его сослуживецъ, безъ согласія котораго онъ, въ качествѣ класснаго надзирателя при 16—18-ти лѣтнихъ молодыхъ людяхъ, ничего предпринять не можетъ и который всегда со всею откровенностью признавалъ подобныя нелѣпости позорными. Слѣдовательно, «Основные Законы Воспитанія» Н. А. Миллеръ-Красовскій въ теченіе 12 лѣтъ провѣрялъ опытомъ внѣ института, гдѣ, впрочемъ, онъ состоитъ на службѣ менѣе двухъ лѣтъ.

«Редакція «Современника», надѣюсь, уважитъ просьбу: напечатать это объясненіе на страницахъ ея журнала.

П. Цейдлеръ.»

ПОЛИТИКА.

Неосновательность упрековъ, дѣлаемыхъ императору французамъ за Виллафранкскій миръ. Рѣчь императора въ Сентъ-Клау. Негодование во Франціи и Италіи. Напрасныя надежды итальянскихъ патріотовъ. Урокъ для либераловъ.

Въ государствахъ, имѣющихъ судопроизводство съ адвокатами, когда дѣло какого нибудь господина, подлежащее судебному рѣшенію, слишкомъ неблагоприятно, ни одинъ адвокатъ не соглашается защищать его; но «никто не долженъ оставаться безъ защитника», потому назначается въ этихъ случаяхъ самимъ президентомъ суда *defenseur d'office*, «защитникъ по предписанію». Ни онъ самъ, ни одинъ человѣкъ изъ публики не надѣется, чтобы его старанія увѣнчались оправданіемъ обвиненнаго, но все-таки онъ усердно исполняетъ свою неблагодарную обязанность, и общество тѣмъ выше чтитъ его самоотверженные труды, чѣмъ очевиднѣе ихъ напрасность.

На какое же глубокое уваженіе имѣемъ право разсчитывать мы, добровольно, безъ всякаго приказанія, даже наперекоръ многочисленнымъ предостереженіямъ холодныхъ, благоразумныхъ людей, взявшіе на себя обязанность быть постояннымъ *defenseur d'office* всѣхъ дѣлъ, единогласно признающихъ неимѣющими извиненія! Сколько намъ помнится, примѣровъ такого гражданскаго геройства не видѣлъ міръ съ той поры, когда г. Гречъ защищалъ г. Булгарина противъ Пушкина, злонамѣренно отрицавшаго правдивое увѣреніе г. Булгарина, что лучшія мѣста въ «Евгеніѣ Онѣгинѣ» заимствова-

ны изъ «Ивана Выжигина». Но и самъ г. Гречъ только однажды въ свою долготѣнную жизнь отважился совершить такой подвигъ, да и то больше по дружбѣ; а мы въ теченіе какого нибудь полугода совершили ихъ уже десятки. Кого и чего только не защищали мы изъ безвозвратно всѣми осуждавшихся лицъ и дѣлъ! Мы защищали многое и многихъ, даже повара, поселяющаго раздоры между мужемъ и женою за обѣденнымъ столомъ, и наконецъ, — что требовало наибольшей дозы мужества, — защищали австрійцевъ *in natura*, цѣликомъ, гуртомъ, безъ всякой очистки и исключеній....

Зная такое наше самоотверженное геройствованіе, читатель предугадываетъ, что теперь мы должны покинуть на время всѣхъ этихъ мелкихъ кліентовъ, чтобы посвятить всѣ наши способности защитѣ лица, далеко превосходящаго ихъ всѣхъ вмѣстѣ влияніемъ на ходъ событій въ такъ называемомъ цивилизованномъ мірѣ. Все просвѣщенное человѣчество жестоко порицаетъ теперь императора Французовъ за миръ, заключенный съ австрійцами будто бы слишкомъ преждевременно и будто бы неоправдывающій надеждъ, несоотвѣтствующій цѣлямъ, для которыхъ была начата война. Въ прошедшій разъ мы лишь слегка коснулись этого предмета и, къ сожалѣнію, сами выразили нѣкоторое недовольство.... Что дѣлать? — всѣ люди, всѣ могутъ заблуждаться; но сознаніемъ ошибки искупается половина ея, а другая половина ея можетъ быть легко намъ извинена въ томъ соображеніи, что и самъ императоръ Французовъ на первый разъ былъ смущенъ всеобщностью возбужденнаго имъ неудовольствія. Возвращаясь изъ Италіи, онъ не хотѣлъ вѣзжать въ Парижъ: онъ зналъ, какой холодный пріемъ найдетъ онъ въ своей столицѣ, — онъ укрылся отъ публики въ Сенъ-Клу, и рѣчь, произнесенная имъ въ отвѣтъ на поздравленія «великихъ государственныхъ корпорацій», лишена самодовольства, которымъ отличались всѣ прежнія рѣчи его; онъ оправдывается, онъ извиняется. «Я прекратилъ войну, говоритъ онъ, потому что она становилась слишкомъ затруднительна. Приходилось осаждать Мантую и Верону, — это предпріятіе трудное; но трудность предпріятія не поколебала бы моей рѣшимости и не оставила бы стремленіе моей арміи (продолжаетъ императоръ Французовъ), если бы средства не были непропорціональны съ результатами, которыхъ предстояло достигъ. Надобно было рѣшиться отважно разрушить препятствія, противопоставлявшіяся нейтральными территориями и въ такомъ случаѣ принять войну не на одномъ Адидже, но и на Рейнѣ. Надобно было повсюду открыто подкрѣпляться пособіемъ революціи. Итакъ, я остановился не по утомленію или изнуренію, и не потому, чтобы покинулъ благородное дѣло, которому хотѣлъ служить, но потому, что въ моемъ сердцѣ говорило нѣчто еще

высшее, — интересъ Франціи. Скажите, развѣ не тяжело было мнѣ удержать пылкость солдатъ, экзальтированныхъ побѣдою, сильнѣйшимъ желаніемъ которыхъ было—идти впередъ? Скажите, развѣ не тяжело было мнѣ формально, передъ лицомъ Европы выпустить изъ моей программы территорію, лежащую между Минчіо и Адриатическимъ моремъ? Скажите, развѣ не тяжело было мнѣ видѣть, что разрушаются въ честныхъ сердцахъ благородныя иллюзіи, исчезаютъ патріотическія надежды? Служа дѣлу итальянской независимости, я велъ войну противъ желанія Европы; но едва настала минута, когда судьбы моей страны могли быть въ опасности, я заключилъ миръ».

Читатель, привыкшій къ дипломатической манерѣ, легко переведетъ эти фразы на обыкновенный языкъ. «Средства были непропорціональны съ результатомъ»—это значитъ: «я увидѣлъ, что не въ силахъ исполнить своего обѣщанія». — «Надобно было принять войну не на одномъ Адидже, но и на Рейнѣ» — это значитъ: противъ Франціи составлялась коалиція, то есть исполнялось предсказаніе орлеанистовъ—республиканцевъ, высказавшихъ еще до начала войны черезъ «*Journal des Débats*» и черезъ Жюля Фавра, что Европа возстанетъ противъ Франціи, и императорская Франція должна будетъ отступить передъ коалиціею. «Я остановился не по изнуренію и не потому, чтобы покинулъ благородное дѣло, которому хотѣлъ служить»—это значитъ: «я не могу не сознаться, что почти все думаютъ иначе». — «Хотѣлъ служить»—эта фраза доказываетъ невозможность просто сказать «служилъ», то есть, самъ императоръ французовъ не отважился сказать, что дѣйствительно оказалъ услуги дѣлу итальянской независимости. «Развѣ не тяжело было мнѣ удерживать пылкость солдатъ» и т. д.—это признаніе въ томъ, что армія была не довольна миромъ. — «Развѣ не тяжело было мнѣ передъ лицомъ Европы выпустить изъ моей программы территорію, лежащую между Минчіо и Адриатическимъ моремъ?»—это значитъ: «вся Европа говоритъ, что Італія не удовлетворена мною». — Какое же извиненіе представляется всему этому? — «Судьбы моей страны могли быть въ опасности»—это значитъ: «Франція подверглась бы вторженію иностранцевъ; то есть, самъ императоръ французовъ опять подтверждаетъ мысль Жюля Фавра, что императорская Франція была безсильна передъ опасностями, сопряженными съ итальянскою войною».

«Скажите, развѣ не тяжело мнѣ было»—три раза повторяетъ Луи-Наполеонъ въ порывѣ чувства. Дѣйствительно, тяжело было ему, до сихъ поръ говорившему только о своей безошибочности и полномъ достиженіи своихъ цѣлей, сознаваться въ томъ, что онъ принужденъ былъ отступить, что Европа видѣла его отказывающимся отъ своей программы; еще тяжеле было признаваться, что въ

арміи пробуждено недовольство; еще затруднительнѣе была необходимость говорить народу, столь гордому своею силою, какъ французы, что они должны бояться иностраннаго вторженія. Неловкость такихъ признаній и вразумленій очевидна; что же могло заставить императора французовъ говорить вещи, столь невыгодныя для него самого?

Отвѣтъ одинъ: негодованіе, овладѣвшее Франціею, Италіею и всею Европою при извѣстіи объ условіяхъ Виллафранкскаго мира, было такъ сильно, что даже Наполеонъ III смутился, и въ смущеніи хватался за всякія мысли, которыя могли быть представлены въ извиненіе миру, не разбирая того, какъ подѣйствуютъ эти мысли на гордость французской націи. Конечно, онъ не предвидѣлъ, что негодованіе будетъ такъ сильно; заключая миръ, онъ надѣялся, что ему можно будетъ говорить: «Виллафранкскій трактатъ освободилъ Италію», и объяснить свою предшествовавшую войнѣ прокламацію въ томъ самомъ смыслѣ, какой мы при самомъ ея появленіи читали въ ней между строкъ, наполненныхъ сильными обѣщаніями (См. «Современникъ», № V), такъ, чтобы она представлялась совершенно и даже съ излишкомъ выполненною условіями мира. Но неразумные люди, неумѣющіе, подобно намъ, понимать красоту дипломатическаго языка, имѣли неосторожность принять въ буквальный смыслъ фразу прокламаціи: «Италія должна быть свободна отъ Альпъ до Адриатическаго моря» и даже имѣли безумство забыть изъ-за этой одной фразы обо всемъ остальномъ содержаніи прокламаціи; потомъ, когда фраза эта не исполнилась по условіямъ мира въ грубомъ матеріальномъ смыслѣ, какой они ей придавали, они подняли съ нею такой крикъ, котораго ничѣмъ невозможно было заглушить: «Италія должна была освободиться до Адриатическаго моря! Вы сами это говорили! До Адриатическаго моря, припомните ваши обѣщанія! Они не сдержаны!» и т. д. — Вотъ этотъ оглушительный крикъ незнакомыхъ съ дипломатическимъ языкомъ людей, неумѣно вообразившихъ себя обманутыми, — вотъ онъ-то и смутилъ Луи-Наполеона, неждавшаго такой неблагоприятности. Въ смущеніи онъ, какъ мы видѣли, думалъ лишь о томъ, какъ бы набрать побольше извиненій.... Но слова, произносимыя человекомъ смущеннымъ, не всегда могутъ быть вполне удачны, и мы принимаемъ рѣчь императора французовъ только какъ свидѣтельство о состояніи духа, въ которое повергнуть былъ онъ неудовольствіемъ неразумныхъ людей, а вовсе не какъ изложеніе фактовъ, подтверждающее повѣрку. Дѣйствительно, Луи-Наполеонъ въ своемъ разстроенномъ расположеніи духа сказалъ много такого, чего самъ не захотѣлъ бы признать, не только сказать въ спокойномъ состоя-

ніи души. Мы попробуемъ исправить эти ошибки, отстраненіе которыхъ пужно для исполненія задачи, взятой нами на себя, для оправданія императора Французовъ, неосновательно осуждаемаго теперь людьми, одобрявшими его за три или четыре мѣсяца передъ тѣмъ. Когда обвиняемый скажетъ по неосторожности или взволнованности что нибудь невыгодное для самого себя, обязанность адвоката требуетъ доказать судьямъ, что этихъ словъ не должно слушать, не должно основывать на нихъ никакихъ заключеній къ невыгодѣ обвиняемаго, потому что онъ ошибся, говоря ихъ. Такъ обязаны поступить и мы.

Война становилась трудна, говоритъ Наполеонъ III: «мнѣ приходилось атаковать съ фронта непріятеля, ставшаго въ окопахъ, за великими крѣпостями, защищеннаго отъ всякой диверсіи съ фланговъ нейтральностью территорій, окружавшихъ его; и начиная долгую и бесплодную войну осадъ, я находилъ передъ собою вооруженную Европу, готовую оспаривать наши успѣхи или усугублять наши неудачи.» Далѣе опять: «надобно было рѣшиться отважно разрушить препятствія, противопоставлявшіяся нейтральными территоріями, и въ такомъ случаѣ принять войну не на одиомъ Адидже, но и на Рейнѣ».

Адвокатъ не можетъ оставить судей въ неблагопріятномъ для обвиняемаго заблужденіи, производимомъ этими словами. Въ нихъ больше неосторожной заботливости о многочисленности извиненій, нежели хладнокровной обдуманности.

«Атаковать съ фронта непріятеля, защищеннаго отъ всякой диверсіи съ фланговъ;» — если бы и такъ, остается кромѣ фланговъ еще тылъ, ровно ничѣмъ не защищенный; и мы говорили въ прошедшій разъ, что уже готовилась высадка на венеціанскомъ берегу для атаки съ тыла. Это рѣдкое счастье давало полководцамъ возможность занять его, а Наполеонъ III имѣлъ полную свободу пользоваться имъ. Да и выраженіе «съ фланговъ» опять неточно: съ праваго своего фланга австрійцы были дѣйствительно защищены тѣмъ, что нужно было бы тутъ проходить черезъ ихъ области, принадлежащія къ нынѣшнему союзу, который могъ обидѣться этимъ; но съ лѣваго, горнаго фланга чѣмъ они были защищены? Нейтральностью папскихъ владѣній? Неужели Европа серьезно увидѣла бы нѣчто особенное въ проходѣ французскихъ войскъ по этимъ землямъ, по которымъ съ полною свободою расхаживали австрійцы во время войны? Область, открытая войскамъ одного изъ противниковъ, открыта войскамъ другого, — сердиться на это никто не можетъ. Притомъ, развѣ и французы уже давнымъ давно не занимали войсками папскихъ владѣній? Итакъ о нейтральности этихъ земель нечего говорить:

она не служила препятствіемъ. Такимъ образомъ непріятель защищенъ былъ только съ одного фланга, а не «съ фланговъ»; нападать на него можно было не съ одного фронта, а съ фронта, съ лѣваго фланга и съ тыла — какое великолѣпное положеніе для атакующаго! Ни одному изъ великихъ полководцевъ новаго времени не давалась такая громадная выгода, достававшаяся Наполеону III. До тѣхъ поръ, союзники тѣснили непріятеля только съ фронта; теперь могли тѣснить его съ трехъ сторонъ. Въ этомъ отношеніи, война становилась для нихъ не труднѣе, а гораздо легче прежняго.

«Приходилось атаковать непріятеля, ставшаго за великими крѣпостями, — начинать долгую и бесплодную войну осады.» Во-первыхъ, замѣтимъ повтореніе прежней неточности въ употребленіи единственного и множественнаго чиселъ: «войну осады» (*guerre de sièges*), — «за великими крѣпостями». Мы уже говорили въ прошлый разъ, что дѣйствительную важность представляла только одна осада только одной крѣпости, Вероны. Пескъера и Леньяно вовсе не важны, и лишались всякой силы, будучи уже отрѣзаны одна отъ другой и отъ Мантуи, а Мантую не было надобности ни брать, ни осаждать: довольно было блокировать отдѣльнымъ обсервационнымъ корпусомъ это болотное логовище, выйти изъ котораго такъ же трудно, какъ и войти въ него. Итакъ, надобно было говорить не объ «осадахъ», а объ «осадѣ», не о «крѣпостяхъ», а о «крѣпости». Пусть бы только числа смѣшивались; но имена прилагательныя также навлекаютъ на себя упрекъ за неправильность: «мнѣ слѣдовало начинать долгую и бесплодную войну осады». — Почему же «долгую» и «бесплодную» (*stérile*)? Мы видѣли въ прошлый разъ, что осада Вероны (объ остальныхъ трехъ крѣпостяхъ не станемъ говорить) не могла быть продолжительна: какимъ образомъ укрѣпленія, рассчитанныя для обороны противъ слабаго дѣйствія прежнихъ орудій, могли бы долго противиться страшнымъ нарѣзнымъ пушкамъ, которыя въ осадѣ, въ разрушеніи стѣнъ находятъ самое блистательное употребленіе себѣ? Онѣ стрѣляли бы съ такихъ дистанцій, до которыхъ не беретъ крѣпостная артиллерія, и она должна была бы молчать, стѣны являлись бы все равно, что лишенными орудій; нарѣзные батареи стрѣляли бы по этимъ безотвѣтнымъ стѣнамъ съ пунктовъ, господствующихъ надъ крѣпостью, — какъ же тутъ могла быть осада «долгою»? На какомъ основаніи она могла быть «бесплодна», — это ужъ рѣшительно непонятно. Быстрое отнятіе у непріятеля пунктовъ, на которыхъ опирается его стратегическое значеніе въ Италіи, конечно было бы дѣйствіе не бесплодное, а самое богатое послѣдствіями, въ тысячу разъ болѣе важное, нежели всѣ побѣды при Маджентѣ и Сольферино.

Но пусть осада Вероны была бы «долга» и «безплодна», — неужели полководецъ, выказавшій умѣнье пользоваться новыми идеями науки, могъ не знать, что со временъ его дяди крѣпости перестали считаться неизбѣжными остановками на пути арміи, побѣдившей въ открытомъ полѣ? Нынѣ крѣпость осаждаютъ только тогда, если не хотятъ заняться ничѣмъ инымъ, кромѣ ея осады; а если армія имѣетъ какое нибудь другое назначеніе, она идетъ мимо крѣпости, оставляя только корпусъ для наблюденія за нею.

«Я находилъ передъ собою вооруженную Европу»; далѣе: «на-добно было принять войну не на одномъ Адидже, но и на Рейнѣ». — «Европу», — но развѣ вся Европа готовилась воевать съ Франціею? Россія была далека отъ этой мысли. Англія дѣйствительно вооружалась; но каждому извѣстно, что она думала только о собственной защитѣ и никогда не хотѣла вмѣшиваться въ войну, если не принудить ея къ тому сама Франція. Нынѣшнее министерство было очень далеко отъ сочувствія австрійцамъ. Первымъ дѣломъ его было пріостановить вооруженія, производившіяся торійскимъ министерствомъ; не только само оно не хотѣло вступаться за Австрію, — оно сильнѣйшимъ образомъ совѣтовало и Пруссіи не ввязываться въ это дѣло. Итакъ, вмѣсто громкаго слова «Европа» надобно поставить только «Германія». » Германія дѣйствительно вооружалась. Но во-первыхъ, чтò было причиною вооруженій, предназначавшихся ею противъ Франціи? Никакъ не собственная охота, а только распоряженія самого императора французовъ. Зачѣмъ онъ первый составилъ «восточную армію», явно угрожавшую Германіи? Зачѣмъ онъ, назначивъ командиромъ этой арміи знаменитѣйшаго изъ французскихъ генераловъ, маршала Пелиссэ, заставилъ Германію и всю Европу думать, что войну въ Италіи хочетъ сдѣлать только предлогомъ, началомъ, диверсіею для войны на Рейнѣ? Если Германія вооружалась, это было только отвѣтомъ на произвольныя угрозы самой Франціи. Но все равно, кѣмъ бы ни была принуждена Германія къ вооруженіямъ. Извѣстно, что Германія безъ Пруссіи ровно ничего не значитъ, а Пруссія до послѣдней минуты вовсе не имѣла охоты помогать австрійцамъ. Даже въ то время, когда ея предполагаемое вмѣшательство послужило императору французовъ предлогомъ къ заключенію мира, она предлагала Австріи помириться съ Франціею на условіяхъ, гораздо болѣе выгодныхъ для Италіи, нежели каковы условія, составленныя самимъ императоромъ французовъ. По всему было очевидно, что Пруссія вооружается противъ собственной воли, принуждаемая къ тому только желаніями мелкихъ юго-западныхъ нѣмецкихъ государствъ, что вооруженія служатъ только маскою для ихъ успокоенія, что она рѣшилась до послѣдней крайности удерживаться отъ

войны, а если бы когда (когда, — еще не было и видно, такъ далеко была возможность войны) и начала ее, то безъ всякаго усердія, только для формы, въ родѣ того, какъ въ 1812 году она и Австрія вели войну противъ Россіи, или Россія въ 1809 году противъ Австріи. Такіе враги, выставляющіе войско только для формы, а въ душѣ нимало не желающіе помогать своему мнимому союзнику, котораго ненавидятъ, пораженія которому желаютъ, вовсе не опасны. Но все равно, — положимъ, что Германія начала бы воевать серьезно, а не только для соблюденія формы. Ея вооруженія въ началѣ іюля были еще такъ неполны, что она могла начать войну не раньше, какъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ. Чего нельзя было сдѣлать въ эти мѣсяцы! Можно было не только взять цѣлый десятокъ Веронъ, можно было взять самую Вѣну, — и если дѣйствительно грозила война на Рейнѣ, то уже никакъ не одновременно съ войною на Адидже. Австрійцы были бы давно прогнаны далеко за Тальяменто, пожалуй, за Дунай, къ тому времени, какъ нѣмцы собрались бы воевать на Рейнѣ. Но пусть успѣхи противъ австрійцевъ были бы и не такъ быстры, какъ слѣдовало ожидать, а нѣмцы начали бы войну раньше, чѣмъ казалось вѣроятнымъ, пусть бы даже и не взята была Верона, все-таки Франціи уже не было надобности бороться въ одно время противъ двухъ враговъ: если бы открылась война на Рейнѣ, она могла передвинуть туда всѣ свои силы, предоставивъ Адидже и Верону однимъ итальянцамъ. Въ самомъ дѣлѣ, если итальянцы въ апрѣлѣ были слишкомъ слабы, чтобы устоять противъ австрійцевъ, въ августѣ они легко могли считать у себя больше силъ, нежели у враговъ, если бы имъ хотя только за двѣ, за три недѣли дано было отъ союзника позволеніе развивать свои силы безпрепятственно. Сардинская армія имѣла 100,000; Ломбардія давала ей по крайней мѣрѣ 50,000; Тоскана имѣла 20,000 и хотѣла имѣть болѣе 30,000; Гарибальди требовалъ только ружей, чтобы имѣть столько же, если не больше; Парма и Модена давали 10,000; Легатства имѣли 20,000, — итого, 240,000 человекъ чисто итальянскаго войска было наготовѣ. Австрійцы не могли имѣть въ Италіи больше, и, какъ мы говорили въ прошлый разъ, уже приближалось время, когда съ каждымъ днемъ тысячи изъ этихъ солдатъ должны были уходить изъ—подъ австрійскихъ знаменъ подъ свои родныя, венгерскія или славянскія, знамена, враждебныя австрійцамъ. А итальянскія силы быстро увеличивались бы, росли бы съ каждымъ днемъ. Итакъ вопросъ разрѣшался очень легко: если нужны Франціи войска на Рейнѣ, она выводитъ всѣ свои войска изъ Италіи, — итальянцы и одни уже могли выдерживать борьбу съ австрійцами на первый мѣсяцъ, на второй были сильнѣе ихъ, а на третій австрійская армія въ Италіи исчезала!...

Къ чему же говорить о необходимости французамъ выдерживать войну на Адидже и Рейнѣ, когда они могли спокойно оставить Италію защитѣ самихъ итальянцевъ, и сосредоточить свои силы исключительно на Рейнѣ? Зачѣмъ же было пугаться войны съ Германією, если бы даже эта война въ самомъ дѣлѣ была близка, — чего еще не было, — и серьезна, — чего никакъ не слѣдовало предполагать? Неужели Франція не въ силахъ защитить свои границы отъ нѣмцевъ? Это что-то неслыханное. Неужели Ганноверъ и Баварія могутъ завоевать Францію? Ганноверъ и Баварія, говоримъ мы, потому что Пруссія, даже въ случаѣ начатія войны, никакъ не хотѣла вести войну наступательную. Зачѣмъ обманывать себя страшными призраками? Развѣ не было извѣстно, какой характеръ должна была имѣть война на Рейнѣ по непремѣнному плану Пруссіи (если только Пруссія не успѣла бы удержать Германію отъ войны)? Нѣмецкій Союзъ выставлялъ бы армію для защиты Рейна, и только всего; если бы французы не захотѣли нападать, армія эта не тронула бы ихъ волоскомъ. Какая же «опасность» грозила «судьбамъ Франціи», какая «несоразмѣрность» могла существовать «между ея средствами и результатами», стремленіе къ которымъ было провозглашено при началѣ войны?

Мы были обязаны разсѣять неблагоприятный для императора французовъ взглядъ на положеніе дѣлъ, предшествовавшее миру, и для достиженія этой цѣли должны были обнаружить неточности, находившіяся въ его рѣчи. Теперь читатель знаетъ, что продолженіе войны не угрожало ровно никакими опасностями для «судебъ Франціи», стало быть не существовало и причины, которою извинялось бы согласіе императора на неудовлетворительныя условія; а изъ этого надобно заключать, что условія мира были очень удовлетворительны — иначе онъ не согласился бы на нихъ. Именно такъ и говоритъ президентъ законодательнаго корпуса, Морни. Послушайте, какою славою покрываетъ императора французовъ этотъ миръ:

«Государь,

«Въ три мѣсяца сколько чудесъ!

«Когда война была объявлена, мы не имѣли ни одного солдата въ Италіи. Австрія тамъ обладала многочисленною армію въ страшныхъ позиціяхъ, давно ею изученныхъ. Ея притязательное вліяніе тяготѣло надъ всѣми итальянскими правительствами. Черезъ нѣсколько дней, пять побѣдъ, непрерывно слѣдовавшихъ одна за другою, прибавили славнѣйшую страницу къ нашей военной исторіи, и политическая цѣль, вами предположенная, была достигнута.

«Но прекраснѣйшая изъ всѣхъ побѣдъ — та, которую вы одержали надъ самимъ собою. Въ упоеніи торжества вы явились непріателемъ столь же великодушнымъ, сколь вѣрнымъ и безкорыстнымъ

союзникомъ; окруженный побѣдоносными и воспламененными солдатами, вы думали только о сохраненіи драгоцѣнной ихъ крови. Вы возвратили Италіи истинную свободу, освободивъ ее отъ деспотизма и воспретивъ ей революціонные пути.

«Я знаю, государь, что выражая эти чувства я служу органомъ законодательнаго корпуса.»

Вотъ человѣкъ, понимающій, что и какъ надобно говорить. Мы охотно отдаемъ его взгляду на характеръ мира предпочтеніе передъ понятіемъ самого Наполеона. «Политическая цѣль, вами предположенная, государь, достигнута» — говоритъ онъ. Да, вполнѣ достигнута. Въ самомъ дѣлѣ, что было цѣлью войны? — Освобожденіе Италіи. Ну-съ, Италія теперь получила свободу, по словамъ того же Морни, — даже нѣчто лучшее, нежели просто свободу: она получила «истинную свободу.» Прекрасно, мы этому вполнѣ вѣримъ и очень рады.

Безъ всякаго сомнѣнія, самъ императоръ французовъ, когда успокоится отъ первоначальнаго смущенія, увидитъ, что онъ заблуждался, признаваясь, будто измѣнилъ своей программѣ и не освободилъ Италіи, и что Морни былъ совершенно правъ, называя его основателемъ «истинной свободы» въ Италіи. Трудно не согласиться съ Морни, — такъ правдивы всѣ его слова. Особенно удачно выраженіе: «вы явили себя вѣрнымъ союзникомъ.» Правда, миръ съ Австріею былъ заключенъ отдѣльно, безъ участія Сардиніи, безъ воли или лучше врозь воли сардинскаго короля и его министра, — но чтожъ за важность? Неужели, въ самомъ дѣлѣ, императоръ французовъ обязанъ церемониться съ такимъ небольшимъ государствомъ, какъ Сардинія?

Ободраемые мужественными словами Морни, — «мужественными», говоримъ мы, потому что нуженъ совершенно особенный, такъ сказать, спартанскій закалъ души для изреченія раздраженной Европѣ столь упорно отвергаемыхъ ею истинъ о характерѣ Виллафранкскаго мира, — ободраемые мужественнымъ примѣромъ Морни, столь извѣстнаго непоколебимою приверженностью къ правдѣ, мы осмѣлимся изложить теперь читателю, безъ всякой утайки, нашъ взглядъ на характеръ послѣдней войны и связанныхъ съ нею событій. До сихъ поръ мы высказывали его только на-половину, боясь слишкомъ раздражить людей съ «благородными иллюзіями», по выраженію императора французовъ. Теперь, подъ щитомъ благороднаго Морни, мы становимся отважнѣе. Надѣмся, что читатель, если согласится съ этимъ взглядомъ, перестанетъ винить императора французовъ и признается, что онъ не могъ дѣйствовать иначе, нежели какъ дѣйствовалъ.

Нынѣ очень много говорятъ о національностяхъ. Но какъ ни сильны симпатіи и антипатіи, возникающія изъ нихъ, еще сильнѣе чувства, внушаемыя каждому его личными выгодами и потребностями. По выгодамъ, все европейское общество раздѣлено на двѣ половины: одна живетъ чужимъ трудомъ, другая своимъ собственнымъ; первая благоденствуетъ, вторая терпитъ нужду. Это раздѣленіе общества, основанное на матеріальныхъ интересахъ, отражается и въ политической дѣятельности. Есть люди, въ которыхъ умственное и нравственное развитіе достигаетъ такой силы, что видъ несправедливости и беззаконія мучитъ ихъ; они желаютъ преобразований, но потребность эта, ощущаемая и массою народа — только въ матеріальномъ примѣненіи къ вопросу о распредѣленіи продуктовъ труда и средствъ къ производительному труду (земля, капиталъ), сознается ими въ размѣрѣ болѣе обширномъ. Они находятъ, что для поддержки справедливыхъ отношеній по имуществу, нужны разныя гарантіи въ гражданскихъ правахъ. Само собою разумѣется, что сами по себѣ такіе люди не очень сильны: ихъ мало; но они желаютъ того, что нужно для благосостоянія массы, и естественно стараются опереться на нее, растолковать ей, какимъ образомъ можетъ она пріобрѣсти то, чего ищетъ. Но реформы, нужныя для массы, противны выгодамъ людей, благосостояніе которыхъ связано съ нынѣшнимъ порядкомъ вещей. Они понимаютъ, что поддержать его можно только отнятіемъ у реформаторовъ возможности дѣйствовать на массу. Такимъ образомъ, консерваторы принуждены обращаться въ реакціонеровъ и обскурантовъ, чтобы охранить свои выгоды отъ гибельнаго для нихъ союза реформаторовъ съ массою. При такомъ положеніи дѣлъ, реформаторы, смотря по различію темпераментовъ, привязанности къ своимъ идеямъ и провицательности, раздѣляются на двѣ партіи. Одни, видя что горсть людей, пользующихся нынѣшнимъ положеніемъ вещей, задерживаетъ всѣ ихъ усилія, и сама имѣетъ силу управлять общественными дѣлами, какъ ей угодно, думаютъ, что надобно убѣдить этихъ людей дѣйствовать иначе и содѣйствовать тѣмъ цѣлямъ, какія имѣютъ въ виду они, реформаторы. Къ этому разряду въ обыкновенныя времена принадлежитъ огромное большинство реформаторовъ. Другіе находятъ, что краснорѣчіе и правда безсильны надъ человѣкомъ, когда противны его выгодамъ, и потому объявляютъ, что никакими доводами нельзя людей, находящихся свою выгоду въ реакціи и обскурантизмѣ, обратить въ друзей прогресса, и что прогрессисты должны стоять къ такимъ людямъ въ одномъ неизмѣнномъ отношеніи, въ отношеніи непримиримой вражды; это революціонеры. Реформаторы, надѣящіеся обратить реакціонеровъ въ прогрессистовъ, думаютъ, что именно только

вражда революціонеровъ, а не инстинктъ собственныхъ выгодъ составляетъ реакціонеровъ противъ реформъ, и за то преслѣдуютъ революціонеровъ, какъ людей вредныхъ дѣлу реформы. Этихъ реформаторовъ, проповѣдующихъ вражду противъ революціонеровъ, назовемъ хоть модерантистами, по выраженію конца XVIII вѣка.

Читатель вѣроятно будетъ такъ деликатенъ, что не станетъ спрашивать, какаѣ изъ этихъ трехъ партій болѣе нравится намъ, — а если бы онъ сталъ требовать отвѣта на такой вопросъ, мы были бы поставлены въ самое щекотливое положеніе, потому что отвѣтъ нашъ очень компрометировалъ бы нашу репутацію «въ настоящее время, когда»....—Въ настоящее время, когда каждый стыдится называть себя человѣкомъ нелиберальнымъ, врагомъ реформы и прогресса, мы принуждены были бы сказать, что всего выгоднѣе намъ съ вами обоимъ, читатель, примкнуть къ партіи реакціонеровъ и обскурантовъ: они люди самые надежные и основательные. Да и какое мнѣ дѣло до пользы другихъ? Было бы мнѣ тепло, и чужой голодъ не ощущается моимъ желудкомъ. Что же касается такъ называемыхъ высшихъ стремленій и благородныхъ, безкорыстныхъ потребностей, — самое вѣрное дѣло: не вѣрить серьезности ихъ ни въ другихъ, ни въ самомъ себѣ, а смотрѣть на нихъ, какъ на праздную игру въ слова, бросаемую при первомъ столкновеніи съ положительными личными выгодами!

А впрочемъ, какъ хотите. Бываютъ на свѣтѣ люди, служащіе исключеніемъ изъ общаго правила, — люди, которымъ чужое горе щемитъ сердце такъ же мучительно, какъ свое личное горе; люди, которые не могутъ чувствовать себя счастливыми, когда знаютъ, что другіе несчастны. Быть можетъ, вы изъ такихъ людей; ну, тогда поступайте, какъ велитъ вамъ ваша честная натура. Но во всякомъ случаѣ, не забывайте одного: одной честности мало для того, чтобы быть правымъ и полезнымъ; нужна также послѣдовательность въ идеяхъ. — Если вы приняли принципъ, не отступайте передъ его послѣдствіями; нужна прежде всего разсудительность во взглядѣ на стремленія другихъ, иначе васъ обманутъ и употребятъ орудіемъ на совершеніе самыхъ нечистыхъ дѣлъ, хотя бы вы были чистѣйшимъ человѣкомъ. Эта разсудительность первымъ своимъ правиломъ ставитъ: словъ не слушай, а смотри на дѣла и на то, въ чемъ состоятъ потребности человѣка, и ввѣряйся только тому, который смотритъ на міръ такими же глазами, какъ ты, только тому, у котораго потребности одинаковы съ твоими. Довѣрчивость ко всякому чаще всего губила доброе дѣло.

Но все это отступленіе, какъ мы теперь замѣчаемъ, совершенно лишнее. Кому нужно наше мнѣніе? Мы обязаны только излагать

факты, предоставляя читателю самому судить о фактахъ, какъ ему угодно.

Итакъ, мы сказали, что по всему матерiku Западной Европы общество въ тѣсномъ смыслѣ слова, — сословія, участвующія до нѣкоторой степени въ просвѣщеніи и благосостояніи, — распадается на три партіи: реакціонеровъ, модерантистовъ и революціонеровъ. Каждый примыкаетъ къ той или другой партіи, смотря по своимъ личнымъ потребностямъ; такимъ образомъ, связь по принадлежности къ одной и той же партіи гораздо крѣпче, нежели связь по національности, а вражда по различію партій — выше недоверія, внушаемаго иноземцами. По всему матерiku Западной Европы реакціонеры составляютъ нѣчто въ родѣ стариннаго Мальтійскаго ордена, въ которомъ были люди всѣхъ національностей и всѣ стояли другъ за друга, и всѣ стояли за свой орденъ. Точно тоже и модерантисты, и революціонеры. Кавуръ, напримѣръ, бывшій представителемъ итальянскихъ модерантистовъ возбуждалъ въ сердцѣ каждого французскаго модерантиста, (напримѣръ, орлеаниста) гораздо больше симпатіи, нежели французъ реакціонеръ, и случись, напримѣръ, столкновеніе между Кавуромъ и Морни (реакціонеромъ), каждый орлеанистъ пожелалъ бы побѣды Кавуру и сталъ бы помогать ей всѣми средствами, какія можетъ принять. Наоборотъ, Кавуръ и Маццини были другъ отъ друга гораздо дальше, нежели, напримѣръ, Кавуръ отъ французскихъ орлеанистовъ или Маццини отъ французскихъ революціонеровъ.

Партій, мы сказали, три. Но борьба требуетъ только двухъ лагерей: собственно борьбу ведутъ между собою только двѣ изъ трехъ партій, болѣе сильныя, а третья должна примыкать къ одной изъ нихъ на то время, пока онѣ вмѣстѣ одолѣютъ третью, чтобы уже потомъ раздѣлаться между собою. Изъ шести возможныхъ тутъ сочетаній, каждое случилось въ дѣйствительности. Напримѣръ, легитимисты (реакціонеры) во Франціи при Луи-Филиппѣ поддерживали республиканцевъ; въ первой половинѣ 1848 года они поддерживали партію умѣренныхъ противъ ультра-республиканцевъ. Модерантисты (орлеанисты) поддерживали во Франціи въ 1849 году реакціонеровъ (бонапартистовъ), а теперь поддерживаютъ революціонеровъ. Революціонеры въ Испаніи при Наполеонѣ поддерживали реакціонеровъ въ борьбѣ противъ «офранцузившихся» (afrancesados) или умѣренныхъ прогрессистовъ; теперь въ Бельгіи, (гдѣ впрочемъ революціонеры очень малочисленны, благодаря тому обстоятельству, что король Леопольдъ — человекъ и честный и вмѣстѣ съ тѣмъ умный) они поддерживаютъ конституціонистовъ.

Какіе изъ этихъ многочисленныхъ сочетаній между разнородными партіями могутъ быть названы соотвѣтствующими логикѣ идей, какіе союзы могутъ не имѣть своимъ слѣдствіемъ раскаянія? Пока остаешься въ сферѣ отвлеченныхъ идей, вопросъ очень ясенъ. Реакціонеры съ одной стороны, модерантисты и революціонеры съ другой—различаются между собою существенно противоположною цѣлѣю: реакціонеры хотятъ застоя, и для того чтобы сохранить нынѣшній порядокъ отъ прогресивныхъ реформъ, принуждены тянуть ходъ исторіи назадъ; модерантисты и революціонеры одинаково хотятъ прогресивныхъ реформъ и разнятся между собою только въ понятіи о средствахъ къ успѣшнѣйшему ихъ осуществленію. Изъ такого отношенія понятій необходимо слѣдуетъ, что если модерантисты или революціонеры становятся союзниками реакціонеровъ, они помогаютъ дѣлу, существенно-противоположному ихъ собственнымъ стремленіямъ, и въ результатѣ увидятъ себя обманувшимися. Напротивъ, реформы, которыхъ желаютъ модерантисты и революціонеры, въ сущности факта одинаковы, и разнятся между собою только процессомъ своего осуществленія; стало быть, результатомъ союза между модерантистами и революціонерами бываетъ произведеніе измѣненій, одинаково нужныхъ обоимъ союзникамъ, и споръ о способѣ осуществленія самъ собою исчезаетъ, когда дѣло исполнено тѣмъ или другимъ способомъ.

Таково естественное отношеніе партій по существеннымъ ихъ стремленіямъ. Только одинъ союзъ между модерантистами и революціонерами можетъ быть названъ существенно-удовлетворительнымъ для обѣихъ соединяющихся партій. Напротивъ того, если модерантисты или революціонеры будутъ помогать реакціонерамъ, они въ результатѣ непременно найдутъ разочарованіе или, по выраженію императора французевъ, «разрушеніе иллюзій», которыми вовлеклись въ противоестественный союзъ.

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній, намъ легко видѣть, что отношенія партій въ Италіи были совершенно неправильныя, несогласныя не только съ логикою понятій, но и съ первымъ элементарнымъ условіемъ сколько нибудь правильного хода борьбы. Сардинія была центромъ, изъ котораго вышло движеніе послѣдней войны, и потому обратимъ главное вниманіе на нее.

Не надобно думать, чтобы сардинскіе реакціонеры (клерикальная партія, или правая сторона палаты депутатовъ, имѣвшая своимъ предводителемъ графа Соларо дела Маргариту) измѣнили общему принципу, по которому иноземцы одного и того же политическаго направленія милѣе соотечественниковъ, держащихся противнаго направленія. Они продолжали, и до войны, и во время войны, сочув-

ствовать австрійцамъ, вѣрнѣйшимъ приверженцамъ реакціи. Въ этомъ клерикальная партія была совершенно логична, и какъ бы ни судили мы о ея стремленіяхъ, надобно признать въ ея образѣ дѣйствій ловкость и вѣрность расчета. Революціонеры также выдержали вѣрность принципу во время войны: они говорили, что не могутъ присоединиться къ дѣлу, въ которомъ главною силою, дѣйствующею противъ австрійцевъ, является бонапартизмъ, который имѣетъ тѣ же самыя стремленія, какъ и австрійская политика; но модерантисты, — или, по итальянскому своему названію, конституціонная или піемонтская партія, имѣвшая своимъ предводителемъ графа Кавура, — дѣйствовали иначе. Они противъ Австріи, то есть реакціи, вздумали опереться на бонапартизмъ, то есть на ту же самую реакцію, и пренебрегли основнымъ правиломъ политической тактики, по которому одинаковыя партіи во всѣхъ странахъ взаимно поддерживаютъ другъ друга и, несмотря ни на какія случайныя столкновенія, не могутъ желать вреда одна другой. По этому правилу, бонапартизмъ никакъ не могутъ сдѣлать вреда Австріи, чего хотѣла піемонтская партія. Онъ могъ на время, по случайнымъ своимъ надобностямъ, стать съ Австріею въ формальную вражду, но и во время этой формальной борьбы не могъ забыть, что въ сущности дѣло Австріи есть его собственное дѣло, что подрывая австрійскую, т. е. реакціонную сплу онъ вредилъ бы самому себѣ. Потому война между бонапартизмомъ и Австріею, по существенному характеру и интересу обоихъ противниковъ, никакъ не могла имѣть иной натуры, какъ натуры турнира, рыцарскаго состязанія, при которомъ дерутся вовсе не съ намѣреніемъ повредить другъ другу, а только съ безвредною для противника мыслью поспорить о томъ, кто кого сильнѣе, кто долженъ занять первое мѣсто за дружескимъ пиромъ, за который сядутъ благородные противники тотчасъ по окончаніи боя. Пренебреженіе этимъ неизбѣжнымъ фактомъ было бы неизвинительно въ піемонтской партіи, если бы мы не знали, что за союзъ съ бонапартизмомъ она схватилась только въ крайности. Первоначально она старалась дѣйствовать сообразно правилу политической тактики и не щадила никакихъ жертвоуваній, чтобы найти себѣ опору въ Англіи, т. е. также въ партіи конституціоннаго модерантизма. Для этого она, въ угоду англичанамъ, послала войско въ Крымъ, принесла въ жертву нѣсколько тысячъ солдатъ и нѣсколько десятковъ милліоновъ денегъ. Но на парижскомъ конгрессѣ Англія нелѣпымъ образомъ сблизилась съ Австріею, и тогда бѣдная піемонтская партія, покинутая своею естественною союзницею, приняла предложенія, дѣлавшіяся ей бонапартизмомъ. Если бы въ политической борьбѣ возможна была та хладнокровность, съ какою ведется шахматная игра, то надобно было бы

сказать, что лучше, нежели принимать такую помощь, было повременить, выжидая той поры, когда Англія увидитъ свою ошибку, если во Франціи возьметъ верхъ партія прогресса. Но положеніе Италіи было такъ тяжело, что трудно произнести надъ піемонтскою партією за эту ошибку приговоръ съ тою строгостью, какой требуетъ грубость ошибки и великость вреда, ею принесеннаго. Но какъ бы то ни было, извинителенъ или неизвинителенъ былъ союзъ піемонтской партіи съ бонапартизмомъ, онъ отнялъ у республиканской партіи возможность соединиться въ рѣшительную минуту съ конституціонистами. Обыкновенно говорятъ, что Маццини, въ своемъ фанатизмѣ, не хочетъ признавать ничего хорошаго въ людяхъ иначе, какъ на томъ условіи, чтобы они совершенно приняли его идеи. Но кто хотя нѣсколько знакомъ съ исторією этого агитатора, тотъ знаетъ, что постоянно, повсюду онъ искалъ союзниковъ, не останавливаясь никакими разногласіями, лишь бы нашлось соотвѣтствіе въ одномъ, — въ желаніи освободить Италію. Онъ обращался съ этою надеждою и къ папѣ, и къ Карлу Альберту, и наконецъ онъ сталъ удерживать свою партію отъ подобныхъ надеждъ и союзовъ только потому, что увидѣлъ ошибочность своей собственной прежней мысли о пользѣ ихъ для дѣйствительнаго освобожденія Италіи.

Такимъ образомъ, въ Италіи даже не успѣли образоваться два лагеря, — осталось цѣлыхъ три враждебныхъ лагеря, по невозможности соединенія маццинистовъ, не вѣрившихъ бонапартизму, съ піемонтскою партією, основавшею на немъ свои надежды.

Теперь графъ Кавуръ палъ, и тѣ люди, мнѣніе которыхъ измѣняется сообразно съ успѣхомъ или неудачею, конечно находятъ теперь большую легкость порицать ошибки этого государственнаго дѣятеля, которому недавно поклонялись. Мы не восхищались политикою графа Кавура, когда счастье было повидимому на его сторонѣ, за то теперь не станемъ осынать его упреками. Напротивъ мы скажемъ въ оправданіе ему, что слишкомъ легко было ему, человѣку замѣчательнаго ума, разсчитывать на свое умственное превосходство надъ союзникомъ.... Онъ могъ вообразить, что будетъ держать этого человѣка въ рукахъ, сдѣлаетъ его орудіемъ своихъ цѣлей. Это было очень натурально. Не въ упрекъ Кавуру, а въ объясненіе факта, мы замѣтимъ, что онъ тутъ забылъ только одно: инстинктъ эгоизма такъ ловокъ и разсчетливъ, что человѣкъ, руководящійся исключительно имъ, можетъ перехитрить какого угодно геніальнаго министра....

Съ самаго начала Кавуръ холодною и молчаливостью своего союзника былъ введенъ въ ту ошибку, что вообразилъ, будто бы

только онъ нуждается въ Наполеонѣ III, между тѣмъ, какъ въ сущности, самъ императоръ Французовъ гораздо больше нуждался въ немъ. Въ началѣ года, когда шли въ газетахъ толки о конгрессѣ и разныхъ дипломатическихъ посредничествахъ, отъ которыхъ ожидали предотвращенія войны, мы нѣсколько разъ подробно излагали факты, дѣлавшіе для императора Французовъ войну необходимостью. Желаящіе могутъ найти ихъ въ нашихъ прежнихъ обзорѣняхъ.

Война въ Италіи, безотлагательная война, потому что каждая ночь, каждый день до ея объявленія грозитъ опасностями, — такова была потребность Наполеона III. Но онъ не говорилъ объ этомъ, держалъ себя холодно; потому Кавуръ сталъ думать, что нужно всяческими уступками склонять его къ войнѣ. Въ сущности, Кавуръ могъ диктовать условія союза, потому что Франція не могла провозгласить намѣренія освободить Италію отъ австрійцевъ, иначе, какъ опираясь на Сардинію. Положимъ, Кавуру также была нужна война, но у него не было необходимости начинать ее тотчасъ же, непременно въ нынѣшнюю весну: онъ могъ подождать и годъ, и два, какъ ждалъ шесть или семь лѣтъ. Для Наполеона отсрочка была невозможна. Но Каавуръ въ горячности своего патріотизма думалъ, что союзникъ оказываетъ Сардиніи великодушную помощь, склоняемый краснорѣчіемъ и умомъ его, Кавура, къ дѣлу, въ которомъ самъ не имѣетъ надобности. Такимъ образомъ Сардинія бросилась въ войну, не гарантировавъ ничѣмъ свободы своихъ дѣйствій подлѣ союзника, подавлявшаго ее громадностью своихъ силъ.

Но какими же способами можно было гарантировать независимость сардинской политики? Развѣ неизвѣстно, что никакія обѣщанія не гарантируютъ противъ превосходства силы? Такъ, обѣщанія ненадежны, и въ томъ именно и заключалась ошибка, что Сардинія ограничилась ими. Нужно было принять другія мѣры для огражденія своей самостоятельности. Во-первыхъ, французскимъ войскамъ надобно было назначить театръ дѣйствій, различный отъ театра дѣйствій сардинской арміи, такъ чтобы она составляла совершенно отдѣльное цѣлое; во-вторыхъ, нужно было оговорить, что внутренніе вопросы въ Тосканѣ, Пармѣ, Моденѣ, Легатствахъ не должны нимало относиться до Французовъ. То и другое, и все что угодно, Наполеонъ принялъ бы: Кавуръ могъ тогда предложить ему какія-угодно условія союза. А онъ, напротивъ, считалъ себя облагодѣтельствованнымъ, принимая помощь безъ всякихъ гарантій. Ему гарантіи казались невозможными, потому что онъ не замѣчалъ, что война Наполеону III нужна, нежели ему самому; онъ казался ему не нуженъ, потому что онъ считалъ помощь слѣдствіемъ великодушія Наполеона III и своего вліянія на него, то есть дѣломъ, которое Наполеонъ будетъ и по

доброй волѣ вести сообразно его видамъ; онѣ казались ему излишними, потому что онѣ, надѣясь на свое умственное превосходство, воображалъ, что будетъ управлять Наполеономъ III.

При такомъ безусловномъ вѣреніи хода и характера войны Наполеону III, при отдачѣ сардинской арміи въ распоряженіе Наполеона III, война необходимо должна была имѣть конецъ въ томъ родѣ, какой дѣйствительно получила. Это было съ самаго начала ясно для всѣхъ проникательныхъ публицистовъ, и мы тогда же передавали ихъ предсказанія читателю. Спрашивается, кто былъ причиною безусловно-владычествующаго положенія, занятаго въ ней Наполеономъ III? Кто призвалъ его въ Италію? Кто отдалъ ему въ команду сардинскую армію и всѣ другія итальянскія войска? Кто не принялъ никакихъ предосторожностей для доставленія итальянцамъ вліянія на рѣшеніе ихъ судьбы? Піемонтская партія, модерантисты, и глава ихъ—графъ Кавуръ. Наполеонъ III только воспользовался даннымъ ему отъ нихъ положеніемъ сообразно съ своими видами: — что тутъ особеннаго, если человѣкъ заботится о своихъ выгодахъ, и за что тутъ винить его? «Смотри, кому въ руки отдаешься», и «не сваливай свою вину на другаго», сказали бы мы графу Кавуру и его приверженцамъ, если бы они, бѣдные, не заслуживали теперь скорѣе состраданія, чѣмъ гнѣва.

А гнѣва они заслуживали своею непредусмотрительностью, которая отозвалась теперь, по выраженію Наполеона III, «разрушеніемъ благородныхъ надеждъ». «Но, скажетъ иной читатель, кто же могъ предполагать такую измѣну? Кто могъ ожидать, что союзникъ соединится съ врагами противъ друзей?»

Послѣ предыдущихъ объясненій намъ легко отвѣчать на это возраженіе, основывающееся только на запутанности понятій, истинное отношеніе которыхъ мы старались показать. Да, только изъ запутанности понятій происходили всѣ обвиненія Наполеона III въ измѣнѣ друзьямъ. Кто смотритъ на вещи правильно, тотъ не станетъ винить въ такихъ пустякахъ императора французовъ, а напротивъ — скажетъ, что онъ поступилъ совершенно такъ, какъ ему слѣдовало поступить по тѣмъ принципамъ, постояннымъ защитникомъ которыхъ онъ былъ.

Припомнимъ раздѣленіе общества на три партіи и взглянемъ на то, къ какимъ изъ нихъ принадлежатъ императоръ французовъ, австрійское правительство и графъ Кавуръ.

Владычество бонапартизма во Франціи основано на реакціи. Австрія также представительница реакціи. Изъ этого ясно, что существенные интересы бонапартизма и Австріи одинаковы, что эти силы должны поддерживать одна другую, что ослабленіе одной изъ

нихъ грозитъ опасностью и для другой. Конечно, и между самыми родственными элементами могутъ возникать случайныя столкновенія, но взаимный интересъ требуетъ, какъ можно скорѣе, прекращать ихъ, чтобы дружно противиться общему врагу.

Кто не упускалъ изъ виду этого основнаго факта, — одинаковости между существенными интересами бонапартизма и Австріи, тотъ очень хорошо видѣлъ, что считать Наполеона III врагомъ Австріи значило совершенно не понимать его. Такимъ образомъ, оказывается клеветою та часть обвиненія, которая возникаетъ изъ расположенія Наполеона какъ можно скорѣе заключить миръ съ Австріею, и притомъ на самыхъ выгоднѣйшихъ для нея условіяхъ.

Остается другая часть обвиненія: «онъ измѣнилъ выгодамъ своихъ друзей, сардинцевъ»; — читатель видитъ, что тутъ слово «друзья» такъ же несправедливо, какъ и слово «враги» относительно австрійцевъ. Въ самомъ дѣлѣ, кто такой былъ Кавуръ, на чемъ была основана его сила, къ чему стремилась его партія? Партія, вошедшая въ союзъ съ Наполеономъ черезъ Кавура была, какъ всѣмъ извѣстно, партія приверженцевъ конституціоннаго устройства. Теперь спрашивается, кому не извѣстны отношенія Наполеона III къ конституціонному принципу? Конституціонисты — злѣйшіе враги бонапартизма; онъ держится только подавленіемъ ихъ. Какимъ же образомъ злѣйшихъ враговъ называть друзьями? Прискорбная необходимость могла заставить Наполеона III принять на время содѣйствіе, предлагавшееся ему итальянскими конституціонистами; но коренная, непримиримая враждебность этихъ двухъ элементовъ оставалась неизгладима, и Наполеонъ III былъ бы просто нерасчетливъ, если бы забылъ о ней. Онъ хорошо чувствовалъ, что служить Кавуру значило бы усиливать конституціонную партію въ Италіи, а усиливать ее въ Италіи значило бы оживлять ее во Франціи, то есть вредить самому себѣ. Такого безразсудства не слѣдовало и ожидать отъ человѣка, хорошо понимающаго свое положеніе и умѣющаго соблюдать свои выгоды. Потому-то проникательные публицисты съ самаго начала и говорили, что цѣли Кавура не могутъ быть цѣлями Луи-Наполеона. Просимъ читателя припомнить выписки изъ англійскихъ рѣчей и статей въ прежнихъ нашихъ обзорахъ.

Послѣ этого нѣтъ нужды распространяться о совершенной неумѣстности неблагоприятнаго термина «измѣнникъ», которымъ многіе характеризуютъ тотъ очень натуральный фактъ, что Наполеонъ III заключилъ отдѣльный миръ съ Австріею, противъ выгоды и воли Сардинцевъ. «Измѣна», «предательство» — какія грубыя, не-свѣтскія понятія! Понятіе «предательства» не должно существовать въ умѣ свѣтскаго человѣка, а тѣмъ болѣе въ умѣ диплома-

та, и кто позволяет себѣ жаловаться на предательство, тотъ обнаруживаетъ только собственную неприготовленность къ веденію важныхъ дѣлъ. На самомъ дѣлѣ исторія была самая невинная. Положимъ, напримѣръ, что вы хотите ѣхать изъ Рязани въ Петербургъ, а я въ Москву; вамъ извѣстно, что дальше Москвы я не поѣду; но вамъ угодно было имѣть меня своимъ спутникомъ. Теперь спрашиваю васъ: если, доѣхавъ до Москвы, я останусь тамъ и предоставлю вамъ продолжать путь, какъ вы сами знаете, или остаться въ Москвѣ, когда вы не можете ѣхать одни, — если я сдѣлаю это, неужели вы имѣете право называть меня измѣнникомъ? У васъ, быть можетъ, наивныя понятія; быть можетъ, вы, зная что мнѣ нужно быть только въ Москвѣ, вынудили у меня какое нибудь двусмысленное слово, что я охотно побывалъ бы и въ Петербургѣ, и повѣрили этому слову, — ну, чтожь мнѣ изъ того? Какой же практическій человѣкъ вѣритъ словамъ? Мало ли что говорятъ, такъ вотъ всему вы и станете вѣрить! Вы должны расчеты ваши основывать на томъ, что мнѣ нужно, а не томъ, что я говорю; иначе вы на каждомъ шагу будете оставаться въ проигрышѣ.... — Но, повѣрьте мнѣ, — никого вы не называйте за это измѣнникомъ, а называйте только сами себя слишкомъ наивнымъ простякомъ, а лучше всего, постарайтесь отучиться отъ вашей плебейской наивности.

Луи-Наполеонъ не притворялся какимъ нибудь конституціонистомъ; онъ не скрывалъ своего принципа, принципа реакціи; онъ не скрывалъ своей непримиримой враждебности къ конституціонизму. Теперь, — итальянскимъ конституціонистамъ было угодно вручить ему свою судьбу. Я спрашиваю: состояніе открытой вражды, въ которой онъ находится съ конституціонистами, не уполномочивало ли его воспользоваться ослабленіемъ враговъ, чтобы запутать ихъ въ ихъ собственныя сѣти? Да, Кавуръ всегда былъ врагомъ ему, потому что былъ конституціоннымъ министромъ, главою партіи, единомышленники которой во Франціи — смертельные ненавистники Луи-Наполеона. Съ какой же поры военная ловкость, пользующаяся ошибками непріятеля, стала называться измѣною? Повѣрьте, — вѣдь не даромъ же говорятъ у французовъ: *à la guerre — comme à la guerre*, на войнѣ по военному и дѣлается.

Не знаемъ, до какой степени удалось намъ убѣдить читателя, что императоръ французовъ поступилъ очень естественно, заключивъ отдѣльный миръ съ Австріею на самыхъ выгодныхъ для нея и самыхъ невыгодныхъ для Италіи условіяхъ, и что винить его тутъ ровно не за что. Намъ кажется, что логика нашего оправданія неопровержима. Вотъ оно вкратцѣ.

Итальянская независимость составляет предмет желанія для итальянскихъ революціонеровъ (Маццини) и конституціонистовъ или модерантистовъ (графъ Кавуръ и піемонтская партія). Партія итальянскихъ реакціонеровъ смертельно боится освобожденія Италіи. Австрія—представительница принципа реакціи. Бонапартизмъ держится реакціею. Элементы реакціи, модерантизма и революціи разлиты по всѣмъ странамъ западной Европы, и паденіе или усиленіе какого нибудь изъ этихъ элементовъ въ одной странѣ непременно облегчаетъ подобную перемену во всѣхъ другихъ странахъ. Поэтому усиленіе конституціонной партіи въ Италіи, — а исполнить ея желаніе, освободить Италію, значило бы усилить ее, — необходимо вело къ усиленію конституціонной партіи въ самой Франціи. Ослабленіе Австріи также вело бы къ ослабленію реакціи во Франціи. То и другое было бы равнозначительно погибели бонапартизма. Итакъ, ясно было, что Наполеонъ III, принужденный вести войну въ Италіи, долженъ употребить всѣ свои усилія на то, чтобы покончить эту войну такимъ миромъ, который не освобождалъ бы Италію, не былъ бы вреденъ могуществу австрійцевъ, съ которыми прочныя и существенныя интересы у него одинаковы, и не принесъ бы пользы итальянскимъ конституціонистамъ, помощью которыхъ онъ могъ воспользоваться на минуту, по одному случайному дѣлу, но партія которыхъ находится по своей натурѣ въ смертельномъ противорѣчій съ условіями его собственнаго существованія.

Кажется, это просто и неопровержимо. А если дѣйствительно такъ, то надобно сознаться, что всѣ обвиненія противъ Наполеона III за Виллафранкскій миръ — пустыя фразы, порождаемыя только непониманіемъ сущности бонапартизма. Наполеонъ III поступилъ сообразно требованію своего жизненнаго принципа, пожертвовавъ своими врагами сардинцами своимъ друзьямъ австрійцамъ.

Но если мы находимъ, что дѣйствительно война, въ которой главнымъ дѣятелемъ былъ Наполеонъ III, не могла привести ни къ чему иному, кромѣ Виллафранкскаго мира, и если императоръ французовъ поступилъ, при заключеніи этого мира, совершенно послѣдовательно и основательно съ своей точки зрѣнія, то само собою разумѣется, что мы вовсе не намѣрены скрывать неудовольствія, пробужденнаго условіями этого мира въ людяхъ и партіяхъ, имѣющихъ принципы не одинаковыя съ бонапартизмомъ. Напротивъ, именно съ того мы и начали, что упомянули объ этомъ недовольствѣ, объясняя имъ неточности въ изложеніи фактовъ и побужденій, склонившихъ къ миру императора французовъ, по его словамъ. Нашедши теперь истинную причину выгодныхъ для Австріи условій договора,

мы подробнѣе займемся впечатлѣніемъ, какое онъ произвелъ въ различныхъ странахъ.

Англичанъ упрекали въ холодности къ итальянскому вопросу за ту недовѣрчивость, съ которою они смотрѣли на войну. Дѣйствительно, война была непріятна имъ, потому что не обѣщала ничего, кромѣ побѣды Наполеона III, то есть увеличенія его могущества, и утвержденія его въ мысли, что онъ можетъ счастливо приводить къ концу какую угодно войну. Они думаютъ, что все это можетъ приблизить минуту, когда онъ вздумаетъ объявить, что долженъ отомстить Англіи за своего дядю. Но негодованіе, овладѣвшее англійскою публикою при извѣстіи о Виллафранкскомъ мирѣ, показало, какъ велико сочувствіе англичанъ къ дѣлу итальянской независимости (просимъ читателя не забывать, что мы говоримъ объ англійской публикѣ, а не объ англійскомъ правительствѣ, — эти два понятія далеко не одинаковые даже и въ приложеніи къ Англіи). Сожалѣніе о бѣдной Италіи пересилило въ нихъ даже радость о томъ, что уменьшилась опасность для нихъ самихъ быть запутанными въ разорительную войну. Въ примѣръ мы приводимъ статью, которою встрѣтилъ извѣстіе о мирѣ Times. (*)

«Миръ послѣдовалъ за перемиріемъ быстрѣе, нежели даже можно было предполагать. Великій волшебникъ нашего вѣка далъ три битвы и поговорилъ часть времени съ побѣжденною Австріею, и вотъ, въ концѣ этой короткой конференціи, Ломбардія вдругъ уступлена Франціи, и Италія становится конфедераціею подъ почетнымъ предсѣдательствомъ папы. Перемирія такъ быстры, что рябили въ глазахъ. Не успѣли мы уловить черты картины, представляющей нашему зрѣнію, а предметъ уже исчезъ и на мѣстѣ его явился другой. Нѣсколько недѣль тому назадъ, мы разсуждали о конгрессѣ для отвращенія войны. Недѣлю тому назадъ, свѣтъ толковалъ о шансахъ для Австріи успѣшно бороться противъ Франціи. Періодъ битвъ прошелъ. Грозный четырехугольникъ крѣпостей поглотилъ собою всѣ мысли. Но вчера исчезли всѣ размышленія и догадки объ арміяхъ, всякое вниманіе къ пушкамъ, и явились на свѣтъ два новыя государства, созданныя въ нѣсколько часовъ, вошедшія въ знакомство съ публикою сотрясеніемъ телеграфной проволоки. «Императоръ австрійскій уступаетъ королевство Ломбардское императору Фран-

(*) Просимъ читателей не приписывать намъ нѣсколько саркастическаго тона, какимъ англійская газета отзывалась о Наполеонѣ III; наше мнѣніе о дѣйствіяхъ французскаго императора мы высказали достаточно выше, а настоящую статейку переводимъ только для показанія, какое впечатлѣніе произвелъ въ Англіи Виллафранкскій миръ.

цузовъ». Итакъ Австрія совершенно выбита изъ колеи своего стариннаго упорства. Пескъера и Верона, Мантуя и Леньяно, линія Адидже и венеціанскія лагуны — все покинуто, все уступлено.... Францъ Іосифъ немедленно уходитъ изъ Италіи съ 300,000 своихъ солдатъ, и Италія, освобожденная отъ этого давленія, преобразуется въ независимое государство. Какъ мы покажемся теперь свѣту съ такими новостями на нашихъ широкихъ листахъ? Что теперь скажетъ Times въ защиту своихъ неблагородныхъ подозрѣній? Какъ намъ извиняться передъ столь жестоко оклеветаннымъ императоромъ французовъ? Съ какимъ лицомъ встрѣтитъ намъ теперь торжество и презрѣніе друзей свободы, предостерегать которыхъ имѣли мы малодушіе? Униженное отреченіе одно только остается намъ. Соединимся же съ радикалами Англіи, карбонари Италіи и великимъ политическимъ оракуломъ Венгріи въ воспѣваніи славы Наполеона III! (*) Забудемъ мы, послѣдніе изъ прозелитовъ и едва ли достойные назваться прозелитами, — забудемъ со стыдомъ всѣ наши неблагородныя опасенія, и возрадуемся, теперь, когда Италія, и не на однихъ словахъ, а на самомъ дѣлѣ стала свободна отъ Альпъ до Адріатическаго моря!

Но — погодите! Въ этомъ потокѣ телеграфическихъ депешъ, въ этомъ сонмѣ быстрыхъ извѣстій, приносящихся со всѣхъ сторонъ свѣта и соединяющихъ въ себѣ отголоски всѣхъ европейскихъ столицъ, есть звуки, дисгармонирующие съ всеобщею радостью. Что значитъ это новое извѣстіе? Что это за горькая капля, отъ которой пропадаетъ иѣнистое кипѣніе эн-

(*) Здѣсь сарказмъ *Times'a* невѣренъ. Англійскіе радикалы не ожидали ничего хорошаго отъ войны. Читатель можетъ вспомнить рѣчь Робека и отчетъ самаго *Times'a* о митингѣ по итальянскому вопросу въ Гайдъ Паркѣ (Соврем. № V). Мацинисты также не одобряли Кавура за союзъ съ Наполеономъ III и говорили, что поспѣшное образованіе народныхъ войскъ, независимыхъ ни отъ Франціи, ни отъ Кавура, одно можетъ спасти Италію, судьбу которой предрекали. Кошутъ не выхвалялъ Наполеона III и долго, упорно не соглашался на его предложеніе содѣйствовать венгерскому возстанію, и когда наконецъ рѣшился на это, то полагался не на его увѣренія, а на то, что австрійскихъ войскъ въ Венгріи оставалось мало. Читатель вспомнить его слова (Совр. № VI) «Венгрія такъ далека отъ Франціи, что ее нельзя обратить во французскіе департаменты: — кажется, это выраженіе мало свидѣтельствуетъ о вѣрѣ въ императора французовъ. Мацини, Кошутъ и англійскіе радикалы говорили только одно: Англія не должна вступаться за Австрію. *Times*, у которой были иногда порывы воинственности, — впрочемъ, не изъ любви къ Австріи, — а изъ опасенія замысловъ Наполеона противъ Германіи и самой Англіи, сердится на всѣхъ этихъ людей за противорѣчіе ея воззваніямъ о необходимости самыхъ энергическихъ вооруженій, которыя неминуемо вовлекли бы Англію въ войну, если бы война продлилась хоть до слѣдующей весны.

тузіазма, охлаждаются наши теплыя симпатіи? Италія должна быть свободна, потому что такъ говоритъ императоръ Французовъ, — а кто, кромѣ невѣрующаго, неблагороднаго Times'a колеблется вѣрить императору? — Но это воцареніе папы, это возстановленіе великаго герцога Тосканскаго, это оставленіе Венеціи и Минчіо за Австрію, — всѣмъ этимъ видоизмѣняется первое извѣстіе, пришедшее отъ императора Французовъ. Да, Италія свободна, но она свободна не въ демократическомъ, не въ конституціонномъ, не въ обыкновенномъ смыслѣ, а въ Наполеоновскомъ смыслѣ слова. Свобода — слово принимаемое въ разныхъ значеніяхъ, и часто цвѣтъ его заимствуется отъ оттѣнка интересовъ человѣка, его употребляющаго. Свобода въ Спартѣ не значила того, чтобы плоты не были убиваемы, когда становились слишкомъ многочисленны или безпокойны. Свобода въ Италіи не значитъ, чтобы жители Италіи имѣли какой нибудь голосъ въ своемъ управленіи. Италія свободна, но свободна на французско-императорскихъ условіяхъ. Ломбардія, завоеванная Францією, отдается королю сардинскому. Никто не можетъ сказать, что Ломбардія не свободна. Она могла имѣть свои понятія о возстановленіи прежняго герцогства, какъ самостоятельнаго государства, и Миланъ можетъ имѣть возраженія противъ того, чтобы стать удѣломъ Турина; но съ вынѣшняго времени Ломбардіи лучше молчать объ этихъ сумасбродствахъ. Она свободна и должна быть довольна. Венеція также свободна. Она свободна подъ австрійскимъ господствомъ. Чего же больше можетъ она хотѣть? Наверное, она не имѣетъ сумасбродства мечтать о временахъ Дандоло! Или Венеція недовольна? Такъ она не знаетъ что такое свобода, какъ понимаетъ ее Наполеонъ. Но пусть она потише говоритъ о своемъ безумномъ недовольствѣ. Только кусокъ Ломбардіи переданъ Сардиніи: «Ломбардія до линіи Минчіо». Между «линією» Минчіо и Венецією текутъ двѣ большія рѣки въ По, и земля, орошаемая этими рѣками, усыяна первоклассными крѣпостями. Это старинныя австрійскія желѣзныя ворота, черезъ которыя Австрія входила въ Италію, когда хотѣла. Это кровь австрійскаго деспотизма, подъ которымъ становится онъ каждый разъ, когда была опасность въ равнинахъ. Отсюда онъ могъ высылать десятки тысячъ своихъ солдатъ для подавленія каждаго признака недовольства въ самомъ зародышѣ. Вы, свободные сардинскіе ломбардцы, наслаждающіеся свободою подъ тѣнью западныхъ стѣнъ этихъ великихъ крѣпостей, и вы, освобожденные венеціанцы, которые можете, обрабатывая свои земли на материкѣ, любоваться на пушки, смотрящія съ ихъ восточныхъ бастіоновъ, не ведите слишкомъ громко своихъ свободныхъ рѣчей. Эта земля также свободна. Она лежитъ между Альпами и Адриатиче-

скимъ моремъ, стало-быть непремѣнно она свободна. Она раздѣляетъ съ Венеціею честь быть свободной подъ австрійскимъ господствомъ. Но она свободна, какъ чисто австрійское владѣніе, какъ аванпостъ Тироль, подобно ножу врѣзывающійся въ тѣло сѣверной Италіи. Она попрежнему наполнена войсками и оружіемъ, и изъ нея арміи могутъ быть посланы по желѣзнымъ дорогамъ и въ нѣсколько часовъ быть въ Миланѣ или Венеціи. Австрія еще владѣетъ и по трактату будетъ продолжать владѣть этимъ страшнымъ четырехъ-угольникомъ. Потому въ этихъ городахъ лучше потише говорить о новопріобрѣтенной свободѣ и шопотомъ поздравлять другъ друга съ достославнымъ совершеніемъ обѣщанія освободить ее отъ Альповъ до Адріатическаго моря. Тоскана и Модена также свободны. Онѣ свободны собственнымъ своимъ дѣломъ, потому что изгнали своихъ герцоговъ и послали къ императору Наполеону половину своихъ молодыхъ людей волонтерами. Свободные граждане Тосканы и Модены сражались противъ своихъ изгнанныхъ государей при Сольферино и помогали императору Наполеону побѣдить ихъ. Это было ошибкою съ обѣихъ сторонъ. Истинная свобода, за которую сражались тосканцы и моденцы, состоитъ въ томъ, чтобы принять обратно своихъ прежнихъ правителей, и если бы герцоги понимали свою настоящую выгоду они были бы не въ лагерѣ австрійскаго императора, а во французскомъ лагерѣ. Гиппіасъ возвращается въ Аѣины, — свобода Аѣинъ нуждается въ его возстановленіи.

«Гуэтли (*) утверждаетъ, что половина ссоръ на свѣтѣ проистекаетъ отъ невниманія къ законамъ логики: люди не думаютъ объ опредѣленіяхъ.» Въ этомъ причина разнорѣчія, раздѣлявшаго насъ съ людьми, сочувствовавшими итальянской войнѣ. Если бы они опредѣлили, что такое разумѣли подъ свободою Италіи, и опредѣлили въ томъ смыслѣ, какой мы видимъ нынѣ, мы никогда не усомнились бы въ намѣреніи Луи-Наполеона дать свободу Италіи. Не доходя до чрезвычайности въ нашей симпатіи къ Италіи, мы должны однакоже признаться, что если бы мы послали лорда Страффорда или лорда Кларендона на конгрессъ—сдѣлать для Италіи, что можетъ сдѣлать для нея Англія, и если бы лордъ Страффордъ или лордъ Кларендонъ возвратился, размахивая шляпою и восклицая «Италія свободна!», и оказалось бы, что онъ оставилъ австрійцевъ въ Пескьерѣ, въ Мантуѣ и въ Венеціи и силою возвратилъ герцоговъ въ Тоскану и Модену, и что это называетъ онъ свободою Италіи, — мы почувствовали бы большое искушеніе громко потребовать, чтобы

(*) Авторъ знаменитыхъ изслѣдованій о законахъ мышленія.

лордъ Страффордъ или лордъ Кларендонъ былъ преданъ суду, какъ измѣнникъ. Если бы мы знали, что таковы были желанія г. Кошута и бирмингемскихъ джентльменовъ (*) и другихъ поклонниковъ императора Наполеона, то мы, кажется, могли бы вытребовать у Австріи исполненіе ихъ желаній, не усыивая Италію трупами и не наполняя госпиталей бѣдными изуродованными солдатами. Во всемъ этомъ нѣтъ ничего такого, чего бы нельзя было вынудить у Австріи силою дипломатіи. Все это не можетъ оскорблять ея гордости и значительно увеличиваетъ ея силу. Она избавлена отъ хлопотъ управлять беспокойною и убыточною провинціею и удерживаетъ силу опустошать ее, когда только захочетъ. Она теперь стоитъ въ Италіи, какъ мечъ-рыба подлѣ кита. Австрія — вся покрыта оружіемъ, Италія вся — добыча ей. Австрія уступила только то, что можетъ, когда ей угодно, взять назадъ, чего вѣроятно не захочетъ она и брать назадъ. Сардинія пріобрѣла провинцію, которую можетъ сохранять только по милости Австріи и которую, въ случаѣ нападенія, не можетъ защитить. Когда австрійскіе сатрапы будутъ возстановлены въ Тосканѣ и Моденѣ, сама Австрія будетъ стоять вооруженная съ ногъ до головы, непреодолимо господствующая въ итальянской конфедераціи. Австрія будетъ въ Италіи такъ сильна, какъ никогда еще не была. Если бы Англія имѣла безстыдство предложить ей такія условія до начала войны, Австрія не могла бы отказать въ нихъ, и тогда 100,000 человѣкъ остались бы живы, а Италія не меньше нынѣшняго была бы «свободна отъ Альпъ до Адріатическаго моря». Таковы бывають послѣдствія, когда люди не согласятся между собою въ смыслѣ словъ, ими употребляемыхъ. Но мы въ оправданіе себя должны замѣтить, что мы не одни ошибались. Тотъ человѣкъ, который лучше всѣхъ въ Европѣ долженъ былъ бы понимать императора Наполеона, тотъ человѣкъ, который лучше всѣхъ знаетъ итальянскій вопросъ, тотъ человѣкъ, котораго Италія прославляла, какъ лучшаго своего государственнаго дѣателя, какъ лучшаго своего защитника, — графъ Кавуръ, — подобно намъ ошибался. Свободная Италія, о которой думалъ онъ, была ни мало не похожа на ту свободную Италію, которую изобрѣли императоръ французовъ съ императоромъ австрійскимъ, — и съ гнѣвомъ онъ удалился съ высокаго поста, который столь долго занималъ, не находя въ себѣ силъ выдерживать укоризны тѣхъ, надежды которыхъ возбудилъ и негодованія которыхъ такъ справедливо онъ долженъ опасаться».

(*) То есть Брайта и манчестерской школы. Читатель припомнитъ, что говорили мы въ прежнемъ примѣчаніи о ихъ довѣрціи къ намѣреніямъ Наполеона: они только требовали, чтобы Англія не помогала Австріи.

Если съ такою силою охватило негодованіе англичанъ, людей называемыхъ холодными и во всякомъ случаѣ бывшихъ посторонними этому дѣлу, то легко представить себѣ, какъ закипѣли злобою французы, именемъ и оружіемъ которыхъ такъ жестоко воспользовались для подобнаго мира. Взрывъ чувства былъ такъ силенъ, что даже между газетами нашлись нѣкоторыя, отважившіяся, подъ прикрытіемъ общаго говора, выразить свое мнѣніе нѣсколько внятнымъ голосомъ. Особенно ѣдкую форму придавъ своему протесту *Siècle*, газета умѣренныхъ республиканцевъ, служившая органомъ тѣмъ близорукимъ надеждамъ, которыя были, столь внезапно для легко-вѣрныхъ, разрушены условіями мира. Въ тотъ день, когда пришла въ Парижъ телеграфическая депеша о мирѣ, *Siècle* помѣстилъ горячую статью, которая перечисляла, какъ неправдоподобные слухи, всѣ дѣйствительныя условія мира, и послѣ каждого изъ нихъ прибавляла: «нѣтъ, такого условія не будетъ, потому что оно было бы безстыдно, безславно, безчестно». — За тѣмъ слѣдовалъ пробѣлъ, а за пробѣломъ короткія и холодныя слова: «предъидущая статья была уже написана, когда телеграфическая депеша извѣстила насъ объ условіяхъ мира; вотъ они» — и читатель видѣлъ, что миръ имѣетъ всѣ тѣ условія, которыя за нѣсколько строкъ предъ тѣмъ были объявлены невозможными по безпримѣрной безчестности. Даже изъ полуофициальныхъ газетъ, состоящихъ на подкупѣ у правительства, не всѣ отважились на первый разъ вымолвить обязанное свое слово въ похвалу мирному договору.

Въ парижскомъ населеніи условія мира вызвали сцены, напominшія о временахъ давно запрещенныхъ. По улицамъ стояли толпы народа, громко выражая свое негодованіе. Въ Сентъ-Антуанскомъ предмѣстьѣ блузники подняли страшный шумъ, такъ что потребовалось вмѣшательство полиціи. Объявленія, содержащія телеграфическую депешу объ условіяхъ трактата, были срываемы со стѣнъ, сожигаемы на позорныхъ кострахъ. И не одно парижское населеніе, не одни безоружные, охраняемые артиллеріею фортовъ и казармъ блузники были раздражены: что гораздо хуже, это чувство волновало и армію, подвиги которой послужили къ тому, чтобы подвергнуть Италію такой судьбѣ. Солдаты ходили съ ругательствами по лагерю, офицеры ломали шпаги, говоря, что онѣ обезчещены...

Иной либераль, привыкшій принимать свои желанія за факты, и два мѣсяца тому назадъ предвидѣвшій неизбѣжность освобожденія Италіи Наполеономъ III, теперь, пожалуй, вообразить, что это неудовольствіе опасно для власти Наполеона III, и назвавъ его предателемъ, прибавитъ съ сладкою увѣренностію, что близко наказаніе ему за предательство. Мы никакъ не можемъ назвать основательнымъ

и этого предсказанія. Мало ли чѣмъ, мало ли сколько разъ бываютъ недовольны!... Противъ Наполеона III сильное неудовольствіе существуетъ уже много лѣтъ, а онъ все-таки продолжаетъ держаться на своемъ мѣстѣ, и если можно сказать, что съ каждымъ годомъ неудовольствіе растетъ, то нельзя еще сказать навѣрное, чтобы невозможно было ему длиться и расти еще довольно долго, не производя никакого вѣдущаго результата; если развязка итальянской войны Виллафранкскимъ миромъ придала новую значительную дозу гнѣва къ прежнимъ причинамъ неудовольствія, то изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы нельзя было Наполеону III пріискать и новыхъ кланановъ для выпуска паровъ, грозящихъ его системѣ. Уже говорятъ, что онъ готовится къ войнѣ на Рейнѣ — едва ли это достоверно, но крайней мѣрѣ относительно настоящей минуты; но то не подлежитъ сомнѣнію, что онъ не замедлитъ пріискать новыя дипломатическія разногласія и потомъ выведетъ изъ нихъ новыя какія нибудь военныя столкновенія, для того, чтобы снова отвлечь вниманіе французовъ отъ вопросовъ о внутреннихъ правительственныхъ формахъ.

Точно тоже надобно сказать и о надеждахъ на исправленіе условій Виллафранкскаго мира силою негодованія самихъ итальянцевъ. Само собою разумѣется, что въ Италіи неудовольствіе еще во сто разъ жарче, нежели во Франціи, — но что жъ изъ того? Читатель уже могъ убѣдиться фактами, какимъ забавнымъ самообольщеніемъ были слухи, разнесшіеся въ первые дни по заключеніи мира, будто бы Гарибальди не хочетъ слагать оружія, будто бы король сардинскій хочетъ не покоряться трактату, столь убійственному для него по содержанію, столь оскорбительному по презрѣнію къ Сардиніи, которое ознаменовало форму его заключенія. Надѣмся, читатель понимаетъ, что не меньше, нежели въ этихъ слухахъ, находится забавнаго, ребяческаго простодушія и въ надеждѣ на силу тѣхъ фактовъ неудовольствія и волненія, которые совершились въ разныхъ итальянскихъ городахъ при полученіи извѣстій о заключеніи мира. Безъ всякаго сомнѣнія, король сардинскій глубоко оскорбленъ. Не спросяся его, заключили миръ, какъ будто онъ былъ лишенъ всякой самостоятельности. Въмѣсто всей Ломбардіи, Венеціи, Тосканы, Пармы и Модены, которыя были у него уже, можно сказать, въ рукахъ, ему позволили пріобрѣсти только часть Ломбардіи, да и ту дали ему такимъ унижительнымъ образомъ, что, кажется, лучше онъ согласился бы вовсе не брать этого милостиваго подарка отъ великодушнаго союзника, если бы только могъ отважиться на отказъ. Но что жъ изъ того? Именно въ томъ и дѣло, что король сардинскій, 100,000 солдатъ котораго раздроблены между 300,000 солдатъ императора

Французовъ, не смѣть и подумать о непослушаніи великодушному и, что гораздо важнѣе, слишкомъ могущественному союзнику. Гарибальди, конечно, раздраженъ еще гораздо глубже, нежели король сардинскій. Но у Гарибальди только 10,000 солдатъ, и хотя каждый изъ нихъ стоитъ пятерыхъ, все-таки сопротивленіе было бы гибельнымъ сумасбродствомъ. А если Гарибальди и самъ король сардинскій не могутъ не повиноваться необходимости, выражаемой цифрою 300,000 французскихъ штыковъ, то смѣшно и говорить о той возможности поддержать свои желанія, противныя условіямъ мира, какую имѣютъ жители Тосканы, Модены и Легатствъ. Они могутъ кинуть какимъ угодно негодованіемъ, могутъ принимать какія имъ угодно рѣшенія, — на это имъ полная воля въ тѣ немногіе дни, какіе нужны для передвиженія французскихъ войскъ съ бывшего театра войны къ ихъ областямъ. А когда войска подойдутъ, они должны будутъ, волею или неволею, успокоиться. Никакой расчетъ не дозволяетъ имъ и дѣлать попытку къ сопротивленію; а если благородный патріотизмъ заставитъ ихъ жертвовать жизнью въ безнадежномъ сопротивленіи для сохраненія чести, это будетъ имѣть своимъ результатомъ только погубель отважныхъ защитниковъ, преданныхъ итальянской независимости. Мы надѣемся, что не найдется между нашими читателями такого неопытнаго въ житейскихъ дѣлахъ, который захотѣлъ бы повторять вопросъ разныхъ газетъ: «Но кто же будетъ умирять итальянцевъ, если они въ Тосканѣ, въ Моденѣ, въ Легатствахъ скажутъ, что оружіемъ готовы защищать приобретенную независимость? Неужели дозволятъ австрійцамъ въ Италіи снова подавлять вооруженною рукою всѣ попытки къ реформѣ въ областяхъ, куда они не имѣютъ права входить? Неужели французы, черезъ два мѣсяца послѣ того, какъ называли себя защитниками итальянской свободы, рѣшатся штыками умирять тѣхъ итальянцевъ, которые повѣрили имъ?» — Какое наивное «неужели»! — Безъ всякаго сомнѣнія, если французы найдутъ нужнымъ, они не только дозволятъ, но и прямо поручатъ австрійцамъ умирить Легатства и другія папскія области. Безъ всякаго сомнѣнія, они сами умирять штыками тосканцевъ и моденцевъ, если эти несчастные вздумаютъ дѣйствительно противиться восстановленію того порядка дѣлъ, какой былъ у нихъ до начала войны. А можетъ быть, — это еще лучше, — французы прикажутъ сардинцамъ исполнить за нихъ эту обязанность, и если вздумаютъ приказать, вы увидите, что сардинцы должны будутъ исполнить приказаніе.

Такимъ образомъ негодованіе, овладѣвшее всѣми итальянцами, и приготовленія ихъ противиться исполненію условій Виллафранкскаго мира въ тѣхъ странахъ, которыя должны утратить свободу, приоб-

рѣшенную въ то время, пока освободители Италіи, французы, были заняты войною въ долину По, — эти приготовленія могутъ имѣть только одно значеніе, — значеніе свидѣтельства, что патріотизмъ и благородство обязываетъ иногда людей жертвовать своею жизнью для спасенія, если не свободы, то по крайней мѣрѣ для спасенія чести и славы своего мужества. Съ грустнымъ чувствомъ, какъ смотрѣли мы на подвиги волонтеровъ Гарибальди, смотримъ мы теперь на приготовленія жителей Тосканы, Модены и Легатствъ противиться исполненію судьбы, предназначенной для нихъ Виллафранкскимъ трактатомъ. Мы изложимъ здѣсь то, что извѣстно до сихъ поръ о благородныхъ и единодушныхъ усиліяхъ итальянскихъ патріотовъ отстоять свою независимость, — усиліяхъ, которымъ, безъ сомнѣнія, не суждено увѣнчаться успѣхомъ.

Тоскана, Модена и Парма, услышавъ о томъ, что рѣшено относительно ихъ судьбы въ Виллафранкѣ, встрепнулись: исчезли всѣ мелкія несогласія въ ихъ населеніи, исчезли всѣ слишкомъ справедливыя ихъ неудовольствія противъ легковѣрной и слабой политики сардинскаго министерства, давашаго связать себя необдуманнѣйшимъ союзомъ; какъ одинъ человѣкъ, жители Тосканы и Модены рѣшили принять всѣ, какія только могутъ, мѣры для того, чтобы отстоять хотя первый шагъ къ созданію итальянскаго единства, отстоять хотя свое соединеніе съ Сардинією, которая выдавала ихъ въ то время, пока можно было еще сдѣлать что нибудь съ успѣхомъ. Тосканцы послали приказаніе своимъ войскамъ, уведеннымъ французами въ Сѣверную Италію, — какъ можно скорѣе возвратиться для защиты родины отъ французовъ и возстановляемаго ими великаго герцога; они объявили, что онъ можетъ быть возвращенъ къ нимъ только военнымъ насиліемъ, и что они присоединяются къ Сардиніи; они назначили какъ можно скорѣе произвести выборы конституціоннаго тосканскаго собранія, которое облекло бы эту волю тосканскаго народа въ правильную форму.

Тосканскій «Мониторъ», призывая тосканцевъ къ выборамъ, говорилъ, между прочимъ: «ничего не можетъ быть важнѣе этихъ выборовъ для народа. Здѣсь дѣло идетъ о томъ, чтобы сказать Европѣ: мы не хотимъ, мы не можемъ болѣе хотѣть австрійской династіи; мы не хотимъ ея, потому что она противна итальянской національности, за которую мы бились при Сольферино; мы не можемъ хотѣть ея, потому что если бы она возвратилась, обогрѣнная кровью Сольфериинской, то могла бы только составить вѣчное несчастіе наше и возмутить навсегда миръ всей Италіи. Итакъ вы видите, какое важное значеніе имѣетъ голосъ, который вы теперь должны подать!

Кто поступитъ при этомъ легкомысленно, тотъ — или глупецъ, или предатель.»

Въ тоже время обнародована была прокламація къ войскамъ тосканскимъ, которымъ поручалась теперь «защита священнѣйшаго права Тосканы, — права свободно выразить свои желанія относительно національной независимости и конституціоннаго устройства.» Тосканцы объявили, что будутъ защищать это право, во что бы то ни стало. Въ сильной статьѣ помѣщенной въ Тосканскомъ Монитерѣ противъ великаго герцога Леопольда, говорилось между прочимъ: «да, Тоскана вооружается и она должна вооружиться, потому что ей предстоитъ прогнать злѣйшаго врага своего, побѣжденнаго при Сольферино, если бы онъ захотѣлъ снова взойти на тосканскій престолъ. Но *вооруженіе* еще не значитъ *возмущеніе*, какъ хотятъ представить тайные агенты низверженной династіи: безъ всякаго возстанія, Тоскана имѣетъ уже противъ этого врага вооруженныхъ солдатъ; у ней есть войско; скоро будетъ и національная гвардія. — Города должны вооружаться, и когда ударитъ тревога, жители деревень также должны будутъ вооружаться всѣмъ, что только найдется подъ рукою во всемъ населеніи, которое съ презрѣніемъ отвергаетъ побитаго при Сольферино. Пусть знаетъ Европа, что образованный народъ, каковъ народъ тосканскій, не можетъ потерпѣть безчестія имѣть своимъ монархомъ того, кто, не далѣе какъ вчера, сражался въ лагерѣ австрійскаго императора, противъ итальянскихъ войскъ.»

Вслѣдствіе такихъ энергическихъ рѣшеній, муниципальный совѣтъ Флоренціи выразилъ формальнымъ образомъ слѣдующее желаніе націи:

«Муниципалитетъ выражаетъ желаніе, чтобы Тоскана могла составить часть большаго итальянскаго государства подъ властью короля Виктора-Эммануила II, сохранивши административныя различія, которыя наиболѣе согласны съ интересами этой страны.

«Въ случаѣ же, если высшія политическія соображенія воспрепятствуютъ исполненію этого желанія, муниципалитетъ, настаивая на непремѣнномъ исключеніи династіи лотарингской, равно какъ и бурбонской, выражаетъ желаніе призвать къ управленію страню принца изъ савойскаго дома.»

Это рѣшеніе положено повергнуть на усмотрѣніе короля сардинскаго и императора французскаго, на согласіе котораго тосканцы еще надѣялись. Тѣмъ не менѣе они продолжали свое дѣло: сокративши всѣ, установленныя закономъ сроки, они назначили совѣщанія народнаго собранія, а между тѣмъ собирали мнѣнія городскихъ общинъ. 24-го іюля, изъ 141 города, въ числѣ которыхъ находятся

Флоренція, Ливорно и другіе большіе города Тосканы, получено выраженіе желанія присоединиться къ Сардиніи, большинствомъ 809 голосовъ противъ 15. Рѣшенія эти, тотчасъ же представленныя черезъ министра внутреннихъ дѣлъ, г. Риказоли, сардинскому чрезвычайному комиссару въ Тосканѣ, выражали интересы и желанія 1,135,863 жителей. «Нѣкоторые города, прибавлено въ тосканскомъ журналѣ, помѣстившемъ это извѣстіе, — ожидаютъ еще составленія особеннаго собранія для произнесенія своего рѣшенія; но можно предсказать, что онѣ утвердятъ рѣшеніе остальныхъ, и что желанія Тосканы выразятся единодушно. И нѣтъ сомнѣнія, что желанія страны, такимъ образомъ выраженные и утвержденныя національнымъ собраніемъ, будутъ приняты во вниманіе державами, которыя должны опредѣлить новое устройство Италіи.»

Эти надежды на то, что голосъ націи будетъ уваженъ, продолжались довольно долго, и у нѣкоторыхъ продолжаются до сихъ поръ. Сначала онѣ были съ особенною силою поддержаны извѣстіемъ, что императоръ Наполеонъ обѣщалъ положительнымъ образомъ, — что не употребитъ военнаго насилія для возстановленія низверженныхъ государей Италіи. Но потомъ стали ходить другіе слухи, которые однако же не смутили тосканцевъ, объявившихъ, что они «не побоятся никакого рода вмѣшательства и не отстанутъ отъ своего рѣшенія.» Назначены были общіе выборы народнаго собранія 7-го августа (26-го іюля), долженствовавшіе окончательно утвердить рѣшеніе городскихъ общинъ. Между тѣмъ, за недѣлю до начала этихъ выборовъ, разнесся слухъ, вскорѣ оказавшійся справедливымъ, — что Леопольдъ II отказался отъ престола въ пользу своего сына. Извѣстіе это принято было многими очень благопріятно, какъ облегчавшее развязку итальянскаго вопроса. Надѣялись, что тосканцы, имѣвшіе достаточныя причины лично ненавидѣть стараго герцога, не будутъ столь неговорчивы въ отношеніи къ его сыну. Предположеніе это казалось тѣмъ болѣе вѣроятнымъ, что молодой герцогъ, какъ слышно было, намѣревался войти въ свои владѣнія не иначе, какъ предшествоваемый конституціею, весьма либеральною. Но тосканцы не поддались и на это: отреченіе Леопольда ни въ чемъ не измѣнило ихъ рѣшенія относительно лотарингской династіи. Во время выборовъ, стѣны домовъ во Флоренціи покрыты были объявленіями съ надписью: «да здравствуетъ Викторъ-Еммануилъ, нашъ король». Энтузіазмъ къ народному дѣлу не уменьшался, несмотря на то, что Сардинія вела себя въ этомъ дѣлѣ слишкомъ осторожно и даже робко. Предъ началомъ выборовъ, сардинскій чрезвычайный комиссаръ Бонкомпанни былъ отозванъ изъ Флоренціи, чтобы не подать повода къ подозрѣ-

нію въ тайномъ вліяніи Сардиніи на рѣшеніе тосканской націи. Временное правительство осталось въ рукахъ министра внутреннихъ дѣлъ Риказоли. По послѣднимъ извѣстіямъ, національное собраніе уже открыто, въ присутствіи уполномоченныхъ отъ Англіи, Франціи, Россіи и Пруссіи; президентомъ собранія избранъ Тито Коппи. Это избраніе считаютъ доказательствомъ умѣренности собранія, потому что Коппи не принималъ никакого участія въ послѣднихъ политическихъ событіяхъ. Несмотря на эту умѣренность, первымъ дѣломъ собранія, по предложенію депутата Джинори, было — провозгласить, что Лотарингская династія отнынѣ невозможна въ Тосканѣ. Предложеніе это было принято единодушно, всѣми 168 головами собранія, при громкихъ рукоплесканіяхъ публики. Вторымъ предложеніемъ, принятымъ въ собраніи было: «тосканская нація твердо рѣшилась — составить часть одного сильнаго итальянскаго государства, подъ конституціоннымъ правленіемъ короля Виктора Эммануила».

Но къ чему можетъ повести все это единодушіе, вся эта рѣшимость, кромѣ доставленія новыхъ жертвъ дѣлу итальянскаго единства, и такъ уже имѣвшему столько жертвъ?

Не въ видахъ французской политики — допустить образованіе итальянскаго государства, на широкихъ основаніяхъ національной свободы. Теперь уже нѣтъ нужды дѣлать предположенія и соображенія о видахъ французскаго императора: посольство графа Резе достаточно объяснило ихъ. Изъ дѣйствій этого посланника видно, что если не возвращеніе прежняго герцога, то по крайней мѣрѣ всевозможное противодѣйствіе дѣлу итальянской независимости рѣшено непоколебимо въ умѣ Луи-Наполеона. Г. Резе началъ съ того, что увѣрялъ всѣ итальянскіе города, низвергнувшіе своихъ владѣтелей, въ истинномъ расположеніи императора и въ его дружеской заботливости о судьбѣ народа. Между тѣмъ въ то же время во французскомъ Монитерѣ появилась статья, въ которой и Леопольду и Фердинанду придавался титулъ великаго герцога тосканскаго. Это принято было за нѣчто въ родѣ *avertissement'a*, адресованнаго къ тосканцамъ. Вслѣдъ за тѣмъ сдѣлались извѣстны требованія, предложенныя г. Резе королю сардинскому. Онъ требовалъ: 1) чтобы сардинскій комиссаръ былъ отозванъ изъ Пармы, такъ какъ отозваны уже комиссары изъ Флоренціи, Модены и Болоньи; 2) чтобы за тѣмъ Сардинія не имѣла никакого, ни прямаго, ни косвеннаго вліянія на населеніе этихъ областей и предоставила имъ самимъ выразить ихъ желанія; 3) чтобы сардинское правительство оказало свое содѣйствіе къ возстановленію изгнанныхъ принцевъ. — Надобно замѣтить, что не за долго предъ тѣмъ почти не сомнѣвались относитель-

по оставленіи Пармы за Пиемонтъ. Сардинское правительство полагало, что такъ какъ Парма не была включена въ условія Виллафранкскаго договора, то о возстановленіи герцогини не должно быть и рѣчи. Но вышло не то: умолчаніе Виллафранкскаго трактата ни мало не стѣснило императора французовъ, когда дѣло пошло о торжествѣ порядка надъ произволомъ народнымъ. Сардинія должна была согласиться, и графу Пальери, сардинскому чрезвычайному комиссару въ Пармѣ, немедленно посланъ былъ приказъ возвратиться въ Туринъ. Пармскіе жители были очень огорчены этимъ и рѣшились представить императору свои желанія относительно присоединенія къ Сардиніи: пармскій подеста Линати отправился въ Парижъ, чтобы поднести императору постановленія пармскихъ общинъ, требующихъ присоединенія къ Сардиніи.

Второе требованіе Резе было также принято Сардиніею безпрекословно. Да впрочемъ оно отзывается даже отчасти придиркою: Сардинія еще ранѣе этого, сама по себѣ (по крайней мѣрѣ такъ увѣряли официально....) отказалась отъ всякаго вліянія на выборы; а теперь этого отказа требуетъ отъ нея французскій посланникъ!

Но третье предложеніе встрѣтило пока сильное сопротивленіе въ Сардиніи. Говорятъ, что Викторъ-Эммануилъ остался непоколебимъ въ своемъ рѣшеніи — не мѣшать дѣлу итальянской независимости, и отвѣчалъ графу Резе, съ нѣкоторымъ одушевленіемъ: «я могу не противиться тѣмъ распоряженіямъ, которыя вамъ поручено произвести въ итальянскихъ государствахъ, уже признавшихъ мою власть; я могу оставить собственнымъ силамъ народы, которымъ обѣщался покровительствовать; но никогда въ жизни я не протяну руки для того, чтобы помочь войти въ Италію врагамъ народа». Если эти слова дѣйствительно были сказаны, они очень хорошо изображаютъ положеніе сардинскаго правительства въ виду требованій своего союзника и благодѣтеля.

Впрочемъ, если Сардинія и не согласится участвовать въ возстановленіи изгнанныхъ герцоговъ, положеніе дѣла мало отъ того измѣнится. Луи-Наполеонъ рѣшилъ, что итальянскому независимому государству не бывать, и онъ найдетъ средства достигнуть своей цѣли. Французскіе солдаты, бывшіе въ Италіи, не всѣ еще возвратились.... Близъ Ливорно давно уже явилась французская эскадра, которая въ случаѣ надобности можетъ бомбардировать этотъ городъ, служащій Тосканѣ однимъ изъ главныхъ центровъ энтузіазма къ дѣлу итальянскаго единства. Рѣшеніе оставить въ Италіи 50-тысячную армію уже обнародовано въ Монитерѣ. А въ одно время съ извѣстіемъ объ открытіи національнаго собранія въ Тосканѣ, сдѣла-

лось извѣстнымъ распоряженіе императора объ остановкѣ возвращенія французскихъ войскъ изъ Италіи.

Какъ бы въ видѣ поясненія этихъ мѣръ, графъ Резе положительно объявилъ Тосканѣ, что о присоединеніи ея къ Сардиніи не можетъ быть и рѣчи. Но въ видѣ милости, онъ прибавилъ, что всякое другое желаніе націи, выраженное въ національномъ собраніи, можетъ быть принято во вниманіе при рѣшеніи судьбы Италіи.

Что тутъ дѣлать тосканцамъ? Говорятъ, что они склоняются къ мысли предложить власть принцу Наполеону. Въ этомъ избраніи находятъ средство примирить враждебные интересы французско-сардинскіе, такъ какъ принцъ Наполеонъ, будучи кузеномъ императора, въ тоже время, по женѣ своей, близокъ и къ сардинской династіи. Притомъ же, говорятъ въ утѣшеніе себѣ нѣкоторые тосканцы, фамилія Бонапартовъ имѣетъ нѣкоторое притязаніе на Флорентинское происхожденіе!...

Вслѣдствіе ли такихъ соображеній, или скорѣе отъ очевидной безвыходности своего положенія, тосканцы начали писать на стѣнахъ домовъ во Флоренціи: «viva Napoleone-Jerolamo, re d' Etruria». (да здравствуетъ Иеронимъ-Наполеонъ, царь Этруріи). Нѣкоторыя газеты увѣряютъ, что императоръ Наполеонъ и самъ принцъ не согласятся на такое избраніе, какъ весьма деликатные и совѣстливые люди. Но съ другой стороны нельзя не вспомнить, что еще до окончанія войны говорили о замыслѣ французскаго правительства — устроить для принца Наполеона какой нибудь престолъ въ Италіи.... Во всякомъ случаѣ любопытно и то, что народный энтузіазмъ принужденъ уже склоняться къ результатамъ, столь пріятнымъ для Франціи....

Послѣ Тосканы, едва ли нужно много распространяться о положеніи Модены, Пармы и Болоньи. Энтузіазмъ и тамъ проявился не менѣе сильно и рѣшительно, чѣмъ въ Тосканѣ. Тотчасъ по полученіи извѣстія о мирѣ, въ Пармѣ сдѣлана была общая демонстрація въ пользу присоединенія къ Піемонту; демонстрація эта принята была очень благосклонно піемонтскимъ губернаторомъ въ Пармѣ, объявившимъ, что король будетъ ею очень доволенъ, и что относительно присоединенія Пармы къ Сардиніи не можетъ быть никакого сомнѣнія. Но прошло двѣ недѣли, и Парма оставлена Сардиніею; выѣздъ сардинскаго комиссара произвелъ весьма непріятное впечатлѣніе въ Пармѣ; впрочемъ она не отказалась отъ своихъ требованій и отправила адресъ, за подписью, говорятъ, 20,000 чловѣкъ, для заявленія своихъ желаній....

Въ Моденѣ немедленно послѣ того, какъ узнали о мирѣ, рѣшено было составить корпусъ національной гвардіи для защиты

страны. Кромѣ того, объявлено было о формированіи корпуса волонтеровъ, которое тотчасъ же и началось съ большимъ успѣхомъ. Въ то же время произведена была народная демонстрація въ пользу Виктора-Эммануила и противъ возстановленія Франциска V. Составилось множество адресовъ, подписанныхъ тысячами лицъ разныхъ сословій, и вмѣстѣ съ тѣмъ издана прокламація, приглашавшая гражданъ оставаться спокойными и доказать Европѣ, что ихъ рѣшеніе серьезно и благоразумно, и вовсе не походитъ на какое нибудь безпорядочное движеніе. И дѣйствительно, энтузіазмъ моденцевъ былъ твердъ и спокоенъ; вотъ что, напримѣръ, писалъ о немъ одинъ изъ итальянскихъ корреспондентовъ «Independance Belge» Болонецъ, призжавшій въ Модену на одинъ день.

«Болонья, 22 іюля.

«Я хотѣлъ воспользоваться открытіемъ желѣзной дороги, которая теперь соединяетъ насъ съ Моденой, чтобы побывать въ этомъ городѣ. Я провелъ тамъ вчерашній вечеръ и ночь. Только—что возвратившись въ Болонью, я берусь за перо, спѣша разсказать вамъ впечатлѣнія моего путешествія.

«Какой энтузіазмъ, какія манифестаціи, какой духъ народности, какое единодушіе въ чувствованіяхъ, и въ особенности какое непоколебимое рѣшеніе—скорѣе умереть, нежели допустить возвращеніе герцога! Сколько разъ я ни заговаривалъ, въ различныхъ мѣстахъ, о возвращеніи Франциска V, я постоянно слышалъ въ отвѣтъ: *più-losto morire* (лучше умереть!), и въ тонѣ этихъ словъ слышалось столько истины....

«Говоря безъ всякихъ прикрасъ, я долженъ вамъ сказать, что проведши нѣсколько часовъ въ Моденѣ, я убѣдился въ нравственной невозможности возвращенія герцога, — развѣ только онъ будетъ возстановленъ сильною армію (если подобный образъ дѣйствій требуется видами европейскихъ державъ). Но упроченіе его на тронѣ все-таки невозможно, какъ только эта армія выйдетъ изъ Италіи.

«Предметомъ всѣхъ разговоровъ въ кафе, на гуляньяхъ, въ театрахъ, въ частныхъ собраніяхъ — служить здѣсь уже не возвращеніе герцога:—здѣсь всѣ мужчины, женщины и дѣти давно рѣшили, что всѣ пойдутъ на смерть, чтобы только воспрепятствовать этому; — предметъ общихъ разговоровъ составляетъ присоединеніе къ Сардиніи, котораго желаетъ единодушно вся нація. Если это соединеніе не состоится, жители считаютъ возможною одну только мѣру—пальное переселеніе въ Сардинію.

«Но оставляя въ сторонѣ выраженія воли народной, протестаціи и адресы, безпрерывно возобновляемые, я скажу вамъ объ одномъ

дѣлѣ, поднятомъ временнымъ правительствомъ. Дѣло идетъ объ открытіи нѣкотораго рода процесса съ Францискомъ V. Особая коммиссія будетъ наряжена для разысканія въ архивахъ, доказательствъ злоупотребленій власти, совершенныхъ Францисками IV и V, послѣдними принцами изъ дома Эстовъ. Эти слѣдственные разысканія будутъ служить основаніемъ для обвинительнаго акта герцога предъ европейскими державами».

Герцогъ однако же не потерялъ присутствія духа. По достовѣрнымъ извѣстіямъ, онъ намѣренъ возвратиться въ Модену силою. У него въ распоряженіи находилось, по извѣстію въ «Patrie», до 5,000 человекъ. По другому извѣстію, герцогъ моденскій, не имѣющій недостатка въ деньгахъ, навербовалъ себѣ до 7,000 наемниковъ, которыхъ называетъ «арміей Эстовъ». Въ Моденѣ считается хорошо вооруженныхъ людей до 10,000, и они твердо рѣшились сопротивляться до послѣдней крайности.

27-го (15 июля) Фарини, бывшій чрезвычайнымъ комиссаромъ сардинскимъ въ Моденѣ, сложилъ съ себя это званіе, и велѣлъ затѣмъ избранъ былъ диктаторомъ. Принявши это избраніе, Фарини немедленно объявилъ, что онъ намѣренъ приступить къ непосредственному созванію народныхъ комицій для разсужденій объ установленіи правительства, а между тѣмъ обѣщаль заботиться объ усиленіи вооруженій и вообще военныхъ силъ страны.

Вскорѣ потомъ обнародованы и правила выборовъ: избирателями признаны все граждане, достигшіе 21 года и умѣющіе читать и писать; число депутатовъ — 73.

16-го августа и въ Моденѣ открылись засѣданія національнаго собранія, и Форини сложилъ съ себя диктатуру. — Тоже самое и въ Легатствахъ. Они рѣшили, какъ можно поспѣшнѣе формировать свою армію, которая могла бы защитить ихъ отъ возстановленія папскаго владычества французскими или швейцарскими штыками. — Быть можетъ, они и устояли бы противъ однихъ швейцарцевъ, но швейцарцамъ въ случаѣ надобности помогутъ французы или пошлютъ помогать австрійцевъ.

Вообще папскимъ владѣніямъ угрожаетъ еще большая опасность со стороны всѣхъ друзей *порядка*, нежели остальнымъ герцогствамъ. Вопросъ жизни и смерти для Легатствъ — избавленіе отъ власти папы, а не присоединеніе къ Сардиніи; такъ ли, иначе ли ихъ бы устроили, — лишь бы отдѣлили отъ папы, — они были бы довольны. Но именно этого-то и не хочетъ освободитель Италіи, держащій судьбы ея въ своихъ рукахъ.... Онъ такъ почитаетъ Пія XI, такъ давно защищаетъ его отъ самовольства его подданныхъ, такъ недавно создалъ для него новую политическую

роль — председателя итальянского союза!... Потерпитъ ли онъ отложеніе нѣкоторыхъ областей отъ намѣстника св. Петра, допустить ли онъ такіе беспорядки!... И дѣйствительно, на всякое обнаруженіе народной воли въ Легатствахъ смотрять, какъ на *беспорядки*. А между тѣмъ неудовольствіе здѣсь очень сильно и нерѣдко выражается такими манифестаціями, которыя папское правительство и французскіе агенты рѣшительно называютъ мятежными. Вообще, ничего нѣтъ легче и удобнѣе теперь, какъ исказить характеръ народнаго движенія, передавая извѣстія о событіяхъ въ Италіи. Недавно распространился же слухъ, что въ Пармѣ провозглашена красная республика, подъ вліяніемъ маццинистовъ, и подеста Линати долженъ былъ особымъ объясненіемъ разувѣрять Европу въ этихъ слухахъ. Въ нѣкоторыхъ газетахъ напечатано даже было, что есть агенты, нарочно подстрекающіе итальянцевъ, въ различныхъ мѣстностяхъ, къ буйствамъ, для того, чтобы потомъ Франція или Австрія имѣли предлогъ употребить противъ нихъ вооруженную силу. Нельзя опредѣлить, въ какой степени достовѣрны эти извѣстія; но что они не лишены основанія, это доказывается той настойчивостью, съ которою временныя правительства въ Италіи убѣждаютъ гражданъ вести себя спокойно и серьезно.... Въ нѣкоторыхъ изъ итальянскихъ прокламацій попадаетъ выраженіе: «чтобы не подать Европѣ повода къ недовѣрію.» Само собою разумѣется, что подъ Европою тутъ нужно понимать собственно Францію....

Неудовольствіе обнаружилось въ папскихъ областяхъ, какъ и во всей Италіи, непосредственно послѣ заключенія мира. Но здѣсь оно было сильнѣе, потому что имѣло еще нѣкоторыя особенныя причины. Одна изъ нихъ состояла въ томъ, что амнистію, названную въ условіяхъ мира *всеобщею*, папа объявилъ подлежащею многимъ ограниченіямъ и измѣненіямъ. Это произвело въ Римѣ такое волненіе, что генераль Гойонъ испугался и счелъ нужнымъ принять нѣкоторыя мѣры на случай возстанія. При этомъ произошли, разумѣется, арестаціи, продолжавшіяся и потомъ нѣсколько времени. Между прочимъ взяты подъ стражу въ Римѣ два капуцинскіе монахи, давно уже производившіе сношенія съ главами революціонной партіи; у нихъ найдено письмо Маццини.... Подобнаго рода тайное движеніе замѣчено было въ Анконѣ; вслѣдствіе чего съ начала іюня тамъ и водворены папскія войска разныхъ корпусовъ, занимающіяся непрерывными арестаціями. Дошло до того, что запретили ходить по улицамъ двумъ человѣкамъ рядомъ, и хватали всякаго, кто поздно возвращался домой.

Относительно же Романъ, отложившейся отъ папы во время войны, подъ покровительствомъ сардинцевъ, прежде всего произошло

любопытное объясненіе папскаго правительства съ императорскимъ. Папа жаловался, что сардинскія войска вошли въ его владѣнія, что Викторъ Эммануиль послалъ своего комиссара Массимо-д'Азеліо — въ Болонью, что берсальеры и часть бригады Нави рѣшились даже оказать сопротивленіе папскимъ войскамъ, высланнымъ для надлежащаго наказанія мятежниковъ. Въ отвѣтъ на эту жалобу, Луи-Наполеонъ поручилъ своему посланнику, г. Грамону — оправдать предъ папою сардинскаго короля и объяснить, что принимая военную диктатуру, и посылая войска въ Церковную область, Викторъ Эммануиль имѣлъ въ виду только направить силы Романьи противъ Австріи и «предупредить внутреннія столкновенія, которыя легко могли возникнуть, особенно послѣ происшествій въ Перуджии».... Папа долженъ былъ остаться доволенъ такимъ объясненіемъ, которымъ императоръ Французовъ еще разъ доказалъ ту послѣдовательность своего образа дѣйствій, которую мы такъ подробно защищали.

Но и о Легатствахъ, относительно образа проявленія ихъ стремленій, надо сказать тоже, что о герцогствахъ: они постарались о всевозможной осторожности и скромности въ выраженіи своего энтузіазма къ дѣлу національной свободы. Болонья — центръ защитниковъ народнаго дѣла — показала въ этомъ случаѣ примѣръ благоразумія. Во все время, пока въ ней существуетъ временное правленіе, спокойствіе ни разу не было нарушено, хотя и представлялись къ тому нѣкоторые поводы. Ни заключеніе мира, ни сущность его условій, ни внезапное удаленіе д'Азеліо, отозваннаго въ Туринъ, — ничто не вывело болонцевъ изъ границъ, предписываемыхъ благоразуміемъ. Все было спокойно и шло путемъ законности. По отъѣздѣ Азеліо, власть осталась въ рукахъ полковника Филикона, который издалъ декретъ объ учрежденіи въ легатствахъ государственнаго совѣта изъ 15 членовъ, подъ предсѣдательствомъ чрезвычайнаго комиссара сардинскаго. Вскорѣ потомъ Филиконъ передалъ правленіе этому совѣту, который избралъ главою временнаго правленія полковника Чиприани, и пригласилъ гражданъ составить національное собраніе, которое бы въ законной формѣ выразило желанія націи относительно постояннаго правительства. Энергія и дѣятельность Чиприани оживили ходъ дѣлъ въ Болоньи: въ ожиданіи національнаго собранія, послѣдовали одинъ за другимъ адреса противъ папскаго правительства, организовались военныя силы, устроился національный заемъ, на сумму трехъ милліоновъ франковъ.

Между тѣмъ какъ составлялись національныя собранія, — и военный энтузіазмъ съ одинаковою силою поддерживался въ Ита-

ліи. Въ концѣ іюля генералъ Меццокапо, съ частию тосканскихъ войскъ, перешелъ пограничную линію Легатствъ. Оставивши часть своихъ силъ въ Римини, онъ 1-го августа перешелъ въ Форли, каждый день увеличивая свои войска новыми волонтерами. По извѣстіямъ изъ Болоньи, въ теченіе одной недѣли, отъ 27 іюля до 4-го августа, армія его возрасла отъ 11,000 до 16,000. Часть войскъ Меццокапо должна была направиться къ Урбино, а другая къ Анконѣ, чтобы черезъ Абрудскія горы перенести революцію въ Неаполь. По послѣднимъ извѣстіямъ, Гарибальди вышелъ изъ сардинской службы и принимаетъ начальство надъ войсками средней Італіи. Патріоты основываютъ на этомъ большія надежды. Но благоразумнѣйшіе изъ нихъ уже и теперь не скрываютъ, что дѣло ихъ независимости болѣе нежели сомнительно. Надежды на мирное разрѣшеніе дѣла почти исчезли. Неизвѣстно, на чемъ порѣшиль императоръ французовъ съ папою; но извѣстно, что папа, прежде принятія почетнаго предсѣдательства въ итальянскомъ союзѣ, требовалъ возвращенія себѣ Легатствъ; извѣстно и то, что Наполеонъ еще прежде обѣщалъ папѣ неприкосновенность его владѣній...

Послѣдняя надежда для итальянскихъ патріотовъ осталась въ непоколебимомъ единодушіи и вѣрности общему дѣлу, и послѣднія извѣстія все болѣе и болѣе подтверждаютъ слухи о сближеніи между собою всѣхъ возставшихъ областей. Первое извѣстіе о выраженіи сочувствія городовъ другъ другу было около 25 іюля, изъ Пармы. Вотъ что писалъ объ этомъ корреспондентъ «Independance Belge».

Парма, 25 іюля.

«Нѣсколько дней тому назадъ, намъ объявили, что многіе сосѣдніе съ нами города, какъ-то Піаченца, Модена, Реджіо, Болонья, — предполагали прислать къ намъ депутаціи, для засвидѣтельствованія намъ ихъ сочувствія. Нечего говорить, что мысль эта принята была здѣсь съ восторгомъ, и что мы считали истиннымъ праздникомъ для себя это посѣщеніе, долженствовавшее соединить за однимъ столомъ членовъ единого семейства, такъ давно разрозненныхъ.»

«Вчера, въ воскресенье, съ самаго утра весь городъ былъ на ногахъ, готоваясь достойно встрѣтить своихъ гостей. Случилось, можетъ быть не безъ умысла, что всѣ они явились въ одно время, съ разныхъ концовъ, и вступили въ городъ, въ числѣ 1,200 человѣкъ. Тотчасъ начались объятія, съ повторенными криками: «Viva l'Italia!»

«Я не въ состояніи описать того глубокаго впечатлѣнія, какое произведено было въ сердцахъ всѣхъ этимъ первымъ національнымъ торжествомъ.

«Члены городского совѣта, дворянство, высшіе чиновники и самъ губернаторъ пармскій, графъ Пальери — всѣ сошлись на площади Общины, и здѣсь опять начались объятія, при восторженныхъ кликахъ: «да здравствуетъ Италія! Да здравствуетъ Викторъ-Эммануилъ! Сардинская армія! Франція! Сольферино!»

«Каждый пармскій житель овладѣлъ тогда однимъ изъ гостей, чтобы угостить его. Весь городъ превратился какъ будто бы въ одинъ большой домъ: двери каждаго дома, равно какъ и всѣ общественныя и частныя заведенія, были открыты для всякаго.

«Публичный садъ назначенъ былъ мѣстомъ для обѣда. Но число нашихъ гостей не позволяло усадить ихъ за одинъ столъ, какъ думали сначала; должны были удовольствоваться устройствомъ двадцати столовъ, на 100 человекъ каждый. Но и этого не хватило, потому что явились еще новые гости, въ числѣ которыхъ находились солдаты тосканскіе, сардинскіе и французскіе; ихъ присутствіе придавало еще болѣе торжественности и трогательности этому празднику. Въ числѣ этихъ солдатъ оказалось много раненыхъ, и они сдѣлались особеннымъ предметомъ самыхъ предупредительныхъ попеченій со стороны прекраснаго пола. Я видѣлъ, что дамы, принадлежащія къ высшей пармской аристократіи, разговаривали съ неизвѣстными солдатами такъ дружелюбно, какъ будто это были ихъ братья или сыновья.

«Множество знаменъ итальянскихъ и французскихъ украшало городъ; патріотическіе тосты раздавались непрерывно; послѣ обѣда, продолжавшагося пять часовъ, былъ устроенъ импровизированный балъ; городъ былъ блистательно иллюминированъ.... Гости отправились отъ насъ только на другой день, утромъ.

«За обѣдомъ читана была энергическая протестація Піаченцы противъ герцогскаго правительства. Тутъ же предложены были листы, и можно сказать навѣрное, что на нихъ подписались всѣ граждане Пармы, громко протестовавшіе противъ возвращенія герцогини и ея сына.»

Таково было одно изъ публичныхъ проявленій взаимнаго сочувствія итальянскихъ городовъ. Вскорѣ обнаружались отношенія болѣе серьезныя. Отъ 31-го іюля изъ Флоренціи сообщали о предполагаемомъ союзѣ между Тосканою и Моденою, съ цѣлю общими силами отстаивать независимость страны противъ прежнихъ владѣ-

телей, ежели они рѣшятся вступить въ страну съ вооруженной силой. Къ этому союзу приглашалась и Болонья; но ея рѣшеніе сдѣлалось извѣстно только позже. По этому поводу корреспондентъ «Indépendance Belge» сообщаетъ слѣдующіе факты.

Болонья, 8-го августа.

Въ вашей флорентинской корреспонденціи упомянуто было недавно о проэктѣ военнаго союза между Тосканою, Моденою и Легатствами. Это извѣстіе совершенно вѣрно; основанія этого проэкта были предметомъ долгихъ разсужденій; теперь, если мои свѣдѣнія вѣрны, эти основанія приняты всѣми правительствами, заинтересованными въ дѣлѣ, и предложенный союзъ близокъ къ осуществленію, благодаря энергіи нашего теперешняго правителя — полковника Чиприани.

«Дѣло идетъ объ общемъ дѣйствіи армій трехъ странъ, для отпора внѣшнему нападенію, съ какой бы стороны оно ни произошло. Такимъ образомъ силы Италіи возвысятся до 40,000 войска, и это число будетъ еще въ скоромъ времени увеличено поступленіемъ въ армію во Флоренціи и особенно въ Болоньѣ всѣхъ нашихъ соотечественниковъ, возвращающихся изъ Ломбардіи. Эта армія могла бы составить четыре дивизіи, въ каждой съ особой кавалеріей и артиллеріей, такъ чтобы каждая могла дѣйствовать отдѣльно вездѣ, гдѣ случится надобность.

«Мнѣ извѣстно, что главное начальство надъ этими арміями предложено генералу Гарибальди, и уже принято имъ; его же усмотрѣнію представленъ и планъ организаціи войска, сейчасъ упомянутый мною.

«Кстати прибавлю, что виды правительства относительно сосредоточенія начальства надъ войсками въ рукахъ Гарибальди, были, кажется, непріятны сначала генералу Меццокапо, и онъ даже просилъ отставки. Но полковникъ Чиприани, въ длинномъ разговорѣ, нисколько не стѣняя доброй воли генерала касательно отставки, умѣлъ разсѣять его нерасположеніе и приобрѣлъ въ немъ себѣ друга и дѣятельнаго помощника. Генералъ Меццокапо останется начальникомъ войскъ въ Легатствахъ.»

Изъ всѣхъ этихъ приготовленій ясно, что итальянцы уже начинаютъ понимать свое положеніе и догадываются, чего имъ слѣдуетъ ждать отъ Франціи. Они ничего не говорятъ еще; но самое предположеніе о возвращеніи низверженныхъ владѣтелей съ вооруженною силою — показываетъ, что Италія надѣется въ своихъ сосѣдяхъ

найти скорѣе враговъ, нежели защитниковъ ся національнаго дѣла. Въ самомъ дѣлѣ — съ чьей же силою возвратится Леопольдъ, или Фердинандъ, или Францискъ? Конечно, съ французской или съ австрійской, — не иначе. Италія понимаетъ это, но все еще не хочетъ покориться своей тяжелой участи и готовится къ борьбѣ....

Такимъ образомъ, вся средняя Италія рѣшилась противиться исполненію Виллафранкскаго трактата; но при всемъ своемъ энтузіазмѣ, что могли бы сдѣлать эти небольшія области съ 4 милліонами населенія, лишенныя готовыхъ войскъ, какъ Легатства, или потерпѣвшія, благодаря французской предусмотрительности, дезорганизацію въ своихъ войскахъ, какъ Тоскана? Что могли бы сдѣлать противъ безчисленной французской арміи эти области, лишенныя всѣхъ средствъ къ оборонѣ, которая по страшному неравенству силъ, не могла бы быть успѣшна и при самой полной организаціи?

Исполненіе тѣхъ условій Виллафранкскаго трактата, которыя относятся къ восстановленію прежняго порядка дѣлъ въ инсurreкціонныхъ областяхъ, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію: оно опирается на французскіе отряды....

Такимъ образомъ въ Италіи должно восстановиться прежнее состояніе дѣлъ, кромѣ одной той перемѣны, что восточная часть Ломбардіи передана императоромъ французовъ сардинскому королю. Посмотримъ же теперь, какой смыслъ можетъ имѣть эта перемѣна и какъковы тѣ итальянскія правительства, которыя спасены отъ гибели, возвращены къ новой болѣе самоувѣренной жизни трактатомъ, за который наивные легковѣры, очаровавшіеся войною, обвиняютъ теперь императора французовъ, столь полно и основательно защищеннаго нами отъ всѣхъ порицаній за это дѣло.

Въ судьбѣ восточной Ломбардіи, уступленной императоромъ французовъ королю сардинскому, мы видимъ новое доказательство въ пользу оправдываемаго нами дѣла императора Наполеона III: если мы захотимъ узнать, сколько выиграла эта часть Ломбардіи отъ присоединенія къ Сардиніи, то убѣдимся, что остальная часть Ломбардіи и Венеціи не имѣютъ слишкомъ сильныхъ причинъ завидовать перемѣнѣ, которая миновала ихъ.

Если читатель не принадлежитъ къ счастливымъ, у которыхъ денегъ «куры не клюютъ», къ счастливымъ, которые могутъ постоянно носиться душою въ возвышенныхъ сферахъ чисто идеальныхъ созерцаній о прекрасномъ всякаго рода, отъ трюфлей до составленія собственныхъ картинныхъ галлерей, будучи избавлены хорошимъ наслѣдствомъ отъ презрѣнныхъ мыслей о прокормленіи се-

мейства, — то читатель знает по опыту, что презрѣнные матеріальныя расчеты о кускѣ хлѣба, о тяжести налоговъ и тому подобныхъ пошлостяхъ сильно примѣшиваются къ самымъ возвышеннымъ чувствамъ, и напримѣръ съ понятіемъ національной независимости у итальянцевъ должна была соединяться мысль, что національное правительство не будетъ давить ихъ такими ужасными поборами, какъ давили иноземные властители. Мы положительно увѣрены, и имѣемъ на то несомнѣнныя доказательства, что главнымъ источникомъ ненависти къ австрійцамъ въ Ломбардіи служили не политическія преслѣдованія, а обременительность ихъ управленія въ отношеніи налоговъ и поборовъ всякаго рода. Эти фискальныя тягости справедливо казались раззорительными, невыносимыми. Что же теперь сдѣлало сардинское правительство въ этомъ отношеніи съ доставшеюся ему частью Ломбардіи? — Ровно ничего; всѣ тяжести, мучившія ломбардцевъ при австрійцахъ, попрежнему лежатъ на ломбардцахъ. Мы не хотимъ сами говорить объ этомъ, — представляемъ просто выписку изъ «*Indépendance Belge*», которую нельзя упрекнуть въ нерасположеніи къ сардинской политикѣ. Вотъ что пишетъ одинъ изъ корреспондентовъ *Indépendance Belge* въ Италіи о той системѣ управленія, которая учреждена теперь сардинскимъ правительствомъ въ Ломбардіи:

«Изъ текста декрета о новомъ правительственномъ устройствѣ Ломбардіи, посланнаго вчера мною, вы могли видѣть, что въ администраціи не измѣнено по возможности ничего: забота была не о томъ, чтобы придумать возможно-наилучшую администрацію, а только о томъ, чтобы немедленно имѣть готовую администрацію. Потому-то только ту перемѣну и сдѣлали, что удалили множество иностранцевъ (т. е. не итальянцевъ), занимавшихъ должности при австрійскомъ правительствѣ и сосредоточили управленіе въ рукахъ отвѣтственныхъ лицъ съ значительною властью, вмѣсто коллегіальныхъ административныхъ мѣстъ, бывшихъ такимъ вреднымъ недостаткомъ при австрійскомъ управленіи.

«Въ финансовой организаціи страны послѣдовали той же самой системѣ, какъ въ политической. Вотъ два декрета, относящіеся къ финансовому устройству:

«Викторъ Эммануилъ и проч. и проч. и проч.

«Сообразно нашему декрету отъ 8-го числа настоящаго мѣсяца, принимая въ уваженіе потребности національной войны и въ силу чрезвычайной власти, данной намъ закономъ 25-го апрѣля текущаго года, по предложенію нашего совѣта министровъ, мы повелѣли и повелѣваемъ нижеслѣдующее:

«1) Прямые и косвенные налоги, существующіе нынѣ въ ломбардскихъ провинціяхъ, впредь до послѣдующихъ распоряженій удерживаются, исключая постановляемаго слѣдующею статьею измѣненія.

«2) Относящіяся до продажи товаровъ, принадлежащихъ къ регалиямъ (*Regia prisativa*) (*), до почтъ, телеграфовъ, и таможенъ, пошлины, законы и правила, дѣйствующія нынѣ въ другихъ частяхъ королевскихъ владѣній, будутъ примѣнены къ Ломбардіи по особеннымъ распоряженіямъ губернатора.

«По совершеніи этого уподобленія, таможенная линія между Ломбардіею и другими провинціями будетъ уничтожена.

«Другой декретъ опредѣляетъ, что во время войны пограничныя и городскія таможи не должны взимать никакихъ пошлинъ съ товаровъ, идущихъ на потребленіе арміи.

Такимъ образомъ, съ очень небольшими исключеніями, Ломбардія будетъ управляться нынѣ по тѣмъ же самымъ формамъ, какія существовали прежде; ломбардцы будутъ платить тѣже самые налоги, какъ прежде, — и вы увидите странное зрѣлище, что вещи, бывшія несносными при австрійскомъ правительствѣ, будутъ выносятся (и уже выносятся) съ охотою при правительствѣ, которое сами себѣ избрали. Каждому кажется это натурально, и если понесутся и большія жертвы, они также перенесутъ ихъ съ готовностью.»

Итакъ, для облегченія тѣхъ сословій, которыя чувствовали тягость австрійскихъ наборовъ въ Ломбардіи, не сдѣлано ровно ничего. Мы не сомнѣваемся въ томъ, что когда нибудь будутъ произведены сардинскимъ правительствомъ облегченія налоговъ въ Ломбардіи, какъ будутъ конечно произведены и въ самой Сардиніи, гдѣ налоги также доведены до чрезвычайной обременительности для поддержанія давнишней воинственности.... Мы не сомнѣваемся, что сардинскій правительственный принципъ, при всѣхъ своихъ несовершенствахъ, при всѣхъ современныхъ уклоненіяхъ отъ заботы объ облегченіи матеріальной участи народа, все таки въ миллионъ — разъ лучше австрійскаго, который по натурѣ своей соединенъ съ угнетеніемъ народа и въ матеріальномъ отношеніи, какъ основанъ на угнетеніи его въ нравственномъ, и умственномъ отношеніяхъ, между тѣмъ какъ сардинскій принципъ существенно принужденъ обращаться къ улучшенію народнаго быта, хотя бы по временамъ и уклонялся отъ этой обязанности по случайнымъ обстоятельствамъ. Мы толь-

(*) Правительственныя монополіи: соль, табакъ, порохъ и проч.

ко хотимъ сказать, что нынѣшняя война была соединена съ однимъ изъ такихъ временныхъ забвеній объ облегченіи народныхъ бѣдствій, что сардинская политика въ то время, когда приобрѣла Ломбардію, была такъ же недалеконвидна по финансовой части, какъ и по дипломатической.

Мы уже говорили, что поселяне сѣверной Италіи далеко не раздѣляли энтузіазма, съ которымъ желали изгнанія австрійцевъ горожане и высшія сословія. Мы говорили, что причина этой холодности поселянъ къ національному дѣлу заключается въ поземельныхъ отношеніяхъ, по которымъ поселянинъ, зависимый не прямо отъ правительства, а отъ богатаго землевладѣльца, останавливается на этомъ ближайшемъ посредникѣ своей бѣдности чувство нелюбви, которое уже не доходитъ до отдаленнѣйшей и коренной виновницы бѣдствій—до правительственной системы, принуждающей землевладѣльца обирать поселянина для уплаты налоговъ и съ тѣмъ вмѣстѣ защищающей землевладѣльца въ его господствѣ надъ поселяниномъ. Поселянинъ знаетъ, что онъ много отдаетъ землевладѣльцу; — о томъ, что землевладѣлецъ много изъ этой добычи долженъ отдавать правительству, онъ не знаетъ, не знаетъ и того, что оно не даетъ возможности ни землевладѣльцу уменьшить повинности, лежащія на мужикѣ, ни мужику возвыситься до независимости въ своихъ поземельныхъ отношеніяхъ. Такимъ образомъ и въ Ломбардіи поселяне умѣютъ только нелюбить землевладѣльцевъ, не понимая, что должны были бы за все винить австрійское правительство, которое не имѣло съ ними непосредственнаго дѣла, а угнетало ихъ только черезъ посредство землевладѣльцевъ. Вотъ подробности объ этомъ положеніи вещей, найденныя нами у того же корреспондента Times'a, которому мы были обязаны описаніемъ войны:

«Справедливость требуетъ сказать, что поселянамъ (въ Ломбардіи) нечего было жаловаться на австрійское правительство: въ самомъ дѣлѣ, вы удивитесь, если я скажу, что, за исключеніемъ косвенныхъ налоговъ по монополіямъ соли, табаку, по гербовой бумагѣ и по таможеннымъ пошлинамъ, поселянинъ не платитъ здѣсь ничего, и прямыхъ налоговъ никакихъ на немъ не лежало. Всѣ налоги лежатъ на землевладѣльцѣ. Большая часть этого округа (сѣверо-восточная часть Ломбардіи) состоитъ изъ большихъ имѣній, владѣльцы которыхъ почти всѣ живутъ въ городахъ, только осенью пріѣзжая на нѣсколько недѣль въ свои помѣстья. Мелкой поземельной собственности, которая обрабатывается самими владѣльцами, здѣсь чрезвычайно немного, и почти всѣ поселяне просто фермеры или работники. Имѣющіе четырехъ и больше воловъ бываютъ фермерами;

Фермеръ получаетъ, сообразно съ своими рабочими силами, извѣстный участокъ земли съ домомъ, который содержится землевладѣльцемъ. Фермеръ дѣлаетъ посѣвъ изъ своихъ сѣмянъ и обрабатываетъ землю; изъ произведеній ему принадлежать двѣ трети, а третья часть отдается владѣльцу, который, какъ собственникъ, долженъ изъ этой трети уплачивать тяжелый поземельный налогъ (*prediale*). Нанимающіе скота нанимаются въ годовые работники. Они получаютъ готовый домъ со всѣмъ обзаведеніемъ, извѣстное число воловъ, сообразно пространству отдаваемой имъ въ обработку земли, соразмѣрному съ числомъ работниковъ въ семьѣ. Весь сборъ произведеній поступаетъ къ землевладѣльцу, который даетъ извѣстную плату деньгами, хлѣбомъ, рисомъ, сѣномъ, виномъ, дровами и проч. этимъ своимъ работникамъ (*bovati*). Едва ли нужно говорить, что и тутъ поземельный налогъ уплачивается землевладѣльцемъ.

«Шелководство совсѣмъ особое дѣло. Землевладѣлецъ составляетъ такъ называемое «общество», *società*. Каждому семейству даетъ онъ извѣстное количество сѣмени шелковичнаго червя и для прокормленія червей назначаетъ соответствующее число шелковичныхъ деревьевъ. Онъ даетъ семьѣ также домъ, если она не получила уже дома по фермерству или найму въ земледѣльческую работу у него. Продуктъ дѣлится по-ровну между землевладѣльцемъ и его компаньономъ. Налогъ платитъ опять землевладѣлецъ, какъ собственникъ шелковичныхъ деревьевъ. Но это еще не все: онъ долженъ нести и весь рискъ, а въ послѣдніе годы рискъ въ шелководствѣ былъ великъ. «И знаете, что бываетъ? — говоритъ челоѣкъ, сообщавшій мнѣ эти свѣдѣнія, простодушный, но умный приходскій священникъ, — компаньонъ приходитъ къ владѣльцу и говоритъ: падроне (или по здѣшнему выговору парронъ) мнѣ нужно поленты, чтобы кормить мою семью. — Вотъ вамъ полента, говоритъ владѣлецъ. — Приходитъ другой и говоритъ: парронъ, мнѣ нужно дровъ, потому что погода холодная, и черви перемрутъ, если не топить для нихъ. — Вотъ вамъ дрова, говоритъ владѣлецъ. — Опять приходитъ третій и проситъ денегъ заплатить людямъ, которые обрываютъ и переносятъ къ червямъ листья съ деревьевъ, и получаетъ одну или двѣ мѣдныхъ монеты отъ владѣльца. Такъ все и идетъ, и владѣлецъ долженъ нести самъ всѣ издержки производства. Приходитъ *galette*, сборъ коконовъ, — и вотъ тебѣ! — коконы не сотканы червями: владѣлецъ — мало-того, что не получилъ шелку, онъ долженъ еще платить подати, а въ придачу пропали даромъ и дрова, и полента, и деньги».

«Этотъ очеркъ нѣсколько объясняетъ расположеніе умовъ ломбардскаго есельскаго населенія, и показываетъ почему поселяне въ

равнинахъ до сихъ поръ оставались довольно равнодушны къ дѣлу удаленія австрійцевъ. Они только поставляли рекрутъ, да платили косвенные налоги на соли и табакъ, а кромѣ того не платили ничего. Подобно сельскому населенію въ другихъ странахъ, они не поднялись до идей выше мыслей о ѣдѣ, питьѣ, приумноженіи человѣческаго рода и смерти. Смѣшно было бы ожидать отъ нихъ энтузіазма безъ предложенія имъ какихъ нибудь матеріальныхъ выгодъ. Съ этою цѣлью новое правительство рѣшило сдѣлать значительное пониженіе въ цѣнѣ соли, надѣясь, и быть можетъ не безъ основанія, приобрести расположеніе сельскаго населенія въ равнинахъ. Въ горахъ, гдѣ больше мелкихъ собственниковъ и гдѣ стало-быть карманъ народа страдаетъ отъ тяжелой поземельной подати, наложенной австрійскимъ правительствомъ, поселянинъ такъ же сильно желаетъ низверженія австрійскаго правительства, какъ по всей Ломбардіи желаютъ этого высшіе классы горожанъ».

Такимъ образомъ, мы теперь знаемъ слѣдующіе факты: поселяне въ Ломбардіи не понимали, что австрійцы поддерживали невыгодныя для нихъ поземельныя отношенія, и обременя землевладѣльцевъ налогами, служили истинными виновниками ихъ бѣдности; но они жили бѣдно, будучи въ совершенной зависимости отъ землевладѣльцевъ, и если желали перемѣнъ, то не въ правительствѣ, а въ своихъ поземельныхъ отношеніяхъ. Сардинское правительство ничего не сдѣлало и по этому вопросу. Итакъ поселяне, не понимавшіе, что должны винить за свою бѣдность австрійцевъ, не получили причинъ быть расположенными къ сардинцамъ больше, нежели къ австрійцамъ. Высшіе классы и горожане, чувствовавшіе австрійское угнетеніе, не получили облегченій отъ Сардиніи; поселяне не имѣвшіе ненависти къ австрійцамъ, оставлены въ прежнемъ положеніи.

Теперь читатель видитъ, почему мы, сказавъ въ началѣ статьи, что въ каждой западно-европейской націи существуютъ двѣ основы раздѣленія на партіи, — матеріальныя отношенія и политическія потребности, говорили потомъ только о трехъ партіяхъ, возникающихъ изъ разногласія въ политическихъ стремленіяхъ, не упоминая о четвертомъ отдѣлѣ, состоящемъ изъ массы народа, которая равнодушна къ понятіямъ реакціи, модерантизма и политическаго революціонерства, и носитъ въ себѣ только недовольство чисто матеріальными отношеніями извѣстнаго порядка вещей. Эта темная, почти нѣмая, почти мертвая въ обыкновенныя времена масса не играетъ роли въ нынѣшнихъ итальянскихъ событіяхъ, какъ не играетъ и въ большей части другихъ политическихъ дѣлъ Западной Европы.

Глухія, нѣмая стремленія этой массы такъ непохожи на историческія стремленія друзей реформы въ образованныхъ сословіяхъ, что модерантисты никогда, и даже революціонеры очень рѣдко отваживаются прямо опираться на удовлетвореніе этимъ стремленіямъ, и масса, не находя въ ихъ программахъ соотвѣтствія съ своими мыслями, остается обыкновенно равнодушна къ реформаторамъ; мало того, она даже обыкновенно имѣетъ расположеніе проникаться нелюбовью къ нимъ, досадою на нихъ за то, что въ общественной тишинѣ, доставляющей ежедневное скудное пропитаніе массѣ, реформаторскія партіи производятъ нарушеніе для цѣлей, не казущихся достаточно благотворными для массы. Оставаясь равнодушной къ реформаторамъ, не видя въ ихъ дѣлѣ своего дѣла, масса даже предается въ руки реакціонеровъ, которые по крайней мѣрѣ общаются охранять внѣшній порядокъ, дающій массѣ насущный скудный хлѣбъ ежедневнымъ трудомъ....

Такъ было и въ Италіи. Сардинія, Ломбардія, Венеція, Тоскана, Парма и Модена, Легатства, — эти земли вмѣстѣ имѣютъ болѣе 15 милліоновъ населенія; какая армія въ состояніи бороться противъ 15 милліоновъ людей? Пошлите противъ нихъ хотя миліонъ солдатъ, и тысячи человѣкъ изъ этого миліона не возвратятся на родину.... Но гдѣ же въ Италіи было участіе массы? Дѣйствовали образованные сословія да нѣкоторые классы горожанъ, то есть горсть людей, только сотни тысячъ, а остальные четырнадцать съ половиною милліоновъ, покинутые безъ вниманія къ ихъ потребностямъ предводителями движенія, равнодушно смотрѣли на это движеніе къ цѣлямъ, не затрогивавшихъ бѣдныхъ потребностей бѣдной массы — ихъ поселянъ и городскихъ простолюдиновъ, и говорили: «пусть раздѣляются между собою, какъ знаютъ, это не наше дѣло; о насъ никто не заботится, намъ никто не желаетъ пользы, — что же намъ-то хлопотать о нихъ?»....

Да, — это мы видимъ теперь, — страшная судьба ждетъ патриотовъ Италіи. Каковы бы ни были правительства, ими низвергнутыя, прежнія гоненія будутъ ничтожны передъ мщеніемъ, которому подвергнутся образованные классы отъ реставраціи. Тоскана, Парма, Модена долго будутъ доставлять газетамъ матеріалы для пошлыхъ, глупыхъ филиппикъ противъ жестокостей реакціи, какъ будто бы реакція можетъ обходиться безъ крутыхъ средствъ!... Что будетъ въ Италіи дѣлаться возстановленными правительствами, можемъ мы знать по примѣру, который дало папское правительство въ Перуджіи.

Мы не возьмемъ на себя обязанности рассказывать перуджіанское дѣло, происходившее передъ сольферинскою битвою; ограничимся

выпискою изъ газеты, которую никто не заподозритъ въ преувеличеніи фактовъ съ неблагонамѣренною цѣлью, и переводомъ письма, присланнаго въ «Times» американцемъ, который самъ былъ очевидцемъ подвиговъ торжествующей реакціи. Вотъ это письмо, изъ котораго Европа впервые узнала о томъ, какъ возстановленъ былъ порядокъ въ Перуджіи, увлекшейся нечестивыми либеральными наклонностями:

«Флоренція, 25 іюня.»

«Считаю обязанностью очевидца извѣстить васъ о свирѣпостяхъ, совершенныхъ папскимъ правительствомъ въ Перуджіи 20 (8) числа нынѣшняго мѣсяца (іюня), когда швейцарскія войска послѣ форсированнаго марша успѣли вступить въ этотъ городъ, одолѣвъ храброе сопротивленіе жителей, которые въ предъидущій вторникъ (14—2 іюля) мирно, но твердо и единодушно возстали противъ легата и принудили его съ немногочисленными папскими солдатами, бывшими въ Перуджіи, оставить ихъ городъ.

«Во всю эту педѣлю были слухи, что правительство послало изъ Рима два полка; но телеграфъ молчалъ. Горожане составили изъ себя національную гвардію, собрали оружіе и загородили ворота св. Петра, находящіяся въ концѣ той улицы, гдѣ стоитъ Hôtel de France, въ которомъ жилъ я съ моимъ семействомъ.

«Насъ увѣряли, что мы будемъ за нѣсколько часовъ предупреждены о приближеніи войскъ; но они шли день и ночь проселочными дорогами, не проходя ни черезъ одинъ городъ, стоящій на обыкновенной дорогѣ, такъ что совершенно неожиданно явились подъ стѣнами города и перелѣзли черезъ нихъ.

«Они требовали покорности, но горожане, страдавшіе отъ несправедливостей, о которыхъ вы такъ часто и хорошо говорили Европѣ, отвѣчали съ твердостью, какую давала имъ великая надежда, что ихъ груди будутъ вторымъ оплотомъ противъ войскъ.

«Тогда была сдѣлана самая бѣшеная и, разумѣется, успѣшная атака на иррегулярное и необученное войско горожанъ; полтора часа непрерывно продолжалась перестрѣлка у воротъ.

«Солдатъ гнали къ Перуджіи день и ночь, выдавая имъ очень мало пищи; пятеро или шестеро изъ нихъ умерли на дорогѣ. Прибывши въ маленькую деревню близъ Santa Maria degli Angeli (около города Ассизи), гдѣ они, вѣроятно, въ первый разъ выступили на большую дорогу, они вошли въ дома и принудили жителей отдать имъ все вино, какое было въ деревнѣ, такъ что къ Перуджіи пришли они пьяные, обезумѣвшіе отъ вина и усталости... Какъ прискорбно, что швейцарцы, могутъ заниматься на совершеніе такихъ злодѣйствъ, — злодѣйствъ, говорю я, потому что, вошедши въ городъ, они стали

дѣйствовать, какъ убійцы. Они входили въ дома, стрѣляли направо и налѣво въ лавки и въ дома, и часа черезъ два, послѣ начала атаки, мы услышали, что они выламываютъ двери нашего отеля, потомъ услышали мы выстрѣлы въ домѣ, хотя хозяинъ отеля былъ безоруженъ, оставался нейтральнымъ и не оказывалъ никакого сопротивленія. У дверей они застрѣлили двухъ служителей, кричавшихъ имъ, что это гостиница. По свирѣпымъ крикамъ и выстрѣламъ узнать, что намъ грозитъ большая опасность, всѣ мы ушли въ заднюю комнату во второмъ этажѣ; когда бѣшеные солдаты стали приближаться къ ней, мы спрятались въ длинный, узкій чуланъ, въ концѣ котораго поставили хозяйку дома, ея мать и одну изъ служанокъ. Наше семейство состояло изъ одного мужчины, четырехъ женщинъ и съ нами было двое слугъ, такъ что всего 10 человекъ забились въ эту клѣтку, имѣвшую не болѣе двухъ футовъ ширины. Мы приготовлялись къ смерти. Прошло десять минутъ мучительной неизвѣстности, и солдаты вошли въ комнату; отворивъ дверь чулана, они направили въ нее штыки; три раза они грозили намъ; они походили на дикихъ звѣрей. Мы всѣ кричали по-итальянски: «мы американцы, иностранцы....» Одна изъ дамъ упала на колѣни и штыкъ былъ устремленъ на нее, когда сердце одного изъ швейцарцевъ смягчилось: онъ бросился впередъ съ крикомъ: «стыдно убивать женщинъ», сталъ между нами и своими товарищами, помогъ намъ укротить ихъ, увѣряя, что мы отдадимъ все, что у насъ есть. Взявъ наши часы и бывшія съ нами деньги, они ушли изъ комнаты. Добрый солдатъ, Конрадъ, сказалъ, что будетъ защищать насъ и что его товарищи обезумѣли отъ вина, утомленія и голода. Полчаса прошло спокойно; потомъ мы услышали, что бѣгаетъ по дому другая толпа; въ ту самую минуту, когда они были готовы ворваться въ нашу комнату, добрый солдатъ, которому мы были обязаны жизнью, вбѣжалъ въ другую дверь, съ крикомъ: «прячьтесь, прячьтесь! въ чуланъ, въ чуланъ!» — и опять мы спрятались на цѣлый часъ.

«Солдаты совершенно опустошили домъ. Они убили хозяина дома (человѣка безоружнаго, старавшагося успокоить ихъ) передъ тою комнатою, гдѣ мы были, и убили его самымъ жестокимъ образомъ. Въ цѣломъ городѣ совершались убійства. Одному изъ солдатъ помѣшалъ заколотъ штыкомъ двухъ женщинъ его товарищъ, который боролся съ нимъ, пока женщины убѣжали къ намъ.

«Два раза мы должны были возвращаться въ нашъ чуланъ. До 9 часовъ солдатамъ было дано грабить и опустошать городъ. Между прочимъ, они убили бѣднаго малютку за то, что на него была надѣта его матерью итальянская кокарда. Они убили семь женщинъ....

Многіе изъ жителей разорены. Въ нашемъ отелѣ (Hôtel de France) не осталось ни одной цѣлой вещи: столы, стулья, зеркала, — все изломано и разбито въ мелкіе куски. Наши чемоданы были разломаны и все изъ нихъ взято. Потерявши все, мы едва спасли свою жизнь, благодаря нашимъ паспортамъ, которые по счастью были у меня въ карманѣ: намъ было дозволено уѣхать изъ города, — города смерти, по улицамъ котораго, когда мы уѣзжали на другой день поутру, лежали трупы.»

А вотъ и выписка изъ «Journal des Débats», который, какъ извѣстно, вовсе не расположенъ чернить охранителей порядка:

«Извѣстно, что вся Романья, многіе города маркграфства и нѣкоторые города Умбріи объявили себя въ пользу войны за независимость. Движеніе повсюду имѣло одинаковый характеръ. Граждане, самые почтенные по знатности, богатству или личнымъ достоинствамъ, объявляли легату или делегату, что лучше будетъ ему удалиться, потому что городъ рѣшился помогать своими деньгами и силою своихъ молодыхъ людей войнѣ, которую ведутъ союзники противъ австрійцевъ. Повсюду делегаты удалились безъ сопротивленія.

«Юнты, составлявшіяся изъ самыхъ почетныхъ людей въ каждомъ городѣ, немедленно учреждались и первымъ ихъ дѣломъ было посылать депутатовъ въ монастыри, коллегіумы, воспитательные дома іезуитовъ и другихъ орденовъ — увѣрить эти корпораціи, что всѣ онѣ могутъ быть совершенно спокойны за свое существованіе и свою собственность, что движеніе имѣло исключительно народный итальянскій характеръ, а вовсе не характеръ революціи.

«Перуджія — самый близкій къ Риму изъ городовъ, въ которыхъ обнаружилось это движеніе. Правительство рѣшилось возвратить ее къ повиновенію. «Римская газета», три дня тому назадъ (21 іюня новаго стиля), извѣстила насъ, что городъ покоренъ и г. полковникъ Шмидтъ произведенъ въ генералы за услуги, оказанныя при этомъ дѣлѣ. Намъ очень непріятно, но мы должны сообщить подробности этого покоренія. Было послано 1,000 человекъ тѣхъ наемныхъ солдатъ, которые называются швейцарцами, но въ сущности состоятъ изъ людей всякихъ націй, особенно изъ нѣмцевъ; къ нимъ въ Фулини присоединилось нѣсколько карабинеровъ, — этотъ корпусъ назначенъ быть жандармами, но состоитъ изъ грабителей. Присоединили къ нимъ еще нѣсколько ротъ обыкновеннаго папскаго войска, и полковникъ Шмидтъ, набравъ такимъ образомъ до 2,500 человекъ солдатъ, явился передъ Перуджіею.

На требованіе сдаться, муниципальная юнта отвѣчала просьбою дать ей нѣсколько часовъ времени для успокоенія особенно горячихъ

людей и принятія нужныхъ мѣръ. Поста, секретарь юнты, пошелъ въ лагерь просить этой отсрочки, передъ нимъ несли бѣлое парламентское знамя. Едва только вышедши за городскія ворота, онъ упалъ, пораженный шестью пулями. Потомъ были убиты четыре сына его, и мы слышали, что мать ихъ сошла съ ума. Въ одну минуту ядра разбили ворота, и войска ворвались въ предмѣстье св. Петра. Тутъ было убито 70 человекъ, множество другихъ ранено, начался грабежъ, и солдаты зажгли городъ. Изъ монастыря Бенедиктинцевъ было взято 14,000 скуди (21,000 р.). Въ семействахъ Темперини, Самптаремси, Таббакони, Бельцуни почти всѣ были перерѣзаны, даже маленькιά дѣти. Изъ комнатъ, гдѣ хотѣли укрыться эти несчастные, всѣ дорогія вещи и все серебро взяли солдаты.

«Магдалена Темперини, богатая и уважаемая дама, была убита въ своей спальнѣ. Ирена Джоя Полидори, модистка, была убита. Въ Hôtel de France, американецъ, жившій съ своимъ семействомъ.... (слѣдуютъ подробности, которыя мы уже знали изъ его письма).

«Послѣ такой побѣды, городъ немедленно былъ подвергнутъ всей строгости жесточайшихъ военныхъ законовъ, и было велѣно два дня иллиминовать его. Солдаты были роскошно угощаемы на счетъ города и стали получать по три паоли въ день; на городскую общину была наложена контрибуція въ 231,000 франковъ и на одного изъ членовъ юнты, г. Гуардабали, штрафъ въ 107,000 франковъ.

«У инсургентовъ было только 80 ружей.

«Вчера (23 июня н. с.) было здѣсь (въ Римѣ) большое торжество.»

Вотъ еще отрывокъ изъ письма корреспондента «Indépendance Belge»:

«Списокъ злодѣйствъ, совершенныхъ въ Перуджии, слишкомъ длиненъ. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ:

«У модистки Серри, солдаты ранили или убили восемь дѣвушекъ и ребенка, которые на колѣняхъ умоляли о пощадѣ.

«Въ домѣ г. Лагарини убиты его жена, теща и ребенокъ.

«Въ домѣ табачнаго купца Франчески, убита штыками въ постели больная женщина.

«У г. Темперини взято 2,000 скуди.

«Въ домѣ г. Сальватори убиты два служителя.

«Привожу только немногіе факты. Не могу не упомянуть объ одномъ совершенно оригинальномъ.

«Между разными монастырями, существуетъ вражда. Доминиканскіе монахи, помогавшіе солдатамъ войти въ городъ, обратили ихъ ярость на монастырь св. Петра, который называли пристанищемъ

мащинистовъ. Солдаты убили одного изъ монаховъ и ранили нѣсколькихъ другихъ.»

Паиское правительство, выразивъ свою благодарность усмирителямъ Перуджіи (защитники которой, какъ мы видѣли, имѣли только 80 ружей) и наградивъ генеральскимъ чиномъ ихъ командира, объявило въ «Римской газетѣ», что очень глупо поступаютъ люди, удивляющіеся совершившимся въ Перуджіи фактамъ, какъ чему-то необыкновенному, что напротивъ, иначе никогда не бываетъ и не можетъ быть. Мы не судимъ о томъ, до какой степени хорошо или дурно рѣзать дѣвушекъ, дѣтей и больныхъ женщинъ, но должны признаться, что паиское правительство понимаетъ характеръ своего положенія лучше нежели тѣ наивные люди, которые удивляются перуджіанскимъ событіямъ и въ своемъ простодушіи даже требуютъ, чтобы подобныхъ вещей не совершалось.

ОГЛАВЛЕНИЕ

СЕМЬДЕСЯТЬ ШЕСТАГО ТОМА.

СЛОВЕСНОСТЬ, НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

	Стр.
Очерки кавказской военной жизни. <i>Н. С—ва</i>	3
Во снѣ, стихотв. <i>Я. П. Полонскаго</i>	93
Женщинѣ, стихотв. <i>Я. П. Полонскаго</i>	95
Мысли о возможности улучшить бытъ и нравственность низшаго сословія Россіи посредствомъ уничтоженія винокурения изъ хлѣба. <i>А. И. Халютина</i>	97
Двѣ жены. Сцены <i>С. Н. Оедорова</i>	107
Взглядъ на русское судоустройство и судопроизводство. Часть вто- рая (продолженіе). <i>М. Филиппова</i>	135
Окончаніе второй и послѣдней части	251
Паризина. Поэма Байрона. Перев. <i>Ан. Григорьева</i>	175
Необыкновенный случай. (Быль). <i>И. В. Селиванова</i>	199
Темникъ, рассказъ проѣзжаго. <i>А. Ѳ. Погосскаго</i>	203
Воспоминанія о воспитаніи въ горномъ кадетскомъ корпусѣ, 1815 до 1822. <i>Ардаліона Иванова</i>	233
Поземельный кредитъ и его современная организація въ Европѣ. Статья третья. <i>В. П. Безобразова</i>	283
Виргинцы. Романъ <i>В. М. Тэккеря</i> . (Продолженіе. — Въ прило- женіи).	

УСТРОЙСТВО БЫТА ПОМѢЩИЧЬИХЪ КРЕСТЬЯНЪ. № X.

Библиографія журнальныхъ статей по крестьянскому вопросу. . . 1

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ІЮЛЬ.

Лондонскія замѣтки. II. — Сити. <i>М. А. Михайлова</i>	1
РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА. — Темное царство. (По поводу драматическихъ соч. А. Островскаго). Статья первая. <i>Н. —бова</i> . . .	17
Новыя книги: Стихотворенія Я. П. Полонскаго. Дополненіе къ стихотвореніямъ, изданнымъ въ 1855 г. — Кузничикъ—музыкантъ. Шутка въ видѣ поэмы Я. П. Полонскаго. — Разказы Я. П. Полонскаго	79
Постороннее вліяніе. Романъ въ четырехъ частяхъ. Сочиненіе князя В. Г. Кугушева, автора «Корнета Отлетаева».	91
Царь Іоаннъ Васильевичъ Грозный. Историческій драматизированный разказъ, въ стихахъ. А. Сухова. — Нижегородскій гражданинъ Косьма Мининъ, или освобожденіе Москвы въ 1612 г. Историческое повѣствованіе въ стихахъ. Сочиненіе А. С. . .	97
Деревня. Разказы для юношества о сельской природѣ и сельскомъ бытѣ	101
Художественная выставка въ Петербургѣ. (Май и іюнь 1859 г.)— <i>М.</i>	105
Петербургская жизнь. Замѣтки <i>Новаго Поэта</i> . (Путешествіе въ Парижъ.... въ воображеніи. — Мои фантазіи. — Графъ Соллогубъ, превратившійся изъ русскаго во французскаго писателя. — Его комедія «Доказательство Дружбы» на театрѣ <i>Gymnase</i> . — Отзывъ объ этой комедіи Жюль-Жанева. — Нѣсколько словъ по этому поводу. — Переводъ «Мертвыхъ Душъ» Гоголя. — Замѣчаніе объ нихъ Филарета Шаля. — Ангажементъ для петербургской итальянской оперы: г-жѣ <i>Шармонъ-Демёръ</i> , <i>Наитъе-Дидье</i> , <i>Эмми Лагра</i> и для петербургскаго балета г-жи <i>Розати</i> . — Парижскіе лѣтніе балы и уничтоженіе знаменитаго Рanelaga. — Публичныя засѣданія петербургской Академіи Художествъ и Академіи Наукъ. — Русское музыкальное общество. — Открытіе желѣзной дороги въ Красное Село и спектакли въ Красномъ Селѣ. — Открытіе памятника Императору Николаю I. — Стрѣльба. — Сергіевскій монастырь. — Отель Огюста, и проч).	115
ПОЛИТИКА. (Похвала миру. — Сраженія при Маджентѣ и Сольферино. — Причины слабости австрійской арміи. — Причина, по которой былъ заключенъ миръ. — Приложенія: Битва при Маджентѣ, по разказу корреспондента <i>Times'a</i> , находящагося при австрійской главной кав-тирѣ. — Письмо о дѣйствіяхъ Гарибальди).	193
Отъ редакціи.	220

АВГУСТЪ.

Лондонскія Замѣтки. — III. — Монументальный Лондонъ. <i>М. И. Михайлова</i>	221
РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА. — Объ историческомъ изученіи русскаго языка. (Опытъ исторической грамматики русскаго языка. Сост. <i>Ө. Буслаевымъ</i> . Москва 1858). <i>М. И. Де-Пуле</i>	237
Новыя книги:—Постановленія о литераторахъ, издателяхъ и типографіяхъ	255
Сватовство Ченскаго или матеріализмъ и идеализмъ. — О неизбѣжности идеализма въ матеріализмѣ, <i>Ю. Савича</i> . (Атеней, 1859 г. № 7).	262
Лучи и тѣни. Сорокъ пять сонетовъ. <i>Д. фонъ-Лизандера</i> . — Стихотворенія <i>В. Бажанова</i> . — Стихотворенія <i>Александрова</i>	275
Разсказы и очерки. <i>С. Вахновской</i>	287
Объяснительный словарь иностранныхъ словъ, употребляемыхъ въ русскомъ языкѣ. Издавъ <i>В. Н. Угловъ</i> . — Объясненіе 1000 иностранныхъ словъ, употребляемыхъ въ русскомъ языкѣ. Составилъ и издавъ <i>А. С.</i> — Краткій Политико-Экономическій словарь	294
Краткое историческое обозрѣніе дѣйствій главнаго педагогическаго института	299
Петербургая жизнь. Замѣтки <i>Новаго Поэта</i> . (Современный умникъ, оптимистъ и джентльменъ. Портретъ, составленный изъ нѣсколькихъ оригиналовъ. — Большой морской смотръ въ Кронштатѣ. — Шоссе отъ Петербурга до Сестербека. — Улучшенія въ технологическомъ институтѣ. — Слухи о преобразованіяхъ въ академіи художествъ. — Извѣстія, печатаемыя изъ Россіи въ «Нордѣ». — Праздники на различныхъ вилахъ. — Конскія скачки въ Красномъ Селѣ. Мои похождения по этому случаю. — Нѣсколько словъ по поводу прекратившихся журналовъ. — Сочиненія <i>Бѣлицкаго</i> . Томъ II. — Письмо въ редакцію «Современника» по поводу рецензіи «Основныхъ Законовъ Воспитанія», г. <i>Миллера-Красовскаго</i>)	309
ПОЛИТИКА. (Неосновательность упрековъ, дѣлаемыхъ императору французъ за <i>Виллафранкскій миръ</i> . — Рѣчь императора въ Сенъ-Клу. — Негодованіе во Франціи и Италіи. — Напрасныя надежды итальянскихъ патріотовъ. — Урокъ для либераловъ)	343

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ
узаконенное число экземпляровъ. Августа 15 дня 1859 года.

Ценсоръ *К. Обергъ.*

НОВЫЯ МУЗЫКАЛЬНЫЯ СОЧИНЕНІЯ

ВЪ МАГАЗИНѢ

М. БЕРНАРДА,

на Невскомъ Проспектѣ, противъ Малой Морской, № 10.

ЦѢНЫ ОЗНАЧЕНЫ НА СЕРЕБРО.

ДЛЯ ОРКЕСТРА.

- AUBER. Ouvertures: Manon Lescaut (5 p.) Marco Spada (6 p.)
BACH. Tocata arrangé par Esser. Partition (2 p. 30 к.)
BERLYN. Symphonie op. 104 (15 p. 40 к.).
FETIS. Overture de concert (7 p. 70 к.)
FLOTOW. Ouvertures: Indra (4 p.), Martha (4 p. 85 к.)
HAMM. Le polymathe musicale. Grand potpourri (4 p. 60 к.), Fantaisie sur Tánhäuser (2 p. 85 к.)
RUBINSTEIN. Symphonie № 1 F dur op. 40 Partition (7 p. 70 к.), Parties d'orchestre (10 p. 85 к.)
KALLIWODA. 15-me Overture, op. 226 (6 p.)
REISSIGER. Fest-Overture, op. 208 (6 p.)
LINDPAINTNER. Ouvertures en Partition: Faust (2 p. 85 к.), Le Vampyr (2 p. 30 к.)
WAGNER. Eine Faust-Overture. Partition (3 p. 45 к.), Parties d'orchestre (5 p. 15 к.)
WEBER. Overture Rübezahel op. 27 Partition (2 p.)
CONRADI. Agnes-Polka et Analia-Polka (2 p. 85 к.)
EGIDI. Kladeradatsch-Polka et Noblesse-Quadrille par Leutner (4 p. 85 к.)
FAUST. Banquet-Quadrille (1 p. 70 к.), Nixen Polka et la rose, polka mazurka (2 p. 30 к.), Mephisto-Galop et Gretchen-Polka (2 p. 30 к.), Famulus-Quadrille (2 p. 30 к.), Die Sennerin Polka-Mazurka und Teutonen-Galop (2 p. 30 к.), Reunions Marsch und Gitana-Polka-Mazurka (2 p. 30 к.) Tyrolienne und Jugendträume-Galop (2 p. 30 к.).
LEUTNER. Aglaja-Quadrille (3 p.), Troubadour-Quadrille (2 p. 75 к.)
STASNY. Monte-Christo-Quadrille (2 p. 30 к.) Regatta-Quadrille (2 p. 30 к.)
STRAUSS. (Johann) Concordia-Polka Mazurka (1 p. 70 к.) Spiralen-Walzer op. 209 (4 p. 60 к.) Abschied von St. Petersburg. Walzer op. 210 (4 p. 60 к.) Champagner-Polka op. 212 (2 p. 30 к.) Bonbon-Polka op. 213 (2 p. 30 к.) Tritsch-Tratsch Polka op. 214 (2 p. 30 к.) Gedankenflug. Walzer. op. 215 (4 p. 60 к.) La Favorite (Reussen-Polka) op. 217 (2 p. 30 к.)
STRAUSS. (Josef) Bonbon Polka op. 55 (2 p. 30 к.) Liebesgrüsse-Walzer op. 56 (4 p. 60 к.) Moulinet-Polka op. 57 (2 p. 30 к.) Kronprinzen-

Marsch op. 56 (1 p. 70 к.) Laxenburger-Polka op. 60 (2 p. 30 к.)
Wiener-Kinder-walzer op. 61 (4 p. 60 к.) Caprice-Quadrille op. 65
(2 p. 30 к.)

WALLERSTEIN. Les alliés. Galop op. 130 (2 p. 30 к.)

ДЛЯ ФОРТЕПИАНО.

СТО РУССКИХЪ НАРОДНЫХЪ ПѢСЕНЪ, аранжированныхъ для
одного фортепиано М. Бернардомъ. Часть I. Новое передѣлан-
ное и съ 25-ю цыганскими пѣснями умноженное изданіе (3 р.)

СТО РУССКИХЪ НАРОДНЫХЪ ПѢСЕНЪ, аранжированныхъ для
одного фортепиано М. Бернардомъ. Часть II. Сія коллекція со-
держитъ избранныя великороссійскія и малороссійскія пѣсни
(3 р.)

РУССКІЙ АЛЬБОМЪ. 12 маленькихъ фантазій на любимыя русскія
и цыганскія пѣсни, сочиненія В. Неке. Новое изданіе (цѣна
каждой фантазій 60 к., всѣ 12 вмѣстѣ 6 р.)

VOSS. Airs russes transcrits et variés op. 232 № 1. Въ поле чистое гля-
жу, изъ оперы Жизнь за Царя (1 р.) № 2. Шестнадцать лѣтъ
(1 р.) № 3. Матушка голубушка (1 р.)

VOSS. Онъ меня разлюбилъ, Romance bohémienne de Paschkoff tran-
scrite (75.)

SCHULHOF. Morceau caractéristique sur des mélodies bohémiennes-rus-
ses (На зарѣ ты ея не буди и небудите молоду, op. 46. (1 p. 30 к.)

SCHILLER. Trois fantaisies: № 1. Матушка голубушка (1 p. 15 к.) № 2.
Тяжело не стало слы (1 p.) № 3. Не бѣлы снѣги (1 p.)

SCHADER. Осѣлаю коня! Ballade de Warlamoff (85 к.) Echo russischer
Lieder. Walzer (85 к.)

MEYER. (Leopold de) Боже Царя храни! Grande fantaisie (1 p.) Ты не
повѣришь! Grand caprice (1 p.) Скажи зачѣмъ. Air bohémien-
russe transcrit et varié (75 к.)

Выписывающіе нотъ на сумму не менѣе трехъ руб. сер. получаютъ
двадцать пять процентовъ уступки, а выписывающіе на десять руб. сер.,
кромѣ того, ничего не прилагаютъ за пересылку. Выгодою этой поль-
зуются только тѣ, которые обратятся съ требованіями непосредственно
въ магазинъ Бернарда. На тѣхъ же условіяхъ можно выписывать че-
резъ него всѣ музыкальныя сочиненія, кѣмъ бы они ни были изданы
и объявлены.

Въ томъ же магазинѣ вышла 1-го августа 8-я тетрадь музыкальнаго
журнала «Нувеллистъ», содержащая въ себѣ между прочими: *Schulhoff*,
5-me valse brillante op. 48. — *Rubinstein. Barcarolle.* — *Schachner.*
Nocturne. — *Beyer, Polka* — *Oesten, fantaisie sur i Lombardi.* — *Spind-*
ler, Improptu, — всего 9 пьесъ, два русскихъ романса и литературное
прибавленіе въ видѣ музыкальной газеты. (Годовая цѣна подписки 10
р., съ пересылкою 11 р. 50 к.с.)

Желающіе подписаться на «Нувеллистъ» на 1859 годъ получаютъ
сполна всѣ тетради этого журнала, вышедшія сначала нынѣшняго года.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ.

С.-Петербургъ. Августа 14-го дня. Ценсоръ К. Обертъ.

«Мосё Мусо и я скоро сдѣлались хорошими друзьями. Я сказалъ ему, что если меня обмѣняютъ или отпустить домой, то моя мать заплатитъ хорошій выкупъ. Эта идея сильно возбуждала аичность моего коменданта, такъ что когда зимой явился въ крѣпость какой-то охотникъ и когда я все еще страдалъ лихорадкой, Мусо согласился на мое желаніе написать моей матери, но съ тѣмъ, чтобы письмо было написано по-французски, чтобы я сказалъ, что нахожусь въ рукахъ индійцевъ и могу быть выкупленъ не менѣе, какъ за десять тысячъ ливровъ.

«Тщетны были мои убѣжденія, что я считаюсь извѣнникомъ войскъ его величества, что я надѣялся на обхожденіе со мной, какъ съ джентльменомъ и офицеромъ. Мусо клялся, что письмо должно быть отправлено именно въ этомъ видѣ, что если я стану колебаться, то онъ выгонитъ меня изъ крѣпости и отдастъ иѣжному милосердію своихъ варваровъ-союзниковъ. Охотнику онъ не иначе позволялъ говорить со мной, какъ въ своемъ присутствіи. Жизнь и свобода для кого не сладостны? Иѣсколько времени я сопротивлялся, но болѣзнь изнурила меня и сопротивленіе было мнѣ не по силамъ,—я написалъ письмо, какое соглашался отправить этотъ негодяй; охотникъ удавшись, обѣщавъ воротиться съ отвѣтомъ черезъ три недѣли.

«Прошло три недѣли, шесть, двѣнадцать, а посланный не возвращался. Зима наступила и прошла. Всѣ наши маленькія плантаціи вокругъ крѣпости, гдѣ французскіе солдаты вспахали поля для посѣва и развели сады съ фруктовыми деревьями, находились въ полномъ цвѣтѣ. Богу одному извѣстно, какъ проводилъ я это скучное, тяжелое время! Поправясь въ здоровьи я рисовалъ портреты съ гарнизонныхъ солдатъ, съ женщины и ея ребенка, съ самаго Мусо, которому, стыдно сказать, я страшно польстилъ.—Въ крѣпости была старая гитара; я игралъ на ней знакомыя мнѣ французскія аріи, иѣлъ и вообще старался пріобрѣсти расположеніе моихъ тюремщиковъ. Такъ прошли мѣсяцы, а посланный не возвращался.

«Наконецъ получено было извѣстіе, что его застрѣлили британскіе индійцы въ Мариландѣ; и надежда моя на выкупъ отдалилась еще на нѣсколько мѣсяцевъ. Мусо сдѣлался суровымъ ко мнѣ и даже свирѣпымъ, тѣмъ болѣе, что сержантъ сказалъ ему, что крѣпостная женщина была ко мнѣ равнодушна; бѣдная, дѣйствительно, она меня любила! Я всегда былъ внимателенъ къ ней, всегда былъ признателенъ за ея заботливость. Мои небольшія дарованія казались въ ея глазахъ чудесами; я былъ боленъ и въ несчастьи, а это самое лучшее средство, чтобы пробудить въ женщинѣ чувство состраданія.

«Плѣнникъ, изнуряемый недугомъ, свирѣлый тюремщикъ и молодая женщина, тронутая несчастіями плѣнника, — изъ этихъ трехъ главныхъ характеровъ въ пьесѣ вы вѣрно ожидаете, что составитъ довольно патетичная трагедія? — Вы, миссъ Гетти, кажется, догадываетесь, что эта женщина спасла меня?

— Разумѣется, сказала мама.

— Она должна была спасти васъ, сказала Гетти.

— Вы, миссъ Тео, воображаете ее черной красавицей, не правда ли? — Какъ вѣтеръ порхающей охотницей?

— Діаной съ ребенкомъ, сказалъ генералъ.

— Которая рѣзвится съ своими нимфами, которая несетъ добычу съ своимъ непогрѣшительно мѣткимъ лукомъ, которую называютъ царницей лѣсовъ.... вижу по вашимъ глазамъ, что вы думаете будто я до безумія въ нее влюбленъ?

— А я, мистеръ Джорджъ, полагаю, что она пренеприятное созданіе, сказала Тео, покраснѣвъ.

— Представьте же себѣ красавицу, у которой цвѣтъ кожи темнѣе краснаго дерева, съ длинными прямыми черными волосами, пропитаннымъ масломъ или помадой отвратительнаго аромата, съ маленькими глазами, съ высокими высунувшимися скулами, съ приплюснутымъ носомъ, сквозь ноздри котораго продѣты кольца, съ ниткой стекляруса на сальной груди, съ прекрасно нататуированными щеками и лбомъ, съ большой любовью къ нарядамъ и съ необычайной страстью.... о, нужно ли говорить къ чему?

— Къ кокетству; — я знаю, вы это хотите сказать! подхватила миссъ Гетти.

— Къ *виски*, милая миссъ Гетти, къ этому напитокку, до котораго большой былъ охотникъ и самъ комендантъ. По вечерамъ, когда еще мсьё Мусо жаловалъ меня, я часто сидѣлъ у него и видѣлъ, какъ онъ и его несчастная компаньонка чокались рюмками до тѣхъ поръ, пока переставали видѣть сосудъ, изъ котораго пили. Въ эти вечернія попойки, они пили, плясали, нѣжничали, ссорились, били посуду, ломали мебель; когда я былъ въ милости, мнѣ дозволялось участвовать въ ихъ обществѣ. Мусо, гордясь своимъ саномъ и не желая, чтобъ подчиненные были свидѣтелями его поведенія, не позволялъ никому сближаться съ своей особой.

«Пока результатъ посольства охотника не былъ еще извѣстенъ, пока Мусо и я ожидали уплаты выкупа, положеніе мое было довольно сносно. Мнѣ позволено было выходить изъ крѣпости, бродить по сосѣднимъ полямъ и садамъ, разумѣется, не иначе, какъ взявъ съ меня честное слово возвратиться до заревай пушки. Я употребилъ, между прочимъ, маленькую хитрость, за которую, надѣюсь,

меня извинять. Когда нога моя совершенно выздоровѣла (пуля, послѣ мучительной боли и воспаленія, вышла зимой и рана вскорѣ зажила), я продолжалъ ходить какъ увѣчный и калѣка, опираясь на два костыля и безпрестанно вскрикивая ахъ! или охъ! Я все надѣялся, что наступитъ день, когда эта же самая нога пригодится мнѣ для побѣга.

«Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ Мусо начиналъ терять всякую надежду на возвращеніе посланнаго, обхожденіе его со мной становилось съ каждымъ днемъ суровѣе и суровѣе. Онъ воображалъ, что охотникъ взялъ выкупъ и съ нимъ убѣжалъ. Само собою разумѣется, что онъ приготовился отказаться отъ всякаго участія въ этомъ дѣлѣ, въ случаѣ, если бы продѣлка его обнаружилась. Его обхожденіе со мной измѣнялось по мѣрѣ пробужденія въ немъ надежды или опасеній, а иногда и отъ особеннаго настроенія его духа. Иногда онъ оставлялъ меня на квартирѣ на нѣсколько дней сряду; потомъ приглашалъ на вечернія попойки, ссорился со мной и бранилъ мою націю; или предавался глупымъ сантиментальностямъ относительно своей Нормандіи, гдѣ желалъ провести свою старость, купить маленькую ферму и умереть довольнымъ своей судьбой. «Да, мсьё Мусо! говорилъ я: — за десять тысячъ ливровъ вы купите въ своемъ отечествѣ хорошенькую ферму. Если позволите мнѣ удалиться отсюда, то непременно получите выкупъ за меня. Черезъ нѣсколько мѣсяцовъ васъ, пожалуй, смѣнитъ другой комендантъ—и тогда adieu! и ливры и фермы Нормандіи! Положитесь лучше на честнаго и благороднаго человѣка. Позвольте мнѣ уйти домой, и я даю вамъ слово, что десять тысячъ ливровъ будутъ уплачены любому агенту, котораго вы назначите во Франціи или въ Квебекѣ.

«— Молодой измѣнникъ! проревѣлъ онъ: — ты смѣешь еще подсмѣиваться надъ моей честностью! Неужели ты думаешь, что французскій офицеръ способенъ на взятку? Ты, вѣрно, хочешь, чтобы я посадилъ тебя въ подземелье и завтра же разстрѣлялъ?

«— Тогда мой трупъ не принесетъ вамъ десяти тысячъ ливровъ, сказалъ я: — а хорошенькая ферма въ Нормандіи, съ коттеджемъ...

«— И съ садикомъ. О, *sacrebleu!* вѣжливо произнесъ Мусо: — и съ блюдомъ сосисокъ *à la mode du pays!*...

«Разговоръ въ этомъ родѣ повторялся неоднократно; Мусо приказывалъ мнѣ оставаться безвыходно въ квартирѣ; на другой же вечеръ приглашалъ меня ужинать и возвращался къ обычному разговору — къ Нормандіи, къ сидру и къ любимымъ *trippes à la mode de Caen*. Онъ теперь умеръ....

— Надѣюсь, его повѣсили? прервалъ генераль.

«... И я не считаю за нужное скрывать его тайны. Милэди, я бы желалъ вамъ разсказать о трудномъ и трагическомъ побѣгѣ, о томъ, какъ я перебилъ всѣхъ часовыхъ, вышпилилъ желѣзныя рѣшотки въ крѣпостныхъ окнахъ, уничтожилъ нѣсколько десятковъ бдительныхъ драконовъ, преодолѣлъ миллионы препятствій и окончательно вырвался на свободу. Но, относительно этого предмета, я не совершилъ ни одного геройскаго подвига, которымъ бы можно было похвастаться; признаюсь, свободой своей я обязанъ все-таки подкупу.»

— Но, все же, Джоржъ, въ случаѣ крайности, ты бы вѣрно сталъ защищаться, сказалъ Гарри: — хотя, конечно, съ цѣлымъ гарнизономъ тебѣ бы не справиться.

И мистеръ Гарри сильно покраснѣлъ.

— Посмотрите на женщинъ! Вы совершенно обманули ихъ ожиданія! сказалъ Ламбертъ. — Признайтесь, мистриссъ Ламбертъ, — вѣдь вамъ непріятно, что дѣло обошлось безъ кровопролитія. Посмотрите на Гетти: она виѣ себя отъ досады, что мистеръ Джоржъ не застрѣлилъ коменданта.

— Папа, вы сами желали, чтобы его повѣсили! вскричала миссъ Гетти: — а вы знаете, желанія папа — мои желанія.

— Позвольте, милэди, сказалъ Джоржъ, слегка покраснѣвъ: — способствовать побѣгу плѣнника не есть еще большое преступленіе; а взять деньги за побѣгъ, — что жъ за бѣда? Не одни французы берутъ взятки. Мсьё Мусо освободилъ меня, за это я съ своей стороны благодаренъ ему и прощаю его. Не угодно ли выслушать, какъ это сдѣлалось? Видите, миссъ Гетти, я не могу удержаться, чтобы не разсказать.

— О, Джоржъ! ахъ, извините, я хотѣла сказать мистеръ Варрингтонъ! извините, пожалуйста.... сказала Гестеръ.

— Зачѣмъ извиненія! Я никогда не стану сердиться или удивляться, если кто нибудь будетъ любить Гарри больше, чѣмъ меня. Онъ вполнѣ заслуживаетъ всей той любви, которою можетъ надѣлать его всякій мужчина или женщина. Посмотрите, теперь его очередь краснѣть, сказалъ Джоржъ.

— Продолжай, Джоржи; разскажи о своемъ побѣгѣ изъ Дёкесна, возразилъ Гарри и потомъ по секрету сказалъ мистриссъ Ламбертъ: — знаете, онъ всегда говоритъ, что ему не слѣдовало бы жить, и что я гораздо лучше его. Мысль, что я лучше Джоржа, мистриссъ Ламбертъ, я, бѣдный, безпутный молодой человѣкъ — мысль нелѣпая!

ГЛАВА IV.

О СВОБОЖДЕНІЕ.

«Прошли мѣсяцы нашей скучной жизни въ маленькой крѣпости. Я продолжалъ ссориться съ комендантомъ и мириться, играть съ нимъ въ заселенныя карты, разыгрывать дуэты: онъ на своей хриплой флейтѣ, я на разбитой гитарѣ. Несчастная Фавна то упивалась водкой, которую предлагалъ, ея обладатель; то старалась облегчить страданія подагрическихъ его припадковъ, то ухаживала за больнымъ плѣнникомъ; и такимъ образомъ продолжались дѣла до наступленія конца прошлаго года, когда вновь пріѣхавшій охотникъ сообщилъ коменданту такія важныя новости, которыя произвели во всемъ гарнизонѣ не малое волненіе. Маркизь Монткальмъ отправилъ значительный отрядъ для усиленія гарнизона крѣпостей, находившихся уже въ рукахъ французовъ, и для занятія дальнѣйшихъ непріятельскихъ пунктовъ въ британскихъ владѣніяхъ. Войска выступили изъ Квебека и Монреаля и поднимались по рѣкѣ Св. Лаврентія и озерамъ въ лодкахъ съ артиллерією и огромнымъ запасомъ провизіи и военныхъ снарядовъ. На мѣсто Мусо долженъ былъ поступить другой офицеръ высшаго чина, отъ котораго зависѣло или обмѣнять меня или передать индійцамъ въ видѣ возмездія за жестокости, сдѣланныя нашими солдатами и офицерами многимъ французскимъ солдатамъ и офицерамъ. Крѣпостные солдаты радовались подкрѣпленію; они хотѣли ворваться въ Пенсильванію и Нью-Йоркъ, овладѣть Албанією и Филадельфією и, по ихъ выраженію, загнать въ море всѣхъ *росбифовъ*, такъ чтобы во власти ихъ была вся Америка отъ Миссисипи до Ньюфондлэнда.

«Все это было превосходно; но завоеванія французовъ не принесли бы особенной пользы мѣстѣ Мусо.

«— Подумайте, комендантъ! сказалъ я: — все это *fort bien*, а что вы скажете на счетъ фермы въ Нормандіи, на счетъ кружки сидра и на счетъ *trippes à la mode de Caen*?

«— Да; это все прекрасно, *mon garçon*, отвѣчалъ онъ. — Но желалъ бы я знать, гдѣ будете *вы*, когда мое мѣсто займетъ другой офицеръ? Въ другихъ офицерахъ вы не найдете такого добраго товарища, какъ я. Я думаю, немногіе могутъ похвалиться такимъ человѣколюбіемъ, какое вы замѣтили во мнѣ. Неужели ты думаешь, что съ увеличеніемъ гарнизона мои преемники дадутъ тебѣ такія льготы, какими ты пользовался при добромъ Мусо? Тебя будутъ

держатъ взаперти, какъ поросенка, приготовленнаго къ убою. Увѣрю тебя, что какъ скоро одинъ изъ нашихъ офицеровъ попадетъ въ руки вашихъ передовыхъ, и если съ нимъ случится что нибудь недоброе, то за него ты непременно заплатишься своей шкурой. Тебя выдадутъ нашимъ краснымъ союзникамъ, отдадутъ собратамъ вотъ этой самой Ла Бишъ. Видѣлъ ли ты, что они дѣлали съ твоими соотечественниками, взятыми въ дѣлѣ съ Бradoкомъ? Зажарить живаго, это было одно изъ самыхъ легкихъ наказаній, та foï, не правда ли, Ла Бишъ?

«И комендантъ мой началъ исчислять разнообразіе всѣхъ пытокъ надъ несчастными плѣнными; говорилъ, изамѣтте, все шутя, — о томъ, какъ выжигали глаза каленымъ желѣзомъ, вырывали зубы и ногти, разрубали тѣло на части.... Вы блѣднѣете, милая миссъ Тео! Я пожалѣю васъ и не стану упоминать о тѣхъ ниткахъ, которыя, по мнѣнію мсьё Мусо, ожидали меня впереди.

«Ла Бишъ, повидимому, вовсе не была поражена нечисленіемъ всѣхъ этихъ ужасовъ. Она въ свое время была ихъ свидѣтельницею. Она была уроженка округа Сенекасъ, гдѣ всѣ деревни расположены близъ громаднаго водопада между озерами Эріо и Онтарио; ея соотечественники воевали за и противъ англичанъ, они враждовали и съ другими племенами: судя по битвамъ между нами и ними, трудно сказать, кто свирѣпѣе — бѣлые или краснокожіе.

«— Изъ меня могутъ сдѣлать котлеты, или хорошій бульонъ, это правда, комендантъ, сказалъ я хладнокровно. Но все же я скажу, что вы не будете имѣть фермы въ Нормандіи.

«— Принеси-ка бутылку виски, Ла Бишъ, сказалъ Мусо.

«— Теперь еще не поздно. Провожатому, который доведетъ меня до дому, я дамъ хорошее вознагражденіе. И все-таки повторю, что я даю честное слово вручить десять тысячъ ливровъ человѣку.... какому бы наприимѣръ? ну, да всякому, который принесетъ мнѣ какое нибудь удостовѣреніе, который принесетъ мнѣ, положимъ, хоть мои часы и печать съ гербомъ моего дѣда, которые я видѣлъ въ чемъ-то комодѣ въ здѣшней крѣпости.

«— Ah, scélérat! проревѣлъ комендантъ, разразившись громкимъ смѣхомъ. — У тебя славные глаза! Въ войнѣ, mon garçon, что ни попадетъ, все хорошо.

«— Вы, однакожъ, подумайте о домѣ въ вашей деревнѣ, о прекрасномъ полѣ подлѣ дома, на которомъ пасется до полдюжины коровъ, о садикѣ, наполненномъ плодами.

«— Прибавьте кабриолетку у дверей, двухъ-трехъ румяныхъ ребятишекъ. О, мое отечество! О, моя мать! восклицаетъ комендантъ. — Ла Бишъ! виски, скорѣе!

«Всю эту ночь комендантъ провелъ въ глубокой думѣ; Ла Бишъ была молчалива и задумчива. Она сидѣла въ сторонѣ отъ насъ, нянчила ребенка, и каждый разъ, когда я смотрѣлъ на нее, ея глаза были устремлены на меня. Малышка началъ плакать, и Мусо грубыми словами приказалъ унести его въ зданіе, занимаемое несчастной Бишъ и ея ребенкомъ. Когда Бишъ удалилась, мы заговорили откровеннѣе. Я представилъ Мусо такіе доводы, которымъ его алчность не могла сопротивляться.

«— Почему вы знаете, спросилъ онъ: — что этотъ охотникъ поможетъ вамъ?

«— Это моя тайна, сказалъ я. — Надо вамъ сказать, что охотники, пріѣзжая въ колоніи, остаются иногда дня на два отдохнуть и покутить въ обществѣ, а нашъ новыи другъ любилъ и то и другое. Онъ игралъ въ карты съ солдатами; отдавалъ мѣха за водку, пѣлъ, игралъ, плясалъ и, словомъ, наслаждался всѣми удовольствіями, которыя могла доставить наша маленькая крѣпость. Я, кажется, сказалъ, что въ крѣпости любилъ слушать мои пѣсни, и за недостаткомъ другихъ развлеченій я часто пѣлъ и бряцалъ на гитарѣ; у насъ нерѣдко составлялись концерты; солдаты или пѣли хоромъ, или плясали подъ мою незатѣйливую музыку, пока она не прерывалась барабаннымъ боемъ вечерней зори.

«На одномъ изъ такихъ концертовъ присутствовалъ и нашъ охотникъ. Я всячески старался, чтобы онъ понялъ меня по-англійски. Истощивъ запасъ французскихъ арій, я сказалъ: «друзья, я спою вамъ англійскую пѣсню», и вмѣстѣ съ этимъ запѣлъ: «За далекими горами!» на голосъ, которымъ любилъ пѣть мой дѣдушка о Мальбруковомъ походѣ. Но къ словамъ пѣсни я прибавилъ нѣсколько своихъ собственныхъ словъ, и именно: «Бѣдный плѣнникъ, провелъ уже здѣсь долгій, скучный годъ! О, Боже! еслибы знали какъ онъ томится здѣсь! Тому, кто выведетъ меня за далекія горы, я дамъ не меньше ста гиней.»

«— Что это значить? сказалъ охотникъ: — я не понимаю!

«— Это слова одного любовника къ своей подругѣ! отвѣчалъ я. — По выраженію лица охотника и по его глазамъ я замѣтилъ, что онъ меня понялъ.

— «На другой день, когда вблизи не было ни одного человѣка, который бы могъ насъ подслушать, охотникъ окончательно подтвердилъ мои догадки. Проходя мимо меня, онъ вполголоса, но на чистомъ англійскомъ языкѣ пропѣлъ: «За далекими морями», и мой импровизированный припѣвъ.

«— Если вы готовы, сказалъ онъ: — то я тоже готовъ. Я знаю вашихъ родныхъ и знаю дорогу къ нимъ. Поговори съ Фавной и она

скажетъ тебѣ, что нужно дѣлать... Такъ вы и не хотите играть со мной? прибавилъ онъ по французски вытащивъ карты и вдругъ перемѣнивъ тонъ и разговоръ, потому что въ это время къ намъ подошли два солдата. — *Milor est trop grand seigneur? Bonjour, milor!*

«И охотникъ насмѣшливо поклонился мнѣ, пожалъ плечами и удалился, показывая видъ, что не хочетъ ни играть со мной, ни пить.

«Я теперь убѣдился, что Бишъ въ этомъ дѣлѣ была едва ли не главнымъ дѣйствующимъ лицомъ, и что Мусо принялъ мое предложеніе. Бѣдная Фавна разыгрывала свою роль очень вѣрно и ловко. Мнѣ не нужно было объясняться съ Мусо; мы другъ друга поняли. Фавнѣ давно была дана полная свобода находиться при мнѣ во всякое время. Она лѣчила мою рану, ухаживала за мной во время лихорадки, помогала мнѣ заниматься хозяйствомъ въ моей маленькой комнаткѣ, стряпала мнѣ кушанье и такъ далѣе. Ей позволено было выходить изъ крѣпости къ рѣкѣ и гулять по полямъ и садамъ, принадлежавшимъ гарнизону.

«Проигравъ почти все деньги, вырученные за мѣхъ, охотникъ уложилъ кремни, порохъ, одежду и удалился. Спустя три дня послѣ его ухода, Фавна намекнула мнѣ, что наступило время, чтобы сдѣлать попытку къ моему освобожденію.

«Я уже говорилъ, что добрый Флоракъ отдалъ мнѣ свою кровать въ офицерской комнатѣ. Когда крѣпость опустѣла и изъ всѣхъ офицеровъ остался въ ней одинъ только старшій лейтенантъ, мнѣ позволено было занимать ту же комнату, гдѣ иногда запирали меня и кормили солдатскими раціонами, иногда оставляли совершенно на свободѣ, иногда приглашали къ постоянно пьяному коменданту раздѣлать его трапезу. Офицерскій домъ былъ выстроенъ изъ бревень, подобно полудюжинѣ другихъ зданій въ крѣпости, на верхахъ которой находилось всего четыре пушки небольшого калибра и изъ нихъ одна позади моей комнаты. Посмотрѣвъ по направленію этой пушки къ западу, вы бы увидѣли небольшой островокъ при слияніи двухъ рѣкъ Огейо и Мононгахела, на берегу которой расположена была крѣпость Дѣкеснъ. На берегу противъ этого острова росла большая роща.

«— Ты видишь эту рощу? сказала мнѣ моя несчастная Бишъ лопатымъ французскимъ языкомъ. Тамъ онъ ждетъ тебя!

«Днемъ моя комната оставалась открытою и Бишъ свободно входила въ нее и выходила. За день до побѣга она пришла съ лопаткой въ рукѣ и корзиной различной зелени для супа. Прислонивъ лопатку къ дверямъ и поставивъ подлѣ себя корзину, она сѣла на скамейку. Я началъ говорить съ ней, и былъ до такой сте-

пени недогадивъ, что не обратилъ вниманія на лопатку; только тогда подумалъ, что это орудіе можетъ пригодиться мнѣ, когда Бишъ толкнула ее въ открытую дверь и лопатка упала въ мою комнату.

«— Спрячь ее, сказала Бишъ: — скоро понадобится.

«Въ тотъ-то вечеръ она и указала мнѣ на рощу.

«На другой день, она приходитъ ко мнѣ, и показывая видъ необычайнаго гнѣва, восклицаетъ: — милордъ! милордъ! Отъ чего вы не идете обѣдать къ коменданту? Онъ очень сердитъ сегодня! Entendez-vous? Въѣтъ съ этими словами она заглянула въ комнату и швырнула въ нее клубокъ веревки.

«— Иду, Ла Бишъ, иду! сказалъ я, и заковылялъ за ней на своихъ костыляхъ. Подходя къ комендантской квартирѣ, Ла Бишъ сказала: Pour ce soir! Я понялъ, что наступило время дѣйствовать.

«Что касается Мусо, онъ какъ будто вовсе ничего не знаетъ, рѣшительно ничего! Онъ ворчалъ и говорилъ, что всѣ блюда остыли; пристально смотрѣлъ мнѣ въ лицо; говорилъ о томъ и о другомъ, и не только въ то время, когда тутъ находился его слуга, но и послѣ, когда мы закурили трубки и играли въ пикетъ; между тѣмъ какъ Бишъ по обыкновенію сидѣла, прижавшись въ углу.

«Бутылка виски моего пріятеля опустѣла; бросивъ болѣе чѣмъ выразительный взглядъ, Мусо сказалъ, что намъ должно выпить еще по рюмкѣ особливо въ этотъ вечеръ и, вставъ изъ-за стола, онъ качаясь съ боку на бокъ, пошелъ въ другую комнату, гдѣ подъ замкомъ хранился пламенный напитокъ, нарочно подальше отъ бѣдной Бишъ, которая не могла сопротивляться искушенію.

«Какъ только повернулся онъ спиной къ намъ, Бишъ привстала, и въ мгновеніе очутилась у ногъ моихъ, цаловала мою руку, прижимала ее къ сердцу и рыдала, склонясь на мое колѣно. Признаюсь откровенно, я такъ былъ взволнованъ выраженіемъ безмолвной привязанности этого бѣднаго созданія, что когда Мусо воротился, я не могъ успокоиться, хотя бѣдная Фавна снова сѣла въ уголъ и укуталась въ свое покрывало.

«Мусо, повидимому, не замѣтилъ ничего страннаго въ нашемъ поведеніи. Мы сѣли за игру, но всѣ мои мысли до такой степени были разсѣяны, что я не зналъ даже, какія держалъ въ рукахъ карты.

«— Сегодня, милордъ, я въ выигрышѣ, сказалъ Мусо угрюмо. Вѣдь мы играемъ на честное слово.

«— Вы исполнѣ можете положиться на мое слово, отвѣчалъ я.

«— Конечно! кромѣ честнаго слова, вѣдь у васъ ничего больше нѣтъ, сказалъ Мусо.

«— Месье! повѣрьте, что слово мое стоитъ десяти тысячъ ливровъ!

«И мы продолжали игру.

«Наконецъ Мусо сказалъ, что у него болитъ голова, что ему нужно спать. Я понялъ, что мнѣ пора удалиться.

«— Доброй ночи, *mon petit lord*, сказалъ Мусо: — постойте, постойте: безъ костылей вы пожалуй упадете.

«Глаза Мусо засверкали, онъ посмотрѣлъ на меня съ саркастической усмѣшкой. Въ минуту душевнаго волненія я совсѣмъ было забылъ, что хромаю, я побѣжалъ не хуже перваго гренадера.

«— Какая страшная ночь! сказалъ Мусо, взглянувъ изъ дверей.

«И дѣйствительно, на дворѣ бушевала буря; вѣтеръ ревѣлъ въ буквальный смыслъ этого слова.

«— Возьми фонарь, Тюльпанъ, и проводи милорда до квартиры.

«Мусо на минуту остановился въ дверяхъ; я замѣтилъ, что позади его стояла Бишъ.

«Ночь была дождливая, и часовые предпочитали оставаться въ будкахъ; поэтому они не мѣшали мнѣ работать. Домъ мой былъ выстроенъ изъ бревенчатыхъ стоекъ, вкопанныхъ въ землю и накрытыхъ сверху горизонтальными брусьями. Мнѣ нужно было подкопаться подъ нихъ и сдѣлать такое отверстіе, чтобъ можно проползти. Я началъ работать въ темнотѣ, вскорѣ послѣ вечерней зори. Было уже за полночь, когда трудъ мой кончился. Я высунулъ руку изъ-подъ бревна и ее окропило дождемъ. Въ слѣдующіе за тѣмъ два часа я долженъ былъ работать очень осторожно; я проползъ черезъ паранетъ и привязалъ къ орудію веревку. Разумѣется, все это дѣлалось молча и съ замираніемъ сердца; я боялся, чтобы часовой не увидѣлъ меня и не влѣпилъ въ меня свинцовую пулю.

«Валъ былъ не болѣе двѣнадцати футовъ вышиною, и я спустился въ ровъ довольно легко. Продавъ нѣсколько минутъ у самой стѣны, я старался разсмотрѣть рѣку и островъ. Я слышалъ, какъ часовой ходилъ по валу и напѣвалъ какую-то пѣсню. Наконецъ взошла луна, мракъ немного разсѣялся, передо мной заблѣла рѣка, и я увидѣлъ возвышавшіеся на ней камни и деревья острова.

«Я направился почти ползкомъ къ рошѣ, служившей цѣлью всѣхъ моихъ усилій. О какъ легко вздохнулъ я, когда услышалъ тамъ голосъ, напѣвавшій: «За далекими горами»!

Когда Джорджъ дошелъ до этой части своего повѣствованія, миссъ Тео, сидѣвшая за клавирами, повернулась, взяла аккорды этой пѣсни и къ ней веселымъ хоромъ присоединилось все маленькое общество.

«Нашъ путь, продолжалъ Джорджъ, лежалъ по обширному лѣсу на правомъ берегу Мононгахела, съ которымъ проводникъ мой былъ хорошо знакомъ. Къ концу дня мы подошли къ болѣе открытой

мѣстности, и мой проводникъ, Сильверхильсъ по имени, спросилъ: видалъ ли я это мѣсто? Это было роковое поле, гдѣ палъ Браддокъ и гдѣ лѣтомъ предшествовавшаго года мнѣ спасли жизнь. Теперь же листья деревьевъ начинали покрываться великолѣпными оттѣнками нашей осени.

— Ахъ братъ! вскричалъ Гарри, схвативъ руку Джоржа. Я игралъ и дурачился на минеральныхъ водахъ и въ Лондонѣ, тогда какъ ты, мой Джоржъ, скитался въ пустынѣ, спасая свою жизнь! О, какимъ я былъ безпутнымъ человѣкомъ!

— Но все же ты достоинъ называться сыномъ твоей матери, нѣжно и съ слезами на глазахъ сказала мистрисъ Ламбертъ. — Если Гарри и заблуждался, то достаточно видѣть его раскаяніе, его любовь, его непритворную радость и великодушіе, чтобы надѣяться на исправленіе молодаго грѣшника.

«Мы перешли чрезъ рѣку, — снова началъ Джоржъ: — и взяли направленіе по окраинѣ западнаго склона Аллеганскихъ горъ, чрезъ огромные лѣса дуба, клена и тополей, высившихся иногда футъ на сто. Намъ нужно было остерегаться индійцевъ и обходныхъ партій французовъ. Дикари не довѣряли намъ съ тѣхъ поръ, какъ узнали о нашемъ дурномъ съ ними обхожденіи.

«Я все еще былъ слабъ и потому наше путешествіе продолжалось недѣли двѣ и даже болѣе. По мѣрѣ приближенія къ дому лѣса становились краснѣе и краснѣе. Морозы по ночамъ дѣлались ощутительнѣе. Мы разводили костры у самыхъ ногъ и укутывались въ платье сколько можно теплѣе. Въ это время года, охотники, жившіе въ горахъ, занимались добываніемъ сахара изъ клена. Мы встрѣчались съ цѣлыми семьями, расположенными лагеремъ преимущественно у рѣчекъ; они радушно принимали насъ у своихъ костровъ и дѣлили съ нами свою пищу. Такимъ образомъ мы перешли два хребта горъ Лавровыхъ и Аллеганскихъ. Послѣдній день нашего путешествія, собственно моего и моего добраго проводника, привелъ насъ къ дикому, великолѣпному проходу Вилля, къ долинѣ, лежащей между скалами почти на тысячу футъ вышиною, — скалами бѣлыми, голыми и разбитыми въ фантастическія формы, подобно громаднымъ укрѣпленіямъ; надъ вершинами скалъ парили орлы и стерегли свои гнѣзда въ мрачныхъ ущельяхъ.

«Отсюда мы спустились въ Кумберлендъ, изъ котораго выступили въ походъ въ прошломъ году и въ которомъ находился уже значительный гарнизонъ. Можете себѣ представить, какой счастливый день былъ въ моей жизни, когда я на берегахъ роднаго Пот омака снова увидѣлъ англійскіе флаги!»

ГЛАВА V.

МЫ ОСТАЕМСЯ ВЪ АРИСТОКРАТИЧЕСКОЙ ЧАСТИ ГОРОДА.

Исторію, которую мы слышали сейчасъ, Джоржъ Варрингтонъ разсказалъ баронессѣ Бернштейнъ еще наканунѣ, или вѣрнѣе разсказалъ часть исторіи, потому что старуха дремала во время повѣствованія, и только тогда просыпалась, когда Джоржъ останавливался. При этомъ она говорила, что исторія его очень интересна и приказывала продолжать. Молодой человѣкъ выражалъ неудовольствіе, сбивался, конфузился и разсказывалъ совершенно противъ своей воли и далеко не такъ хорошо, какъ въ маленькомъ дружескомъ кружку въ улицѣ Гилль, гдѣ удивляющіеся глазки Гетти и сочувствующіе взгляды Тео, доброе лицо мама и веселое выраженіе папа, служили похвалою весьма достаточною, чтобъ ободрить скромнаго юношу, который пужался въ ободреніи для своего краснорѣчія. Что касается до поведенія мама, то генераль говоритъ, что она удивительно была похожа на сундучницу мистера Аддисона, и что ошастливила бы всякую трагедію, только бы стоило ей занять передовую ложу и плакать. Вотъ почему мы выбрали домъ лорда Ротама для театра, на которомъ должна была разыгратъ первая роль мистера Джорджа; мы желали доставить его разсказу все выгоды, отнюдь не слѣдуя примѣру сонной, цинической старой лэди, которой онъ разсказывалъ свои приключенія.

— Превосходно, преинтересно, мой милый, говорила баронесса, удерживая тремя пальцами, прикрытыми кружевной полуперчаткой, конвульсивное движеніе рта. — Ваша матушка должно быть очень была рада.

Джоржъ слегка пожалъ плечами, и въ то время, какъ тетка смотрѣла на него своими старыми острыми глазами, сдѣлалъ низкій поклонъ.

— Я думаю, она была въ восторгѣ, увидѣвъ тебя, сухо продолжала баронесса: — и вѣроятно поэтому случаю убила упитаннаго тельца и... и сдѣлала что нибудь въ этомъ родѣ. Не знаю, къ чему я говорю — тельца, племянникъ Джоржъ, вѣдь ты никогда не былъ блуднымъ сыномъ. Это относится до тебя, мой бѣдный Гарри! Ты рѣшительно находился между свиньями. Злые друзья очистили твои карманы и въ добавокъ сняли съ плечъ кафтанъ.

— Онъ пріѣхалъ въ Англію къ своимъ роднымъ, сказалъ Джоржъ, начиная горячиться: — его друзьями были друзья вашего сіятельства.

— И онъ попалъ въ самый дурной кругъ. Я сказала бы это моей сестрѣ раньше, еслибъ ей угодно было написать мнѣ съ нимъ, какъ она написала съ тобой, сказала старуха, вздернувъ голову. — Эге! продолжала она, собираясь, съ помощію горничной, на раутъ. — Я вижу по лицу этого молодого джентльмена, что мадамъ Эмондъ сожалѣетъ о его возвращеніи. Она сожалѣетъ, а я прихожу въ совершенное бѣшенство. Отчего онъ не остался у дерева, къ которому его прислонили, и зачѣмъ молодой Флоракъ отнесъ его въ крѣпость? Въ Парижѣ, во время Регента, я знала этихъ Флоракъ. Они были Флораки изъ Иври. До Генриха IV это былъ незначительный домъ. Одинъ изъ родственниковъ молодого Флорака находился въ милости у короля. Что я говорю, родственникъ — ха! ха! родственница! Бреттъ! *entendez vous?* Подай мнѣ кошелекъ. Мнѣ не нравится высокомеріе и надменность этого мсьё Джоржа; а между тѣмъ онъ похожъ, очень похожъ на своего дѣда, — у него тотъ же взглядъ, тотъ же голосъ. Ты слышала о полковникѣ Эмондѣ, когда я была молода? У этого юноши его глаза. Я любила глаза полковника, ну да и онъ любилъ меня.

Связанная обѣщаніемъ быть на вечеръ и играть въ карты (въ этомъ удовольствіи баронесса не отказывала себѣ, пока силы позволяли держать въ рукахъ козырей или сидѣть въ креслѣ) — баронесса, вскорѣ послѣ окончанія разсказа Джоржа, отпустила двухъ племянниковъ, подавъ старшему два пальца и сдѣлавъ ему изысканный книксенъ, между тѣмъ какъ Гарри подала обѣ руки и иѣжно потрепала по щекамъ.

— Бѣдное дитя мое, теперь ты больше не наслѣдникъ, и ты увидишь, какъ иначе будутъ обходиться съ тобой! сказала она. — Въ цѣломъ Лондонѣ одна только злая, безчувственная старуха будетъ обходиться съ тобою непрежнему. Возьми вотъ этотъ бумажникъ, дитя мое! Но пожалуйста не потеряй его сегодня въ Ранселей. Твое платье на Джоржѣ и въ половицу не такъ хорошо сидитъ, какъ на тебѣ! Надѣюсь, дитя мое, ты всемъ представишь брата своего и будешь ходить съ нимъ по залѣ покрайней мѣрѣ часа два. На твоемъ мѣстѣ, я бы послѣ того отправилась въ клубъ и играла бы тамъ, какъ будто ни въ чемъ не бывало. А пока ты будешь въ клубѣ, твой братъ пріѣдетъ ко мнѣ и мы съ нимъ поужинаемъ. Миледи Флентъ даетъ прескверные ужины; да къ тому же мнѣ хочется переговорить съ племянникомъ Джоржемъ о письмѣ его матери. *Adieu*, джентльменъ! и баронесса подошла къ тоалету. Носильщики и факельщики уже давно ее ждали.

Джентльмены отправились въ Ранселей, гдѣ на этотъ разъ присутствовали весьма немногіе изъ знакомыхъ Гарри. Они прошли по залѣ,

встрѣтили мистера Тома Клэйпуля съ его провинціальными друзьями, слушали музыку и пили чай. Гарри принялъ на себя роль церемоніймейстера и показывалъ брату всѣ достопримѣчательности. Гарри при первомъ появленіи въ Лондонѣ приходилъ въ большой восторгъ, но восторгъ Джоржа не имѣлъ предѣла. Джоржъ болѣе, чѣмъ братъ, любилъ музыку; онъ впервые слышалъ оркестръ, довольно порядочно исполнившій пьесу Ганделя. Уваженіе Гарри къ старшему брату доказывается и тѣмъ, что онъ не пренебрегалъ любовью брата къ музыкѣ даже и въ то время, когда это искусство въ Англіи не пользовалось большимъ почетомъ, и когда британцевъ почти ежедневно поднимали на смѣхъ свои же патріотическія газеты, при оцѣнкѣ музыкальных дарованій какихъ нибудь Скваллини, монсеньеровъ и т. п. Теперь въ Британіи никто не гордится своимъ невѣжествомъ. У насъ теперь не существуетъ ни высокомерія, ни прежняго равнодушія. Надменность совершенно неизвѣстна намъ.... Искусство приобрѣло свои права и живетъ теперь съ нами на условіяхъ равенства. Если мистриссъ Траль вздумаетъ выйти за мужъ за какого нибудь музыкальнаго маэстро, то я не думаю, что ея друзья станутъ содрогаться отъ одного ея имени. Если у ней хорошее состояніе, если она держитъ хорошаго повара, то повѣрьте, къ ней всѣ поѣдутъ и будутъ обѣдать съ ней, несмотря на ея *mésalliance*, и будутъ обходиться съ мсьё Піюцци со всевозможною любезностью.

Изъ Ранслей мистеръ Джоржъ, по совѣту баронессы, отправился въ ея домъ, между тѣмъ какъ Гарри показался въ клубѣ, когда, по принятому обыкновенію, джентльмены собрались ужинать и послѣ ужина играть. Само собою разумѣется, никто не намекнулъ даже на кратковременное отсутствіе мистера Варрингтона; мистеръ Руфъ, бывший его домохозяинъ, прислуживалъ необыкновенно серьезно и вѣжливо, какъ будто между ними не было даже и повода къ раздору.

Но когда джентльмены отъужинали и отправились на верхъ играть, Гарри рѣшительно объявилъ, что играть больше не будетъ.

— Да въдь вы, мистеръ Варрингтонъ, разсѣянно сказалъ мистеръ Моррисъ: — если говорить правду, выиграли болѣе, чѣмъ проиграли.

— Я думаю, мистеръ Моррисъ, мѣй дѣла лучше мнѣ извѣстны, угрюмо сказалъ Гарри, не забывшій о поступкѣ этого пріятеля при своемъ арестѣ: — впрочемъ я имѣю на это другія причины. Нѣсколько мѣсяцевъ или, пожалуй, нѣсколько дней тому назадъ я былъ на слѣдникомъ большаго состоянія и могъ проигрывать небольшую сумму денегъ. Теперь, благодаря Бога, я ничего не наслѣдую; — и

Гарри, покраснѣвъ, окинулъ взглядомъ кружокъ джентльменовъ, нетерпѣливо ждавшихъ начала игры.

— Чтò вы хотите сказать, мистеръ Варрингтонъ? вскричалъ милордъ Марчъ. — Неужели вы проиграли вашу Виргинію? Кто ее выигралъ? А вѣдь я постоянно имѣлъ намѣреніе сыгратъ съ вами на этотъ кушъ.

— И размножить племя невольниковъ въ нашей колоніи? сказалъ Моррисъ.

— Ее выигралъ законный наслѣдникъ. Вѣроятно, вы слышали о моемъ братѣ близнецѣ?

— Котораго убили въ компаніи Браддока, два года тому назадъ? Какъ же, слышалъ. Праведное небо, мистеръ Гарри! ужели онъ очутился въ живыхъ?

— Два дня тому, какъ онъ пріѣхалъ въ Лондонъ. Восемнадцать мѣсяцовъ онъ былъ въ плѣну въ одной французской крѣпости; нѣсколько мѣсяцовъ какъ сдѣлался свободнымъ и сейчасъ же послѣ того выѣхалъ изъ Виргиніи.

— Вы, мистеръ Варрингтонъ, я полагаю, не успѣли заказать себѣ трауръ? хладнокровно спросилъ Сельуэйнъ, и простосердечный Гарри, безъ объясненія брата, не понялъ бы точнаго значенія этого вопроса.

— Повѣсьте меня, если я въ состояніи объяснить радость Варрингтона при неумѣстномъ появленіи его пропадавшаго брата! вскричалъ милордъ Марчъ, продолжая разговоръ свой послѣ ухода молодаго виргинца.

— Надобно отдать справедливость этимъ дикарямъ, они какъ-то особенно умѣютъ питать чувство непритворной любви, несмотря на то, что въ Америкѣ существуютъ весьма слабыя понятія о цивилизаціи, — зѣвая, сказалъ Сельуэйнъ.

— У нихъ принято за правило: любить друзей и скальпировать враговъ, замѣтилъ мистеръ Вальполь. — Это не совсѣмъ по-христіански, но очень естественно. Я думаю, Джоржъ, ты бы не захотѣлъ видѣть въ настоящее время, какъ скальпируютъ живаго чело-вѣка и сдираютъ съ него кожу.

— Миѣ кажется, что младшій братъ долженъ быть естественнымъ врагомъ старшаго, сказалъ мистеръ Сельуэйнъ, спокойно раскладывая на столѣ деньги и марки.

— Пытка тоже, что и бульонъ изъ костей, приправленный перцемъ. Побывавъ однажды на висѣльницѣ, едва ли кто захочетъ побывать второй разъ, продолжалъ Гарри.

— Пусть повѣсятъ меня, если найдется въ Англіи чело-вѣкъ, которому пріятно видѣть въ живыхъ своего старшаго брата, сказалъ милордъ.

— А тѣмъ болѣе видѣть въ живыхъ своего отца, милордъ! вскричалъ Джекъ Морриссъ.

— У васъ, Джекъ, кажется, былъ отецъ въ то время, когда мы познакомились. Дайте мнѣ марокъ на пятьсотъ.

— Все-таки диковинная вещь, что мертвые братья оживаютъ, продолжалъ Джекъ. — Кто знаетъ, можетъ быть эти молодцы нарочно придумали такую штуку? Сюда является молодой человѣкъ, называетъ себя счастливымъ юношей, говоритъ, что онъ виргинскій принцъ и чортъ знаетъ что такое, вступаетъ въ наше общество....

При послѣдней фразѣ Джека раздается громкій смѣхъ.

— Кто знаетъ, что это не былъ чистѣйшій обманъ? продолжаетъ Джекъ. — Младшій братъ является въ Лондонъ первымъ. Онъ намѣренъ жениться на богатой наслѣдницѣ и, когда дѣло его подходитъ къ концу, — вдругъ является старшій братъ. И дѣйствительно, припомните, когда явился старшій братъ? Когда не удался планъ, когда всѣ надежды младшаго брата совершенно лопнули! Кто можетъ сказать, что этотъ молодецъ не жилъ въ какомъ нибудь лондонскомъ захолустьѣ, въ какомъ нибудь подвалѣ, и пока младшій джентльменъ устраивалъ свои дѣла, онъ питался требухой? Чортъ возьми, какъ джентльмены, мы должны выкинуть въ это дѣло, въѣдъ этотъ мистеръ Варрингтонъ насмѣялся самымъ наглымъ образомъ надъ цѣлымъ клубомъ.

— Кто его ввелъ сюда? кажется, Марчъ? спросилъ одинъ изъ играющихъ.

— Да. Но милордъ думалъ, что онъ ввелъ совсѣмъ другое лицо. Не правда ли, Марчъ!

— Держи ты свой проклятый языкъ на привязи и слѣди за игрой! сказалъ нобльменъ, къ которому относился послѣдній вопросъ. Миѣніе Джека Моррисса не нашло себѣ защитниковъ. Правда, многіе соглашались, что со стороны мистера Гарри Варрингтона въ высшей степени было безсовѣстно увѣрять другихъ въ смерти своего брата; что въ первомъ появленіи молодаго человѣка и въ послѣдующихъ его дѣйствіяхъ было что-то подозрительное, и вообще говорили, что относительно этихъ чужеземцевъ, авантюристовъ, нужно быть какъ можно осторожнѣе.

Хотя Гарри вышелъ изъ тюрьмы и изъ затруднительнаго положенія, хотя тетка щедро наградила его деньгами, хотя ему отданъ былъ любимый его братъ, возвращеніе котораго къ жизни Гарри вовсе не думалъ оплакивать, наперекоръ предположенію своихъ клубныхъ друзей, — хотя Марія своимъ поведеніемъ во время его несчастія показала себя въ весьма выгодномъ свѣтѣ, — несмотря на

то, онъ, оставаясь наединѣ съ самимъ собою, не чувствовалъ особенной радости и курилъ свою виргинскую трубку съ взволнованной душой. Это происходило не потому, что онъ лишился наслѣдства: потеря эта нисколько его не печалила; онъ зналъ, что братъ подѣлится съ нимъ, какъ подѣлился бы онъ самъ; для него убійственно было сдѣлаться нищимъ и при этомъ быть навсегда прикованнымъ къ старой кузинѣ! — Марія дѣйствительно была стара. Когда она пришла въ этотъ ужасный вертепъ, въ улицѣ Курситоръ, и когда слезы смыли румяна съ ея щекъ, она казалась чуть ли не старѣе мадамъ Эсмондъ: ея лицо было желто, покрыто морщинами и такое противное, какимъ онъ видѣлъ его въ тотъ день, когда Марія захворала въ каретѣ, по дорогѣ въ Тонбриджъ. Что сказала бы мать, еслибъ онъ привезъ ее въ Виргинію? — о Боже! какія бы баталіи тогда происходили между ними! Конечно, онъ удалился бы жить на одну изъ плантацій, и чѣмъ дальше отъ дома, тѣмъ лучше, — завелъ бы нѣсколько негровъ, устроилъ бы ферму и охотился бы съ утра до вечера; но какова была бы жизнь для Маріи — все равно въ Кастльвудѣ или въ ея собственномъ домѣ, — для нея, которая привыкла ѣздить ко двору, играть въ карты и быть каждый вечеръ на балу!... О если бы ему удалось пріобрѣсть мѣсто управляющаго имѣніями, — онъ честно исполнялъ бы свое дѣло и старался бы пополнить пустоту своей бесплодной жизни и возратить то, что промоталъ въ минувшіе дни! Пять тысячъ фунтовъ, все его наслѣдство и всѣ проценты, накопившіеся въ теченіе его малолѣтства, все это промотано въ какихъ нибудь шесть мѣсяцевъ! Онъ нищій, зависящій отъ милости брата, — въ жизни ничего не осталось ему, кромѣ старой жены! Хорошъ, однакожъ, нищій въ бархатѣ и серебрѣ, — бѣдный юноша одѣтъ былъ въ лучшее свое платье, — какую роль разыгрывалъ онъ въ Европѣ, и чѣмъ она кончилась! При всѣхъ его аристократическихъ друзьяхъ въ клубѣ Вайта и въ Ньюмаркетѣ, при всей расточительности, былъ ли онъ счастливъ хотя на одинъ день съ самага пріѣзда въ Европу? Былъ впрочемъ дни три-четыре, и между прочимъ, вчера вечеромъ, когда находился въ кругу доброй, безпредѣльно доброй мистриссъ Ламбертъ, милыхъ, скромныхъ, прекрасныхъ ея дочерей и храбраго полковника. Полковникъ былъ правъ, выговаривая Гарри за его мотовство: Гарри былъ звѣрь, если рѣшился выказать при этомъ гнѣвъ. Но да благословить ихъ небо за великодушіе! — Вотъ мысли, съ которыми Гарри наложилъ свою трубку и курилъ ее, ожидая возвращенія брата отъ баронессы Бернштейнъ.

ГЛАВА VI,

ВЪ ТЕЧЕНІЕ КОТОРОЙ ГАРРИ СИДИТЪ ДОМА И КУРИТЪ.

Дядя нашихъ виргинцевъ, полковникъ Эсмондъ, о которомъ мы часто упоминали и который промѣнялъ жизнь въ Англіи на жизнь въ Новомъ Свѣтѣ, посвятилъ нѣкоторую часть своего продолжительнаго американскаго досуга на составленіе записокъ о своей ранней жизни. Въ этихъ запискахъ мадамъ де Бернштейнъ (въ дѣвицахъ ее звали мистриссъ Беатриксъ Эсмондъ) разыгрывала весьма замѣчательную роль. — Джоржъ нѣсколько разъ прочитывалъ рукопись своего дѣда, и потому зналъ свою родственницу далеко за долго до свиданія съ ней; онъ зналъ, что лэди, съ которой познакомился наклонъ ея дней, была полстолѣтія тому назадъ молода, прекрасна, своенравна. Не знаю, право, пріятно или нѣтъ, для женщины, переставшей быть красавицей, вспоминать о цвѣтущемъ періодѣ своей жизни, вспоминать въ то время, когда щеки начинаютъ блекнуть и глаза тусклѣть? Когда сердце начинаетъ черствѣть, пробуждается ли въ немъ старая любовь и вспоминаетъ ли оно о томъ, что нѣкогда оно было мягко, свѣжо, что порывы нѣжной страсти усиливали въ немъ бѣненіе? Когда настроеніе духа становится вялымъ, тяжелымъ, пріятно ли намъ вспоминать, какъ свѣтло было нѣкогда на нашей душѣ, сколько отрадныхъ надеждъ лелѣялось въ ней, какъ готовы были мы сочувствовать всему прекрасному, съ какою горячностью наслаждались мы жизнью? — И все это увяло; весенніе бутоны, розы красоты, цвѣтистая, обильная жатва лѣтней поры, — все увяло, засохло; остались одни только голые сучья, дрожащіе отъ зимней стужи.

И она была нѣкогда красавицей! думалъ Джоржъ Варрингтонъ, въ то время, когда его тетка, въ румянахъ и брилльянтахъ, возвращалась съ раута, — и эти руины были нѣкогда великолѣпнымъ дворцомъ. Толпы обожателей вздыхали передъ этими дряхлыми ногами, сходили съ ума отъ блеска ея глазъ. Онъ вспомнилъ фейерверкъ у себя въ отечествѣ, въ Вильямсбургѣ, по случаю дня рожденія короля, и живо представилъ себѣ контрастъ между блесками огней и остовами колесъ и трубокъ, изъ которыхъ вылетали на воздухъ римскія свѣчи. Припоминая подробности дѣдовскихъ записокъ, Джоржъ живо представлялъ себѣ ослѣпительный блескъ ранней карьеры тетушки Бернштейнъ. Добрый Гарри видѣлъ эти записки; но какъ не охотникъ до чтенія, онъ не прочитывалъ ихъ съ особеннымъ вниманіемъ; да если бы и прочиталъ, то не сталъ бы

такъ много думать о нихъ, вовсе не имѣя склонности меланхолика-брата вдаваться въ глубокія размышленія и созерцанія.

Мистеръ Варрингтонъ не находилъ достаточнаго основанія говорить своей теткѣ о своемъ близкомъ знакомствѣ съ ея ранней исторіей. Когда кончился ужинъ, баронесса указала тростью на бюро и приказала своему собесѣднику подать письмо, лежавшее на чернильницѣ. Съ перваго взгляда на адресъ Джоржъ узналъ, что этого письма онъ самъ былъ подателемъ.

— Прочитайте и вы увидите, сказала старуха, пристально посмотрѣвъ на племянника: — что даже послѣ вашего возвращенія изъ плѣна между вами и моей сестрой существовала нѣкоторая холодность.

— Въ самомъ дѣлѣ?—Мадамъ Эсмондъ не показывала и вида холодности, сказалъ Джоржъ.

Баронесса надѣла огромные очки на глаза, въ былыя времена бросавшіе молніи и воспалявшіе сердца, взглянула на письмо и передала его Джоржу, который прочелъ слѣдующее:

Ричмондъ, Виргинія, 26-го декабря 1756.

«Милостивѣйшая государыня и сестра!

«Я получила ваше письмо съ пакетботомъ «Роза» прошедшаго 23-го октября, за что искренне благодарю васъ и спѣшу отвѣтить во время, которое будетъ благостынею и миромъ для всего человѣчества, но въ которое по опредѣленію Промысла мы все-таки должны нести часть земныхъ горестей и страданій. Отвѣтъ этотъ доставить вамъ мой старшій сынъ, мистеръ Эсмондъ Варрингтонъ, который чудеснымъ образомъ возвратился къ намъ изъ сѣни смерти и который пожелалъ, разумѣется съ моего согласія, посѣтить Европу, не смотря на кратковременное между нами пребываніе. Мнѣ больно подумать, что мой неоцѣненный Гарри долженъ былъ явиться въ отечество—я разумѣю подъ этимъ словомъ Англію—какъ говорится, *подъ чужимъ флагомъ*; долженъ былъ представиться его величеству, нашимъ и своимъ роднымъ, какъ законный наслѣдникъ своего отца, тогда какъ милый сынъ Джоржъ былъ еще живъ, хотя мы и считали его въ мертвыхъ. О, мадамъ! если бы вы знали, сколько выстрадало сердце матери и брата въ теченіе его осьмнадцатимѣсячнаго плѣна! Увидѣвъ мистера Эсмонда Варрингтона снова въ живыхъ, Гарри забудетъ отъ радости несчастіе, которое на него должно обрушиться. Онъ безъ досады и огорченія возвратится къ бѣдности. Благороднѣйшій, покорнѣйшій изъ человѣческихъ созданій, изъ сыновей, онъ съ радостію передастъ старшему брату то право наслѣдства, ко-

торое принадлежало бы ему, еслибъ не рожденіе его послѣ брата и не чудесное возвращеніе моего сына Джоржа.

«Ваши благодѣтельные намѣренія относительно неопѣянаго Гарри для меня болѣе чѣмъ пріятны, особливо теперь, когда Гарри долженъ существовать ничтожною долею младшаго брата! Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, предстоялъ очень выгодный случай для него въ здѣшней провинціи, и теперь онъ былъ бы владѣльцемъ хорошаго имѣнья и негровъ, имѣлъ бы возможность сдѣлаться немаловажнымъ лицомъ, еслибъ только согласился онъ съ желаніемъ матери и еслибъ небольшой капиталъ, завѣщанный ему отцомъ и обращающійся за небольшіе проценты въ британскихъ фондахъ, былъ употребленъ на эту, въ высшей степени превосходную, покупку. Но формы закона, и, къ сожалѣнію я должна признаться, неумѣстная совѣстливость старшаго брата, разстроили это дѣло, и рѣдкостный случай пропалъ навсегда! Гарри увидитъ, что сбереженія въ его пользу значительно увеличились; дай Богъ долго и долго ему пользоваться ими! Да благословитъ васъ небо, милая сестра, за ту сумму, которую вамъ угодно будетъ прибавить къ его капиталу! Усматривая изъ вашего письма, что денегъ, отпускаемыхъ на его содержаніе, недостаточно для того, чтобы поддерживать знакомство въ кругу аристократическихъ молодыхъ людей (я сама знаю, что внукъ маркиза Эсмонда, — молодой человѣкъ, который чуть-чуть не сдѣлался его наслѣдникомъ, — имѣетъ полное право стоять наравнѣ со всякимъ нобльменомъ въ Великобританіи), и имѣя при себѣ деньги, постоянно мною предназначаемыя на устройство бѣднаго младшаго сына, я передаю ихъ старшему сыну, который, надо отдать ему справедливость, питаетъ къ брату искреннюю любовь и уваженіе и употребитъ ихъ съ выгодною Гарри.»

— На эти деньги я выкупилъ его изъ тюрьмы. Мнѣ кажется, лучшаго употребленія невозможно было сдѣлать, возразилъ Джоржъ, останавливаясь на этой части письма.

— Извините, сэръ; я думаю совершенно иначе! Почему бы на-примѣръ не купить для него хорошее мѣсто, или хорошее имѣнье съ неграми, если онъ имѣетъ желаніе возвратиться домой? вскричала старая леди. — Къ тому же этотъ долгъ я хотѣла заплатить сама.

— Полагаю, вы предоставите это удовольствіе его брату. Позвольте мнѣ быть банкиромъ моего брата и считать, что я занялъ извѣстную сумму у матери съ тѣмъ, чтобъ заплатить ее за моего добраго Гарри.

— Въ самомъ дѣлѣ такъ? — Дайте же мнѣ вина! Да вы славный малый! — Впрочемъ, читайте дальше и вы увидите, что точно та-

кого же мнѣнія о васъ и ваша мать. Я пью за ваше здоровье, племянникъ! Это доброе бургундское. Вашъ дѣдъ не любилъ бургундскаго. Онъ пилъ мало и обыкновенно лафитъ.

Джоржъ продолжалъ:

«Этой суммы, надѣюсь, будетъ слишкомъ достаточно на покрытие долговъ, которые надѣлалъ Гарри, находившійся въ ложномъ положеніи. Я бы желала также довѣрчиво положиться на благоразуміе Гарри, какъ полагаюсь на благоразуміе Джоржа! Но, я боюсь, мистеръ Эмондъ Варрингтонъ вовсе не усвоилъ себѣ *смиренія и покорности*, которыя составляютъ принадлежность каждаго христіанина и которыя я постоянно старалась внушить моимъ дѣтямъ. Если вы случайно вздумаете показать ему это письмо въ то время, когда, при благословеніи неба на плавающихъ по морямъ, насъ раздѣлитъ Великій океанъ, то пусть онъ узнаетъ, что благословеніе и молитвы матери одинаково сопровождаютъ какъ того, такъ и другого сына, и что не было поступка, не было желанія съ моей стороны (хотя Джоржъ рѣдко исполнялъ его!), которыя бы истекли не изъ искреннѣйшей любви къ моимъ милымъ, неоцѣненнымъ дѣтямъ!»

— Тутъ скоблено перочиннымъ ножомъ, и какое-то пятно, какъ будто была пролита вода. Ваша мать, Джоржъ, пишетъ прекрасно. Я все-таки думаю, что между вами былъ какой нибудь поводъ къ раздору, — ласковымъ тономъ замѣтила тетка.

— Да, мадамъ, и не разъ, — отвѣчалъ молодой человѣкъ съ печальнымъ лицомъ. Послѣдній разъ было изъ-за денегъ, изъ-за выкупа, обѣщаннаго мною старому коменданту крѣпости, который помогъ мнѣ бѣжать. Я говорилъ вамъ, что у него была бѣдная индіянка, много содѣйствовавшая мнѣ въ побѣгѣ и вообще очень добрая женщина. Шесть недѣль спустя послѣ моего возвращенія, несчастная Ла-Бишъ явилась въ Ричмондъ, пробравшись лѣсами по той же самой дорогѣ, по которой шелъ я, и принесла мнѣ дѣдовскіе часы и печать, которыя Мусо, устроивая мой побѣгъ, обѣщался прислать. Новый комендантъ и значительное подкрѣпленіе уже прибыли въ Дѣкеснъ. Мусо былъ обвиненъ въ растратѣ денегъ, но какой суммы — сказать не могу, потому что посланная не въ состояніи была объяснить это подробно и вѣрно. Его арестовали, и онъ сдѣлалъ попытку бѣжать; но менѣе счастливый, чѣмъ я, былъ замѣченъ, — и его подстрѣлили. Изъ темницы, почти на смертномъ одрѣ, онъ нацарапалъ мнѣ нѣсколько словъ и отправилъ съ бѣдной индіянкой, прося меня отослать обѣщанное къ какому нибудь нотаріусу въ Гавръ де-Грасъ для передачи его родственникамъ въ Коснѣ, въ Нор-

мандіи. Пріятель, Сильвергилсъ, охотникъ, на этотъ разъ былъ проводникомъ несчастной женщины. Удивляюсь, какъ они не попали подъ ножъ индійцевъ. Ла-Бишъ приняли у насъ очень сурово. Ей даже хотѣли отказать въ пріютѣ. Не стану говорить о подозрѣніяхъ, которыя возникли относительно ея и меня. Несчастливая напибалась до пьяна при первой возможности. Я приказалъ давать ей пищу и пріютъ, и она сдѣлалась посмѣшищемъ для негровъ и предметомъ разныхъ сплетенъ для старыхъ дуръ въ нашемъ маленькомъ городкѣ. Къ счастью, губернаторъ былъ человѣкъъ благоразумный; я пробудилъ въ немъ участіе къ несчастной и успѣлъ выхлопотать паспортъ, съ которымъ Ла-Бишъ могла бы безопасно возвратиться на родину. Ея горестъ при разлукѣ со мной служила только къ усиленію подозрѣній. Мнѣ кажется, о моихъ проступкахъ говорено было съ кафедръ; я долженъ былъ прибѣгать къ моей трости. Изъ всего этого возникъ страшный споръ между мной и мадамъ Эсмондъ; размолвка наша и теперь еще не прекратилась. Я настаивалъ въ уплатѣ наслѣдникамъ Мусо денегъ, обѣщанныхъ за мое освобожденіе. Теперь вы видите, что сплетни, клевета и злословіе существуютъ въ пустынь и точно такъ же бываютъ сильны въ Новомъ Свѣтѣ, какъ и въ Старомъ.

— Я, мой другъ, сама отъ нихъ страдала, задумчиво сказала баронесса. — Налей свою рюмку, дитя мое! Это вишневка: она лучше всего въ свѣтѣ успокоитъ тебя.

«Что касается до женитьбы моего бѣднаго Гарри, продолжала писать мадамъ Эсмондъ: — то хотя я по горькому опыту знаю очень хорошо опасности, которымъ подвергается юность, и хотѣла бы сберечь отъ нихъ моего сына, хотя я желала бы, чтобы онъ взялъ себѣ жену съ титуломъ, какъ это и слѣдуетъ молодому человѣку его происхожденія; но все же лэди Марія Эсмондъ ему не пара. Она почти однихъ лѣтъ со мною; къ тому же я знаю, что братъ мой Кастльвудъ оставилъ своимъ дочерямъ очень небольшое приданое. Мой Гарри такъ послушенъ, что для него достаточно моего желанія, чтобы отказаться отъ этой безразсудной партіи. — Были такіе глупцы, что полагали, будто бы я намѣрена была вступить во второй бракъ съ человѣкомъ далеко ниже насъ происхожденіемъ. Нѣтъ! я знаю свой долгъ въ отношеніи къ моимъ дѣтямъ и къ самой себѣ. Мистеръ Варрингтонъ, какъ наслѣдникъ дома, совершенно обезпеченъ. Пусть же на мнѣ лежитъ теперь обязанность сберечь что нибудь для его менѣ счастливаго брата; а такъ какъ я привыкла и не люблю жить въ совершенномъ одиночествѣ, то пусть Гарри немедленно возвратится къ его нѣжной и любящей матери.

«Свѣдѣнія, которыя вы, милэди, сообщили мнѣ о Гарри, наполняютъ мое сердце самою искреннею благодарностью. Дѣйствительно, ни у одной матери быть можетъ нѣтъ и не будетъ такого сына, какъ мой Гарри! Годъ, проведенный въ Европѣ, сообщитъ Гарри ласкъ и свѣтское образованіе, чего онъ не могъ бы пріобрѣсть въ нашей простой, грубой Виргиніи. Мистеръ Стакъ, одинъ изъ лучшихъ проповѣдниковъ въ Ричмондѣ, получилъ письмо отъ мистера Варда, бывшаго наставника моихъ дѣтей въ ихъ ранніе годы, который знаетъ милэди Варрингтонъ и ея превосходное семейство, и говоритъ, что Гарри въ послѣднее время постоянно бывалъ у кузинъ. Благодарю небо, что мой Гарри пользуется привилегіею находиться при своей доброй теткѣ. Пусть онъ слѣдуетъ ея совѣтамъ и будетъ внимателенъ къ тѣмъ, которые его окружаютъ и которые выведутъ его на стезю благоденствія! Adieu, dear madam и сестра! За ваши ласки къ моему сыну примите тысячу благодарностей отъ материнскаго сердца. Хотя насъ и раздѣляетъ океанъ, но пусть родственные узы связываютъ насъ крѣпче и крѣпче! Благодарю васъ также за вашъ благородный отзывъ о моемъ отцѣ. Дѣйствительно, это былъ человѣкъ одинъ изъ лучшихъ! Онъ тоже, я знаю, благодаритъ васъ за любовь, которую вы питаете къ одному изъ его внуковъ.»

«Съ искреннею признательностію остаюсь преданнѣйшая сестра и покорнѣйшая слуга

Рахель Эсмондъ Вар.

«Р. S. Я писала къ милэди Маріи. Не знаю, нужно ли говорить ей и милому Гарри, что ни мать, ни вы, не надѣются имѣть возможности увеличить его небольшое состояніе. Бракъ этотъ рѣшительно ни съ чѣмъ несообразенъ.»

— Что касается собственно до меня, сказалъ Джоржъ, положивъ письмо:—то изъ письма моей матери я ничего не вижу новаго. Я всегда зналъ, что Гарри былъ любимымъ сыномъ мадамъ Эсмондъ, чего онъ, впрочемъ, вполне заслуживаетъ. У него есть множество прекрасныхъ качествъ, которыми я не имѣю счастья обладать. У него, во-первыхъ, прекрасная наружность....

— Наружность у васъ одинаково прекрасна, сказала старуха, посмотрѣвъ на Джоржа изъ подлобья: — разница только въ томъ, что у васъ свѣтлые, а у него темные волосы; не будь этой разницы и васъ бы трудно было отличить другъ отъ друга.

Мистеръ Джоржъ поклонился и на щекахъ его показался легкій румянецъ.

— Его характеръ — свѣтлый, а мой — мрачный, — продолжалъ Джоржъ. — Гарри постоянно веселъ, а я постоянно угрюмъ. Онъ умѣетъ привязывать къ себѣ всѣхъ, а на мою долю выпало имѣть немногихъ друзей.

— Что ни говорите, а между сестрой моей и вами были непріятности. Это всегда случалось въ нашей фамиліи, сказала баронесса: — и если мадамъ Эсмондъ слѣдуетъ примѣру нашей матери....

— Моя мать всегда описывала ее земнымъ ангеломъ, прервалъ Джоржъ.

— Гм! Это обыкновенный аттестатъ людей послѣ ихъ смерти! сказала баронесса: — и пожалуй, Рахель Кастльвудъ была ангелъ, а не женщина; такую покрайней мѣрѣ считалъ ее вашъ дѣдъ. Но позвольте сказать, сэръ, что ангелы не всегда годятся въ нашей жизни. Они бываютъ слишкомъ добры, слишкомъ непорочны, чтобы жить съ нами грѣшниками; воздухъ, которымъ мы дышемъ на землѣ, можетъ быть вреденъ для нихъ. Моя бѣдная мать была столь совершенна, что никогда не могла простить мнѣ мои недостатки. О, mon Dieu! бывало, какъ она терзала меня своимъ ангельскимъ обхожденіемъ.

Джоржъ потупилъ глаза и подумалъ о своей собственной безотрадной юности. Онъ болѣе не хотѣлъ скрывать свои семейныя тайны передъ циническою пытливостью этой старой свѣтской женщины, которая совершенно понимала его, несмотря на его молчаніе.

— Я вполне понимаю васъ, хотя вы и молчите, — продолжала баронесса. Проповѣдь утромъ, проповѣдь вечеромъ, и двѣ или три въ воскресенье. Вотъ это-то и называется у такихъ людей — быть добрымъ, благочестивымъ. Они съ пренебреженіемъ смотрятъ на всѣ удовольствія; отстраняютъ отъ себя насъ — свѣтскихъ людей; по ихъ понятіямъ, балъ — ни къ чему не ведущая трата времени, музыка — запрещенное развлеченіе, игра въ карты — пагуба. О, какая скучная жизнь! Mon Dieu, какая невыносимая жизнь!

— Мы играли въ карты каждый вечеръ, если хотѣли, улыбаясь сказалъ Джоржъ. Дѣдушка мой такъ любилъ Шекспира, что мадамъ Эсмондъ ни слова не возражала противъ любимого автора ея отца.

— Помню, помню. Онъ декламировалъ наизусть цѣлыя страницы; съ своей стороны я больше люблю Конгрева. И потомъ этотъ ужасный, скучный Мильтонъ, которымъ дѣдъ вашъ и мистеръ Аддисонъ такъ восхищались! — сказала баронесса, щелкая вѣеромъ.

— Если вамъ, милэди, не нравился Шекспиръ, то вѣроятно вы не будете сердиться на мою мать за то, что она была не совѣмъ къ нему равнодушна, — продолжалъ Джоржъ. Мнѣ кажется, я почти увѣренъ, что вы несправедливо о ней судите. Если гдѣ окажется бѣдный,

она первая спѣшитъ оказать ему помощь, гдѣ окажется больной, она...

— Она лѣчитъ его своими странными микстурами и пилюлями! вскричала баронесса. Точно такъ же поступала и моя мать.

— Оказывая медицинскую помощь, она дѣлаетъ добро! Она имѣетъ въ виду сдѣлать добро и исполнить свой долгъ, насколько его понимаетъ.

— Я нисколько не виню васъ, мой другъ, за исполненіе вашего долга и за то, что относительно мадамъ Эмондъ вы держитесь своего собственного мнѣнія, сказала старая лэди. Въ одномъ, однакожъ, мы все трое соглашаемся:—негнѣпый бракъ этотъ долженъ быть разстроенъ. Знаете ли вы сколько лѣтъ этой женщинѣ? Это я могу вамъ сказать, хотя Марія и вырвала первый листъ изъ фамиліи Кастльвудской библии.

— Моя мать также не забыла лѣта своей кузины и ужасается неравенству между ней и моимъ бѣднымъ братомъ. Я увѣренъ, что кузина, воспитанная, привыкшая къ лондонскимъ увеселеніямъ, къ роскоши, найдетъ нашу виргинскую плантацію самымъ скучнымъ мѣстомъ для постоянного жительства. Кромѣ того, домъ, гдѣ ей придется жить, каковъ онъ ни есть, не будетъ собственностью Гарри. Конечно онъ будетъ принятъ въ немъ со всею радушіемъ, — съ большимъ радушіемъ, чѣмъ былъ принятъ тотъ, кому все имѣніе переходитъ въ наслѣдство; но, какъ я уже сказалъ ему.... едва ли женѣ его понравится наша колонія, сказалъ Джоржъ, покраснѣвъ и не рѣшаясь высказать свое мнѣніе.

Баронесса пронзительно захохотала.

— Ха! ха! племянникъ Варрингтонъ! сказала она:—ты напрасно совѣстишься говорить откровенно. Повѣрь, я ни слова не передамъ твоей матери; для меня вовсе не новость, что она вспыльчива и своенравна. Гарри тоже молчалъ: но не нужно было прибѣгать къ чародѣю, чтобы угадать, кто былъ госпожей въ вашемъ домѣ и какую жизнь заставляла васъ вести моя сестра. Я такъ люблю племянницу Молли, что желала бы отправить ее годика на два, на три въ Виргинію подъ управленіе вашей матери. Вы кажетесь встревоженнымъ, Джоржъ. Гарри говорилъ со мною спокойно, и этимъ-то спокойствіемъ показалъ мнѣ, кто управляетъ всею вашимъ семействомъ.

— Мадамъ, сказалъ Джоржъ, улыбаясь: я могу сказать одно, что незавидна будетъ участь той женщины, которая вступитъ въ нашъ домъ безъ согласія матери; мой братъ знаетъ это тоже очень хорошо.

— Какъ? Вы уже успѣли съ нимъ переговорить объ этомъ?

— Разумѣется, успѣли. И глупый ребенокъ считаетъ себя связаннымъ даннымъ словомъ.... такъ, такъ, я это знаю!

— Онъ говоритъ, что лэди Марія, въ отношеніи къ нему, поступала весьма благородно. Когда его взяли въ тюрьму, она принесла ему всѣ свои драгоценности и всѣ гинеи, которыя имѣла. Этотъ поступокъ до такой степени тронулъ брата, что онъ чувствуетъ привязанность къ ней сильнѣе прежняго. Но мнѣ кажется, что благородное слово связываетъ его больше, чѣмъ любовь; таково по крайней мѣрѣ его настоящее чувство.

— Доброе мое созданіе! восклицаетъ мадамъ Бернштейнъ:—неужели вы не догадываетесь, что Марія приноситъ нѣсколько ничтожныхъ бездѣлушекъ и пять-шесть гинеи мистеру Эсмонду, наслѣднику огромнаго имѣнья въ Виргиніи, а не второму сыну въ фамиліи, который сдѣлался нищимъ, промотавъ все свое состояніе? Клянусь честью, какъ благородная женщина, что, зная настойчивый характеръ Гарри и несчастіе, которое онъ готовилъ себѣ, я старалась подкупить Марію, хотѣла, чтобы она отказалась выйти замужъ за него, и если мнѣ не удалось этого сдѣлать, то потому только, что не въ состояніи была предложить большой взятки! Когда Гарри былъ въ тюрьмѣ, я послала къ нему моего адвоката съ приказаніемъ немедленно заплатить долги, если только Гарри согласится отказаться отъ брака; но Марія предупредила насъ, и мистеру Гарри не угодно было отказаться отъ своего нелѣпаго слова. Дайте мнѣ рассказать, что происходило въ теченіе послѣдняго мѣсяца.

И старая лэди рассказала уже извѣстную намъ исторію,—рассказала тѣмъ циническимъ языкомъ, который былъ въ большомъ употребленіи въ ея время, когда самые образованные мужчины и самыя деликатныя лэди называли одушевленные и неодушевленные предметы именами, которыя въ наше время не произносятся даже въ посредственномъ обществѣ.

Мадамъ Бернштейнъ говорила такъ много, такъ долго и такъ умно, что не только слушатель, но и сама она осталась довольна. Въ тотъ вечеръ, передавая себя на руки мистриссъ Бреттъ, чтобы съ ея помощію заснуть на предстоящую ночь, баронесса объявила горничной, что совершенно измѣнила свое мнѣніе о старшемъ племянникѣ. Она говорила, что мистеръ Джоржъ очень недуренъ собой, что онъ, вѣроятно, гораздо умнѣ бѣднаго Гарри (котораго небо, надобно признаться, не одарило особенными талантами) и что у него прекрасный видъ, — нѣсколько задумчивый, — въ немъ что-то было благородное, что-то особенное, напоминавшее полковника. Да говорили ли она когда нибудь Бреттъ о полковникѣ? Сотни разъ, безъ всякаго сомнѣнія. И баронесса еще разъ рассказала Бреттъ о полковни-

кѣ. Между тѣмъ ея фаворитъ, быть можетъ, не былъ такъ доволенъ теткой, какъ она племянникомъ. Какую странную картину жизни и нравовъ открыла она своему племяннику. Какъ смѣялась она надъ всѣмъ свѣтомъ, ее окружавшимъ! Какъ непринужденно изображала она себя и свою фамилію; сколько самолюбія было въ нихъ — отъ перваго до послѣдняго; къ какимъ низкимъ цѣлямъ стремились они; съ какою жадностію хватались они за ничтожные призы; какою мелочью удовлетворялось ихъ честолюбіе; какія сцены перебѣгали они, отъ начала жизни и до конца, гоняясь за обветшалыми развлеченіями и удовольствіями! Неужели это наслѣдники благородной крови? думалъ Джоржъ, поздно уходятъ тетки черезъ двери, въ которыя выходили послѣднія фешенебельные гости и въ которыхъ носильщики зѣвали надъ потухающими факелами. Неужели это гордые обладатели почестей и старинныхъ именъ своихъ предковъ? Неужели ихъ отцы при жизни своей не были лучше? У насъ самихъ есть родословное дерево съ благородными гербами, украшающими вѣтви, и съ титулами, доходящими до временъ завоеванія и Крестовыхъ Походовъ. Въ старину, если рыцарь встрѣчалъ друга своего въ нуждѣ, то неужели онъ поворачивался спиной къ нему, — если встрѣчалъ беззащитную дѣвицу, то неужели обольщалъ ее и потомъ бросалъ? Если старинный нобльменъ принималъ къ себѣ молодаго родственника, то неужели онъ его безсовѣстно обигрывалъ, и неужели древніе рыцари позволяли себѣ обманывать другъ друга лошадьми? Можно ли допустить, чтобы эта хитрая женщина, какою представляла тетка свою племянницу, зевнула бѣднаго Гарри въ свои сѣти, — что ея слезы — чистое притворство? Возможно ли, что, узнавъ о бѣдности Гарри, Марія немедленно его броситъ? Не лучше ли уложить чемоданъ, взять каюту на первомъ кораблѣ и воротиться домой? Углубленный въ эти мысли Джоржъ дошелъ до дверей своей квартиры. Его встрѣтилъ зѣвающий Гумбо; Гарри спалъ передъ потухшимъ огнемъ; подлѣ него на столѣ лежала трубка, окруженная табачнымъ пепломъ.

Гарри вскакиваетъ, въ его глазахъ, тусклыхъ отъ сна, зажигается огонь удовольствія при видѣ милаго Джоржа. Съ ребяческимъ смѣхомъ, онъ бросается на шею брата.

— Вотъ онъ! здѣсь! и духомъ и тѣломъ, — слава Богу! говоритъ обрадованный Гарри: — я тебя видѣлъ во снѣ, Джоржъ, — видѣлъ что Вардъ спрашивалъ наши уроки! Помнишь линейку, Джоржъ? Ахъ Боже мой, — да ужъ три часа! Гдѣ ты такъ засидѣлся, Джоржъ? Ужиналъ ли ты? Я ужиналъ въ Вайтѣ, и теперь опять голоденъ. Сегодня я не игралъ, нѣтъ, нѣтъ; для младшихъ братьевъ, эта вещь непозволительная! Лордъ Марчъ заплатилъ мнѣ старыи про-

игрышъ — пятьдесятъ фунтовъ. Я держалъ пари за лошадь дюка Гамильтона противъ его лошади! Сегодня была скачка въ Ньюмаркетѣ и онъ проигралъ, потому что былъ *тяжелъ*. Онъ заплатилъ, и смотрѣлъ медвѣдемъ. Выкуримъ, Джоржи, по трубкѣ, по одной только трубчкѣ.

Молодые люди, покуривъ, легли спать, и я первый желаю имъ пріятнаго сна, потому что при видѣ двухъ братьевъ, любящихъ другъ друга, невольно становится на душѣ какъ-то легко и отрадно.

ГЛАВА VII.

МЕЖДУ БРАТЬЯМИ.

Нѣтъ сомнѣнія, что наши молодые люди разговаривали между собой о домѣ, о знакомыхъ, о происшествіяхъ въ домѣ, передали другъ другу всѣ подробности своей исторіи со времени послѣдней ихъ встрѣчи. Какъ поживали собаки Гарри, маленькій Демпстеръ, добрый старый Натанъ, и другіе члены домашней прислуги? Здорова ли Моунтэйнъ; вѣроятно Фанни выросла и изъ ней сформировалась хорошенькая дѣвочка? Такъ вотъ что! дочь священника Бродбента выходитъ за Тома Баркера, изъ Саванны, и они поѣдутъ жить въ Георгію! Гарри признается, что нѣкогда онъ самъ былъ не равнодушенъ къ дочери Бродбента, много проигрывалъ карманныхъ денегъ въ карты и много пилъ крѣпкихъ напитковъ съ старикомъ отцомъ, лишь бы имѣть предлогъ находиться вблизи этой дѣвочки. Но, — да помилуетъ насъ небо! мадамъ Эмондъ никакъ не согласилась бы на его женитьбу на Полли Бродбентъ! Такъ вотъ что! жена полковника Варрингтона хорошенькая женщина, добрая и милая, и съ хорошимъ состояніемъ. Онъ привозилъ ее въ Ричмондъ и сдѣлалъ мадамъ Эмондъ парадный визитъ. Джоржъ съ большимъ юморомъ описывалъ церемоніи при свиданіи этихъ двухъ особъ и убійственную вѣжливость его матери къ молодой женѣ мистера Варрингтона. — «Теперь бояться нечего, мой милый Джоржъ! говорила мистриссъ Моунтэйнъ. — Полковникъ взялъ за себя другую; а было время, когда два извѣстныхъ мнѣ джентльмена подвергались опасности имѣть отчима шести футъ съ двумя вершками вышиною.» Надо правду сказать, Моунтэйнъ постоянно составляла въ умѣ своемъ брачныя партіи. Сядутъ ли за карты вдвоемъ мужчина и женщина, выпьютъ ли вмѣстѣ чашку чаю, какъ Моунтэйнъ считала уже ихъ соединенными на всю жизнь неразрывными узами. Это она, безумная болтушка, распустила слухъ относительно

несчастной индіянки. Что касается до мадамъ Эсмондъ, она съ пренебреженіемъ отразила клевету, когда пасторъ Стакъ принесъ ее въ нашъ домъ. «Я не повѣрю, говорила она: — что мистеръ Эсмондъ женится на гадкой негритянкѣ, какъ не повѣрила бы, еслибъ мнѣ сказали, что онъ воруетъ ложки изъ кухни.» Хотя она и не хотѣла признавать бѣдную Бишъ виновною, и даже благодарила ее за вниманіе къ сыну во время его болѣзни, но обходилась съ ней съ такой надменностью, что индіянка удалилась въ людскую и тамъ въ винѣ старалась утопить свои обманутыя надежды. Картина, представленная Джоржемъ о своемъ двухмѣсячномъ пребываніи въ домѣ, не имѣла въ себѣ ничего отраднаго.

— Право первородства принадлежитъ мнѣ, Гарри, говорилъ Джоржъ: — но ты любимый сынъ у матери; она, я знаю, сердится на меня собственно за это право. И зачѣмъ я взялъ это первенство, зачѣмъ явился я на свѣтъ ранѣе тебя? Еслибъ ты былъ старшимъ братомъ, ты бы имѣлъ превосходный погребъ, отличнаго коня, былъ бы популярнѣйшимъ человѣкомъ въ округѣ, между тѣмъ какъ я не умѣю сказать слова и моимъ угрюмымъ лицомъ пугаю людей; будь я вторымъ сыномъ, я бы сдѣлался адвокатомъ или поѣхалъ бы въ Англію, получилъ бы тамъ степень, принялъ бы на себя священныя санъ и читалъ бы молитвы за столомъ вашей милости. Зачѣмъ, зачѣмъ не такъ случилось, какъ я хотѣлъ?

— Джоржъ, ты начинаешь говорить стихами! сказалъ Гарри.

— Эти стихи, мой другъ, говорилъ еще прежде меня кто-то другой, съ улыбкой отвѣчалъ Джоржъ.

— Они взяты изъ какой нибудь книги. О, тебѣ всѣ книги знакомы, — я это знаю! вскричалъ Гарри и вслѣдъ за тѣмъ разсказалъ брату о томъ, какъ онъ встрѣтился въ Тонбриджѣ съ двумя писателями, и какъ снялъ шляпу передъ ними, — не потому, чтобы я восхищался ихъ произведеніями, — въ этомъ отношеніи я совершенный невѣжа, — но потому, что я вспомнилъ отзывы о нихъ моего милаго Джоржа, продолжалъ Гарри взволнованнымъ голосомъ: — вотъ почему мнѣ пріятно было видѣть ихъ. Другъ мой, братъ мой! вѣдь я все еще вижу тебя, какъ будто во снѣ.... Безъ ужаса я не могу представить себѣ кровожаднаго индѣйца съ занесеннымъ ножомъ надъ головою моего Джоржа! За твое избавленіе мнѣ бы хотѣлось подарить что нибудь этому москѣ де-Флорану.... но теперь у меня нѣтъ ничего, кромѣ золотыхъ пряжекъ отъ подвязокъ, да и тѣ не стоятъ двухъ гиней.

— Ты имѣешь половину того, что я имѣю, дитя мое, — мы раздѣлимся, какъ только я расквитаюсь съ французомъ, сказалъ Джоржъ.

При этомъ Гарри разразился не только благословеніями, но и проклятїями, доказывая этимъ свою глубокую любовь и удовольствїе; онъ клялся, что въ цѣломъ мірѣ нѣтъ такого брата, какъ его Джоржъ. Въ теченіе нѣсколькихъ дней послѣ прїѣзда Джоржа, Гарри не спускалъ съ него глазъ; находясь вмѣстѣ съ братомъ, онъ опускалъ ножикъ и вилку и начиналъ смѣяться безъ всякой причины. Прогуливаясь съ Джоржемъ по улицѣ Полль-Молль или въ Гейдъ-Паркѣ, онъ глядѣлъ на проходящихъ, какъ будто говоря имъ: «Смотрите сюда, джентльмены! Это онъ, это мой братъ! это мой братъ, который былъ мертвъ и снова ожилъ! Можетъ ли кто похвалиться такимъ братомъ?»

Само собою разумѣется, Гарри нисколько не сомнѣвался, что Джоржъ заплатитъ наслѣдникамъ Мусо ту сумму, которую обѣщаль за свой выкупъ. Этотъ вопросъ былъ причиною большихъ неудовольствій въ домѣ. Мусо умеръ, — съ горячностью и гнѣвомъ доказывала мадамъ Эсмондъ, — условіе само собою прекращается; къ тому же и сынъ ея свободенъ. Мусо былъ негодяй. Она бы ни за что не заплатила вынужденную сумму. Мистеръ Эсмондъ получилъ въ наслѣдство отъ отца небольшое состояніе, которое, если угодно, можетъ разбросать на вѣтеръ. Совершеннолѣтіе его исполнилось, и деньги въ полномъ его распоряженіи; но она не хочетъ принимать участія въ такой расточительности, какъ напримѣръ: подарить двѣнадцатъ тысячъ ливровъ толпѣ нормандскихъ поселянъ, съ которыми мы были въ войнѣ и которые вѣроятно раздадутъ ихъ священникамъ и папѣ. Нѣтъ! на такое безразсудство она не рѣшится. Уже если Джоржъ непременно хочетъ промотать деньги своего отца, то почему бы не отдать ихъ своему кровному родному, бѣдному Гарри, который внезапно лишился наслѣдства, — а ужь никакъ не французскимъ поселянамъ! Этотъ споръ бушевалъ между матерью и сыномъ въ теченіе всѣхъ послѣднихъ дней пребыванія Джоржа въ Виргиніи. Да и ничѣмъ онъ не кончился. Поутру, въ день отъѣзда Джоржа, мадамъ Эсмондъ, проведя въ бессонницѣ ночь, подошла къ его постели и спросила: измѣнилъ ли онъ свое намѣреніе относительно растраты отцовскаго имѣнья, или нѣтъ? Джоржъ съ глубокой горестью и смущеніемъ отвѣчалъ, что онъ далъ слово и долженъ поступить по чистой совѣсти и чести. Мадамъ Эсмондъ сказала на это, что будетъ молить небо, да смягчитъ оно гордое его сердце и да дастъ ей силы перенести тяжелое испытаніе; лицо ея было блѣдно, въ глазахъ ни слезинки.

— Скажи пожалуйста, Гарри, гдѣ ты научился искусству привлекать къ себѣ всѣхъ? продолжалъ Джоржъ: — скажи, какимъ образомъ ты и весь міръ становитесь друзьями? Дай мнѣ нѣсколько уроковъ

въ наукѣ быть популярнымъ. — Впрочемъ нѣтъ: это будетъ не по мнѣ; когда я слышу и вижу, что нѣкоторые люди меня ненавидятъ, тогда я становлюсь скорѣе довольнымъ, чѣмъ сердитымъ. Да вотъ что я скажу: въ Ричмондѣ мистеръ Эсмондъ Варрингтонъ, единственный плѣнникъ, возвратившійся домой съ кровопролитнаго поля Брэдока—жертва множества болѣзней, страданій и лишеній — былъ фаворитомъ въ кругу городскихъ жителей и пользовался частнымъ образомъ и публично большимъ расположеніемъ. Священникъ съ кафедры восхвалялъ мой побѣгъ; сосѣди пріѣзжали къ бѣглецу съ визитами; наконецъ на сцену явилась фамиліная карета, и я съ мадамъ Эсмондъ дѣлалъ отвѣтные визиты. Ко мнѣ ласково обращались хорошенькія шляпки. Но все это моя мать успѣла отстранить и всѣхъ напугала своей чрезмѣрной надменностью; популярность моя быстро возрастала, какъ вдругъ неожиданный случай положилъ конецъ возрастанію. Съ офицерами я не слишкомъ сближался; мнѣ не нравились ихъ попойки, игры и брань. Съ дамами я былъ слишкомъ саркастиченъ; ихъ чай и болтовня точно такъ же надоѣдали мнѣ, какъ бурливость мужчинъ и разговоры ихъ о лошадяхъ. Не могу сказать тебѣ, Гарри, какое одиночество испытывалъ я въ этомъ мѣстѣ, среди злословія и ссоръ: я начиналъ сожалѣть о плѣнѣ; не разъ желалъ я снова находиться въ Дѣкснѣ, гдѣ имѣлъ бы возможность свободно мыслить и оставаться въ невозмутимомъ спокойствіи. Мнѣ кажется, я очень застѣнчивъ и могу говорить откровенно съ весьма немногими. Въ большомъ обществѣ я обыкновенно сижу молча. Когда мы оба были дома, ты безъ умолку говорилъ за столомъ и отъ времени до времени вызывалъ улыбку матери. У насъ съ матерью не было разговора, который бы интересовалъ насъ обоихъ и потому мы или молчали, или спорили о законѣ и духовенствѣ. Поэтому джентльмены рѣшили, что я гордый и скучный товарищъ (последнее предположеніе, мнѣ кажется, отчасти справедливо), а люди считали меня холоднымъ и саркастичнымъ; ни тѣ, ни другіе не могли утвердительно сказать, дѣйствительно ли я былъ такимъ или нѣтъ, но всѣ единодушно признавали, что я непріятный человѣкъ, пока еще репутація моя кое-какъ подерживалась; но она окончательно рушилась вмѣстѣ съ появленіемъ бѣдной Бишъ. О, какой славный аттестатъ мнѣ тогда выдали! вскричалъ Джоржъ, въ порывѣ негодованія: — какой жизни обрекли меня послѣ появленія посланной Мусо! Ребятишки съ крикомъ провожали ее, когда она выходила на улицу; дамы дѣлали мнѣ полукниксенны и сейчасъ же переходили на другую сторону. Неожиданный проповѣдникъ переходилъ отъ одного чайнаго стола къ другому, распространялся въ своихъ назидательныхъ поученіяхъ объ ужа-

сахъ обольщенія и началахъ разврата, которыя молодые люди усвоили въ католическихъ государствахъ и оттуда занесли въ свое отечество. Появленіе несчастной Фавны въ нашемъ домѣ, спустя нѣсколько недѣль послѣ моего возвращенія, приписано было предварительному нашему условію; болѣе свѣдущія соглашались, что она ждала на другомъ берегу нашей рѣки сигнала отъ меня явиться въ Ричмондъ и присоединиться ко мнѣ. Офицеры трунили надо мной и отпускали пошлыя острооты на счетъ избранной мною женщины. О свѣтъ! сколько въ тебѣ неподдѣльнаго человѣколюбія! Я до такой степени былъ взбѣшенъ, что рѣшился уѣхать въ Кэстлвудъ и жить тамъ въ одиночествѣ, — наша мать считаетъ это мѣсто скучнымъ и находитъ безпредѣльное утѣшеніе и удовольствіе въ душевспасительныхъ назиданіяхъ мистера Слэка, — какъ вдругъ получается извѣстіе о твоёмъ затруднительномъ положеніи относительно брака, и, я думаю, мы всѣ были рады, когда представился мнѣ поводъ отправиться въ Европу.

— Желалъ бы я встрѣтиться хоть съ однимъ изъ этихъ адскихъ бездѣльниковъ, которые сказали непріятное тебѣ слово, и переломать ему ребра! — говорилъ Гарри, задыхаясь отъ бѣшенства и ходя по комнатѣ взадъ и впередъ.

— Я самъ долженъ сдѣлать что нибудь въ этомъ родѣ для Боба Клуббера.

— Какъ! и онъ противъ тебя? Этотъ маленькій, низенькій, подленькій лстецъ, который льнетъ къ всякому джентльмену въ округѣ? Неужели ты, Джоржъ, не поподчивалъ его бичемъ? Я этому не вѣрю!

— Мы дали слово не нарушать спокойствія и тишины въ своемъ округѣ. Я предложилъ ему ѣхать въ Мариландъ и тамъ покончить расчетъ; но явились добрые люди и сказали, что, нарушивъ седьмую заповѣдь, я намѣренъ нарушить и шестую. Короче, хотя я и чувствовалъ себя совершенно невиннымъ въ преступленіи, въ которомъ меня обвиняли, но оставилъ домъ, милый мой Гарри, съ такой страшной репутаціей, какой не дай Богъ имѣть молодому джентльмену.

Не правда ли, что тутъ является прекрасный случай для морали? Еслибъ уважаемый читатель и его покорный слуга могли только знать, могли записать, издать съ иллюстраціями, всю клевету, которую взводили и взводятъ на каждого изъ насъ съ тѣхъ поръ, какъ мы начали пользоваться правами человѣка, — какой бы вышелъ изъ этого приводящій въ трепетъ, раздирающій душу романъ! Въ свѣтѣ не только знаютъ о насъ все, но и гораздо болѣе. Еще не такъ давно добрый почтальонъ принесть мнѣ газету, съ превосходной критической статьей, въ которой, между прочимъ, было написано: «ав-

торъ говорить, что онъ родился въ такомъ-то и такомъ-то году. Это ложь. Онъ родился тогда-то.» Критикъ, должно быть, зналъ лучше. Другой (надобно сказать, что какъ критикъ, такъ и писатель были уроженцы одного и того же края), предостерегая какого-то друга, говорилъ: «не говорите съ нимъ о Новомъ Валлисѣ. Тамъ у него есть братъ и семейство, которое не смѣетъ произнести его имя.» Впрочемъ, этотъ предметъ слишкомъ обширенъ и возвышенъ для коротенькой главы романа. Я приготовлю особыя записки, или лучше составимъ-те литературное общество, будемъ издавать біографіи джентльменовъ, со словъ ихъ друзей, вовсе не знавшихъ тѣхъ джентльменовъ, біографію которыхъ они будутъ рассказывать.

Когда Джоржъ разсказалъ свои подвиги, выставилъ себя героемъ и страдальцемъ, то, само собою разумѣется, Гарри долженъ былъ открыть передъ братомъ сердце свое и разсказать ему подробно о своихъ частныхъ дѣлахъ. Онъ вывелъ, какъ говорится, на чистую воду все семейство Кастльвудовъ, и при этомъ милорда выставилъ безчестнымъ игрокомъ. Гарри самъ былъ игрокъ, немедленно отдавалъ свой проигрышъ и требовалъ немедленной уплаты, когда выигрывалъ. Не оказать проповѣднику помощи, когда тотъ находился въ крайности, и отказать ему отъ мѣста подъ низкимъ предлогомъ — для него было не понятно. Мистера Вилля онъ узналъ превосходно, особливо послѣ продѣлки съ лошадыю; Гарри превосходно выразилъ свое понятіе о мистерѣ Виллѣ на носу и глазахъ послѣдняго. Относительно графини и лэди Фанни онъ говорилъ осторожно, но не совсѣмъ выгодно. Гарри слышалъ объ нихъ множество исторій: графиня была страстная любительница картъ; лэди Фанни — отчаянная кокетка. Кто же ему разсказалъ все это? Онъ слышалъ это отъ человѣка, весьма близко знакомаго съ ними обѣими. Въ дни откровенности, описанные нами въ предшествовавшей части, Марія сообщила своему кузену множество анекдотовъ, касавшихся мачихи и полусестры, — анекдотовъ, ни подъ какимъ видомъ не дѣлающихъ чести той и другой!

Но когда разговоръ коснулся лэди Маріи, молодой человѣкъ говорилъ съ нѣкоторымъ увлеченіемъ.

— Можетъ статься, это и неблагоприятно, — я не отрицаю, Джоржъ. Можетъ статься, я безумецъ, — не спорю. Я знаю, что дома у насъ будетъ страшная сцена, и что мадамъ Эмондъ непременно съ ней подерется. Что же дѣлать! Мы будемъ жить порознь. Наше имѣніе такъ обширно, что можно избѣжать ссоры; можно обойтись безъ Ричмонда или Кастльвуда. Надѣюсь, ты самъ не откажешь мнѣ въ клочкѣ земли, когда вступишь во владѣніе, — да и во всякомъ

случаѣ мадамъ Эсмондъ уступить мнѣ небольшой участокъ за сходную цѣну, и тогда я сдѣлаюсь извѣстнѣйшимъ фермеромъ. Разлучиться съ Маріей я не могу и не хочу. Она такъ благородно поступала со мной, что надо быть вполне низкимъ человѣкомъ, чтобы отъ нея отказаться. Ты только подумай, мой другъ: вѣдь она принесла мнѣ всѣ свои драгоценности, — прелестное, благородное созданіе! — и положила ихъ на колѣни мои, вмѣстѣ съ послѣдними гинейями и.... и.... да благословить ее небо!

При этихъ словахъ Гарри провелъ обшлагомъ по глазамъ и топнулъ ногой.

— Нѣтъ, братъ, сказалъ онъ: — я не разстанусь съ ней, даже и въ такомъ случаѣ, еслибъ меня завтра же сдѣлали губернаторомъ Виргиніи; я увѣренъ, что этого не посоветуетъ и мой старый Джоржъ.

— Я присланъ сюда нарочно съ тѣмъ, чтобы быть твоимъ совѣтникомъ, отвѣчалъ Джоржъ. Я присланъ сюда, чтобы разстроить этотъ бракъ,—бракъ, несчастіе котораго я не могу себѣ представить. Но, мой другъ, не смѣю и не могу посоветовать тебѣ измѣнить честному слову.

— Я это зналъ! Сказаннаго не перескажешь, Джоржъ; не правда ли? Однако я приготовилъ постель и ложусь спать, угрюмо заключилъ мистеръ Гарри.

Такъ кончился первый разговоръ между молодыми людьми; онъ коснулся любовныхъ дѣлъ мистера Гарри. Впрочемъ, послѣ разговора Джоржа съ баронессой и послѣ дальнѣйшаго знакомства съ родственниками, при помощи этой проникательной, свѣтской старухи, мистеръ Варрингтонъ, одаренный отъ природы наклонностями скептика, началъ сомнѣваться въ благородствѣ намѣреній лэди Маріи, какъ сомнѣвался въ благородствѣ ея братьевъ и сестры, и потому смотрѣлъ на брачное обязательство Гарри съ возрастающимъ недоверіемъ и опасеніемъ. Неужели Марія шла за Гарри только потому, что онъ богатъ? Неужели она гналась за нимъ только потому, что онъ былъ молодъ и прекрасенъ? Неужели въ исторіяхъ, рассказанныхъ ему баронессой, есть истина? Разумѣется, онъ не могъ посоветовать Гарри измѣнить данному слову; но ему слѣдовало придумать какой нибудь планъ для испытанія привязанности Маріи. Его послѣдующее поведеніе, не совсѣмъ-то любезное, я полагаю, проистекало именно изъ этихъ размышленій.

ГЛАВА VIII.

АРИАДНА.

Милордъ Кастльвудъ имѣлъ въ Кенсингтонскомъ скверѣ домъ, довольно обширный для помѣщенія различныхъ членовъ своей благородной фамиліи, и удобныя для нихъ службы. Милэди давала здѣсь балы и карточные вечера для желающихъ, которыхъ не могло быть много, потому что столѣтіе назадъ Кенсингтонъ находился такъ далеко отъ Лондона, что Джоржъ Сельуэйиъ говорилъ: «страшно ѣздить туда; того и смотри, что ограбятъ, или разбойники на дорогѣ съ флѣромъ на лицѣ, или нарумяненные лэди за карточнымъ столомъ, — трудно сказать, кто именно». На другой день послѣ появленія Гарри въ клубѣ Вайта, около полудня, случилось такъ, что всѣ добродѣтельные родственники милорда завтракали за однимъ столомъ; даже мистеръ Вилль, отправлявшійся на дежурство, находился на лицѣ.

Лэди собралась нервными; къ нимъ присоединился мистеръ Вилль въ придворномъ мундирѣ; наконецъ явился милордъ, съ заspanными глазами, въ халатѣ и колпакѣ, — парика онъ еще не надѣвалъ. Вилль рассказывалъ новости, принесенныя домой изъ клуба «Звѣзда и Подвязка», гдѣ онъ ужиналъ наканунѣ съ молодыми людьми, которые эту новость слышали въ клубѣ Вайта и видѣли его самого въ клубѣ Ранслэй.

— Чтѣ такое слышали? кого видѣли? спросилъ глава дома, взявъ газету.

— Спросите Марію! сказала лэди Фанни.

Милордъ обращается къ старшей сестрѣ, лицо которой выражаетъ глубокую печаль: оно блѣдно, какъ скатерть.

— Одна изъ обыкновенныхъ элегантныхъ и деликатныхъ выдумокъ Вилля, сказала Марія.

— Нѣтъ, вскричалъ Вилль, и подтвердилъ свое показаніе нѣсколькими клятвами: — это не его выдумка. Томъ Клейпулъ изъ Норфолька видѣлъ ихъ обоихъ въ Ранслэй; Джэкъ Моррисъ пришелъ изъ Вайта, гдѣ онъ слышалъ эту исторію изъ собственныхъ устъ Гарри Варрингтона. Будь они прокляты, — я этому радъ! — проревѣлъ Вилль, хлопнувъ по столу. — Чтѣ вы думаете о вашемъ Счастливомъ Юношѣ? Вашъ виргинецъ, за которымъ ваше сіятельство такъ много ухаживали, оказался вторымъ сыномъ.

— Значитъ, старшій братъ живъ? спросилъ милордъ.

— И не думалъ умирать. Я увѣренъ, что это былъ чистѣйшій обманъ.

— Мистеръ Варрингтонъ неспособенъ на такой низкій обманъ! сказала Марія.

— Я съ своей стороны никогда не оказывала ему особеннаго расположенія; въ этомъ случаѣ вы должны отдать мнѣ справедливость, замѣтила милэди. — Фанни слѣдовала моему примѣру, — мы вели себя благоразумно.

— Мы вели себя благоразумно! повторяетъ милэди Фанни.

— Теперь онъ ни больше, ни меньше, какъ нищій, не заплатившій, я думаю, за платье, которое носить на плечахъ, продолжалъ Виль. — Я радуюсь этому, чортъ возьми! Я его ненавижу.

— Ты постоянно смотрѣлъ на него недобрыми глазами, особливо съ тѣхъ поръ, Виль, какъ онъ ихъ подбилъ тебѣ! сказалъ милордъ, съ язвительной улыбкой. — Значить, бѣдный юноша нашелъ брата и потерялъ наслѣдство!

Съ этими словами онъ обратился къ Маріи, которая, хотя и представляла олицетвореніе горести, но для юмориста, сидѣвшаго вблизи ея, казалась смѣшною; потому что милордъ, посмотрѣвъ на нее съ минуту, разразился пронзительнымъ смѣхомъ, внезапно вызвавшимъ на лицо Маріи яркій румянецъ, и на глаза — крупныя слезы.

— Стыдно! стыдно, милордъ! сказала она, заплакавъ и закрывъ платкомъ лицо.

Виль и лэди Фанни обмѣнялись взглядами.

— Мы никогда не понимали вполне юмора вашего сіятельства, плачевнымъ голосомъ прибавила Марія.

— Я не вижу причины сердиться на это, хладнокровно сказалъ милордъ. — Марія, пожалуйста извини меня, если я сказалъ, если я сдѣлалъ что нибудь оскорбительное для твоего чувства.

— Что вы сдѣлали! Вы обыгрывали бѣднаго юношу въ дни его счастья и теперь смѣтаетесь надъ нимъ, когда его постигло несчастіе, сказала Марія, вставъ изъ-за стола и окинувъ пылающимъ взглядомъ всю свою фамилію.

— Извините, милая сестрица, я не смѣялся надъ *нимъ*, ласково сказалъ милордъ.

— Надъ *нимъ* или надъ чѣмъ другимъ, это рѣшительно все равно. — Вы выиграли отъ него все, что могъ онъ проиграть. Весь свѣтъ указываетъ на васъ, какъ на человѣка, который питается его мясомъ и кровью. Теперь, обобравъ его до чиста, вы можете радоваться его несчастію!

И Марія, еще разъ окинувъ все общество взглядомъ презрѣнія, величаво вышла изъ комнаты.

Виль во всей подробности и съ безчисленнымъ множествомъ радостныхъ восклицаній, по случаю паденія Гарри, рассказалъ исто-

рію, разнесшуюся по всему Лондону, исторію внезапнаго появленія Джоржа Варрингтона. Лордъ Кастльвудъ сожалѣлъ о Гарри. Гарри былъ добрый, благородный юноша, и его родственникъ любилъ его, какъ нѣкоторые великосвѣтскіе люди любятъ другъ друга. Правда, онъ игралъ съ Гарри въ карты и пользовался выгодами своего положенія; и почему же нѣтъ? — Онъ точно также могъ скушать персикъ, который сорвали и съѣли бы другіе.

— Если только за это должна упрекать меня совѣсть, то я буду совершенно спокоенъ, подумалъ милордъ. — А гдѣ живетъ мистеръ Варрингтонъ?

Вилль выразилъ готовность принять проклятiе, если онъ зналъ или заботился знать о мѣстѣ его жительства.

— Его нужно пригласить сюда и оказывать ему всевозможное уваженіе, сказалъ милордъ.

— Включая и пикетъ, я полагаю! проворчалъ мистеръ Вилль.

— А можетъ статься, не вздумаете ли вы провести его по конюшнямъ и съ барышемъ продать ему одну изъ вашихъ лошадей? спросилъ лордъ Кастльвудъ. — Вѣдь вы выигрывали отъ Гарри Варрингтона чрезвычайно быстро; — но за то обманывали такъ неловко, что съ вами расплатились потасовкой. Еще разъ повторяю, что нашему кузену Варрингтону нужно оказывать всевозможное вниманіе.

— И чтобы васъ не беспокоить, когда вы сядете играть, — не такъ ли, милордъ? сказала лэди Кастльвудъ.

— Мадамъ, я хочу играть благородно, — хочу, чтобы такъ игралъ мистеръ Варрингтонъ и всякій членъ этой любезной фамиліи! свирѣлымъ тономъ возразилъ милордъ.

— Да поможетъ вамъ небо исполнить такое благородное намѣреніе, сказала млэди, дѣлая книксенъ.

Не знаю, какъ далеко зашелъ бы этотъ семейный споръ, еслибъ съ окончаніемъ словъ млэди не подѣхалъ къ дому фаэтонъ съ двумя виргинцами.

Это былъ экипажъ, купленный нашимъ блуднымъ сыномъ во время его благоденствія. Онъ попрежнему правилъ лошадьми, рядомъ съ нимъ сидѣлъ Джоржъ, а позади два негра. Гарри смиренно передалъ бичъ и возжи своему брату, — словомъ, уступилъ ему все свое имущество.

— Мнѣ ли бѣдняку держать экипажъ и лошадей? — говорилъ Гарри. — Кромѣ кафтана на плечахъ, да кошелька, подареннаго теткой, я ничего не имѣю. Пожалуйста, Джоржи, садись ты править; мнѣ будетъ легче на душѣ, если ты сядешь.

Джоржъ засмѣялся и сказалъ, что не знаетъ дороги, тогда какъ Гарри зналъ ее; — а что касается до фаэтона, то онъ предъявлялъ

права свои только на одну половину его, какъ уже сдѣлалъ это относительно гардероба Гарри.

— Если ты дѣлишь пополамъ со мной свое платье Гарри, то я долженъ дѣлить пополамъ карманы моихъ панталонъ: это, по крайней мѣрѣ, будетъ безобидно.

Нѣсколько разъ Гарри клялся, что въ мірѣ не было еще такого брата. О, какъ онъ гналъ лошадей, какъ радовался и гордился, что везетъ такого брата! Они пріѣхали въ Кастльвудъ въ самомъ лучшемъ настроеніи духа; ни одинъ гайдукъ изъ Сентджемскаго квартала не простучалъ бы такъ громко въ дверь лорда Кастльвуда, какъ простучалъ мистеръ Гумбо.

Въ комнатѣ, въ которую вошли молодые люди, находились только лэди Кастльвудъ и ея дочь — лэди Фанни. Вилль не имѣлъ особаго расположенія видѣться съ Гарри; милордъ еще не одѣлся. Марія имѣла свои причины не показываться по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока не высохнутъ слезы. Когда въ настоящее время мы пріѣзжаемъ къ нашимъ друзьямъ въ каретахъ шестерней, когда Джонъ относитъ на верхъ наши благородныя имена, когда наконецъ мы входимъ въ гостиную съ красивой шляпой въ рукѣ и съ праздничной улыбкой на лицѣ, всегда ли случается, что мы прерываемъ семейный раздоръ? Всегда ли случается, что мы входимъ съ сладкими рѣчами и сладкими улыбками, и въ тоже время попираемъ ногами золу все еще пылающаго дамашняго очага? Всегда ли случается, что во время перехода нашего изъ пріемной въ гостиную, мистриссъ, мистеръ и всѣ миссъ Джонсъ, группируются въ семейную картину; — одна изъ дѣвочекъ безхитростно аранжируетъ цвѣты въ водѣ; другая наклоняется надъ иллюстрированнымъ изданіемъ; мама на софѣ, спрятавъ подъ подушку расходную хозяйственную книжку, беретъ руководъ и весьма кокетливо выставляетъ на показъ свою маленькую ножку; между тѣмъ какъ честный Джонъ, только что не говоря: — чортъ возьми этого Броуна, онъ всегда суется сюда не вовремя! — ласково протягиваетъ руку, показываетъ на лицѣ удовольствіе и восклицаетъ: «ахъ, Броунъ, мой другъ, какъ я радъ тебя видѣть! — Надѣюсь, ты пріѣхалъ завтракать!» — Повторяю еще разъ: случалось ли намъ дѣлаться виновниками домашнихъ увертокъ и хитростей, быть зрителями домашнихъ комедій, разыгрываемыхъ собственно для нашего удовольствія? О, будемъ благодарны, не только за лица, но и за маски, не только за искреннее радушіе, но и за лицемѣрство, скрывающее отъ насъ непріятныя вещи! — Да и то сказать, — имѣемъ ли мы право, мой добрый сэръ, и можемъ ли знать, что дѣйствительно происходитъ въ душѣ другаго человѣка? Можетъ статься, Джонсъ переноситъ страшныя

мученія отъ припадковъ подагры; быть можетъ, онъ только передъ вами получилъ отъ старшаго сына вексель, по которому долженъ заплатить тысячу фунтовъ его университетскихъ долговъ, или что ему поданъ самый бѣдный обѣдъ, очевидные остатки пышнаго обѣда, на который онъ васъ не пригласилъ, — все это можетъ быть, а между тѣмъ онъ скрываетъ свои страданія, весело улыбается и говоритъ: — «садись-ко, Броунъ, милый другъ, и пообѣдай съ нами—чѣмъ Богъ послалъ! — Беси! вилку и ножикъ мистеру Броуну! Кушай, пожалуйста, — безъ церемоніи, тутъ весь нашъ обѣдъ.» — Какъ хотите, а эта хитрость, эта уловка, къ которой онъ прибѣгнулъ, чистѣйшее самоотверженіе, — это лицемѣрство можно назвать истинною добротою. Если бы всякій высказывалъ то, что у него на душѣ, какъ же невыносимо тяжело было бы жить тогда въ обществѣ!

Когда доложили о пріѣздѣ молодыхъ джентльменовъ, лэди Кастльвудъ пошла къ нимъ навстрѣчу съ совершеннымъ спокойствіемъ и улыбающимся лицомъ.

— Мы слышали, Гарри, сказала она чрезвычайно любезно, — объ этомъ необыкновенномъ обстоятельствѣ. Милордъ Кастльвудъ объявилъ намъ за завтракомъ, что сегодня же долженъ заѣхать къ вамъ мистеръ Варрингтонъ; — повѣрьте, кузень Гарри, что хотя вы и сдѣлались бѣднымъ, но мы будемъ любить васъ попрежнему.

— Намъ представляется теперь возможность доказать, что мы любили васъ, Гарри, не за ваши акры! сказала лэди Фанни, не уклоняясь отъ тона, заданнаго матерью.

— А меня, на долю котораго вынали эти акры? спросилъ мистеръ Джоржъ, улыбаясь и кланаясь.

— О, кузень, мы будемъ любить васъ даже потому, что вы такъ похожи на Гарри! — отвѣчаетъ лукавая лэди Фанни.

Неужели тотъ, кто видѣлъ свѣтъ, не восхищался удивительною легкостью, съ которой великосвѣтскія лэди бросаютъ васъ и потомъ снова къ вамъ привязываются? Въ настоящемъ случаѣ, какъ мама, такъ и дочь ея обращались исключительно къ младшему брату. Къ мистеру Джоржу онъ были очень внимательны; съ мистеромъ Гарри были нѣжны, нѣсколько фамиліарны, выражали свое сожалѣніе, упрекали его, но упрекали съ любовію. Почему Гарри такъ давно не навѣщалъ ихъ?

— Лучше съ нами выпить чаю и сыграть въ пикетъ, чѣмъ съ другими, — говорила лэди Кастльвудъ. Еслибы выигрышъ нашъ ограничился суммой, достаточной на покупки булавокъ, мы были бы и тѣмъ довольны; впрочемъ молодые джентльмены не знаютъ, что для нихъ хорошо и что худо.

— Теперь, когда вамъ не на что играть, вы можете играть съ нами. безъ денегъ! вскричала милая лэди Фанни, погрозивъ пальчикомъ: — и такимъ образомъ ваше несчастье для насъ будетъ счастьемъ.

Джоржъ находился въ недоумѣннн. Этотъ пріемъ его брата совсѣмъ не согласовался съ тѣмъ, котораго онъ ожидалъ. Хотя у Гарри не было гиней въ карманѣ, но всѣ комплименты и все вниманіе относились къ нему! — Значитъ, эти люди не такъ еще дурны, какъ ихъ изображали. Пословица справедливо говоритъ: не такъ страшень чортъ, какъ его рисуютъ.

Разговоръ, исполненный родственной любви, продолжался минутъ двадцать. Въ концѣ этого промежутка времени явился милордъ съ парикомъ на головѣ и съ шпагой при бедрѣ. Онъ поздоровался съ молодыми людьми изысканно-вѣжливо, не оказывая особаго предпочтенія ни тому, ни другому.

— Искренно радуюсь, что вижу васъ; но если вы задумали ѣхать къ намъ, то очень сожалѣю, что не пріѣхали нѣсколькими мѣсяцами раньше! — Тогда, весьма вѣроятно, не состоялось бы и роковой игры въ пикетъ. Младшій сынъ велъ бы себя благоразумнѣе.

— Правда, сказалъ Гарри.

— Или же кто нибудь изъ родственниковъ былъ бы къ нему сострадательнѣе. Но я боюсь, что любовь къ игрѣ течетъ въ крови каждаго изъ насъ. Я наслѣдовалъ ее отъ отца, и чрезъ нее я бѣднѣйшій пэръ въ Англіи. Прекрасныя лэди, которыхъ вы видите передъ собою, не составляютъ исключенія. Братъ мой Вилья страстно ей преданъ, — и все безъ пользы. Обыкновенно я — что сегодня выигрываю, то завтра же проигрываю. Страсть къ игрѣ въ Англіи положительно ужасна. Всѣ ассигнаціи моего бѣднаго кузена черезъ двадцать четыре часа перешли въ другія руки.

— Я игралъ, какъ и другіе джентльмены, но никогда въ ущербъ себѣ, и всегда безъ особаго пристрастія, замѣтилъ мистеръ Варрингтонъ.

— Когда мы слышали, что милордъ игралъ съ Гарри, мы такъ сердились на него, — вскричала лэди.

— Ты знаешь, кузень Гарри, — если не я, то все равно кто нибудь другой выигралъ бы твои деньги. Утѣшеніе жалкое, это правда; но Гарри долженъ принять его и радоваться, что его деньги перешли въ руки друга, который постоянно желаетъ ему добра, а не въ руки постороннихъ людей, которымъ нѣтъ никакой нужды думать о немъ и которые во всякое время готовы обыграть его.

— Гм! Зубъ выдернуть и кончено, все равно кто бы его ни выдернулъ, хотя бы братъ родной, — съ усмѣшкой сказалъ мистеръ

Джорджъ. Гарри долженъ перенести наказаніе за свои ошибки и заплатить долги, какъ это дѣлается всѣми.

— Разумѣется; я иначе и не говорилъ и не думалъ объ этомъ: сердиться на неудачи—не въ характерѣ англичанина,—сказалъ Гарри.

— Дай руку, кузень! Ты говорилъ, какъ слѣдуетъ мужчинѣ! вскричалъ милордъ съ восторгомъ.

Милэди и миссъ Фанни обмѣнялись взглядами и улыбнулись.

— Моя виргинская сестра, какъ я вижу, превосходно умѣла воспитать своихъ сыновей и сдѣлать изъ нихъ отличныхъ джентльменовъ! съ энтузіазмомъ воскликнула лэди Кастльвудъ.

— Вамъ бы, кажется, не слѣдовало быть такимъ веселымъ, послѣ столь непріятной переменѣны вашего счастья, кузень Гарри! сказала лэди Фанни. Мама, мы и вполовину не знали его прекрасныхъ качествъ, когда онъ былъ Счастливымъ Юношей и Виргинскимъ Принцемъ! Вы, кузень Джорджъ, похожи на брата, какъ капля воды на другую; но, мнѣ кажется, вы не имѣете такого веселаго характера, какъ Гарри.

— Правда, я виргинскій принцъ, но далеко не счастливый юноша, серьезнымъ тономъ отвѣчалъ Джорджъ.

Гарри началъ было: клянусь Юпитеромъ, онъ лучшій... какъ вдругъ надъ головами разговаривающихъ, въ верхней комнатѣ, раздался звукъ клавикордъ. Гарри вспыхнулъ; лэди улыбнулись.

— Это Марія, сказала лэди Кастльвудъ. — Не угодно ли кому пожаловать къ ней?

Лэди встали и направились къ дверямъ; за ними послѣдовалъ Гарри, покраснѣвъ еще болѣе. Джорджъ хотѣлъ было тоже присоединиться къ нимъ, но лордъ Кастльвудъ остановилъ его.

— Всѣ дамы уходятъ съ вашимъ братомъ, сказалъ милордъ — позвольте же мнѣ воспользоваться хотя вашимъ обществомъ и разговоромъ. Я съ нетерпѣніемъ желаю услышать о вашемъ плѣнѣ, кузень Джорджъ, о вашемъ избавленіи.

— Въ такомъ случаѣ и мы слушаемъ! — сказала одна изъ лэди, остановясь посрединѣ столовой.

— Извините; въ этомъ отношеніи я человѣкъ жадный, и хочу слышать одинъ, сказалъ лордъ Кастльвудъ, сурово посмотрѣвъ на лэди,—проводилъ ихъ до выхода и съ низкимъ поклономъ затворилъ дверь.

— Вашъ братъ, безъ сомнѣнія, рассказалъ вамъ о всемъ, что происходитъ съ нимъ въ этомъ домѣ? спросилъ ближайшій родственникъ Джоржа.

— Да; включая ссору съ мистеромъ Виллемъ и обѣщаніе жениться на милэди Маріи, отвѣчалъ Джорджъ, кланаясь. — Надѣюсь, вы

простите меня, если я скажу, что въ этомъ домѣ счастье ему не улыбнулось.

— Объ этомъ никто не сожалѣетъ такъ чистосердечно, какъ я. Братъ мой большую часть времени проводитъ съ жокеями и дрессировщиками, съ разгульными молодыми людьми и потому между нами мало сочувствія. Намъ бы не слѣдовало вмѣстѣ жить; но мы такъ бѣдны!... Этотъ домъ занимала наша бабушка передъ отъѣздомъ въ Америку, передъ выходомъ за мужъ за полковника Эсмонта. Большая часть этой старой мебели принадлежала ей. — Джоржъ съ любопытствомъ окинулъ взглядомъ всю комнату. — Въ теченіе послѣднихъ двадцати лѣтъ нашъ домъ не находился въ цвѣтущемъ состояніи, хотя насъ и награждали титулами, благодаря вліянію, которое имѣли мы при дворѣ. Страсть къ игрѣ погубила насъ всѣхъ. Я считаю себя жалкой жертвой этой страсти; но я слишкомъ гордъ, чтобъ продать себя и мой титулъ какому нибудь выскочкѣ, какъ это сдѣлали многіе, менѣе совѣстливые нобльмены. Гордость, любезный кузень, — мой недостатокъ. Я помню, какъ я родился!

При этихъ словахъ милордъ положилъ руку на манишку, выставилъ одну ногу впередъ и гордо посмотрѣлъ въ лицо своего кузена.

Молодой Джоржъ Варрингтонъ отъ природы расположенъ былъ вѣрить всему, что ему говорили. Но обманутый однажды или предубѣжденный на счетъ чьей либо личности, онъ становился совершенно невѣрующимъ, и на этотъ разъ выслушалъ прекрасную рѣчь милорда съ сардоническимъ, внутреннимъ смѣхомъ, сохраняя однакожь серьезный видъ и не позволяя себѣ обнаружить въ словахъ хотя малѣйшее пренебреженіе.

— Мы всѣ имѣемъ свои недостатки, милордъ. Страсть къ игрѣ постоянно считалась простиительною въ джентльменахъ нашего званія. Отъ чистаго сердца прощая моего брата, я не смѣю быть вашимъ судьбою, милордъ; могу сказать одно, — что вмѣсто того, чтобъ играть и проигрывать, я искренно желаю, чтобы вы играли и выигрывали.

— Я тоже желаю отъ всего сердца! сказалъ милордъ съ тяжелымъ вздохомъ. — Судя по вашему разговору, по вашему знанію свѣта и по вашей опытности, которыми вы обладаете болѣе, чѣмъ большая часть молодыхъ людей вашего возраста, — я предсказываю вамъ много хорошаго. У вашего Гарри прекрасное сердце; но нельзя сказать тоже самое о его головѣ.

— Правда; зато онъ обладаетъ искусствомъ обращать въ друзей всѣхъ, съ кѣмъ встрѣчается, и несмотря на его вѣтренность, его всѣ любятъ.

— Я люблю.... мы все его любимъ, — любимъ, какъ брата! вскричалъ милордъ.

— Въ письмахъ своихъ онъ постоянно писалъ о радушіи, которое оказывали ему въ вашемъ домѣ. Моя мать бережетъ все эти письма. Слогъ Гарри нельзя назвать отличнымъ, но зато во всехъ его письмахъ проглядываетъ доброе сердце; а это лучше всякаго слога.

— Быть можетъ, я ошибаюсь; но, мнѣ кажется, что его братъ владѣетъ и добрымъ сердцемъ, и здравымъ умомъ! сказалъ милордъ, рѣшившійся повидимому быть любезнымъ до нельзя. Несчастіе вашего брата, или вѣрнѣе это счастливое обстоятельство, — ваше возвращеніе, — надѣюсь, не оставило Гарри совсѣмъ безъ средствъ къ существованію? — весьма ласково продолжалъ лордъ Кастльвудъ.

— Онъ рѣшительно ничего не имѣетъ и не будетъ ничего имѣть, кромѣ только того, что дастъ ему мать, или что могу удѣлить ему я, послѣ ея смерти. Скажите, пожалуйста, милордъ, — какая полагается здѣсь часть младшему брату?

— Гм! Младшій братъ здѣсь.... вы знаете.... ну, да словомъ, всемъ и каждому извѣстно, что такое младшій братъ, — сказалъ милордъ, пожавъ плечами и посмотрѣвъ въ лицо своего гостя.

Джоржъ продолжалъ.

— Мы превосходные друзья съ братомъ; мы кровные родные; но признаюсь, я не намѣренъ отдѣлать ему болѣе того, что полагается младшему брату. За чѣмъ давать ему деньги? — Чтобы онъ проигралъ ихъ въ карты или промоталъ на конскихъ скачкахъ? Милордъ, у насъ въ Виргиніи тоже есть карты, есть и жокеи; и мой бѣдный Гарри успѣлъ уже отличить себя въ своей странѣ, прежде чѣмъ пріѣхалъ въ вашу. Онъ наследовалъ фамиліную страсть къ развлеченіямъ.

— Бѣдный, бѣдный юноша! Мнѣ жаль его.

— Наше имѣніе обширно, но доходы съ него весьма ограничены. Денегъ у насъ немного болѣе того, что получаемъ мы изъ Англіи за нашъ табакъ; а это совершенная бездѣлица, потому что нашъ табакъ возвращается къ намъ въ видѣ различныхъ товаровъ, сукна, кожи, желѣзныхъ вещей, даже вина и пива для насъ и для нашихъ людей. Гарри можетъ воротиться домой и всемъ этимъ пользоваться: для него найдется лошадь въ стойлѣ, кусокъ говядины на столъ, немного денегъ для согрѣванія его кармана, а въ добавокъ кафтана два въ годъ. Это будетъ продолжаться, пока живетъ моя мать, или пока, что весьма вѣроятно, онъ не поссорится съ мадамъ Эмондъ. Послѣ того, при моей жизни, онъ будетъ пользоваться

моимъ домомъ и всѣмъ, что въ немъ находится; потомъ, если я умру, оставивъ дѣтей, — онъ будетъ поставленъ въ затруднительное положеніе. Его будущее, милордъ, весьма незавидно, если ему не улыбнется фортуна, на что мы всегда рассчитываемъ. Отнынѣ онъ обреченъ находиться въ зависимости; а быть въ зависимости отъ такой своенравной женщины, какъ наша мать, — право, милордъ, хуже этой участи я не знаю. Средства, которыя могли бы доставить ему уваженіе въ своемъ отечествѣ, онъ успѣлъ расточить. Онъ промоталъ отцовское наслѣдство, и теперь его ожидаетъ нищета и униженіе.

Мистеръ Варрингтонъ говорилъ эту рѣчь съ значительнымъ одушевленіемъ, и милордъ слушалъ его почтительно.

— Вы говорите, мистеръ Варрингтонъ, превосходно. Думали ли вы когданибудь объ общественной жизни? сказалъ милордъ.

— Безъ сомнѣнія, думалъ, какъ и всякій человѣкъ моего положенія, то есть, всякій, кто только думаетъ о чемънибудь болѣе, кромѣ картъ и конюшенъ, отвѣчалъ Джоржъ. — Надѣюсь, милордъ, я буду въ состояніи занять видное мѣсто тогда, какъ несчастный мой братъ долженъ ограничиться и довольствоваться настоящимъ своимъ положеніемъ. Это я говорю къ тому, что слышалъ отъ него обѣщаніе жениться на одной особѣ; если только Гарри исполнить это обѣщаніе, то и онъ и жена его будутъ несчастные люди.

— Вы говорите совершенно благоразумно, сказалъ милордъ. — Не отправиться ли намъ наверхъ къ дамамъ? Тамъ есть картина, которую, говорятъ, писалъ вашъ дѣдушка. Но прежде чѣмъ отправимся, не угодно ли вамъ, дорогой мой кузень, назначить день, когда все мое семейство будетъ имѣть удовольствіе принять васъ? Когда мы будемъ въ Кастльвудъ, то можете располагать имъ, какъ своею собственностью. Судя по вашимъ словамъ, онъ похожъ на вашъ виргинскій Кастльвудъ. У насъ вдоволь есть и мяса, и баранины, и пива, и лѣсу; только денегъ, къ сожалѣнію, не водится.

Они поднялись въ гостиную, гдѣ застали одну только лэди. Это была лэди Марія; она стояла въ амбразурѣ окна и разговаривала съ Гарри.

Джоржъ сдѣлалъ самый вѣжливый поклонъ, Марія — самый низкій книксенъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, вы удивительно похожи на Гарри, сказала она, подавая ему руку. — Гарри говоритъ, что вы, кузень Джоржъ, такъ же добры, какъ и онъ.

При видѣ ея распухшихъ глазъ и плачевнаго лица, Джоржъ почувствовалъ угрызеніе совѣсти.

— Бѣдняжка! подумалъ онъ. — Гарри выхвалялъ ей мое великодушіе и добродѣтель, между тѣмъ какъ я разыгрывалъ внизу роль самолюбиваго старшаго брата! Какъ она стара! Какимъ образомъ Гарри могъ влюбиться въ эту женщину?

Какимъ образомъ? Очень просто: онъ не смотрѣлъ вашими глазами, мистеръ Джоржъ. Теперь, быть можетъ, онъ своими собственными глазами видитъ свое заблужденіе. Не знаю, право, сожалѣть ли слѣдуетъ, или поздравлять человѣка, который образумился.

Послѣ обычной рекомендаціи начался маленькій разговоръ, который лэди Марія поддерживала сначала довольно спокойно. Хотя въ подобныхъ случаяхъ женщины умѣютъ лицемерить превосходнѣе мужчинъ, но лэди Марія, послѣ двухъ-трехъ фразъ, заплакала, и махнувъ рукой, чтобы Гарри остался на мѣстѣ, побѣжала изъ комнаты.

Гарри бросился впередъ, но, при движеніи руки Маріи, остановился. Милордъ объявилъ, что сестра его подвержена нервическимъ припадкамъ и что еще утромъ чувствовала себя нехорошо. Послѣ такого объясненія, молодые люди сочли за нужное кончить свой визитъ. Лордъ Кастльвудъ проводилъ ихъ по лѣстницѣ до самыхъ дверей, полюбовался лошадьми и дружески съ нимъ простился.

— И такъ, Гарри, ты поговорилъ у окна, поворковалъ съ своей подругой и вѣрно вы разстались друзьями? Не правда ли? сказалъ Джоржъ своему возницѣ.

— Марія — добрая женщина! отвѣчалъ Гарри, щедро надѣлая лошадей ударами. — Ты согласишься съ этимъ, когда узнаешь ее покороче.

— То есть тогда, когда ты привезешь ее въ Виргинію? Да! Воображаю, какъ радушно приметъ ее мать! Она никогда не проститъ ни меня за то, что я не разстроилъ эту партію, ни тебя — за то, что ты ее составилъ.

— Что же мнѣ дѣлать, Джоржъ! Пожалуйста, Гумбо, не наклоняй ты ко мнѣ такъ близко свою безобразную голову! Послѣ того, что было между нами, я, какъ благородный человѣкъ, не могу отказатья. Я ей все рассказалъ. Я сказалъ, что мадамъ Эсмондъ будетъ сначала чрезвычайно холодна; но что она меня очень любитъ, и дѣло кончится миролюбиво. А когда ты вступишь во владѣніе, я тоже сказалъ, что милый мой Джоржъ подѣлится со мной своимъ состояніемъ.

— Напрасно! Пока ты былъ наверху, я говорилъ лорду Кастльвуду совсѣмъ другое. Я говорилъ ему, что, какъ старшій братъ, я хочу воспользоваться всѣми правами.... пожалуйста, не бей такъ лошадей.... и что тебя ожидаетъ впереди зависимость и нищета.

— Неужели? Ты не хочешь помочь мнѣ? вскричалъ Гарри, поблѣднѣвъ. — Джоржъ, я не вѣрю этому, хотя и слышу отъ тебя.

Послѣ этого возраженія наступила пауза, въ теченіе которой Гарри даже не взглянулъ на брата; онъ сидѣлъ, представляя собою олицетвореніе печали и унынія. Гарри ѣхалъ такъ близко къ окраинѣ дороги, что фазтонъ непременно бы опрокинулся, еслибъ Джоржъ не выхватилъ возжи изъ рукъ Гарри.

— Давно бы такъ, сэръ, сказалъ Гарри. — Я еще давеча говорилъ, что это будетъ лучше.

— Скажи, Гарри, огорчалъ ли я тебя когда нибудь? спросилъ Джоржъ.

— До этой минуты — нѣтъ!

По лицу Гарри катились крупныя слезы.

— Другъ мой! Наступитъ день, когда ты скажешь, что, исполняя свой долгъ, я поступилъ и теперь справедливо.

— Почему же это такъ?

— Я объявилъ милорду, что ты младшій братъ, что ты истратилъ все свое состояніе и что твоя доля въ нашемъ домѣ должна быть очень незавидная. Развѣ это неправда?

— Правда; но я бы не повѣрилъ этому, еслибъ мнѣ сказало десять тысячъ людей. Что бы со мной ни случилось, я думалъ, что могу положиться на *васъ*, Джоржъ Варрингтонъ.

Въ этомъ настроеніи духа Гарри оставался до конца поѣздки.

Вскорѣ послѣ пріѣзда подавъ былъ обѣдъ. Гарри ничего почти не ѣлъ, но пилъ много.

— Гарри! вино — дурное утѣшеніе въ горѣ, замѣтилъ Джоржъ.

— Другаго утѣшенія я не имѣю, сэръ, угрюмо сказалъ Гарри; и молча выпивъ еще нѣсколько рюмокъ одну за другой, схватилъ шляпу и вышелъ изъ комнаты.

Гарри не возвращался по крайней мѣрѣ въ теченіе трехъ часовъ. Между тѣмъ Джоржъ, беспокоясь о братѣ, оставался дома, читалъ книгу и курилъ.

— Скверно я сдѣлалъ, сказавъ, что не хочу помочь ему. Богъ свидѣтель, что это неправда. Я не оставляю его, хотя бы онъ женился на негряткѣ, думалъ Джоржъ: и безъ того уже я много повредилъ ему, возвратясь снова къ жизни. Куда онъ ушелъ: ужь не играть ли?

— Праведное небо! что съ тобою, Гарри? вскричалъ Джоржъ Варрингтонъ, когда въ комнату вошелъ его братъ, блѣдный какъ смерть.

Гарри подошелъ къ брату и взялъ его руку.

— Теперь я могу ее взять, Джоржи, сказалъ онъ. Дѣйствительно, ты поступилъ справедливо, хотя я никогда не повѣрю, что ты бросилъ брата своего въ его бѣдственномъ положеніи. Дѣло вотъ въ чемъ. За обѣдомъ, мнѣ мелькнула мысль идти и объясниться съ Маріей. Скажу, думаю, ей: Марія, какъ я ни бѣденъ, но ваши поступки со мной были такъ благородны, что, клянусь небомъ! вы можете принять меня или отвергнуть. Если вы хотите имѣть меня своимъ мужемъ, то я весь вашъ. Я поступлю въ военную службу, буду трудиться, буду стараться такъ или иначе доставать себѣ насущный хлѣбъ; мой бра... мои родственники, вѣроятно, пожалѣютъ насъ и дадутъ средства къ существованію. Вотъ что я рѣшился сказать, и я ей сказалъ. Всю дорогу до Кенсингтона я бѣжалъ подъ дождемъ: посмотри, я мокръ съ головы до ногъ. Я засталъ ихъ всѣхъ, кромѣ Вилля, за обѣдомъ. Я заговорилъ въ то время, когда подали десертъ и стали пить вино. Марія, говорю я, бѣднякъ хочеть взять назадъ обѣщаніе, данное имъ въ то время, когда онъ считалъ себя богачемъ. Согласны ли вы идти за него? Разумѣется, я не затруднялся въ словахъ, не мямлился и не заикался, какъ теперь. Я говорилъ долго, и заключилъ свою рѣчь словами, что я хотѣлъ сдѣлать все, что отъ меня зависѣло, и исполнить мой долгъ. Когда я кончилъ, Марія спокойно подошла ко мнѣ, взяла мою руку и поцаловала ее передъ всѣми. Неоцѣненный, милый, благородный Гарри! сказала она (это были ея собственныя слова, я нисколько не преувеличиваю; не хочу выхвалять себя),—у васъ благородное сердце, и я благодарю васъ отъ всей души. Но, мой милый, я давно видѣла, что васъ привязывалъ къ предполагаемому браку одинъ только долгъ и безразсудное обѣщаніе, данное молодымъ человекомъ старой женщиной. Удерживать это обѣщаніе—тоже самое, что сдѣлать васъ несчастнымъ. Я васъ освобождаю отъ него; еще разъ благодарю васъ отъ души за вашу вѣрность; я буду вѣчно благословлять и любить моего милаго кузена! Сказавъ это, она поцаловала меня передъ всѣми и величаво вышла изъ комнаты: въ глазахъ ея не было ни одной слезинки. За столомъ всѣ плакали, особливо милордъ, который рыдалъ очень громко. Я никакъ не думалъ, что него такое чувствительное сердце. А какова Марія, Джоржъ? Не правда ли, что она благородное созданіе?

— Выпьемъ за ея здоровье! вскричалъ Джоржъ, наполнивъ рюмки.

— Гипъ, гипъ, ура! воскликнулъ Гарри.

Онъ былъ снова совершенно свободенъ и въ эту минуту находился въ безумномъ восторгѣ.

ГЛАВА IX,

ВЪ КОТОРОЙ МИСТЕРЪ ГАРРИ ВСЕ ЕЩЕ ОСТАЕТСЯ СЪ ПЕРЕЛОМ-
ЛЕННЫМЪ ПОСОМЪ.

Мадамъ де Бернштейнъ не менѣе своихъ виргинскихъ племянниковъ была довольна результатомъ послѣдняго свиданія Гарри съ лэди Маріей. Объ этомъ событіи Джоржъ въ тотъ же вечеръ извѣстилъ баронессу письмомъ; а вскорѣ послѣ того ея племянникъ Кастльвудъ, визиты котораго къ теткѣ были весьма рѣдки, пріѣхалъ засвидѣтельствовать свое почтеніе и откровенно разсказалъ о случившемся происшествіи. Никто лучше лорда Кастльвуда не зналъ такъ хорошо, когда и при какомъ случаѣ нужно быть откровеннымъ. Теперь же, съ окончаніемъ дѣла между Гарри и Маріей, нужно ли было ему лицемерить и скрытничать? Игра разыграна; онъ могъ свободно говорить о различныхъ ходахъ въ ней, объ уверткахъ и хитростяхъ.

— Она мнѣ родная сестра, говорилъ милордъ съ чувствомъ нѣжнаго брата:—ей уже больше не представится шансовъ—тѣмъ болѣе, *подобныхъ* шансовъ, на брачный союзъ, на возможность порядочно себя пристроить. Я ни въ какомъ отношеніи не одобрялъ этой партіи, напротивъ отъ души сожалѣлъ вашего молодаго фаворита—виргинца; но въ тоже время жалко было упустить изъ рукъ такой кладъ, и потому я обязанъ былъ держать сторону самой близкой моей родственницы.

— Такая откровенность дѣлаетъ вамъ честь, милордъ, сказала мадамъ де Бернштейнъ:—любовь ваша къ сестрѣ въ высшей степени назидательна!

— Что дѣлать, мы проиграли, и я говорю это безъ всякой злобы. Вѣроятно, и вы не сердитесь, потому что выигрышь на вашей сторонѣ, продолжалъ милордъ, дѣлая учтивый поклонъ.

Мадамъ де Бернштейнъ утверждала, что въ жизнь свою не была въ такомъ отличномъ расположеніи духа.

— Признайся, теперь, Южень, что визитъ Маріи къ Гарри во время его заточенія и это трогательное возвращеніе всѣхъ его подарковъ было дѣломъ твоего изобрѣтенія.

— Чувство сожалѣнія къ молодому человѣку, чувство долга Маріи къ своему другу, къ своему нареченному мужу, во время его несчастія, вотъ главныя причины, которыя руководили ею въ томъ поступкѣ, угрюмо отвѣчалъ лордъ Кастльвудъ.

— Но вѣдь это ты ей посовѣтовалъ, мой добрый племянникъ?

Кастльвудъ, пожавъ плечами, признался, что совѣтоваль сестрѣ своей навѣстить мистера Варрингтона.

— Не явись старшій братъ Гарри, продолжалъ милордъ: — и мы одержали бы верхъ, наперекоръ усилямъ съ вашей стороны разстроить наши планы. Я старался утѣшить мою бѣдную Марію, доказывая ей, какой славный кушъ мы проиграли.

— Но если бы Джоржъ явился послѣ ихъ женитьбы? замѣтила баронесса.

— Effectivement, сказалъ Южень, нюхая табакъ. — Могила должна со временемъ отдать, что скрываетъ въ себѣ; надо благодарить ее, что она отдала во время! Я обязанъ сказать вамъ, что Джоржъ Варрингтонъ, повидимому, очень умный человѣкъ, и не такъ самолюбивъ, какъ бываютъ вообще старшіе сыновья и свѣтскіе люди. Моя бѣдная Молли воображала, что онъ окажется такимъ же. . какъ бы выразиться повѣрнѣе? — такимъ же простофилей, какъ и младшій братъ. Она вполне надѣялась, что старшій близнецъ подѣлится съ младшимъ во всемъ пополамъ; она до такой степени была ослѣплена этой надеждой, что готова выйти за него даже и теперь. Гарри Варрингтонъ, съ половиной куска хлѣба, — это еще сносно; но что такое Гарри Варрингтонъ совершенно безъ куска хлѣба?

— Какъ безъ куска хлѣба?

— Очень просто. Онъ будетъ имѣть только то, что дадутъ ему за столомъ брата. Такъ по крайней мѣрѣ сказалъ мнѣ самъ старшій братъ.

— Какой же онъ бездушный злодѣй! вскричала баронесса.

— Гм! тетюшка, я играю съ вами *cartes sur table*! Мистеръ Джоржъ дѣлаетъ, что дѣлаютъ все другіе, и мы не имѣемъ ни малѣйшаго права на него сердиться. Молли сама согласилась съ этимъ, когда прошелъ первый припадокъ ея горести и когда я убѣдилъ ее слѣдовать внушенію разсудка. Безразсудное старое созданіе! Быть до безумія влюбленной въ молодого человѣка, и въ такую пору жизни!

— Я начинаю вѣрить, что это истинная любовь, сказала мадамъ де-Бернштейнъ.

— Вамъ бы нужно было послушать ее, когда она прощалась съ Гарри! *C'était touchant, ma parole d'honneur!* Я плакалъ. Клянусь Георгомъ — плакалъ. Въ то время, когда мы сидѣли за обѣдомъ, вдругъ вбѣгаетъ молодой человѣкъ, въ чулкахъ, забрызганныхъ грязью, съ волосами, спустившимися на глаза; объясняется съ Молли искреннимъ и благороднымъ тономъ, прекрасно выражается, и она отвѣчаетъ ему. Эта сцена напомнила мнѣ мистриссъ Варрингтонъ въ новой шотландской пьесѣ, которую написалъ человѣкъ лорда

Бьюта, кажется, подъ названіемъ Дугласъ. Марія бросается на шею юноши и прощается съ такимъ благородствомъ и такимъ самоотверженіемъ, что безъ слезъ невозможно было видѣть эту сцену. Она выходитъ изъ комнаты съ сохраненіемъ своего достоинства, хотя и съ отчаяніемъ въ душѣ... Нѣтъ, благодарю васъ, я больше не хочу шоколаду.... Если Марія и сдѣлала, какъ говорится, *mauvais pas*, то никто не могъ бы сдѣлать этого отступленія съ большимъ достоинствомъ. Это, я вамъ скажу, была искусная ретирата послѣ пораженія. Голодъ принудилъ насъ оставить позицію; но все же мы оставили ее съ военными почестями.

— Смотрите, чтобы Молли не умерла съ горя и обманутыхъ надеждъ, сказала тетка милорда, отпивъ глотокъ шоколаду.

Милордъ язвительно усмѣхнулся и показалъ свои желтые зубы.

— Ха, ха! Съ ней случались эти припадки гораздо сильнѣе, но, слава Богу! — поправлялась. Болѣзнь эта, какъ вамъ извѣстно, миледи, не смертельна, особливо въ возрастѣ Молли.

Почему же это извѣстно миледи? Она вѣдь вышла за доктора богословія Тушера въ довольно зрѣлыхъ лѣтахъ. Она сдѣлалась мадамъ де Бернштейнъ гораздо позже послѣ перваго брака. Старая Дидона, какъ замѣчаетъ поэтъ, испытала несчастье и потому научилась имѣть состраданіе къ несчастнымъ.

Люди небольшого свѣта, какъ мы говорили, ссорятся и дерутся, ноносятъ другъ друга и долго, очень долго остаются непримиримыми врагами. Люди большаго свѣта гораздо благоразумнѣе. У нихъ бываютъ также ссоры; они перестаютъ видѣть другъ друга; сходятся и расходятся, не сказавъ слова другъ другу. Но какойнибудь пустой случай, иногда даже заблудившійся щенокъ, служитъ поводомъ къ примиренію, и тогда все забывается. Въ теченіе полугода, съ тѣхъ поръ какъ Кастльвудъ и мадамъ де Бернштейнъ вступили въ борьбу за право обладать Гарри Варрингтономъ, эти двѣ отрасли фамиліи Эмондовъ были въ раздорѣ. Теперь же, когда вопросъ былъ рѣшенъ, они встрѣчались, несколько не стѣсняясь, какъ будто всю свою жизнь проводили въ добромъ согласіи: мадамъ де Бернштейнъ отправлялась въ своей парадной каретѣ на рауты леди Кастльвудъ; Эмонды, съ улыбающимися лицами, являлись на собранія мадамъ де Бернштейнъ, какъ будто ихъ любовь и привязанность другъ къ другу никогда не прерывались.

— Я слышала, сэръ, что вы поступили съ младшимъ своимъ братомъ, какъ звѣрь, какъ чудовище! сказала баронесса, въ душѣ чрезвычайно довольная, но наружно показывая недовольный видъ и грозя Джорджу своей тростью.

— Я дѣйствовалъ по вашему намеренію, милэди, и непремѣнно хотѣлъ узнать, чего искала лэди Марія въ этомъ бракѣ—моего ли брата или его денегъ? отвѣчалъ Джоржъ, слегка покраснѣвъ.

— Разумѣется, Марія не вышла бы за мужъ за бѣдняка, старшій братъ котораго сказалъ, что не дастъ ему ничего.

— Я сдѣлалъ это къ лучшему мадамъ, — возразилъ Джоржъ, и румянецъ его усилился.

— Вотъ что! О лицемѣръ, лицемѣръ! вскричала старая лэди.

— Я лицемѣръ, мадамъ! Позвольте узнать почему? спросилъ мистеръ Варрингтонъ, выпрямляясь во весь ростъ.

— Дитя мое, я все знаю! сказала баронесса по-французски. Ты очень похожъ на своего дѣда. Поди, я обниму тебя! Гарри все мнѣ открылъ; открылъ даже и то, что ты раздѣлилъ свое небольшое наслѣдство съ нимъ пополамъ.

— Это очень натурально, мадамъ. Съ минуты нашего рожденія мы имѣемъ одни сердца и одни кошельки. Я показалъ свое жестоко-сердечіе для того, чтобъ испытать извѣстныхъ вамъ людей, сказалъ Джоржъ, и глаза его наполнились слезами.

— Значитъ, ты раздѣлилъ съ нимъ и Виргинію? спросила баронесса.

— Я этого не говорю. Это было бы несправедливо, отвѣчалъ мистеръ Варрингтонъ.—Земля должна переходить старшему въ родѣ, слѣдовательно мнѣ нельзя уступить ее: а еще можетъ быть, что я умру, — а можетъ случиться, что мать переживетъ насъ обоихъ. Но половина того, что я имѣю, принадлежитъ ему. Надобно и то сказать, вѣдь онъ потому только былъ такимъ мотомъ, что ложно понималъ свое положеніе.

— Это старинный рыцарь, это Баярдъ, это возвратившійся къ жизни полковникъ! говорила мадамъ де-Вернштейнъ своей служанкѣ передъ сномъ грядущимъ.

Баронесса, въ тотъ вечеръ, когда молодые люди прощались съ ней, подала бѣдному Гарри только два пальца, а Джоржу подставила нарумяненую щеку. При такомъ благоволеніи старой тетки, Джоржъ такъ сильно покраснѣлъ, что румянецъ его сравнялся съ румянцемъ этой, почти непрерывно подкрашиваемой розы.

Гарри не былъ завистливымъ человѣкомъ: онъ оказывалъ брату всевозможное уваженіе, какъ руководителю, наставнику и главѣ; но неудивительно, если чувство униженія и обманутыхъ ожиданій тяготило сердце молодаго человѣка, послѣ того, какъ онъ пересталъ быть счастливымъ юношей и наслѣдникомъ безграничныхъ виргинскихъ владѣній. Наши кенсингтонскіе друзья клятвенно обѣщали любить Гарри болѣе прежняго; Гарри раскланялся и выразилъ глу-

бокую признательность; но на пышномъ пиру, который лордъ Кастльвудъ задалъ въ честь новооткрытаго родственника, Гарри не могъ не замѣтить, что все вниманіе кузинъ сосредоточено было на Джоржѣ, — весь разговоръ, всѣ комплименты, всѣ маленькія услуги, все, все принадлежало Джоржу, — между тѣмъ какъ Гарри оставался никѣмъ не замѣченнымъ, никѣмъ, кромѣ несчастной Маріи, которая провожала его томными взглядами, преслѣдовала его глазами, выражавшими горькіе упреки, и обвиняла его за то, что отказалась отъ него. «Да! говорили эти глаза: — вамъ, Гарри, весело, получивъ свободу, которую я подарила; а мнѣ право не хотѣлось бы, чтобы вы были до такой степени довольны этой свободой.» Марія отказалась отъ него, но въ душѣ не могла простить, что онъ такъ скоро воспользовался своимъ освобожденіемъ. Потерявъ всякую возможность выйти за него, она все еще хотѣла имѣть такого мужа. О, молодые друзья мои! какъ очаровательно бываетъ начало любовныхъ интригъ, и какъ много иногда страдаетъ достоинство человѣка при ихъ окончаніи! Какая романтичная даль лежитъ передъ молодымъ Дамономъ и молодой Филлидой (или пожалуй, пожилымъ Дамономъ и проч.), когда безыскусственная ихъ любовь извѣстна другъ другу, когда они обвиваютъ руками станъ другъ у друга и всматриваются въ ту восхитительную, очаровательную стражу, которая передъ ними разстилается! Прикованные другъ къ другу, они надѣются прожить въ той странѣ до глубокой старости. Тамъ могутъ встрѣтиться скалы и ревущіе потоки; но развѣ сильная, чистая любовь Дамона не въ состояніи перенести черезъ нихъ предметъ своего обожанія? Могутъ встрѣтиться драконы и опасности; но развѣ его храбрость, его мечъ не въ состояніи ихъ побѣдить? Подъ вечеръ жизни, ихъ ожидаетъ усада; они будутъ отдыхать въ крѣпкихъ объятіяхъ, какъ двое заблудившихся въ лѣсу хорошенькихъ дѣтей, — мохъ будетъ служить имъ мягкимъ ложемъ, голубое небо со звѣздами — пологомъ, руки — изголовьемъ! Въ этомъ родѣ обыкновенно бываютъ планы молодыхъ людей, когда они выступаютъ на поприще любви, и, о какая жалость! — не проходятъ они и мили, какъ имъ встрѣчается высокій валъ, заставляющій ихъ воротиться назадъ. Въ Барнетѣ (кажется это первая станція по дорогѣ въ Гретна-Гринъ) они бранятся съ почтальономъ, и, что еще хуже, быть можетъ у Стрефона не достаетъ денегъ расплатиться, или вдругъ съ нещаднымъ бичемъ является отецъ, увозитъ назадъ пламенно любящую дочь и, для охлажденія ея любви, запираетъ ее въ классную комнату. Разлука грозитъ совершенною гибелью для любящихъ сердецъ; но по выходѣ за мужъ за банкира, когда судьба спустя нѣсколько лѣтъ надѣлитъ восьмерыми дѣтьми, или когда мужъ сдѣлается благоденствующимъ —

щимъ адвокатомъ, о которомъ раза два или три громко прокричатъ въ газетахъ, — когда, повторяю я, спустя нѣсколько лѣтъ Стрефону и Деліи случится встрѣтиться, то не правда ли, что встрѣча ихъ должна быть забавна? Надѣюсь, что ни одинъ молодой человѣкъ не рѣшится влюбиться, если будетъ подозрѣвать, что страсть его не продолжится вѣчно. Въ мужчинѣ это сомнѣніе начинается пробуждаться обыкновенно послѣ втораго или третьяго любовнаго припадка; зато женщины, — не всѣ впрочемъ, — остаются романтичными до самого конца; отъ осьмнадцати до восьмидесяти пяти лѣтъ (сколько я знаю) онѣ всѣ надѣются, что сердца ихъ должны сокрушиться.

Безъ всякаго сомнѣнія, непріятное чувство было господствующимъ въ душѣ Гарри Варрингтона, когда онъ отиравался въ Кенсингтонъ и встрѣтился тамъ съ грустными, выражающими упрекъ взглядами своей кузины. И въ самомъ дѣлѣ, находится въ такомъ положеніи — пренепріятно: каково бываетъ грустно смотрѣть на домъ, въ которомъ вы жили, и видѣть темныя пустыя окна, гдѣ нѣкогда сіяли веселыя лица? Вы говорите: грустно. Да; но какъ грустишь, какъ несравненно тяжелѣе смотрѣть вверхъ, когда вы сантиментально проходите мимо № 13 и видите, что кто-то выглядываетъ изъ окна, улыбается вамъ и повидимому находится въ прекрасныхъ отношеніяхъ съ хозяйкой дома. Мнѣ всегда бываетъ больно, даже въ гостинницѣ, которую посѣщаю, — бываетъ больно, повторяю, когда я вижу чемоданы и сапоги у дверей тѣхъ комнатъ, которыя нѣкогда принадлежали мнѣ. Неужели эти сапоги валялись на софѣ, на которой я когда-то отдыхалъ? О, я мысленно топчу ногами и выбрасываю изъ комнаты эту грязную, вульгариую принадлежность мужскаго туалета!

Такимъ образомъ Гарри, сообразивъ, что періодъ, въ который онъ служилъ занимательнымъ предметомъ, кончился, и что комнаты Маріи, если не совсѣмъ еще были заняты новымъ постояльцемъ, то по крайней мѣрѣ отдавались въ наемъ, — чувствовалъ себя не совсѣмъ спокойнымъ въ обществѣ кузины, да и она, вѣроятно, ощущала тоже самое. Гарри или находилъ, что ему нечего сказать кузинѣ, или она говорила ему очень обыкновенныя и скучныя вещи; обкуранный ободокъ бѣлой виргинской трубки былъ для него несравненно пріятнѣе нѣжнаго голоса Маріи и ея печальнаго лица. Поэтому, когда Джоржъ отиравался въ Кенсингтонъ, Гарри оставался дома подъ предлогомъ обѣщанія быть въ другомъ мѣстѣ.

Въ домѣ дяди, въ улицѣ Гилль, бѣдный юноша тоже не находилъ особеннаго удовольствія. Добродѣтельное семейство этого дома почти не обращало на него вниманія. Прекрасныя леди не со-

вѣстились не сказываться дома, когда онъ пріѣзжалъ. Послѣ всего радущія, послѣ всѣхъ ласкъ, послѣ безконечныхъ увѣреній въ искренней любви, Гарри не вѣрилъ въ подобную неискренность. Случалось, что спустя какойнибудь часъ послѣ визита, Гарри сидѣлъ у Ламбертовъ и видѣлъ, какъ къ крыльцу его тетки подѣзжала пустая карета, въ которую садилась милэди Варрингтонъ и даже не краснѣла, когда Гарри кланялся ей изъ сосѣдняго окна. Быть отвергнутымъ своими родственниками, захлопнуть передъ самымъ носомъ дверь, которая прежде привѣтливо ему отворялась,—я не вѣрю въ возможность подобныхъ вещей, говорилъ бѣдный простосердечный Гарри. Онъ былъ увѣренъ, что сердце двернаго молотка, хотя и сдѣланнаго изъ мѣди, было нѣжнѣе сердца лэди Варрингтонъ; добродѣтельное лицо милэди, когда она проѣзжала мимо племянника, едва ли измѣнилось болѣе мѣднаго молотка.

— Жена роднаго дяди! Чѣмъ я оскорбилъ ее? Тетушка Ламбертъ, скажите, видѣли ли вы когданибудь такую холодность, такую безчувственность?—сказалъ Гарри, съ своей обычной пылкостью.

— А замѣтили ли вы въ насъ какуюнибудь переменъ?—въ свою очередь спросила тетушка Ламбертъ, бросивъ косвенный взглядъ на младшую дочь. Великосвѣтскіе люди могутъ смотрѣть на васъ холодно, но мы не принадлежимъ къ большому свѣту; и поэтому вы можете спокойно приходить къ намъ.

— Правда; вы совсѣмъ не похожи на другихъ людей, сказалъ Гарри. Не знаю почему, когда я прихожу къ вамъ, то чувствую какое-то спокойствіе и радость.

— *Quis me uno vivit felicior? aut magis hâc est
Optandum vitâ dicere quis potuit? (*)*.

— Мистеръ студентъ, знаешь ли откуда я заимствовалъ эти стихи? спросилъ Ламбертъ, обращаясь къ сыну, пріѣхавшему провести въ кругу родныхъ пасхальные праздники.

— Вычитали изъ Катутла!

— Не отгадалъ, мой другъ. Я вычиталъ ихъ изъ Демокрита младшаго—или пожалуй, изъ стараго Буртона, изъ котораго многіе черпали ученость....

И который вмѣстѣ съ Монтенемъ, прибавимъ мы, былъ любимымъ авторомъ добраго генерала.

(*) Кто можетъ сказать, что онъ живетъ счастливѣе меня? есть ли другая жизнь, которую бы можно было пожелать?

ГЛАВА X,

ГДѢ МЫ ДѢЛАЕМЪ ТО, ЧТО МОГУТЪ ДѢЛАТЬ ОДНѢ КОШКИ.

Мы уже говорили, что наши виргинцы, одаренные очень обыкновеннымъ умомъ, держались мнѣній приверженцевъ Іакова II, и въслѣдствіе этого питали глубокое уваженіе и любовь къ изгнанной царской фамиліи. Изгнанный король утвердилъ отца мадамъ Эсмондъ въ санѣ маркиза, и потому она не могла сердиться на несчастную отрасль царскаго рода, добродѣтельно и справедливо признавшую заслуги ея фамиліи. Что касается до небольшого скандала относительно ея сестры, баронессы Бернштейнъ, и стараго Шевалье, мадамъ Эсмондъ съ презрѣніемъ удаляла отъ себя воспоминаніе объ этомъ грязномъ обстоятельстве, доказывая не безъ основанія, что два первые государя изъ Ганноверскаго дома были такъ же дурны относительно нравственности, какъ и всякій государь изъ дома Стюартовъ. Но король *de facto* былъ королемъ, такъ же какъ и его величество *de jure* оставался величествомъ. Король торжественно былъ коронованъ и помазанъ на царство, и въ борьбѣ за обладаніе королевствомъ одержалъ блистательную побѣду. Поэтому мадамъ Эсмондъ благоразумно разсуждала, что сыновья ея по долгу собственному и по долгу къ государю должны были представиться королю. Она нисколько бы не изумилась, еслибъ его величеству вздумалось предоставить сыновьямъ ея видныя и выгодныя мѣста, или надѣть на того и на другаго голубую или красную ленту. Она нисколько не сомнѣвалась, что король зналъ виргинскихъ Эсмондовъ, какъ и другихъ членовъ дворянства. На этомъ основаніи, молодымъ людямъ вмѣнено было въ непремѣнную обязанность представиться ко двору, и мадамъ Эсмондъ сильно бы прогнѣвалась, еслибъ узнала, что Джоржъ, отправляясь съ визитами въ Кенсингтонъ, надѣлъ парадный, шитый золотомъ, кафтанъ своего брата.

Сто лѣтъ тому назадъ гостинная короля почти каждый день была открыта для дворянъ и для людей болѣе или менѣе замѣчательныхъ; всѣ вѣрноподанные, особливо при началѣ войны, имѣли возможность десятки разъ въ мѣсяцъ наслаждаться лицезрѣніемъ августѣйшаго государя. Предположеніе, что неоцѣнимая потеря британскихъ острововъ можетъ послѣдовать только тогда, когда августѣйшая особа его величества попадется на морѣ въ плѣнъ, принуждало британскаго короля отложить на время тѣ визиты въ родной Ганноверъ, которые были такъ дороги сердцу его величества, и застав-

ляло его оставаться, надобно сказать правду—весьма неохотно, между преданными британцами. Ганноверская лэди, сдѣлавшаяся за свои добродѣтели драгоцѣннымъ другомъ короля, всячески старалась утѣшать его во время вынужденнаго отсутствія отъ Герренгауза; обожаемый защитникъ вѣры только и могъ слышать звуки своего роднаго языка изъ устъ графини Вальмоденъ (который царское благоволеніе милостиво даровало высокій титулъ британской почести).

Мистеръ Варрингтонъ просилъ лядю своего, этого ловкаго царедворца, — представить его къ королю; а какъ мистеръ Ламбертъ тоже долженъ былъ ѣхать ко двору съ благодарностію его величеству за производство въ генеральскій чинъ, то оба эти джентльмена и отправились въ Кенсингтонъ; отправились въ наемной каретѣ, потому что экипажъ лорда Ротэма былъ занятъ законнымъ владѣтелемъ, пріѣхавшимъ въ столицу. Они остановились у воротъ Кенсингтонскаго дворца, гдѣ часовые, зная добраго генерала, отдали ему воинскую почесть. Отсюда имъ предстояло скромненько пройти нѣшкомъ до лѣтней резиденціи своего государя. Пройдя подъ дворцовымъ портикомъ, они вошли въ галерею, которая вела къ большой лѣстницѣ изъ чернаго мрамора, съ живописью и орнаментами работы мистера Кента. — Прошли рядъ комнатъ съ великолѣпными картинами и статуями, и наконецъ достигли большой королевской гостиной, гдѣ находилась знаменитая Венера Тиціана и Св. Францискъ, молящійся передъ младенцемъ — Иисусомъ, работы Рубенса. Здѣсь, вмѣстѣ съ прочими, джентльмены наши должны были ждать выхода его величества изъ собственныхъ апартаментовъ, въ которыхъ онъ засѣдалъ съ своими министрами.

Джоржъ Варрингтонъ, никогда не бывавшій во дворцѣ, имѣлъ достаточно свободнаго времени полюбоваться убранствомъ гостиной и осмотрѣть всѣ лица, его окружавшія. Онъ въ первый разъ видѣлъ оригинальныя картины. — Картина Вандика, изображавшая короля Чарльза Перваго, его жену и семейство, и картина Эссери передъ Агасѣромъ, работы Тинторета, въ которой всѣ фигуры облачены были въ великолѣпный венеціанскій костюмъ, приводили Джоржа въ безпредѣльный восторгъ. Онъ до такой степени углубился въ разсмотрѣніе этихъ великихъ художественныхъ произведеній, что почти вовсе не слышалъ замѣчаній своего добраго друга генерала, который шопотомъ называлъ имена замѣчательныхъ лицъ, собравшихся въ пріемной залѣ.

— Вотъ это, говорилъ Ламбертъ: — два Лорда адмиралтейства мистеръ Джилбертъ Эллиотъ и адмиралъ Боскавенъ, — знакомый вамъ Боскавенъ; его эскадра года два тому назадъ сдѣлала первый

выстрѣлъ на вашихъ моряхъ. А вотъ этотъ толстый джентльменъ, весь въ золотѣ, — это мистеръ Фоксъ; онъ былъ посланникомъ, а теперь назначенъ государственнымъ казначеемъ и получаетъ огромное жалованье.

— Судя по его наружности, можно сказать, что онъ жаждетъ до золота; посмотрите на его камзолъ! — сказалъ Джоржъ.

— *Alieni appetens...* какъ это говорится дальше? Онъ любитъ получать деньги и умѣетъ проживать ихъ, продолжалъ генераль Ламбертъ. Вотъ это государственный судья Виллестъ: онъ разговариваетъ съ милордомъ Салисбюри, докторомъ Гoadи, который, еслибы такъ же служилъ Богу, какъ служить королю, то на небѣ получилъ бы почести болѣе, чѣмъ на землѣ. Онъ современникъ вашего дѣда; его любилъ Ричардъ Стилъ и ненавидѣлъ Свифтъ. Въѣстъ съ ними и лордъ Лондона, ученый докторъ Шерлокъ. Милордъ съ полотняными рукавами потерялъ теперь половину своихъ почестей. Я помню, когда еще былъ ребенкомъ на рукахъ матери, — она заставляла меня становиться на колѣни передъ епископомъ Рочестерскимъ, — передъ тѣмъ епископомъ, который уѣхалъ на материкъ и сдѣлался духовникомъ лица, имя котораго я не хочу упоминать. — Прекрасный бѣлокурый мужчина — это адмиралъ Смитъ. Онъ былъ президентомъ военного суда надъ несчастнымъ Бингомъ и тщетно старался отклонить отъ него наказаніе; на флотѣ его называютъ десять тысячъ первымъ томомъ. Еще когда онъ былъ лейтенантомъ, французскій посланникъ хотѣлъ уничтожить его, за то собственно, что онъ заставилъ французскій линейный корабль спустить передъ нимъ паруса, а король на другой же день произвелъ Тома въ капитаны. Вонъ этотъ высокій, надменной наружности мужчина — милордъ Джоржъ Саквилъ; хоть я теперь и самъ генераль-маіоръ, но онъ будетъ обходиться со мной не много лучше, чѣмъ съ лакеемъ. О, какъ бы я желалъ, чтобы былъ здѣсь мой коренастый старій Блакени, любимецъ всѣхъ военныхъ, добрый и храбрый, какъ добръ и храбръ вонъ этотъ уродъ нобльменъ, который... Вашъ покорнѣйшій слуга, милордъ. Позвольте вамъ представить молодаго джентльмена, который только-что пріѣхалъ изъ Америки и два года тому назадъ участвовалъ въ компаніи Брэддока.

— О! въ самомъ дѣлѣ! сказалъ уродъ-нобльменъ. — Я имѣю честь говорить....

— Съ генераль-маіоромъ Ламбертомъ, къ услугамъ вашего превосходительства; я поступилъ въ службу его величества нѣсколько ранѣе вашего превосходительства. Это, продолжалъ Ламбертъ, обращаясь къ Джоржу Варрингтону, — первый членъ англійскаго парламента, первый ораторъ — мистеръ Онсло. Да гдѣ же вашъ дядя?

Придется, кажется, мнѣ самому представить васъ его величеству, если сэръ Майльзъ промедлитъ еще немного.

Говоря это, почтенный генераль сосредоточилъ все свое вниманіе на молодомъ другѣ, не промолвивъ ни слова о своемъ сослуживцѣ, который съ недоумѣніемъ отвернулся въ сторону и пошелъ дальше, какъ будто обращеніе генерала Ламберта имѣло близкое сходство съ необычайной дерзостью. Сто лѣтъ тому назадъ, нобльменъ былъ нобльменомъ, въ строгомъ значеніи этого слова, и требовалъ, чтобы на него смотрѣли не иначе, какъ на нобльмена.

Вскорѣ потомъ показался и малиновый жилетъ сэра Майльза; племянникъ Джоржъ и генераль Ламбертъ обмѣнялись съ нимъ самымъ искреннимъ привѣтствіемъ. — Кажется, мы уже говорили, что сэръ Майльзъ былъ любезнымъ кавалеромъ. Итакъ генераль долженъ выѣхать изъ дома лорда Ротэма? — Да уже и нельзя оставаться, потому что милордъ самъ пожелалъ занять его. — Все это прекрасно; но какая потеря для сосѣдей!

— Мы теряемъ васъ, положительно теряемъ, любезный генераль,—говорилъ сэръ Майльзъ.—Дочери мои влюблены въ вашихъ молоденькихъ лэди, клянусь честью — влюблены. Онѣ и милэди Варрингтонъ часто говорятъ между собой, какимъ бы образомъ найти случай познакомиться съ вашимъ молодымъ семействомъ. Мы уже считаемъ себя вашими давнишними друзьями; — право, генераль, если позволите говорить откровенно, мы душевно васъ любимъ за искреннее расположеніе къ нашимъ милымъ племянникамъ; правда, мы ихъ ревнуемъ немного, откровенно признаюсь,—ревнуемъ за то, что они бываютъ у васъ такъ часто. Сколько разъ говорилъ я милэди Варрингтонъ: другъ мой, отчего мы не попросимъ его и его семейство перейти черезъ улицу и отобѣдать у насъ, вмѣстѣ съ другими нашими добрыми провинціальными знакомыми? — Пожалуйста, генераль, засвидѣтельствуйте мое искреннее почтеніе мистриссъ Ламбертъ и поблагодарите ее за вниманіе и расположеніе къ этимъ джентльменамъ: вѣдь это мои кровные родные, сэръ, — мои милые, неоцѣненные юноши!

И милордъ провелъ рукой по глазамъ. Его голосъ, самое дыханіе его прерывалось отъ душевнаго волненія, возбуждаемаго порывами чувства благороднаго, исполненнаго неподдѣльной любви. Во время этого разговора Джоржъ Варрингтонъ съ удивительнымъ терпѣніемъ удерживался отъ смѣха. Наконецъ дверь королевскаго кабинета открылась, и изъ нея вышли нажи, предшествуя его величеству. За нимъ слѣдовалъ его сынъ, очень видный и здоровый принцъ, румяное лицо котораго почти не отличалось отъ кафтана ярко-малиноваго цвѣта; за королемъ слѣдовало нѣсколько джентльменовъ и государствен-

ныхъ сановниковъ, между которыми Джоржъ сейчасъ же узналъ знаменитаго мистера Питта, по его высокому росту, по орлиному носу и взгляду, по его серьёзному и величественному виду. Представляя себѣ эту величавую фигуру, даже теперь, когда прошло столѣтіе, — я смотрю на нее съ благоговѣніемъ, я готовъ снять шляпу передъ ней и поклониться. Миѣ не столько кажется страшнымъ Георгъ второй, глаза мои не столько ослѣплены громадной фигурой его королевскаго величества, герцога Куллодена и Фонтеноя, сколько этимъ великимъ государственнымъ мужемъ — этимъ кавалерійскимъ корнетомъ! Его фигура сто лѣтъ тому назадъ шагала по нашему небольшому острову, какъ колоссъ; и я робѣю передъ нимъ, когда онъ проходитъ въ туфляхъ, облегчающихъ подагрическія страданія, когда рука, бросавшая молніи, завернута въ фланель. Быть можетъ теперь, когда мы видимъ его, съ мрачнымъ взглядомъ вышедшаго изъ кабинета, между нимъ и его государемъ происходили грозныя сцены. Онъ, вѣроятно, говорилъ старому королю длинныя рѣчи, исполненныя краснорѣчія, силы и благородныхъ выраженій, говорилъ о предметахъ весьма обыкновенныхъ, но, надобно признаться, крайне непріятныхъ для маленькаго проницательнаго джентльмена, «къ стопамъ котораго онъ повергался», и который терпѣть не могъ ни изящной поэзіи, ни изящной прозы! Этотъ великій министръ величественно проходитъ чрезъ толпу; джентльмены чинно и почтительно становятся вокругъ стѣны; его величество проходитъ передъ ними; его сынъ отстаётъ на нѣсколько шаговъ и въ свою очередь вступаетъ въ разговоръ съ избранными лицами.

Его величество—небольшаго роста, проницательный, бодрый старичокъ, съ прищуренными глазами, въ простомъ, табачнаго цвѣта, старомодномъ кафтанѣ, въ коричневыхъ чулкахъ; единственное украшеніе на немъ—голубая лента ордена Подвязки. Въ его разговорѣ слышенъ нѣмецкій акцентъ; но онъ говоритъ свободно, просто и умно; обращается къ тѣмъ лицамъ, на которыхъ угодно было остановиться его вниманію; мимо прочихъ онъ проходитъ съ учтивымъ поклономъ. Мистера Ламберта онъ зналъ хорошо: генералъ находился подъ командой его величества при Деттингенѣ, а съ его сыномъ — въ Шотландіи. Король ласково поздравилъ его съ повыше-ніемъ.

— Мы не всегда можемъ дѣлать, что намъ хочется, сказалъ его величество: — но относительно васъ, генералъ, я былъ радъ, когда могъ доставить себѣ это удовольствіе: въ моей арміи нѣтъ офицера, который былъ бы лучше васъ.

Ветеранъ, ошачливленный такими словами, покраснѣлъ и поклонился. Между тѣмъ лучшій изъ монарховъ взглянулъ сперва на сэ-

ра Майльза (котораго его величество зналъ превосходно, какъ ревностнаго пріемщика всякаго рода милостей отъ всѣхъ министровъ), а потомъ на молодаго человѣка, стоявшаго подлѣ милорда.

— Это кто? спросилъ защитникъ вѣры, указывая на Джоржа Варрингтона.

Сэръ Майльзъ съ глубочайшею почтительностію отвѣчалъ, что молодой джентльменъ его племянникъ, Джоржъ Варрингтонъ, изъ Виргиніи, который просилъ позволенія исполнить долгъ вѣрнополданнаго.

— Значитъ, это старшій братъ, — замѣтилъ обожаемый государь. Въ-время пріѣхалъ; иначе его братъ промоталъ бы всѣ деньги.

— Милордъ епископъ Салисбурійскій, зачѣмъ вы выѣхали въ такую дурную погоду? Гораздо лучше было бы остаться дома!

И король обратился къ другимъ лордамъ и джентльменамъ своего двора. Сэръ Майльзъ Варрингтонъ былъ въ восторгѣ отъ царскаго снисхожденія. Онъ взялъ племянника за обѣ руки и произнесъ съ особеннымъ чувствомъ:

— Да благословить тебя небо, мой юноша! Я говорилъ, что ты увидишь величайшаго государя и лучшаго джентльмена въ свѣтѣ. Не правда ли, милордъ епископъ?

— Правда, сушая правда! отвѣчалъ епископъ, скрестивъ руки, окаймленные манжетами, и воздвѣвъ къ небу глаза: — поистинѣ, лучшій изъ государей и царей.

— Вотъ это — мистеръ Люп, любимый племянникъ милэди Армуть, сказалъ Ламбертъ, показывая на молодаго джентльмена, стоявшаго среди окружавшей его толпы. Въ этотъ моментъ къ нашей маленькой группѣ подошелъ толстый герцогъ Кумберлендскій.

— Поздравляю васъ, Ламбертъ, привѣтливо сказалъ герцогъ.

Глаза сэра Майльза Варрингтона готовы были отъ восторга выскочить изъ головы.

— Я обязанъ за этотъ чинъ милостивому ходатайству вашего высочества, произнесъ признательный генераль.

— Вовсе нѣтъ, вовсе нѣтъ. Вы давно это заслуживали. Вы всегда были отличнымъ офицеромъ: можетъ быть вы скоро получите назначеніе. Кажется, это тотъ самый джентльменъ, котораго представлялъ мнѣ Джемсъ Вульфъ?

— Его братъ, сэръ.

— Вотъ это такъ дѣйствительно счастливый юноша! Вы были въ компаніи бѣднаго Брэддока, попали въ плѣнъ и довольно счастливо ушли изъ него. Пріѣзжайте повидаться со мной, въ улицу Полль-Молль. Ламбертъ, привезите его ко мнѣ.

И широкая спина герцога повернулась къ нашимъ друзьямъ.

— Какой дождь! Вы кажется пришли пѣшкомъ, генераль Ламбертъ? Вы и Джоржъ должны ѣхать въ моей каретѣ. Должны непременно, и въ добавокъ вмѣстѣ со мной, прямо въ мой домъ. Клянусь Георгомъ — должны. Отказа я не принимаю, — восклицалъ одушевленный баронетъ. Джоржъ и генераль Ламбертъ принуждены были отправиться въ улицу Гилль, гдѣ сэръ Майльзъ не замедлилъ представить генерала милэди Варрингтонъ и своимъ милочкамъ Флоръ и Доръ, и въ заключеніе упросилъ ихъ остаться завтракать, предполагая, что послѣ поѣздки они проголодались.

— Какъ! неужели ничего нѣтъ другаго, кромѣ холодной баранины? Впрочемъ, старый воинъ можетъ кушать и холодную баранину. Хорошая рюмка настойки, приготовленной собственными руками милэди Варрингтонъ, разогрѣетъ въ желудкѣ какой угодно холодъ. Чудная настойка! Отличная баранина! Наша собственная, любезный генераль, говорилъ гостепріимный баронетъ: — изъ нашей деревни! Шестилѣтній барашекъ. У насъ столъ незатѣйливый; надо вамъ сказать, — всѣ Варрингтоны со временъ Завоевателя замѣчательны были по своей любви къ баранинѣ; наша трапеза покажется скудною, какъ оно и есть на самомъ дѣлѣ, потому что мы люди простые, и я принужденъ на прокормленіе людей моихъ, этихъ негодяевъ, выдавать особые деньги. Нельзя же ихъ кормить семилѣтней бараниной!...

Сэръ Майльзъ, въ присутствіи племянника, описалъ женѣ и дочерямъ пріемъ Джоржа при дворѣ въ такихъ лестныхъ выраженіяхъ, что Джоржъ едва узнавалъ себя, не узнавалъ сцены, въ которой онъ участвовалъ, не зналъ, какъ смотрѣть въ лицо дяди, какъ возражать ему передъ его семействомъ въ самой срединѣ этого изумительнаго повѣствованія. Ламбертъ слушалъ, выпуча глаза. Онъ тоже былъ въ Кенсингтонѣ, но чудесъ, описываемыхъ баронетомъ, вовсе не видалъ.

— Мы гордимся вами, милый Джоржъ. Мы любимъ васъ, милый племянникъ.... мы всѣ любимъ васъ.... мы всѣ гордимся вами....

— Да; только я больше люблю Гарри, пропищалъ тоненькій голосокъ маленькаго Майльза.

— Любимъ не потому, что вы богаты! Скрюби, отведи мистера Майльза къ гувернанткѣ. Иди, иди, мой милый... Любимъ не потому, что судьба надѣлила васъ богатствомъ и стариннымъ именемъ, но потому, Джоржъ, что вы съ пользою употребили таланты, которыми наградила васъ небо; потому что вы сражались и проливали кровь за царя и отечество, иза это вполне заслуживаете расположеніе лучшаго изъ государей. Генераль Ламбертъ, вы очень добры,

удостоивъ заглянуть въ домъ провинціального семейства и раздѣлить нашу незатѣйливую трапезу. Надѣюсь видѣть васъ у себя, когда угощеніе наше будетъ не такъ просто и обыкновенно, какъ сегодня. Да, клянусь Георгомъ, генералъ, — вы должны назначить день, когда вамъ, мистриссъ Ламбертъ и вашимъ милымъ дочерямъ угодно будетъ отобѣдать съ нами. Отказа я не принимаю, клянусь Георгомъ, не принимаю! восклицалъ нашъ рыцарь.

— Надѣюсь, вы проводите насъ въ мою гостиную, сказала миледи, вставая.

Мистеръ Ламбертъ просилъ извинить его; но леди никакъ не хотѣли отпустить милаго Джоржа. Нѣтъ, онъ рѣшительно долженъ былъ остаться. Дамы хотѣли поближе познакомиться съ своимъ кузеномъ. Онѣ хотѣли услышать объ ужасной битвѣ и избавленіи отъ индѣйцевъ. Томъ Клэйпуль тоже послушаетъ эту исторію. Флора слушала, безпрестанно поднося къ глазамъ носовой платокъ.

— Флора! сказалъ маленькій Майльсъ: — зачѣмъ ты это дѣлаешь? вѣдь ты и не думаешь плакать.

Мартинъ Ламбертъ, по возвращеніи домой, не могъ не доставить удовольствія женѣ своей рассказомъ о новомъ знакомствѣ. Слово humbug (*) было въ то время уже въ большомъ употребленіи. Кто повѣритъ, что генералъ употребилъ это слово для обозначенія этого добродѣтельнаго провинціального джентльмена? Съ неподражаемымъ юморомъ онъ описалъ радушное гостепріимство отца, напыщенную лесть матери и восхищеніе дочерей, объѣденный кусокъ чорствой баранины, отвратительный вкусъ и запахъ настойки. Мистриссъ Ламбертъ не могла не поставить на видъ контраста между бывшимъ обхожденіемъ леди Варрингтонъ съ бѣднымъ Гарри и Джоржемъ.

— А что, эта миссъ Варрингтонъ дѣйствительно хороша собой? спрашиваетъ мистриссъ Ламбертъ.

— Да, очень недурна, и такая страшная кокетка, какой я еще не видывалъ, отвѣчаетъ генералъ.

— Лицемѣрка! терпѣть не могу подобныхъ людей! восклицаетъ леди.

На это генералъ, — странно сказать, — отвѣтилъ однимъ только односложнымъ словомъ: бо!

— Что ты этимъ хочешь сказать, Мартинъ? спрашиваетъ леди.

— Этимъ словомъ дразнить гусей, моя милая, отвѣчаетъ генералъ.

(*) Обманъ, шарлатанство.

Жена Ламберта замѣчаетъ, что для нея вовсе непонятно значеніе этого слова, какъ непонятно и то, что онъ хочетъ сказать.

— Разумѣется; гдѣ тебѣ понять, отвѣчаетъ Ламбертъ.

ГЛАВА XI,

ВЪ КОТОРОЙ НАМЪ ДОСТАВЛЯЮТЪ УДОВОЛЬСТВІЕ БЫТЬ ВЪ
ТЕАТРѢ.

Дѣйствительныя занятія человѣка, мнѣ кажется, составляютъ незначительную часть матеріаловъ для романиста. Говоря о военной профессіи, въ которой люди могутъ выказывать храбрость или трусость, и трактуя съ которой, писатель весьма естественно долженъ войти въ интересныя подробности, представить событія, лица, характеры, случаи опасностей, преданность своему долгу, геройскія кончины и тому подобное, — романистъ, я говорю, по необходимости долженъ говорить о дѣйствительныхъ дѣяніяхъ человѣка: все же другое едва ли можетъ входить въ составъ нашихъ разсказовъ. Напримѣръ, Фиккульнъ провелъ большую часть своей жизни, продавая сахаръ, спеціи и сыръ; Косидикъ — всю жизнь просидѣлъ за покрытыми плесенью томами законовъ; Сарторій, сшивъ мѣрки для джентльменскихъ кафтановъ и брюкъ, сидѣлъ на столѣ, скрестивъ ноги, и шилъ. Ну, что можетъ сказать романистъ о профессиональномъ существованіи этихъ людей? Кому будетъ пріятенъ дѣйствительный деревенскій разсказъ о сапогахъ, подбитыхъ гвоздями съ огромными шляпками, и о восемнадцати пенсахъ въ день на содержаніе? Въ описываемые нами дни поэты любили изображать пастуха въ красныхъ панталонахъ и ситцевомъ камзолѣ пляшущимъ передъ своими стадами и играющимъ на свирѣли, подвязанной на голубой атласной лентѣ. Въ отвѣтъ на нѣкоторые возраженія сильныхъ и единомыслящихъ критиковъ, я все-таки скажу, что отъ романиста нельзя требовать описанія дѣйствительныхъ дѣяній человѣка, за исключеніемъ развѣ только, какъ мы уже сказали, событій на полѣ брани. Сами согласитесь, какимъ образомъ писатели могутъ описывать въ своихъ сочиненіяхъ законъ, маклерство, полемическое богословіе, продажу матерій, аптекарское дѣло и т. п.? Они могутъ только изображать людей *въ* ихъ занятій, описывать ихъ страсти, любовь, ненависть, горе, смѣхъ, удовольствіе и пр. и пр., — описывать это, не обращая вниманія на ихъ профессію, а только подразумѣвая ее.

Такимъ образомъ, говоря о настоящемъ или минувшемъ, я знаю, что мнѣ слѣдуетъ касаться однихъ театральныхъ заговоровъ, кофейныхъ

домовъ, собраній, гуляній, ярмарочныхъ балагановъ, пировъ, баловъ и концертовъ, и что все великое, все серьёзное прошедшаго и настоящаго вѣка должно оставаться и созрѣвать въ своихъ комнатахъ, все трудящееся должно сидѣть за своими станками или тянуться шагъ за шагомъ къ своимъ обычнымъ работамъ; мы должны видѣть героевъ нашихъ рассказовъ совершенно внѣ ихъ занятій. Прямая обязанность Коридона заключается въ томъ, чтобъ вывести навозъ и молотить ячмень, но въ тоже время никто не можетъ запретить ему влюбляться въ Филлиду; Анкилла должна одѣть и умыть дѣтей, прислуживать своимъ миссъ за завтракомъ, прогуляться съ дѣтьми и проч., прежде чѣмъ состоится кратковременное, но очаровательное свиданіе сквозь желѣзныя рѣшетки подвального этажа съ полисменомъ Буписомъ. Цѣлый день каблучки его стучать по обшарканному тротуару, прежде чѣмъ ему представится случай на скорую руку подаловать свою возлюбленную или получить отъ нея украденный холодный пирожокъ. Только въ такіе моменты мы и можемъ подмѣтить тотъ или другой характеръ; изъ этого слѣдуетъ, что хотя большая часть лицъ, о которыхъ мы пишемъ, имѣютъ, безъ сомнѣнія, свои серьёзныя занятія и призванія, но мы можемъ представить ихъ читателю только тогда, когда они совершенно ничѣмъ не заняты и когда самъ читатель въ равной степени ничѣмъ не занятъ.

Лондонскіе дэнди и джентльмены клубовъ Уайта и Артура продолжали оказывать бѣдному Гарри Варрингтону такую холодность, что онъ все меньше и меньше искалъ ихъ общества: паркъ, улица Поля-Моль и игорные столы совершенно перестали его видѣть. Мадамъ де Бернштейнъ вооружалась противъ равнодушія свѣта къ ея племяннику, и утверждала, что его нетрудно побѣдить, если только у Гарри будетъ столько присутствія духа, чтобы встрѣтиться съ нимъ лицомъ къ лицу; но молодой человекъ былъ слишкомъ благороденъ, чтобы показывать улыбающееся лицо, когда душа его волновалась отъ неудовольствія: онъ не умѣлъ скрывать своего огорченія или гнѣва; не умѣлъ отклонять пренебреженіе хитрой лестью и наглостью, какъ это должны дѣлать джентльмены и многія женщины, которыя желаютъ пользоваться успѣхомъ въ обществѣ.

— Ты, Гарри, вытягиваешь свое лицо и жалуешься на холодность свѣта, говорила старая лэди. Все это вздоръ! Не тебѣ одному приходится испытывать это. Теперь, когда ты сдѣлался совершеннымъ бѣднякомъ, еслибъ пришлось получить даже оплеуху, то нужно перенести ее съ улыбкой, и лѣтъ десять спустя расквитаться за нее. *Moi, qui vous parle, monsieur!*... Неужели вы думаете, что мнѣ не приходилось испытывать униженіе! Каждому изъ насъ въ свою оче-

редь суждено переносить его. Если ты болѣе не можешь называться Счастливымъ Юношей, то надо стараться, чтобы заслужить названіе умнаго юноши и снова занять въ обществѣ то мѣсто, которое потерялъ чрезъ свое несчастіе. Являйся въ собраніе чаще прежняго. Являйся всюду, куда тебя приглашаютъ, даже куда и не приглашаютъ. Будь любезенъ со всѣми, особливо съ женщинами. Само собою разумѣется, показывай видъ, что ты не унываешь. Съ твоей прекрасной наружностью, тебѣ не трудно будетъ жениться на богатой наслѣдницѣ. Tenez! Познакомься съ купцами въ Сити и тамъ высматривай себѣ невѣсту. Они вѣдь не знаютъ, да имъ и не нужно знать, что ты вышелъ изъ моды въ аристократической части города. При небольшомъ соображеніи и нѣкоторой хитрости, ты еще можешь приобрѣсти чрезвычайно выгодное положеніе. Скажи, пожалуйста, когда ты отправишься навѣстить милэди Ярмутъ? Почему ты не стараешься поддержать такое знакомство? Она очень тебя любитъ. Я хочу, чтобы ты постоянно былъ на вечерахъ милэди и не терялъ ни малѣйшаго случая оказывать ей почтеніе.

Въ этомъ родѣ говорила старуха, такъ искренно полюбившая Гарри при его первомъ появленіи въ Англіи, съ такою жадностью искавшая его общества и такъ восхищавшаяся его безыскусственнымъ разговоромъ; она брала сторону свѣта и возставала противъ Гарри. вмѣсто улыбокъ и поцалуевъ, которыми вѣроломная старуха нѣкогда надѣляла Гарри, она теперь смотрѣла на него съ холодною; съ каждымъ днемъ становилась она угрюмѣе и принимала покровительственный тонъ; передъ гостями она обходилась съ нимъ съ пренебреженіемъ, заставляя молодого человѣка краснѣть отъ униженія и возбуждая въ его нѣжномъ, благородномъ сердцѣ мучительныя ощущенія горести и недоумѣнія. Слуги баронессы, до этого обходившіеся съ Гарри весьма почтительно, не обращали теперь на него ни малѣйшаго вниманія. Милэди часто бывала больна или занята, когда Гарри ходилъ навѣстить ее; люди не упрямивали его подождать; не просили его остаться отобѣдать, какъ это водилось въ тѣ дни, когда онъ былъ Счастливымъ Юношей и товарищемъ богатыхъ и знатныхъ. Гарри уносилъ свое горе къ мистриссъ Ламбертъ. Съ глубокой горечью онъ рассказывалъ ей о бездушномъ поведеніи своей тетки. Вѣроломство и жестокость свѣта убивали несчастнаго молодого человѣка. Въ то время, когда добрая лэди и ея дочери выѣзжали изъ дому или хлопотали по хозяйству, бѣдный Гарри садился къ окну угрюмый, грустный, безмолвный.

— Я знаю, что добрѣе и милѣе васъ нѣтъ никого въ мірѣ, говоритъ онъ этому семейству: — какъ нѣтъ въ мірѣ человѣка скучнѣе меня, — это вѣрно.

— За чѣмъ же вы такъ унываете, Гарри? говорила миссъ Гетти, начинавшая брать верхъ надъ нимъ, и, быть можетъ, иногда спрашивать себя: неужели это тотъ самый джентльменъ, котораго я считала героемъ?

— Если онъ несчастливъ, то какъ же не быть ему унылымъ? съ участіемъ возражала Тео. У него доброе сердце, какъ не болѣтъ ему отъ одной мысли, что всѣ друзья его покинули. Мнѣ кажется, тутъ ничего нѣтъ дурнаго.

— Я бы на его мѣстѣ имѣла столько твердости духа, что не показала бы, что это для меня обидно! вскричала Гетти, сжавъ свои маленькіе кулаки. Я бы улыбалась, хотя бы эта ужасная старуха наносила мнѣ побои. Мама, вѣдь она ужасная, не правда ли? Тео, ты сама этого мнѣнія. Признайся, что я говорю правду. Ты говорила это вчера вечеромъ, и представляла еще, какъ ходитъ она, опираясь на костыль и злобно глядя на окружающихъ.

— Да, она мнѣ не нравится, сказала Тео, покраснѣвъ:—но это еще не даетъ мнѣ права называть баронессу дурными именами въ присутствіи Гарри.

— Какая ты несносная, Тео: ты всегда права! сказала Гетти:—это-то меня и сердитъ. Въ самомъ дѣлѣ, Гарри,— съ моей стороны не хорошо дѣлать грубыя замѣчанія насчетъ кого либо изъ вашихъ родственниковъ.

— О другихъ родственникахъ я не очень забочусь, Гетти; но мнѣ обидно, мнѣ больно, что баронесса чуждается меня. Я всегда любилъ ее отъ души; а надо вамъ сказать, что я прихожу въ отчаяніе, когда люди, которыхъ я любилъ, убѣгаютъ меня и поступаютъ со мной неблагородно.

— А что, если и Джоржъ сдѣлаетъ тоже самое? спросила Гетти.

Вы замѣчаете, что Гетти была противъ Джоржа, а Тео — противъ Гарри.

— Вы очень умны, очень бойки, и въ состояніи дѣлать множество предположеній. Но, Гетти, — сказалъ Гарри, выпрямившись во весь ростъ и принимая гнѣвный видъ: — вы не знаете моего брата, какъ я его знаю, иначе вы бы не рѣшились допустить предположеніе, что мой братъ, Джоржъ, въ состояніи сдѣлать что нибудь дурное, несообразное съ его достоинствомъ.

Лицо мистера Гарри пылало.

Гетти поблѣднѣла; взглянула на Гарри и не сказала ни слова.

— Мнѣ очень жаль, Гетти, сказалъ простосердечный Гарри передъ самымъ уходомъ:—простите меня за грубое или непріятное выраженіе, — откровенно вамъ скажу, я готовъ вызвать на дуэль всякаго, кто осмѣлится сказать что нибудь противъ Джоржа.

Съ блѣдныхъ губокъ маленькой Гетти не сорвалось ниполслова; она подала ему руку и сдѣлала жеманный книксенъ.

— Я считала за счастье видѣть его каждый день и такъ радовалась, когда папа сказалъ, что мы будемъ жить въ Лондонѣ! сказала Гетти сестрѣ своей, убирая на ночь волосы въ папильотки. — А теперь при каждой встрѣчѣ съ нимъ я его обижаю. И не могу удержаться отъ этого. Я знаю, Тео, онъ не очень уменъ; но за то какъ онъ благороденъ, какъ добръ, какъ отваженъ! Не правда ли, что онъ кажется еще прекраснѣе, когда начинается сердиться.

— Какая ты странная, Гетти; ты и стараешься довести его до того, чтобы онъ казался прекраснѣе, отвѣчала Тео.

Итакъ Тео и Гетти, Гарри и Джоржъ были почти постоянными предметами разговора между этими молодыми людьми. Теперь я, кажется, угадываю причину, почему генераль Ламбертъ вздумалъ прервать самый интересный разговоръ съ матерью своихъ дочерей односложнымъ словомъ «бо»! Этимъ словомъ онъ хотѣлъ выразить упрекъ доброй женщинѣ за ея устарѣлую любовь къ сантиментальности и за необыкновенную склонность дѣлать супружескія партіи, склонность, составляющую неотъемлемую принадлежность какъ мистриссъ Ламбертъ, такъ и всякой другой женщины, одаренной отъ природы нѣжнымъ, любящимъ сердцемъ. Этимъ словомъ генераль хотѣлъ намекнуть, что мадамъ Ламбертъ была настоящимъ гусемъ, если только воображала, что два виргинскіе юноши намѣрены были влюбиться въ молоденькихъ дѣвицъ изъ дома Ламбертъ. «Маленькая Гетти могла еще имѣть свои причуды, свои фантазіи; для дѣвицъ въ такомъ возрастѣ это дѣло совершенно бытовое; но маленькая любовь ихъ давно погасла; ты сама знаешь, Молли, (и этого добрая, мягкосердая мистриссъ Ламбертъ не могла отрицать), что была влюблена въ другаго, прежде чѣмъ полюбила меня, сказалъ генераль.... А Гарри, какъ видно, вовсе не былъ очарованъ красотою Гетти; теперь же, когда онъ уступилъ свое мѣсто другому, когда надъ нимъ стоитъ старшій братъ, когда у него нѣтъ на плечахъ своего собственнаго кафтана, повѣрь, не стоитъ за нимъ гнаться; добыча незавидная.»

— О, да; вы хотите сказать, что теперь, когда онъ сдѣлался блѣднымъ, мы должны показать ему дверь, какъ это дѣлается въ свѣтѣ всѣми другими, говоритъ мистриссъ Ламбертъ.

— То есть, какъ это постоянно дѣлаю я; кажется, вы это хотите сказать? отворачиваюсь отъ друга, когда онъ въ несчастіи?

— Нѣтъ, нѣтъ, мой другъ! Теперь я вижу, Мартинъ, что я не права, и въ этомъ признаюсь! произнесла добрая женщина, прибѣгая по обыкновенію къ носовому платку.

— Пусть бѣдный юноша приходитъ къ намъ, когда ему вздумается. Въ этомъ эгоистическомъ городѣ нашъ домъ можно назвать единственнымъ, въ которомъ такъ много можетъ быть сказано въ его пользу. Онъ несчастливъ, и ему, какъ видно, пріятно находится въ нашемъ кругу: во имя Бога, пусть онъ бываетъ у насъ! сказалъ добросердечный генералъ.

Вслѣдствіе этого, когда бы печальный Гарри ни захотѣлъ отобѣдать, или провести вечеръ съ друзьями, — за столомъ мистриссъ Ламбертъ для него всегда находился уголокъ. Джоржъ тоже пользовался у нихъ одинаковымъ радушіемъ. Сначала онъ не имѣлъ такой привязанности къ этимъ людямъ, какъ Гарри. Джоржъ былъ холоднѣе въ обращеніи, былъ недовѣрчивѣе къ самому себѣ и другимъ, чѣмъ его братъ; но въ этомъ семействѣ было столько добродушія и дружелюбія, что всѣ, кто только имѣлъ частое сношеніе съ ними, испытывали на себѣ его вліяніе, и потому Джоржъ скоро научился любить ихъ, какъ собственно за себя, такъ равно и за постоянное вниманіе и расположеніе къ брату. Онъ не могъ не видѣть глубокой горести Гарри, не могъ не сожалѣть о его уныніи, и часто упрекалъ себя за свое возвращеніе къ жизни.

— Милый Гарри, говорилъ онъ: — я все-таки Джоржъ несчастный, хотя ты и пересталъ быть Гарри Счастливымъ. Флоранъ въ тысячу разъ сдѣлалъ бы лучше, еслибъ не убилъ пидѣйца и далъ бы ему возможность украсить свой поясъ кожей моего черепа. Да, да, — это правда! — Въ клубѣ Уайта тебя бы всѣ уважали; наша мать оплакивала бы меня, какъ отлетѣвшаго ангела, вмѣсто того, чтобъ сердиться на меня за то, что я снова отнялъ все отъ ея фаворита... Ты фаворитъ ея, ты заслуживаешь быть ея фаворитомъ, — ты фаворитъ у всѣхъ. Только вотъ что, — еслибъ я не воротился, твоя фаворитка Марія заставила бы тебя жениться на ней. Видишь ли, какъ боги заботятся о твоёмъ благополучіи.

— Не знаю, Джоржъ, надъ кѣмъ ты смѣешься, — надо мной или надъ собой? Скажи, пожалуйста, шутишь ли ты, или говоришь серьёзно?

— Извини, милый Гарри, это мое дѣло.

— Во всякомъ случаѣ, я знаю, что въ цѣломъ мірѣ нѣтъ и не было брата лучше тебя, нѣтъ и не было людей лучше Ламбертовъ.

— Справедливѣе этого ничего не можетъ быть сказано! воскликнулъ Джоржъ и крѣпко сжалъ руку брата.

— Если я несчастливъ, Джоржъ, то въ этомъ нельзя винить ни тебя, ни ихъ, ни даже меня, продолжалъ Гарри. — Виновата тутъ судьба: а съ ней ничего не сдѣлаешь. Я долженъ трудиться; но вопросъ: какъ трудиться и въ чемъ долженъ состоять мой трудъ?

— Подождемъ, Гарри, что скажетъ мать. Подождемъ письма отъ нея.

— Послушай, Джоржъ! Знаешь ли, что мнѣ не хочется возвращаться въ Виргинію? сказалъ Гарри тихимъ, взволнованнымъ голосомъ.

— Вотъ тебѣ разъ! вѣрно влюбился въ одну изъ миссъ Ламбертъ?

— Я люблю ихъ, какъ сестеръ... люблю отъ души, какъ прекраснѣйшихъ и благороднѣйшихъ дѣвушекъ! Выпутавшись, съ твоей помощью, изъ непріятнаго дѣла, я не хочу ѣхать домой. Нѣтъ! нѣтъ! Не потому, что мнѣ лучше нравится жить въ Европѣ, но потому, что я вовсе не имѣю расположенія приняться за охоту, стрѣлять утокъ, играть въ вистъ, слушать проповѣди, изо дня въ день, въ теченіе всей моей жизни. Скажи, чѣмъ другимъ займусь я дома? Найдете ли тамъ для меня какое нибудь занятіе? Вотъ что убиваетъ меня. Дѣло другое ты, мой другъ: тебѣ быть младшимъ ничего бы не значило; ты такъ уменъ, что вездѣ бы проложилъ себѣ дорогу; но что касается до такого бѣдняка, какъ я, то можетъ ли ему представиться выгодный шансъ? Да, Джоржъ, пока я не сдѣлаю чего нибудь серьезнаго, я все буду несчастнымъ.

— Развѣ я прежде не говорилъ тебѣ этого? Отчего ты не хочешь согласиться съ моимъ мнѣніемъ?

— Съ какимъ мнѣніемъ, Джоржъ?... Ты, я думаю, знаешь очень хорошо, что твое мнѣніе—въ тоже время и мое....

— Съ тѣмъ, что Флоранъ сдѣлалъ бы лучше, предоставивъ индѣйцу свободу скальпировать меня.

При этомъ Гарри разразился грознымъ восклицаніемъ, и братья продолжали курить въ дружескомъ согласіи.

Они жили вмѣстѣ, каждый по своему; бесѣда ихъ не повторялась очень часто, за то въ ней преобладали братская любовь и откровенность. Гарри никогда не рѣшался вмѣшиваться въ книжныя занятія Джоржа. Въ то время, когда братъ его занимался чтеніемъ или письмомъ, онъ безмолвно, какъ мышка, сидѣлъ дома. Вскорѣ послѣ пріѣзда Джоржа, они, къ крайнему неудовольствію баронессы Бернштейнъ, переѣхали изъ аристократической части города. Джоржу хотѣлось посѣщать новую бібліотеку и музеумъ сэра Ганса Слоана, только-что открытую въ домѣ Монтэю, и онъ занялъ веселенькую квартиру въ Соутамтонскихъ рядахъ, обращенную окнами на восхитительныя Гампстедскія поля, прилегавшія къ садамъ герцога Бедфорда. Семейство лорда Ротама переѣхало въ Мэйфэръ, и мистеръ Ламбертъ, принужденный по служебнымъ дѣламъ оставаться въ Лондонѣ, тоже долженъ былъ перемѣнить квартиру и занять меблированныя комнаты въ кварталѣ Сого, недалеко отъ квартиры на-

шихъ друзей; поэтому-то, какъ мы уже сказали, Гарри почти каждый вечеръ находилъ отрадное убѣжище въ домѣ Ламбертовъ.

Джоржъ тоже часто посѣщалъ ихъ. Чѣмъ короче дѣлалось знакомство Джоржа съ этимъ семействомъ, тѣмъ чаще онъ посѣщалъ его, находя общество такихъ людей несравненно пріятнѣе вѣжливаго кружка игроковъ въ домѣ баронессы, пріятнѣе портвейна и баранины сэра Майльза Варрингтона, пріятнѣе шума и болтовни въ кофейныхъ домахъ. А какъ Джоржъ и Ламберты были въ Лондонѣ люди совершенно чужіе, то они вмѣстѣ раздѣляли удовольствія этого города и, безъ сомнѣнія, ѣздили въ Воксалъ и Ранслэй, въ Мэрибонскіе сады и театръ, въ Товеръ и другія мѣста, гдѣ можно было имѣть въ то время пріятное и благородное развлеченіе. Мартинъ Ламбертъ любилъ, когда его дѣти наслаждались невинными удовольствіями, которыя онъ въ состояніи былъ доставить имъ; а мистеръ Джоржъ, при своемъ благородномъ характерѣ и при своей щедрости, старался отыскивать эти удовольствія и доставлять ихъ особенно тѣмъ, которые были такъ добры къ его брату.

Мистеръ Варрингтонъ страсто любилъ театръ. Въ Virginii онъ не зналъ этого удовольствія и наслаждался имъ всего два раза въ Квебекѣ, во время путешествія въ Канаду. По пріѣздѣ въ Лондонъ, гдѣ процвѣтали тогда два театра, онъ думалъ, мнѣ кажется, что никогда достаточно не насладится этимъ удовольствіемъ. Но все, что правилось ему, онъ непремѣнно хотѣлъ раздѣлять съ своими товарищами. Не удивительно, что Джоржъ съ нетерпѣніемъ желалъ взять своихъ друзей въ театръ, и конечно наши молоденькія провинціалки нисколько не противились такому желанію. Въ какой же театръ, въ Друрилэнскій или Ковентгарденскій? На Друрилэнскомъ игралъ Гаррикъ Шекспира. Но кто повѣритъ, что наши лэди хотѣли познакомиться съ знаменитымъ новымъ писателемъ, пьесу котораго играли на сценѣ Ковентгарденскаго театра?

Въ это время на литературномъ горизонтѣ взошла звѣзда новаго генія и сіяла съ ослѣпительнымъ блескомъ. Великій мистеръ Джонъ Гамъ написалъ трагедію, классичнѣе и элегантнѣе которой не появлялось со временъ самыхъ отдаленныхъ. Удивительно, отчего мистеръ Гаррикъ не принялъ на свою сцену такое *chef-d'oeuvre*? Что ни говорите о Шекспирѣ, но въ произведеніяхъ этого, неоспоримо великаго поэта (который началъ становиться популярнымъ въ Англіи послѣ нападеній, сдѣланныхъ на него Вольтеромъ) есть много варваризма, производившаго непріятное впечатлѣніе на образованное общество, между тѣмъ какъ мистеръ Гамъ умѣлъ сохранить изящество въ выраженіяхъ скорби и страсти; умѣлъ изобразить смерть,

не просто страшною, но граціозною и патетичною; онъ никогда не позволялъ унизить величіе трагической музы пошлыми выходками и грязными каламбурами, къ которымъ прибѣгалъ иногда его предшественникъ. Сочиненіемъ мистера Гама восхищались до такой степени и притомъ такія особы, которыхъ вкусъ и званіе были одинаково возвышенны, такъ что всѣ британцы не могли не присоединиться къ рукоплесканіямъ, которымъ августѣйшія руки подали сигналъ. Таково, говорятъ, было мнѣніе лучшаго общества и образованнѣйшихъ людей въ столицѣ. Да чего больше, знаменитый мистеръ Грэй говорилъ, то въ теченіе столѣтія драматической слогъ не достигалъ еще такого совершенства; а что касается до родной столицы поэта, Единбурга, гдѣ пьеса въ первый разъ явилась на сценѣ, то восторженные шотландцы единодушно кричали: куда тянуться за нимъ Виллю Шекспиру?

— Желалъ бы я видѣть челоуѣка, который могъ превзойти Шекспира, съ усмѣшкой сказалъ генераль.

— Это, просто, народное предубѣжденіе, возразилъ мистеръ Варрингтонъ,

— Превзойти Шекспира! вскричала мистриссъ Ламбертъ.

— Ха, ха! да ты, мой другъ, гораздо больше плакала надъ Ричардсономъ, чѣмъ надъ Шекспиромъ, произнесъ генераль. — Я думаю, очень немногія женщины любятъ читать Шекспира. Хотя онъ и говорятъ, что любятъ, но никогда его не читаютъ.

— Пана, какъ это можно? вскричали три лэди, поднявъ кверху три пары рукъ.

— Отчего же вы отдаете преимущество «Дугласу»? И вы, юноши, вы такіе торіи, — неужели вы отправитесь смотрѣть пьесу, написанную шотландскимъ вигомъ, который въ Фолкиркѣ, какъ плѣнникъ, сидѣлъ въ тюрьмѣ?

— *Relicta non bene parmula*, замѣтилъ студентъ.

— Напротивъ; это было *relicta bene parmula*, сказалъ генераль. Шотландцы бросили тогда шты и произвели страшное опустошеніе въ нашихъ рядахъ. Еслибъ они все время сражались, какъ на этомъ полѣ, и еслибъ Перкинъ не бѣжалъ отъ Дерби...

— Тогда я знаю, чья сторона оказалась бы возмутительною и кто провозглашенъ былъ бы королемъ, возразилъ Джоржъ.

— Тс! прошу васъ, мистеръ Варингтонъ, вспомнить о моемъ мундирѣ, съ нѣкоторою суровостью сказалъ генераль: — кокарда, которую ношу я — черная, а не бѣлая! Если вы не полюбите мистера Гама за его политическія мнѣнія, то есть другая причина, по которой вы должны полюбить его.

— Мистеръ Ламбертъ, по образу мыслей, я дѣйствительно принадлежу къ торіямъ; но повѣрьте, что я умѣю любить и почитать хорошаго вига, произнесъ Джоржъ, кланяясь генералу:—однако, скажите, сэръ, почему же я долженъ полюбить этого мистера Гама?

— Потому что онъ, будучи пресвитеріанскимъ священникомъ, совершилъ страшное преступленіе, написавъ театральную пьесу; пресвитеріанское духовенство исключило его изъ своей среды и отняло у него всѣ средства къ существованію. Онъ умеръ бы съ голоду, еслибъ правительство не назначило ему пенсіи.

— Если только его преслѣдуетъ духовенство, то еще для него не все потеряно, сказалъ Джоржъ улыбаясь. Отнынѣ я объявляю себя преданнымъ слушателемъ его проповѣдей.

— Мистриссъ Вoffингтонъ говоритъ ихъ превосходно, хотя въ трагедіи бываетъ не совсѣмъ хороша. Барри невольно вызываетъ у всѣхъ слезы; Гаррикъ бѣсится, что отказался отъ этой пьесы. Дѣти, вы должны взять съ собой по крайней мѣрѣ полдюжину платковъ! Что касается до мамы, то я не ручаюсь за нее: ей непременно слѣдуетъ остаться дома.

Но мама непременно хотѣла ѣхать, увѣряя, что если понадобится плакать, то сядетъ въ уголокъ и поплачетъ втихомолку. Послѣ этого всѣ отправились въ Ковентгарденскій театръ; большая часть вполнѣ приготовилась посмотрѣть знаменитое драматическое произведеніе. А давно ли они всѣ съ увлеченіемъ говорили о Конгревѣ; давно ли плакали и одушевлялись надъ страницами Отвеса и Роу? Литературныя знаменитости, которымъ должно бы быть вѣчными, какъ давно вы умерли для свѣта! Знаетъ ли теперь кто нибудь, гдѣ находятся ваши могилы? Бѣдная, забытая муза былаго театра! Она играетъ на свирѣли, а мы не хотимъ и поплясать; она рветъ на себѣ волосы, а мы не хотимъ и поплакать. Безсмертные нашего времени, скоро и они умрутъ и будутъ погребены. Надолго ли сохранится о нихъ память? Много ли пройдетъ времени, прежде чѣмъ распространится надъ ними *pox et domus Plutonia*?

Итакъ, наше маленькое общество отправилось въ Ковентгарденскій театръ смотрѣть трагедію безсмертнаго Джона Гама. Дамы и генералъ поѣхали въ каретѣ; молодые люди ждали ихъ у театральнаго подъѣзда. Отсюда дамы, склоняясь на руки кавалеровъ, прошли сквозь толпу факельщиковъ и цѣлый полкъ лакеевъ. Въ этой экспедиціи маленькая Гетти взяла руку Гарри, а Джоржъ велъ до ложи миссъ Тео. Гумбо занималъ ложу до прибытія господъ, и потомъ со множествомъ поклоновъ удалился, чтобъ занять свое собственное мѣсто въ лакейской галлерей. Ламберты и Варрингтоны имѣли прекрасныя мѣста въ передовой ложѣ, въ которой находился

столбъ,—какъ будто нарочно для того, чтобъ доставить мама возможность поплакать. Они имѣли счастье видѣть въ противоположной ложѣ августѣйшую надежду государства, его королевское высочество Георга принца Валлійскаго, съ вдовствующей принцессой, его матерью, которую народъ привѣтствовалъ вѣрноподданническимъ, но не очень громкимъ, рукоплесканіемъ. Позади его высочества стоялъ красивый мужчина; это былъ милордъ Бьютъ, покровитель поэта, пьесу котораго они пріѣхали смотрѣть и слушая которую, они не разъ уже плакали.

Но что станешь тутъ дѣлать, если во время всего представленія мистеръ Ламбертъ безпрестанно шутилъ и тѣмъ уничтожалъ торжественность сцены! Съ самаго пачала, какъ уже принято въ трагедіяхъ, шли объясненія. Лэди Рандольфъ объяснила, отчего она такъ печальна. Вышедъ за мужъ въ поздней порѣ жизни, она признавалась,—да милордъ и самъ замѣчалъ,—что покойный мужъ занималъ ея сердце, и живой ея мужъ принужденъ былъ довольствоваться холоднымъ, чорствымъ уваженіемъ, составляющимъ все, что только милэди могла ему оказывать. Отсюда нашествіе датчанъ на Шотландію служить для милорда скорѣе поводомъ къ одушевленію, чѣмъ къ негодованію: онъ стремится встрѣтить врага и забываетъ домашнее горе. Идите.—сѣверныя бури, идите Викинги и Норманы.—несите къ берегамъ Шотландіи лэди незваныхъ гостей! Рандольфъ и другіе герои спѣшатъ на морской берегъ встрѣтить враговъ. Какъ скоро милордъ скрылся въ чащѣ лѣса, лэди Рандольфъ начинаетъ рассказывать подругѣ обстоятельства своей ранней жизни. Она была тайно обвинена, и что сказала бы ея подруга, при вѣсти, что лэди Рандольфъ, въ дни своей юности, лишилась обожаемаго мужа? Мужъ ея зарытъ въ холодной землѣ, а гдѣ-то въ пещерѣ на берегу океана лежалъ ея и его дитя....

Тутъ генералъ и его молодые собесѣдники приняли серьезный видъ; но когда лэди Рандольфъ достигла того мѣста, гдѣ говорится: «увы! наслѣдственная преступная любовь была причиною всѣхъ моихъ несчастій!» мистеръ Ламбертъ толкнулъ подъ локоть Джоржа и сдѣлалъ такую плачевную гримасу, что молодой человѣкъ разохотался.

Послѣ этого магическое вліяніе сцены было совершенно нарушено. Оба джентльмена, въ теченіе всего представленія, продолжали шутить и смѣяться къ своему собственному удовольствію, но къ досадѣ своего общества и, можетъ быть, людей въ сосѣднихъ ложахъ. Костюмъ молодаго Дугласа состоялъ изъ бѣлаго атласнаго плаща, и когда мистеръ Барри показался на сценѣ въ этомъ забавномъ нарядѣ, генералъ клятвенно утверждалъ, что точно также бы-

ли одѣты шотландцы и въ послѣднюю войну. У всѣхъ кавалергардовъ, говорилъ онъ, надѣты были бѣлые атласные панталоны и красные сапоги... «только теперь они оставили ихъ дома». Съ этой минуты ни генералъ, ни Джоржъ не позволяли пьесѣ мистера Гама выказать свои прекрасныя достоинства. Что касается Гарри, то онъ сидѣлъ въ глубокомъ уныніи, и когда мистриссъ Ламбертъ спросила о причинѣ такого настроенія духа, онъ отвѣчалъ, что, по его мнѣнію, молодой Норваль Дугласъ, или все равно какъ бы не называли этого господина въ бѣломъ атласѣ казавшагося старше своей матери,—былъ очень счастливъ, имѣя возможность отличить себя такъ скоро.

— Я бы желалъ имѣть подобный случай, тетушка Ламбертъ, говорилъ онъ, барабани пальцами по доньшкѣ шляпы.

Тетушка Ламбертъ вздохнула, а миссъ Тео улыбаясь сказала:

— Надо подождать: быть можетъ датчане снова сдѣлаютъ высадку.

— Какъ! что вы говорите? спросилъ простосердечный Гарри.

— Что датчане постоянно дѣлаютъ высадки, *pour qui sait attendre*, — сказала добрая Тео, державшая въ эту минуту маленькую ручку сестры своей и, конечно, чувствовавшая ея пожатіе.

Въ отношеніи къ мистеру Джоржу, миссъ Тео была не очень внимательна, напротивъ,—даже нѣсколько холодна. Она сидѣла, отвернувшись отъ него и обращаясь отъ времени до времени съ замѣчаніями не къ нему, а къ Гарри. Несмотря на насмѣшки джентльменовъ, женщины непременно хотѣли быть тронутыми. Да и то сказать, — мать и сынъ, встрѣча съ любовію и слезная разлука,—такія сцены въ женскихъ сердцахъ всегда будутъ производить волненіе.

— Пана, посмотрите! вотъ вамъ отвѣтъ на всѣ ваши шутки и насмѣшки! сказала Тео, указывая на сцену.

Во время разговора лэди Рандольфъ съ ея сыномъ, одинъ изъ гренадеровъ, стоявшихъ на часахъ по обѣ стороны сцены, какъ это водилось въ то время, не могъ удержаться отъ слезъ и явно плакалъ передъ бортомъ крайней ложи.

— Правда твоя, моя милая, сказалъ папа.

— Я вамъ говорила, что у ней всегда правда! возразила Гетти.

— Этотъ часовой лучше всякаго критика; врожденное чувство всегда беретъ верхъ надъ всѣми нами.

— *Tamen usque recurrit!* — воскликнулъ молодой студентъ.

Джоржъ сконфузился; пьеса начинала его интересоваться. Онъ смѣялся надъ ней, а Тео сочувствовала ей отъ всего сердца. Тео была чувствительнѣе, и вмѣстѣ съ тѣмъ благоразумнѣе, чѣмъ Джоржъ съ его скептицизмомъ. Несмотря на то при началѣ пятого

акта, когда молодой Дугласть, обнаживъ мечъ и устремивъ глаза на галерею, заревѣлъ:

«О прекрасныя звѣзды! блистательное украшеніе высокихъ небесъ! Вы, предъ которыми я такъ часто жаловался на свою судьбу, вземлите всегдашнему желанію души моей и повѣдайте его! Дайте мнѣ возможность прославиться, живому или мертвому! Пусть небо воодушевитъ какого нибудь свирѣпаго гиганта—нормана сдѣлать дерзкій вызовъ нашей храброй дружинѣ! Не успѣетъ онъ проговорить, какъ я приму его... Все равно, — останется Дугласть побѣдителемъ или ляжетъ въ могилу».

Боги, къ которымъ мистеръ Барри обращался, привѣтствовали это желаніе оглушительнымъ рукоплесканіемъ; къ всеобщему аплодисменту присоединился даже самъ генераль.

— Этотъ Дугласть не только храбръ, но и скромень! сказалъ генераль.

— Мнѣ кажется, ему вовсе не нужно было просить гиганта—нормана, улыбаясь возразила Тео, въ то время, когда среди грома, раздававшегося въ галереѣ, вышла на сцену лэди Рандольфъ.

Когда рукоплесканія нѣсколько затихли и когда лэди Рандольфъ произнесла:

«Мой сынъ! — я слышу его голоса!»

— Какъ не услышать! вскричалъ папа. — Этотъ молодецъ реветъ, какъ быкъ.

Съ этой минуты и до конца представленія генераль рѣшительно не хотѣлъ удержаться отъ насмѣшекъ. Онъ говорилъ, что отъ души радовался, когда молодого джентльмена убили за кулисами. — А когда подруга лэди Рандольфъ описывала сцену, гдѣ милэди «какъ молнія взлетѣла на скалу и оттуда бросилась въ воздухъ» мистеръ Ламбертъ замѣтилъ, что онъ въ восторгѣ, отдѣлавшись отъ нея навсегда.

— А что касается до исторій о ея раннемъ замужествѣ, продолжалъ онъ: — то я сильно въ этомъ сомнѣваюсь.

— Какъ тебѣ не стыдно, Мартинъ! Вѣдь здѣсь сидятъ дѣти! — Ихъ королевскія высочества — очень растроганы.

Трагедія кончилась; вдовствующая принцесса и принцъ удалились; послѣдній, я полагаю, гораздо болѣе остался бы доволенъ какимъ нибудь водевилемъ, нежели скучнымъ трагическимъ произведеніемъ мистера Гама.

ГЛАВА XII,

ВЪ КОТОРОЙ ГОВОРИТСЯ О МАКБЕТЪ, ОБЪ УЖИНѢ И РЫБНОМЪ
БЛЮДѢ.

Послѣ театра наши друзья взяли карету и отправились въ квартиру мистера Варрингтона, гдѣ виргинцы приготовили превосходный ужинъ. Мистеръ Варрингтонъ непремѣнно желалъ угостить ихъ; генералъ и жена его охотно приняли приглашеніе двухъ холостяковъ, полагая съ самодовольствіемъ, что доставятъ друзьямъ своимъ особенное удовольствіе. Генералъ, его жена, сынъ-студентъ, двѣ хорошенькія дочери и мистеръ Спенсеръ изъ Темпля, съ которымъ Джоржъ познакомился въ клубѣ, — составляли общество и весело уничтожали ужинъ. Порядокъ, въ которомъ они сидѣли, я не могъ узнать съ точностью, но надо полагать, что миссъ Тео занимала мѣсто противъ блюда цыплятъ и подлѣ мистера Джоржа Варрингтона, — между тѣмъ какъ миссъ Гетти и окорокъ обращали на себя вниманіе мистера Гарри. Мистриссъ Ламбертъ вѣроятно сидѣла по правую руку Джоржа; за тѣмъ остальные три мѣста не трудно уже распределить между генераломъ, его сыномъ и адвокатомъ.

Мистеръ Спенсеръ былъ въ другомъ театрѣ. Разговоръ, разумеется, происходилъ о театрѣ, и нѣкоторые изъ общества были отъ него въ восхищеніи.

— Что касается до нашихъ джентльменовъ, сэръ, сказала мистриссъ Ламбертъ, обращаясь къ мистеру Спенсеру: — то вы, пожалуйста, не вѣрьте имъ ни въ одномъ словѣ. Въ теченіе этой очаровательной пьесы мой мужъ и мистеръ Джоржъ вели себя какъ нельзя хуже.

— Мы смѣялись въ то время, когда нужно было плакать, сознавался генералъ: — дѣйствительно, это правда.

— Вы обращали на себя вниманіе сосѣднихъ ложъ, изъ которыхъ безпрестанно заставляли васъ молчать! Изъ партера прямо кричали въ нашу ложу: молчать! — Что можетъ быть хуже такого поведения? Какъ вамъ не стыдно, мистеръ Ламбертъ!

— Мама принимала пьесу за трагедію, а мы — за водевиль, говорилъ генералъ. — Нѣтъ; Джоржъ и я вели себя довольно порядочно: — не правда ли, Тео?

— Этого я не замѣтила, папа, сказала Тео.

— Скажите пожалуйста! — видали ли вы такую негодную?

— Папа, вы знаете, что я до тѣхъ поръ не говорю, пока мнѣ не прикажутъ, скромно продолжала Тео. — Признаюсь, красота и

игра мистриссъ Ваффингтонъ и самая пьеса произвели на меня глубокое впечатлѣніе. Мнѣ больно было видѣть несчастную мать, которая находитъ потеряннаго сына и потомъ лишается его вдругъ и навсегда. Мнѣ жаль ее, папа.... если даже жалѣть ее и не слѣдуетъ, — съ улыбкой прибавляетъ молоденькая лэди.

— Ахъ, Тео, — вѣдь женщины не бываютъ такъ умны, какъ мужчины! — вскричала Гетти съ своего конца стола, бросивъ лукавый взглядъ на Гарри. Въ слѣдующій разъ, когда мы поѣдемъ въ театръ, — пожалуйста, Дженъ, уцѣпи насъ, когда надо плакать, или толкни, когда надо смѣяться.

— Я бы желалъ, чтобы въ этой пьесѣ была еще драка, сказалъ генераль Ламбертъ: — драка между маленькимъ Норвалемъ и гигантомъ норвежцемъ, — это было бы отлично. Дженъ, напони объ этомъ режисеру, мистеру Ричу.

— Я не видѣлъ тутъ драки; но видѣлъ, какъ дрались въ Мэрибонскомъ саду Слэкъ и Брэфтонъ! — серьезно возразилъ Гарри и воображилъ, что сказалъ очень умную вещь. — Тутъ, — прибавилъ онъ, — вовсе не нужно гиганта, для того, чтобы сбить съ ногъ этого маленькаго человѣчка въ красныхъ сапогахъ.... Я бы его швырнулъ черезъ плечо.

— Мистеръ Гаррикъ — человѣчекъ маленькій; но бываетъ время, когда онъ кажется гигантомъ, замѣтилъ мистеръ Спенсеръ. Какъ величественъ онъ былъ въ Макбетъ, мистеръ Варрингтонъ! — Какая страшная, потрясающая душу сцена, когда является кинжалъ! Я представилъ мистера Варрингтона мистеру Гаррику и мистриссъ Питчардъ; лэди Макбетъ сдѣлала ему честь, взявъ изъ его ложки щепотку табаку.

— И что же, чихнула ли она хоть разъ? спросилъ генераль почтительнымъ тономъ.

— Она поблагодарила мистера Варрингтона такимъ громкимъ и трагическимъ голосомъ, что онъ невольно отступилъ назадъ и долженъ былъ просыпать немного своего табаку, потому что Макбетъ чихнула три раза.

— Макбетъ, Макбетъ, Макбетъ! воскликнулъ генераль.

— При этомъ великій нашъ философъ, мистеръ Джонсонъ, разговаривавшій, съ тремя сиренами, замѣтилъ ей: — осторожиѣе, Дэви! смотри, чтобы чиханье твое не разбудило Дункана!

— Неужели вы были за кулисами во время представленія! О я бы отдала весь свѣтъ за то, чтобы побывать за сценой! сказала Тео.

— И посмотрѣть на блокъ съ веревками, понюхать копотъ сальныхъ свѣчей, полюбоваться мишурой, блестящими и нарумяненными женщинами? Нѣтъ, не совѣтую смотрѣть на это слишкомъ близко,

сказалъ молодой скептикъ, съ угрюмымъ видомъ выпивая рюмку рейнвейна. — Такъ вы сердились на вашего папа и на меня?

— Неправда, Джоржъ!

— Неправда? А я говорю — правда. Вы сердились на насъ потому, что мы смѣялись, въ то время, когда вы расположены были плакать. Если я могу говорить за васъ, сэръ, какъ за себя, продолжалъ Джоржъ, обращаясь къ генералу: то, мнѣ кажется, мы потому не хотѣли плакать, что нѣкоторымъ образомъ стояли за кулисами. Посмотрѣвъ попристальнѣе на молодаго героя, мы видѣли, какъ много было на немъ мишурнаго блеска; — а что касается до его блѣдной, трагической матери, то мы знали, что блѣдностью своей она обязана была мѣлу, а своею горестью и отчаяніемъ — носовому платку. Признайтесь теперь, Тео, что вы сочли меня за человѣка равнодушнаго, нечувствительнаго?

— Мое признаніе не послужитъ ни къ чему, если вы сами находите въ себѣ эти качества, сказала Тео.

— Положимъ, что я умеръ, продолжалъ Джоржъ: — и вы увидѣли бы Гарри въ глубокой печали, увидѣли бы неподдѣльную горестъ, настоящую трагедію; вы бы тоже стали сокрушаться; но, увидѣвъ факельщика въ плерезахъ и черномъ плащѣ, вы бы вѣрно не стали горевать.

— Извините, сэръ, — я бы стала! сказала мистриссъ Ламбертъ: — стали бы и мои дочери, въ этомъ я могу поручиться.

— Мало того, въ случаѣ вашей смерти, мистеръ Варрингтонъ, мы бы сами надѣли плерезы, произнесла Тео.

— Въ самомъ дѣлѣ! вскричалъ Джоржъ, и его щеки и щечки Тео въ одинъ и тотъ же моментъ покрылись яркимъ румянцемъ, — полагаю потому, что на обоихъ ихъ пристально смотрѣли свѣтлые глазки миссъ Гетти.

— Старинные писатели мало имѣли понятія о паѳосѣ! замѣтилъ мистеръ Спенсеръ.

— А что вы думаете о Софоклѣ и его Антигонѣ? спросилъ мистеръ Джонъ Ламбертъ.

— Правду вамъ сказать, мы мало о немъ думаемъ, и только тогда вспоминаемъ, когда явится какой нибудь Оксфордскій джентльменъ и напомнитъ о немъ. Съ своей стороны, я никогда не заходилъ дальше Шекспира, который, вы сами согласитесь, не понималъ изящнаго и патетичнаго такъ хорошо, какъ новѣйшіе писатели. Скажите, приближался ли онъ къ Белвидерѣ, Мониминъ, или Джентъ Шоръ? — можете ли вы найти въ его комическихъ женскихъ роляхъ изящество Конгрева?... И мистеръ Спенсеръ предложилъ табаку направо и налево.

— Надо полагать, что мистеръ Спенсеръ самъ дѣлалъ попытку написать что нибудь для сцены, замѣтилъ кто-то.

— Ее дѣлали многіе джентльмены, у которыхъ есть свободное время. Моя пьеса, признаюсь, была у мистера Гаррика, и онъ возвратилъ ее.

— Признаюсь и я, что въ одномъ изъ моихъ чемодановъ лежитъ четыре акта пьесы моего сочиненія, сказалъ Джоржъ.

— И я увѣренъ, что лучше ея не появлялось на сценѣ, прошепталъ Гарри своей хорошенькой сосѣдкѣ.

— Скажите — это трагедія или комедія? спросила мистриссъ Ламбертъ.

— О, конечно трагедія, и въ ней по крайней мѣрѣ три ужасныхъ смертоубійства! отвѣчалъ Джоржъ.

— Давайте—разыграемте ее, зрителями мы будемъ сами! — Только чтобы мнѣ была роль какого нибудь деспота, сказалъ генераль.

— Трагедія, трагедія! Какая прелесть! Гумбо! Сію минуту принеси сюда трагедію! вскричала мистриссъ Ламбертъ.

Гумбо кланяется и говоритъ:

— Трагедію? — слушаю, мадамъ.

— Въ большомъ кожаномъ чемоданѣ, Гумбо, говоритъ Джоржъ серьезнымъ тономъ.

Гумбо кланяется и еще съ болѣею серьезностью говоритъ: слушаю, сэръ.

— Но моя трагедія на самомъ днѣ чемодана, милая Гетти, подъ грудой бѣлья, свертковъ, книгъ и сапоговъ.

— Это ничего не значитъ, — все это сейчасъ за окно! вскричала миссъ Гетти.

— Притомъ же чемоданъ этотъ у нашего Бристольскаго агента: поэтому Гумбо долженъ взять почтовыхъ лошадей и мы получимъ ее не ранѣе какъ послѣ завтра.

Лэди произнесли комическое — о! — а папа довольно серьезно сказалъ:

— И слава Богу, что такъ случилось! Пора отправляться домой. Молодые джентльмены угостили насъ превосходно, выпьемте же всѣ прощальный бокалъ за здоровье мадамъ Эсмондъ Варрингтонъ изъ Кастльвуда, въ Виргиніи. Ну что, друзья мои, если вы воротитесь домой и вдругъ найдете у себя высокаго, виднаго красиваго отчима? Другая лэди на ея мѣстѣ и въ ея лѣтахъ давно бы вышла за мужъ.

— За здоровье мадамъ Эсмондъ Варрингтонъ, моей школьной подруги! восклицаетъ мистриссъ Ламбертъ. Я напишу ей, какой славный ужинъ дали намъ ея сыновья; но не бойтесь, мистеръ Джоржъ, — не скажу, какъ дурно вели вы себя въ театрѣ.

Послѣ этого тоста гости простились. Карета генерала, лакей и факель стояли у подъѣзда, готовые отвезти его семейство домой.

Послѣ такой пирушки, какую задалъ мистеръ Варрингтонъ, что могло быть естественнѣе и приличнѣе визита съ его стороны къ вчерашнимъ гостямъ и освѣдомленія о томъ, хорошо ли они доѣхали и спокойно ли провели ночь? — Каретѣ ихъ предстояло проѣхать открытое пространство позади дома Монтэю, по Оксфордской дорогѣ, гдѣ въ поляхъ нерѣдко встрѣчались разбойники. Лэди могли простудиться и провести безпокойную ночь, особливо послѣ волненія, произведеннаго трагедіей. Словомъ—не было ни малѣйшей причины, которая бы не извиняла его или ихъ за посѣщеніе добрыхъ друзей. Джоржъ рано закрылъ свои книги въ музеумѣ Слоанъ и по дорогѣ къ Ламбертамъ старался припомнить прочитанное въ нихъ.

Скажите пожалуйста, что значитъ это нетерпѣніе, эта нерѣшимость, эта скромность, эти сомнѣнія, этотъ трепетъ во всемъ тѣлѣ, когда Джоржъ стучитъ въ дверь квартиры мистера Ламберта, въ улицѣ Динъ, и съ головы до ногъ осматриваетъ лакея, выбѣжавшаго на его призывъ? Случалось ли читать молодому человѣку, случалось ли вспоминать старому, случалось ли сердцу, удрученному скорбью, избитому житейскими невзгодами, разочарованному, охлаждѣвшему, вспоминать время полного своего бѣнія и трепета въ ранніе годы? — Вѣдь прошло, кажется, нѣсколько сотъ лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ мы были молоды;—мы забыли многое, но не все. Нѣтъ, мадамъ, мы помнимъ многое, и очень хорошо. Устарѣлые, изнуренные кони пущены на подножный кормъ; — но если раздастся звукъ трубы, мы еще въ состояніи будемъ перекинуть черезъ сѣдло свои старыя ноги и прогалопировать нѣсколько минутъ по звѣринцу. Клоуны теперь меня не занимаютъ, театральныя феи представляютъ мнѣ безобразными, ихъ игра несносна; вмѣсто того я люблю смотрѣть на дѣтей въ пантомимѣ. Я уже больше не танцую и не ужинаяю, но люблю смотрѣть на Евгенія и Флиртиллу, когда они несутся по паркету подъ звуки хорошенькаго вальса, или на Люцинду и Ардентія, когда они разрываютъ шутиху. — Дѣти! вы обожжете себя пальчики! — Бросайте лучше изъ глазъ своихъ другъ на друга спокойное, безвредное пламя! И потомъ приблизьтесь другъ къ другу и читайте девизъ (этотъ соблазнительный девизъ, всегда старинный, всегда новый) или вѣриѣе, пусть ея губки читаютъ этотъ девизъ, а не слагаютъ; раздѣлите это лакомство и грызите его. У меня нѣтъ зубовъ. Горькій миндаль и сахаръ не имѣютъ для меня никакого вкуса; конфекты еще нравятся, потому что я могу ихъ сосать.

Мы поднимаемся за Джономъ на лѣстницу и входимъ въ комнаты генерала, вмѣстѣ съ мистеромъ Джоржемъ Варрингтономъ, который дѣлаетъ низкій, почтительный поклонъ. Въ комнатѣ одна только лѣди: она сидитъ у окна. Въ улицѣ Динъ рѣдко показывается солнце; малоденькую лѣди нельзя назвать красавицей, но она въ веснѣ своихъ лѣтъ и цвѣтетъ роскошно. Ея полныя щеки представляютъ букетъ свѣжихъ розъ; ея глаза — настоящія фіалки. Еслибъ мы жили сто лѣтъ назадъ и писали въ Лондонскій журналъ или въ журналъ Джентльменовъ, мы бы сказали, что ея шея была, какъ лилія, и станъ ея — какъ станъ нимфы; мы бы написали акростихъ о ней и воспѣли бы нашу Ламбертеллу въ элегантной поэмѣ, которую стали бы читать, даже и въ такомъ случаѣ, если бы она была помѣщена между чисто награвированными планами города Праги и лагеремъ короля прусскаго, или между картами штатовъ Мэриленда и Делавера.

Этотъ цвѣтокъ, эта роза — миссъ Тео. Къ чему это мамѣ съ часъ тому назадъ увѣрила, что миссъ Тео очень блѣдна и утомлена и что ей лучше остаться дома? Мистриссъ Ламбертъ и миссъ Гетти поѣхали съ визитомъ къ милэди Ротамъ поблагодарить за домъ, въ которомъ онѣ жили во время отсутствія милорда и его семейства; папа отправился въ полкъ. Онъ въ прекрасномъ расположеніи, потому, мнѣ кажется, что ждетъ командировку, — за то мама въ глубокомъ уныніи; она боится, что его опять отправятъ за границу.

— Вашъ братъ и мой пошли въ Шартро навѣстить нашего маленькаго брата. Оба мои брата, кажется, будутъ священниками, говорить миссъ Тео... Во время разговора она прилежно занималась шитьемъ какого-то дѣтскаго платья. Сто лѣтъ назадъ молоденькія лѣди не боялись шить бѣлье и называть сорочки и другія принадлежности бѣлья настоящими именами. Замѣтьте впрочемъ, если онѣ шили бѣлье и говорили проще нынѣшняго, это еще не значитъ, что онѣ были хуже или лучше; у меня нѣтъ ни малѣйшаго желанія, чтобы вы, прекрасная милэди, стряпали пудлинги, а я ваксилъ сапоги.

— Значить, Гарри былъ уже здѣсь?

— Онъ у насъ часто бываетъ, — почти каждый день, отвѣчала Тео, взглянувъ въ лицо Джоржа. Бѣдный Гарри! Онъ любитъ насъ больше, чѣмъ этихъ великосвѣтскихъ людей, которые о немъ теперь и не думаютъ. Впрочемъ теперь онъ и самъ уже болѣе не великосвѣтскій человѣкъ, улыбаясь прибавила дѣвочка. — Отчего вы, мистеръ Варрингтонъ, не вступаете въ большой свѣтъ, не посѣщаете клубовъ и конскихъ скачекъ?

— А много ли пользы получилъ мой братъ отъ этихъ посѣщеній? слѣдуетъ ли мнѣ подражать ему?

— По крайней мѣрѣ вы бы могли ѣздить къ сэръ Майльзу Варрингтону: тамъ для васъ всегда открыты объятія. Милэди сегодня была здѣсь, и надо было послушать, какъ она васъ хвалитъ. Она говоритъ, что со временемъ вы будете замѣчательнымъ человѣкомъ. Герцогъ тоже очень хвалитъ васъ при дворѣ. Когда вы сдѣлаетесь великимъ человѣкомъ, вы насъ забудете, мистеръ Варрингтонъ?

— Да, когда буду великимъ человѣкомъ, миссъ Ламбертъ.

— Прекрасно! Поэтому, мистеръ Джоржъ....

— *Мистеръ Джоржъ!*

— Еслибъ папа и мама были дома, тогда можно бы обойтись и безъ этого слова, сказала Тео, посмотрѣвъ изъ окна въ нѣкоторомъ смущеніи. Скажите пожалуйста, что вы дѣлаете дома? Читаете книги или донисываете вашу трагедію? Въ какомъ родѣ будетъ ваша трагедія: заставитъ ли она насъ плакать? — такія трагедіи намъ нравятся, — или же только напугаетъ насъ, — какъ это нравится вамъ?

— Въ моей трагедіи много ужаснаго, но мало плачевнаго. Я встрѣчался съ немногими женщинами, да и съ тѣми никогда не былъ въ близкихъ отношеніяхъ. То, что я написалъ, заимствовано мною изъ книгъ или пародировано изъ поэмъ, которыя читалъ и которымъ подражалъ, подобно другимъ молодымъ людямъ. Женщины не говорятъ со мной потому будто бы, что у меня саркастическій характеръ, который имъ не нравится.

— Можетъ быть, вы сами не хотѣли нравиться имъ? сказала миссъ Тео и покраснѣла.

— Вчера вечеромъ я и вамъ не правился; не правда ли?

— Да, но это выраженіе невѣрно; я послѣ убѣдилась, что сама была неправа.

— Тео, неужели вы думали о мнѣ?

— Да, Джоржъ.... то есть мистеръ.... ну все равно, Джоржъ. Я думала, что относительно вчерашняго спектакля вы и папа были совершенно правы; вы правду сказали, что это не была дѣйствительная скорбь, а только чувство, насъ волновавшее. Не знаю, хорошо или худо видѣть такъ ясно? Гетти и я условились быть на будущее время осторожныѣе, особливо когда пойдетъ ваша трагедія! Какое ей имя?

— Оно еще не дано. Не хотите ли быть ея восприѣмницею? Имя главнаго лица....

Въ эту самую минуту мамà и Гетти возвратились съ прогулки. Мама прямо начала съ того, что вовсе не ожидала видѣть сегодня мистера Варрингтона... полагала впрочемъ, что можетъ быть ему и вздумается придти... во всякомъ случаѣ онъ прекрасно сдѣлалъ, что

пожаловалъ... Вчерашній спектакль и ужинъ были очаровательны, только Тео чувствовала по утру маленькую головную боль.

— Надѣюсь, ей теперь гораздо лучше, мама, — сказала миссъ Гетти.

— Ахъ, душа моя, у меня рѣшительно ничего не болѣло, возразила миссъ Тео, покачавъ головой.

Послѣ этого начался разговоръ о Гарри. Онъ очень печаленъ. Ему нужно чѣмъ нибудь заняться. Онъ постоянно ходитъ въ военный клубъ и читаетъ бюллетени о подвигахъ прусскаго короля. Послѣ низведенія его на степень младшаго брата, нехорошо принуждать его оставаться въ Лондонѣ. Онъ не говоритъ, но видно, что очень сожалѣетъ о своей бесполезной прежней жизни; чувствуетъ свою зависимость, — это тоже очевидно, потому что онъ избѣгаетъ прежнихъ клубовъ и прежнихъ товарищей. Однажды, проходя мимо часоваго у сентджемскаго дворца, онъ сказалъ Джону Ламберту:

— Почему бы и мнѣ не быть солдатомъ? Я такой же рослый, какъ и этотъ молодецъ; и право, не хуже другаго умѣю стрѣлять. А что такое я теперь? Не умѣю заработать полшиллинга въ день. Промоталъ свое состояніе, и теперь долженъ кормиться хлѣбомъ моего брата. Конечно, такого брата не найдешь во всемъ мірѣ, но тѣмъ болѣе мнѣ стыдно жить на его счетъ. Ты только, пожалуйста, Джонъ Ламбертъ, не говори объ этомъ Джоржу... И мой сынъ общалъ не говорить, прибавила мистриссъ Ламбертъ.

Въ это время дочерей ея уже не было въ комнатѣ. Съ своей стороны Джоржъ объяснялъ, что онъ писалъ матери, чтобы половина его наслѣдственнаго капитала, а если нужно, то и другая, были отданы въ распоряженіе Гарри, на покупку военного патента или на какой либо другой проэктъ, который могъ бы доставить ему занятіе или повышеніе.

— У него прекрасный братъ. Будемъ надѣяться, что и для него настанутъ хорошія времена, — сказала лэди, вздохнувъ.

— Норманы всегда приходятъ *pour qui sait attendre*, — сказалъ Джоржъ въ полголоса.

— Неужели вы это слышали? Ахъ, Джоржъ, моя Тео настоящій ангелъ.... Впрочемъ, къ чему вамъ говорить объ этомъ, мистеръ Варрингтонъ, — произнесла довольная мать, съ глазами, полными слезъ. — Я опять расплакалась; точно въ трагедіи.

Между тѣмъ мистеръ Джоржъ составлялъ прекрасный планъ, который, по его мнѣнію, могъ послужить въ пользу его брата. Послѣ представленія Джоржа королю, многіе, включая и генерала Ламберта, говорили ему, что герцогъ освѣдомлялся о немъ и спрашивалъ, почему молодой человѣкъ не представился ему? Такое желаніе цар-

ственной особы необходимо нужно было удовлетворить. Мистеръ Ламбертъ и его молодой другъ выбрали день и отправились къ его королевскому высочеству въ его домъ, въ улицѣ Поль-Моль.

Когда дошла до Джоржа очередь откланиваться, герцогъ былъ къ нему особенно милостивъ; онъ довольно долго говорилъ съ Джоржемъ о Брэддокѣ и войнѣ и повидимому былъ очень доволенъ скромными и умными отвѣтами молодого джентльмена. Джоржъ приписывалъ неудачу экспедиціи паническому страху, овладѣвшему войсками послѣ внезапнаго нападенія непріятеля, а всего болѣе позднему выступленію въ походъ, происшедшему вслѣдствіе алчности, самолюбія и неблаговидныхъ поступковъ туземныхъ жителей съ королевскими войсками, пришедшими къ нимъ на защиту.

— Еслибъ мы выступили въ походъ мѣсяцемъ раньше, крѣпость была бы наша, и маленькая армія не потерпѣла бы такого страшнаго пораженія.

Герцогъ вполне согласился съ этимъ замѣчаніемъ.

— Я слышалъ, что вы спаслись потому только, что знали французскій языкъ, ласково замѣтилъ герцогъ.

Мистеръ Варрингтонъ скромно отвѣчалъ, что въ молодости имѣлъ случай быть во французскихъ колоніяхъ и тамъ выучился этому языку.

Принцъ (чрезвычайно любезный, когда находился въ хорошемъ расположеніи, и обладавшій значительнымъ юморомъ) удостоилъ спросить, кто училъ мистера Варрингтона, и выразить свое мнѣніе, что относительно произношенія, французенки лучше всякихъ учителей.

Молодой виргинецъ низко поклонился и сказалъ, что не смѣетъ противорѣчить его королевскому высочеству; при этомъ герцогъ былъ такъ добръ, что назвалъ, (разумѣется шутя) мистера Варрингтона «хитрой собакой.»

Мистеръ Варрингтонъ почтительно молчалъ.

— Я скоро выступаю противъ французовъ, которые, какъ вамъ извѣстно, угрожаютъ электоральнымъ владѣніямъ его величества, продолжалъ принцъ чрезвычайно ласково. — Если вы намѣрены сдѣлать со мной компанію, то ваше знаніе французскаго языка можетъ быть полезно, и я надѣюсь—мы будемъ счастливѣе бѣднаго Брэддока!

Всѣ глаза устремлены были на молодого человѣка, которому такой великій принцъ предлагалъ столь очевидную милость.

Мистеръ Джоржъ подумалъ, что наступила минута, въ которую онъ долженъ сказать давно приготовленную самую умную рѣчь.

— Сэръ,—сказалъ онъ: предложеніе вашего высочества дѣлаетъ мнѣ безпредѣльную честь, но....

— Что еще! вскричалъ принцъ, бросивъ на Джоржа пристальный взглядъ.

— Но я поступилъ въ Темплъ изучать наши законы и сдѣлаться способнымъ для исполненія моихъ обязанностей на своей родинѣ. Если рана моя, полученная на службѣ за отечество, дастъ мнѣ право рассчитывать на ваше великодушіе, то я, со всею преданностію, къ вашему высочеству, осмѣливаюсь просить за брата, который знаетъ французскій языкъ такъ же, какъ я, который больше моего имѣетъ силы, храбрости и военныхъ способностей, — позвольте ему служить вашему высочеству вмѣсто....

— Довольно, довольно, сэръ! вскричалъ справедливо вознегодовавшій сынъ монарха. — Какъ! Я предлагаю вамъ милость, а вы передаете ее своему брату? — Ждите теперь, когда я предложу вамъ другую!

Съ этими словами онъ повернулся спиной къ мистеру Варрингтону такъ быстро, какъ повернулся къ французамъ нѣсколько мѣсяцевъ спустя.

— О Джоржъ! О Джоржъ! Славное же вышло рыбное блюдо! — съ тяжелымъ вздохомъ произнесъ генералъ, возвращаясь съ молодымъ своимъ другомъ домой.

ГЛАВА XIII,

ВЪ КОТОРОЙ ПРИНЦЪ ПОДНИМАЕТСЯ ВЪ ГОРУ И ОПЯТЬ СПУСКАЕТСЯ.

Мы хорошо понимаемъ достохвальное негодованіе всѣхъ вѣрно-подданныхъ короля британцевъ, когда имъ привелось прочесть о поступкѣ мистера Джоржа Варрингтона съ храбрымъ и великодушнымъ принцемъ, любимымъ сыномъ лучшаго изъ государей, — съ главнокомандующимъ британской арміей. Какою неопѣнимою милостью пренебрегъ молодой человекъ! Какой прекрасный случай къ повышенію отклонилъ онъ отъ себя! Вилль Эсмондъ, языкъ котораго изобилуетъ различнаго рода ругательствами, употреблялъ отборныя проклятія, когда разговоръ касался поведенія его кузена, и выражалъ восторгъ, что молодой дикарь самъ рѣзалъ себѣ горло. Кузень Кастльвудъ говорилъ, что дикій джентльменъ имѣлъ полное право скальпировать себя, если это ему нравилось; а можетъ статья, прибавилъ онъ съ чувствомъ состраданія, нашъ кузень, мистеръ Варрингтонъ, вдоволь уже послушался военной трескотни въ походѣ Брэддока и теперь воинственный жаръ его совершенно охладѣлъ.

Мистеръ Вилль восхищался, что младшій братъ пошелъ къ чорту, и еще болѣе восхищался, что за нимъ послѣдовалъ и старшій. Онъ говорилъ, что при первой встрѣчѣ съ мистеромъ Джоржемъ поставится высказать ему свое мнѣніе.

— Если ты намѣренъ оскорбить Джоржа, по крайней мѣрѣ постарайся распорядиться такъ, чтобы не узналъ объ этомъ его братъ Гарри!—сказала лэди Марія, и, разумѣется, при этомъ со стороны мистера Вилля обрушилось на близнецовъ еще болѣе проклятій.

— Перестайте, пожалуйста! вскричалъ онъ.—Терпѣть не могу этихъ споровъ! Нельзя же всѣмъ мужчинамъ въ нашемъ семействѣ быть воинами!

— Я не слышала, чтобы вы, милордъ, когда нибудь изъявляли желаніе быть воиномъ, сказали лэди Марія.

— Никогда, мой другъ. Напротивъ: я изъявлялъ желаніе не быть воиномъ! Я считаю нашимъ защитникомъ Вилля; а для нашего дома этого и весьма достаточно. Тоже самое можно сказать и относительно двухъ индѣйцевъ: Джоржъ любитъ учиться, а Гарри—драться. Какъ жалко, Вилль, что ты, намѣреваясь подраться, имѣлъ подъ рукой Гарри, а не кузена Джоржа.

— Нечего сказать; ваша рука тоже хороша, особливо въ пикетѣ, сказала мать Вилля.

— Да, она у меня довольно хороша, протяжно произнесъ милордъ, осматривая пальцы. — Перчатки милорда Герви и мои, я думаю, сшиты по одной мѣркѣ. Моя рука, какъ вы говорите, болѣе способна для картъ, чѣмъ для оружія. Ну, да и ваша рука, лэди Кастльвудъ, очень проворна. Если бы вы знали, какъ я благословляю день, въ который вы наложили ее на моего оплакиваемого отца!

Этой игрой сарказма, какъ и другими играми, въ которыхъ требовалось искусство, милордъ, обладавшій хладнокровіемъ и не находившій въ семействѣ равнаго себѣ соперника, готовъ былъ заниматься во всякое время.

Мадамъ де Бернштейнъ, услышавъ о поступкѣ мистера Варрингтона, чрезвычайно сердилась, бушевала и бранила свою челядь; она разбранила бы и Джоржа, но уже сдѣлалась стара и не имѣла энергіи дѣвическихъ лѣтъ. Кромѣ того, она въ нѣкоторомъ отношеніи немного боялась племянника и обращалась съ нимъ почтительно.

— Ты никогда не составишь себѣ карьеры при дворѣ, съ тяжелымъ вздохомъ сказала она, когда вскорѣ послѣ неудачной своей просьбы, молодой джентльменъ навѣстилъ ее.

— Такая карьера никогда и не была моимъ желаніемъ, сказалъ Джоржъ съ видомъ чловѣка, вполне сознающаго свое достоинство.

— Вашимъ желаніемъ было помочь Гарри? Принявъ предложеніе

герцога, въ вѣдѣствіи могли бы оказать услугу своему брату. Принцы не любятъ, чтобы отказывались отъ ихъ милостей, и я не удивляюсь, что его высочество оскорбился.

— Генераль Ламбертъ говорилъ тоже самое, краснѣя признавался Джоржъ. — Теперь я самъ вижу, что я виноватъ. Но, пожалуйста, примите въ соображеніе и то обстоятельство, что я никогда не бывалъ при дворѣ, да, кажется, и не могъ бы тамъ представлять собою лицо чѣмъ нибудь замѣчательное.

— Ну, этого я не думаю, любезный племянникъ, сказала тетка, нюхая табакъ.

— Я никогда не гнался за славой подобнаго рода и могу совершенно свободно обойтись безъ нея, продолжалъ Джоржъ. Когда его высочество говорилъ со мной, и говорилъ очень ласково, — я думалъ, что изъ меня выйдетъ дурной воинъ, а изъ брата — отличный. Гарри имѣетъ множество прекрасныхъ качествъ для этой профессіи, въ которыхъ у меня большой недостатокъ; онъ несравненно лучше и полезнѣе меня можетъ быть военнымъ офицеромъ. Представимъ, наприѣмъ, что герцогъ находится въ битвѣ; подъ нимъ ранятъ лошадь, какъ это случилось съ главнокомандующимъ въ Америкѣ. Не лучше ли бы имѣть ему лошадь съ такою отвагой и силою, что въ состояніи унести его куда угодно, чѣмъ такую, которая не могла бы стащить своей собственной тяжести.

— *Au fait*. Конь его высочества долженъ быть сильный конь, мой милый! замѣтила старая леди.

— *Expende Hannibalem*, произнесъ Джоржъ, пожавъ плечами. Нашъ Аннибалъ вѣситъ не бездѣлицу.

— Когда мистеръ Вольфъ и мистеръ Ламбертъ нападали на меня такъ же, какъ и вы, мадамъ, прибавилъ Джоржъ съ непринужденнымъ смѣхомъ: — я защищался такъ же, какъ и теперь. Я сказалъ, что предложилъ принцу лучшаго воина въ фамиліи, и два джентльмена допускали, что моя опрометчивость нѣкоторымъ образомъ извинительна. Кто знаетъ; можетъ статься, они оправдаютъ меня и передъ его высочествомъ. Я былъ уже въ сраженіи и убѣдился, какъ мало способенъ я къ этой профессіи. Недавно мы были въ театрѣ и видѣли шотландскую пьесу, надѣлавшую много шума. Когда герой пьесы, молодой Норваль, выражалъ страстное желаніе слѣдовать на поле битвы за храбрымъ вождемъ, я невольно подумалъ: какъ похожъ онъ на моего Гарри, и былъ бы еще болѣе похожъ, еслибъ не хвастался. Гарри влюбленъ въ краснѣйшій мундиръ, и если мы не будемъ содѣйствовать ему поступить въ военную службу, то онъ непременно позволитъ завербовать себя. У него постоянно передъ глазами карта Германіи; онъ повсюду слѣдуетъ за прусскимъ королемъ. Онъ

ничего не боится. А что касается до меня, то я лучше люблю книги и спокойствіе, люблю читать о битвахъ въ Гомерѣ и Луканѣ.

— Поэтому, мой другъ, что же побудило тебя сдѣлаться воиномъ? Почему ты вмѣсто себя не послалъ Гарри съ Брэддокомъ? спросила мадамъ де Бернштейнъ.

— Моя мать любила младшаго сына больше меня, — угрюмо отвѣчалъ Джоржъ. Кромѣ того, при нашествіи непріятеля на наше отечество, я, какъ старшій въ родѣ, считалъ обязанностію идти въ этотъ походъ. Будь я шотландцемъ двѣнадцать лѣтъ тому назадъ, я былъ бы....

— Замолчите, сэръ! или я разсержусь еще больше, — сказала старуха съ чрезвычайно довольнымъ лицомъ.

Объясненіе Джоржа нѣсколько успокоило мадамъ де Бернштейнъ, эту старуху далеко не строгихъ правилъ; за то для вѣрнопопданническаго сердца сэра Майльза Варрингтона и его жены поступокъ молодаго человѣка былъ жестокимъ ударомъ.

— По письму моей сестры Эмондъ Варрингтонъ, говорила милэди: — я думала, что вдовамоего брата — женщина съ здравымъ умомъ и разсудкомъ, и что дала своимъ дѣтямъ приличное воспитаніе. Скажите сэръ Майльзъ, — скажите, любезный Томасъ Клэйпуль, какъ должны мы смотрѣть на поведеніе, изъ котораго истекають столь плачевные результаты для этихъ обоихъ молодыхъ людей?

— Старшій, кажется, превосходно знаетъ латинскій языкъ, и сверхъ того говорить по-французски и по-нѣмецки. На раутѣ баронессы я самъ слышалъ, какъ онъ разговаривалъ съ ганноверскимъ посланникомъ, сказалъ мистеръ Клэйпуль. — По-французски онъ объясняется очень свободно; а когда затруднялся говорить на чистомъ нѣмецкомъ языкѣ, посланникъ началъ по-латыни, и они такъ бѣгло говорили, что обратили на себя вниманіе всего общества.

— Ахъ, Томасъ, — тутъ дѣло не въ языкѣ, а въ правилахъ! воскликнула добродѣтельная матрона. Какія же правила мистера Варрингтона, если онъ рѣшился отвергнуть предложеніе принца?... А развѣ онъ умѣетъ говорить по-нѣмецки? Тѣмъ скорѣе молодой человѣкъ долженъ былъ принять предложеніе его высочества и быть полезнымъ въ компаніи! Посмотрите на нашего сына, посмотрите на Майльза!

— Подними головку, милый Майли! сказалъ папа.

— Надѣюсь, сэръ Майльзъ, что вы, какъ членъ палаты общинъ и какъ англійскій джентльменъ, будете завтра у его высочества на выходѣ и скажете, что еслибъ подобное предложеніе сдѣлано было нашему сыну, мы бы приняли его, несмотря на то, что нашему мальчику всего десять лѣтъ.

— И въ самомъ дѣлѣ, Майли, изъ тебя вышелъ бы отличный маленькій барабанщикъ или флейтчикъ, прощесъ нап. Майли, хочешь быть маленькимъ солдатомъ?

— Всѣмъ, сэръ, рѣшительно всѣмъ. Варрингтонъ долженъ быть готовъ во всякую минуту жертвовать за государя своею жизнію! — вскричала мать, указывая на мальчика, который, понявъ слова матери, въ ту же минуту протестовалъ противъ нихъ громкимъ ревомъ, среди котораго Скрюби увела его изъ комнаты. Сэръ Майльзъ, по винуясь приказаніямъ супруги, отправился на слѣдующій день къ его высочеству на выходъ и поспѣшилъ выразить свою преданность, которую принцъ не замедлилъ принять, сказавъ при этомъ:

— Никто и не сомнѣвался, что сэръ Майльзъ Варрингтонъ не отказался бы отъ предложенія.

— Леди Варрингтонъ повсюду повторяла этотъ комплиментъ, очень лестный и съ тѣмъ вмѣстѣ доказывающій, что августѣйшая фамилія безусловно могла положиться на преданность Варрингтоновъ.

Вслѣдствіе этого достойная чета, увидѣвъ Джоржа, приняла его съ тѣмъ соболѣзнованіемъ, которое оказываютъ намъ неоцѣненные родственники или друзья, когда насъ посѣтитъ какое нибудь несчастье, или когда мы сдѣлаемъ что нибудь нелѣпое въ жизни: когда проиграемъ процессъ; когда входимъ въ комнату, въ которой общество бранило насъ; когда обанкротится нашъ банкиръ; когда мы сами будемъ красоваться въ тѣхъ столбцахъ лондонской газеты, въ которыхъ объявляютъ о банкротствѣ; короче, — когда мы сдѣлаемъ какую нибудь замѣчательную ошибку, или чрезъ свою оплошность доведемъ себя до несчастія. Кому не знакомо это кислое, печальное лицо? Кого не оплакивали неоцѣненные родственники, — не мертвого, а живаго? — Вы говорите, что только не ваши? Въ такомъ случаѣ, сэръ, — если вы никогда не дѣлали промаховъ, если вы постоянно были счастливы, добры и осторожны, если изъ вашего рта ни разу не вырывалось неблагоразумное слово, если вы никогда не согрѣшали и не каились, никогда не дѣлали глупостей, никогда ни о чемъ не сожалѣли, — въ такомъ случаѣ, сэръ, вы величайшій мудрецъ, которому не слѣдуетъ тратить времени на чтеніе пустаго романа; эта басня до васъ не относится.

Со стороны сэра Майльза несправедливо было бы напустить на Джоржа и сердиться на него за отказъ отъ предложенія, сдѣланнаго его королевскимъ величествомъ, потому что сэръ Майльзъ самъ соглашался съ видами Джоржа избрать поприще спокойнаго военнаго, о чемъ и мадамъ Эмондъ писала ледъ Виргиніи Майльзу Варрингтону. Джоржъ объявилъ матери о намѣреніи поступить въ Темплъ и приготовить себя къ гражданскимъ обязанностямъ, къ исполненію

которыхъ онъ, по натуральному порядку вещей, рано или поздно будетъ призванъ. Никто не одобрялъ рѣшимости Джоржа такъ искренно, какъ дядя, сэръ Майльзъ. Онъ даже отрекомендовалъ его извѣстному юристу, подъ руководствомъ котораго, — мы это смѣло можемъ допустить, — молодой джентльменъ могъ дѣлать быстрые успѣхи. Мадамъ Эмондъ тоже одобряла выборъ сына, вполнѣ соглашаясь съ сэромъ Майльзомъ (которому просила засвидѣтельствовать свое глубочайшее почтеніе, а равно и его супругѣ), что британской конституціи завидовалъ весь свѣтъ и что изученіе ея должно служить цѣлью для каждаго англійскаго джентльмена. Главнѣйшее обстоятельство, которое не нравилось матери Джоржа и противъ котораго она сильно возставала, заключалось въ томъ, что сынъ ея, поступивъ въ Темплъ, долженъ былъ сидѣть за однимъ столомъ, ѣсть тощую баранину и пить жиденькое пиво изъ оловянныхъ кружекъ, вмѣстѣ съ грубыми студентами въ мантияхъ, какія носятъ деревенскіе писцы. Это отвращеніе раздѣлялъ и младшій братъ Джоржа. «Для меня, говорилъ Гарри, какъ для младшаго брата, это бы еще ничего; я приготовился ко всѣмъ лишеніямъ и непріятностямъ; но видѣть Джоржа въ адвокатской мантии, сидѣть за однимъ столомъ съ сыновьями неизвѣстныхъ родителей и обѣдать на грязной оловянной посудѣ — это ужасно!» Гарри крайне не нравилось такое униженіе со стороны брата, — онъ никакъ не могъ представить себѣ Джоржа за конторкой, и очень сожалѣлъ, что былъ неисполнимъ планъ, о которомъ мадамъ Эмондъ намекала въ ея письмахъ, именно: обратиться къ начальнику Темпля и объяснить, что мистеръ Варрингтонъ — джентльменъ благороднѣйшей фамиліи, что онъ имѣетъ въ Америкѣ большое помѣстье и что его слѣдуетъ *сажать съ отборнѣйшими обществомъ въ заведеніи*. Еще къ большому унынію Гарри, мистеръ Спенсеръ, услышавъ идеи молодаго человѣка и его матери, разразился громкимъ смѣхомъ. Изъ бумагъ Варрингтона я не могъ узнать, обращались ли къ начальнику Темпля съ этимъ предложеніемъ. Кромѣ литературныхъ занятій и историческихъ изслѣдованій — двухъ своихъ любимыхъ предметовъ, мистеръ Варрингтонъ изучалъ отечественные законы, принималъ участіе въ судебныхъ слѣдствіяхъ въ Вестминстерѣ, слушалъ тамъ Генли, Пратта и Моррея и наконецъ посѣщалъ великія и знаменитыя школы краснорѣчія и патріотизма — два парламента.

Мистеръ Варрингтонъ постепенно познакомился съ нѣкоторыми членами парламента и королевскаго суда, которые, узнавъ его, отзывались о немъ, какъ о молодомъ джентльменѣ съ хорошими способностями, хорошо воспитанномъ, и вообще говорили въ очень лестныхъ выраженіяхъ, такъ что сердце добраго дяди окончательно смяг-

чилося, а Дора и Флора снова начали улыбаться кузену. Это примирение состоялось въ то время, когда его королевское высочество герцога, послѣ пораженія французами въ дѣлѣ при Гастенбекѣ, заключилъ съ французами знаменитую капитуляцію, которую его величество Георгъ II отказался утвердить. Послѣ этого безславнаго подвига, его высочество, какъ всеѣмъ извѣстно, отказался отъ командованія, положилъ маршальскій жезлъ, приобретенный, надо сказать правду, безъ особеннаго счастья или искусства, и съ тѣхъ поръ никогда не являлся въ главѣ армій или въ общественной жизни. Толстый воинъ не позволялъ себѣ произнести ни одной жалобы противъ отца и государя; но такъ какъ онъ оставилъ свое поприще съ оскорбленной честью и уже болѣе не имѣлъ ни вліянія, ни силы и не могъ раздавать мѣста, то надо полагать, что вмѣстѣ съ уменьшеніемъ уваженія къ его высочеству уменьшился и гнѣвъ сэра Майльза Варрингтона къ его племяннику.

Однажды, когда наши два джентльмена прогуливались вмѣстѣ съ другомъ своимъ, мистеромъ Ламбертомъ, въ Сентджемскомъ паркѣ, они встрѣтили его высочество въ простомъ платьѣ и безъ звѣзды, низко отклонялись ему, и его высочеству угодно было остановиться и поговорить съ ними.

Онъ спросилъ мистера Ламберта, нравится ли ему новый начальникъ гвардейской кавалеріи, лордъ Лигоньеръ, и новыя его обязанности? Узнавъ молодыхъ людей, благодаря непогрѣшительно-твердой памяти, которою отличался весь царскій родъ, герцога сказалъ мистеру Варрингтону:

— Вы, милостивый государь, прекрасно слѣдали, что не отправились со мной, когда весною я васъ приглашалъ.

— Я тогда очень сожалѣлъ, отвѣчалъ мистеръ Варрингтонъ, слѣлавъ самый почтительный поклонъ: — теперь я еще болѣе сожалѣю.

— Благодарю васъ, сказалъ герцога, и, коснувшись рукой до шляпы, удалился.

Обстоятельство этой встрѣчи и разговоръ, при ней происходившій, произвели столь глубокое впечатлѣніе на душу мистриссъ Эсмондъ Варрингтонъ, что она рассказывала ихъ за анекдотъ сотни разъ, пока его не узнали всѣ друзья и знакомые; наконецъ уже стало скучно и слушать.

Джентльмены наши прогулялись по парку и потомъ отправились въ улицу Страндъ.

— Гарри Варрингтонъ, сказалъ генералъ, указывая на льва, поставленнаго на вершинѣ дома герцога Нортумберлэндскаго: — вашъ братъ похожъ на этого льва.

— Потому что онъ храбръ, какъ левъ, произнесъ Гарри.

— Потому что я уважаю прекрасный полъ! сказалъ Джоржъ, захохотавъ.

— Потому что вы безтолковый левъ; потому что вы обращаетесь спиной къ востоку и привѣтствуете заходящее солнце. Скажите, пожалуйста, къ чему оказывать такую учтивость человѣку въ совершенномъ позорѣ и опалѣ? Вашъ дядя еще больше прогнѣвится, — ну, да и я въ свою очередь не похвалю васъ.

Мистеръ Ламбертъ любилъ пошутить, не показывая и признака гнѣва.

ГЛАВА XIV.

Беллона.

Если Гарри Варрингтонъ имѣлъ страсть къ военному искусству, то бушевавшая въ Европѣ война и постоянный разговоръ во всѣхъ обществахъ, которыя онъ посѣщалъ въ Лондонѣ, могли легко возбудить и воспламенить его. Хотя нашъ всемилостивѣйшій государь изъ ганцовекаго дома и потерпѣлъ пораженіе, но протестантскій герой, король Пруссіи, наполнялъ свѣтъ своей славой и выигрывалъ тѣ изумительныя побѣды, въ которыхъ, къ моему особенному счастью, Гарри не принималъ участія; я говорю, — къ счастью, потому что его правдивый біографъ поставленъ бы былъ въ необходимость рассказывать о битвахъ, описаніе которыхъ предпринято уже другимъ перомъ. Отъ души радуюсь, — повторяю я, — что Гарри Варрингтонъ не находился при Россбахѣ въ памятное 5 ноября 1757 года; не участвовалъ при Лейтенѣ въ ужасномъ кровопролитіи, произведенномъ прусскимъ королемъ мѣсяцъ спустя, потому что эти удивительныя битвы будутъ въ скоромъ времени описаны въ другихъ книгахъ, которыя и я, и весь міръ съ нетерпѣніемъ желаетъ увидѣть. Неужели вы бы захотѣли, чтобъ эта исторія соперничала съ тѣми книгами? Возможно ли, чтобъ мой вертлявый канареечнаго цвѣта фэтонъ помчался навстрѣчу массивной военной колесницѣ, сметающей грома? Возможно ли, чтобы смиренный маленькій Пегасъ принялъ ударъ отъ боеваго коня, у котораго клубится пѣна на губахъ и изъ поздрей пышетъ огонь? Дорогой мой, добрый читатель (съ которымъ я отъ времени до времени люблю побесѣдовать, спустясь съ подмостокъ, гдѣ герои нашей повѣсти, одѣтые въ костюмы минувшихъ вѣковъ, играютъ свои роли) — мой добрый, терпѣливый читатель! Къ счастью для насъ обоихъ, что Гарри Варрингтонъ не послѣдовалъ за прусскимъ королемъ; намъ бы пришлось тогда описывать битвы,

которыя намѣренъ описывать Карлэйль; и къ тому же я не хочу, чтобы вы дѣлали непріятныя сравненія между мной и этимъ знатомъ своего дѣла.

Гарри Варрингтонъ не только не присоединился къ королю Бурсовъ, но вовсе не имѣлъ къ тому расположенія. Онъ велъ скучную, праздную жизнь,—это фактъ. Таскался по военнымъ клубамъ и, кромѣ газетъ, ничего не читалъ. У него не было литературныхъ наклонностей; романы онъ даже считалъ дичью; а что касается до прекраснаго пола, выплакивающего глаза свои надъ Ричардсономъ, онъ не могъ объяснить себѣ, почему ихъ трогаетъ такая нелѣпость. Онъ имѣлъ обыкновеніе смѣяться веселымъ задумчивымъ смѣхомъ, но не въ то время, когда смѣялись другіе, а нѣсколько спустя послѣ общаго смѣха. Да и скажите пожалуйста, развѣ джентльмены непременно должны имѣть литературныя наклонности? Развѣ мы менѣе любимъ нашихъ друзей за то, что они въ жизнь свою не написали ни одного куплета? Разоренный, противъ воли ничѣмъ незанятый, зависимый во всемъ отъ брата, Гарри, если и читалъ какую нибудь книгу, засыпая надъ ней, то потому собственно, что не имѣлъ никакой работы для своихъ сильныхъ рукъ, — надо еще удивляться, что при такомъ бездѣйствіи онъ не попалъ въ болѣе затруднительное положеніе. Когда мать Ахиллеса отравила своего сына ко двору одного царя, съ тою цѣлю, чтобы онъ не избаловался, то вѣдь что случилось съ нимъ среди нѣсколькихъ женщинъ, съ которыми онъ долженъ былъ проводить свою жизнь въ совершенной праздности? И какимъ образомъ явился въ свѣтъ Пирръ? Могучему, отважному Ахиллему не слѣдовало бы оставаться у женщинъ на привязи; ему не слѣдовало сидѣть за прялками; и если бы онъ не сражался, то повѣрьте, онъ непременно попалъ бы въ большую бѣду.

Двѣ старшія леди изъ семейства Ламберта, эти двѣ мягкосердечныя женщины, въ кругу которыхъ Гарри преимущественно проводилъ время, оказывали ему такое неутомимое сожалѣніе и ласки, какія въ состояніи оказывать однѣ только женщины, и притомъ женщины съ нѣжнымъ, чувствительнымъ сердцемъ. Если человѣкъ находится въ горести, то кто пробуждаетъ въ немъ веселое чувство? Кто утѣшаетъ его, когда онъ находится въ затруднительномъ положеніи; кто заставляетъ его считать себя вдвойнѣ счастливымъ, когда онъ въ радости; кто радуется его благополучію; кто отражаетъ отъ него злословіе, когда онъ находится въ позорѣ; кто прикладываетъ бальзамъ и успокоивающія мази къ растравленнымъ ранамъ, нанесеннымъ стрѣлами и жаломъ жестокой фортуны? Кто, какъ не женщины? Вы, которыя такъ страшно страдаете отъ ударовъ судьбы, скажите, есть ли у васъ хотя одинъ такой нѣжный врачъ? Если есть,

то благодарите боговъ, что они предоставили вамъ такъ много утѣшенія. Скажите, не всякій ли джентльменъ болѣе или менѣе похожъ на Прометея? Кто изъ насъ не прикованъ къ скалѣ и у кого внутренность не находится въ ужасномъ состояніи? Но являются морскія нимфы—нѣжныя, сочувствующія; онѣ цалуютъ наши избитыя ноги, смачиваютъ своими слезами наши засохшія губы, употребляютъ всѣ свои усилія, чтобы утишить титановъ; онѣ не бросаютъ насъ во время нашего изнеможенія....

Тео и ея мать сожалѣли о бѣдномъ Гарри отъ чистаго сердца, между тѣмъ какъ сердце маленькой Гетти оставалось къ нему чорствымъ и повидимому ожесточеннымъ. Она сердилась, что кузень ея пересталъ занимать въ обществѣ блистательное положеніе, — сердилась на то, что Гарри сдѣлался зависимымъ человѣкомъ и притомъ совершенно празднымъ. Весь міръ былъ вооруженъ: неужели же онъ не въ состояніи былъ поднять и нести оружіе? Это было время славы; сотни тысячъ жнецовъ выходили въ поле съ сверкающими серпами: неужели онъ не могъ взять своего серпа и пожать хоть одинъ или два снопа славы?

— Какъ жестоко обращается съ нимъ эта маленькая шалунья! сказалъ папа послѣ сцены, въ которой миссъ Гетти, вѣрная своему плану, пускала маленькія стрѣлы въ подвижную мишень, каждый день являвшуюся и ставившую себя въ гостиную мистриссъ Ламбертъ.

— Ея поведеніе рѣшительно невыносимо, вскричала мама: — ее нужно высѣчь, и потомъ пусть она отправляется спать.

— Но, мама, — вѣдь это, быть можетъ, она дѣлаетъ потому, что любитъ его, больше чѣмъ всѣ мы вмѣстѣ, сказала Тео: — Гетти сердится, желая ему же добра. Еслибъ я любила.... кого нибудь, я старалась бы постоянно восхищаться имъ и уважать его, считать каждый его поступокъ справедливымъ, — считать моего джентльмена лучшимъ джентльменомъ въ мірѣ.

— Да, моя милая, твоя правда: если твой отецъ избаловалъ насъ всѣхъ, то это потому, что онъ лучше всякаго джентльмена въ мірѣ. Скажи, видѣла ли ты хоть одного человѣка, котораго бы можно было сравнить съ нимъ?

— Очень немногихъ, — сознавалась Тео, покраснѣвъ.

— Очень немногихъ. Ну, скажи-ка мнѣ, кто добрѣе его?

— Я думаю — никто.

— Кто храбрѣе его?

— Мистеръ Вульфъ, Гарри, мистеръ Джоржъ — очень храбрые люди.

— Кто ученѣе и умнѣе его?

— Мистеръ Джоржъ, мнѣ кажется, очень ученъ и уменъ въ своемъ родѣ, отвѣчала Тео. — Его манеры очень изящны — въ съ этимъ сами согласитесь. Это говоритъ и мадамъ де Бернштейнъ; а она видѣла свѣтъ. И въ самомъ дѣлѣ, мистеръ Джоржъ какъ-то особенно смотритъ на все свысока, чего я не замѣчала въ другихъ людяхъ; въ книгахъ, которыя онъ читаетъ, ему правится, сколько я замѣтила, все прекрасное, все благородное; онъ любитъ это на-перекоръ наклонности своей къ сатирѣ. Правду надо сказать, у него сатирическій характеръ, но этотъ характеръ проявляется только тогда, когда въ Джоржѣ поднимется жолчь противъ низкихъ людей или низкихъ поступковъ. Я увѣрена, что ни у одного джентльмена нѣтъ такого мягкаго сердца. Не дальше, какъ вчера, послѣ разговора переполненнаго горечью, какъ вы говорили, я случайно выглянула изъ окна, и увидѣла, что онъ остановился на углу у прилавка торговли, и угощалъ яблоками цѣлую толпу ребятишекъ. А третьяго дня, когда онъ несъ ко мнѣ Мольера, онъ остановился и подаль нищему денегъ. Какъ онъ мило читаетъ по-французки! Я соглашаюсь съ нимъ на счетъ Тартюфа, — что настоящій негодай и лицеѣръ, какъ бы онъ ни былъ уменъ и находчивъ, не долженъ быть главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ большой пьесѣ. Яго, говорилъ мистеръ Джоржъ, почти такой же негодай; но онъ не представляетъ перваго лица въ трагедіи; это преимущество предоставлено Отелло, несмотря на его благородную слабость. Но какихъ прекрасныхъ лэди и джентльменовъ представляетъ Мольеръ.... Такого мнѣнія мистеръ Джоржъ, и.... впрочемъ, нѣтъ, — послѣ него я не смѣю повторять стихи Мольера.

— Значитъ, мой другъ, ты знаешь ихъ наизусть? спросила миссисъ Ламбертъ.

— Да, мама, — отвѣчала Тео:—знаю.... да это все вздоръ!

Здѣсь я представляю себѣ, что миссъ Тео съ дѣтской довѣрчивостью съ усиленнымъ біеніемъ сердца поцаловала мать и потомъ вышла изъ комнаты, румяная, какъ роза. Отчего же она некончила начатой фразы? Оттого, что мамѣ такъ странно на нее посмотрѣла. А отчего мамѣ посмотрѣла на нее такъ странно? И отчего Тео не спускаетъ глазъ съ мистера Джоржа, когда онъ уходитъ, не спускаетъ съ него глазъ, когда онъ приходитъ? — Да, скажите: отчего зарумяниваются щеки и разцвѣтаютъ розы? Старое время отлетаетъ по прежнему. Старѣетъ весна и за ней наступаетъ пора, въ которой все разцвѣтаетъ; за лѣтомъ идетъ осень — съ зрѣлыми плодами и сѣменами, а тамъ и зима, когда окоченѣвшія, скованныя морозомъ деревья бываютъ или совершенно обнажены, или покрыты снѣгомъ.

Спустия нѣсколько минутъ послѣ прибытія Джоржа, Тео спускалась въ гостиную съ трепещущимъ сердцемъ и очаровательнымъ, самымъ свѣжимъ букетомъ розъ на щекахъ. Должно быть, Тео постоянно сидѣла у окна, изъ котораго видѣлась вся улица и откуда она могла видѣть великодушіе Джоржа къ нищимъ и его покупку яблоковъ. Но если въ дверь стучался Гарри, Тео оставалась въ своей комнатѣ за рукодѣльемъ или за книгами и отдавала приказаніе принять молодаго джентльмена или сестрѣ или старшему брату, когда онъ пріѣзжалъ изъ университета, или младшему, когда докторъ Крузій давалъ ему домашній отпускъ. И, должно быть, отличное зрѣніе имѣла миссъ Тео, даже по вечерамъ — если могла замѣтить разницу между русыми волосами Гарри и черными—Джоржа, или разницу между ихъ осанкой, тогда какъ другіе непрерывно принимали одного брата за другаго. Утвердительно можно сказать, что Тео никогда не ошибалась ни въ томъ, ни въ другомъ, и что Гетти, съ своей стороны не волновалась и не сердилась, встрѣчая бѣлокурога джентльмена въ гостиной матери.

Наши друзья могли приходять въ домъ мистера Ламберта во всякое время и оставаться въ немъ, сколько угодно. Однажды бѣлокурый юноша сидѣлъ тамъ на диванѣ, принявъ позу челоуѣка совершенно безпечнаго и чрезвычайно унылаго; — кто долженъ былъ выйти къ нему, какъ не миссъ Гетти? Да, удивительная вещь, что когда приходилъ Гарри, то къ нему являлась Гетти; а когда показывался въ домѣ Джоржъ, то его встрѣчала Тео, — отчего происходило это? — Дѣвицы скорѣе согласились бы принять пытку, чѣмъ признаться. Въ настоящемъ случаѣ, по сдѣланному заблаговременно распредѣленію, миссъ Ламбертъ младшая должна была принять и занять молодаго виргинца.

Послѣ обычныхъ привѣтствій и комплиментовъ начался слѣдующій разговоръ.

— Скажите пожалуйста, отчего вы сегодня кажетесь такимъ скучнымъ?

— Ахъ, Гетти, отвѣчаетъ Гарри:—мнѣ больше нечего дѣлать, какъ только скучать. Помню, когда мы были еще мальчиками — и я однимъ изъ самыхъ лѣнивейшихъ, я постоянно просилъ у нашего учителя праздника и, получивъ его, обыкновенно гдѣ нибудь повѣсничалъ, рѣзвился, бросалъ плоскіе камешки въ прудъ, любуясь ихъ прыжками по его поверхности, — и эти дни были для меня скучнѣйшими днями. Теперь же, что я долженъ дѣлать съ утра и до вечера?

— Позавтракать и прогуляться, пообѣдать и снова прогуляться, потомъ выпить чаю, поужинать и на ночь выкурить трубку

вашего виргинскаго табаку, — говорить миссъ Гетти, выразительно покачавъ головкой.

— Я вамъ вотъ что скажу: однажды вечеромъ, по возвращеніи съ братомъ вашимъ Чарли въ Шартро, мнѣ такъ вотъ и хотѣлось сказать учителю: «сэръ, учите меня». Этотъ тринадцатилѣтній мальчикъ знаетъ полатыни и погречески гораздо больше чѣмъ я, десятию годами его старше. Съ утра и до ночи я рѣшительно не имѣю никакого занятія, и, право, могъ бы снова обратиться къ моимъ книгамъ и постарался бы воротить потерянное въ юности. Чему же вы смѣетесь, Гетти?

— Мнѣ смѣшно представить себѣ васъ въ главѣ класса, представить себѣ тотъ моментъ, когда васъ вызываетъ учитель! — восклицаетъ Гетти.

— Мнѣ, Гетти, мнѣ не бывать въ главѣ класса, — смиренно говоритъ Гарри. Джоржъ могъ бы быть въ главѣ всякаго класса; но я, какъ видите, ничего не знаю: въ молодости я не заботился о себѣ и былъ страшный лѣнтяй. Мы не позволяли учителямъ наказывать насъ, — а теперь я вижу, что наказаніе мнѣ же послужило бы въ пользу.

— Да это было бы весьма педурно и въ настоящее время, хотѣла сказать она, но вмѣсто того спросила только: а вамъ разсказывалъ Томъ о школьныхъ наказаніяхъ? Неужели вы и послѣ этого хотите поступить въ школу?

— Разсказъ Тома о школѣ, простоушно отвѣчалъ Гарри: — убѣждаетъ меня, что я былъ лѣнивъ въ то время, когда нужно было учиться, и что я вовсе не имѣю склонностей къ ученью; послѣ этого къ чему же я способенъ? — Развѣ только къ тому, чтобъ мотать наслѣдство по пріѣздѣ за границу, убивать время въ клубахъ и на конскихъ скачкахъ или гоняться за собаками. Нѣтъ, нѣтъ! я ни къ чему не способенъ.

— Такой видный, храбрый, здоровый молодой человѣкъ! — и ни къ чему неспособенъ? восклицаетъ Гетти. — Еслибъ я была *вдвое* такъ неспособна, мнѣ бы совѣстно было признаться въ этомъ какой бы то ни было женщинѣ!

— Что же стану я дѣлать? Прошу позволенія поступать въ военную службу, и мадамъ Эсмондъ не отвѣчаетъ на это ни слова. Это единственное занятіе, къ которому я годенъ. — Но, опять, у меня нѣтъ денегъ купить мѣсто. Промотавъ свои собственныя деньги и столько же денегъ, принадлежавшихъ брату, я не могу и не хочу просить болѣе. Если матъ позволитъ мнѣ поступить въ армію, повѣрьте, — я буду прыгать отъ радости.

— Гм! Джентльменъ съ энергіей и силою воли не долженъ нуждаться въ согласіи женщины на право привѣсить саблю къ бедру или вычистить ружейный замокъ! Слышали ли вы, что говорилъ намъ папа о молодомъ джентльменѣ, который вчера являлся ко двору? — Сэръ Джонъ Армитэджъ....

— Сэръ Джонъ Армитэджъ? — Посѣщая клубы, я его знавалъ: прекрасный, благородный, милый джентльменъ, — имѣетъ въ сѣверныхъ провинціяхъ огромное помѣстье.

— И въ добавокъ женится на извѣстнѣйшей красавицѣ — миссъ Гау, на сестрѣ милорда Гау; — но это, мнѣ кажется, для джентльмена не можетъ служить препятствіемъ....

— Препятствіемъ — къ чему? спрашиваетъ Гарри.

— Къ приобрѣтенію славы! отвѣчаетъ миссъ Гетти. Я думаю, ни одна женщина не рѣшилась бы сказать своему возлюбленному: «останься!» въ то время, когда отечество говоритъ ему: «иди!» Сэръ Джонъ вызвался участвовать въ предпринимавшемъ походѣ, и вчера, когда его величество спросилъ: скоро ли онъ будетъ готовъ къ отправленію? «Завтра, ваше величество!» отвѣчалъ сэръ Джонъ. Король замѣтилъ на это, что такой отвѣтъ можетъ дать только настоящій воинъ. Отецъ мой тоже съ нетерпѣніемъ ждетъ похода, не смотря на то, что придется оставить мамѣ и дѣтей. О Боже! — Зачѣмъ я не мужчина? Оба мои брата приготавливаются въ духовное званіе, — что касается до меня, то я была бы славнымъ солдатомъ!

Сказавъ это, маленькая Гетти выпрямилась, приняла воинственную осанку и, маршируя по комнатѣ, казалась такою храброю, какъ Іоанна д'Аркъ.

Гарри смотрѣлъ на нее съ восхищеніемъ.

— Мнѣ бы не хотѣлось, сказалъ онъ: — видѣть ружье на этомъ маленькомъ плечѣ, или рану на такомъ хорошенькомъ личикѣ.

— Рану! — Бояться ранъ? вскричала Гетти. Бояться ружья? — Еслибъ я могла носить его, я бы носила. Вы, мужчины, воображаете, что мы ни къ чему больше не способны, какъ только дѣлать пуддинги или шить по канвѣ. О, зачѣмъ я не мужчина? Джорджъ вчера читалъ намъ изъ Тасса — да вотъ это здѣсь, — мнѣ кажется, эти стихи относятся прямо до меня. Посмотрите, — вотъ и книга; тутъ замѣчено, гдѣ мы остановились.

— Замѣчено? сказалъ Гарри съ нѣкоторымъ подобострастіемъ.

— Да, на этомъ мѣстѣ говорится о женщинѣ, разочарованной потому.... потому что ея братъ неидетъ на войну, и вотъ что говорить она о себѣ.

«О, еслибъ небо даровало мнѣ силу и бодрость, тогда бы это шолковое платье....»

— Шолковое платье? съ вопрошающимъ видомъ замѣтилъ унылый Гарри.

— Такъ сказано въ книгѣ. Я думаю, вѣрнѣе было бы сказать — коломянковое платье; но дальше:

«.... шолковое платье и легкій вуаль замѣнили бы мнѣ панцырь и шлемъ. Тогда ни зной, ни холодъ, ни дождь, ни градъ, ни бушеванье бури, ни завыванье вѣтра, ничто не удержало бы меня; я сражалась бы день и ночь, и въ правильномъ бою, и въ частныхъ стычкахъ....»

— Каково! Я бы сама хотѣла сражаться. Зачѣмъ оба мои брата хотятъ быть пасторами? Одному изъ дѣтей моего папа непременно слѣдуетъ быть воиномъ!

Гарри засмѣялся скромнымъ, добродушнымъ смѣхомъ. Онъ сознавалъ, что для него было бы убійственно подстрѣлить такого нѣжнаго маленькаго воина.

— Знаете ли что, сказалъ онъ, приподнявъ къ верху палецъ: — вотъ этотъ палецъ немного развѣ меньше вашей руки. Ну, въ состояннн ли вы бороться съ огромнымъ и сильнымъ мужчиной? Впрочемъ, и то сказать, хотѣлъ бы я еще видѣть, какой мужчина осмѣлится васъ обидѣть. Маленькое, нѣжное, слабое созданіе! Неужели вы полагаете, что васъ осмѣлится кто нибудь обидѣть?

И Гарри, возбужденный порывомъ негодованія, началъ ходить по комнатѣ, разгораясь болѣе и болѣе отъ одной мысли, что какой нибудь негодяй французъ можетъ оскорбить миссъ Гестеръ Ламбертъ.

Довѣренность къ этой безмолвной храбрости молодаго человѣка совершенно подчиняла ему маленькую Гетти; качество, которымъ, по ея мнѣнію, обладалъ Гарри, заставляло ее особенно восхищаться молодымъ виргинцемъ. Въ сущности миссъ Гетти была нисколько не отважнѣе Эрминіи, рѣчи которой она вычитывала изъ книгъ и о которой мистеръ Гарри Варрингтонъ слышалъ впервые. Случалось, что онъ находился въ той же комнатѣ, гдѣ братъ его Джоржъ читалъ семейству Ламберта поэтическія произведенія, но его мысли были заняты своими собственными дѣлами, и потому для него всѣ Клотильды, Эрминіи, гиганты, волшебники и т. п. представляли какой-то хаосъ. Да, я говорю съ полнымъ убѣжденіемъ, что миссъ Гетти не имѣла въ своей натурѣ ничего мужественнаго, ничего геройскаго; иначе, безъ всякаго сомнѣнія, она скоро почувствовала бы влеченіе къ мягкосердечному молодому человѣку, съ міролюбивыми наклонностями, напимѣръ, къ какому нибудь талантливому музы-

канту, потому что это такъ слѣдуетъ по закону контраста, постановленному самой природой. Кому не извѣстно, что великіе и сильные мужчины привязываются всей душой къ слабымъ, нѣжнымъ, маленькимъ женщинамъ, что нѣжныя, маленькія женщины плѣняются огромными, сильными мужчинами и что могучіе богатыри и герои постоянно бываютъ у жены своей подъ башмакомъ? Если мистеръ Гарри Варрингтонъ влюбится въ такую женщину, какъ миссъ Ламбертъ, и если женится на ней, то, не прибѣгая къ предсказателямъ, мы сами можемъ сказать, чѣмъ это кончится.

Итакъ, Гетти продолжала бросать въ Гарри свои маленькіе стрѣлы сарказма, отъ которыхъ Гарри не ощущалъ ни малѣйшей боли и позволялъ стрѣлать, пока ему не трудно было вынимать ихъ и отбрасывать въ сторону. Неужели она надѣялась возбудить въ немъ дѣятельность своими насмѣшками? Гарри былъ слишкомъ добродушенъ, чтобы понять такіе пустые намеки... Неужели она надѣялась пристыдить его, сказавъ, что она, слабая женщина, готова надѣть на себя панцырь и шлемъ? Простодушный молодой человѣкъ или обмиралъ отъ одной мысли о ея опасности, или смѣялся, представляя себѣ ее въ рядахъ сражающихся воиновъ.

— Ну, скажите пожалуйста, какая же польза имѣть сильную руку и употреблять ее только на то, чтобы помогать моей мамѣ разматывать шокъ? произносить миссъ Гестеръ. — Какая польза быть сильнымъ и постоянно сидѣть въ гостиной? Вѣдь вы не понадобитсяе здѣсь, чтобы выбросить кого нибудь въ окно! Удивительно сильный человѣкъ! На иной ярмаркѣ можно встрѣтить человѣка еще сильнѣе. Джемсъ Вульфъ не можетъ похвастаться силой. Онъ кажется такимъ слабымъ и больнымъ. Когда онъ былъ здѣсь въ послѣдній разъ, то все время кашлялъ и былъ такъ блѣденъ, какъ будто передъ нимъ явился призракъ.

— Я никогда не могъ понять, отчего человѣкъ долженъ страшиться призрака, сказалъ Гарри.

— А вамъ когда нибудь случалось его видѣть? спросила бойкая молоденькая лэди.

— Нѣтъ. Однажды дома, когда мы были еще мальчиками, я подумалъ, что увидѣлъ призракъ; но оказалось, что это былъ Натанъ въ ночной сорочкѣ. Принявъ его за призракъ, я однакоже не испугался нисколько, — съ серьезнымъ выраженіемъ сказалъ Гарри. Джоржъ немного испугался; но вѣдь онъ....

И Гарри замолчалъ.

— Что же такое онъ? спросила тетка.

— Джоржъ совѣмъ не то, что я. Наша мать женщина не боязливая; но, увидѣвъ мышонка, — кричитъ, постоянно кричитъ. Такова

ея натура. Поэтому-то, можетъ статья, мой братъ и не можетъ хладнокровно видѣть привидѣніе. Для меня такъ все равно.

— Джорджъ постоянно говоритъ, что вы могли бы быть вполномъ лучшимъ, чѣмъ онъ.

— Такъ я думалъ бы и самъ, еслибъ мнѣ позволили сдѣлать попытку. За то Джорджъ можетъ сдѣлать тысячу вещей лучше меня, и лучше всякаго въ мірѣ. Отчего онъ не позволилъ мнѣ отправиться въ экспедицію Брэддока въ качествѣ волонтера? Индѣецъ снялъ бы кожу съ моего черепа, и было бы гораздо лучше: я бы не промотался, не заставилъ бы указывать на себя пальцемъ и говорить, что я опозорилъ имя Варрингтоновъ. Почему бы мнѣ не идти волонтеромъ и въ эту экспедицію, подобно Джону Армитаджу? О Гетти! я очень, очень несчастливъ. — И несчастный молодой человѣкъ началъ ходить по комнатѣ вдвое скорѣе. — Лучше бы мнѣ не пріѣзжать въ Европу, произнесъ онъ, съ тяжелымъ вздохомъ.

— Какой прекрасный комплиментъ. Благодарю васъ, Гарри! сказала Гетти; и, замѣтивъ вопрошающій взглядъ джентльмена, прибавила: — такъ вы думаете воротиться домой?

— Чтобы надо мной смѣялась вся Виргинія! Да тамъ нѣтъ ни одного джентльмена, который бы не осмѣялъ меня, кромѣ развѣ одного, да и его моя мать не жалуетъ. Мнѣ теперь стыдно воротиться домой. Гетти, вы не знаете моей матери. Я боюсь многого, но ея больше всего. Что скажу я ей, когда она спроситъ: Гарри, гдѣ твой капиталъ? Промоталъ, мамъ, долженъ я отвѣтить, — не правда ли? Промоталъ, и потомъ отправился въ тюрьму. Кто же вывелъ тебя изъ тюрьмы? Братъ Джорджъ, мадамъ; и теперь я пріѣхалъ домой, не сдѣлавъ ничего хорошаго, безъ всякой профессіи, безъ всякихъ видовъ, безъ всего; остается только смотрѣть за неграми, переносить упреки, спать за проповѣдями, играть въ карты, пить и смотрѣть на бой пѣтуховъ въ окрестныхъ тавернахъ. Скажите, какъ я посмотрю въ лицо нашихъ провинціальныхъ джентльменовъ? Нѣтъ, нѣтъ; мнѣ стыдно воротиться домой. Я непременно долженъ что нибудь сдѣлать для себя! Но что я сдѣлаю, Гетти? О, научите, что я долженъ сдѣлать?

— Что сдѣлать? А что сдѣлалъ мистеръ Вульфъ при Люнебургѣ? Онъ былъ влюбленъ — мы это знаемъ навѣрное — и все-таки не остался у матери, чтобъ та его няичила, не остался говорить нѣжности предмету своего обожанія. Онъ поступилъ въ королевскую службу и воротился домой, покрытый славой. Если въ Америку будетъ еще компанія, то папа говоритъ, что по всей вѣроятности онъ будетъ назначенъ главнокомандующимъ.

— Какъ бы я желалъ, чтобы онъ взялъ меня съ собой: пуля, попавшая въ голову, покончила бы все расчеты съ жизнью, про-сгоналъ Гарри. — Вы говорите, Гетти, какъ будто моя вина, что я не въ арміи, тогда какъ вамъ извѣстно, что я отдалъ бы... отдалъ бы... что мнѣ отдать? и самъ не знаю.... отдалъ бы жизнь за одну воз-можность поступить на службу.

— Отдали бы жизнь! сказала миссъ Гетти, пожавъ плечами.

— Не думаете ли вы, что она имѣетъ нѣкоторую цѣнность, пе-чальнымъ тономъ замѣтилъ Гарри. — Нѣтъ! она болѣе никому не до-рога. Теперь я ни болѣе, ни менѣе, какъ несчастное, бесполезное существо. Находясь въ зависимости и здѣсь и дома, я даже не могу распорядиться жизнью, какъ бы мнѣ хотѣлось.

— Въ какой зависимости? Кажется, вы довольно взрослые и въ такихъ лѣтахъ, что можете дѣйствовать по своей волѣ; неужели же Джорджъ долженъ быть вашимъ учителемъ здѣсь, а ваша мать — вашей учительницей дома? Еслибъ я была мужчиной, то на двад-цать-третьемъ году сдѣлала бы что нибудь славное — это вѣрно! Я бы то сдѣлала, что о мнѣ заговорилъ бы весь свѣтъ! Я бы не осталась на привязи у женскаго платка; не стала бы проклинать свое счастье. Клянусь, не стала бы!

Гарри только теперь началъ отклонять отъ себя слова Гетти.

— Нѣтъ, Гетти! сказалъ онъ покраснѣвъ: — всякій негръ въ на-шемъ помѣстьи въ тысячу разъ свободнѣе меня; миссъ Ламбертъ, у насъ не принято упрекать несчастнаго за то, что онъ свободенъ. Это неблагородно. По крайней мѣрѣ это неблагородно по моимъ понятіямъ о чести. Быть можетъ, у женщинъ понятіе это совсѣмъ другое, а можетъ быть — я и самъ ошибаюсь, и не имѣю права сер-диться на молодую дѣвицу, высказывающую мнѣ мои недостатки. Можетъ статься и то, что мои недостатки — слѣдствіе моего без-счастія. Вы уже давно мнѣ твердите, что такой-то поступилъ волон-теромъ, такой-то увѣнчалъ себя славой, превозносите ихъ храб-рость, какъ будто я ея не имѣю. Этого матеріала, позвольте сказать, я имѣю запасъ не менѣе всякаго джентльмена. Я говорю безъ хва-стовства; мнѣ не страшенъ ни мистеръ Вульфъ, ни сэръ Джонъ Ар-митэджъ, словомъ—никто. Могу ли я получить мѣсто, промотавъ по-слѣдній шиллингъ; могу ли я просить у брата, который уже отдалъ мнѣ свою половину? Джентльменъ моего происхожденія не можетъ поступить въ военную службу простымъ солдатомъ, въ противномъ случаѣ, клянусь Юпитеромъ, я поступилъ бы давно! И еслибъ пуля рѣшила мою участь, надѣюсь, миссъ Гетти Ламбертъ не очень бы опечалилась. Нехорошо, Гетти, я этого не ожидалъ отъ васъ.

— Что же нехорошаго сказала я? спросила молоденькая леди. — Я только и сказала, что сэръ Джонъ Армитэджъ поступилъ волонтеромъ, мистеръ Вульфъ покрылъ себя почестями, и вы начинаете выговаривать мнѣ! Чѣмъ я виновата, если мистеръ Вульфъ храбръ и знаменитъ? Скажите, есть ли тутъ поводъ сердиться на меня?

— Я не сержусь, серьезно сказалъ Гарри. — Мнѣ только обидно.

— Въ самомъ дѣлѣ! А я думала, что такое маленькое созданіе, какъ я, не въ состояніи обидѣть кого нибудь. Правда, для меня очень лестно, что молоденькая барышня, у которой рука тоньше вашего мизинца, можетъ обидѣть такого сильнаго мужчину, какъ вы.

— Этого я не ожидалъ отъ васъ, повторилъ молодой человѣкъ. — Вы сами знаете, что я не привыкъ къ подобнымъ приемамъ въ этомъ домѣ.

— Что у васъ такое, мой бѣдный юноша? спросила добрая мистриссъ Ламбертъ, заглянувъ въ дверь при послѣднихъ словахъ Гарри, и увидѣвъ на его лицѣ выраженіе глубокой горести.

— Исторія, мамъ, которую мы давно уже слушаемъ, — торопливо сказала Гетти. — Гарри повторяетъ свою старинную жалобу, что ему нечего дѣлать, что онъ очень несчастливъ, — и вообще все, что онъ повторяетъ каждый день.

— А если бы мы хотѣли кушать, моя милая, и безпрестанно объ этомъ повторяли, то неужели это должно служить поводомъ къ тому, чтобы оставить тебя безъ обѣда? вскричала мамъ съ нѣкоторымъ волненіемъ. Кстати, Гарри, оставайтесь отобѣдать съ нами. Теперь ровно три часа!

Гарри, послѣ немногихъ слабыхъ уклоненій, согласился остаться.

— Мужъ мой сегодня не обѣдаетъ дома, замѣтила мистриссъ Ламбертъ. За столомъ будутъ сидѣть три женщины, поэтому обѣдъ нашъ пройдетъ скучно.

— А когда между нами будетъ джентльменъ, то онъ оживитъ нашу скучную бесѣду! сказала Гетти и потомъ бросила на мамъ тотъ открытый, невинный взглядъ, къ которому Гетти прибѣгала каждый разъ, когда бывала преднамѣренно и особенно капризна.

За обѣдомъ миссъ Гетти была чрезвычайно разговорчива, мила и занимательна. Тео вовсе не знала о маленькой размолвкѣ (это, друзья мои, сплошь да рядомъ бываетъ въ самыхъ милыхъ семействахъ), ничего не знала о случившемся, пока необыкновенная бойкость и веселость Гетти не возбудили въ ней подозрѣнія. Гетти старалась завлечь разговоръ множествомъ разнообразныхъ предметовъ: она говорила о прусскомъ королѣ и послѣднихъ новостяхъ изъ Америки, о послѣднемъ маскарадѣ, о грабежѣ близъ Барнета, и ког-

да сестра, изумленная такою словоохотливостью, спросила взорами причину ея, Гетти отвѣчала:

— Пожалуйста, сестра, не кивай мнѣ и не подмигивай. Мама просила Гарри оживить нашу бесѣду, и я говорю, въ ожиданіи, когда онъ заговоритъ; я дѣлаю то, что дѣлаютъ въ театрахъ. Сначала музыка, потомъ представленіе. Пожалуйста, Гарри, начинайте!

— Гестеръ! вскричала мама.

— Что же такое? вѣдь я только прошу Гарри занять насъ. Мама, вы же сами сказали, что за обѣдомъ мы будемъ только однѣ, и безъ джентльмена было бы очень скучно; а вамъ, мистеръ Гарри, какъ видно, неугодно быть веселымъ.

— Я рѣдко бываю веселъ, а въ этотъ день менѣе, чѣмъ когда нибудь расположенъ къ веселью, отвѣчалъ бѣдный Гарри.

— Отчего же именно въ этотъ день? Для веселья вторникъ такъ же идетъ, какъ и среда. Единственный день, въ который мы должны быть серьезны, — это воскресенье! Мама, вы это сами знаете! Въ воскресенье намъ нельзя ни пѣть, ни танцовать, словомъ—нельзя веселиться.

Въ этомъ родѣ молоденькая женщина вела себя въ теченіе всего вечера, и за то по уходѣ Гарри получила отъ матери и сестры похвалу. Гарри былъ не находчивъ и не умѣлъ отвѣчать на колкія шутки Гетти такими же шутками. Хотя Гарри и могъ бы возражать, но въ этомъ случаѣ предпочиталъ молчаніе. Онъ былъ слишкомъ великодушенъ, чтобы вступить въ эту малую войну, и рѣшился перенести всѣ сарказмы со стороны Гетти безъ всякой попытки отклонить или уклониться отъ нихъ. Весьма вѣроятно, что молоденькая леди, поступая такъ жестоко съ молодымъ человекомъ, наблюдала за нимъ и восхищалась его великодушіемъ. Ея роднымъ и друзьямъ не нужно было упрекать ее послѣ такихъ припадковъ своенравія, потому что она, согласно ея чистосердечному признанію, страдала сама гораздо болѣе того, чѣмъ они желали; совѣсть наказывала ее сильнѣе, чѣмъ они полагали. Я полагаю, что наступавшую ночь она проводила въ безсонницѣ; подушка Гетти совершенно безъ ея сознанія облита была слезами; Гетти не замѣтила бы своихъ рыданій, еслибъ они не будили сестру; на другой день она была нездорова, къ ней приглашали доктора, — все семейство пришло въ уныніе; за обѣдомъ мать задыхалась отъ душевнаго волненія и негодованія; отецъ молча ѣлъ любимое блюдо; какъ только отворялась дверь, всѣ на нее поглядывали, въ тщетномъ ожиданіи, что въ нее входитъ Гарри. Если не является Гарри, думала Тео, то навѣрно придетъ Джоржъ.

Вечеромъ, совершенно неожиданно, привосятъ записку отъ Джоржа и при ней большой букетъ сирени.

«Пріятнымъ долгомъ считаю засвидѣтельствовать мое неизмѣнное почтеніе мистриссъ Ламбертъ и ея дочерямъ, писалъ Джоржъ: — и вмѣстѣ съ тѣмъ покорнѣйше прошу представить миссъ Тео этотъ букетъ сирени, которую она такъ любитъ при наступленіи весны. Благодарите за этотъ букетъ не меня, но бедфордскаго садовника, съ которымъ я недавно познакомился, подаривъ ему нѣсколько сухихъ экземпляровъ виргинскихъ растений, душистѣе всякихъ сиреней.

«Я пробылъ въ саду почти цѣлый день. Въ немъ такъ отрадно; на каждомъ шагу проявляется наступленіе весны; въ немъ я написалъ двѣ сцены извѣстной вамъ трагедіи и выправилъ стихи, которые поетъ пажъ въ четвертомъ дѣйствіи, подъ окномъ Сивиллы, въ то время, когда она не можетъ слышать, потому что, — бѣдняжка! — ей только передъ этимъ огрубилъ голову.»

— Досадно! Миѣ не нравится, что онъ постоянно надъ всѣмъ смѣется! Стихи вовсе не требовали поправокъ; они и безъ того прекрасны! сказала Тео.

— Въ самомъ дѣлѣ, мой другъ? Какъ это странно! замѣчаетъ папа.

Маленькая Гетти съ легкой усмѣшкой выглядываетъ изъ своего унымаго уголка. Тайна Тео уже болѣе не тайна во всемъ домѣ. — Догадуются ли молодые люди, въ чемъ она заключается? — Миссъ Тео продолжаетъ читать.

«Спенсеръ пригласилъ къ себѣ на завтракъ знаменитаго мистера Джонсона, который согласился выслушать мою пьесу, и вѣроятно сю останется доволенъ, потому что судьба моей героини совершенно одинакова съ судьбой его Ирены. Я слышалъ, что онъ пришелъ въ Лондонъ съ котомкой за плечомъ, въ которой лежала его первая трагедія. Не знаю, попадетъ ли она на сцену Мая? Въ состояніи ли вы представить себѣ свистъ подлѣ музыкантовъ и шиканье въ партерѣ въ той пагубной части четвертаго акта, гдѣ на сценѣ является палачъ съ своей огромной сѣкирой, въ ту страшную минуту, когда его призываютъ исполнить казнь? Говорятъ, что мистеръ Фильдингъ, когда въ партерѣ зашикали во время представленія одной его пьесы, на счетъ которой предостерегалъ его самъ мистеръ Гарриксъ, сказалъ, чтобы ихъ повѣсили! Знали, къ чему придратъся! — И преспокойно кончилъ свой пунишъ. Надо полагать, что его жены не было въ ложѣ. Есть женщины, которыхъ я не хотѣлъ бы огорчить, которымъ я готовъ отдать все, что у меня есть лучшаго.»

— Кого же онъ подразумѣваетъ подъ этимъ? — Письмо адресовано тебѣ, моя милая; утвердительно можно сказать, что онъ ухаживаетъ за твоей матерью передъ моими глазами! — сказалъ папа, обращаясь къ Гетти, которая вмѣсто отвѣта только вздохнула, положила руку въ руку отца и потомъ отняла ее.

«...которымъ готовъ отдать все, что у меня есть лучшаго. Сегодня я отдаю только букетъ сирени. Завтра... что бы такое отдать?— ну, хоть вѣтку руты, вѣтку лавра, или что нибудь въ этомъ родѣ, и все-таки — мое лучшее.

«Сегодняшній день былъ для меня однимъ изъ самыхъ долгихъ и лучшихъ дней; я провелъ его совершенно одинъ. Что вы думаете о Гарри, который разыгрываетъ роль лѣннивца? Я полагаю, Карпентанъ страшно надоѣлъ ему. Дѣйствительно, въ теченіе послѣднихъ недѣль жалко было смотрѣть на него; для него была бы очень полезна перемѣна воздуха и мѣста. Сегодня утромъ, очень рано, онъ вошелъ въ мою комнату и сказалъ, что взялъ мѣсто въ портсмутскомъ дилижансѣ съ намѣреніемъ прокатиться на островъ Вайтъ, въ военный лагерь.»

Въ лагерь! — Гетти блѣднѣетъ при этомъ извѣстіи; мать продолжаетъ:

«Частью тамошняго войска, именно тридцать-вторымъ полкомъ, командуетъ полковникъ Ричмондъ Веббъ, племянникъ знаменитаго стараго генерала, подъ командою котораго служилъ мой дѣдъ Эсмондъ въ великія войны Марльборо. Мистеръ Веббъ встрѣтилъ насъ у дяди, обошелся съ нами очень ласково и пригласилъ навѣстить его въ полковой квартирѣ. Пусть же братья мой съѣздитъ и послушаетъ свою любимую музыку—флейту и барабанъ! Онъ поручилъ мнѣ объявить всѣмъ лэди, что онѣ скоро о немъ услышатъ. Съ своей стороны я цалую ихъ ручки и спѣшу одѣваться къ обѣду въ отелѣ «Звѣзда и Подвязка», въ улицѣ Польш-Молль. Съ нами будетъ обѣдать мистеръ Соамъ Дженингсъ, мистеръ Комбриджъ и, вѣроятно, мистеръ Вальполь, если только найдетъ приличнымъ обѣдать въ отелѣ,—молодой ирландецъ, нѣкто мистеръ Буркъ, удивительный ораторъ и умница. Гумбо! скорѣе карету и сѣрый французскій кафтанъ! Если джентльмены спросятъ меня: кто подарилъ вамъ вѣтку сирени, которую вы пришилили противъ самаго сердца? — вмѣсто отвѣта я сейчасъ же предложу тостъ за здоровье сирени!»

Гетти, припоминая утренній разговоръ свой съ бѣднымъ Гарри, провела, я думаю, наступившую ночь такъ же безпокойно, какъ и прошедшую. Надо полагать, что въ душѣ этого джентльмена образо-

валось какое-то тайное, рѣшительное намѣреніе, потому что, оставивъ домъ мистера Ламберта, онъ долго ходилъ по улицамъ и уже поздно вечеромъ явился къ мадамъ де-Бернштейнъ. Баронеса въ послѣднее время чувствовала себя нехорошо, такъ что принуждена была отказываться отъ любимыхъ раутовъ, и на этотъ разъ сидѣла за спокойной игрой въ экарте съ кастльвудскимъ священникомъ, о которомъ ничего не было слышно съ тѣхъ поръ, какъ онъ находился въ долговой тюрьмѣ, рядомъ съ тюрьмой, въ которой заточенъ былъ Гарри Варрингтонъ. Джоржъ, по просьбѣ Гарри, уплатилъ небольшой долгъ, за который мистеръ Самсонъ подвергался временному страданію. Джоржъ далъ ему средства жить на его счетъ въ теченіе года. Быть можетъ, въ промежутокъ, въ который мы его не видали, онъ нѣсколько разъ попадалъ и выходилъ изъ тюрьмы. Уже нѣсколько времени, какъ онъ воротился въ Лондонъ, по обыкновенію полный и здоровый, и готовъ былъ по прежнему принять приглашеніе на бутылку вина или игру въ карты. Мадамъ де-Бернштейнъ вовсе не хотѣла, чтобы игра ея была прервана приходомъ племянника, бесѣда котораго не имѣла теперь ни малѣйшаго интереса для этой измѣнчивой старухи. Миѣ кажется, послѣ очень молодыхъ людей величайшими эгоистами бываютъ люди очень старые. Сердце начинаетъ черствѣть вмѣстѣ съ ослабленіемъ въ немъ при-токовъ крови. Изъ головы западаетъ въ него холодный снѣгъ и оледеняетъ чувства. Скажите, кому пріятно дожить до глубокой старости, утрачивать одну способность души за другою, быть безъ зубовъ, безъ глазъ, безъ памяти, безъ надежды, безъ сочувствія? Что сказали бы древніе патріархи, жившіе во девяти сотъ лѣтъ, еслибъ жили теперь, когда условія жизни измѣнились до того, что послѣ половины столѣтія, она становится тяжелымъ бременемъ?

Не получая отвѣта на свои рѣчи, кромѣ односложныхъ *да* и *нѣтъ*, Гарри уныло сѣлъ на кушетку подлѣ своей тетки, которая пожала плечами, повернулась къ племяннику спиной и продолжала играть. Кастльвудскій проповѣдникъ замѣтилъ однако же, что Гарри находился въ чрезвычайно встревоженномъ состояніи. Его лицо было блѣдно и носило мрачное выраженіе.

— Съ нимъ что нибудь случилось, прошепталъ онъ баронессѣ.

— Въ самомъ дѣлѣ! — сказала она, снова пожала плечами и продолжала сдавать карты.

— Что съ вами, сэръ? спросила она, послѣ продолжительной паузы: — отчего у васъ такое печальное лицо? — Мистеръ Самсонъ, по послѣдней игрѣ мы, кажется, имѣемъ поровну.

Гарри всталъ съ мѣста.

— Я отправляюсь въ дорогу и зашелъ проститься съ вами, сказалъ онъ весьма трагическимъ голосомъ.

— Въ дорогу! Ужь не въ Америку ли?—Я играю короля, мистеръ Самсонъ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Гарри:—въ настоящее время я ѣду на островъ Вайтъ.

— Вотъ что! — прекрасное мѣсто! сказала баронесса.—*Bonjour, mon ami, et bon voyage!*

И вмѣстѣ съ этимъ она послала своему племяннику летучій поцалуй.

— Быть можетъ, я возвращусь не скоро, простоналъ бѣдный Гарри.

— Въ самомъ дѣлѣ! Мы будемъ горевать о тебѣ. — Если у васъ нѣтъ пикъ, то игра моя. Прощай. — мой другъ! Теперь не стоитъ говорить о дорогѣ; ты расскажешь намъ, когда воротишься.

Гарри бросилъ на тетку печальный взглядъ и удалился.

— Съ нимъ случилось что нибудь серьезное, сказалъ проповѣдникъ.

— О! этотъ мальчикъ постоянно дѣлаетъ проказы! Я полагаю, онъ влюбился въ одну изъ тѣхъ деревенскихъ дѣвочекъ—какъ ихъ зовутъ, не помню—Ламберты, кажется,—у которыхъ онъ просиживалъ цѣлые дни. Онъ ничего хорошаго не сдѣлалъ здѣсь. Я обманулась въ немъ и напрасно принимала въ немъ живое участіе... Я возьму еще двѣ карты... Какъ вы думаете, что говорятъ о его кузинѣ, о миссъ Варрингтонъ, которая дѣлала глазки ему, воображая овладѣть такимъ призомъ; говорятъ, что король обратилъ на нее вниманіе и что лэди Ярмутъ вынѣ себя отъ бѣшенства. Ха, ха! Ужь эти мнѣ методисты Варрингтоны! Они нисколько не непорочиѣ своихъ ближнихъ; и если Grand-senior, несмотря на свою старость, броситъ носовой платокъ, онѣ всѣ кинутся ловить его.

— Всѣ, мадамъ; вы удивительно хорошо знаете свѣтъ! — вздохнувъ сказалъ проповѣдникъ. — Мой выходъ, мадамъ.

— Я жила въ немъ довольно долго, мистеръ Самсонъ, и могла узнать его. Самолюбіе развито въ немъ до невѣроятной степени; въ немъ всѣ стараются превзойти другъ друга! — Нѣтъ! больше картъ я вамъ не дамъ! Короля у васъ нѣтъ? Игра моя: у меня дама, валетъ и десятка.... да, свѣтъ самолюбивъ до-нельзя. А! и шоколадъ готовъ!

Карты поглощаютъ все вниманіе этой старухи. Дверь затворяется за ея племянникомъ и за всѣми его заботами. Подъ шляпой онъ выноситъ ихъ на улицу и нѣсколько времени ходитъ по темному городу.

— Праведное небо! думаетъ онъ, —какой я жалкій человѣкъ, какъ скучно и тяжело проходитъ моя жизнь!—Въ кругу пріятелей Джоржа я сижу и молчу. У меня нѣтъ ни ума, ни любезности, которыми одаренъ мой братъ. Я ему только въ тягость; еслибъ и хотѣлъ я помочь ему, то не знаю, какимъ образомъ. Тетушка Ламбертъ не перестаетъ быть доброй ко мнѣ, и мнѣ наконецъ становится стыдно пользоваться ея добродушіемъ. Даже Гетти не можетъ отвязаться отъ меня; и если выговариваетъ мнѣ, что я убиваю время и ничего не дѣлаю, то слѣдуетъ ли мнѣ сердиться на нее? Всѣ другіе меня оставили: кузины, дядя и тетка давно уже охладѣли ко мнѣ. Отправляясь въ Норфолькъ, они даже не захотѣли пригласить меня, хотя на денекъ, пострѣлять куропатокъ. Ъхать въ Кастльвудъ, послѣ исторіи съ Маріей, я не могу; я переломалъ бы тамъ ребра этому бездѣльнику Виллю; и хорошо еще, что я держусь подальше отъ этого мѣста.

Припомняя всѣ свои приключенія съ минуты пріѣзда въ Европу, Гарри заливается дикимъ смѣхомъ. Деньги, друзья, удовольствія, —все это исчезло; прошедшее представляется ему сновидѣніемъ. Онъ заходитъ въ клубъ Вайта, гдѣ лакеи не видѣли его около года. Парламентъ этотъ закрытъ. Всѣ джентльмены уѣхали въ свои помѣстья; игра прекратилась; впрочемъ, если бы она и продолжалась, то ему нельзя было принять въ ней участіе. Въ его карманѣ всего нѣсколько мелкихъ монетъ; хотя шкатулка Джоржа открыта для него во всякое время, и Гарри имѣлъ позволеніе брать изъ нея сколько ему угодно, но онъ очень рѣдко и экономно пользовался неоднократно повтореннымъ приглашеніемъ брата. Гарри садится и въ мрачномъ настроеніи духа выпиваетъ рюмку вина. Изъ Сентджемскаго дворца приходитъ нѣсколько офицеровъ. Въ былые дни онъ ихъ зналъ; они уже обѣдали и пили вино на дежурствѣ, но зашли въ клубъ еще поѣсть и попить. Одинъ изъ батальоновъ ихъ полка стоитъ въ Винчестерѣ и отправляется въ большую экспедицію, о которой всѣ говорятъ и никто не знаетъ, куда именно. Молодые люди проклинали судьбу свою за то, что не принадлежали къ этому батальону и должны оставаться и скучать, занимая караулы въ Лондонѣ и Кенсингтонѣ! Веббъ имѣлъ свой полкъ, а между тѣмъ сдалъ его и поступилъ въ тридцать-второй полкъ помощникомъ полковаго командира. Онъ тоже идетъ въ экспедицію. Да всѣ почти идутъ; и молодые люди называли десятки аристократическихъ фамилій, сыновья которыхъ поступили волонтерами.

— Теперь не то, что прежде; не ганноверцы подъ командой громаднаго принца, сказали одинъ молодой джентльменъ (родственники котораго лѣтъ сорокъ были торіями):—теперь идутъ англичане,

съ гвардіей въ авангардѣ и подъ предводительствомъ Марльборо! — Посмотримъ, устоятъ ли противъ нихъ французы? Наша армія, клянусь Георгомъ, непобѣдима!

Молодые люди потребовали еще пуншевую чашу и провозгласили нѣсколько громогласныхъ тостовъ за успѣхъ экспедиціи.

Мистеръ Варрингтонъ уходитъ изъ клуба въ то время, когда молодые люди уже не въ состояніи слѣдовать за нимъ; по дорогѣ домой онъ размышляетъ о разговорѣ молодыхъ людей, ложится спать и всю ночь думаетъ о томъ же.

— Что съ тобой, мой другъ? спрашиваетъ Джоржъ Варрингтонъ своего брата, когда послѣдній, при самомъ началѣ румянаго майскаго утра, входитъ въ его комнату.

— Мнѣ надобно немного денегъ, сказалъ Гарри, глядя на брата. Лондонъ надобѣлъ мнѣ страшнымъ образомъ.

— Помилуй, Гарри! Да можетъ ли надобѣсть Лондонъ кому бы то ни было? спрашиваетъ Джоржъ, имѣвшій свои основанія считать этотъ городъ лучшимъ мѣстомъ въ мірѣ.

— Мнѣ первому. Я боленъ, я чахну въ немъ.

— Вѣрно ты поссорился съ Гетти.

— Нѣтъ! Гетти такъ же мало думаетъ о мнѣ, какъ и я объ ней, говоритъ Гарри, качая головой. Очень просто — я боленъ и мнѣ необходимъ деревенскій воздухъ.

При этомъ Гарри объявляетъ, что намѣренъ посѣтить мистера Вебба на островѣ Вайтѣ.

— Такъ что же, Гарри, — шкатулка съ деньгами передъ тобой, говоритъ Джоржъ. — Опустѣ руку и бери изъ нея, сколько хочешь. Какое чудное утро, и какъ свѣжо смотритъ Бедфордскій садъ!

— Благодарствуй, братъ! Да благословить тебя небо!

— Дай Богъ благополучно! — и голова Джоржа снова опускается на подушку; онъ вынимаетъ изъ подъ нея памятную книжку и начинаетъ выправлять стихи, между тѣмъ какъ Гарри, въ плащѣ на плечахъ и съ маленькимъ чемоданомъ подъ мышкой, идетъ на почтовую станцію въ Гольборнѣ, откуда отправляется портемутскій diligencъ.

ГЛАВА XV.

МЕЛЬПОМЕНА.

Джоржъ Варрингтонъ никакимъ образомъ не позволялъ своимъ юридическимъ занятіямъ нарушать его спокойствіе и удоволь-

ствія, или производить вредное вліяніе на его драгоцѣнное здоровье. Мадамъ Эсмондъ въ своихъ письмахъ къ нему поставляла на видъ, что хотя онъ носилъ студентскую мантию и сидѣлъ въ толпѣ людей безъ всякаго имени, но самъ имѣлъ имя, и довольно старинное, извѣстность котораго онъ долженъ поддерживать и нося которое онъ могъ занять въ отечествѣ своемъ мѣсто наравнѣ съ первѣйшими лицами. Она желала, чтобы онъ занимался своей профессіей, какъ джентльменъ, изъ одного расположенія къ наукѣ, а не какъ труженникъ, изъ необходимости имѣть кусокъ хлѣба. Молодой человѣкъ довольно охотно повиновался такимъ приказаніямъ, такъ что, можно сказать, онъ не принадлежалъ къ рядовымъ юриспруденціи, но состоялъ въ ея службѣ волонтеромъ, подобно молодымъ джентльменамъ, о которыхъ мы слышали въ предъидущей главѣ. Хотя наука и не была такою взыскательною, какою сдѣлалась впоследствии, хотя она и позволяла своимъ ученикамъ гораздо болѣе свободы, болѣе удовольствій, болѣе пунша, болѣе частое посѣщеніе клубовъ и составленіе праздниковъ, чѣмъ въ настоящее время, когда послѣдователи ея почти не знаютъ ни удовольствій, ни отдыха, ни сна, ни пищи, но все же сто лѣтъ тому назадъ она была ревнивая госпожа и требовала, чтобы ей оказывали исключительное вниманіе. Муррэй, говорятъ, могъ бы быть Овидіемъ, но онъ предпочелъ быть лордомъ-канцлеромъ и вмѣсто лавроваго вѣнка носить горностаевую мантию. Быть можетъ, мистеръ Варрингтонъ возвысился бы до пэра Англіи и до кресла лорда-канцлера, еслибъ учился долго и прилежно, еслибъ былъ ловкимъ придворнымъ и фаворитомъ присяжныхъ, — словомъ, если бы былъ совершенно другимъ человѣкомъ. Онъ оказывалъ Ѳемидѣ глубокое уваженіе и вниманіе; но литературу любилъ болѣе законовъ.

Въ то удивительное время литература пользовалась необыкновенно большимъ почетомъ и любовью; поэты считались авторитетомъ. Въ судебныхъ мѣстахъ и въ палатѣ общинъ джентльмены постоянно обращались къ Виргилію или Лукану. Чѣго говорилъ по такому-то и такому-то предмету. Статій или Луканъ, не говоря уже о Туллій или Тацитъ? Теперь ихъ господствованіе совершенно кончилось; поклоненіе Юпитеру и Юнонѣ точно также вышло изъ моды, какъ и разработка міеологической поэзіи и поэмы. Наступилъ вѣкъ экономистовъ, и Пантеонъ Тука сдѣлался забавнымъ. Правда, отъ времени до времени въ честь Олимпійскихъ боговъ Стэнли убиваетъ ягненка, Гледстонъ возлагаетъ вѣнокъ, Литтонъ сожигаетъ оиміамъ, но кому какая нужда до древнихъ обрядовъ, боговъ и поклоненій? Кому какое дѣло до музъ, и какая польза изъ всего этого греческаго и латинскаго хлама? Кому нужно знать, что такое Геликонъ,

что за особа была Талія, и изъ сколькихъ слоговъ состоитъ слово Мельпомена, изъ трехъ или четырехъ?

Было уже говорено о томъ, какъ мистръ Джоржъ въ дни своей юности, во время продолжительнаго досуга, которымъ онъ наслаждался дома и въ теченіе своего плѣна во Французской крѣпости, на берегахъ Мононгахела, вмѣсто того, чтобъ оставаться празднымъ, ухаживалъ за Мельпоменой, и результатомъ ихъ союза была трагедія, которая хотя и не находится въ «Театральномъ Альманахѣ Белла», но нисколько не хуже нѣкоторыхъ пьесъ, напечатанныхъ въ этомъ изданіи. Большая часть молодыхъ людей платитъ дань уваженія этой трагической музѣ въ то время, когда они влюбляются въ женщинъ гораздо старше ихъ лѣтами. Откровенный читатель вѣроятно самъ сознается, если только онъ имѣлъ наклонность къ литературнымъ занятіямъ, что, при всемъ своемъ честолюбіи, онъ въ болѣе зрѣломъ возрастѣ готовъ ограничиться въ своихъ притязаніяхъ и согласиться, что для перевода оды Горациа или для переложенія стиховъ Воллера или Прайсера въ звучные сафическіе стихи, необходимо нужно употребить въ дѣло всѣ свои способности, тогда какъ для неопытной юности не стоило бы большаго труда написать трагедію или эпопею, и при этомъ находить въ нихъ неоцѣнимыя достоинства.

Джоржъ Варрингтонъ, по пріѣздѣ въ Лондонъ, часто бывалъ въ обоихъ театрахъ, посѣщалъ театральные клубы и слушалъ мнѣнія критиковъ; его можно было видѣть въ гостинницѣ Бедфордъ, расположенной между театрами, или въ гостинницѣ Сесиль, куда собирались послѣ спектакля актеры, любители и знатоки сценическаго искусства. Здѣсь онъ постепенно познакомился съ актерами и известными писателями и поэтами. Въ этихъ домахъ нерѣдко можно было видѣть тяжелаго старика Маклина, веселаго Фута, живаго Гиббиса и самого мистера Гаррика. Молодой нашъ джентльменъ, благодаря своему уму и скромности, а сверхъ того и богатству, которымъ онъ обладалъ, очень скоро понравился этому обществу и скоро сдѣлалъ открытіе, что актеры готовы были во всякое время пить, а писатели ужинать на его счетъ. Находиться въ хорошихъ отношеніяхъ съ сочинителемъ или актеромъ многіе молодые люди считали за особенное удовольствіе; и дѣйствительно — пировать съ Бабадилемъ, или съ Генрихомъ Пятымъ, или съ Александромъ Великимъ, взять щепотку табаку изъ табакерки Аристарха, сажать Юлію въ карету или провожать Монимію до ея кресла, это такія привиллегіи, которыми не могли не восхищаться молодые люди съ поэтической душой. Неудивительно, что и Джоржъ Варрингтонъ страшно полюбилъ театр. Онъ не разъ давалъ актерамъ пре-

красные обѣды, и говорили даже, что два геніальныхъ писателя доставили ему удовольствіе, занявъ у него нѣсколько денегъ.

Исправивъ и пополнивъ новыми красотами свое творческое произведеніе, мистеръ Варрингтонъ, — въ этомъ мы можемъ быть увѣрены, — совѣтовался съ своими друзьями, которые, само собою разумѣется, хвалили его и подавали совѣты. Мистеръ Спенсеръ, новый его знакомецъ изъ Темпля, задалъ превосходный завтракъ, за которымъ Варрингтонъ прочиталъ часть своего произведенія, и все присутствовавшіе джентльмены единодушно объявили, что это произведеніе имѣло необыкновенныя достоинства. Даже ученый мистеръ Джонсонъ сказалъ, что пьеса обнаруживала талантъ. Правда, въ ней недоставало единства мысли; но правило соблюдать это единство было нарушаемо всеми писателями, поэтому и мистеръ Варрингтонъ, слѣдуя примѣру другихъ, могъ имъ пожертвовать. Въ трагедіи мистера Варрингтона были мѣста, напоминавшія собою Коріолана и Отелло.

— А что же, вѣдь это двѣ превосходныя вещи, сэръ, — говоритъ молодой писатель.

— Конечно, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія; катастрофа ваша ужасна, и тѣмъ болѣе, что она не лишена истины, — замѣчаетъ мистеръ Спенсеръ.

Надо сказать, что трагедія мистера Варрингтона была переполнена убійствами и кровопролитіемъ. Содержаніе ея заимствовано было изъ любимой книги его дѣда, въ которой описывалась жизнь стараго Джоржа Фрундсберга, изъ Миндельгейма, полковника австрійской службы во время войнъ Конетабля Бурбона. Одинъ изъ товарищей Фрундсберга, нѣкто Карпцовъ, или Карпецанъ, былъ избранъ нашимъ молодымъ другомъ въ герои трагедіи.

Дѣйствіе въ первомъ актѣ, какъ это и теперь можно видѣть въ рукописи сэра Джоржа Варрингтона, — происходитъ передъ однимъ изъ прирѣйскихъ монастырей, осаждаемомъ лютеранами подъ предводительствомъ Карпецана. Эти лютеране представляютъ особую тайку людей, для которыхъ ничего нѣтъ священнаго. Они вырываютъ бороды католическимъ монахамъ и срываютъ покрывала съ множества женщинъ, посвятившихъ себя богослуженію. Нѣсколько десятковъ такихъ женщинъ трепетали за оградой монастыря, гарнизонъ котораго, въ случаѣ неприбытія къ полудню ожидаемаго подкрѣпленія, долженъ былъ сдать. Между тѣмъ назначается перемиріе, и часовые внѣ ограды бросаютъ на монастырь алчные взоры, въ то время, какъ другіе солдаты играютъ на травѣ передъ воротами въ азартныя игры. Медленно и уныло бьетъ на монастырской башнѣ двѣнадцать часовъ, а подкрѣпленія нѣтъ, какъ нѣтъ. Ворота отво-

ряются: изъ нихъ выходятъ герольды и выпускаютъ знаменитаго протестантскаго героя, наводившаго ужасъ на турокъ при Дунаѣ и папистовъ въ Ломбардо-Венеціанскихъ равнинахъ, полковника *Карнецана*. Онъ вогу онъ входитъ, одѣтый въ стальную броню; на плечѣ у него боевой молотъ, которымъ онъ въ дребезги разбивалъ десятки вражескихъ щитовъ, знамена распушены; трубы на обширное пространство разносятъ воинственные звуки.

«— Безчинства и оскорбленій чтобы не было! командуетъ Карнецанъ. Вино—ваше; въ монастырскихъ погребахъ и кладовыхъ добра много! Серебро плавить въ слитки; а если кто изъ гарнизона захочетъ вступитъ въ службу Гаспара Карнецана, то я охотно приму его и назначу хорошую плату. Монахинямъ отнюдь не дѣлать оскорбленій! Я обещаю имъ безопасность, и если кто рѣшится коснуться до нихъ пальцемъ, тогъ будетъ повѣшенъ. Палачъ! помни это приказаніе.

Палачъ, мужчина громаднаго роста, въ красномъ камзолѣ, киваетъ головою.»

— Мы будемъ видѣть этого господина еще нѣсколько разъ, объясняетъ гостямъ мистеръ Спенсеръ.

— Весьма пріятное знакомство, очень радъ видѣть такого джентльмена! говоритъ мистеръ Джонсонъ, качая головой надъ чашкой чаю. Эта сцена наемщиковъ, искателей счастія вооруженною рукою, нѣтъ дикія забавы,—полныновизны и жизни, мистеръ Варрингтонъ, — и я поздравляю васъ съ ней. Полковникъ, кажется, вошелъ въ монастырь? Позвольте же намъ услышать, что намѣренъ онъ дѣлать.

Переть побѣдителемъ является настоятельница и двѣ или три отшельницы. Какъ побѣдителя, онѣ ведутъ его въ храмъ. Онѣ еще прежде слышали о его жестокостяхъ въ святыхъ обителяхъ. Молотъ, который онъ беретъ на войну, раздробилъ уже множество священныхъ изображеній и разрушилъ множество зданій, посвященныхъ служенію Богу. Имъ извѣстно было, что этотъ святотатецъ растопилъ въ слитки множество священныхъ сосудовъ! Неудивительно, что настоятельница монастыря св. Маріи, женщина фанатическая, дерзкая на языкъ, благороднаго происхожденія, возненавидѣла этого еретика и рѣшилась высказать ему все, что лежало у ней на душѣ. Эта сцена, въ которой аббатиса ближе узнаетъ полковника, производила уже глубокое впечатлѣніе на слушателей мистера Варрингтона въ Темплѣ. Какъ ни страшенъ былъ Карнецанъ, но бойкость и откровенность аббатисы съ самаго начала его поразила; побѣдитель былъ побѣжденъ своей близницей.

Впрочемъ такой опытный воинъ не долженъ покоряться какой нибудь женщинѣ.

«— Скажите пожалуйста, много ли сестеръ въ здѣшней обители? спрашиваетъ Карпецанъ.

Аббатиса, съ видомъ замѣшательства и гнѣва, отвѣчаетъ, что благородныхъ сестеръ въ обители св. Маріи двадцать.... двадцать три.

Она хотѣла сказать двадцать-четыре, — а отчего же сказала только двадцать три?

«— Отчего это замѣшательство? вопрошаетъ капитанъ Ульрикъ, одинъ изъ лучшихъ офицеровъ Карпецана.

Мрачный военачальникъ вынимаетъ изъ кармана письмо.

«— Я требую отъ васъ, гнѣвнымъ тономъ говоритъ онъ, обращаясь къ аббатисѣ: благородную лэди Сибиллу—живую или мертвую. Ея братъ, мой храбрый сподвижникъ, палъ подлѣ меня при Миланѣ. Съ его смертію она дѣлается наслѣдницею всѣхъ его помѣстій. Говорятъ, что она заточена въ этотъ монастырь ея алчнымъ дядей. Пусть Сибилла сама произнесетъ свой приговоръ: оставаться среди здѣшнихъ сестеръ, или возвратиться въ свѣтъ и пользоваться свободой.

Эти слова привели аббатису еще въ большее смущеніе.

«— Въ этой обители нѣтъ никакой лэди Сибиллы, — отвѣчаетъ она: — сестра Агнеса приняла монашескій санъ и отдала нашему ордену всѣ земли и богатства.

«— Я требую отъ васъ немедленной выдачи лэди Сибиллы—живой или мертвой! — восклицаетъ Карпецанъ въ величайшемъ гнѣвѣ. Въ противномъ случаѣ, я даю сигналъ моимъ воинамъ предать мечу и огню всю обитель.

«— Оставьте брань, вскричала аббатиса. — Воинъ! — лэди, о которой вы спрашиваете у меня, оставила этотъ міръ, полный грѣха, соблазна и суетности; три дня тому назадъ наша сестра Агнеса — умерла.»

Это извѣстіе глубоко взволновало Карпецана. Аббатиса призываетъ священника подтвердить ея показаніе. Изнуренный и блѣдный старикъ долженъ былъ сознаться, что несчастная сестра Агнеса три дня тому назадъ предана землѣ.

Этого уже слишкомъ много! Въ карманѣ своего походнаго кафтана Карпецанъ имѣетъ письмо отъ самой сестры Агнесы, въ которомъ она говоритъ, что ее дѣйствительно похороняютъ, но въ одномъ изъ монастырскихъ подземелій, гдѣ—или будутъ держать ее на хлѣбѣ и водѣ, или просто уморятъ съ голода. Карпецанъ хватается аббатису за руку, а капитанъ Ульрикъ священника за грудь. Полковникъ

подаетъ сигналъ, и его свирѣлые воины врываются въ обитель. — Крикъ, вопли, трескъ, стукотня! Вдругъ, среди пламени, воплей и кровопролитія, передъ Карпецаномъ является сама Сибилла и безъ чувствъ падаетъ къ нему на плечо. Одна изъ монахинь съ алыми губками указала полковнику и Ульрику дорогу въ темницу сестры, Агнесы, и такимъ образомъ познакомила лютеранскаго вождя съ ея положеніемъ.

Монастырь отданъ мщенію, говоритъ мистеръ Варрингтонъ. Первый актъ кончается разореніемъ монастыря, торжествующими криками воиновъ и воплями монахинь. Имъ предоставляется перемѣнить мантии на свѣтскую одежду, потому что въ слѣдующемъ актѣ, какъ вы увидите, онѣ будутъ уже придворными дамами.

Тутъ начинается общее сужденіе о пьесѣ. Если ее дать на Друри-лэнскомъ театрѣ, то мистриссъ Питчардъ едва ли исполнить роль аббатисы. Миссъ Питчардъ превосходно исполнить роль хорошенькой Сибиллы, а миссъ Гэтсъ — хорошенькой монахини. Мистеръ Гарриксъ недостаточно высокъ для роли Карпецана, — хотя, въ минуты одушевленія, покажется выше самаго огромнаго гренадера. Мистеръ Джонсонъ находитъ, что Вудвардъ будетъ отличнымъ Ульрикомъ, потому что онъ превосходно играетъ въ роли Меркуціо, — словомъ, о пьесѣ трактуютъ такъ, какъ будто она уже принята на сцену, и раздаютъ актерамъ роли.

Во второмъ дѣйствіи Карпецанъ женится на Сибиллѣ. Войны обогатили его, императоръ даровалъ ему титулы, и онъ съ величайшею роскошью живетъ въ своемъ замкѣ, на Дунаѣ.

Но при всемъ богатствѣ, при всѣхъ титулахъ, Карпецанъ несчастливъ. Быть можетъ, въ періодъ своей буйной жизни предводительствуя шайкой разбойниковъ по обоимъ берегамъ Дуная, онъ надѣлалъ преступленій, которыя пробуждали въ немъ угрызеніе совѣсти. Быть можетъ, грубое его обхожденіе не нравилось женѣ, высокаго рода, любившей повелѣвать. Упрекая его низкимъ происхожденіемъ, вульгарными друзьями, которыми старый воинъ любилъ окружать себя, она заставляла его вести такую жизнь, — замѣтите, я пишу только содержаніе пьесы Варрингтона, слишкомъ длинной, чтобы печатать ее цѣликомъ, — что бывало время, когда онъ сожалѣлъ объ освобожденіи этой очаровательной, но сварливой и капризной дѣвы изъ монастырской тюрьмы. Послѣ суматохи перваго акта, второй актъ довольно спокоенъ и проходитъ большею частію въ ссорѣ между барономъ и баронессой Карпецанъ до тѣхъ поръ, пока у воротъ замка не раздастся звукъ охотничьяго рога, и барону докладываютъ, что молодому королю Богеміи и Венгріи угодно быть на охотѣ въ этой части своихъ владѣній.

Дѣйствіе III происходитъ въ Прагѣ, куда его величество пригласилъ барона Карпецана и его жену, съ благородными обѣщаніями доставить послѣдней мѣсто при дворѣ. Барона обѣщали произвести въ графы, изъ полковника — сдѣлать главнокомандующимъ. Его жена блистательнѣе и очаровательнѣе всѣхъ придворныхъ дамъ, — а что касается до Карцова....

— Позвольте, сэръ, — позвольте: я знаю эту исторію, — говоритъ мистеръ Джонсонъ. Она есть у Метерана въ *Theatrum Universum*. Я читалъ ее въ Оксфордѣ, будучи еще мальчишкой.... Карпецанъ или Карцовъ....

— А вотъ и четвертый актъ, говоритъ мистеръ Варрингтонъ.

Въ четвертомъ актѣ вниманіе молодого короля къ Сибиллѣ становится болѣе и болѣе очевиднымъ. Ея мужъ, возбуждаемый ревностью, долго борется съ этимъ чувствомъ, пока преступность жены становится несомнѣнною — и тутъ-то мы читаемъ актъ, заключающійся истинно—трагически. Убѣжденный въ преступленіи жены, Карпецанъ отдаетъ приказаніе палачу, слѣдовавшему за нимъ во всѣхъ походахъ, убить ее въ ея собственномъ дворцѣ. Занавѣсъ опускается въ минуту этого ужаснаго злодѣянія, совершеннаго въ боковой комнатѣ, освѣщенной луннымъ свѣтомъ чрезъ венеціанское окно, подъ которое король подходитъ съ лютней и поетъ условную между нимъ и его преступной жертвой пѣсню.

Эта пѣсня, написанная стариннымъ слогаомъ и помѣщенная еще въ третьемъ актѣ, гдѣ дается королемъ и королевой великолѣпный пиръ, была признана Джонсономъ за удачное подражаніе манеръ мистера Валлера; ея повтореніе въ минуту преступленія, убійства и ужаса, чрезвычайно много усиливало трагическую мрачность сцены.

— Что же слѣдуетъ дальше? спросилъ Джонсонъ. Я помню, въ Репертуарѣ Метерана говорится, что при Мансфельдѣ Карпецанъ снова попалъ въ милость и, безъ всякаго сомнѣнія, перебилъ множество людей на сторонѣ, требовавшей реформы.

Но здѣсь нашъ поэтъ сдѣлалъ отступленіе отъ исторической истины. Въ пятомъ дѣйствіи, Людовикъ, король Венгріи и Богеміи, значительно уже уstraшенный кровавымъ заключеніемъ своей интриги, получилъ извѣстіе, что Солиманъ сдѣлалъ нашествіе на его венгерскія владѣнія. На сценѣ являются два нобльмена и рассказываютъ, что въ совѣтѣ, который созвалъ король по случаю неожиданной вѣсти, оскорбленный и взбѣшенный Карпецанъ бросился къ королю, переломилъ передъ нимъ свою саблю и бросилъ ее къ его ногамъ вмѣстѣ съ перчаткой. Послѣ этого безумнаго вызова, мятежникъ бѣжалъ изъ Праги и съ тѣхъ поръ о немъ ничего не было

слышно. Носились впрочемъ слухи, что онъ присоединился къ турецкому завоевателю, надѣлъ тюбанъ и находился въ султанскомъ лагерѣ, бѣлые шатры котораго видѣлись за рѣкой и противъ котораго король былъ уже въ походѣ. Вслѣдъ за тѣмъ король входитъ въ палатку съ своими генералами, распоряжается атакой и распускаетъ ихъ по мѣстамъ, удерживая при себѣ одного престарѣлаго и преданнаго рыцаря, которому признается въ своихъ прежнихъ преступленіяхъ, выражаетъ уваженіе къ своей доброй, оскорбленной королевѣ и свою рѣшимость мужественно встрѣтить день битвы.

«— Какъ называется это поле?

«— Могачъ, государь! — отвѣчаетъ старый воинъ, прибавляя, что Могачъ еще до заката солнца будетъ свидѣтелемъ кровопролитной битвы.

Барабанный бой и звукъ военныхъ трубъ возвѣщаютъ наступленіе страшной минуты; гремятъ цимбалы и дикіе музыкальные инструменты янычаръ. Мы въ турецкомъ лагерѣ, и вонъ тамъ, окруженный вождями въ высокихъ тюбанахъ, шествуетъ другъ султана Солимана, побѣдитель Родоса, знаменитый великій визирь.

Но кто этотъ воинъ въ восточномъ костюмѣ и съ перчаткой въ чалмѣ? Это Карпецанъ! Даже Солиманъ узналъ о его храбрости и жестокости. Карпецану знакома военная тактика венгерскаго государя; онъ зналъ, съ какой стороны слабѣ всего король Людовикъ; зналъ, какъ должно встрѣтить кавалерію, нападеніе которой всегда бывало ужасно, и поэтому заманилъ ее въ болото, гдѣ ожидала ее вѣрная гибель; онъ проситъ дать ему команду въ передовыхъ отрядахъ и по возможности ближе къ тому мѣсту, гдѣ будетъ находиться венгерскій король. — И прекрасно, — говоритъ мрачный визирь: — непобѣдимый повелитель правовѣрныхъ наблюдаетъ за битвой съ вершины той башни. Къ концу дня онъ будетъ знать, какъ достойно вознаградить вашу храбрость. — Загремѣли вѣстовые выстрѣлы, раздался звукъ трубъ, призывающій къ битвѣ, — турецкіе вожди возвращаются къ своимъ мѣстамъ, обѣщая смерть невѣрнымъ и клянясь въ вѣчной вѣрности султану.

Битва во всемъ разгарѣ, съ ея разнообразіемъ, такъ хорошо знакомымъ любителю театра. Христіанскіе рыцари и турецкіе воины являются на сценѣ въ одной сплошной массѣ. Военныя трубы не умолкаютъ. Войска съ той и другой стороны то приступаютъ, то отступаютъ. Карпецанъ, съ перчаткой въ чалмѣ и своимъ ужаснымъ боевымъ молотомъ, производящимъ опустошеніе въ рядахъ непріятеля, бѣшено носится по полю, вызывая на бой короля Людовика. Ранегаť этотъ хочетъ нанести смертельный ударъ налетѣвшему на

него воину, но узнать въ немъ молодаго Ульрика, бывшаго своего сподвижника, опускаетъ занесенный молотъ, велитъ молодому человеку бѣжать и помнить Карпецана. Увидѣвъ своего молодаго друга и вспомнивъ бывшя времена, когда вмѣстѣ съ нимъ сражался за протестантскую вѣру, Карпецанъ замѣтно смягчился. Ульрикъ убѣждаетъ Карпецана воротиться въ отечество, и его убѣжденія кончаются вызовомъ на поединокъ. Они дерутся. Ульрикъ падаетъ отъ удара страшнаго молота. Ренегатъ совершенно таетъ при видѣ умирающаго товарища, какъ вдругъ передъ нимъ является Людовикъ; перья на его шлемѣ оборваны, его мечъ иззубренъ, его щитъ измятъ и исколотъ отъ тысячи ударовъ, которые онъ наносилъ и отражалъ въ продолжительной и кровопролитной битвѣ. А! это онъ!—восклицаетъ преступный король и обращается въ бѣгство, но Карпецанъ настигаетъ его. Вся чувствительность исчезаетъ въ немъ. Бѣшенство шипитъ въ его груди. — Бой ровный! реветъ Карпецанъ. Измѣнникъ будетъ сражаться съ измѣнникомъ!—Коварный король, коварный рыцарь, коварный другъ—я вызываю тебя на поединокъ! — И съ этими словами онъ вырываетъ изъ чалмы перчатку и бросаетъ ее къ ногамъ короля.

Само собою разумѣется, поединокъ состоится, и король падаетъ отъ страшной руки оскорбленнаго мужа. Людовикъ умираетъ, произнося несвязныя слова, выражавшія раскаяніе, и Карпецанъ, склонясь на свое смертоносное оружіе, произноситъ надъ трупомъ короля плачевный монологъ. Между тѣмъ собрались турецкіе воины: грозный день остался за ними. Въ нѣкоторомъ отдаленіи стоитъ мрачный визирь, окруженный янычарами, которыхъ дuki и мечи до пресыщенія упитаны смертью. Онъ бросаетъ на Карпецана выразительный взглядъ.

— Христіанскій ренегатъ! говоритъ визирь. — Аллахъ даровалъ намъ знаменитую побѣду. Оружіе правовѣрнаго властелина торжествуетъ повсюду. Ты убилъ христіанскаго короля!

— Миръ душѣ его! Онъ умеръ, какъ добрый рыцарь, произносить умирающій Ульрикъ.

— Въ день этой битвы, продолжаетъ мрачный визирь, никто не оказалъ такой храбрости, какъ ты. Ты сдѣланъ нашею Трансильваніею! Стрѣльцы, впередъ! Стрѣляйте!

Стрѣла взвилась и вонзилась въ грудь Карпецана.

— Паша Трансильваніи! ты измѣнилъ своему королю, который лежитъ убитый твоею рукою! продолжаетъ визирь. Въ этотъ день великой побѣды ты отличилъ себя болѣе всякаго воина. Повелитель вселенной достойнымъ образомъ тебя вознаграждаетъ! Трубите маршъ! Ночью мы идемъ на Вѣну!

Занавѣсъ опускается въ то время, какъ Карпецанъ, подползая къ умирающему молодому другу, цалуетъ его руки и, задыхаясь, говоритъ :

— Прости меня, Ульрикъ !

Мистеръ Варрингтонъ, кончивъ чтеніе своей трагедіи, обращается къ Джонсону и съ покорностію спрашиваетъ :

— Ну, что вы скажете, сэръ? Можно ли надѣяться на успѣхъ?

Но мистеръ Джонсонъ, этотъ знаменитый критикъ, затруднялся высказать свое мнѣніе, потому что давно уже спалъ, и откровенно признался, что не слышалъ окончанія пьесы.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ замолкъ голосъ чтеца, въ небольшомъ кружкѣ слушателей начался говоръ и движеніе. При началѣ чтенія Джерджъ, можетъ статься, былъ очень взволнованъ; но послѣдніе два акта онъ прочиталъ необыкновенно хорошо, и за это всѣ слушатели его осыпали похвалами. Быть можетъ, похвалы эти были слѣдствіемъ окончанія пьесы. Слуга мистера Спенсера подаетъ питье, освѣжающее и подкрѣпляющее утомленныя силы. Студенты Темпля, глотая негусъ, выражаютъ различныя свои мнѣнія. Они, можно сказать, превосходные критики, потому что превосходно знакомы съ театромъ, и трактуютъ о произведеніи мистера Варрингтона съ добавляющею важною.

Мистеръ Фаунтэйнъ полагаетъ, что визирь, произнося надъ Карпецаномъ смертный приговоръ, не долженъ былъ командовать: пли! потому что въ дѣлѣ были не ружья, а луки и стрѣлы. Замѣчаніе это осталось безъ послѣдствій.

Мистеръ Фигтри, человѣкъ сантиментальный, крайне сожалѣетъ, что Ульрикъ не остался въ живыхъ и не женился на комической героинѣ.

— Нѣтъ, милостивый государь, говоритъ мистеръ Джонсонъ: — это вещь невозможная, потому что венгерская армія потерпѣла совершенное пораженіе при Могачѣ, и Ульрикъ непремѣнно долженъ былъ пасть вмѣстѣ съ другими. Онъ могъ бы спастись бѣгствомъ, но вы бы сами не согласились выставить героя трусомъ! Произнесите смертный приговоръ надъ капитаномъ Ульрикомъ, но казните его съ военными почестями.

Мистеръ Эссексъ и Танфильдъ выразительно посматриваютъ другъ на друга, стараясь угадать, кто этотъ чудакъ, который всѣмъ противорѣчитъ и въ заключеніе предлагаетъ прокатиться по Темзѣ и подышать чистымъ воздухомъ, послѣ утомленія, произведеннаго трагедіей.

Общее мнѣніе, однакожь, совершенно благопріятно для мистера Варрингтона; а мнѣніе мистера Джонсона, которое нашъ авторъ цѣнить выше всего, еще благопріятнѣе. Быть можетъ, мистеръ Джонсонъ хотѣлъ только польстить такому свѣтскому молодому джентльмену, какъ мистеръ Варрингтонъ.

— Что касается до смерти героини, говорилъ онъ:—то я вполне соглашаюсь съ вами. Я говорю это, какъ драматургъ, который убилъ свою собственную героиню и получилъ за это *plausus in theatro*. Слышать свое собственное произведеніе въ домѣ рукоплесканій—въ высшей степени восхитительно. Мнѣ пріятно видѣть молодого человѣка съ хорошимъ именемъ и хорошаго происхожденія, который донускаетъ, что трагическая муза нисколько его не унижаетъ. Я—такъ пригласилъ ее въ жалкую хижину и просилъ вывести меня изъ нищеты и ничтожества. Счастливы вы, мой другъ, что можете встрѣтиться съ ней, какъ равные, можете жениться на ней безъ приданого. Поздравляю васъ, мистеръ Варрингтонъ, съ удачнымъ произведеніемъ, и если желаете поставить его на сцену, то буду очень счастливъ, если успѣю убѣдить моего пріятеля мистера Гаррика познакомиться съ вами.

— Мистеръ Гаррикъ будетъ его крестнымъ отцомъ, сказалъ румяный мистеръ Фигтри:—Мельпомена—крестной матерью, а котель изъ Макбета — купелью.

— Извините, сэръ, замѣтилъ знаменитый литераторъ: — я ни слова не говорю ни о купели, ни о крестной матери. Я не хочу издѣваться надъ нравственностью или религіей; да и въ пьесѣ мистера Варрингтона ничего нѣтъ подобнаго. Въ ней порокъ наказанъ, какъ это и слѣдуетъ, даже въ короляхъ, хотя мы и привыкли судить о ихъ искушеніяхъ слишкомъ легко. Мщеніе тоже наказано, съ тою цѣлію, чтобы оно, при нашемъ ограниченномъ понятіи о правосудіи, не такъ легко приводилось въ исполненіе. Почему знать, быть можетъ, жена Карпецана была виновницей въ преступленіи короля, а не король довелъ эту женщину до заблужденія. Во всякомъ случаѣ, какъ король, такъ и ренегатъ получили справедливое возмездіе за свое преступленіе. Желаю вамъ добраго вечера, джентльмены.

И съ этими замѣчаніями великій писатель оставилъ общество.

Въ концу чтенія въ квартирѣ мистера Спенсера явился генералъ Ламбертъ и выслушалъ послѣднюю часть трагедіи. Когда кончились всѣ разсужденія, онъ и Джоржъ отправились сначала въ квартиру послѣдняго, а потомъ въ домъ генерала, гдѣ давно уже ждали молодого автора и съ нетерпѣніемъ хотѣли узнать о пріемѣ трагедіи знаатоками сценическаго искусства.

Джоржъ нашелъ въ своей квартирѣ ожидавшее его письмо. Онъ положилъ его въ карманъ непрочитаннымъ, торопясь за своимъ спутникомъ въ кварталъ Сого. Мы можемъ быть увѣрены, что маленькое семейство Ламберта сильно беспокоилось за участь Карнепана. Гетти говорила, что Джоржъ до такой степени застѣнчивъ, что было бы гораздо лучше, еслибъ трагедію его читалъ кто нибудь другой. Тео, напротивъ, была совсѣмъ другаго мнѣнія.

— Читать ее другому! вскричала она.—Вотъ еще новость! Да кто можетъ прочитать лучше поэму, какъ не самъ авторъ, который почувствовалъ ее? А я увѣрена, что сердце Джоржа въ его пьесѣ!

Мистеръ Ламбертъ подумалъ, что въ пьесѣ Джоржа чье нибудь другое сердце, а не его, но не высказалъ этого мнѣнія миссъ Тео.

— Знаете что, сказалъ генераль:—Гарри отлично бы показался въ роли принца. Сцена, гдѣ онъ, отправляясь на войну, прощается съ женой, чрезвычайно какъ напоминаетъ манеры вашего брата.

— О, папа! да мистеръ Варрингтонъ выполнилъ бы эту роль несравненно лучше! произнесла миссъ Тео.

— И для этого, конечно, онъ отыскалъ бы принцессу, которая была бы ему подъ пару. Кстати, нѣтъ ли извѣстій о вашемъ братѣ?

Джоржъ, думавшій о театральныхъ триумфахъ, о *monumentum aere perennius*, о сирени, о любви, которая проглядывала въ каждомъ его словѣ, въ каждомъ поступкѣ и не оставалась безотвѣтною,—вспоминаетъ, что въ карманѣ у него лежитъ письмо отъ Гарри, и съ радостнымъ лицомъ вынимаетъ его.

— Послушаемте, тетущка Ламбертъ, что говорятъ о себѣ нашъ вѣтрогонъ, сказалъ Джоржъ, срывая печать.

Но отчего онъ такъ волнуется при чтеніи письма? Отчего всѣ женщины устремляютъ на него встревоженные взгляды? И отчего Гетти такъ блѣдна?

— Я прочитаю вслухъ, сказалъ Джоржъ и началъ слѣдующее:

Райлъ, 1 июня, 1758.

«Уѣзжая въ пятницу, я не сказалъ моему неоцѣненному Джоржу о моихъ надеждахъ и намѣреніяхъ. Я поѣхалъ повидаться съ мистеромъ Веббомъ въ Портсмутъ или на островъ Вайтъ, гдѣ находился его полкъ, и просить даже на колѣняхъ, въ случаѣ необходимости, чтобы онъ принялъ меня волонтеромъ и взялъ съ собой въ экспедицію. Узнавъ въ Портсмутѣ, что *нашъ полкъ* стоитъ лагеремъ въ деревнѣ Райлъ, я отправился туда на лодкѣ. Мистеръ Веббъ принялъ меня очень благосклонно и охотно согласился исполнить мое желаніе. Вотъ почему я и сказалъ *нашъ полкъ*. При мистерѣ Веббѣ восемь волонтеровъ, всѣ люди хорошихъ фамилій и богатые, кромѣ

меня бѣдняка, который, впрочемъ, и не заслуживаетъ быть богатымъ. Столь мы имѣемъ вмѣстѣ съ офицерами; намъ дано право во всякое время быть впереди фронта; черезъ часъ мы переправляемся на военный 60-ти пушечный корабль «Рочестеръ»; командиръ нашъ, мистеръ Гау, будетъ на 7-ти пушечномъ кораблѣ Эссексъ. Его эскадра состоитъ изъ 20 кораблей и по крайней мѣрѣ изъ 100 транспортовъ. Хотя цѣль экспедиціи и составляетъ тайну, но мы нисколько не сомнѣваемся, что насъ повезутъ во Францію, гдѣ я надѣюсь еще разъ увидѣть старыхъ друзей и овладѣть нѣсколькими знаменами *à la point de mon épée*, какъ мы говаривали въ Канадѣ. Быть можетъ, мои услуги въ качествѣ переводчика будутъ не безполезны; я говорю по-французски не такъ хорошо, какъ одинъ коротко знакомый мнѣ молодой человекъ, но лучше всѣхъ своихъ сослуживцевъ.

«Объ этомъ поступкѣ моемъ я не рѣшаюсь писать матери. Когда кончишь свою знаменитую трагедію, то не напишешь ли къ ней ты? Ты можешь убѣдить и успокоить всякаго. Засвидѣтельствуй мое искреннее почтеніе генералу Ламберту и всему его семейству. Если со мной случится несчастіе, то я знаю, что ты побережешь моего бѣднаго Гумбо, принадлежащаго преданнѣйшему брату моего неогнѣннаго Джоржа

Генри Э. Варрингтону.»

«P. S. — Когда будешь писать домой, то, пожалуйста, всѣмъ поклонись отъ меня, включая Демпетера, Моунтэйнъ, Фанни М. и всю прислугу. Попроси у многоуважаемой мамѣ прощеніе за мой поступокъ: — я желалъ бы отъ души сдѣлать ей угодное. Надѣюсь, что милая миссъ Гестеръ Ламбертъ проститъ меня, если я сказалъ ей что нибудь непріятное. Молю Бога, да ниспошлетъ Онъ на всѣхъ васъ благословеніе. Г. Э. В.»

«Мистеру Д. Эмонду Варрингтону, Эсквайру.

«Въ домѣ мистера Скрэсъ, у Соутамтонскихъ рядовъ.

«Напротивъ Бедфордскаго сада.

Въ Лондонъ.»

Джоржъ не могъ спокойно прочитатъ послѣднія слова въ письмѣ; Мистеръ Ламбертъ молчитъ, и тоже взволнованъ не менѣе Джоржа. Тео и ея мать смотрятъ другъ на друга; Гетти остается съ жалобнымъ лицомъ и разбитымъ сердцемъ. — Онъ идетъ на встрѣчу опасности, думаетъ она: — быть можетъ на смерть, и кто же послалъ его?

ГЛАВА XVI,

ВЪ КОТОРОЙ ГАРРИ ГОНИТСЯ ЗА СЛОВОЙ.

Преданный Гумбо не могъ утѣшиться, узнавъ объ отъѣздѣ своего любимаго господина. Судя по слезамъ и воплямъ его, когда онъ услышалъ печальное извѣстіе о поступленіи мистера Гарри въ военную службу, вы бы, право, подумали, что разлука убьетъ его. Неудивительно послѣ этого, что вся женская прислуга мистера Ламберта принимала въ немъ живѣйшее участіе. Чтò бы тамъ ни было на душѣ этого мрачнаго юноши, но онъ искалъ утѣшенія въ обществѣ женщинъ. Ихъ прекрасныя и нѣжныя сердца умѣли сочувствовать горести несчастнаго африканца. Черный цвѣтъ кожи Гумбо не лишенъ былъ въ глазахъ ихъ особенной прелести, какъ цвѣтъ кожи Отелло въ глазахъ Дездемоны. Я увѣренъ, что Европа никогда не питала того отвращенія къ африканскому племени, которое оказывала ему одна извѣстная всѣмъ почтенная часть свѣта. Мало того, нѣкоторые африканцы, — да напримѣръ, хотя Шевалье де Сентъ-Жоржъ, были замѣчательными фаворитами прекраснаго пола.

Такимъ точно фаворитомъ былъ и мистеръ Гумбо, несмотря на скромное свое положеніе въ обществѣ. Слуги Ламберта горько плакали въ его обществѣ; служанки считали его не только лакеемъ мистера Гарри, но и своимъ братомъ. Гетти не могла удерживаться отъ смѣха при видѣ Гумбо, рыдающаго потому, что господинъ его отправился *волонтировать*, какъ выражался онъ, и не взялъ его съ собой. Онъ готовъ былъ ежечасно спасать жизнь мистера Гарри, — готовъ былъ для мистера Гарри изрубить себя на тысячу кусочковъ! Между тѣмъ натура требовала подкрѣпленія, и онъ подкрѣплялъ ее въ кухнѣ огромными пріемами нива и холоднаго кушанья. Что онъ былъ жаденъ, любилъ лѣниться и лгать, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія, а между тѣмъ Гетти дарила ему полкроны и была до него особенно добра. Ея языкъ, довольно колкій, сдѣлался теперь такимъ мягкимъ и нѣжнымъ, что, вы бы подумали, что шутка или насмѣшка для него невозможна. Безмолвно и съ уныніемъ ходила она по комнатамъ. Она была покорна передъ мама; благодарна Джону и Бетти, когда они прислуживали ей за обѣдомъ, терпѣлива передъ Полли, которая, убирая ей голову, вырывала волосы; долготерпѣлива, когда Чарли наступалъ ей на ноги или производилъ страшный безпорядокъ на ея рабочемъ столикѣ; молчалива въ обществѣ папа. — О, какъ удивительно перемѣнилась Гетти! — Еслибъ папа приказалъ ей

изжарить часть баранины или идти въ церковь рука объ руку съ мистеромъ Гумбо, она сдѣлала бы книксенъ и сказала: — извольте, милый папаша! — Часть баранины! Что-то кушаютъ бѣдные волонтеры подъ пулями и ядрами, летающими надъ ихъ головами?—Идти въ церковь! — Когда читалась молитва о ниспосланіи успѣха оружію британскихъ воиновъ, — о, какъ крѣпко сжимались колѣни ея, когда она опускалась на нихъ и преклоняла голову на скамью! Съ какимъ страхомъ и трепетомъ преклоняла она голову, когда священникъ произносилъ: не убій! — ей казалось, что онъ при этихъ словахъ смотрѣлъ на нее! Съ замираніемъ въ сердцѣ молится она о спасеніи странствующихъ, страждущихъ и плѣнныхъ!—Съ болѣзненнымъ ощущеніемъ она беретъ газету въ руки, чтобъ прочесть извѣстіе объ экспедиціи! Внимательно смотритъ на отца, когда онъ приходитъ изъ военной канцеляріи, и по выраженію его лица старается узнать — хороши или нѣтъ извѣстія съ театра войны! Здоровъ ли онъ? Не произведенъ ли въ генералы? Не раненъ ли, не попалъ ли въ плѣнъ?—О Боже! страшно подумать! быть можетъ, одинъ выстрѣлъ лишилъ его обѣихъ ногъ, и онъ ходитъ теперь на деревяшкахъ, какъ инвалиды, которыхъ она когда-то видѣла въ Чельзи? — Она бы сама всю жизнь свою проходила на костыляхъ, лишь бы только онъ благополучно воротился домой; или по крайней мѣрѣ она готова была ходить на колѣняхъ до его возвращенія.

— Тео, ты вѣрно слышала о людяхъ, посѣдѣвшихъ въ одну ночь?—Я не буду удивляться, если посѣдуютъ и мои волосы,—право не буду.

И Гетти смотрится въ зеркало, чтобъ убѣдиться въ этомъ феноменѣ.

— Гетти, ты не была такъ разстроена, когда нашъ папа находился въ Миноркѣ, — замѣчаетъ Тео.

— Ахъ, Тео! — другимъ хорошо, что Джоржъ не въ арміи, а дома, внѣ всякой опасности, возражаетъ Гетти.

При этихъ словахъ старшая сестра краснѣетъ и задумывается. Да, еслибъ Джоржъ былъ въ арміи, тогда совсѣмъ иное дѣло. — Съ своей стороны мы не хотимъ долѣе томить добрыя чувства нашего читателя и скажемъ прямо, что Гарри въ настоящее время находится въ такой же безопасности, какъ и всякій гвардейскій офицеръ въ казармахъ Реджинтъ-Стрита.

Первая экспедиція, въ которой участвовалъ нашъ храбрый волонтеръ, можно сказать, была увѣнчана если не славой, то успѣхомъ. Британскій, или, пожалуй всякій другой левъ, не всегда можетъ имѣть нѣсколько слабѣйшаго, или по крайней мѣрѣ равнаго себѣ соперника, не всегда можетъ имѣть случай къ выгодной битвѣ. Положимъ,

что онъ отправляется отыскивать тигра, а тигра нѣтъ, — и онъ по необходимости накладываетъ лапу на гуся и разрываетъ его на клочки. Львы, какъ намъ извѣстно, должны жить, какъ и другія животныя. Положимъ еще, что, войдя въ лѣсъ, на поиски вышепомянутаго тигра и прорывавъ вызовъ на бой, онъ усматриваетъ, что на встрѣчу ему идетъ не одинъ, а шесть тигровъ. Очевидно, подобная борьба ему вовсе не по силамъ. Онъ поджимаетъ хвостъ и убегаетъ со всевозможной поспѣшностью въ свою берлогу. Еслибъ онъ рѣшился вступить въ бой съ шестью тиграми, вы смѣло могли бы сказать, что левъ низошелъ до осла.

Для Гарри Варрингтона, первое упоеніе военной славой было именно въ этомъ родѣ. Онъ и около 13,000 другихъ воиновъ 1-го іюня отплыли на различныхъ корабляхъ и транспортахъ отъ острова Вайта; на разсвѣтъ 5-го іюня подошли къ берегамъ Бретани и бросили якорь въ бухтѣ Канкаль. Съ самаго начала онъ и джентльмены волонтеры имѣли удовольствіе осматривать французскій берегъ съ своихъ кораблей, между тѣмъ какъ главнокомандующій и Коммодоръ дѣлали рекогносцировку на катерѣ. Вдали виденъ былъ пасущійся скотъ на прибрежныхъ лугахъ и нѣсколько драгуновъ, скакавшихъ по различнымъ направленіямъ; у самаго берега возвышалась маленькая крѣпость съ двумя орудіями, которыя осмѣлились дѣлать выстрѣлы по катеру, съ его сіятельствомъ Марльборо и Коммодоромъ. Къ двумъ часамъ по полудни весь британскій флотъ стоялъ уже на якорѣ. Въ это время сдѣланъ былъ сигналъ, чтобы всѣ гренадерскія роты изъ одиннадцати полковъ подѣхали на плоскодонныхъ судахъ къ флагманскому кораблю Эссексъ. Между тѣмъ, мистеръ Гау, поднявъ широкій свой вымпелъ на фрегатъ Успѣхъ, подошелъ, сопровождаемый другими фрегатами, почти къ самому берегу, чтобы защищать высадку десанта; и такимъ образомъ джентльмены волонтеры, гренадерскія роты и три батальона гвардіи выступили на берегъ.

Джентльмены волонтеры не могли при этомъ случаѣ оказать никакого геройскаго подвига, потому что французы, долженствовавшіе препятствовать высадкѣ, бѣжали; фрегаты заставили маленькую крѣпость, нарушавшую спокойствіе рекогносцировки, замолкнуть, армія немедленно взяла ее приступомъ, плѣнивъ весь гарнизонъ и подстрѣливъ ему ногу. Я говорю ногу, потому что весь гарнизонъ состоялъ изъ одного стараго джентльмена, который храбро стрѣлялъ изъ двухъ маленькихъ орудій и говорилъ своимъ побѣдителямъ: еслибъ всѣ французы дѣйствовали, какъ онъ, то высадка въ Канкаль не удалась бы никакимъ образомъ.

Передовые отряды англичанъ овладѣли деревней Канкаль, гдѣ и простояли всю ночь подъ ружьемъ. Товарищи нашего волонтера трунили надъ его горячимъ стремленіемъ выступить на военную стезю и притащить нѣсколько французскихъ череповъ. Однакожь подъ его палицу не попало ни одной головы. Единственный убитый въ теченіе дня былъ какой-то французскій джентльменъ, проѣзжавшій мимо съ своимъ лакеемъ. Его встрѣтилъ волонтеръ лордъ Доунъ, командовавшій передовой ротой полка Кингсли. Милордъ Доунъ предложилъ этому джентльмену сдаться; но французъ безразсудно отказался, и потому онъ, его слуга и двѣ лошади были убиты наповаль.

На другой день былъ высаженъ весь десантъ, и британская армія перешла изъ Канкаля къ Сен-Мало. Всѣ деревни, мимо которыхъ она проходила, были опустошены. Дороги во многихъ мѣстахъ были такъ узки, что солдаты принуждены были идти другъ за другомъ въ одинъ рядъ; изъ-за высокихъ заборовъ ихъ бы можно было перестрѣлять поодиначкѣ, еслибъ только непріятель вздумалъ нарушить спокойствіе этого марша.

Въ сумерки армія подошла къ Сенъ-Мало. Прибытіе ея привѣтствовала городская артиллерія; но, по случаю темноты, безъ всякаго вреда. Подъ прикрытіемъ ночи, британцы зажгли корабли, деревянные зданія, амбары съ смолой, — словомъ произвели страшный пожаръ, продолжавшійся цѣлую ночь.

Этотъ подвигъ совершенъ былъ безъ всякой попытки со стороны французовъ остановить дальнѣйшее движеніе британскаго войска; но такъ какъ утвердительно говорили, что въ Сенъ-Мало находился значительный гарнизонъ, то герцогъ Марльборо и милордъ Джоржъ Саквилъ не рѣшились обезпечить его и сочли за лучшее воротиться въ Канкаль, а оттуда... оттуда опять на корабли.

Еслибъ это не была правдивая исторія, то автору развѣ трудно было бы послать нашего виргинца въ болѣе блистательную компанію? Ровно четыре недѣли спустя послѣ отплытія изъ Англіи, мистеръ Гарри Варрингтонъ снова очутился въ Портсмутѣ и отправилъ къ брату Джоржу письмо, съ которымъ послѣдній немедленно побѣжалъ въ улицу Динъ.

— Я принесъ вамъ чудесныя новости! вскричалъ онъ, заставъ семейство Ламберта за завтракомъ. — Богатырь нашъ возвратился. Онъ подвергался всякаго рода опасностямъ, но слава Богу, — остался живъ и невредимъ! — Онъ видѣлъ драконовъ — клянусь честью, видѣлъ.

— Драконовъ! — Что вы этимъ хотите сказать, мистеръ Варрингтонъ?

— Но ни одного не убилъ; впрочемъ, вы сами услышите. Вотъ что пишетъ онъ:

«Неоцѣненный братъ.

«Полагаю, тебѣ пріятно будетъ слышать, что я возвратился изъ похода, безъ производства въ чинъ, — безъ славы и ранъ, живымъ, здоровымъ и веселымъ. На кораблѣ у насъ была такая тѣснота, какъ у бѣднаго мистера Гольвеля и его пріятелей въ Калькутѣ. На обратномъ пути мы встрѣтили сильную бурю, многіе джентльмены-волонтеры, отдававшіе преимущество гладкой поверхности моря, сильно на это ворчали. Желудки джентльменовъ очень слабы; послѣ обѣдовъ Бранда и закусокъ Вайта, имъ крайне не понравились матросскіе сухари и ромъ. Что касается до меня, то, какъ бывалый уже въ морѣ, я оставался очень доволенъ своими раціонами; я рѣшился принимать довольный видъ передъ нашими англійскими фронтами и доказывать при каждомъ удобномъ случаѣ, что виргинскій джентльменъ нисколько не хуже cadaго изъ нихъ. Для чести и славы Виргиніи я бы желалъ чѣмъ нибудь похвалиться; но все, что могу сказать о себѣ, заключается въ томъ, что мы были во Франціи и воротились въ Англію. Даже для твоего *трагическаго пера* не найдется ни одного эпизода изъ нашей кампаніи, который бы можно было описать. 6-го іюня, по высадкѣ десанта въ бухтѣ Канкаль, мы увидѣли на небольшомъ возвышеніи нѣсколько драконовъ (*)....

— Слышите! Не правду ли я вамъ говорилъ, что онъ видѣлъ драконовъ? сказалъ Джоржъ, захохотавъ.

— Да скажите, пожалуйста, что онъ подразумѣваетъ подъ словомъ драконы? спрашиваетъ Гетти.

— Громальныхъ, длиннохвостыхъ чудовищъ, съ стальной чешуей, извергающихъ пламя изъ пасти и пожирающихъ ежедневно по одной молоденькой дѣвицѣ. Развѣ ты не читала о нихъ въ сказкѣ о Семи Богатыряхъ? возразилъ папа. Увидѣвъ знамя св. Георгія, они исчезаютъ.

— Я такъ читалъ, бойко отвѣчаетъ воспитанникъ изъ Шартро.— Они любятъ ѣсть женщинъ. Одинъ изъ нихъ, вы знаете, папа, хотѣлъ съѣсть Андромеду, а другаго, который стерегъ яблоню, убилъ Язонъ.

«...Мы увидѣли на небольшомъ возвышеніи нѣсколько драконовъ, продолжалъ Джоржъ: — которые усаkali отъ насъ безъ вы-

(*) Мистеръ Гарри Варрингтонъ не отличался особеннымъ знаніемъ правописанія и въ письмахъ свсихъ часто давалъ нѣкоторымъ словамъ двусмысленное значеніе. Такъ и теперь, вмѣсто того, чтобы употребить слово *dragoon*, драгунъ, — онъ написалъ *dragon*, драконъ.

печатаемыя изъ Россіи въ «Нордъ». — Праздники на различныхъ вилахъ. — Конскія скачки въ Красномъ Селѣ. Мои прохожденія по этому случаю. — Нѣсколько словъ по поводу прекратившихся журналовъ. — Сочиненія Бѣлинскаго. Томъ II. — Письмо въ редакцію «Современника» по поводу рецензіи «Основныхъ Законовъ Воспитанія», г. Миллера-Красовскаго). . . . 309

XII. — ПОЛИТИКА. (Неосновательность упрековъ, дѣлаемыхъ императору французовъ за Виллафранкскій миръ. — Рѣчь императора въ Севъ-Клу. — Негодованіе во Франціи и Италіи. — Напрасныя надежды итальянскихъ патріотовъ. — Урокъ для либераловъ). 343

Объявленія: 1) Отъ книжнаго магазина *А. П. Давыдова*. 2) Отъ музыкальнаго магазина *Бернарда*.

СОВРЕМЕННОЕ будетъ выходить и въ 1860 году въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца книжками отъ 20 до 25 печатныхъ листовъ и болѣе.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ,

въ С. Петербургѣ безъ доставки:	съ пересылкою или доставкою:
13 руб. серебромъ.	16 руб. 50 коп. серебромъ.

Съ ИСТОРИЧЕСКОЙ БИБЛИОТЕКОЙ

(выходящей четырьмя большими томами въ годъ):

20 руб. серебромъ.	21 руб. 50 коп. серебромъ
--------------------	---------------------------

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ:

Въ Конторѣ Современника, на Невскомъ проспектѣ, противъ Арсенала Аничкова дворца, въ домѣ Загрюнова, при книжномъ магазинѣ А. И. Давыдова.

ВЪ МОСКВѢ:

Въ Конторѣ Современника, на углу Большой Дмитровки, противъ Университетской типографіи, въ домѣ Загряжскаго, при книжномъ магазинѣ И. В. Базунова.

Гг. иногородные благоволятъ адресоваться съ своими требованіями ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО въ Контору Современника въ С. Петербургъ.

DATE DUE			
GAYLORD			PRINTED IN U.S.A.

PRINTED IN U.S.A.

THE UNIVERSITY OF ILLINOIS AT CHICAGO

3 8198 318 797 378

